

Сказание
о генерале Ермолове

«Что это за славный человек! Мало того, что умён, нынче все умны, но совершенно по-русски на всё годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, а не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчас положить на бумагу...»

А.С.Грибоедов

«...Предпочитаю называть просто Ваше имя и отчество, до того, впрочем, знакомое всем и значительное, что без прибавления даже Вашей фамилии всякий понимает, о ком говорят и что подразумевают. Этого никто ни дать, ни отнять не может. Не знаю у нас никого из живых, кто разделял бы с Вами это преимущество».

П.Х.Граббе

«Передо мной сидел человек, бравший с Суворовым Прагу, с Зубовым ходивший к Дербенту, с Каменским осаждавший турецкие крепости, один из главных бойцов Бородина и Кульма, гроза Кавказа!.. И после этого говорите против екатерининского века – он его чадо!»

П.И.Бартенев

«Славу его протрубили не пристрастные газеты, не реляции, которые пишутся в главных квартирах... славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь, и в воду и после, за мирным плетением лычных лаптей, повещавшие «чёрному народу», как «с Ермоловым было и умирать красно».

Н.С.Лесков

«С тех пор, как бородинские орудия возвестили Франции имя Ермолова, удивление и уважение к этому имени никогда не покинет меня».

Александр Дюма-отец

«Ермолов был неуступчив и шероховат в сношениях с высшими сановниками... резко писал и ещё резче говорил им свои убеждения, шедшие нередко вразрез с петербургскими взглядами, а сарказмы его, на которые он не скупился, задевали за живое многих сильных мира сего».

Д.И.Писарев

Вместо предисловия

Есть события и личности в истории, о которых можно и должно рассказывать, не дожидаясь наступления юбилейных и «круглых» дат. Та же война 1812 года – разве была она менее Отечественной, чем отражение гитлеровских орд? Так почему же сейчас считается вполне достаточным упомянуть о ней в годовщину Бор одинского сражения и в юбилеи несправедливо суженного круга причастных к славе русского оружия лиц? О том многолетнем противостоянии наполеоновским полчищам нам всё доподлинно известно? Все обстоятельства изучены, все необходимые уроки извлечены?

Да полноте! Спустя полтора столетия мы точно так же не смогли воспользоваться заранее оборудованными рубежами обороны. Это ли не параллель, не повод взглянуть на день сегодняшний: ужели перевелись на жизненно важных постах дураки, казнокрады и карьеристы – все те, кого герой этой книги, следуя народной традиции, именовал не иначе как немцами?

Ну да и они в долгу не остались – понавешали ярлыков на широкую грудь и спину Алексея Петровича. Современникам эти ярлыки не мешали в самобытной и яркой, противоречивой фигуре генерала Ермолова видеть отважного и решительного воина, тонкого дипломата, расчётливого военачальника, рачительного хозяйственника, последовательного и настойчивого благоустроителя вверенной его попечению беспокойной части Государства Российского. А в наши времена толерантности, политкорректности, безоговорочного уважения прав и свобод личности эти ярлыки засияли чуть ли не путеводными маяками. И уже звучат, уже с газетных полос перебираются в школьные учебники мимоходом брошенные обвинения в непомерном честолюбии, интриганстве, излишней и даже бессмысленной жестокости.

Сказание о генерале Ермолове

Фальсификация исторических фактов сродни мастерству шулера – трюк исполняется с выражением искренней невинности на лице. Именно потому в этой работе нет места ни старомодным, ни современным трактователям истории. Книга составлена преимущественно из прямых свидетельств непосредственных участников и очевидцев событий. Их рассказы порой отрывочны и не всегда восполняют друг друга, в них есть место дружескому пристрастию, неприязни, поспешности и даже опрометчивости суждений, но... все эти нюансы вполне очевидны для здравого ума, который не гонится за расхожими мнениями, а поверяет их, сопоставляя и анализируя.

Как ни объёмна эта книга, она не вместила и сотой части свидетельств о легендарном генерале Алексее Петровиче Ермолове. Если нам удалось пробудить интерес к постижению новых обстоятельств и подробностей, то добраться до них пытливому читателю не составит труда.

П. Каликин, А. Максимов

Глава первая

Происхождение и ранние годы (1777 – 1792)

«Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 24 мая 1777 года.

Отец его был небогатый помещик Орловской губернии, где и служил, между прочим, председателем гражданской палаты, а в последние годы царствования императрицы Екатерины II управлял канцеляриею графа Самойлова.

Мать Алексея Петровича, Мария Денисовна Давыдова, родная тётка известного партизана и поэта Давыдова, была в первом браке за Каховским, и от этого брака у неё был сын Александр. Оба её сына как бы с самым материнским молоком всосали способность не мириться ни с чем низменным по натуре. Мать Алексея Петровича, по выражению одного близкого её знакомого, «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почётные места в служебном мире».

**Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов.
Биографический очерк»**

Род Ермоловых

«Фамилию Ермоловы носят несколько родов, происходящих от разных лиц, принадлежащих к различным сословиям и по-разному проявивших себя в истории России. Наиболее известен род Ермоловых, который, согласно семейной легенде, включенной в Общий Гербовник Дворянских родов и тем самым официально признанной, начинается от Араслана-Мурзы-Ермолы (в крещении Иоанна), выехавшего из Золотой Орды к великому князю Московскому Василию Иоанновичу в 1506 году.

Первые документированные сведения о Ермоловых относятся к 1611 году, когда правнук Араслана Трофим Иванович был внесен в Боярскую книгу по Москве. В XVII веке представители рода служили дворянскую службу в провинции и в столице, многие из них получили московские чины (были жильцами, стряпчими, стольниками), несли воеводскую службу, участвовали в многочисленных военных походах (в том числе Чигиринском в 1677 г., Крымском 1687-89 гг.). Наиболее выдающимися представителями рода Ермоловых в эту пору были: Фёдор Романович, дворянин московский (1671-77), в 1673 году голова московских стрельцов; стольник Лев Романович; стольник Фёдор Романович и стольник Дмитрий Михайлович, участвовавшие в Крымском походе 1687-89 гг., и Пётр Михайлович, воевода в городе Яранске, брат последнего.

В XVII веке Ермоловы владели поместьями и вотчинами в Арзамасском и Алаторском уездах, к началу XVIII века расселились также в Кинешемском, Шацком, Муромском, Саранском, Курмышском, Нижегородском уездах...»

«Российский гуманитарный энциклопедический словарь»

Статья «Ермоловы»

«Родоначальник рода Ермоловых Араслан Мурза Ермола, при крещении наречённый Иоанном, в 1506 году выехал из Золотой Орды к великому князю Московскому Василию Иоанновичу. Правнук Араслана, Трофим Иванов сын Ермолов, в 1611 году вписан в Боярскую книгу по Москве. Осип Иванов сын Ермолов от царя и великого князя Михаила Фёдоровича (Романова) за Московское осадное сидение пожалован поместьями. В «Отдельные книги поместий Осипа, Трофима, Романа Ермоловых» говорится:

«...всего Трофиму Ермолову отделено Утишьё в деревне Круглинской, и за лесом в селе Черновском, и в деревне Олхимовке 308 чети в поле, а в дву по тому ж сена 420 копен, в оклад, в 400 в 50 чети... Да Осипу – ж отделено в Арзамасском уезде за Шатковским лесом, на реке Пьяне в селе Черновском пашни и перелогу дикова поля 76 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, земля добра, сена 150 копен». («Арзамасские поместные акты» (1578–1618). М., 1915, №208, 106 г., 30 июля, с.286)

И другие из рода Ермоловых верно служили российскому престолу дворянской службы стольниками и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями.

Ермоловы владели вотчинами во многих губерниях Российской империи, в том числе и Нижегородской (село Черновское).

Известно, что Иван Васильевич Ермолов участвовал в Казанском походе третьим воеводою шестого сторожевого полка, а также в шведском походе 1549 года третьим воеводою шестого передового полка. Принимал он уча-

стие и в Полоцком походе 1551 года.

Костромской дворянин Василий Богданович Ермолов умер от ран, полученных при осаде Смоленска, в 1634 году.

Иван Степанович Ермолов, возведённый в московское дворянство и пожалованный чином стряпчего, служил в Симбирском полку князя Я.Ф.Долгорукого. После его смерти в 1694 году наследником имений становится сын Фёдор Иванович Ермолов. Он был одним из богатейших помещиков Нижегородской и Симбирской губерний. Фёдор Иванович служил в лейб-гвардии Измайловского полка. Оставил службу в чине поручика.

Родственником владельцев Черновского был прославленный боевой генерал, герой Бородина Алексей Петрович Ермолов».

**В.М.Смирнова, учитель истории
Черновской средней школы**

«...В XVIII веке представители рода по-прежнему занимают посты на военной и статской службе. Леонтий Петрович (ум. 1739 г.) – стольник и воевода в Елатье, его брат капитан Михаил Петрович (род. 1691 г.) участвовал в Крымской кампании 1730-х гг. (в частности, при взятии Перекопа, Бахчисарая, Очакова), в Днепровском и Хотинском походах. Владимир Леонтьевич (род. 1704 г.) – полковник, затем статский советник, исполнял должность Белгородского вице-губернатора. Его брат Алексей Леонтьевич (род. 1714 г.) – полковник, депутат комиссии о сочинении проекта Нового Уложения в 1769 г., в 1778 г. - представитель палаты уголовного суда в Новгородском наместничестве, действительный статский советник. Их брат Пётр Леонтьевич – надворный советник, в 1765 г. – прокурор в Вологде. С конца XVIII века и на протяжении всего XIX века род Ермоловых выдвинул целую плеяду военачальников русской армии. Среди них - генерал-майор Николай Алексеевич (род. 1756 г.), участник военной кампании 1782–83 гг., завершившейся покорением Крыма, и шведского похода 1790 г., и его брат генерал-майор Сергей Алексеевич (1763–1818), участник походов в Финляндию, Молдавию и Бессарабию 1806–11 гг.; майор Дмитрий Алексеевич (1765–1809) и полковник Александр Алексеевич (род. 1766 г.), отличившиеся храбростью при взятии Очакова в 1788 году. Наиболее известен Алексей Петрович. Военными были и его сыновья от браков с черкешенками, возведенные за выдающиеся заслуги в дворянское достоинство. Генерал-майор Пётр Николаевич (1787–1844), участник Отечественной войны 1812 г. и военных операций русской армии в 1818 г. и 1822 г. в Дагестане, в 1818 г. был послом в Персии. Его брат генерал-лейтенант Сергей Николаевич (1798–1856) принимал участие в кавказских кампаниях 1822–25 гг., войне против Персии 1826–29 гг., в 1847 г. был назначен Тифлисским военным губернатором, а в 1849 г. - Витебским воен-

Сказание о генерале Ермолове

ным, а затем и гражданским губернатором. Третий брат генерал-майор Дмитрий Николаевич (1805–72). Генерал-майор Михаил Александрович (1794 – ум. в 1850-х гг.), сын генерал-майора Александра Петровича (1754–1834), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, автор ряда научных трудов на французском языке и переводчик повести «Выстрел» А.С.Пушкина на французский язык, женившись на дочери французского генерала графа де Лассаля, переселился во Францию и стал родоначальником французской ветви Ермоловых. Генерал-лейтенант Григорий Петрович (род. 1834 г.) известен как участник войны 1853–56 гг. Генерал-лейтенант Николай Сергеевич (род. 1853 г.) участвовал в турецкой кампании 1877 г., во время испано-американской войны был командирован в США, затем был военным агентом России в Великобритании. С конца XVIII века представители рода Ермоловых играют видную роль в губернских дворянских корпорациях. Породнившись с влиятельными дворянскими фамилиями (в первую очередь с Языковыми), составляли губернскую элиту. Многие из них занимали должности уездных предводителей дворянства, а некоторые – губернских. Наиболее активна в этом отношении симбирская ветвь Ермоловых. Действительный статский советник Александр Фёдорович (род. 1743 г.) с 1802 г. на протяжении 18 лет был Симбирским губернским предводителем дворянства. Его двоюродный брат Пётр Алексеевич (род. 1746 г.), женатый на Марии Денисовне Давыдовой, состоял предводителем дворянства Мценского уезда, затем председателем палаты Гражданского суда Орловского наместничества. Александр Иванович (род. 1810 г.), действительный статский советник, состоял предводителем дворянства Симбирской губернии (1858–70). Алексей Михайлович (1837–1911) был пионером земского дела в Нижегородской губернии, в 1867–72 гг. занимал должность председателя губернской земской управы. Статский советник Пётр Александрович (1839–87 гг.) и его двоюродный брат, гофмейстер Высочайшего Двора Дмитрий Фёдорович (род. 1855 г.), были предводителями дворянства Сенгилеевского уезда. Алексей Сергеевич (род. 1847 г.), известный автор многочисленных работ по экономике сельского хозяйства и капитального труда «Народная мудрость в пословицах, поговорках и приметах», с 1894 по 1905 годы был первым министром земледелия и государственных имуществ, с 1905 г. – член Государственного Совета. Своей благотворительной и общественной деятельностью приобрела известность камер-фрейлина Екатерина Петровна (1829–1910). Состояла попечительницей Московского городского женского Арбатского училища и городского сиротского Мазуринского приюта, основала приют-ясли для рабочих в Москве. Во время Русско-японской войны (1904) была помощницей великой княгини Елизаветы Фёдоровны в дамском комитете Российского общества Красного Креста и в обществе помощи погорельцам Москвы и Московской губернии. Была награждена орденом Святой Екатерины меньшего

креста. В поколенной росписи, составленной Александром Ермоловым в начале XX в., зафиксированы 222 мужчины и 113 женщин в 16 поколениях. Род Ермоловых был внесен в родословные книги дворян Воронежской, Казанской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Рязанской, Санкт-Петербургской, Симбирской и Тульской губерний.

Существуют ещё несколько ветвей дворян Ермоловых, возможно, некоторые из них принадлежат роду, происходящему от Араслана-Мурзы. Одну из них образует потомство Семёна Степановича Ермолова (род. 1761 г.), помещика Изюмского уезда, участника турецкой войны 1788–91 гг. и взятия Измаила, родоначальника харьковской ветви дворян Ермоловых. Его сын генерал-лейтенант Николай Семёнович (1800–64) был в походах против горцев (1830-е гг.). К однофамильному роду принадлежит актриса Мария Николаевна Ермолова».

**«Российский гуманитарный энциклопедический словарь»
Статья «Ермоловы»**

Описание герба рода Ермоловых

«Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в правом, лазуревом поле изображены три золотые пятиугольные звезды – одна вверху и две внизу; в левом красном поле видна из облака выходящая рука с мечом. На нижней половине гербового щита, в серебряном поле поставлено на земле дерево и, по сторонам его, слева – лев, справа – единорог. Щит увенчан дворянским шлемом и короною.

Намет голубого и красного (справа) цветов с подбивкою золотом. Щит держат слева – единорог, справа – лев».

**«Общий гербовник дворянских родов
Всероссийской империи». Часть V, стр. 44.**

Пётр Алексеевич Ермолов

Старинный дворянский род Ермоловых не мог не быть представленным в энциклопедии «Дворянские роды, прославившие Отечество». В XIX веке наиболее яркими его представителями были видный военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (а затем генерал от артиллерии), герой Отечественной войны, заграничных походов русской армии 1813–1814 годов, один из выдающихся деятелей Кавказской войны Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) и его двоюродный племянник, известный государственный деятель и учёный-агроном, министр земледелия и государ-

ственных имуществ, основатель курортного Сочи и попечитель Императорского Александровского лицея Алексей Сергеевич Ермолов (1847–1917).

Что касается XVIII столетия, то в книге отмечены двоюродные братья – фаворит императрицы Екатерины II, генерал-поручик, действительный камергер Александр Петрович Ермолов (1754–1834) и статский советник Петр Алексеевич Ермолов, одно время управлявший канцелярией генерал-прокурора страны графа А.Н.Самойлова. Нам он больше известен как отец знаменитого генерала, крупный орловский чиновник, владелец мценского села Лукьянчиково и сохранившегося в Орле одноэтажного деревянного дома, увековеченного мемориальной доской.

1 июля исполнилось 260 лет со дня его рождения. Это хороший повод для того, чтобы рассказать подробнее об этом незаурядном человеке, большая часть жизни которого прошла на орловской земле. Последнее пристанище он обрел в одном из склепов фамильной усыпальницы, находящейся в правом приделе Свято-Троицкой церкви города Орла.

Артиллерии майор

В роду Ермоловых самыми распространенными именами были Алексей и Пётр. Дед, Леонтий Петрович, воспитавший пятерых сыновей, служил адъютантом при генерале князе Н.И.Репнине. Отец же, действительный статский советник Алексей Леонтьевич (1714–1791), в шестидесятые годы назначался комендантом Киева и Чернигова, а после образования губерний – председателем Новгородской и Воронежской палат уголовного суда. От первого брака (с Федосьей Николаевной Алексеевой) у него были дочь Александра и сын Пётр, родившийся 20 июня 1746 года в Москве на Остоженской улице.

Когда мальчику исполнилось девять лет, его по установившейся традиции определили на военную службу. Точнее говоря, записали сержантом в артиллерийский корпус. В 1763 году он уже штык-юнкер, через два года - подпоручик. В самом начале 1770-х годов исполнял обязанности квартирмейстера.

Среди служебных бумаг Петра Алексеевича в Российском военно-историческом архиве сохранилась датированная 21 марта 1773 года «квитанция конторы Артиллерийской и Фортификационной поручику Петру Ермолову в отчёте по счётным спискам комиссии артиллерии в Орле 1771–1772 гг.». Это самое раннее упоминание о пребывании отца полководца в городе, с которым будет связана почти вся последующая его жизнь.

Незадолго до выхода в отставку он женился на Марии Денисовне Каховской (в девичестве Давыдовой). Дочь орловского помещика лейб-гвардии секунд-ротмистра Дениса Васильевича Давыдова, она доводилась теткой поэту пушкинской плеяды, военному писателю и гусару-партизану Денису Давыдову. От первого брака у Марии Денисовны был сын Александр, возглав-

лявший позже офицерский политический кружок, членом которого стал и его единокровный брат Алексей.

Увольнение Петра Ермолова с военной службы «за болезнью» с чином артиллерии майора состоялось 18 февраля 1777 года, за три с половиной месяца до рождения единственного сына Алексея. В конце следующего года семья Ермоловых пополнилась дочерью Анной.

В мценском селе

Супруги Ермоловы решили обосноваться в селе Лукьянчикове Мценского уезда, куда Мария Денисовна перевела 12 дворовых и 33 крестьянина, купленных в 1771 году у своего отца из принадлежавшего ему мценского же села Знаменское. А Пётр Алексеевич переселил в Лукьянчиково крестьян из своего сельца Лапино Ружского уезда Московской губернии. В августе 1779 года он получил межевое свидетельство на пустошь Вепринцево, находившуюся поблизости от Лукьянчикова. После перевода сюда крестьян она стала называться деревней Вепринцево.

Летом 1781 года Ермолов вынужден был обратиться в Орловскую палату гражданского суда по поводу своего поручительства перед московским банком за свою мачеху Марию Александровну (овдовев, отец в 1755 году женился на М.А.Гурьевой, урожденной Загряжской, от которой имел пятерых сыновей и двух дочерей). В палату Петр Алексеевич представил «верющее письмо» (доверенность) на имя старшего брата отца - статского советника В.Л.Ермолова и собственноручное подтверждение того, что оно - письмо - написано им лично.

«Милостивый государь, дядюшка Владимир Леонтьевич, – писал он 13 августа 1781 года, – в прошлом 1780-м году поручился я в московском государственном банке по мачехе моей Марье Александровне, по жене отца моего, действительного статского советника и Воронежского наместничества палаты Уголовного суда председателя Алексея Леонтьевича Ермолова в тысяче рублей, то, когда срок придет и надобно будет его пересрочить, в таком случае покорно прошу Вас, милостивого государя, с тем же недвижимым имением, которое и в прошлом году было по поручительству заложено, вместо меня поручиться и в обязательстве расписаться...»

В конце «верющего письма», читать которое одно удовольствие для исследователей малоизученной биографии отца полководца, стоит его автограф: «К сей копии и сказке (т.е. к подтверждению, что доверенность написана им самим) артиллерии майор Пётр Алексеев сын Ермолов руку приложил, а длинное письмо к себе взял того ж числа».

Через два месяца он подготовил новую доверенность, адресованную «Ружского уезду сельца его Лапина старосте Никифору Иванову»: «Как у меня

Сказание о генерале Ермолове

в оном сельце имеются крепостные мои крестьянские девки, то тебе оных желающим для покупки людям отпустить в замужество на вывод за настоящую цену и на оных от имени моего выводные давать и как там в крепостных книгах расписаться...»

Думается, читателя не должна смущать упомянутая в документе продажа людей. Крепостное право в России будет отменено только через 80 лет, а отставной Пётр Ермолов был сыном своего времени.

От него, человека умного и несколько сурового в обращении с людьми, знаменитый сын унаследовал «серьёзный, деловой склад ума». А живое остроумие и колкость языка перешли к нему, как и к Александру Каховскому, от Марии Денисовны, которая, по выражению современника, «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почётные места в служебном мире»...

«...Одним из самых ярких детских впечатлений Алексея Петровича было пребывание в родительском доме. «У нас была печка оштукатуренная, – тепло вспоминал он, – и на ней была нарисована Церера (богиня земледелия и плодородия) с рогом изобилия. Только штукатурка-то треснула, трещину и замазали глиной. В этом виде я помню эту фигуру и направление трещины, а мне было всего только 4 с половиною года...»

Эти воспоминания героя Отечественной войны относятся к концу 1781 года и, очевидно, к усадебному дому в Лукьянчикове.

Уездный предводитель дворянства

Проявив себя образцовым хозяином и авторитетным человеком, Пётр Алексеевич в 1782 году был избран на трехлетний срок мценским уездным предводителем дворянства. В том же году в стране проходила четвертая перепись податного населения, называемая ревизией. В «ревизских сказках» (списках дворовых людей и крестьян) указывались владельцы того или иного населенного пункта, каким образом достались им крепостные, «с показанием истинного числа раз-

*«Орловский губернатор захотел посетить больную Марию Денисовну. Недугу не помогал предписанный доктором крепкий уксус четырех разбойников. – «Да доставили ли вам действительно настоящий уксус четырех разбойников?» - спросил губернатор. – «Помилуйте, А.В., да где же взять лучшего, я послала к **** (причём она назвала четырех лиц из губернаторских властей), где же найти ещё больших разбойников?»*

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«...во что обмакиваете Вы перо Ваше, потому что с него стекают не чернила, а желчь».

Из письма Д.В. Давыдова А.П. Ермолову

ными случаями убылых и после (предыдушей) ревизии вновь рожденных и прибылых».

Село Лукьянчиково Мценской округи (уезда) представляло собой две вотчины, принадлежавшие раздельно Петру Алексеевичу и Марии Денисовне Ермоловым. Староста первой из них, Семён Степанов, «по силе состоявшегося в 1781 году ноября 16 дня Ея императорского величества и в народ опубликованного манифеста, с ведома господина моего» указал, что за ним в селе числится 149 крестьян вместе с дворовыми людьми, из них 78 мужского пола.

А староста вотчины Марии Денисовны Иван Игнатов сообщил ревизионной комиссии, что за его госпожою значится 45 крестьян обоего пола, в том числе 12 дворовых людей, в обязанности которых входило не обрабатывание господской земли, а содержание усадебного дома, конюшни, скотного двора и других хозяйственных построек. Помните, у Пушкина: «Вот бегаёт дворовый мальчик...»? Речь идет о сыне дворового человека, которому не обязательно играть во дворе.

Выбранный уездным предводителем дворянства, Петр Алексеевич стремился упрочить свое имущественное положение. В 1783 году он неоднократно обращался в мценский уездный суд по вопросу регистрации купленных им по соседству с Лукьянчиковым земель.

В одном из его прошений читаем: «Бьёт челом мценский помещик артиллерии майор Пётр Алексеев сын Ермолов, а в чём мое челобитье, тому следуют пункты: сего 1783 года октября 12 дня мценский помещик капитан Илья Леонтьев сын Борзенков продал мне крепостную свою землю, состоящую прежде в Орловском уезде, что ныне в отделенной части Мценской округи, в урочище на реке на Большой Оптухе по обе стороны в гору Оптухи до Морачева броду... земли с лесом и с санными покосами и со всеми угодьями пять четвертей шесть четвериков с половиной с пятой долей четверика (мера площади четверть равнялась 0,5 десятины или 8 четверикам)...» За указанную землю Пётр Алексеевич заплатил десять рублей.

В.Власов, «Отец полководца» («Орловский вестник»)

История села Черновское Нижегородской области

Название села

Черновское село на реке Пьяне, одно из старинных поселений Нижегородской области, возникшее не позднее XVI века, название получило, по всей вероятности, от чёрных (лиственных) лесов, некогда окружавших это село.

Очевидно, в какое-то время село, возможно, называлось Покровским. С названием его связано одно предание.

Когда Екатерина II объезжала империю, то на её пути встало и нынешнее Черновское. К визиту матушки государыни тщательно готовились. Навели мосты, дорогу замостили дубовыми брёвнами, чтобы никакой дождь не развёз густой и жирный чернозём просёлка. (Когда австрийские пленные солдаты после Первой мировой войны прокладывали через село дорогу, дубовые брёвна в некоторых местах выворачивались из земли). Но Екатерине всё же не повезло. Сказывают, что при въезде в село её карета искупалась в чёрной жиже, после чего императрица в гневе воскликнула: «Какое же это Покровское? Это Черновское!» И с тех пор зовётся село Черновским.

Но это всего лишь предание, которое передаётся в Черновском из поколения к поколению. Но П.П.Трубе в книге «Географические названия Горьковской области» пишет о том, что документы XVIII века свидетельствуют, что село действительно называлось Покровским. Пребывание же Екатерины II в Черновском - это исторический факт.

Первые сведения о селе

1552 год – Поход Ивана Грозного на Казань. Десятый «стан» Ивана Грозного был «на озере на Дубровке, на берегу Пьяны в четырёх верстах от села Черновское, где и был основан монастырь, названный Никольским». Ныне на месте монастыря находится часовня (д. Ниловка).

1576 год – Введение воеводского правления в Арзамасском уезде, куда входило село Черновское.

1576 год – Село Черновское становится волостным центром Арзамасского уезда.

1593 год – Первое упоминание в историческом документе о селе Черновском. («Лета 7101 генваря в 24 день... А книги межевые писал церковный дьячок от Николы Чудотворца из Ыванова поместья Ермолова ис Чернавскова Меншута Онфилов». Арзамасские поместные акты 1578–1618).

XVII век - Владеет селом Черновское стольник Дмитрий Михайлович Ермолов.

В.М.Смирнова, учитель истории Черновской средней школы

«Первоначальным учителем А.П.Ермолова был их же крепостной дворовый человек по имени Алексей, который по букварю и с знаменитою указкою учил грамоте будущего великого полководца.

Отец Ермолова был слишком занят службою, чтобы заниматься сыном; сведущего учителя, которые были тогда и редки и дороги, он не мог ему нанять по недостатку средств, а потому и поместил его сначала в семейство своего родственника, орловского же помещика Щербинина, а потом в дом Ле-

вина. Отеческие же заботы о воспитании сына ограничивались тем, что он с малолетства твердил ему о необходимости усердной и ревностной службы.

Неопределенность положения Алексея Петровича Ермолова в семье его родственников заставила отца его отправить сына в Москву, в университетский благородный пансион, где он и был сдан на руки профессору Ивану Андреевичу Гейму.

Образование, стоявшее в то время вообще на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины приняло ещё более ложное направление от нашествия в Россию иностранцев, и в особенности французов. Из всех тогдашних преподавателей не много таких, которых нельзя было, по всей справедливости, назвать шарлатанами или невеждами.

– Бедное состояние семьи моей, – говаривал Ермолов, – не допустило дать мне нужное образование. Вознаградить впоследствии недостатка знаний не было времени. (Хотя, добавим от себя, Алексей Петрович Ермолов читал очень много и обладал начитанностью довольно замечательною).

– Шарлатаны, – говаривал он также, – учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: Paris, capitale de la France... cherchez, mes enfants! {Париж, столица Франции... ищите, дети мои! (франц.)} – потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж».

**Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов.
Биографический очерк»**

«Занятый службою, отец Ермолова не имел времени сам заниматься с сыном, а нанять для него сведущего учителя не было средств: такие учителя в то время были очень дороги. Свое участие в воспитании сына старик ограничил тем, что с самого малолетства внушал ему служить со всевозможным усердием и ревностию. “Твердил я ему также, – писал впоследствии Пётр Алексеевич, – что когда требует государь и отечество службы, служить, не щадя ничего, не ожидая награды, ибо наша обязанность только служить”».

**Н.Ф.Дубровин, «Алексей Петрович Ермолов
при его назначении на Кавказ»**

«Увы, мы почти ничего не знаем о... первом учителе, даже его фамилию. Единственное, что можно определить, – это его отчество и возраст.

Обратимся для этого к материалам четвертой переписи населения. Староста села Лукьянчиково Иван Игнатов подал в ревизскую комиссию список дворовых людей села. В нём, как обычно, вместо их фамилий указывалось

усечённое отчество. В списке значился Алексей Степанов. Несомненно, это первый учитель полководца, так как других Алексеев в том перечне нет. В 1782 году, когда проходила перепись, ему исполнилось 22 года. Значит, разница в возрасте Алексея Степановича и его ученика составляла 17 лет».

В.Власов, «Отец полководца»

«Алексей Петрович сначала учился у дворового служителя Алексея по букварю с резною указкою, расписанной синими фигурками. Потом поступил он в богатый дом одной вдовы, где он был какой-то неопределённой фигурой, потому что тут же был один возлюбленный племянник. Дама эта была вдова наместника; она, как и все подобные ей особы того времени, была пропитана чванностью. Тогдашние наместники избирались лично самою императрицею Екатериною; способности и знания их были известны как нельзя лучше; доверенность к ним была неограниченна; они управляли губерниями двумя, тремя и более. Это были совершенные сатрапы персидские. Такое положение, естественно, увеличивало гордость в родственницах и супругах этих особ».

**М.П.Погодин, «Алексей Петрович Ермолов.
Материалы для его биографии»**

«Наместником, о вдове которого идет речь, был генерал-поручик Евдоким Алексеевич Щербинин, приходившийся Ермоловым дальним родственником. Это был человек далеко не заурядный. В 1778–1779 годах он исправлял обязанности наместника Смоленского и Орловского, а в 1779–1781 годах – Харьковского и Воронежского. Это был образец талантливого екатерининского администратора. Человек образованный, он был любитель музыки и искусств вообще. Будучи губернатором Слободско-Украинской губернии, покровительствовал мудрецу и философу Григорию Сковороде.

Он умер в 1783 году, когда Ермолову было шесть лет. Если верить данным Погодина – а не верить им нет оснований, поскольку они почерпнуты из рассказов самого Ермолова, – то Алексей Петрович попал в дом Щербининых уже после смерти Евдокима Алексеевича.

Характер человека проявляется уже в детстве. Одной из определяющих черт ермоловского характера было повышенное самолюбие и уязвимость. И легко себе представить, как мучительно было ему сознавать двусмысленность своего положения в доме Щербининых, где двусмысленность эта уже не искупалась возможностью общения со столь незаурядной личностью, какой был покойный хозяин дома.

Не вдаваясь в психоаналитику, можно с уверенностью сказать, что эта детская травма – холодность родителей («Отец Ермолова был слишком занят службою, чтобы заниматься сыном», – писал Лесков в очерке, посвященном Ермолову), унижительная зависимость от высокомерной вдовы Щербининой – долго требовала компенсации, провоцируя страстное желание доказать свое превосходство над жестокими обстоятельствами, формируя то саркастическое высокомерие, о котором писали даже расположенные к Ермолову современники».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя». (*Журнал «Звезда»*)

Московский университетский пансион

Благородный пансион при Московском университете был открыт в 1779 г. куратором М.М.Херасковым для проживания детей провинциального дворянства «на полном пансионе» и обучения их по университетской программе, что позволяло готовить их к поступлению в университет. Расцвет Благородного пансиона начинается с 1791 г., когда его инспектором был назначен профессор А.А.Прокопович-Антонский. По его инициативе для пансиона был приобретен и перестроен дом на углу Тверской улицы и Газетного переулка (в этом переулке находилась знаменитая университетская типография Новикова и выпускалась газета «Московские ведомости»).

Образование в Благородном пансионе носило энциклопедический характер с уклоном в развитие литературного вкуса и дарований воспитанников. Число пансионеров быстро росло, на учёбу сюда приходили и многие отпрыски столичного дворянства, к первому десятилетию XIX века количество воспитанников достигло 300 человек. Занятия с ними вели лучшие профессора Московского университета (особую любовь среди них снискал профессор российской словесности А.Ф.Мерзляков). Пансион часто навещали маститые литераторы (Н.М.Карамзин, И.И.Дмитриев), с 1811 г. здесь происходили заседания основанного при университете Общества Любителей Российской Словесности.

В свою очередь, и сам пансион стоял у истока многих будущих открытий русской литературы. В пансионских изданиях увидели свет первые стихотворения В.А.Жуковского и М.Ю.Лермонтова, в разные годы здесь воспитывались братья Тургеневы, А.С.Грибоедов, В.Ф.Одоевский, С.П.Шевырёв, Д.В.Веневитинов, будущие государственные деятели (среди которых А.П.Ермолов, Д.В.Дашков, братья Милютины), многие декабристы. В качестве элитарного дворянского учебного заведения Благородный пансион послужил непосредственным прообразом Царскосельского лицея.

«История Императорского Московского университета»

«Я слышал от людей, знавших Ермолова в молодости, что он всегда любил серьёзное чтение и хорошо знаком с классиками. При этом он не терпел пьянства и картёжничества; последнее он строго преследовал, хотя страсть эту очень трудно вывести между его соотечественниками. Это единственная вещь, где он выказывал нетерпимость, особенно если чувствовал некоторое уважение к лицу, имевшему этот порок».

Д.И.Писарев

Иван Андреевич Гейм

Профессор Московского университета. Родился в Германии в 1758 г., учился в Геттингенском университете. В 1779 г. в качестве гувернера при сыне А.А.Лопухина переселился в Россию, определился лектором немецкого языка и классических древностей, потом был профессором и инспектором благородного пансиона, читал на русском языке историю и статистику. Умер в 1821 г. Гейм оставил целый ряд географическо-статистических трудов: «Versuch einer vollständigen geographisch-topographischen Encyclopedie des Russischen Reichs» (1) (Геттинген, 1796), «Руководство к коммерческой науке» (М., 1804), «Начертание всеобщего землеописания» (М., 1811 и 1817-1819), «Опыт начертания статистики главнейших государств» (М., 1821) и др. Во всех этих трудах Гейм является последователем направления, известного под именем университетской статистики и выразившегося в трудах Ахенвалля и Шлецера. Другая область трудов Гейма относится к практическому языковедению: «Russische Sprachlehre für Deutsche» (2) (М., 1789), перевод на польский и финский яз. «Словарь немецко-русско-французский» (М., 1796-97) и др. Кроме того, Гейм написал: «Ueber den Zustand der Wissenschaften in Russland unter Paul I» (3) (М., 1799; и на русск.) и составил «Каталог библиотеки гр. А.К.Разумовского». В 1810-11 гг. издавал «Moscovitische Zeitung» (4).

(1) – «Попытка полной географически-топографической энциклопедии Русской империи» (нем.)

(2) – «Обучение русскому языку для немцев» (нем.)

(3) – «О состоянии наук в России при Павле I» (нем.)

(4) – «Московская газета» (нем.)

«Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона»

«Много лет спустя, уже будучи генералом, Ермолов не проезжал Москвы без того, чтобы не посетить старика Гейма, которому был обязан развитием любви как к естественным наукам, так и к изящной словесности и живым и мертвым языкам. Математике он учился у педагога Крупеникова, блестяще овладев всеобщей арифметикой и искусством землемерия, или геометрией».

О.Н.Михайлов, «Генерал Ермолов»

Антон Антонович Прокопович-Антонский

Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762 [Год рождения Прокопович-Антонского точно не установлен: указывают еще 1753 и 1771 гг., но последний следует признать безусловно неверным, ввиду последующих точно известных годов.] – 1648) – писатель, воспитанник Киевской духовной академии и Московского университета, где занимался преимущественно науками медицинскими и естественными; будучи профессором того же университета, первый преподавал «натуральную историю» на русском языке и сельское хозяйство (кроме того – энциклопедию и минералогию). В Благородном университетском пансионе Прокопович-Антонский был инспектором, потом директором и много сделал для улучшения пансионского воспитания и образования. В качестве «визитатора» он посещал училища в Московской и других губерниях и всюду старался способствовать их развитию. В последние годы жизни заведовал земледельческой школой московского Общества сельского хозяйства, а также изданием журнала и трудов его; был вторым вице-президентом; состоял членом и председателем возникших тогда при Московском университете обществ: «Общества русских ученых», «Общества любителей русской словесности» (принимал самое деятельное участие в издании 26 томов «Трудов» Общества), «Собрания университетских питомцев» и «Собрания питомцев университетского благородного пансиона.

«Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона»

«Из пансиона, по переселении родителя из Москвы, он попал в Петербург, к знаменитейшему того времени математику Лясковскому, ученому, но в то же время и педанту. Однако он заслужил его привязанность и платил ему тем же».

М.П.Погодин, «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии»

«Не успехи, а лета определяли окончание воспитания; кто искал репутации образованного молодого человека – на что тоже установилась мода, – тот в 14 лет уже садился за энциклопедистов. Вольтер и Руссо были настольными книгами; главное дело состояло в том, чтобы прочесть их, а потому это знание не много оставляло следов. «При тогдашних нравах тогдашнее юношество в скромных французских романах находило ближайшее и непосредственное применение к делу».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

Глава вторая

В армии (1792–1798)

«Когда по окончании курса учения пятнадцатилетний Ермолов явился в Петербург в чине сержанта Преображенского полка, то, поступив на действительную службу, он по недостатку денег не в силах был тянуться за прочими гвардейскими офицерами, державшими и экипажи и огромное число прислуги, а потому стал искать для себя другого рода службы. 1 января 1791 года Ермолов был выпущен капитаном в Нижегородский драгунский полк, слава которого впоследствии гремела на Кавказе в течение целого полувека. Ермолов тотчас же отправился в Молдавию, где стоял тогда этот полк. Командиром полка в то время был двадцатилетний племянник шефа полка, графа Самойлова, Н.Н.Раевский, преставившийся впоследствии в войну 1812 года.

В бытность свою в этом полку Алексей Петрович познакомился несколько с артиллериею. При полке находились полковые пушки, имевшие, как у дяди юного Гамлета, одно специальное назначение, стрелять «в знак осушения бокалов». Раевский возымел мысль дать им более целесообразное назначение: он переделал лафеты и переменял расчёт прислуги. За всем этим Ермолов тщательно следил и приспособлялся, но едва только он стал привыкать к фронтовой службе, как вдруг был вызван опять в Петербург по случаю назначения его адъютантом к графу Самойлову».

**Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов.
Биографический очерк»**

«Как тогда было принято, ещё в младенчестве Ермолов был записан в военную службу: в 1778 г. уже числился каптенармусом лейб-гвардии Преображенского полка, а вскоре – сержантом этого полка. Начал А.П.Ермолов во-

Сказание о генерале Ермолове

енную службу в 15-летнем возрасте: в 1792 г. он был привезён в Петербург, произведён в капитаны и зачислен в Нежинский драгунский полк старшим адъютантом к генерал-поручику А.Н.Самойлову».

В.А.Федоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«При сильнейших связях и покровительстве со временем получалось разрешение записывать детей только унтер-офицерскими чинами, потому что, хотя отпущенные на дом для обучения в чины не производились, но по поступлению на службу им оставалось менее до производства в офицеры; многие были даже прямо записываемы сержантами, как, например, князь Михаил Семёнович Воронцов, бывший фельдмаршал. Наконец, дабы ещё облегчить скорейшее производство в офицеры, при особенной протекции можно было зачисляться в полк на действительную службу и оставаться дома, получая от полка ряд непрерывных отпусков. К числу таких принадлежал и А.П.Ермолов... Вся тяжесть службы лежала на бедных дворянах и на поступивших из податного сословия. <По прибытии в Петербург> он явился в полк, да раза два потом был в казармах. <...>

Желание участвовать в военных действиях начинало уже волновать А.П.: он достиг желаемого: 1-го января 1791 года он был произведён <из поручиков гвардии> прямо в капитаны Нижегородского полка и, кажется, вместе с Н.Н.Раевским, уехал в полк. В дядьки к нему был назначен капитан Пышницкий, почтенный, опытный и храбрый офицер, который в чине генерала приобрёл известность во время кампаний 1813 и 1814 годов».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«Ермолов был поручен ещё в войну 1794 года капитану Низовского полка полковнику Ророку, который, в свою очередь, передал его капитану того же полка Пышницкому (впоследствии начальнику дивизии)».

Д.В.Давыдов, «Военные записки»

«Раевский, сперва семёновский офицер, потом ратовавший с казаками в Турции, больше хлопотал об артиллерии, нежели наши три последние генерал-фельдцейхмейстера».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«...Раевский служил в Нижегородском драгунском полку в чине премьер-майора с февраля 1789 по сентябрь 1790 года, когда стал подполковником

Сказание о генерале Ермолове

и командиром полка Большой Гетманской Булавы. (Если Ермолов в январе 1791 года и в самом деле уехал в полк вместе с Раевским, то это значит, что тот был в отпуске в Петербурге.) Нижегородским драгунским полком Раевский командовал с июня 1794 по 1796 год.

Стало быть, служить у Раевского в Нижегородском полку Ермолов не мог.

Тут надо внести существенную поправку в сообщение Ратча о зачислении Ермолова в 44-й Нижегородский драгунский полк. Дело в том, что он не просто был зачислен в полк, шефом которого был генерал-поручик граф Самойлов, но, судя по его собственному утверждению в просьбе об отставке 1827 года, числясь капитаном этого полка, получил должность старшего адъютанта в штабе Самойлова, командовавшего крупными соединениями, которые входили в армию Потёмкина. То есть, как только Ермолов начал действительную службу, Самойлов приблизил его к себе.

В качестве старшего адъютанта штаба он мог находиться в любом месте, указанном ему генерал-поручиком. <...>

В полку Большой Гетманской Булавы было 20 орудий. Вот этот-то артиллерийский парк Раевский и мог совершенствовать при участии любознательного Ермолова, уже имевшего со времён Благородного пансиона некоторые познания в области артиллерийского дела.

Именно тогда Самойлов мог по-настоящему узнать и оценить Ермолова. И в этом случае не Алексей Ермолов стал адъютантом Самойлова по протекции своего отца, а, скорее, наоборот. Приблизив сына, Самойлов, вернувшись в столицу и получив ответственный пост, мог вспомнить об отце своего адъютанта, Петре Алексеевиче Ермолове, которого он знал, разумеется, и раньше.

<...> Автор содержательной и построенной на новом и важном материале книги, в которой и приведены тексты Потёмкина, О.И.Елисеева обозначает и весьма любопытный поворот событий, о котором думал светлейший: «Со своей стороны, принявший “название Великого Гетмана” Потёмкин силами Черноморского и Донского казачьего войск должен был войти на полыхающие восстанием православные земли Украины».

Вполне возможно, что полк Большой Гетманской Булавы под командованием молодого Раевского формировался и для этой цели.

Стало быть, у капитана Ермолова уже в 1791 году был шанс принять участие в войне на территории Речи Посполитой.

Если наше предположение о службе Ермолова при Раевском верно, то он не просто наблюдал реформирование артиллерийского парка, но вместе со своими патронами готовился к весьма своеобразной боевой операции – сочетанию вторжения с инспирированным народным мятежом».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«В Петербурге молодой и красивый адъютант встретил радушный приём. Наружность Алексея Петровича, прекрасная, одухотворённая, внушительная и до самых преклонных дней его старости удерживавшая на себе внимание мужчин и женщин, тогда, в пору его расцвета, привлекала на него всеобщее внимание: он был высокого роста и отличался необыкновенною физическою силою и крепким здоровьем. Его большая голова, с лежащими в красивом беспорядке волосами, маленькие, но проницательные и быстрые глаза делали его похожим на льва. Взгляд его, в особенности во время гнева, был просто страшен: из глаз его буквально сверкали молнии. Горцы говорили впоследствии о Ермолове: «Горы дрожат от его гнева, а взор его поражает на месте, как молния».

Как человек домашний у графа Самойлова, Алексей Петрович был членом высшего петербургского общества и каждое утро слыхивал самые откровенные и бесцеремонные отзывы, как нынче говорят, «высокопоставленных лиц», которые по вечерам наполняли зал у Самойлова и которых там, словно всерьёз, просили «принять дань якобы подобающего им глубочайшего почтения». Шестнадцатилетний юноша присматривался не только к тем, которых осмеивали заочно, но и к тем, кто осмеивал их, и по врожденной ему проницательности угадывал всё нравственное ничтожество среды, в которой вращался. Прошло очень немного времени, и Алексей Петрович стал открыто относиться к этим людям с едким сарказмом, ирониею и насмешками, что, разумеется, очень скоро наплодило ему врагов. Алексей Петрович Ермолов терпеть не мог немцев и, по-видимому, беззлобно, но непереносно проходил на их счёт, где только к тому представлялся хоть малейший повод. Остроты, которыми Алексей Петрович осыпал немцев, переходили из уст в уста и, конечно, многим не нравились, а «немец немцу, по пословице, всюду весть подавал», и Ермолов под старость не раз говорил шутя: «Нет, господа русские, если хотите чего-нибудь достичь, то наперёд всего проситесь в немцы». Ермолов не мог увлекаться светскою жизнью; он беспрестанно занимался военными науками и назойливо просил графа Самойлова зачислить его в артиллерию, что, наконец, и было исполнено».

**Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов.
Биографический очерк»**

«По прибытии в Петербург из Молдавии Ермолов отнюдь не тотчас стал адъютантом Самойлова. В прошении об отставке он утверждает, что 18 марта 1792 года он был назначен квартирмейстером во 2-й бомбардирский батальон, а уже отсюда 14 декабря того же года стал адъютантом Самойлова. Это вполне объяснимо – Самойлов приступил к исполнению обязанностей генерал-прокурора только 17 сентября 1792 года, а утверждён был в должности в декабре.

14 декабря он возьмёт Ермолова к себе в адъютанты. Причём хорошо разбирающийся в званиях и должностях Дубровин называет Ермолова флигель-адъютантом, а это куда почётнее, чем просто адъютант. Дело в том, что до начала XIX века, когда правом иметь флигель-адъютантов стали обладать только императоры, должность эта существовала и при высокопоставленных генералах».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«В должности, “хотя почётной, но бесцветной”, адъютанта Самойлова А.П.Ермолов был постоянным членом высшего петербургского общества того времени, разъезжал то с поздравлениями, то с приглашениями. Как человек домашний у Самойлова, он по утрам слышал в его кругу откровенные отзывы об обществе и лицах, которые являлись на вечерних собраниях, он постоянно видел “la face et le revers de la medaille”¹.

Свет приветливо встречал Ермолова, и барыни повторяли с улыбкою самостоятельные мнения 16-летнего адъютанта, подчас противоречившие тогда господствовавшим, и чествовали его оригиналом».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«В способе разделения занятий между департаментами видно уже желание выделить административные дела в одну группу, поставив во главе её самое доверенное лицо – генерал-прокурора. Все важнейшие дела государственного управления отнесены к первому департаменту, при котором и положено состоять генерал-прокурору. Сюда отнесены государственные внутренние и политические дела, как, например, государственные ведомости о числе народа, полные сведения о всех приходах и расходах, дела по герольдии (то есть о всём дворянстве), по синоду с подчинёнными местами, по коллегии экономии, иностранные дела с пограничными комиссиями и по канцелярии опекунов иностранных, по камер-коллегии с корчемными делами, по ревизион-коллегии, по штатс-коллегии и соляной конторе и по канцелярии конфискации, по секретной и тайной экспедициям, по приказному столу и по новому уложению, по ревизиям мужеска пола душ, по монетному управлению с принадлежащими к нему экспедициями и по берг-коллегии, и по различным заводам, по коммерц и по мануфактур-коллегиям, по магистратам и по банковым конторам для дворянства и купечества. Таким образом, все важнейшие дела по внутреннему управлению и, отчасти, по внешним сно-

¹ – лицевую и обратную стороны медали (фр.)

шениям, по финансам, в самом широком смысле этого слова, группируются вокруг одного могущественного лица, хотя и заслонённого департаментом, – генерал-прокурора».

А.Д.Градовский, «Эпоха реформ до учреждения министерств»

«Пытливый молодой ум не давал, однако, Ермолову погрузиться в чисто практическую службу, и постоянные занятия военными науками скоро привели его в Шляхетский артиллерийский корпус, выгоднее других тогдашних учебных заведений обставленный научными средствами».

В.Я.Потто, «Кавказская война»

«Острый, находчивый Алексей Петрович был желанным гостем высшего общества, но оно не удовлетворяло его, и жажда к занятиям не позволяла ему предаваться исключительно праздной светской жизни и удовольствиям. Переименованный по личной просьбе в капитаны 2-го бомбардирского батальона, Ермолов был зачислен 9 октября 1793 г. в артиллерийский шляхетский корпус, где и принялся с полным жаром за изучение военных наук».

«Биография А.П.Ермолова».

РГВИА, Ф. 217. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–12. Публикация В.М.Безотосного

«Жажда к чтению обратилась в А.П.Ермолове в совершенную страсть: по своим склонностям он преимущественно налёг на многостороннее военное образование. Петербург не обладал тогда большими к тому средствами. Разыскание их привело его к артиллерийскому шляхетскому корпусу.

С новым, раскрывшимся перед ним, поприщем для учения Ермолов почувствовал недостаток времени: нужно было уделить его и своим занятиям, и светской жизни, а к этому присоединялись его адъютантские обязанности, незначительные, поверхностные, но ежедневно у него отнимавшие по несколько часов <...>. Он решил пожертвовать своим адъютантством и просил Самойлова о зачислении в артиллерию. 18 марта 1793 года он был зачислен квартирмейстером во 2-й артиллерийский батальон, приготовился к экзамену и 26 августа того же года был переименован в капитаны того же батальона; а потом совсем был перечислен в артиллерийский шляхетский корпус.

<...> Находясь при корпусе, на собственном иждивении, Ермолов был избавлен от служебных обязанностей и потому имел много свободного времени; фортификация, артиллерия и черчение были главными предметами его занятий. А.П. под старость мастерски набрасывал местность и подарил мне собственноручно им сделанный план своего отступления от Бауцена, нари-

Сказание о генерале Ермолове

сованный во время Рейхенбахского перемирия: план этот может служить образцом топографического искусства».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«25 октября 1762 года был образован Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус. Число кадет с унтер-офицерами и капралами, которые назначались из них же, устанавливалось в 146 человек, то есть это была одна рота. Относительно комплектования корпуса воспитанниками из выходцев из прибалтийских губерний было определено количество мест для тех и других: «три части комплекта следовали для российского, а четвёртая для лифляндского и эстляндского дворянства».

<...> многое, о чём писал Шувалов, нашло отражение в организации обучения в новом военно-учебном заведении. Так, геометрия считалась одной из важнейших наук: «Сия наука есть истинное основание всем наукам в свете – она научает нас здраво рассуждать, верно заключать и неопровергаемо доказывать, она сохраняет нас от многих заблуждений, ибо геометрису труднее какое-нибудь предложение доказать обманчивыми доводами, нежели философу эвклидовы элементы». Относительно алгебры оговаривалось, что «не требуется, однако ж, чтоб артиллерийские и инженерные офицеры были великие алгебристы: ибо сия наука весьма трудна и надлежит употреблять многие годы, чтобы получить в ней знание; довольно для офицеров, если он знает способ извлекать радикасы, натуру сравнений и, словом, – что называется простою алгеброю».

Преподавание артиллерии как бы разделялось на два направления: в первом рассматривалась материальная часть артиллерии, способы производства орудий, боеприпасов, определённые аспекты металловедения и порохов, их химические и физические свойства; во втором кадетам объяснялись вопросы применения артиллерии в различных видах боевых действий, способы корректировки и управления огнём, методы применения различных видов боеприпасов.

Другой основной дисциплиной, которая изучалась в корпусе, была фортификация, делившаяся на три части: «как крепости укреплять, как оныя атаковать и как их от неприятеля оборонять». Сначала кадеты знакомились со способами укрепления крепостей, вычерчивали их планы, при этом учились использовать особенности местности. Затем воспитанникам объясняли, как строить крепости, заготавливать строительные материалы, правильно закладывать фундамент, показывали кладку стен, эскарпов и контрэскарпов, пороховых погребов, капониров, казарм и т.д. После этого кадетов учили, как следует штурмовать крепости и редуты, основываясь на опыте сражений русской и других армий; на практике показывали способы ведения подкопов. Ну

и, наконец, обучали, как с помощью инженерных средств можно оборонять крепость, методам поиска неприятельских подкопов, установки фугасов и закладки пороховых зарядов. Весь этот процесс организовывался таким образом, чтобы будущие артиллеристы, кроме своей специальности, хорошо разбирались в особенностях службы коллег – военных инженеров, а те в свою очередь могли при необходимости заменить товарищей у орудий».

**Ю.А.Галушко, А.А.Колесников,
«Артиллерийская и инженерная дворянская школа»**

«Восстание в Польше оторвало Алексея Петровича от его научных занятий: он участвовал в этой кампании и получил орден св. Георгия за штурм Праги.

В следующем году он был отправлен за границу, в Италию, где, будучи прикомандирован к главной квартире австрийского главнокомандующего, участвовал в войне австрийцев с французами. Едва только он успел вернуться в Россию, как в 1796 году принял участие в новом походе персидском, под предводительством графа Валерьяна Зубова».

**Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов.
Биографический очерк»**

Граф Валериан Александрович Зубов

Генерал от инфантерии, покоритель Дербента, родился в 1771 г., воспитывался дома и около 1784 г. был записан вахмистром в конную гвардию, а в 1785 г. произведён в корнеты. В 1789 г. он, пожелав принять участие в турецкой войне, был переведён в армию подполковником. Явившись в армию после взятия крепости Бендеры, он тотчас же был командирован Потёмкиным обратно курьером с «известием». В Санкт-Петербурге за доставление «знатной вести» Зубова произвели в полковники, назначили флигель-адъютантом Его Императорского Величества и осыпали наградами. В это время брат его, Платон, уже пользовался благосклонностью Императрицы. В 1790 г. Зубов возвратился к армии с Высочайшей рекомендацией к Потёмкину, которого просили «доставить Зубову случай отличиться». Потёмкин, как рассказывают современники, относился «противно» к фамилии Зубовых, а потому будто бы назначил волонтёра на такую батарею, что после бомбардировки полковник Зубов уцелел на ней лишь сам-шесть. Однако, отличаясь исключительной личной храбростью, Зубов с честью выдержал боевое крещение и в день штурма Измаила, командуя частью колонны, отважно овладел кавальером и частью вала (у Килийских ворот). За этот подвиг он был награждён чином бригадира и пожалован в полковники лейб-гвардии Измайловского полка. В

Сказание о генерале Ермолове

1791 г. Зубов был пожалован орденом св. Александра Невского, а в следующем году, по окончании войны с Польшей, в которой участвовал с отличием, он заслужил почётное звание корнета кавалергардского корпуса, шефом которого был его брат Платон. В 1793 г. Зубов, возведённый в графское достоинство, вновь принял участие в польской войне и находился под командой Суворова во всех победоносных боях этого года. В одном из них, при переправе через реку Западный Буг, ядро оторвало Зубову ногу, что вывело его из строя почти на 3 года. Императрица Екатерина II щедро наградила раненого, пожаловав ему чин генерал-поручика, орден св. Георгия 3 ст., драгоценную соболью шубу, а вскоре и орден св. Андрея Первозванного...

«Военная энциклопедия»

«В 1793 году Ермолов выдержал требовавшийся тогда для перевода в артиллерию экзамен с особым отличием и, в составе корпуса Дерфельдена, уже артиллеристом, выступил в поход против Польши. Здесь-то он и имел случай обратить на себя особенное внимание Суворова, лично назначившего ему, после штурма Праги, орден св. Георгия 4-й степени. Польский поход был для Ермолова началом целого ряда лет, проведенных среди бранных тревог и опасностей. Отправленный вскоре в Италию, он, с австрийской армией, сделал кампанию против французов, а по возвращении в Россию назначен был в корпус графа Валериана Зубова, шедший на Персию, участвовал во взятии Дербента и ходил к Ганже против аги Мохаммед-хана, двигавшегося навстречу русским с огромным войском и восемнадцатью слонами. Здесь в первый раз Ермолов познакомился с Кавказом, глубоко заинтересовался его судьбами и полюбил его всей душой, видя в то же время недостатки управления и политики в нём, грозившие стране столькими бедами. Впоследствии мысль сделаться начальником Кавказского края стала лучшей мечтой его жизни.»

В.Я.Потто, «Кавказская война»

Вильгельм Христофорович Дерфельден

Генерал-аншеф (1735–1819). Обратил на себя внимание ещё во время первой турецкой войны. Во время второй турецкой войны, узнав (апр. 1789), что значительные силы турок сосредоточиваются в Максименах и Галаце, Дерфельден решил предупредить неприятеля и уничтожить его порознь. Несмотря на глубокие снега, он совершил форсированный марш, 16 апреля разбил турок у Максимен, а 20-го у Галаца, взяв 40 знамён, 15 пушек и 2000 пленных. Затем он содействовал Суворову в поражении турок при Фокшанах и Рымнике. В 1791 г. Дерфельден получил начальство над корпусом, занимавшим Литву. Во время польского восстания 1794 г. ему удалось сохранить свои

Сказание о генерале Ермолове

малочисленные войска, рассеянные среди восставших поляков, присоединиться к Суворову и принять участие в штурме Праги. Император Павел вызвал его в Санкт-Петербург, но вслед за тем уволил в отставку. В 1799 г. Дерфельден вновь определён на службу с поручением сопровождать в Италию, к армии, великого князя Константина Павловича. Суворов тотчас же вверил ему команду над 10-тысячным корпусом. Будучи старшим после Суворова, Дерфельден сделался ближайшим его помощником, отличился в сражении при Нови и при переходе через Альпы. По окончании войны Дерфельден удалился на покой.

«Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона»

«...6 апреля 1794 года в Варшаве произошло восстание, сопровождавшееся избиением русских. <...> Он получил право – несомненно, при содействии Самойлова – отправиться на театр военных действий волонтером, состоящим при графе Валериане Зубове, командовавшем авангардом корпуса генерала Дерфельдена.

Ему было семнадцать лет.

Сущностный сюжет ермоловской жизни начинается именно в этот момент».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«Суворов шёл на Варшаву и дал повеление Ферзену и Дерфельдену к нему присоединиться. Он всё ломил перед собою, начиная от Кобрина. Дерфельден торопился своим движением от Белостока. Авангардом его командовал граф В.А.Зубов, человек решительный и смелый. Дерфельден поручил ему авангард потому, что знал, что быстрее его никто не очистит дорогу для соединения в назначенное время с Суворовым. <...> Поляки быстро отступали перед Зубовым, который шёл по пятам. 13-го октября, перейдя Буг, неприятель стал разрушать мост у местечка Попково; наши казаки, шедшие впереди, были остановлены неприятельскою артиллериею, поставленною на том берегу. Зубов, посадив тотчас свою пехоту на обозных лошадей, прискакал к переправе; Ермолов был при нём и получил приказание под выстрелами неприятеля кинуться вперёд и сбросить в воду работников, разрушавших мост. Ермолов кинулся за охотниками. Это было последнее приказание Зубова в эту кампанию: ему оторвало ногу ядром. Содействие к исполнению приказания Зубова было А.П. новой рекомендацией перед прибывшим к месту переправы начальником отряда, генералом Дерфельденом. На другой день они присоединились к Суворову на поле, только что ознаменованном новою победою, при Кобылке. Передовой отряд казаков, при котором находилась

Сказание о генерале Ермолове

масса волонтеров, состоявших при графе Зубове, в том числе и А.П.Ермолов, прибыли к месту сражения и были свидетелями окончательного расстроя третьей и последней неприятельской колонны».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«Суворов, соединившись в Кобылках с корпусом Дерфельдена, входившим до этого времени в состав армии князя Репнина, двинулся к Праге. Авангардом этого корпуса командовал граф Валериан Александрович Зубов, которому оторвало ногу при переправе через Царев близ деревни Поповки; ему пожаловали за то Андреевский орден, что давало право на генерал-лейтенантский чин. Все офицеры корпуса Дерфельдена должны были представляться Суворову; в комнатах, где был назначен приём, невзирая на холодное время года, были заблаговременно отворены все окна и двери для выкуривания немогузнаек¹. Так как Суворов не любил чёрного цвета, то было строго запрещено представляться в нижнем платье этого цвета. В числе представляющихся находился Дерфельден, высокоуважаемый Суворовым, князь Лобанов-Ростовский (племянник князя Репнина и впоследствии министр), украшенный Георгием 3-го класса за Мачинское сражение, Ливен (впоследствии князь), капитан А.П.Ермолов, много иностранных волонтеров, в числе которых находились подполковник граф Кенсона и граф Сен-При. Суворов, обратясь к Лобанову, сказал с усмешкой: «Помилуй Бог, ведь Мачинское сражение было кровопролитно». Смотри на Ливена, он сказал: «Какой высокий, должно быть, весьма храбрый офицер. Отчего это я на вас не вижу ни одного ордена?» Сказав графу Сен-При: «Вы счастливо служите; в ваши лета я был только поручиком», он вдруг бросился его целовать, говоря: «Ваш дядя был моим благодетелем, я ему многим обязан». Эти слова не были понятны в то время, но впоследствии узнали, что дядя Сен-При, будучи французским министром, возбудил первую турецкую войну. Обратясь к графу Кенсона, Суворов спросил его: «За какое сражение получили вы носимый вами орден и как зовут орден?» Кенсона отвечал, что орден называется Мальтийским и им награждаются лишь члены знатных фамилий. «Какой почтенный орден! – возразил Суворов. – Позвольте посмотреть его». Сняв его с Кенсона, он его показывал всем, повторяя: «Какой почтенный орден!» Обратясь потом к прочим присутствовавшим офицерам, он стал их поодиночке спрашивать: «За что получили вы этот орден?» «За взятие Измаила, Очакова и прочее», – было ответом их. «Ваши ордена ниже этого, – сказал Суворов. – Они даны вам за храбрость, а этот почтенный орден дан за знатный род».

(1) Немогузнайка (разг. устар.) – несведущий, уклоняющийся от прямого ответа, бестолковый человек. (Выражение русского полководца Суворова о несообразительных солдатах – от установленной формулы солдатского ответа “не могу знать”). Толковый словарь Д.Н.Ушакова.

Все представлявшиеся были приглашены к обеденному столу Суворова, который имел обыкновение садиться за стол в девять часов утра. Приглашённые заняли места по старшинству за столом, на котором была поставлена простая фаянсовая посуда. Перед обедом Суворов, не поморщившись, выпил большой стакан водки. Подали сперва весьма горячий и отвратительный суп, который надлежало каждому весь съесть; после того был принесён затхлый балык на конопляном масле; так как было строго запрещено брать соль ножом из солоницы, то каждому следовало заблаговременно отсыпать по кучке соли возле себя. Суворов не любил, чтобы за столом катали шарики из хлеба; замеченному в подобной вине тотчас приносили рукомойник с водой; А.М.Каховский, замечательный по своему необыкновенному уму, избавился от подобного наказания лишь острым словом».

Д.В.Давыдов, «Военные записки»

«Императрица Екатерина отправила в Польшу знаменитого Суворова, сказав: «Я посылаю туда две армии: одну из войск, а другую – Суворова». Герой оправдал слова Государыни, уничтожил вдвое сильнейший корпус Сераковского у Крупчицы и при Брест-Литовском, донёс Румянцеву: «корпус Сераковского кончил», и устремился к Варшаве. На пути туда Суворов соединился с разбившим Косцюшко при Мацейовицах Ферзенем, рассеял при Кобылках один из неприятельских отрядов и подошёл к укреплённому предместью Варшавы – Праге. Там ожидали его двадцать тысяч поляков, под начальством генерала Зайончека. Всё предместье было обнесено ретрашешентами, из земляного вала, с дерновою, либо каменною одеждою, усиленными в исходящих углах кавальерами; редюитом служил тет-де-пон (1) у самой реки. Впереди ретрашешента были устроены засеки и волчьи ямы. Суворов употребил несколько дней на приготовление лестниц, фаши и плетней и (подобно тому, как под Измаилом) на обучение войск штурмовому действию. Солдаты Суворова, считая себя непобедимыми, с нетерпением ждали сигнала к бою.

В ночь с 22 на 23 октября построены три батареи для восьмидесяти шести орудий, находившихся в русском корпусе, и, с рассветом следующего дня, открыта сильная канонада, продолжавшаяся до самой ночи; а 24-го, в пять часов утра, сигнальная ракета возвестила начало штурма. Русский корпус, в числе двадцати двух тысяч человек, двинулся вперёд в семи колоннах; кавалерия следовала в резерве; впереди колонн рассыпались стрелки, под защитою которых рабочие должны были заваливать волчьи ямы плетнями и завалить фашинами; но многие из солдат, переходя с трудом через обширные песчаные холмы, бросили фашины и плетни и, достигнув волчьих ям, устроенных

¹ Тет-де-пон (франц. t te de pont, букв. голова моста) (воен. устар.) – предмостное укрепление. Толковый словарь Д.Н.Ушакова.

Сказание о генерале Ермолове

в шесть рядов, не могли ничем прикрыть их, кроме немногих лестниц. Несмотря, однако же, на то, все преграды, устроенные по правилам современного инженерного искусства, не остановили героев Суворова. После упорного, кровопролитного боя Прага была взята и Варшава покорилась. На донесение Суворова об этом подвиге: «Ура! Варшава наша! Суворов!» Императрица удостоила его столь же кратким ответом: «Спасибо, фельдмаршал! Екатерина».

**М.Богданович, «Русская армия
в век императрицы Екатерины II»**

«Ермолову дали сперва 6 орудий пяти различных калибров; но, как все артиллеристы, готовясь к предстоящим, может быть, продолжительным военным действиям против укрепленного города, положили уравнивать калибры между командами, то Бегичев и сделал новое распоряжение. Судьба благоприятствовала Ермолову: на его долю достались снова шесть орудий: 4 единорога полукартаульные, которых все жаждали, и две пушки 12-фунтовые. “Не знаю, не покривил ли душою Бегичев, видя ко мне расположение Дерфельдена”.

Надо пояснить, что единорогом называлось усовершенствованное Петром Ивановичем Шуваловым орудие, удлинённая гаубица, пригодное как для настильной, так и для навесной стрельбы всеми видами тогдашних снарядов и бившее до 4 километров. По причуде Шувалова на стволе орудия был изображён единорог. Благодаря своей универсальности единороги высоко ценились артиллеристами, и неудивительно, что их «все жаждали». Полукартаульный единорог был приспособлен к стрельбе полукартаульными, то есть полупудовыми бомбами».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«В ночь на 23-е октября были заложены наши батареи вокруг ретранше-мента, сажнях в 300 от него, что заставило неприятеля думать сперва, что русские собираются вести правильную осаду. Между тем, русские отряды получили каждый своё назначение. Отряд Дерфельдена составлял правое крыло, а потому и артиллерии его, состоявшей из 22-х орудий, пришлось действовать против артиллерии и ретранше-мента и фланговой батареи. На оконечности этой батареи стали 6 орудий Ермолова, в расстоянии почти равном от ретранше-мента и от фланговой полевой батареи. Орудия Ермолова составляли правый фланг в общем расположении русской артиллерии. В течение этого дня Ермолову пришлось переделать барабеты за бруствером (выд. ред.) и переставить свои орудия, дабы получить возможность отвечать более фронтальными выстрелами на огонь фланговой батареи.

<...> Перед рассветом 24-го октября войска двинулись к ретранше-менту. Артиллерия отряда Дерфельдена открыла самую живую стрельбу против

фланговой батареи, огонь которой был губителен для атакующих; он нанёс бы войскам нашего правого фланга ещё больший вред, если бы неприятель ещё дольше держался на этой батарее; но как только от осыпающегося бруствера начали обнажаться орудия, почему некоторые были подбиты, то польские артиллеристы и начали свозить их в город. Дерфельден почитал Ермолова главным виновником этого успеха <...>. Неприятель был уже выбит из своего лагеря и всё пространство между ретраншементом и предместьем было очищено.

<...> В это время Суворов приказал ввезти 20 полевых орудий в Прагу, чтобы сбить артиллерию, выставленную в городе, на противоположном берегу. Сев на лошадь одного из казаков, Ермолов поскакал за своими орудиями. Неприятельские орудия были расставлены по два и по три совершенно открыто. Желали ли польские артиллеристы сохранить свои орудия для дальнейших действий или по другим причинам, но они выказали мало стойкости: после первого подбитого орудия все стоявшие от моста выше по течению скрылись в городских улицах; тогда Ермолов без всякого приказания стал бить прямо в лоб по домам, смотревшим на Вислу; посыпались стёкла из окон, едва ли одно уцелело; гранаты влетали внутрь домов. Самодовольно смотрел 18-летний Ермолов на эту картину разрушения, внутренне приговаривая: это вам за сицилийские вечерни, и двадцать лет спустя он продолжил на несколько минут более, нежели следовало, действия артиллерии под Парижем, с не менее утешавшей его мыслию: это вам, французы, за Москву».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«Опасаясь после штурма Праги быть застигнутым неприятелем врасплох, Суворов приказал артиллерии сжечь большой мост, ведущий в Варшаву, где в то время находилось ещё десять тысяч хорошего войска под начальством Вавжецкого. В нашем лагере всё ликовало после удачного штурма и пило по случаю победы; солдаты Фанагорийского полка, не будучи в состоянии чистить своё оружие, наняли для этого других солдат. Погода стояла хорошая, но весьма холодная; из поднятых палаток поднимался пар от красных лиц солдат, что доставляло немало удовольствия Суворову, говорившему: «Помилуй Бог, после победы день пропить ничего, лишь бы начальник позаботился принять меры противу внезапного нападения». Он приказал построить узкий мост для пешеходов, по которому было дозволено жителям приходиться в Прагу для отыскания тел своих ближних. Суворов справедливо рассчитал, что это ужасное зрелище должно неминуемо поколебать мужество поляков; в самом деле, Варшава вскоре сдалась. Суворов торжественно отправился в карете в королевский дворец; в карете сидел против него дежурный генерал Потёмкин, человек замечательного ума (он служил впоследствии на Кавказе

Сказание о генерале Ермолове

и сделал на воротах Екатеринограда, обращённых к стороне Тифлиса, надпись: «Дорога в Грузию»), Король встретил его у подъезда. Простившись с его величеством, Суворов не допустил его сойти с лестницы. Во время выступления польских войск в числе десяти тысяч человек из Варшавы казацкому майору Андрею Карповичу Денисову удалось захватить всех польских начальников, беспечно завтракавших в гостинице; подъехав после того к польским войскам, Денисов, с хлыстиком в руках, приказал им положить оружие, что и было тотчас исполнено. (Это было мне сообщено А.П.Ермоловым.)»

Д.В.Давыдов, «Военные записки»

«После жаркой битвы войска заликовали. Суворов обходил полки и приговаривал: “помилуй Бог, после победы пропить день ничего!” Он поинтересовался узнать, кто были некоторые из действовавших артиллеристов. Дерфельден назвал Ермолова как первого, который заставил неприятеля увезти орудия, начал бомбардировать город. В тот же день А.П.Ермолов с георгиевским крестом на груди пришёл благодарить свою команду и выпить за их здоровье чарку некупленного вина».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«Позволив солдатам разгромить и вырезать Прагу, Суворов этим варварским способом предотвратил необходимость штурма Варшавы и куда большие жертвы, которые могли бы этому сопутствовать <...> Ермолов не раз будет применять этот жестоко эффективный приём на Кавказе – демонстративно уничтожать аул вместе с населением, подавляя тем самым волю к сопротивлению у других аулов и, соответственно, сберегая солдат. На польской войне он получил совершенно особый опыт».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

Аттестат, выданный генералом Дерфельденом капитану А.П.Ермолову по убытию его в Санкт-Петербург

Находящийся при корпусе войск моей команды, Артиллерийского Кадетского корпуса артиллерии г-н капитан Ермолов, будучи прикомандирован к артиллерии авангардного корпуса, когда неприятель 15 октября, при деревне Поповке, против Кулигова у Буга, защищая мост, поставил свои пушки, то помянутый капитан Ермолов, приспев со своими орудиями и производя пальбу, сбил неприятельскую батарею. 23 числа с артиллерии господином капитаном и кавалером Бегичевым строил среди дня батарею под силь-

Сказание о генерале Ермолове

нейшею неприятельскою канонадою, по построении которой производил успешно пальбу; наконец, во время штурма, 24 числа октября, взъехал при первой колонне с артиллериею и, командуя 7 орудиями, поражал неприятеля и по городу производил пальбу, во всех тех случаях поступая как храбрый, искусный и к службе усердный офицер. В засвидетельствование чего дан сей, за подписанием и с приложением герба моего печати, в Праге, ноября 5 дня 1794 года.

Императорский указ от 1 января 1795 года

Во Всемилостивейшем уважении за усердную службу артиллерии капитанов Христофора Саковича, Дмитрия Кудрявцева и Алексея Ермолова и отличное мужество, оказанное ими 24-го октября при взятии приступом сильного укрепления варшавского предместья, именуемого Прага, где они, действуя вверенными им орудиями с особливою исправностью, наносили неприятелю жестокое поражение и тем способствовали одержанию победы, причем артиллерии капитан Сакович получил рану, – пожаловали Мы их кавалерами военного Нашего ордена св. великомученика и Победоносца Георгия 4 класса.

Императорский рескрипт от 1 января 1795 года

Нашему Артиллерии Капитану Ермолову

Усердная ваша служба и отличное мужество, оказанное вами 24 октября, при взятии приступом сильного укрепленного Варшавского предместья, именуемого Прага, где вы, действуя вверенными вам орудиями, с особливою исправленностью, нанесли неприятелю жестокое поражение и тем способствовали одержанной победе, учиняю вас достойными военного Нашего ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия... Мы вас кавалером ордена сего четвертого класса Всемилостивейше пожаловали и знаки онаго при сём доставляем, повелеваем вам возложить на себя и носить по указанию. Удостоверены Мы, впрочем, что вы, получив сие со стороны нашей одобрение, потщитесь продолжением службы вящее удостоиться Монаршего Нашего благоволения.

Екатерина.
В С.-Петербурге
Генваря 1 дня 1795 г.

Сказание о генерале Ермолове

«Екатерина и ее правительство охотно и широко прибегали к внешним займам. В частности, с 1788 года Россия в три приёма заняла в Генуэзском банке 5,6 миллиона гульденов – весьма внушительную сумму – на 10 лет под 5 % годовых. <...> Самойлов разработал специальный план погашения долгов. Но вмешались непредвиденные обстоятельства – французская армия вторглась в Голландию. Главный кредитор банкир Гоппе, владелец крупнейшего в Европе банка, бежал в Англию и отказался от предоставления России новых кредитов. Это произошло в феврале 1795 года. Вот тогда-то, судя по всему, и возникла необходимость провести личные переговоры с генуэзским банкиром Реньи, что и было поручено Самойловым доверенному чиновнику Вюрсту.

Отправить молодого офицера сопровождать столь ответственное лицо было делом естественным.

Граф Александр Андреевич Безбородко, фактический руководитель иностранных дел Империи, разделявший с Самойловым управление государственными финансами, тоже, как мы знаем, был симпатизаном Ермолова.

Вместе они и благословили своего подопечного, который явно оправдывал их ожидания, на путешествие в компании с Вюрстом. Очевидно, и здесь Ермолов был в качестве волонтера, ибо никаких определённых обязанностей он не нес. В финансовых делах он был вполне бесполезен.

Идея была другая.

Безбородко снабдил Ермолова письмом к первому министру австрийского императора барону Тутуту. В письме содержалась просьба позволить молодому русскому офицеру принять участие в составе австрийских войск в войне с французами, которая шла в Италии.

Ермолова отправили в Италию как военного агента, который должен был изнутри оценить состояние австрийской армии».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«Будучи послан в Италию вместе с чиновником Вюрстом, коему было поручено окончить коммерческие дела с генуэзским банком, он посетил главные пункты Италии и между прочим Неаполь, где видел знаменитую по своей красоте леди Гамильтон; вследствие ходатайства графов Самойлова и Безбородко, снабдивших его письмом к всеильному барону Тутуту, Алексей Петрович был назначен состоять при австрийском главнокомандующем Дэвисе, питавшем к русским величайшее уважение после сражения при Рымнике, в коем он участвовал <...>. Он с австрийцами принимал участие в разных стычках против французов».

Д.В.Давыдов, «Военные записки»

«Кроаты <лёгкая иррегулярная конница, к которой был прикомандирован А.П.Ермолов – *прим. ред.*> приносили огромную пользу австрийцам: это были лихие стрелки и стойкие солдаты. Как хвастливо французы ни распишывают себя в своих “Victoires et conquites”¹, а всё же внимательному читателю ясна будет истина, что кроаты им много наделали хлопот и ломали не раз la fougue fran aise². Поэтому неуклюже и повернулась у них фраза, что, несмотря на все потери, поражения, австрийцы перешли в наступление.

«Пересмотрев 4-й том “Victoires et conquites des fran ais”³, мы нашли в нём два места, на которые намекал Алексей Петрович. Не имея никаких других данных об участии, принятом им в качестве волонтера при кроатах, приведу эти два места, чтобы хоть несколько ознакомить читателей с войском, с которым действовал Ермолов».

**В.Ф.Ратч, «Сведения
об Алексее Петровиче Ермолове»**

«1795. 11-го июля две колонны австрийцев подошли к перевалам Танэ и Фрежюс, защищаемым капитаном Газаном. Кроаты, входившие в состав обеих колонн, открыли интенсивный огонь, на который французы сначала успешно отвечали. Но поскольку командир кроатов сумел незаметно раздвинуть фланги, то французы внезапно оказались окружены. От Газана требуют капитуляции. Он отказывается и клянётся стоять до конца вместе со своими brave солдатами <...>. Французы яростно атакуют кроатов, деморализованных столь упорным сопротивлением противника, и безжалостно убивают всех, кто не успевает спастись бегством <...>. В тот день погибло множество французов, но потери врага были куда значительнее <...>.

18-го августа отряд кроатов (от 800 до 900 человек) на рассвете атаковал аванпосты на правом фланге французской армии со стороны Туивано. Эти кроаты, преодолев немалые трудности, сумели опрокинуть передовые посты стрелков, которые, уступая противнику в численности, бежали и укрылись в ретраншементах. Оттуда, получив некоторое подкрепление и желая отомстить за унижение, французские стрелки бросаются на врага <...>. Кроаты пытались сопротивляться, но всё было тщетно: они были смяты и отброшены по всему фронту и вынуждены были бежать после жестокого боя, продолжавшегося четыре часа, когда и те, и другие действовали только холодным оружием <...>.

¹ «Победы и завоевания» (фр.)

² французский пыл (фр.)

³ «Победы и завоевания французов» (фр.)

Несмотря на все эти неудачи, противник продолжал осуществлять свой план генерального наступления».

“Victoires et conquites des fran ais” («Победы и завоевания французов») <Перевод по публикации Я.Гордина>

«Ермолов нашёл австрийские войска прекрасно устроенными, обученными и снабжёнными, войска с военным духом; но вместе с тем пропитанные тем методизмом, от которого австрийцы понесли столько поражений. Если не с молоком матери, то с насущным хлебом они всасывали это ежедневно, с самого начала вступления в службу, и не могли уже от него отделаться никакими силами. При этом только условия могло усилиться так могущество венского гофкригсрата. <...>

Разница была огромная между образом действий наших русских генералов, действовавших la Souvoïov (1), и австрийцев: быстрый налёт, нападение с порывом и упрямая настойчивость к достижению впереди назначаемой цели составляли характеристический дух в суворовских войсках, которым от генерала до рядового все были пропитаны. Не то было у австрийцев; ещё до гибельных поражений, нанесённых им Наполеоном, в итальянских кампаниях, в австрийских распоряжениях, даже при наступлениях, никогда не забывали о ретираде. Понятно, что опытный главнокомандующий всегда подумает заранее, что ему делать при неуспехе; но он затаит эту мысль и сообщит её немногим, кому знать следует. Не должны же все распоряжения быть постоянно пропитаны заранее принятыми мерами до такой степени, что едва ли их не передавали всем замковым унтер-офицерам и с точки зрения отступления нисходили распоряжения к вытеснению французов за Альпы. Всё это мертвило, конечно, храбрую австрийскую армию и производило вялость в движениях и действиях, почему пресложно задуманные комбинации на бумаге не могли быть исполнены: всякая невысчитанная гора или непредвиденный поток нарушали хитро задуманный план и ставили вверх дном все предположения, даже и к отступлению. Не в действиях Дэвиса искать быстро соображённых идей, настойчивых налётов соединённых сил, приводимых в исполнение, столь необходимых, особенно в странах гористых, и мало принесла им пользы отличная школа горной войны.

Нет лучшей школы для военного, как горная война. Лишь только является необходимость сообразить предстоящие военные действия, на первом плане является местность – c'est le point du d part²; поэтому так верно называл её Наполеон своей chiquier³. Не кудряво раскинутые штрихи должен начальник

¹ а-ля Суворов (фр.)

² это точка отправления (точка отсчёта) (исходная точка) (фр.)

³ шахматная доска (фр.)

видеть на развёрнутом перед ним плане театра военных действий; воображение полководца должно охватить её общий характер, представлять себе так живо, как будто она у него на ладони; чем вернее она отпечаталась в его голове, тем вернее и быстрее его соображения. Нигде эта способность не может так выработаться, как в горных странах, со всеми их случайностями. Голова, привыкшая решать трудные задачи, не останавливается над простейшими; при переходе на плоский театр войны не много времени и труда требуется, чтобы понять местные условия. Анализируя до глубины все действия Наполеона, придёшь к тому непреложному заключению, что он в высокой степени обладал этой способностью, непременно выработанной его итальянскими кампаниями. Если обратить в привычку обращение внимания на местность, то изощряется способность держать её в уме, как фон картины, при всяких военных соображениях, и она врезывается в память навсегда.

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«...В 1796 г. он <В.А.Зубов> был назначен главнокомандующим войск, отправлявшихся на Кавказ для приведения в исполнение химерического проекта П.А.Зубова – завоевать всю Переднюю Азию до Тибета. Война с Персией, кроме больших издержек, ничего не принесла России и была прекращена со смертью Екатерины II...»

«Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона»

«В кругу заметных внешнеполитических проектов конца екатерининской эпохи следует назвать “Персидский проект” последнего фаворита императрицы П.А.Зубова, поданный им государыне в 1796 г. во время войны с Персией из-за нападения на Грузию Астерабадского хана. Успешные действия русских войск, которыми руководил брат временщика В.А.Зубов, взятие Дербента и Баку, позволили Российской империи расширить территориальные приобретения в Закавказье и получить, как предлагал Зубов, господство над западным побережьем Каспийского моря. Смерть императрицы положила конец военным операциям, однако сама идея продвижения Империи в Закавказье имела большое будущее и постепенно осуществлялась при внучке Екатерины II – Александре I в течение первой четверти XIX века. <...>

Важно отметить, что вопрос о принадлежности проекта собственно перу Платона Зубова вызывает сомнения. Последний статс-секретарь Екатерины II А.М.Грибовский, тесно работавший с Зубовым в годы его фавора, сообщает, что А.А.Безбородко, к которому после смерти светлейшего князя в 1791 г. попала значительная часть бумаг покойного, позднее передавал многие документы Потёмкина новому фавориту <...>. Существуют свидетельства, что в

Сказание о генерале Ермолове

1774–1776 гг. Потёмкин составлял для Екатерины проект по персидским делам. В бумагах Григория Александровича встречаются записки, относящиеся к Северному Кавказу, содержание которых сходно с идеями “Персидского проекта” Зубова».

О.И.Елисеева, «Геополитические проекты Потёмкина»

«Говорят <...>, что поход этот находился в тесной связи со знаменитым греческим проектом, обновлённым редакцией графа Платона Зубова. Проект заключался в том, что граф Валериан Александрович, покончив с Персией у себя в тылу, должен был захватить в свои руки Анатолию и угрожать Константинополю с малоазиатских берегов, в то время как Суворов пройдёт через Балканы в Адрианополь, а сама Екатерина, находясь лично на флоте с Платоном Зубовым, осадит турецкую столицу с моря».

В.Я.Потто, «Кавказская война»

«В Петербурге, в артиллерийском мире А.П.Ермолов нашёл диковинку, занимавшую всех артиллеристов: конно-артиллерийские роты, о которых уже несколько лет ходили толки, были сформированы; но не одни артиллеристы интересовались конною артиллериею – она возбудила внимание всей столицы. Генерал-фельдцейхмейстер князь Платон Александрович Зубов показывал её как плоды своих забот о русской артиллерии. Мелиссино тоже, со своей стороны, хлопотал о ней и долго придумывал для неё мундир. А.В.Казадаев был представлен императрице на апробацию новой конно-артиллерийской формы, в шляпе с белым плюмажем, в красном мундире с чёрными бархатными отворотами, в жёлтых рейтузах и маленьких сапожках со шпорами».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«Будучи наследником престола, Павел Петрович завёл у себя в Гатчине собственные войска, как в своё время Пётр I завёл себе потешные. <...> В 1792 году в гатчинские войска был принят Алексей Андреевич Аракчеев. Дисциплинированность и исполнительность Аракчеева импонировали Павлу, и вскоре Аракчеев был назначен инспектором артиллерии и пехоты гатчинских войск. Так что павловские реформы в артиллерии проводились во многом под руководством Аракчеева. Коротко суть преобразований сводилась к следующему. Артиллерийские лошади были переданы в состав рот, что позволяло проводить полноценные ротные учения. Артиллерийская прислуга была расписана по номерам, и каждому номеру предписано определённое место возле орудия и определённые действия по командам. По каждой коман-

де каждый номер расчёта исполнял своё, только этому номеру предписанное действие. Это упростило обучение артиллеристов и позволило довести действия по командам до автоматизма. В итоге обученный расчёт действовал с чёткостью часового механизма, что в свою очередь позволило увеличить скорострельность и уменьшить время развёртывания и снятия с позиции. В гатчинских войсках впервые в России появилась конная артиллерия, где все номера расчёта верховые. Это значительно увеличило подвижность, как на марше, так и на поле боя. Артиллерия могла выдвигаться на позиции на рысях и так же быстро сниматься с позиций. Конная артиллерия могла сопровождать кавалерию в бою и на марше. По образцу гатчинской конной артиллерии Платон Зубов в 1794 учредил конно-артиллерийскую роту, имевшую на вооружении семь 6-ти фунтовых пушек и семь четвертьпудовых единорогов. Новшество прижилось».

**Василий Ковальский,
«Организация русской полевой артиллерии к 1812 году»**

«Аракчеев сказал однажды Ермолову: «Много ляжет на меня незаслуженных проклятий».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

Мнение о пользе конной артиллерии

«Главное в войне правило состоит в том, чтоб противопоставить неприятелю силы по крайней мере такие же, если не можем превосходнейших сил и способов, какие он против нас употребляет; почему, хотя бы две армии были совершенно равны в рассуждении числа войск, храбрости и порядка, однако та, при которой находится конная артиллерия, будет иметь великое преимущество пред другой, у которой её нет; притом всегда можно предупредить бедственные случаи, противопоставляя при армиях наших неприятелю такую силу, которой может быть он у нас быть не чаял, и которую сам хотел употребить в свою против нас пользу.

Итак, при всех случаях конная артиллерия нужна в армиях, потому что с одной стороны доставляет нам преимущество над неприятелем, оные не имеющим, а с другой равняет наши выгоды с выгодами того, у кого она есть, так что тогда от одного лучшего искусства действовать оную успех зависеть будет.

Предмет конной артиллерии состоит наипаче в том, чтоб подать коннице, в обращениях своих быстро и стремительно подвизающейся, такую же

помощь, какую обыкновенная артиллерия подаёт пехоте, то есть подкреплять нападение или защищать отступ оной.

<...> Сколько важных предприятий осталось без успеха за недостатком поспешности в артиллерии? Например, надобно предупредить неприятеля овладеть постом, занять вышину, взять селение, замок, разорить наскоро мост и проч., тогда малое замедление может уничтожить успех предприятия. По обыкновенным правилам надобно отрядить часть пехоты, снабдить оную для нужного случая несколькими орудиями и прикрыть конницею, но явственно, что потребно время на собрание сего отряда, и что последует замедление и затруднение в марше оного.

Если же положить один отряд конницы и по соразмерности с оным конную артиллерию, то сей последний будет иметь преимущество в скорости перед первым, и нападение оного будет стремительнее, нечаяннее и решительнее.

<...> Хотя конная артиллерия может служить с успехом и в трудных местах, однако на гладкой земле большие доставляет выгоды и особливо полезна против неприятеля, у которого конница превосходит нашу.

В гористой земле обыкновенная артиллерия великие имеет затруднения в рассуждении своей тяжести, и от того военачальник часто не укрепляет пушками какой-нибудь важный пост, что трудность дороги препятствует провезть туда пушки, или что много требуется времени к сему исполнению, или что он опасается, дабы в случае неудачи не оставить пушки во власть неприятелю, ибо не можно их скоро оттуда вывезти.

Но конная артиллерия, ради своей лёгкости, не подвержена сим затруднениям, и в таковых случаях приносит она величайшую пользу, ибо неприятель придёт в замешательство, когда увидит себя в трудном и гористом месте, поражаемого артиллериею, которой он совсем не чаял.

Сколько сражений потеряно от того, что во время решительного действия не можно было скоро укрепить пушками высоту, буерака или другое место, которое трудно или вовсе невозможно занять обыкновенною артиллериею.

Общая польза конной артиллерии, употребляемой на ровном месте, не подвержена ни малейшему сомнению; прежде сказано, какое преимущество подаёт она коннице перед той, у которой её нет.

<...> Дабы получить помянутыя выгоды от конной артиллерии, орудия, составляющая оную, должны быть к тому приличны и способны, почему в конную артиллерийскую роту полагается 14 орудий полевой артиллерии, то есть семь 6-фунтовых пушек и семь 12-фунтовых единорогов.

Если польза конной артиллерии признана во многих государствах в Европе и существование её для оных почитается нужною, то кольми паче необходимо она для России, государства столь просторного, имеющего наимного-

Сказание о генерале Ермолове

численнейшую конницу на свете, нужную для скорых и дальних обращений сил, свойственных сему роду орудия и соответственных естественному положению пространства Империи Российской.

Граф Платон Зубов.

Арх. Спб. Артил. Музея Д. Сборн. связка №6

Указ Императрицы Екатерины II

1794 год. Сентября 29. Именной, данный Генерал-Фельдцейхмейстеру Графу Зубову. – Об учреждении Артиллерийской конной роты. – С приложением штата оной. ПСЗРИ. 17.258.

Граф Платон Александрович! Представление ваше об учреждении конной артиллерии приемлем мы за благо, как дело весьма полезное для службы Нашей и как новый довод вашего усердия к Нам и неусыпного рачения о наилучшем устройстве частей, вам вверенных. Утвердив вследствие того примерный штат для одной роты помянутой конной артиллерии, возлагаем на попечение ваше составить на первое время пять таковых рот при семидесяти орудиях, предоставляя, смотря по надобности, умножить число до двадцати рот при двухстах восьмидесяти орудиях.

На составление сей артиллерии, в назначаемом на настоящий случай количестве, потребные единовременно двести тридцать четыре тысячи девятьсот пятьдесят четыре рубля и сорок копеек, а равно и ежегодно на содержание их по военному комплекту, по ста пятнадцати тысяч по пятисот пятидесяти по два рубля и пятидесяти шести копеек с четвертью, указали мы...»

Из письма генерал-фельдцейхмейстера князя П.А.Зубова графу В.А.Зубову. 24 февраля 1796 г.

«Дано от меня повеление артиллерии господину генерал-поручику Меллисино, 2-го бомбардирского баталиона капитану и кавалеру Ермолову и штык-юнкеру Дельвиню приказать явиться в команду г. майора и кавалера Богданова, для употребления, где они при порученной ему команде нужны будут».

«В такой дали и глуши <в Кизляре – прим. ред.> при собирании отряда много было путаницы, несмотря на рвение и усердие <...>. Два лица, совершенно независимые, Богданов и Нейдгардт, отдавали приказания совершен-

но противоположные, и один почтенный капитан, покачав головою, при мне сказал: «вот новая беда, не было денег ни гроша, а вдруг разом алтын». Капитан этот долгое время не получал никаких ответов на свои рапорты, а потом разом получил два совершенно различные приказа».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«Ермолов вспоминал, что в драгунских полках артиллерийские парки были реформированы по системе Раевского, который и командовал одним из этих полков – Нижегородским. Орудия были по возможности облегчены и поставлены на железные оси.

Артиллерийские подразделения вне полков формировались по тому же вполне произвольному принципу, что и в польскую кампанию. Ермолов получил два единорога полукартаульных, три пушки шестифунтовые и одну двенадцатифунтовую.

Это было странное сочетание. Двенадцатифунтовая пушка весила около ста пудов, а полупудовый единорог – сорок пудов. Маневрировать одновременно орудиями столь разного веса было крайне затруднительно. И Ермолов по этому поводу вспоминал саркастическое замечание одного из позднейших своих начальников – генерал-инспектора русской артиллерии Петра Ивановича Меллера-Закомельского, что соединять двенадцатифунтовую пушку с полуфунтовым единорогом – всё равно что вола и жеребца впрягать в одну упряжку».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«Главкомандующий имел известие, что Шейх-Али-хан дербентский положил сопротивляться до самой крайности и на сей конец собрал в Дербенте более 10 тыс. воинов, в числе коих находились многие из горских народов, да ещё ожидает знатных подкреплений из Кубы и от ханов бакийского, казикумыкского и прочих дагестанских владельцев. Для разорвания сей вредной для нас связи следовало учинить решительное предприятие, а именно обойти крепость дербентскую чрез горы Кавказские в Табассаране, землями благонамеренного кадия табассаранского.

Возможности сего пути, хотя и с великими трудностями сопряжённого, изведаны и испытаны предварительно капитаном Симановичем в виде лекаря, по согласию кадия табассаранского, который за сию услугу получил от генерал-майора Савельева значительный подарок. <...>

Главкомандующий назначил отряд войск, который бы пройдя чрез Табассаран, явился под южными стенами Дербента, в одно и то же время как главные силы Каспийского корпуса приблизятся к северным, и сим занятием

пресёк бы всякое сообщение Дербента с южной оною стороны.

Сей отряд вверен был генерал-майору Булгакову и составлен на 2 1/2 батальонов гренадер, 2 батальонов егерей, 14 эскадронов драгун, 625 линейных казаков и 6 орудий <подчиненных А.П.Ермолову – прим. ред.> полевой артиллерии.

<...> Ему (отряду Булгакова. – прим. ред.) предлежало пройти более 84 вёрст, в том числе более 20 вёрст самыми трудными дефилями, и явиться под Дербент 2 мая.

Земля табассаранская лежит по хребту, вышедшему от высочайшей снеговой горы Кохма, возвышающейся в северном Дагестане, на становом хребте Кавказа, и дающей исток реке Койсу. Тот хребет проходит от запада к востоку, и там, где табассаранская земля оканчивается утёсистыми крутизнами, близ берегов Каспийского моря, стоит Дербент <...>. Верхняя возвышенность табассаранского хребта, называемого от жителей Бент, покрыта дремучим лесом, с обеих сторон, в покатосях своих чрезвычайно крута и имеет множество каменистых, утёсистых стремнин; и сие самое образует страшные дефилеи, прикрывающие проходы к верхним жилищам табассаранцев и запирающие по положению Дербента сообщение северного Дагестана с южным и Ширваном».

**П.Г.Бутков, «Материалы для новой истории Кавказа,
с 1722 по 1803 гг.»**

«4-го мая отряд выступил далее через Дарбах. Крутизна горы, чрез которую следовать должно было более 3 вёрст, затруднила переправу всех обозов, так что в пособие к каждой тройке лошадей припряжено было ещё 3 и человека по 4; но и тут с чрезвычайною трудностию едва могли подняться. Сие всё сносно было до половины сего дня, до которого времени только успели подняться оба казачьих полка и 3-й егерский баталион со своими обозами. А потом начал лить сильный дождь и непрерывно, во всю ночь до утра продолжался. Дорога и без того затруднительная, чащею леса по обеим сторонам, так, что только могли проходить повозки, совсем испортилась, стала грязною и скользкою, до того, что обозы Астраханского драгунского полка переправлялись 10 часов. За Астраханским полком следовал Таганрогский драгунский полк, и следовали оба с передовыми войсками на лагерь, бывший от переправы в 3 верстах, и тут на ночь расположились. Во всю ночь, с великим трудом, при пособии 500 рабочих и 150 казачьих лошадей переправлялись 6 орудий с принадлежностями главной артиллерии».

**П.Г.Бутков, «Записки мои и письма
о Персидской экспедиции 1796 года, составленные в то же время»**

«Граф Зубов намеревался окружить Дербент со всех сторон, дабы совершенно лишить его внешней помощи. Зубов имел военные суда, чтобы сторожить море, с севера подошли русские войска, на запад лежали крутые горы владений Табассарского кадия, которого граф Зубов совершенно привлёк на сторону русских; оставалось отрезать Дербент от долин на юге; для этой цели назначался отряд генерала Булгакова, при котором находился Ермолов. Этому отряду поручено было обойти Табассарские горы. С орудиями, частью запряжёнными волами в подмогу лошадям, Ермолов пустился в горы, вдоль течения реки Дербеха; два первые перехода вёрст по 20-ти каждый были легко исполнимы, но третий, до деревни Махрака, в 7 вёрст, длился целые сутки. Два кубанских егерских батальона почти весь этот переход в горах тащили артиллерию на себе».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«Во всю ночь шёл дождь. Нагорные жители партиями бродили повсеместно, удивляясь многолюдству и трудам наших солдат; особенно занимали и ужасали их пушки. Оставшиеся обозы и артиллерия уже к рассвету следующего дня при помощи казаков и почти всей пехоты вышли из ущелья <...>. Отряд вышел с гор на плоскость к небольшой речке; от сильного дождя в продолжение ночи вода выступила из берегов и потопила лагерь так, что везде оной было по колено. Поутру на другой день шесть казачьих лошадей от изнурения и голода поели какой-то ядовитой травы и оттого вскоре пали в ужасных судорогах».

**И.Т.Радужицкий, «Историческое известие
о походе российских войск в 1796 г.
в Дагестан и Персию под командой графа В.А.Зубова»**

«Активные действия против крепости начал именно отряд Булгакова сразу после того, как блокировал Дербент с южной стороны. В том числе артиллерия отряда обстреляла крепость гранатами, вызвавшими небольшие пожары. В обстреле участвовал и полукартаульный единокорог Ермолова».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«В следующие дни производилось обозрение города инженерными офицерами и самим графом Зубовым для заложения батарей и проведения траншей; войска со всех сторон обложили город не далее 400 сажень от оною; к морю поставлена была кавалерия, со стороны гор егеря и несколько артиллерии. Во время движения наших войск производилась из городских пушек

безвредная стрельба. Для предохранения артиллерии от неприятельских выстрелов 7 мая в ночь сделана с южной стороны в 200 саженьях от города батарея для 5 тяжёлых орудий, а с северной против третьей башни для 4-х таких же пушек и одной мортиры».

И.Т.Раджицкий, «Историческое известие о походе российских войск в 1796 г. в Дагестан и Персию под командой графа В.А.Зубова»

«2 июня (здесь и далее – мая. – *прим. ред.*) граф Зубов разбил свой лагерь в виду крепости, на северной стороне; на другой день отряд Булгакова после 5-дневного перехода стал на южной, к изумлению гарнизона.

В следующую ночь была отрыта траншея, и как осаждённые оборонялись только из ружей, то батареи и были возведены весьма близко. В верно сосчитанных 40 саженьях от крепостных верков¹ Алексей Петрович поставил 7 июня свои орудия на построенную бреш-батарею, два дня не прекращал огня, и 9-го числа образовались две бреша, одна в башне, на южной стороне, другая в стене, к ней прилегающей. Не менее удачно было действие остальных батарей. 10-го июня крепость покорилась».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«8 и 9 числа мая все батареи наши действовали по крепости с отменным напряжением. Две бреш-батареи² отстояли от крепостного замка не далее 40 сажень; и 10 числа совершенно почти разрушен угол крепостного бастиона, самого крепкого в Нарын-Кале».

П.Г.Бутков, «Записки мои и письма о Персидской экспедиции 1796 года, составленные в то же время»

«Те пять тяжёлых орудий, стоявших с юга, где и располагался отряд Булгакова, о которых пишет Раджицкий, скорее всего и есть орудия Ермолова. У него их должно было быть шесть, но вспомним, каким испытаниям подвергся отряд Булгакова при переходе через табассаранские горы. Одно орудие могло быть повреждено.

Относительно расстояния Ермолов оказывается прав – Бутков это подтверждает. Как и во время штурма Праги, Ермолов выставил свои орудия на

¹ Верк (нем. Werk – сооружение, укрепление, завод) – отдельное укрепление, входящее в состав крепостных сооружений и способное вести самостоятельную оборону.

² Бреш-батарея – проломная, при осаде крепости, из больших орудий и на близком расстоянии. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля.

Сказание о генерале Ермолове

рискованную, но наиболее эффективную позицию. Это был его стиль. <...> Есть все основания полагать, что свой почётный орден Св. Владимира 4-й степени молодой капитан получил заслуженно, вне зависимости от взаимоотношений с командующим корпусом».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«9-го ввечеру, поздно, прислан тайно от Ших-Али-хана к Сергию Алексеичу (Булгакову. – прим. ред.) мулла с просьбою, чтоб прислать к нему человека, знающего их язык, которому он хочет для донесения главнокомандующему открыть многое в рассуждении настоящих своих предложений. <...>

В сей день (9 мая. – прим. ред.) решилась судьба Дербента. Действовавшая с отменным напряжением канонада и более отваление большей части башни, которую они полагали непобедимую к брешу, поразило весь народ так, что пять человек от общего собрания, выскоча из ворот крепости на батарею господина генерал-майора Беннигсена, признали себя побеждёнными и просили помилования <...>. Вскоре потом все батареи замолкли. К графу принесены ключи крепости тем самым 120-летним персиянином, который подносил их и Петру Великому. Ших-Али-хан со всеми своими чиновниками выехал в графский лагерь».

П.Г.Бутков, «Записки мои и письма о Персидской экспедиции 1796 года, составленные в то же время»

Граф В.Зубов – артиллерии г-ну капитану Ермолову.

Августа 4 дня 1796 года.

Милостивый государь мой, Алексей Петрович!

Отличное ваше усердие и заслуги, оказанные вами при осаде крепости Дербента, где вы командовали батареею, которая действовала с успехом и к чувствительному вреду неприятеля, учиняют вас достойным ордена Св. равноапостольного Князя Владимира, на основании статутуов оногo. Вследствие чего, по данной мне от Её Императорского величества Высочайшей власти знаки сего ордена четвёртой степени при сём к вам препровождая, предлагаю оные на себя возложить и носить в петлице с бантом; о пожаловании же вам на сей орден Высочайшей грамоты представлено от меня Её Императорскому Величеству. Впрочем я надеюсь, что вы, получа такую награду, усугубите рвение ваше к службе, а тем обяжете меня и впредь ходатайствовать пред престолом Её Величества о достойном вам воздаянии. Имею честь быть с почтением вам,

Милостивого государя моего покорный слуга *граф Валериан Зубов*».

Сказание о генерале Ермолове

«Лояльность населения была отнюдь не безусловна. Девиз, под которым русские войска вошли на прикаспийские земли, – освобождение народов, страждущих под игом узурпатора и тирана Ага-Магомет-хана, был убедителен далеко не для всех. Корпус Зубова, рассредоточенный теперь на обширной территории, рисковал оказаться окружённым многочисленным враждебным населением. Инициатором и организатором сопротивления стал беглый Шейх-Али-хан».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«24-го (мая) Его превосходительство Сергей Алексеевич, взяв в команду свою Кавказский гренадерский полк, 3-й егерский кубанский батальон, 4 орудия главной артиллерии (пушки Ермолова), Хопёрский и Семейный казачьи полки, выступил с оными к Кубе, для удержания жителей от склонности к Ших-Али-хану».

**П.Г.Бутков, «Записки мои и письма
о Персидской экспедиции 1796 года,
составленные в то же время»**

«29 сентября посланный из отряда комиссионер поручик Калышкин для закупки у жителей провианта со ста фурами находился на реке Саммуре, забирая искупленный хлеб. Жители селения, где он оставался, объявили ему, что Ших-Али-хан и Хамбугтай идут с войском для нападения на русских и партии их должны быть скоро на Саммуре. По сему известию Калышкин нагруженные провиантом фуры отправил с прикрытием в дер. Худат, а сам с двумя казаками остался ночевать в прежнем селении. Жители, ожидавшие ежеминутно войска Хамбугтаевского, усиленно просили Калышкина выехать из деревни, что он исполнил на рассвете дня; но только отъехал с версту, как вдруг напали на него злодеи и вместе с казаками взяли в плен, с ним пропала значительная сумма казённых денег. В то же время партия неприятелей в числе 500 напали на транспорт, шедший с провиантом в 5 верстах от деревни Худат, отбили 40 пар волов с фурами, из людей же никого в плен не взяли, а убили только двоих. Хищники привезли свою добычу к ханам, которые стояли в 15 верстах от сказанной деревни у подошвы гор с войсками».

**И.Т.Раджицкий, «Историческое известие
о походе российских войск в 1796 г.
в Дагестан и Персию под командой графа В.А.Зубова»**

«Отряд генерал-майора Булгакова при Кубе усилен был одним легкоконным полком и одним мушкетёрским полком <...>. Подкрепления кубинского отряда требовали самые обстоятельства. Беглый Шейх-Али-хан нашёл пристанище в Ахтипаре, области лезгинской, по реке Самуру, в ущельях гор лежащей, преклонил на свою сторону соседнего оной владельца Хамбута-Сурхай-хана казикумыцкого, а сей собрал немало акушинцев и прочих лезгин, обитающих по Самуру. Кубинские жители тайно питали к Шейх-Али-хану приверженность, а Вали-бек, наиб кубинский, и руководил даже действиями Шейх-Али-хана, как последствия оказали, но так тайно, что российское военное начальство отнюдь не имело ни малейших на Вали-бека подозрений. С такими пособиями (поддержка дагестанцев и тайная помощь кубинского наиба) Шейх-Али-хан и Хамбутаи предприняли сделать удар на кубинский отряд и знатное число войск совокупили при деревне Олпане, кубинского владения и кубинского округа <...> отделявшейся от лагеря российского отряда только восьмью верстами, покрытыми дремучими лесами.

Начало к тому сделано 30 сентября. Партия шейхалиханова отогнала 145 волов подвижного провиантского магазина кубинского отряда, принадлежавших вольным фурщикам, пасшихся недалеко от отряда, и захватили бывших при них двух малороссиян.

Генерал-поручик Булгаков послал при капитане Семёнове 100 егерей к стороне гор, откуда неприятельская партия исходила, для открытия неприятеля. Сей деташамент, отойдя 4 версты, нашёл неприятельские пикеты и, остановясь, послал о том донесение к Булгакову. Сей немедленно отправил в усиление сей команде при подполковнике Бакунине 200 егерей, 100 гренадер, 100 казаков и две или три егерские пушки. Тогда была уже ночь, как сей деташамент присоединил к себе команду капитана Семёнова. Несмотря на то, оный в густоте леса и в темноте ночи продвигался вперёд и вёл небольшую перепалку с пикетами неприятельскими, которые отступали. Таким образом, подполковник Бакунин приблизился к деревне Олпан 1 октября.

Положение сей деревни на косогоре: на пути к ней российского деташамента лежал глубокий овраг, коим оканчивался лес. Здесь скрывалось неприятеля не менее 13 тысяч.

Лишь только Бакунин к сей засаде приблизился, как вдруг вся она толпа ударила на него в ручной бой. Сражение было жестокое. Пушки могли только сделать несколько выстрелов и достались в неприятельские руки. Неприятель тем жесточе наносил войскам нашим поражение, чем менее его ожидали и чем способнее было для него место битвы. Подполковник Бакунин был убит в самом начале, и сие усугубило расстройство; с ним же пало оберофицеров 6 и нижних чинов 245; ранено нижних чинов 55, притом потеряно, кроме прочих вещей, ружей 24 и пистолетов 154. Оставшиеся обметались брёвнами и оборонялись; но неприятель был уже доволен своим успехом».

**П.Г.Бутков, «Материалы для новой истории Кавказа,
с 1722 по 1803 гг.»**

«Полковник Стоянов, пришед на место сражения, нашёл убитыми: подполковника Бакунина, двух капитанов, двух поручиков, одного подпоручика и 240 раненых, обезображенных, обнажённых».

**И.Т.Радожицкий, «Историческое известие
о походе российских войск в 1796 г.
в Дагестан и Персию под командой графа В.А.Зубова»**

«Мы уже упоминали о Нурали-хане ширазском, который явился под Дербент к генерал-майору Савельеву. Сей двадцатилетний хан сопровождал командующего в походе войск, пользовался полною свободою и достаточным, приличным достоинству его содержанием, со свитою его довольно немало-численною. Когда Шейх-Али-хан дербентский бежал, Нурали-хану отдано всё оставшееся в лагере его имущество и имели в виду поставить его где-нибудь при удобном случае владельцем, как человека нам преданного; ибо во всё время нельзя было проникнуть в истину его намерений, но и ничего другого нельзя было из поступков его заметить, кроме преданности его к видам нашим.

Ибраим-хан карабагский, прислав к главнокомандующему своего сына, возбудил против нас Мустафа-хана шамахийского и Селим-хана шекийского и для лучшего в сем деле успеха склонил на свою сторону помянутого Нурали-хана, обещая выдать за него дочь свою, редкой красоты. Нурали-хан уведомил Ибраим-хана о положении главного корпуса, и положено было между ними сделать удар на табуны главного корпуса, а потом на самый лагерь; особенно же на жизнь главнокомандующего, полагая, что когда он будет убит, тогда всё уже побеждено. Нурали-хан располагал сим замыслом и под видом услуги набрал в свиту свою до ста персиян <...>. Судьбе угодно было отворотить это злодейство. Случайно попало письмо Нурали-хана к Мустафа-хану, в коем первый назначал день и час, когда Мустафа должен напасть нечаянно на российский лагерь и прямо на ставку главнокомандующего, а он, Нурали, будет с людьми своими в готовности, нападёт вместе с Мустафою и убьёт главнокомандующего.

Тотчас палатки Нурали-хана ночью окружены военною командою, и сей вероломный и неблагодарный человек взят под караул и скоро через Баку в Астрахань отправлен. В свите его у всех нашли в готовности оружие, которое иметь им воспрещено было и ими приготовлено тайно.

Шамахийский хан, узнавши, что случилось с Нурали-ханом, тотчас оставил Новую Шамаху и удалился в горы <...>. В сих обстоятельствах Селим-хан шекийский, как недоброжелатель Мустафы-хана, предлагал главнокомандующему разорить владения Мустафы-хана. Граф Зубов не восхотел тому по-следовать».

**П.Г.Бутков, «Материалы для новой истории Кавказа,
с 1722 по 1803 гг.»**

Сказание о генерале Ермолове

«История заговора и интриги ханов, их лицемерие и коварство были, разумеется, известны в войсках. Ермолов, как человек, близкий к Зубову, тем более не мог всего этого не знать. Играло роль и то обстоятельство, что именно бригада генерала Булгакова должна была обезопасить корпус от происков Шейх-Али-хана.

Тяжёлый опыт 1796 года и стал фундаментом, на котором командующий Кавказским корпусом генерал Ермолов строил свои отношения с ханами в 1817–1825 годах. Будучи уверен, что ни одному хану доверять нельзя, Ермолов, как мы увидим, делал всё от него зависящее, чтобы вообще ликвидировать этот институт. Он следовал примеру князя Павла Дмитриевича Цицианова, командовавшего на Кавказе с 1802 по 1806 год и положившего начало тотальному наступлению на ханства».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«Достигнув Аракса, войска Зубова остановились на зимовку. Дорога в Персию была открыта. Мухамед-хан для защиты собрал многочисленную армию с 80-ю слонами, но судьба не привела Ермолова быть свидетелем нового сражения при Арабеллах».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

«6 ноября 1796 года внезапно умерла императрица Екатерина. А 1 декабря в отряд генерала Булгакова прискакал из Петербурга подполковник граф Витгенштейн – будущий фельдмаршал – с известием о вступлении на престол Павла Петровича и приказом Зубову о прекращении военных действий.

Рухнули не только планы будущих завоеваний, но и грандиозные проекты освоения края...

Вместо этого было сурово наказано новым императором немедленно возвращаться на российскую территорию, причём не всем корпусом, а каждому полку отдельно.

Это был изощрённый способ унижить ненавистного Павлу Зубова. Каждый полковой командир получил индивидуальный приказ об отступлении, и, таким образом, все они фактически выводились из-под командования Зубова. О военной стороне дела Павел не задумывался. <...>

Движение отдельными полками было чревато катастрофой. Шейх-Алихан со своим ополчением неизбежно воспользовался бы этой раздробленностью войск корпуса.

На военном совете решено было двигаться крупными соединениями.

До выхода с завоёванных территорий необходимо было произвести целый ряд сложных манёвров для концентрации войск, обеспечения прикрытия отступающих и выбора наиболее удобных маршрутов.

Функцию прикрытия осуществлял отряд генерала Булгакова, так что Ермолов с его орудиями находился в состоянии боевого напряжения до того момента, когда полки миновали Дербент и приблизились к российским землям».

Я.Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«Обратный поход в ненастное время был из самых тягостных. У Ермолова лафеты ломались беспрестанно; один только почтенный старец лафет 1/2 картаульного единорога, помнивший графа Шувалова, вернулся без ломки и починок. Лихие кубинские батальоны, бывшие в отряде Булгакова, полюбили своих ратных товарищей артиллеристов и безропотно тащили пушки... Миновав Дербент, Ермолов сдал свою команду и следовал при войсках вольным казаком».

В.Ф.Ратч, «Сведения об Алексее Петровиче Ермолове»

Глава третья

Арест. Увольнение. Ссылка (1798–1801)

«Начавши службу так удачно, Алексей Петрович с шестнадцати лет приобрёл самостоятельность и репутацию, которые сулили ему блестящую будущность. Но судьба неожиданно подставила ему ногу.

Смоленский губернатор сделал донос на Каховского, брата Алексея Петровича по матери. Тот был взят по этому доносу под арест, а вместе с ним был арестован и Ермолов: его взяли и отвезли в Калугу.

Но чуть только Ермолов явился в Калугу к губернатору, ему было объявлено всемилостивейшее прощение государя и возвращена шпага. Тем не менее, однако, Ермолов счёл себя всем этим крайне оскорблённым и требовал от генерала Линденера объяснений, которых тот ему, разумеется, не дал, но зато тотчас же секретно донёс о нём как «о человеке неблагонадёжном». Последствием этого нового доноса было то, что за Ермоловым в Калугу был прислан из Петербурга курьер, который и отвёз его прямым трактом в Петропавловскую крепость...»

**Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов.
Биографический очерк»**

«Будучи произведён, по возвращении из похода в Персию, в подполковники, молодой Ермолов, командовавший артиллерийскою ротою, проживал в Несвиже; он квартировал вместе с доблестным князем Дмитрием Владимировичем Голицыным, братом его – умным князем Борисом, и двоюродным их братом – князем Егором Алексеевичем. Ермолов был поручен ещё в войну 1794 года командиру Низовского полка полковнику Ророку, который в свою очередь передал его капитану того же полка Пышницкому (впоследствии начальнику дивизии); он подружился здесь с подпоручиком Низовского полка князем Любецким, известным по своим высоким способностям и обширным сведениям.

Александр Михайлович Каховский, единоутробный брат А.П.Ермолова, столь замечательный по своему необыкновенному уму и сведениям, проживал спокойно в своей деревне Смоляничи, находившейся в сорока верстах от Смоленска, где был губернатором Тредьяковский, сын известного пииты¹, автора «Телемахида». Богатая библиотека Каховского, его физический кабинет, наконец празднества, даваемые им, привлекали много посетителей в Смоляничи, куда молодой Ермолов прислал шесть маленьких орудий, взятых им в Праге после штурма этого предместья, и небольшое количество пороха, коим воспользовался хозяин для делания фейерверков. Независимое положение Каховского, любовь и уважение, коими он везде пользовался, возбудили против него, против его родных и знакомых – недостойного Тредьяковского, заключившего братский союз с презренным Линденером, любимцем императора Павла. Каховский и все его ближайшие знакомые были схвачены и посажены в различные крепости под тем предлогом, что будто бы они умышляли против правительства; село Смоляничи с библиотекою и физическим кабинетом было продано с публичного торга, причём каждый том сочинения и каждый инструмент были проданы порознь; Линденер удержал у себя из вырученной суммы двадцать тысяч рублей, а Тредьяковский пятнадцать тысяч рублей. Село Смоляничи досталось Реаду. Во время отступления наших войск от западной границы, в первую половину Отечественной войны, Ермолов, проходивший со штабом первой армии через Смоляничи, нашёл здесь много книг с гербом Каховского».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

«В Списке населённых мест Смоленской губернии по сведениям за 1859 год, выпущенном центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, есть упоминание о сельце Смоляничи. Расположено оно было по Мстиславскому просёлочному тракту на речке Руфе в тридцати верстах от уездного города Красный. Насчитывалось в нём семь дворов, в которых проживало тридцать мужчин и тридцать две женщины. К началу прошлого века население сократилось до 23 мужчин и 28 женщин. Зато на территории Смоляничей действовал сыроваренный завод и значилась усадьба. Собственно, само слово «сельцо» и подразумевало наличие барского дома плюс несколько изб для челяди, по-нынешнему – обслуживающего персонала.

Однако знали Смоляничи и лучшие времена, о чём свидетельствуют экономические примечания к планам Генерального межевания (конец XVIII

¹ Пиита – прежнее название поэта; теперь употребляется в ироническом смысле. Большой словарь иностранных слов. Издательство «ИДДК», 2007.

века). Тогда на территории сельца в шестнадцати крестьянских дворах насчитали 120 душ. Отметили переписчики и господский дом, и регулярный парк с плодовым садом, и два пруда с рыбой, да ещё мельницу с двумя жерновами. А владели этим имением артиллерии майор Пётр Алексеевич Ермолов и его жена Мария Денисовна, в первом замужестве – Каховская. По официальной версии хозяйка Смоляничей вышла замуж за орловского дворянина, будучи вдовой. Однако у некоторых исследователей есть по этому поводу сомнения. Смоленский помещик ротмистр Михаил Каховский, скорее всего, умер в начале восьмидесятых годов восемнадцатого столетия. К тому времени у Марии Денисовны уже имелся сын от Ермолова – Алексей (родился в 1777 году). И от первого мужа она растила сына Александра.

По традиции тех лет дворянские дети сызмальства готовились к службе царю и Отечеству. Александр Михайлович Каховский сделал неплохую военную карьеру. Служил он в штабе А.В.Суворова, был любимым адъютантом фельдмаршала. Ещё ранее отличился при взятии крепости Очаков (1788 г.), когда «взойдя на бастион с частью батальона мужественно поражал неприятеля и взял пашу». Полковник А.М.Каховский участвовал в военных действиях русской армии в Польше. «За усердную службу» и «отличное мужество» при взятии варшавского предместья Праги был награждён орденом Владимира 3-й степени. Но, несмотря на несомненные заслуги смоленского дворянина, Павел I счёл необходимым избавиться от него, впрочем, как и от многих других офицеров, отличавшихся независимостью взглядов и не разделявших прусские симпатии императора. В 1796 году (возможно, в начале 1797 года) полковник Каховский выходит в отставку и поселяется в смоленском имении Смоляничей».

А.Лапикова, «Заговорщики из Смоляничей»

«В помещичий дом в сельце Смоляничей, что в Краснинском уезде Смоленской губернии, куда с 1797 г. был вхож Алексей <Ермолов>, часто съезжались офицеры из расквартированных в губернии полков. Многие из них были отставлены от службы императором-самодуром. В имении была богатейшая библиотека, и друзья читывали вслух и разбирали сочинения Вольтера, Дидро, Гельвеция, Руссо, Радищева. Офицеры горячо отстаивали русскую самобытность, спорили о «царстве разума», а кое-кто даже «обнажал царевбийственный кинжал» и одобрял радикальные меры Французской революции (кстати, в подвалах дома хранился изрядный арсенал оружия и более шести пудов пороху). И хотя взгляды друзей не отличались стройностью, да и конкретной программы действий не было, но здесь открыто осуждалась патологическая жестокость, произвол и пруссофилия Павла, которого аттестовали не иначе как «Бутов» <выделено. ред.> и «Курносый»; сторонников же его

режима презрительно называли «клопами», «сверчками», «мухами». Строгая конспирация соблюдалась ядром кружка, участники коего носили условные имена: полковник Дехтерев – Гладкий, отставленный от службы единоутробный брат Ермолова Каховский – Молчанов, сам Ермолов – Еропкин. Интересно, что согласно В.И.Далю, прозвание «Еропкин» происходит от слова «Еропа» и знаменует собой человека «надутого, чванного, самодовольного». Едва ли эти качества были присущи молодому Ермолову, хотя самолюбие и чувство собственного достоинства были свойственны ему вполне. Следует заметить, что вообще прозвища кружковцам давались иногда самые парадоксальные: так, офицера по фамилии Ломоносов именовали ТрEDIAаковским (а ведь известно, что в XVIII в. В.К.ТрEDIAаковский и М.В.Ломоносов были литературными антагонистами)».

Лев Бердников, «Остёр до дерзости»

«Летом 1798 г. в руки Павла I попали сведения о существовании в армии оппозиции его режиму, которая, с одной стороны, была связана с братьями Зубовыми, а с другой – ориентировалась на наследника престола.

В Петербургском драгунском полку, расквартированном в Смоленской губернии, весной 1798 г. произошёл конфликт между шефом полка В.П.Мещёрским и его офицерами, так же недовольными гатчинской муштрой, как и в дивизии Суворова. Желая пресечь такие настроения, Мещёрский издал приказ, запрещающий офицерам полка критиковать новую форму, судить об образе службы, обсуждать повеления начальства. Командир полка П.В.Киндяков потребовал, чтобы шеф персонально указал, кого именно он имел в виду, издавая приказ. Мещёрский отказался и вскоре донёс инспектору кавалерии Ф.И.Линденеру, что в доме полкового командира собираются «молодые легкомыслящие офицеры». 25 июля была создана следственная комиссия во главе с Линденером, любимцем Павла I.

В ходе расследования выяснилось, что более двух лет в Смоленской губернии действовал антиправительственный кружок, состоявший из офицеров Петербургского драгунского, Московского гренадерского, 4-го артиллерийского полков, чиновников местной администрации, отставных военных и гражданских лиц. Ядро кружка – «канальский цех» – составляли 8–10 человек, носивших конспиративные клички. Связанных же с кружком лиц насчитывалось около трёх десятков. Главными действующими лицами здесь были Каховский и исключённый из службы бывший командир Петербургского полка полковник П.С.Дехтерев. В кружок входили сменивший его на этом посту полковник Киндяков, офицер того же полка полковник И.Бухаров, подполковник А.П.Ермолов, командовавший ротой 2-го артиллерийского батальона, капитан В.С.Кряжев, адъютант и управляющий канце-

лярией смоленского военного губернатора. Им покровительствовали шефы Петербургского полка генерал-лейтенант П.И.Боборыкин и генерал-майор Д.Тараканов.

С кружком были связаны чины губернской администрации: предводители дворянства (губернский Н.Б.Потёмкин и уездный М.О.Сомов), чиновники канцелярии военного и гражданского губернатора С.Тучков, А.Потапов, Т.Туголмин. Возможно, знал о существовании кружка и сам губернатор М.М.Философов, в прошлом участник оппозиционного кружка братьев Паниных; он оказывал покровительство Дехтереву и Каховскому, а также опальному генералу П.Б.Пассеку и сыну его, будущему декабристу П.П.Пассеку.

М.М.Сафонов, «Загадка опалы Суворова»

«В Центральном государственном архиве древних актов хранятся чрезвычайно интересные материалы следствия, произведённого в 1798 году генерал-лейтенантом Ф.И.Линденером по делу «смоленских заговорщиков». Из этого дела (фонд Госархива, разряд VII, № 3251) видно, что «смоленские заговорщики» не ограничивались одной подготовкой убийства всем ненавистного Павла, их цели были значительно шире. Сам генерал Линденер называет заговорщиков «якобинцами» и «приверженцами вольности», свидетельствуя, что на своих собраниях они произносили «вольные или, паче сказать, дерзкие рассуждения о правлении, о налогах, о военной строгости и об образе правления», а также производили «чтение публичное в своей квартире запрещённых книг, как-то Гельвеция, Монтескье, «натуральную систему» и прочие таковые книги, развращающие слабые умы и поселяющие дух вольности, хваля французскую республику, их правление и вольность...» (лист 298). <...> Как видно из материалов следствия, в тайных группах состояло свыше тридцати человек, однако Линденер не без основания предполагал, что их значительно больше, и только по не зависящим от него обстоятельствам ему не удалось выявить всю тайную организацию «от Калуги до литовской границы и от Орла до Петербурга», как предполагал генерал. «Смоленские заговорщики» проводили антиправительственную пропаганду не только среди офицеров, но делали попытки обращаться и непосредственно к народу. В одном из своих донесений Линденер сообщает: «Каховский и Замятин, который, конечно, во всём есть подражатель той шайки, едучи по дороге, разговаривали с извозчиком, не иначе как в намерении их возмутить против государя императора, о умножающихся налогах и угнетениях и что при нынешнем правлении будто против прежнего народ отягощён, на что извозчик сей отвечал: «каково вам, дворянам, таково и нам». За сие Каховский, мужика обняв, поцеловал в бороду» (лист 182, оборот)».

Н.А.Задонский, «Денис Давыдов» (в примечаниях)

«Между офицерами армейских полков, квартировавших в Смоленской губернии, развилось сильное неудовольствие из-за крутых мер и преобразований, вводимых новым императором, и особенно из-за опалы, постигшей тогда любимого фельдмаршала Суворова. По доносу смоленского губернатора было назначено следствие, и между скомпрометированными офицерами был родной брат Ермолова по матери, Каховский, а письма, найденные у него, замешали в дело также и Ермолова.

В.Я.Потто, «Кавказская война»

«По возвращении своём из персидского похода, в 1797 году, Алексей Петрович Ермолов служил в четвёртом артиллерийском полку, коим командовал горький пьяница Иванов, предместник князя Цицианова (брата знаменитого правителя Грузии). Этот Иванов во время производимых им ученьев имел обыкновение ставить позади себя денщика, снабжённого флягою с водкой; по команде Иванова: «Зелена», ему подавалась фляга, которую он быстро осушивал. Он после того обращался к своим подчинённым с следующей командой: «Физики, делать всё по старому, а новое – вздор». Рассердившись однажды на жителей города Пинска, где было нанесено оскорбление подчинённым ему артиллеристам, Иванов приказал бомбардировать город из двадцати четырёх орудий, но, благодаря расторопности офицера Жеребцова, снаряды были поспешно отвязаны, и город ничего не потерпел. Пьяный Иванов, не заметивший этого обстоятельства, приказал по истечении некоторого времени прекратить пальбу; вступив торжественно в город и увидав в окне одного дома полицмейстера Лаудона, он велел его выбросить из окна».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Все́м обязан он <Ермолов говорит о себе то в третьем, то в первом лице. – прим. ред. первого издания.> единственно милосердию Государя. Спрашиван о многих обстоятельствах, относившихся до его брата, но как они совершенно не были известны Ермолову и были даже вымышлены, то ответы его заключались в одних отрицаниях. Генер. Л., призвав к себе офицера, сопровождавшего Ермолова, объявил ему о дарованной ему свободе и чтобы он отправился обратно, если Ермолов пожелает возвратиться один. Ласково простясь с Ермоловым, он сказал, что посланному навстречу ему офицеру приказано отдать бумаги Смоленскому коменданту генер. майору князю Долгорукову, в случае если ещё он не препровождён из Несвижа. Сказать, что между возвращёнными бумагами недостаёт журнала и нескольких чертежей, составленных во время пребывания в Австрийской армии в Альпийских го-

Сказание о генерале Ермолове

рах, которые Государь изволит рассматривать. Проезжая обратно Смоленск, Ермолов получил бумаги, доставленные разъехавшимся, вероятно, в ночное время офицером и привёз в Несвиж данное шефу батальона повеление».

«Заметки А.П.Ермолова о его молодости»

«Отданный под наблюдение поручика Ограновича, он <Ермолов> был заперт в своей квартире, причём все окна, обращённые на улицу, были наглухо забиты и к дверям был приставлен караул; одно лишь окно к стороне двора осталось отворённым. Вскоре последовало приказание о том, чтобы отвести Ермолова на суд к Линденеру, проживавшему в Калуге; невзирая на жестокие морозы, Ермолов был посажен с Ограновичем в повозку, на облучке которой сидело двое солдат с обнажёнными саблями, и отправлен через Смоленск в Калугу. Остановившись для отдыха в Смоленске, Ермолов был предупреждён губернским почтмейстером, давним приятелем его семейства, о презренных свойствах Линденера, не любившего щадить кого бы то ни было. Между тем прислано было из С.-Петербурга высочайшее повеление о прощении подсудимых, вина которых была даже в Петербурге найдена ничтожною. Приезд Ермолова в Калугу, где он остановился у дома Линденера, возбудил всеобщее любопытство. Линденер, будучи в то время нездоров, приказал привести к себе в спальню Ермолова, которому было здесь объявлено высочайшее прощение. Линденер почёл, однако, нужным сделать строгий выговор Ермолову, которого вся вина заключалась лишь в близком родстве и дружбе с Каховским; заметив удивление на лице Ермолова, Линденер присовокупил: «Хотя видно, что ты многого не знаешь, но советую тебе отслужить пред отъездом молебен о здравии благодетеля твоего – нашего славного государя». Приняв во внимание советы многих, утверждавших, что если им не будет отслужен молебен, то он вновь неминуемо подвергнется новым преследованиям, Ермолов, исполнив против воли приказание Линденера, отправился с Ограновичем в обратный путь».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

А.П.Ермолова — А.М.Каховскому

17 мая 1797 г.

Любезный брат Александр Михайлович.

Я из Смоленска в двое суток и несколько часов провёл в Несвиже. Излишне описывать вам, как здесь скучно, Несвиж для этого довольно вам знаком. Я около Минска нашёл половину нашего батальона, отправляемого в Смоленск, что и льстило меня скорым возвращением к приятной и покойной жизни;

но я ошибся чрезвычайно; артиллерия вся возвращена была в Несвиж нашим шефом, или, лучше сказать, Прусскою Лошадью (на которую надел Государь в проезде орден 2-го класса Анны). Нужно быть дураком, чтоб быть счастливым; кажется, что мы здесь долго весьма пробудем, ибо недостаёт многого числа лошадей и артиллерию всю починять нужно будет. Я команду здесь шефскою ротою, думаю, с ним недолго будем ходить, я ему ни во что мешаться не даю, иначе с ним невозможно. Государь баталиону приказал быть здесь впредь до повеления, а мне кажется, уж навсегда. Мы беспрестанно здесь учимся, но до сих пор ничего в голову вбить не могли, и словом, каков шеф, таков и баталион; обоими похвастать можно, следовательно, и служить очень лестно. Сделайте одолжение, что у вас происходило во время приезде Государя, уведоьте, и много ль было счастливых. У нас он был доволен, но жалован один наш скот. Несколько дней назад проехал здесь общий наш знакомый г. капитан Бутов <одно из прозвищ Павла I>; многие, его любящие, или, лучше сказать, здесь все бежали к нему навстречу, один только я лишён был сего отменного счастья – должность меня отвлекала; но я не раскаиваюсь, хотя он более обыкновенного мил был. Поклонитесь от меня почтеннейшему Вырубову, Каразцову, тож любезному Тредьяковскому, может, и Бутлеру; хотел писать на «итальянском диалекте», но нет время, спешу, офицер сию минуту отправляется. Однако ж с первым удобным случаем ему и Гладкому писать буду. Мордвинову – также; я воображаю его в Поречье и режущегося с своим шефом, как в скором времени надеюсь резаться с своим; но он ещё меня счастливей – он близко от Смоленска, от вас, которые можете разогнать его скуку, – а я имел счастье попасться между такими людьми, которые только множить её могут. Вспомните обо мне Бачуринскому, Стрелевскому и всем тем, которые меня не совсем забыли. Прощайте.

Алексей Ермолов

Проклятый Несвиж, резиденция дураков».

«Следствие в Смоленской губернии проходило в два этапа. Первый протекал в Дорогобуже, второй – в Смоленске. На первом этапе в июле – августе были арестованы офицеры Петербургского драгунского полка и ряд отставных. Их обвинили в царевбийственных замыслах, лишили чинов и дворянства; троих заточили в крепость, прочих отправили в ссылку, причём пятерых – в Сибирь. На этом дело было прекращено. Однако в ноябре Линденер затеял по этому же делу новое следствие, произвёл новые аресты. Он привлёк к расследованию офицеров других частей, чиновников местной гражданской и военной администрации.

Кроме того, его стараниями выяснилось, что к смоленскому делу в той или иной степени причастны генерал-прокурор А.Б.Куракин, чиновники

Сказание о генерале Ермолове

его канцелярии М.М.Сперанский и Пшеничный, канцлер А.А.Безбородко, его ближайший помощник Д.П.Трошинский, племянник канцлера В.П.Кочубей, генерал-адъютант А.И.Нелидов, двоюродный брат фаворитки царя, жена киевского военного губернатора А.Дашкова, смоленский военный и гражданский губернатор Философов, генерал-лейтенант Боборыкин, генерал-майоры Тараканов, Белуха, шефы Петербургского драгунского полка братья П.А. и В.А. Зубовы».

М.М.Сафонов, «Последняя страница жизни А.В.Суворова – предсмертная опала – остается до сих пор не вполне понятной»

«Откровенные показания одного из арестованных, капитана В.С.Кряжева, позволили руководившему дознанием генералу Ф.И.Линденеру в ходе возобновленного в ноябре 1798 г. разбирательства вскрыть связи смоленских заговорщиков с широким кругом высокопоставленных лиц в Петербурге. Преодолевая сопротивление столичных «протекторов» заговора, включая генерал-прокурора П.В.Лопухина, которые добились прекращения дела, Линденер передал в начале 1799 г. показания Кряжева лично Павлу. Именно в них арестованный, среди прочего, писал: «... Ещё однажды случилось мне слышать от полковника Каховского, что он при самом начале царствования государя имел план к перемене правления...», который состоял в том, чтобы склонить командовавшего в 1796 г. войсками в Тульчине Суворова выступить против Павла и свергнуть его с престола. «Но сего плану не мог открыть графу Суворову не быв допущен к нему его адъютантами, которым он однако ж о сём открыл.»»

К.Л.Козюренко, «К вопросу о причинах опалы А.В.Суворова 1800 г.»

«Между тем коварный Линденер, донося государю о приведении в исполнение его воли, изъявил, однако, сожаление, что его величество помиловал шайку разбойников, заслуживающих лишь строжайшего наказания. Ермолов, возвратившись к своей роте, оставался спокойным в течение пятнадцати дней, но прибывшему после того фельдъегерю было приказано доставить его в С.-Петербург со всеми его бумагами; так как опасались бегства обвиненного, то фельдъегерю было приказано оказывать ему дорожную всевозможное внимание».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове

«Я не был отставлен от службы, не был выключен, ниже арестован, и объявлено, что государь желает меня видеть.

Без затруднения дано мне два дня на приуготовление к дороге: до отъезда не учреждено за мною никакого присмотра; прощаюсь с знакомыми в Несвиже и окрестности и отправляюсь.

В жизни моей нередко весьма уловлял я себя в недостатке предусмотрительности, но в 22 года, при свойствах и воображении, от природы довольно пылких, удостоенный всемилостивейшего прощения, вызываемый по желанию государя меня видеть, питающий чувства совершеннейшей преданности, я допускал самые обольщающие мечтания и видел перед собой блистательную будущность. Пред глазами было быстрое возвышение людей неизвестных и даже многих, оправдавших своё ничтожество, и меня увлекали надежды!

В дороге фельдъегерь оказывал мне угодливость; на последней к П[етер]бургу станции, куда приехали мы до обеда, советовал дожждаться вечера, говоря, что могу быть встречен знакомыми, и неприятно будет мне дать повод к невыгодным о себе заключениям. Тут начало мне представляться положение моё совсем в другом виде. В П[етер]бурге привезли меня прямо в дом генерал-губернатора Петра Васил[ьевича] Лопухина. Долго расспрашиваемый в его канцелярии, фельдъегерь получил приказание отвезти меня к начальнику тайной экспедиции. Оттуда препроводили меня в С.-П[етер]бургскую крепость и в Алексеевском равелине¹ посадили в каземат. В продолжение двухмесячного там пребывания один раз требован я был генерал-прокурором: взяты от меня объяснения начальником тайной экспедиции, в котором неожиданно встретил я г. Макарова, благороднейшего и великодушного человека, который, служа при графе Самойлове, знал меня в моей юности и наконец его адъютантом. Ему известно было о дарованном мне прощении, о взятии же меня в другой раз он только что узнал, что по приказанию государя отправлен был дежурный во дворце фельдъегерь, и причина отсутствия его покрыта тайною. Объяснения мои изложил я на бумаге; их поправил Макаров, конечно не прельщённый слогом моим, которого не смягчало чувство правоты, несправедливого преследования и заточения в каземате. Я переписал их и возвратился в прежнее место.

<...> В равелине ничего не происходит подобного описываемым ужасам инквизиции, но конечно многое заимствовано из сего благодетельного и человеколюбивого установления. Спокойствие ограждается могильною тишиною, совершенным безмолвием двух недремлющих сторожей, почти не-

¹ Равелин (от итал. *gavellino*) (воен. устар.) – вспомогательное крепостное сооружение в форме угла с вершиной к противнику, расположенное перед основной крепостной оградой. Алексеевский равелин (часть Петропавловской крепости в Ленинграде, обращенная в тюрьму Петром I, заточившим там своего сына Алексея, и при царизме бывшая тюрьмой для революционеров). Толковый словарь Д.Н.Ушакова.

разлучных. Охранение здоровья заключается в постоянной заботливости не обременять желудка ни лакомством пищи, ни излишним его количеством. Жилища освещаются неугасимую сальной свечою, опущенною в жестяную с водою трубкою. Различный бой барабана при утренней и вечерней заре служит исчислением времени; но когда бывает он не довольно внятн, поверка производится в коридоре, который освещён дневным светом и солнцем, неизвестными в преисподней».

«Заметки А.П.Ермолова о его молодости»

«Остановившись сперва у квартиры генерал-прокурора Лопухина на Ггаринской пристани, они были пересланы в дом, занимаемый Тайною канцелярией, находившейся на Английской набережной. Вследствие приказания старшего чиновника этой канцелярии Ермолова повезли на время в Петропавловскую крепость, где заперли в каземат, находившийся под водою в Алексеевском рavelине. Комната, в которой он был заключён под именем преступника № 9, имела шесть шагов в поперечнике и печку, издававшую сильный смрад во время топки; комната эта освещалась одним сальным огарком, которого треск, вследствие большой сырости, громко раздавался, и стены её от действия сильных морозов были покрыты плесенью. Наблюдение за заключёнными было поручено Сенатского полка штабс-капитану Иглину и двум часовым, неотлучно находившимся в комнате. Весьма часто, когда Ермолов обращался с каким-либо вопросом к одному из них, наиболее добродушному, он получал в ответ: «Не извольте разговаривать; нам это строго запрещено; неравно это услышит мой товарищ, который тотчас всё передаёт начальству».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«В ходе расследования выяснилось, что руководители кружка дружественными и служебными узами тесно связаны с зубовским семейством. Согласно показаниям Кряжева, «Каховский и Дехтерев, будучи подкрепляемы, почитали себе протекторами кн. Платона и Валериана Зубовых». По заключению Линденера, Зубовых Дехтерев «почитал более всего и, конечно, во всем ими подкрепляем был». По словам Мещёрского, Дехтерев был «любимцем» и «протеже» В.А.Зубова, его «творением» и «по нём вышел из ничего в полковники». Павел Киндяков также был «привязан» к брату фаворита и считался у него «приближённым». Среди членов кружка были офицеры, участвовавшие в персидском походе Зубова. Ермолов, брат Каховского по матери, в 1794 г. находился в Польше, а в 1796 г. – в Закавказье под командованием Зубова. Отец Ермолова служил под начальством генерал-фельдцейхмейстера

Сказание о генерале Ермолове

П.А.Зубова и был «правой рукой» екатерининского фаворита. В молодости Ермолов был близок к П.А.Зубову и очень высоко ценил его. Жена командира Московского драгунского полка М.И.Зыбина приходилась Ермолову родной тёткой».

М.М.Сафонов, «Загадка опалы Суворова»

«Ермолов в молодости, будучи ещё полковником, столь дерзко держался с вышшими, что, по воспоминаниям современников, они мечтали, чтобы он поскорее стал генералом, ибо тогда уже не так стыдно будет выносить его дерзости».

Русский
литературный анекдот

«Выйдя из камеры Алексеевского рavelина, Ермолов обломком мела начертал над входом: «Свободна от постоя».

Русский
литературный анекдот

«После трёхнедельного заключения он был повезён, в 7 часов утра, к Лопухину, у которого он застал несколько лиц в анненских лентах. Лопухин, строго приказав ему ничего не таить во время допроса, велел провести его в свою канцелярию; пройдя через ряд тёмных комнат, он вступил в ярко освещённый кабинет, где нашёл чиновника Макарова, некогда коротко знакомого с отцом его, и встрече с коим в этом месте немало удивился.

По совету Макарова, Ермолов написал на имя государя письмо, которое, будучи сообщая исправлено, было им переписано начисто. Хотя оно было несколько раз прочитано и по возможности исправлено, но от внимания сочинителя и читателей ускользнуло одно выражение, которое, возбудив гнев Павла, имело для Ермолова самые плачевные последствия. В начале письма находилось следующее: «Чем мог я заслужить гнев моего государя?» Прочитав письмо, государь приказал вновь заключить Ермолова в Алексеевский рavelин, где он уже оставался около трёх месяцев».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Нескоро однако же после того прислан фельд-егерь принять арестанта из 9 нумера и отправиться в назначенный путь. Мне приказано одеваться теплее в дорогу. Из убийственной тюрьмы я с радостью готов был в Сибирь. <...>

В дороге фельд-егерь сообщил мне, что должен сдать меня Костромскому губернатору, но что весьма нередко поручается им отправлять несчастных далее и даже в Сибирь.

По прибытии в Кострому, мне объявлено назначение вечного пребывания в губернии, по известному собственно государю императору преступлению. По счастью моему при губернаторе находился сын его, с которым в молодости моей учились мы вместе. По убеждению его он донёс генерал-прокурору, что находит нужным оставить меня под собственным надзором для строжайшего наблюдения за моим поведением, и мне назначено жить в Костроме».

«Заметки А.П.Ермолова о его молодости»

«Ермолову было приказано одеться потеплее и готовиться к дальней дороге; ему были возвращены: отобранное платье, бельё, тщательно вымытое, и принадлежавшие ему сто восемьдесят рублей. В подорожной курьера не было обозначено место ссылки, но сказано было лишь: «С будущим». На все вопросы Ермолова курьер, который был родом турок, долго хранил упорное молчание; он был окрещён и благодетельствован дядею отца Ермолова. Узнав о том, что он едет с родственником своего благодетеля, курьер, сделавшись весьма ласковым с ним, уведомил его, что ему было приказано передать его костромскому губернатору, почтенному и доброму Николаю Ивановичу Кочетову, для дальнейшей отсылки в леса Макарьева на Унже. Будучи доставлен к губернатору, Ермолов узнал в сыне его – бывшего сотоварища своего по московскому университетскому пансиону; по просьбе своего сына благородный Кочетов представил в Петербург, что в видах лучшего наблюдения за присланным государственным преступником он предпочёл оставить его в Костроме. Это распоряжение костромского губернатора относительно Ермолова было одобрено в С.-Петербурге».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Жил Алексей Ермолов «некоторое время в доме губернского прокурора Новикова, а затем ... сошёлся с опальным, как и он, ... Матвеем Платовым. Они стали жить вместе на улице Богословской, 19 (ул. Горная). Но А.Соловьёв и Григоров пишут, что Ермолов жил в районе улицы Горной в доме одной женщины, возможно, это был дом №8А или дом №4. А.Бочков в книге «Старая Кострома» пишет, что Ермолов жил на квартире у священника церкви Иоанна Богослова, дом которого стоял, а возможно стоит и до сих пор на площадке за церковью. Среди местных жителей ул. Горной ходило предание, которое подтверждало, что Ермолов жил именно здесь: «Поселённый на Кадкиной горе, он, будучи совсем молодым, любил зимой кататься с неё на санках. Однажды, мчась вниз, он нечаянно сбил с ног поднимавшуюся с полными вё-

Сказание о генерале Ермолове

драми воды от «дома на 7 ключах» – это дом Кокарева № 29 – кухарку священника, в доме которого квартировал. В качестве извинения он пообещал, что сам будет ходить за водой на ключи, пока живёт у её хозяина». У того же Бочкова есть упоминание о том, что Платов жил в доме Дурыгина ул. Павловской (ул. Симановского, 5А).

В это время в городе жил дядя Ермолова – отставной поручик Николай Васильевич Ермолов, служивший в судебной палате. Его усадьба располагалась за Московской улицей (улица Островского) посреди квартала. Он оказывал опальному подполковнику помощь и различные услуги. В ссылке Ермолов занимался самообразованием, изучал латинский язык, переводил книги античных авторов, брал уроки игры на кларнете, по воскресеньям ходил на службу в церковь Иоанна Богослова или Успенский собор (это известно из ежемесячных отчётов, посылаемых в Петербург), посещал своих друзей и знакомых (дома дочерей Ламба на ул. Русина. Иван Варфоломеевич Ламб – вице-президент военной коллегии, генерал, который сыграл определённую роль в дальнейшей судьбе Ермолова)».

**А.О.Ершова, «Кострома – место ссылки
А.П.Ермолова и М.И.Платова»**

«Я вспомнил рассказ одного костромского старожила, переданный мне лет двадцать тому назад и обрисовывающий характер Алексея Петровича. Вот что он мне рассказал.

Когда Ермолов, в чине подполковника, жил в ссылке в Костроме, он в зимнее время возил на салазках для своей хозяйки, старушки-мещанки, у которой квартировал и которая любила его как сына, воду в ушате или кадке с реки, по обледенелой горе. Иногда присаживался на салазки мальчуган, внучёк хозяйки».

**И.И.Лажечников, «Несколько заметок и воспоминаний
по поводу статьи «Материалы для биографии А.П.Ермолова»**

«Некоторое время жил я в доме губернского прокурора Новикова, человека отлично доброго и благороднейших свойств и вскоре вместе войска Донского с генерал-майором Платовым, впоследствии знаменитым войсковым атаманом, которому по воле Императора назначена также Кострома местопребыванием».

«Заметки А.П.Ермолова о его молодости»

«Минуя В.А.Зубова, царь разослал повеления каждому полку выступить в «непременные квартиры», так что сам главнокомандующий со своим штабом и генералитетом чуть было не попал в плен. Но казачий атаман М.И.Платов ослушался императорского повеления и остался охранять Зубова. По возвращении в Россию Платов угодил вначале в костромскую ссылку, а затем в Петропавловскую крепость...»

М.М.Сафонов, «Загадка опалы Суворова»

«Донской же атаман Платов стал жертвой подозрительности Павла I. После завершения персидского похода недоброжелатели обвинили его в том, что он якобы не выплатил казакам 2-го Чугуевского полка деньги за службу. В итоге его необоснованно посадили на гауптвахту и предали суду, который постановил ехать в Кострому и жить там безвыездно.

Но существует и другая точка зрения, что основанием для ссылки и последующего за ней заключения Платова в крепость послужил ложный на него донос о намерении стать во главе казачьих войск Дона и отделиться от Российской империи.

В конце декабря 1797 г. Матвей Иванович прибыл в Кострому. Здесь он занимался доскональным изучением быта и самих жителей города. Имеется информация о том, что в 1800 г. на средства прихожан, часть которых составляли средства Матвея Ивановича Платова, был перестроен тёплый предел церкви в честь Рождества Христова на Суле. К сожалению, эта церковь была закрыта в декабре 1934 г., а в 1935 г. храм был полностью разрушен».

**А.О.Ершова, «Кострома – место ссылки
А.П.Ермолова и М.И.Платова»**

«Здесь Алексей Петрович встретился и долго жил с знаменитым впоследствии Матвеем Ивановичем Платовым, имевшим уже восемь человек детей. Платов, уже украшенный знаками св. Анны 1-й степени, Владимира 2-й степени, св. Георгия 3-го класса, был сослан по следующей причине: государь, прогневавшись однажды на генерал-майоров: Трегубова, князя Алексея Ивановича Горчакова и Платова, приказал посадить их на главную дворцовую гауптвахту, где они оставались в течение трёх месяцев. Платов видел во время своего ареста следующий сон, который произвёл на него сильное впечатление: «Закинув будто бы невод в Неву, он вытащил тяжёлый груз; осмотрев его, он нашёл свою саблю, которая от действия сырости покрылась большою ржавчиною». Вскоре после того пришёл к нему генерал-адъютант Ратьков (этот самый Ратьков, будучи бедным штаб-офицером, прибыл в Петербург, где узнал случайно один из первых о кончине императрицы; тотчас поскакал

с известием о том в Гатчину, но, встретив уже на половине дороги императора Павла, поспешил поздравить его с восшествием на престол. Анненская лента, звание генерал-адъютанта и тысяча душ крестьян были наградами его усердия). Ратьков принёс, по высочайшему повелению, Платову его саблю, которую Платов вынул из ножен, обтёр об мундир свой и воскликнул: «Она ещё не заржавела, теперь она меня оправдает...» Ратьков, видя в этом намерение бунтовать казаков против правительства, воспользовался первым встретившимся случаем, чтобы донести о том государю, который приказал сослать Платова в Кострому. Между тем Платов, выхлопотавший себе отпуск, отправился чрез Москву на Дон, но посланный по высочайшему повелению курьер, нагнав его за Москвой, повёз в Кострому.

Однажды Платов, гуляя вместе с Ермоловым в этом городе, предложил ему, после освобождения своего, жениться на одной из своих дочерей; он, в случае согласия, обещал назначить его командиром Атаманского полка. Платов, изумлявший всех своими практическими сведениями в астрономии, указывая Ермолову на различные звёзды небосклона, говорил: «Вот эта звезда находится над поворотом Волги к югу; эта – над Кавказом, куда бы мы с тобой бежали, если бы у меня не было столько детей; вот эта над местом, откуда я ещё мальчишкою гонял свиней на ярмарку».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

«В ссылке Ермолов пробыл целые три года, и это время далось ему нелегко. Он был исключён из службы и потерял из виду всех родных и брата своего, Каховского. Знакомые и приятели за немногими исключениями отреклись от него и даже не отвечали на его письма. Таков свет, таковы люди!»

**Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов.
Биографический очерк»**

«Многочисленные приятели прекратили с ним отношения, опасаясь компрометации. Верен ему оказался только друг юности Александр Казадаев, делавший успешную карьеру в Петербурге. Письма к нему и дают нам картину, адекватную реальности. <...> Кроме верного Казадаева через полтора года после прибытия в Кострому у него появился и ещё один корреспондент – его сослуживец поручик Огранович, который сопровождал его в Калугу после первого ареста. Причина длительного молчания Ограновича была вполне уважительна – он участвовал в итальянском походе Суворова».

**Я.А.Гордин, «О роли костромской ссылки
в формировании личности «проконсула Кавказа»**

А.П.Ермолов – А.В.Казадаеву

«...Нет, любезнейший Александр Васильевич, покровителей, которые бы могли облегчить мою участь, все средства вдруг пресекались с моим благополучием, всему для меня конец, отдалён от родных мест, лишился брата, коего не только участь для меня сокрыта, но самое место пребывания его неизвестно.

Любезнейший друг, ты столь хорошо был ко мне расположен, писал ко мне в Польшу, чтобы я назначил, чем одолжить меня. Вот случай не только одолжить меня, но и счастье моё составить. <...> Я жду возможного. Если и в сём случае я столько несчастлив, что по средствам твоим ничего получить невозможно сделать, по крайней мере через подателя сего Ивана Николаевича г-на Назарова, моего хорошего приятеля, сделай милость, отвечай мне. Ты же в состоянии вообразить себе, какое мне доставит сие удовольствие, тем ещё более, что все меня оставили, к кому ни пишу, никто не отвечает. Вот, любезный друг, состояние человека, некогда бывшего счастливым. Теперь и само здоровье от чрезвычайной скорби ослабевает, исчезают способности, существование меня отягощает, лишь обязанность к родным моим обращает меня к должности христианина. Живу я здесь совершенно как монах, отдалён от общества, питая скорбь мою в уединении, о упражнениях скажет тебе подробно приятель мой. <...>

Алексей Ермолов
1799-го года 9-го июля. Кострома.»

А.П.Ермолов – И.Г.Ограновичу

«Любезный друг, Иван Григорьевич!

Не в состоянии изобразить я тебе, какое удовольствие доставило мне письмо твоё, но только смею уверить, что чувства благодарности с моей стороны были соразмерны оному. <...> Весьма лестно быть участником тех побед, которые навсегда принесут вам много чести, доставя сверх того опытность, нужную достойным офицерам, каковы все те, коим некогда имел я счастье быть сотоварищем. Не думай, чтоб лесть извлекала сии приветствия, но верь, что они истинные чувства того, кто за счастье поставляет иметь многих из вас приятелями.

Я, благодаря Всевышнего, живу спокойно, уединённо; счастлив тем, что и здесь многие обо мне хорошо разумеют. Время хоть и медленно течёт для несчастных, но разными упражнениями я сколь возможно его сокращаю; может быть сие и недолго продлится, ибо в милостях государя отчаиваться неблагоприятно, когда многие видят тому примеры. <...> Прощай, любезный друг, и помни покорного слугу Ал. Ермолова.

24 мая 1880 г.
Кострома.»

«Жители города оказывали мне великодушное расположение, не находя в свойствах моих, ни в образе поведения, ничего обнаруживающего преступника. Я возвратился к изучению латинского языка, упражнялся в переводе лучших авторов, и время протекало почти неприметно, почти не омрачая весёлости моей. Судьба, не благоприятствующая мне, возбуждала сетования мои в одном только случае, когда воспоминал я, что баталион артиллерийский, которому я принадлежал, находился в Италии, в армии, предводимой славным Суворовым, что товарищи мои участвуют в незабвенных подвигах непобедимой нашей армии. В чине подполковника я был 22-х лет и в царствование Екатерины имел ордена Св. Георгия и Св. Владимира. Многим Суворов открыл быструю карьеру: неужели бы укрылись от него добрая воля, кипящая, пламенная решительность, не знавшая тогда опасностей?»

«Заметки А.П.Ермолова о его молодости»

А.П.Ермолов – И.Г.Ограновичу

<11 июля 1880 г.>

Напиши, любезный друг, как ты поживаешь и что-нибудь слегка о твоём походе, как ты прежде и обещал. Ты чувствительно одолжишь меня. Я до сих пор не могу отучить себя, чтобы не с жадностию желать что-нибудь узнать о сослуживцах моих. Когда вы были в походе, всяких газет листы перебрасывал я с нетерпением, чтобы с кем-нибудь из вас повстречаться, и часто, прочитывая подвиги наших героев, то есть моих сослуживцев, воспламенялась кровь покоящегося воина. Что делать! Желал бы и я, разделив труды ваши, участвовать в славе вашей, но нет возможности и все пути преграждены. Прощай, любезный друг, и помни того, который тебя никогда забыть не в состоянии.

«По счастью, жизнь нашего героя протекала там спокойно: он пользовался благоволением губернатора, был предоставлен себе и мог заняться самообразованием. Здесь, в ссылке, он усердно постигает латинский язык, изучать который начал ещё в Благородном пансионе. Каждый божий день его чуть свет будит костромской протоиерей и ключарь Егор Арсеньевич Груздев со словами: «Пора, батюшка, вставать: Тит Ливий нас давно уже ждёт!». Под руководством сего ментора Алексей Петрович научился свободно читать в подлинниках Вергилия и Горация, Сенеку и Юлия Цезаря и др. Вообще, древнеримская цивилизация и культура сопутствовали Ермолову на протяжении всей его жизни. Он вспоминал, например, что в детстве, на печи в родительском доме изображена была Церера – древнеримская богиня плодородия. Неудивительно, что и своего денщика Федула он переименует в Ксенофонта. А как благоговел он перед Тацитом, фрагменты из «Анналов» и «Историй» ко-

того буквально цитировал наизусть! Критики и в писаниях самого Ермолова обнаруживали «тацитовский слог». «На миг ему представилось, – пытается проникнуть в думы нашего генерала Олег Михайлов, – что вместо егерей впереди идут легионеры – в белых плащах, сандалиях, панцирях и блестящих шлемах с широким гребнем. А он, вооружённый полномочиями императора, несёт в этот край централизирующую и цивилизаторскую идею древнего Рима». Великий князь Константин Павлович будет писать ему на Кавказ: «Вы, вспоминая древнеримские времена, теперь проконсулом в Грузии, а я префектом, или начальствующим легионами, на границе Европы». А Ермолов, этот «проконсул», воюя с непокорными горцами и проводя преобразования во вверенном ему крае, будет часто повторять слова Октавиана Августа: «Я медленно спешу». И, наконец, молнии его беспощадной сатиры разили глупость, подлость, бесчеловечность – со свистом Ювеналова бича!»

Лев Бердников, «Остёр до дерзости»

«За годы ссылки у Ермолова была возможность изучить Тацита в полном объёме. И если предположить, что в круг его чтения входила «Германия», то это отчасти объясняет его позднейшее стремление на Кавказ. Именно Тацита «Германия», сурово убедительная, могла стать основой его представлений о взаимоотношении Российской империи и кавказских народов. <...>

Тацит и Цезарь, разработавший эффективную стратегию и тактику подавления бесстрашных германских племён, готовили в тихой Костроме будущего «проконсула Кавказа».

Переведённый в феврале 1827 года на Кавказ из Сибири декабрист Николай Цебриков, видевший в Тифлисе Ермолова, свидетельствовал, что сочинения Тацита и Цезаря были настольными книгами тогда ещё командующего Кавказским корпусом.

Стало быть, два эти римлянина – историк-мыслитель и полководец-мыслитель – сопровождали Ермолова всю его активную жизнь».

**Я.А.Гордин, «О роли Костромской ссылки
в формировании личности «проконсула Кавказа»**

«В книге Тацита Германия и Рим выступают как враги, ведущие между собой ожесточённые войны. Войны эти длятся уже более двух столетий. Они давно перестали быть военным конфликтом или даже рядом таковых. Перед нами вековое противоборство двух взаимоисключающих укладов жизни, где столкнулись Imperium, т.е. государственный организм, подчинённый опирающейся на военную силу центральной власти, и Germanorum libertas, «германская свобода», – хаос местнических интересов и эгоистического свое-

волия. В этом конфликте римляне и используют прежде всего особенности германцев, вытекающие из отсутствия у них развитой государственности, их неорганизованность. Распри, слабости, связанные с отсутствием единства и выдержки. И в «Германии», и в других сочинениях Тацит подчёркивает, что живя войной и для войны, германцы так и не сумели выработать у себя дисциплину, привыкнуть к ответственности на поле боя, что отличает их от римлян и делает слабее последних».

Г.С.Кнабе, «Корнелий Тацит»

«Между тем правитель дел инспектора артиллерии, майор Казадаев, женатый на дочери генерала Резвого, любя Ермолова, советовал ему написать жалобное письмо к свояку своему, графу Ивану Павловичу Кутайсову (женатому на другой дочери Резвого), который ручался в том, что выхлопочет ему полное прощение и возвращение всего потерянного. При этом случае упрямство, коим всегда отличался Ермолов, обнаружилось в полном блеске. Хотя он благодарил Казадаева за его дружеское участие, но вместе с тем отказался писать к графу Кутайсову. Таким образом он отказался от царского прощения, которое по ходатайству графа Кутайсова не замедлило бы последовать, и тем обрекал себя на заточение, которое могло быть весьма продолжительным».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Конечно неблагоприятным назову я твёрдую волю мою в сём случае, но не дорожил я свободой, подобным путём снисканною, и не отвечал на письмо приятеля моего».

«Заметки А.П.Ермолова о его молодости»

«В 1800 году сенатский суд признал его <Платова> невиновным по этому делу. А уже 9 октября 1800 г. его отправили в Петербург, где заключили в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости по новому обвинению в том, что он якобы принимал чужих крестьян и подменил «ревизские сказки». Но сенатский суд признал его 11 января 1801 г. невиновным».

А.О.Ершова, «Кострома – место ссылки А.П.Ермолова и М.И.Платова»

«Так как он <Платов> был доставлен в Петербург весьма поздно вечером, то его, по приказанию Лопухина, свезли на ночь в крепость, где он был поса-

Сказание о генерале Ермолове

жен рядом с врагом своим графом Денисовым. Так как государь должен был принимать его на другой день, то он, за неимением собственного мундира, надел мундир Денисова, с которого спорили две звезды. Государь был весьма милостив к Платову, получившему приказание следовать чрез Оренбург в Индию».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Незадолго до кончины Павла прислан к Платову фельдегер с приказанием прибыть в П-бург. Чрезвычайно милостиво был принят императором, взят на службу, пожалован орденом и назначен начальником войск, отправляемых для покорения Бухарии.

С горестью простился я с Платовым, но завидовать счастью не мог, ибо оно обращалось к человеку, известному отличною храбростью и способностями».

«Заметки А.П.Ермолова о его молодости»

«В это время проживал в Костроме некто Авель, который был одарён способностью верно предсказывать будущее; находясь однажды за столом у губернатора, Авель предсказал день и час кончины императрицы Екатерины с необычайною верностью. Простившись с жителями Костромы, он объявил им о намерении своём поговорить с государем; он был, по приказанию Павла, посажен в крепость, но вскоре выпущен. Возвратившись в Кострому, он предсказал день и час кончины Павла. Добросовестный и благородный исправник, подполковник Устин Семёнович Ярлыков, бывший адъютантом у генерала Воина Васильевича Нащокина, поспешил известить о том Ермолова. Всё предсказанное Авелем буквально сбылось».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Вечное пребывание» его <Ермолова> в ссылке закончилась с восшествием на престол Александра I. 15 марта 1801 г. был обнародован именной указ царя «О прощении» ряда лиц по делам Тайной экспедиции. Алексей Петрович вернулся в Петербург».

А.О.Ершова, «Кострома – место ссылки А.П.Ермолова и М.И.Платова»

Глава четвёртая

Новая должность, новая война (1801–1806)

«По восшествии на престол императора Александра I он был освобождён вместе со всеми лицами, замешанными в деле Каховского. Тогда Ермолов приехал в Петербург, но там уже выступили на сцену новые лица и новые интересы, среди которых он был чужим на пиру. Генерал Ламб, президент военной коллегии, впрочем, взялся по старому знакомству похлопотать об Ермолове.

После долгих хлопот и не прежде, чем, по выражению Ермолова, «он наскучил всему миру секретарей и писцов», являясь ежедневно в военную коллегию, Ермолов был принят тем же чином на службу в 8-й артиллерийский полк и получил роту, квартировавшую в Вильне».

**Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов.
Биографический очерк»**

« <...> на другой день восшествия на престол Александр I освободил Каховского и меня в числе прочих соучастников вымышленного на него преступления. Ему известны были понесённые нами наказания. В числе не одной тысячи ищущих службы, которым ненавистное наименование исключённых из службы заменено названием уволенных, явился я в Петербург».

«Записки А.П.Ермолова о его молодости»

«Радость заставила во мне молчать все другие чувства; одна была мысль: посвятить жизнь на службу государю, и усердию моему едва ли могло быть равное. Я приезжаю в Петербург, около двух месяцев ежедневно скитаюсь в Военной коллегии, наскучив всему миру секретарей и писцов <...> ».

**«Записки артиллерии полковника Ермолова,
с объяснением по большей части тех случаев,
в которых он находился, и военных происшествий»**

«По вступлении на престол императора Александра формуляр Ермолова, который был вовсе исключён из службы, был найден с большим трудом в главной канцелярии артиллерии и фортификации».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

« <...> Наконец доклад обо мне вносится государю, и я принят в службу. Мне отказан чин, хотя принадлежащий мне по справедливости; отказано старшинство в чине, конечно, не с большею основательностию. Президент Военной коллегии генерал Ламб, весьма уважаемый государем, при всём желании ничего не мог сделать в мою пользу. С трудом получил я роту конной артиллерии, которую колебались мне поверить как неизвестному офицеру между людьми новой категории. Я имел за прежнюю службу Георгиевский и Владимирский ордена, употреблён был в войне в Польше и против персиян, находился в конце 1795 года при австрийской армии в приморских Альпах. Но сие ни к чему мне не послужило; ибо неизвестен я был в экзерциргаузах¹, чужд смоленского поля, которое было защитою многих знаменитых людей нашего времени».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«Тогда военною коллегиею управлял генерал Ламб, бывший в царствование Екатерины генер[ал]-майором и костромским губернатором. По выезде его из Костромы остались там две дочери, в семействах которых принимаем я был благосклонно. Приезжая для свидания с отцом, они тронули его описанием участи молодого изгнанника, и достойный старик желал случая оказать мне благотворение. Недолго являлся я просителем незамечаемым, наконец позвал меня в кабинет и, показав изготовленную докладную записку, сказал: «Я не спешу изыскивать благоприятную минуту, желая, чтобы ты принят был с вознаграждением чином, которого ты лишился». Вскоре лично изъявил мне сожаление, что не успел в желании своём и что я принят в артиллерию в прежнем чине подполковника. Недолго был я праздным и мне дана конноартиллерийская рота: назначение для молодого человека чрезвычайно лестное, ибо в России тогда был один конный баталион, состоявший из пяти рот».

«Записки А.П.Ермолова о его молодости»

¹ Экзерциргауз (воен.) – крытое помещение для военных упражнений в холодную и ненастную погоду. В настоящее время слово это вышло из употребления, и такие помещения называются манежами. «Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона».

«Придя к власти, Павел I произвёл существенные преобразования в артиллерии (1796–1797). Вместо расформированных пяти артиллерийских полков было сформировано 10 батальонов полевой артиллерии и 3 батальона осадной артиллерии, в каждом по 5 рот. 5 конно-артиллерийских рот были сведены в конно-артиллерийский батальон. Из артиллерийских команд гвардейских Преображенского и Семёновского полков и артиллерии гатчинских войск был сформирован гвардейский артиллерийский батальон, состоявший из 3 пеших и одной конной рот. Аракчеев в 1796 году стал командантом Санкт-Петербурга, в 1797 году – командиром Преображенского полка и генерал-квартирмейстером (по сути, начальником генштаба). В начале 1798 года Аракчеев был назначен генерал-инспектором артиллерии русской армии. Так что он также причастен к преобразованиям в русской артиллерии во время правления Павла I. В 1799 году А.И.Кутайсов стал его инспектор-адъютантом.

<...> Конно-артиллерийские роты были вооружены шестью 6-ти фунтовыми пушками и шестью четвертьпудовыми единорогами. На каждое орудие полагалось по два зарядных ящика и 14 человек прислуги. Орудия конной артиллерии запрягались шестёркой лошадей.

<...> Всё хозяйство и лошади были переданы непосредственно в роты, что сделало их самостоятельными частями и упростило обучение. Было сокращено количество систем и калибров, состоявших на вооружении. Была изменена конструкция лафетов. Вместо одноосного зарядного ящика был введён двухосный по образцу французского грибовалевского, запряжённый шестериком. На предприятиях артиллерийской промышленности была проведена стандартизация средств измерения – были разосланы единые меры. Лафеты, передки, зарядные ящики и артиллерийский обоз были окрашены в зелёный цвет. До этого – в красный. Артиллерия получила мундир одинакового основного цвета с пехотным. Отличие было только в цвете приборного сукна: в артиллерии – чёрный с красной отделкой <...> Тем самым артиллерия на поле боя стала представлять гораздо менее контрастную цель. Эта практическая цветовая гамма (с заменой тёмно-зелёного на защитный) сохранилась в российской армии до сих пор. Так что до сих пор живы павловские традиции».

Василий Ковальский, «Организация русской полевой артиллерии к 1812 году»

«Я приезжаю в Вильну, где расположена моя рота. Людей множество, город приятный; отовсюду стекаются убежавшие прежнего правления наслаждаться кротким царствованием Александра I; все благословляют имя его, и любви к нему нет пределов! Весело идёт жизнь моя, служба льстит честолю-

Сказание о генерале Ермолове

бию и составляет главнейшее моё управление; все страсти покорены ей! Мне 24 года; исполнен усердия и доброй воли, здоровье всему противостоящее! Недостаёт войны. Счастье некогда мне благоприятствовало!

1803. Мирное время продлило пребывание моё в Вильне до конца 1804 года.

Праздность дала место некоторым наклонностям, и вашу, прелестные женщины, испытал я очаровательную силу; вам обязан многими в жизни приятными минутами!

1804. Я получил повеление выступить из Вильны. Неблагодарное начальство меня преследовало, и в короткое время мне назначены квартиры в Либаве, Виндаве, Бирже, Гродне и Кременце на Волыни; я веду жизнь кочевую, и должен был употребить все способы, которые дала мне служба, при моей воздержности и бережливости. У меня рота в хорошем порядке, офицеры отличные, и я люблю ими, и потому мне казалось всё сносным, и служба единственное было благо».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«Он <Ермолов> деятельно занялся службою и в приезд Императора через Вильну обратил на себя особенное внимание <и получил благодарность> «за скорую стрельбу и проворство движений».

«Биография А.П.Ермолова»

(РГВИА, Ф. 217. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–12. Публикация В.М.Безотосного)

Орёл Двуглавый высоко парит

(Песня Лейб-гвардии Конной артиллерии)

*Орёл двуглавый высоко парит
И зорко сверху на врагов глядит.
Широкие крылья расправляет он,
А под ним, как тучи, штыков миллион!*

*Пушки наше дело, быстро подвезём.
Эй, ребята, смело на врага мы пойдём.
До упора будем мы на картечь стрелять,
А шашками сами себя оборонять.*

*Вперёд, ребята, на врага пойдём,
Коней ретивых в пушки запряжём.
В карьер помчимся, ветров всех быстреей,
Огонь откроем горячей!*

*Гранатами мы орудия собьём,
Картечью все атаки мы отобьём,
По войскам ирапнелью будем мы стрелять,
А шашками сами себя защищать!*

«Отсталое и почти запечатное положение по службе ужасно тяготило Ермолова. Благодаря всему с ним случившемуся прежние товарищи обогнали его в чинах, а ему приходилось прозябать в неизвестности и относительном бездействии».

**Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов.
Биографический очерк»**

А.П.Ермолов – А.М.Казадаеву

«Признаюсь тебе как истинному другу, что я и в запорожцы идти бы не отказался...»

Июнь 1803 г.

«Граф Аракчеев пользовался всяким случаем, чтобы выказать своё к нему неблаговолению; имея в виду продержатъ его по возможности долее в подполковничьем чине, граф Аракчеев переводил в полевую артиллерию ему на голову либо отставных, либо престарелых и неспособных подполковников».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

А.А.Аракчеев – А.П.Ермолову

<...> Мне чрезвычайно прискорбно видеть стекшиеся разные неприятные случаи в вашей роте; но спешу вас милостивого государя успокоить, что я никогда оные не припишу вашему нерадению, ибо мне известна всегда деятельность ваша к службе Государя Императора; а сие всегда бывает случайно и временно, а потом по прошествии дурного времени наступит прекрасная погода, то уверит вас в моём всегда к вам хорошем расположении, прошу и вас успокоить и быть здорову и полезну службе. Ибо хороших штаб-офицеров всегда приятно иметь в командовании своём. Пребывая с моим почтением <...>

21 июня 1804 г.

Сказание о генерале Ермолове

«1806 год познакомил меня с графом Аракчеевым, бывшим в то время адъютантом одного из гвардейских артиллерийских батальонов. Слышал я много дурного насчёт его и вообще весьма мало доброжелательного; но, пробыв три года моего служения под ближайшим его начальством, могу без пристрастия говорить о нём. Честная и пламенная преданность престолу и Отчеству, пронизательный ум и смыслённость, без малейшего, однако же, образования, честность и правота – вот главные черты его характера. Но бесконечное самолюбие, самонадеянность и уверенность в своих действиях порождали в нём часто злопамятность и мстительность; в отношении же тех лиц, которые один раз заслужили его доверенность, он всегда был ласков, обходителен и даже снисходителен к ним. <...> Чтобы дополнить черту о нём, что в семь или восемь лет его инспекторства над артиллериею, при всех рассказах о злобе и мучительности его, из офицеров разжалован только один Нелидинский, за сделание фальшивой ассигнации, за что обыкновенно ссылают в Сибирь. Об усовершенствованиях артиллерийской части я не буду распространяться: каждый в России знает, что она, в настоящем виде, создана Аракчеевым».

И.С.Жиркевич, «Записки»

«Ещё во время своей преподавательской деятельности в кадетском корпусе он <Аракчеев> начал вести артиллерийские записки, составившие, в конце концов, довольно объёмистую тетрадь. Им были переписаны в систематическом порядке все издававшиеся в разное время уставные положения по русской артиллерии, подробно показаны размеры и устройство каждого вида орудий и лафетов, данные о стрельбе, а также официально установленные расходы на содержание артиллерии».

**В.П.Матвеев, Е.Н.Годлевская,
«Алексей Ермолов. Денис Давыдов»**

«В 1802 году Александром I была создана комиссия для преобразования артиллерии под председа-

«...Ермолов... твёрдый, скрытый, необыкновенного ума, с познаниями обширными и теоретическими и практическими, в сражениях примерно хладнокровен...».

И.С.Жиркевич

тельством А.А.Аракчеева. <...> Под его руководством к 1805 г. была выработана следующая система артиллерийского вооружения.

На вооружении оставались орудия прежних калибров. Но конструкция орудий была упрощена, были упразднены лишние украшения и некоторые фризмы. Были облегчены и усовершенствованы лафеты. Лафеты аракеевской системы состояли на вооружении до 1845. Двухосные зарядные ящики снова были заменены на одноосные, запряжённые тройкой, что придавало им большую подвижность. Наполеон хвалил эти ящики за подвижность. В состав каждой роты была введена кузница. Были официально изданы чертежи и разосланы по заводам, арсеналам и паркам. <...>

Конно-артиллерийские роты имели на вооружении шесть 6-ти фунтовых пушек и шесть четвертьпудовых единорогов. Основная идея конной артиллерии – подвижность. Передвижение на поле боя на рысях, возможность сопровождать кавалерию. Конные четвертьпудовые единороги были короче, а их стенки тоньше, чем у пехотных, их лафеты также были легче. <...> В 6-ти фунтовую пушку конной артиллерии впрягали не четыре, как в пешей роте, а шесть лошадей. К орудиям полагалось по два зарядных ящика. Состав роты: 1 штаб-офицер, 6 обер-офицеров, 24 фейерверкера, 72 бомбардира, 134 канонира и 44 нестроевых. Гандлангеров (1) в конной артиллерии не было. В обозе конно-артиллерийской роты было 4 запасных лафета, полевая кузница, 8 артиллерийских и 15 провиантских повозок.

Ротой командовал штаб-офицер. Роты делились на 2 полуроты (по 6 орудий), на 3 дивизиона (или отделения, по 4 орудия), на 6 взводов. Взводом из двух орудий командовал обер-офицер. Командовали полуротами и дивизионами старшие из командиров взводов. На орудие полагалось два фейерверкера, старший из них командовал орудием».

Василий Ковальский, «Организация русской полевой артиллерии к 1812 году»

«В кампаниях он <Аракчеев> не участвовал, следовательно, и служебную деятельность не мог приобрести критического взгляда на выгоды и недостатки нашего оружия в боевом отношении; но рано уже находим мы в нём направление будущего великого администратора и устроителя русской артиллерии».

П.Потоцкий, «История гвардейской артиллерии»

¹ Гандлангер, нем. – рядовой артиллерист низшего разряда; подачник, подносчик зарядов. Толковый словарь В.И.Даля.

«1805. Проходя из местечка Биржи, инспектор всей артиллерии граф Аракчеев делал в Вильне смотр моей роты, и я, неблагоприятно и дерзко возражая на одно из его замечаний, умножил неблагоприятие могущественного начальника, что и чувствовал впоследствии».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«Однажды конная рота Ермолова, сделав переход в двадцать восемь вёрст по весьма грязной дороге, прибыла в Вильну, где в то время находился граф Аракчеев. Не дав времени людям и лошадям обчиститься и отдохнуть, он сделал смотр роте Ермолова, которая быстро вскакала на находящуюся вблизи высоту. Аракчеев, осмотрев конную выправку солдат, заметил беспорядок в расположении орудий. На вопрос его: «Так ли поставлены орудия на случай наступления неприятеля?», Ермолов отвечал: «Я имел лишь в виду доказать вашему сиятельству, как выдержаны лошади мои, которые крайне утомлены». «Хорошо, – отвечал граф, – содержание лошадей в артиллерии весьма важно». Это вызвало следующий резкий ответ Ермолова в присутствии многих зрителей: «Жаль, ваше сиятельство, что в артиллерии репутация офицеров зависит от скотов». Эти слова заставили взбешённого Аракчеева поспешно возвратиться в город. – Это сообщено мне генералом Бухмейером».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Я помышлял уже оставить службу, и конечно не встретил бы затруднений в том, но дабы при отставке обратить на себя внимание и может быть найти возможность объяснить причину, понуждающую меня к этому, я прибегнул к странному способу: по осмотре роты моей инспектором конной артиллерии генер[ал]-майором Богдановым я подал ему рапорт, что отец мой, будучи немалых лет, имея меня единственным сыном и состояние расстроенное, желает, чтобы я находился при нём, что, ускоряя несколькими месяцами подавание прошения вопреки установленного на то время, я не только не считаю себя вправе воспользоваться при увольнении чином, но, будучи семь лет подполковником, прошу отставить меня майором. Инспектор, хороший мой приятель, склонял меня взять обратно рапорт, справедливо называя его бумажным, но я не согласился, и он должен был представить его графу Аракчееву. Рота моя расположена была тогда в Вильне, где военный губернатор барон Беннигсен был в то же время начальником литовской инспекции, [к] которой я принадлежал; зная меня с самых молодых лет моих, он оказывал мне особенное благорасположение, и я уверен был в благоприятном отзыве его, если бы поручено ему было освидетельствовать, в полном ли я разуме? Этого

Сказание о генерале Ермолове

я должен был ожидать непременно, но граф Аракчеев написал мне собственноручно весьма благосклонное письмо, изъявляя желание, чтобы я остался служить. Я исполнил волю его и не раз имел причину раскаиваться».

«Записки А.П.Ермолова о его молодости»

<...> в 1806 – 1807 годах Алексей Петрович составил себе известность храброго и замечательного офицера. Он, как говорят, создал артиллерийский строевой устав. Каждое действие Алексея Петровича в бою становилось потом тактическим правилом для артиллерии; он дал ей практические правила построения батарей.

Н.С.Лесков, «Алексей Петрович Ермолов. Биографический очерк»

«В 1805 г. началась война третьей коалиции против Наполеона, и в деревню к Кутузову был послан экстренный курьер от царя. Кутузову предложили быть главнокомандующим на решающем участке фронта против французской армии, состоявшей под начальством самого Наполеона».

Е.В.Тарле, «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат»

«Пришедши с моею ротою к Радзивиллову, я уже не застал армии и догонял её ускоренными маршами, почему ехавшему из Петербурга генералу Кутузову попался я на дороге, и он, осмотрев роту, два уже месяца находившуюся в движении, одобрил хороший за нею присмотр, ободрил приветствием офицеров и солдат, расспросил о прежней моей службе и удивился, что, имевши два знака отличия времён Екатерины, я имел только чин подполковника, при быстрых производствах прошедшего царствования. Он, сказав мне, что будет иметь меня на замечании, приказал поспешить в соединение с армиею».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«Молниеносным манёвром окружив и взяв в плен в Ульме едва ли не лучшую армию, когда-либо имевшуюся до той поры у австрийцев, Наполеон тотчас же приступил к действиям против Кутузова. Кутузов знал (и доносил Александру), что у Наполеона после Ульма руки совершенно свободны и что у него втрое больше войск. Единственным средством избежать ульмской катастрофы было поспешно уйти на восток, к Вене, а если понадобится, то и за

Вену. Но, по мнению Франца, к которому всецело присоединился Александр, Кутузов со своими солдатами должен был любой ценой защищать Вену. К счастью, Кутузов не исполнял бессмысленных и гибельных советов, если только ему представлялась эта возможность, т.е. если отсутствовал в данный момент высочайший советник.

Кутузов вышел из отчаянного положения. Во-первых, он, совершенно неожиданно для Наполеона, оказал наступающей армии крутой отпор: разбил передовой корпус Наполеона при Амштеттене, и пока маршал Мортье оправлялся, стал на его пути у Кремса и здесь уже нанёс Мортье очень сильный удар. Наполеон, находясь на другом берегу Дуная, не успел оказать помощь Мортье. Поражение французов было полным».

Е.В.Тарле, «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат»

«Авангард, состоявший из нескольких полков лёгкой кавалерии и дивизии гренадер генерала Удино, под общим начальством Мюрата, теснил слабый Австрийский арьергард генерала Кипмайера, который по выходе из д. Штремберг подкреплён был отрядом в 6 т. русских войск под начальством князя Багратиона. Имея в виду удержать напор французского авангарда, князь Багратион остановился с 4 на 5 ноября на высотах близ Амштеттена <Амштеттена. – ред.>. Позиция эта представляла большие выгоды для оборонительного сражения: высоты, лежащие по обе стороны дороги, командующие всею окрестною местностью и покрытые сосновым лесом, давали возможность держаться долго и упорно. Пропустив за себя австрийские войска Кинмейера, князь Багратион расположил по высотам пехоту и сильные батареи, а дорогу, проходившую почти через центр позиции, занял всею кавалериею, которая только тут могла действовать удобно. 5 Ноября Мюрат атаковал своими гусарами эту кавалерию, но она, будучи хорошо прикрыта с флангов, выдержала все атаки и отразила их даже с некоторым уроном. Тогда Мюрат дал приказание генералу Удино вытеснить русскую пехоту с занимаемых высот. Французские гренадеры, построившись в колонны, устремились на позицию, и, невзирая на убийственный ружейный и картечный огонь, заставлявший их несколько раз подаваться назад, утвердились на высотах. Но русские, упорствуя в удержании их, дрались с отчаянием, оспаривая штыками каждый шаг земли, доколе часть французской пехоты, обошед их слева, не принудила отступить под прикрытием своей кавалерии по большой дороге на Ипс и С.-Пелтене. Кавалерия, снова выдерживая неоднократные и усиленные атаки французских гусар, медленно отступила за пехотою, потеряв много убитыми и пленными.

Амштеттенское дело ознаменовано было с обеих сторон отличною храбростию: французские гренадеры и конница с ожесточением кидались

атаку; русские защищались с непоколебимой твёрдостью; раненые, они продолжали ещё драться, и даже пленные, схватывая на дороге обломки оружия, несколько раз нападали на свой конвой и во множестве погибли в рукопашном, или лучше сказать кулачном бою; кроме того сражение это примечательно ещё тем, что оно дало возможность генералу Кутузову с большею быстротою и скрытностью отступить от С.-Пелтена и перевести свою армию у Кремса на левый берег Дуная.

Ф.И.Горемыкин, «Военный энциклопедический лексикон».
С.-Пб. 1857 г.

«При отступлении от Ламбаха войскам нашим дано следующее распределение:

Арриергард остался в команде генерал-майора князя Багратиона.

Под начальством генерал-майора Милорадовича состоял отряд, наименованный отдельной бригадою, которая, назначена будучи в подкрепление арриергарду, должна была находиться поблизости от оною.

Прочие войска разделены были на две дивизии и подчинены генерал-лейтенантам Дохтурову и Мальгицу.

Конная моя рота и ещё две пешей артиллерии в моей команде, не принадлежа ни к какой части войск, остались в особенном распоряжении главнокомандующего как резерв артиллерии. Сие особенное благоволение, привязывая меня к главной квартире, делало последним участником при раздаче продовольствия людям и лошадям, и тогда как способы вообще были для всех недостаточны и затруднительны, а мне почасту и вовсе были отказываемы, то, побуждаемый голодом, просил я о присоединении моей команды к которым-нибудь из войск. Мне в сём было отказано. Австрийский генерал Кинмейер, не имея при войсках конной артиллерии, просил о присоединении к оным моей роты, и я должен признаться, что совсем не жалел, когда главнокомандующий не изъявил на то согласия, ибо лучше хотел я терпеть вместе с товарищами. <...>

Октября 22-го арриергард князя Багратиона при местечке Амштеттене атакован был большими силами. Невзирая на храбрость, с каковою дрались Киевский и Малороссийский гренадерские и 6-й егерский полки, несмотря на все усилия князя Багратиона, не могли они устоять против стремления превосходного неприятеля и, потерпев большой урон, приведены были в замешательство. Артиллерия сбита была с своих мест, и войска в нестройных толпах теснились на дороге. Лесистое местоположение скрывало от глаз неприятеля отряд генерал-майора Милорадовича, и, когда думал он только преследовать разбитый арриергард, встретил свежие, твёрдо ожидающие его войска».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«Бегущие части Багратиона бросились назад – кто по дороге, а кто через лес. Мюрат с гусарами и конными егерями, генералы Вальгер, Удино, Трейяр и Мильо неотступно их преследовали. <...> отчаянная драка не прекращалась ни на дороге, ни в лесу. Наконец лесная дорога кончилась, и клубок людей и лошадей вылетел из леса на открытое пространство.

Здесь-то и началось самое главное. Действительно, на окружённой со всех сторон лесами огромной поляне стояли в полном порядке войска Милорадовича. Восемь батальонов пехоты были построены в две стройные линии. На левом фланге, в центре и позади линии пехоты были распределены десять эскадронов Мариупольского гусарского полка. Момент для контратаки был поистине идеальный. В пылу преследования французский авангард пришёл почти в такой же беспорядок, как и отряд Багратиона. Милорадович пропустил по дороге нестройные толпы солдат арьергарда и, когда французы беспорядочными кучками показались на опушке леса, дал приказ атаковать.

<...> Гренадерский батальон Апшеронского полка, а вместе с ним батальоны первой линии, стоявшие в сомкнутом строю, пошли в решительную штыковую атаку. Впрочем, Милорадович, как опытный командир, полагаясь на мужество своих солдат, не забывал и об огневой поддержке. Впереди и по флангам русских батальонов были рассыпаны стрелки, которые открыли интенсивный ружейный огонь <...>».

О.В.Соколов, «Аустерлиц. Наполеон, оссия и Европа, 1799-1805 гг.»

«Внезапность привела неприятеля в некоторую робость, и ею воспользовался генерал-майор Милорадович удачно. Он приказал коннице ударить на колеблющегося неприятеля, и Мариупольского гусарского полка подполковник Игельстром, офицер блистательной храбрости, с двумя эскадронами стремительно врезался в пехоту, отбросил неприятеля далеко назад, и уже гусары ворвались на батарею. Но одна картечь – и одним храбрым стало меньше в нашей армии!»

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

Храбрый и остроумный Ермолов сказал как-то неустрашимому Милорадовичу, который никогда не кланялся пулям:

- Чтобы быть рядом с вашим высокопревосходительством, надобно иметь запасную жизнь.

Исторический анекдот

«<...> В рядах французских войск возникло замешательство. Пехота, едва выйдя из леса, бросилась назад, а конница поскакала вглубь леса по дороге. Этот момент надолго отпечатался в памяти тех, кто выжил после боя. Лежен рассказывает: «Неприятель рубил наши задние ряды, брал пленных и чуть не захватил в плен и нас. Конь под Мюратом был убит, мой, вырвавшись из этой свалки, поскакал галопом по откосу дороги, споткнулся и рухнул. Пока я пытался встать, он уже поднялся на ноги и ускакал вместе с другими конями, несущимися в галоп. Я сумел найти себе убежище у двух пушек, которых поставил на дороге молодой артиллерийский офицерик, наверное, только что закончивший военную школу. Драка была ужасная, и уже сабли свистели над нашими головами...»

Это чудо, но записки «офицера» тоже сохранились. Его звали Октав Левассер. «... В четырёх шагах от меня рубили гусар, которые навалились на мою пушку, – рассказывает он. – Мы с трудом зарядили её ядром, а поверх забили ещё и картечь. Звон сабель был уже прямо над нами. Канонир Колло протянул руку с зажжённым фитилём. Мы закричали: «Берегись!» Наши гусары, кто как мог, бросились по сторонам, и перед пушкой появилась небольшая амбразура среди месива из людей и коней. Русский полковник в мундире, расшитом золотом, бросился к моему канониру, чтобы отрубить ему руку. Но в этот момент прогрехотал выстрел. Ствол снесло с лафета, а полковник упал прямо на пушку. Ужасающим выстрелом разметало всё кругом. Более сорока лошадей и огромное количество людей – русских, австрийцев и французов – повалило на землю, и перед батареей оказалась целая баррикада из окровавленных тел». «... Ни одна картечь из этого двойного заряда не пропала даром, – вспоминал Лежен. – От страшного грохота на нас посыпалась гряда снега с деревьев и, словно по волшебству, эскадроны, которые нас атаковали, исчезли в дыму и в снежной пыли».

В этот момент прямо через лес к французам подошла помощь: основные силы бригады Дюпа – 1-й в гренадерской дивизии Удино. Мюрат, используя выгодный момент, тотчас же бросил гренадер в контратаку. Их наступление поддержали гусары и конные егеря. На этот раз бой закипел на открытом пространстве, и с обеих сторон солдаты бились с отвагой. Французам удалось потеснить русскую линию, но силы были явно неравны, и бригада Дюпа была отброшена к опушке леса.

Когда начало смеркаться, на поле боя появились 2-я и 3-я бригады дивизии Удино. Генерал Удино сразу повёл свои батальоны вперёд и снова сошёлся в отчаянном бою с русскими полками. Рапорт начальника штаба Мюрата генерала Бельяра сообщает, что в этот момент «с обеих сторон был открыт смертоносный огонь почти что в упор. Пальба продолжалась около 20 минут».

**О.В.Соколов, «Аустерлиц. Наполеон,
Россия и Европа, 1799-1805 г.»**

«После смерти его <Игельстрома> рассыпались его эскадроны, и неприятель остановился в бегстве своём; за два дня перед тем, как добрые приятели, дали мы слово один другому воспользоваться случаем действовать вместе, и я, лишь узнал о данном ему приказании атаковать, бросился ему на помощь с конною моею ротою, но уже не застал его живого и, только остановив неприятеля движение, дал способ эскадронам его собраться и удержаться на месте. Я продолжал канонаду, и между тем устроились к атаке гренадерские батальоны Апшеронского и Смоленского полков, и сам Милорадович повёл их в штыки. Ободрённые присутствием начальника, гренадеры ударили с решительностью, и неприятель, далеко прогнанный, скрылся в лес и не смел показаться. Неподальёку в других местах стоявшие его войска, ничего не предприняв, также удалились; некоторые продолжали бесполезную перестрелку, сопровождаемую безвредным действием артиллерии, но к вечеру все отступили, и мы провели ночь на поле сражения. Вместе со светом пошли мы назад, и вскоре появился неприятель, но преследовал не с тою, как прежде, дерзостью. С сего времени отдельная бригада генерала Милорадовича заступила место арриергарда, а войскам князя Багратиона приказано составить подкрепление, и они по справедливости имели нужду в некотором отдохновении.

При Амштеттене в первый раз был я в сражении против французов, и в службу мою в первый раз с конною артиллериею, которой употребление я столько же мало знал, как и все другие. Возможность двигаться удобнее прочей артиллерии истолковала мне обязанности поспевать всюду, и потому я попал с гусарами. Впрочем, мне удалось предупредить неприятеля, и я, заняв одно возвышение, не допустил устроить батарею, которая могла бы делать нам большой вред.

Генерал Милорадович чрезвычайно благодарил меня, конечно, не за исполнение его приказаний, ибо удачное действие принадлежало случаю, и я смею подозревать, что ему нелегко было приказать что лучшее. Не менее того мне как офицеру неизвестному весьма приятно было, что начальник отзывается с похвалою».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«<...> узнав о высылке Наполеоном от Линца на левый берег Дуная корпуса Мортье и опасаясь быть отрезанным от армии Буксгевдена, <Кутузов> изменил первоначальное намерение защищать Вену и переправился у Кремса на левый берег. Здесь, пользуясь изолированным и растянутым положением корпуса Мортье, Кутузов атаковал головную его дивизию и почти уничтожил».

С.П.Михеев, «История Русской армии. Вып. 3:

Эпоха войн с Наполеоном I».

«Судьба дала Кутузову поистине уникальный шанс. Он не только благодаря своим удачным распоряжениям оказался один на один с корпусом Мортье, но и сверх того французские части были разбросаны по узкой долине на большом расстоянии друг от друга. Наконец, Мортье не подозревал о той опасности, которая над ним нависла. Таким образом, русские могли не просто разгромить изолированный корпус, но и получили редкую возможность окружить и полностью уничтожить или взять в плен целую дивизию, при которой находился сам маршал Мортье.

<...> Накануне к армии прибыл австрийский генерал Шмидт. Этот генерал был в особом фаворе у императора Франца, который написал Кутузову: «Я посылаю Вам генерала Шмидта, который пользуется моим полным доверием и который, я надеюсь, когда Вы его узнаете, заслужит и Ваше». <...>

Дело в том, что Шмидт был уроженцем города Кремса и прекрасно знал окружающую местность. Вероятно, в значительной степени поэтому Кутузов поручил именно ему разработку плана боя и его практическую реализацию. <...>

Согласно этой <составленной Шмидтом> диспозиции русские войска должны были выступить рано утром 11 ноября и атаковать дивизию Газана с разных направлений. <...> из 49 батальонов пехоты для атаки с фронта было выделено только 5 батальонов! Остальные были либо посланы по обходному пути в горы, либо вообще отправлены куда-то в сторону. Но это ещё не всё. Милорадович находился буквально в двух шагах от французов, и он выступил для атаки в семь утра, а войска, предназначенные для обхода, вышли согласно рапорту Уланиуса в 9-м часу утра! Милорадовичу до боевого контакта было два шага, а сколько должны были идти обходящие колонны – одному Богу было известно. В результате, имея шестикратное превосходство в силах, русские атаковали дивизию Газана колонной, которая уступала французам по численности чуть ли не вдвое!

<...> Вся эта диспозиция по её какому-то извращённому построению очень напоминает распоряжение Макка под Ульмом, а затем Вейройтера под Аустерлицем: «Die erste Kolonne marschiert... die zweite Kolonne marschiert... die dritte Kolonne marschiert...» (1). Войска разделялись на многочисленные колонны, которые шли по разным маршрутам и должны были соединиться в назначенное время в назначенных точках. При этом брались в расчёт только пространственные соотношения, предполагалось к тому же, что всё пройдёт гладко и не возникнет никаких помех и осложнений».

(1) – «Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует...» (нем.)

**О.В.Соколов, «Аустерлиц. Наполеон,
Россия и Европа, 1799–1805 гг.»**

«На другой день по прибытии в Кремс заняли мы арриергардом предместье Штейн. Маршал Мортье, занявши виноградники, простирающиеся на крутизне гор над самым городом, с частью войск приблизился к самым воротам оною, и началась весьма горячая перестрелка.

Главкомандующий предполагал дать войскам отдохновение, и нужно было исправить одежду и обувь солдат, повреждённые непрерывными дождями в продолжение целого месяца, и для того нельзя было терпеть неприятеля в столько близком расстоянии.

Генерал Милорадович получил повеление атаковать его, и только его неустранимость и предприимчивость могли восторжествовать. Полки наши должны были штурмовать крутые горы, где неприятель, совершенно скрытый за каменными стенами, одна за другою в несколько рядов устроенными, защищался упорно. Встречая на каждом шагу ужасные препятствия, войска наши, не раз опрокинутые, обращались с потерею, и артиллерия, не имея удобного места для устройства батарей, долго не могла им содействовать. Наконец удалось оттеснить неприятеля от одного пункта и овладеть частью его лагеря; тогда орудия введены были в действие, чем приобретено было равновесие в бою, но неприятель, имея верное отступление за ближайшими стенами, возобновлял упорное сопротивление, и мы не иначе, как большими пожертвованиями, достигали малейших выгод. Урон наш был очевиден, и в особенности в офицерах несоразмерный.

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«Наполеон в течение нескольких дней в конце ноября 1805 г. выбивался из сил, чтобы внушить союзникам впечатление, будто он имеет истощённую в предшествующих боях армию и поэтому оробел и всячески избегает решающего столкновения. Вейротер глубокомысленно изрекал, что нужно делать то, что противник считает нежелательным. А посему, получив столь авторитетную поддержку от представителя западноевропейской военной науки, Александр уже окончательно уверовал, что здесь, на Моравских полях, ему суждено пожать свои первые военные лавры. Один только Кутузов не соглашался с этими фанфаронами и разъяснял им, что Наполеон явно ломает комедию, что он нисколько не трусит и если в самом деле чего-нибудь боится, то только отступления союзной армии в горы и затяжки войны. Но усилия Кутузова удержать союзную армию от сражения не помогли. Сражение было дано, и последовал полный разгром союзной армии под Аустерлицем 2 декабря 1805 г.»

Е.В.Тарле, «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат»

« <...> Главкомандующий прошёл город Брюнн и соединился с армиею графа Буксгевдена. Часть войск от оной пришла сменить нас в арриергарде, когда прибыли мы к местечку Вишау. Государь вместе с австрийским императором находились в крепости Ольмюц. Великий князь Константин Павлович вскоре должен был присоединиться с российской гвардиею.

<...> Государь выехал навстречу армии и, судя по приветствиям, которыми удостоил многих, казалось, доволен был службою храбрых и верных войск его. Между прочими изъявлял и мне за службу благоволение. Приказал дать армии отдохновение.

<...> В Ольмюце нашёл я инспектора всей артиллерии графа Аракчеева, в том же могуществе при государе, с тем же ко мне неблагоприятным положением, невзирая на лестное свидетельство главнокомандующего на счёт мой. Едва имел я к нему доступ и никогда ни малейшего ободрения, тогда как многим другим оказывал он сильное своё покровительство. Тут по сравнению выгод, приобретённых другими, почувствовал я, как невыгодно не нравиться сильному начальнику, который и то считает за благодеяние, что, утесняя невинно, не погубляет!»

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«15 ноября союзная армия двинулась из Ольшанского лагеря в пяти колоннах, причём центральная следовала по большой дороге из Ольмюца в Брюнн. <...> Вейротер, не имевший определённых сведений о силе противника и его расположении, вознамерился захватить потерявший уже значение путь отступления французской армии на Вену, ударив в её правый фланг.

Вместо того чтобы идти к намеченной цели прямым путём на Брюнн, сочли необходимым нацелить армию по всем правилам линейной тактики, и 17 ноября союзная армия сошла с большой дороги влево; по невылазной грязи просёлочных дорог она сделала опасное фланговое движение, пройдя за три дня 35–40 вёрст. Этот марш, совершённый чуть ли не на виду французской армии, лучше всякой измены обнаружил намерения Вейротера».

Генерал-майор Д.А.Назаров, «Первые две войны Александра I с Францией»

«Армия наша двинулась вперёд. Расположение движений поручено было австрийскому генерал-квартирмейстеру Вейнроту. Мы делали небольшие марши, но таким непонятным образом были они расположены, что редко оканчивали мы их скорее десяти или двенадцати часов, ибо все колонны непременно одна другую перерезывали и даже не по одному разу, и которая-нибудь напрасно теряла время в ожиданиях.

В продолжение трёх дней виден был один слабый неприятельский отряд по дороге к городу Брюнну, где проходил наш авангард, но, не делая упорного сопротивления, он уступал место.

Я с конноартиллерийскою ротою находился при кавалерийской дивизии генерал-адъютанта Уварова, которая пред некоторою частью армии составляла передовое войско. На четвёртый день, около вечера, встретились мы с неприятельскою кавалериею в малых силах; перестрелка была незначущая, и кавалерия прогнана.

Темнота ночи остановила нас на вершине одного возвышения, в хорошем местоположении. Недалеко позади стала в бивуаках вся армия. Впереди нас изредка видны были неприятельские огни, которые, казалось, означали цепь передовой стражи. В армии был слух, и почти все верили, что неприятель уходит. Около полуночи у подошвы возвышения, на котором стояла наша дивизия, в одно мгновение загорелись огни, охватившие большое пространство. Мы увидели обширные бивуаки и движение великого числа людей, что наиболее утвердило многих во мнении, что неприятель не ищет даже скрывать своего отступления. Напротив того, некоторым казалось сие подозрительным. Мы узнали вскоре, что огни означали торжество в честь Наполеона, и зажжены в его присутствии».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«19 ноября союзная армия подошла к полю сражения и расположилась на ночлег в окрестностях Аустерлица. <...> Вейротер изготавил диспозицию для атаки противника. Напрасно Кутузов возражал, что диспозиция должна быть составлена лишь после тщательного изучения положения неприятеля. Поздно вечером она удостоилась утверждения, а после 11 часов ночи была прочитана по-немецки Вейротером начальникам колонн, собранным к Кутузову в Крженовиц. <...> устремляя главный удар в лишённый какого-либо значения правый фланг неприятеля, Вейротер растягивал вёрст на двенадцать фронт союзной армии, ослабляя её центр и совершенно игнорируя возможность контратаки со стороны Наполеона. Войска получили неуклюжий русский перевод диспозиции чуть ли не в момент выступления с биваков».

Генерал-майор Д.А.Назаров, «Первые две войны Александра I с Францией»

«Генерал-адъютант Уваров позван был в главную квартиру, откуда возвратился в скором времени. Немедля за ним прислан офицер с диспозициею на нескольких листах, наполненною трудными названиями селений, озёр, рек, долин и возвышений и так запутанною, что ни помнить, ни понимать не

было никакой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успеть прочитать многим из начальников и весьма мало было экземпляров. Я признаюсь, что, выслушав оную, столько же мало получил о ней понятия, как бы и совсем не подозревал о её существовании; одно то ясно было, что назавтра атакуем мы неприятеля».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«Силы и планы сторон. Сложный план Вейротера для движения к Аустерлицу дал Наполеону время сосредоточить к полю сражения до 74 тысяч войск (60 тыс. пехоты и 14 тыс. конницы). Союзники подвели сюда свыше 67 тыс. пехоты и около 17 тыс. конницы.

План Наполеона, отлично ориентированного непрерывно ведёнными разведками в наступлении противника и узнавшего через шпиона о намерении союзников атаковать его правый фланг, заключался в том, чтобы скрытно в течение ночи перевести все войска, кроме одной правофланговой дивизии Сульга, на левый берег Бозеницкого ручья и собранными здесь силами простым фронтальным движением на Працен ударить во фланг и тыл обходящих его колонн союзников.

План Вейротена состоял в том, чтобы наступать авангардом и 5-ю колоннами, причём авангард Багратиона должен был, заняв дорогу из Брюна в Вишау, удерживать левый фланг французов, 3 колонны Буксгевдена, спуститься с Праценских высот и атаковать противника в его правый фланг со стороны озёр с целью отрезать Наполеона от его базы – Вены, 4-я колонна – наступать на центр, 5-я – служить связью между 4-й и авангардом и, наконец, за правым флангом оставлялась в резерве русская гвардия».

**С.П.Михеев, «История Русской армии.
Вып. 3: Эпоха войн с Наполеоном I»**

«Ещё до рассвета выступила армия, опасаясь, по-видимому, чтобы неприятель не успел уйти далеко. Войска на марше должны были войти в места, по диспозиции для них назначенные, и потому начали колонны встречаться между собою и проходить одна сквозь другую, отчего произошёл беспорядок, который ночное время более умножало. Войска разорвались, смешались, и конечно не в темноте удобно им было отыскивать места свои. Колонны пехоты, состоящие из большого числа полков, не имели при себе ни человека конницы, так что нечем было открыть, что происходит впереди, или узнать, что делают и где находятся ближайшие войска, назначенные к содействию. Генерал Милорадович на моих глазах выпросил по знакомству у одного шефа полка двадцать гусар для необходимых посылок. К сему прибавить надобно,

что ни одна из колонн не имела впереди себя авангарда. Общий авангард всей армии находился весьма мало впереди и на самой конечности правого фланга, так что собою не закрывал он ни одной колонны, и армия в движении своём совершенно была открыта. Дивизия генерал-адъютанта Уварова отведена была довольно далеко назад, чтобы потом перейти ближе к правому флангу, где вся почти кавалерия соединена была особенно. <...>

С началом дня, когда полагали мы себя в довольном расстоянии от неприятеля и думали поправить нарушенный темнотою ночи порядок, мы увидели всю французскую армию в боевом порядке, и между нами не было двух вёрст расстояния.

Из всего заключить можно, сколько достоверные имели мы известия об отступлении неприятеля и в чём обязаны премудро начертанной австрийской диспозиции, которая более похожа была на топографическое описание Брюннского округа, нежели на начертание порядка, приготавливающего целую армию к бою».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«Около 7 часов 20 ноября началось наступление союзников. Первыми вступили в дело три колонны Буксгевдена, которые отгеснили за Гольдбах французов, удержавшихся, однако, с прибытием Даву на высотах за ручьём.

Наполеон с восходом солнца уже стоял на Шлапаницкой высоте, окружённый маршалами и штабом; он наблюдал, как постепенно вершины Праценских высот, выступавшие из густого тумана, застилавшего все лощины, всё более и более очищались от русских колонн, спускавшихся к Гольдбаху. Пехотные дивизии С.-Илера и Вандамма в полной готовности стояли у подножия высот, на которых должна была решиться участь дня. А на последних становилась в ружьё и готовилась к выступлению 4-я колонна, при которой уже находился Кутузов. <...> Военный глазомер Кутузова сразу оценил важное значение командующих Праценских высот, и русский главнокомандующий медлил покинуть этот тактический ключ поля сражения. Подъехавший сюда со свитой Александр был удивлён, что здесь, в присутствии самого главнокомандующего, нарушена диспозиция. Государь, слегка упрекнув в этом Кутузова, приказал выступить, и около 9 часов авангард колонны, состоящий из двух батальонов Новгородского и батальона Апшеронского полков, сопровождаемый Милорадовичем, тронулся.

<...> Правее Працена, против Вандамма, построилась наша пехота, а левее – против дивизии С.-Илера – слабые батальоны австрийцев. Но колонны и С.-Илера, и особенно Вандамма неудержимо продвигались вперёд, невзирая на отчаянные контратаки нашей пехоты, воодушевляемой Милорадовичем и дравшейся на глазах своего государя. Из удалившихся войск Буксгевдена

связь с центром случайно сохранил Ланжерон благодаря тому, что, задержанная при выступлении кавалерией Лихтенштейна, его колонна растянулась и оказавшаяся в её хвосте бригада графа Каменского 2-го могла быть направлена во фланг дивизии С.-Илера. Однако прибытие свежей бригады, как и вообще все усилия названных войск, не могли остановить французов; около 11 часов дня император Александр приказал начать отступление».

**Генерал-майор Д.А.Назаров, «Первые две войны
Александра I с Францией»**

«Потеря Праценских высот ставила армию союзников в критическое положение, ибо они оказывались разрезанными на две части.

Поздно осознав свою ошибку, русские войска Милорадовича и наша гвардия бросились в контратаку, но, подавленные численным превосходством и артиллерийским огнём втащенных сюда французами орудий, обратно овладеть высотами уже не могли. Единственное их значение сводилось к облегчению отступления к Аустерлицу. Пока Наполеон был занят укреплением за собой взятых Праценских высот, на правом фланге Багратион имел частный успех. Когда же после прорыва центра началось решительное наступление французов и на флангах, то наш слабый авангард, охваченный с двух сторон, принуждён был отступить.

Роль Багратиона по диспозиции была пассивной, и он её выполнил блестяще. Чтобы замедлить наступление противника, он выдвинул Архангелогородский полк, который в течение целого часа отбивал атаки окружившей его французской кавалерии. Отступая шаг за шагом, Багратион задерживался на трёх позициях и оставил Ольмюцкое шоссе только тогда, когда прекратились атаки на него маршала Ланна.

Таким образом, оборону порученной ему позиции Багратион довёл до крайнего предела и умело воспользовался минутой для начала отступления, когда дальнейшая задержка угрожала ему окружением.

На левом фланге Буксгевден, поглощённый исполнением диспозиции, не обратил внимания на то, что происходит в центре, и перевёл значительную часть войск на правый берег реки Гольдбаха.

В 11 часов он получил приказание начать отступление, но не исполнил этого приказа, считая, что дело идёт хорошо. Это промедление имело роковые последствия для трёх его колонн: они оказались отрезанными от остальных войск. Обстрелянные перекрёстным огнём, под угрозой атаки с тыла и правого фланга, колонны спустились на лёд озёр, чтобы уменьшить скученность. Но тонкий лёд не выдержал тяжести войск, вследствие чего много людей, лошадей и орудий потонуло».

С.П.Михеев, «История Русской армии»

«Потеря наша наиболее умножилась, когда войска стеснились у канала чрезвычайно топкого, на котором мало было мостов, а иначе, как по мосту, перейти чрез оный было невозможно. Здесь бегущая конница наша бросилась вброд и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коих я находился, остановил свою батарею, предполагая своим действием оной удержать преследующую нас конницу. Первые орудия, которые я мог освободить от подавляющей их собственной кавалерии, сделав несколько выстрелов, были взяты, люди переколоты, и я достался в плен. Дивизия генерал-адъютанта Уварова, столпившись у моста, имела время осмотреться, что она бежала от малого числа неприятеля и что главные его силы остановились на возвышении, не спускаясь в долину. Прогнавшие нас были обращены в бегство и истреблены, и мне чрез самое короткое время возвращена свобода, когда я уже был близко от французской линии.

Присоединясь к остаткам истреблённой моей роты, нашёл я дивизию в величайшем беспорядке у подошвы холма, на коем находился государь. Холм занят был лейб-гренадерским полком и одной ротой гвардейской артиллерии, которые не участвовали в сражении и потому сохранили устройство. При государе почти никого не было из приближённых, на лице его изображалась величайшая горесть, глаза были наполнены слезами. Здесь можно было видеть части почти всей армии, и если премудрая диспозиция нас разделила, то бегство соединило многих. На месте сражения оставили мы более шестидесяти орудий, и армия отступила. Войска князя Багратиона потерпели урон несравненно менее прочих; часть пехоты его приведена была в замешательство неприятельскою конницею, но она, не будучи поддержана в своих успехах, дорого заплатила за свою дерзость, <...> потеряно несколько пушек. Из сих войск составлен арриергард в команде князя Багратиона. На прямейшей дороге к городку Аустерлицу, чрез который должны были проходить наши войска, учреждён большой пост, который поручен мне в команду, вероятно потому, что никто не желал принять сего неприятного назначения.

По счастью нашему время клонилось к вечеру, и неприятель далее болотистого канала нас не преследовал.

Я с отрядом своим обязан спасением тому презрению, которое имел неприятель к малым моим силам, ибо в совершеннейшей победе не мог он желать прибавить несколько сотен пленных. Но когда нужен был ему водопой, он довольствовался тем, что отогнал передовую мою стражу от канала. Я должен был выслушивать музыку, песни и радостные крики в неприятельском лагере. Нас дразнили русским криком «ура!». Пред полуночью я получил приказание отойти, что должно было последовать гораздо прежде, но посланный офицер ко мне не доехал. В городке Аустерлице, давшем имя незабвенному сражению, нашёл я арриергард князя Багратиона, который не хотел верить, чтобы могли держать одного меня в шести верстах впереди, и не восхитил-

Сказание о генерале Ермолове

ся сим распоряжением генерал-адъютанта Уварова. Прошедши далее четыре версты, прибыл я к армии, но ещё не все в оной части собраны были, и о некоторых не было даже известия; беспорядок дошёл до того, что в армии, казалось, полков не бывало: видны были разные толпы. Государь не знал, где был главнокомандующий генерал Кутузов, а сей беспокоился насчёт государя. Я должен был явиться к генерал-адъютанту Уварову, и сей был в восхищении, что украшенным донесением мог придать важность отряду его собственно изобретения. Не дожидаясь присоединения оторвавшихся частей, армия в продолжение ночи пошла далее. На рассвете стали собираться разбросанные войска, и около десяти часов утра появилась неприятельская кавалерия, наблюдавшая за нашим отступлением. В сей день, по причине совершенного изнурения лошадей, оставили мы на дороге не менее орудий, как и на месте сражения.

Вскоре узнали мы, что австрийский император заключил перемирие с Наполеоном, обязавшись немедленно приступить к переговорам о мире, и мы уже не могли ожидать вспомоществования австрийцев».

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

«21 ноября союзная армия собралась в Чейче, 22-го она прикрылась р. Моравой и достигла Голича. Надобности в преследовании её не оказалось: было заключено перемирие с условием, что русская армия покинет австрийские пределы. Император Александр, не разделяя взгляда своего союзника на безнадёжность положения, тем не менее повелел своей армии немедленно идти через Кашау, Эпериеш, Львов к Радзивилову, куда она и прибыла 26 декабря».

**Генерал-майор Д.А.Назаров, «Первые две войны
Александра I с Францией»**

«Нет сомнения, что впоследствии составятся описания, но трудно будет дать им полную уверенность, и скорее могут быть с точностию определены частные действия, нежели соотношения их между собою и согласование действий со временем. О сражении Аустерлицком можно сказать, что каждой части войск предоставлено было действовать отдельно, с условием при том ни себе не ожидать, ни другим не давать вспомоществования, и для лучшего успеха полезно было бы даже забыть, что на том же самом поле и в то же самое время были ещё и другие русские войска.

Так разделённых нас и лишённых взаимного вспоможения представила судьба пред лицо неприятеля, и он, трепещущий именем русского, осмелился быть победителем.

Сказание о генерале Ермолове _____

Не должен россиянин простить поражения при Аустерлице, и сердце каждого да исполнится желанием отмщения!»

«Записки артиллерии полковника Ермолова...»

Глава пятая

Первая французская кампания (1806–1807)

«<...> заключённый в Париже 8 (20) июня 1806 г. мир Александр I отказался ратифицировать. Летом того же года Наполеон захватил Голландию и западные германские княжества. Королем Голландии он поставил своего брата Луи, а из 16 западногерманских княжеств создал Рейнский союз под своим «протекторатом». Наполеон готовился к вторжению в Пруссию. Англия и Швеция обещали ей поддержку. К ним примкнула и Россия. Так, в сентябре 1806 г. создалась четвёртая коалиция против Франции (Пруссия, Англия, Швеция и Россия).

Упреждая подход русских войск, Наполеон в середине октября в двух сражениях (при Йене и Ауэрштедте) нанёс сокрушительное поражение прусской армии. Прусский король Фридрих Вильгельм III бежал к границам России. Почти вся Пруссия была занята французскими войсками. В следующие семь месяцев русской армии одной пришлось вести упорную борьбу против превосходивших сил Наполеона».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«До весны пробывли мы на Волыни, где, после трудов тяжёлой кампании, отдохновение и покой, раскрыв таившиеся болезни, армию нашу уменьшили чрезвычайно, и мы, претерпев от стеснения неудобство и большой недостаток, расположились наконец на большом пространстве. Я с ротой моею отправлен в 3-ю дивизию генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена, расположенную около местечка Шавель Виленской губернии.

В непродолжительном времени вышли за прошедшую войну награды. Многие весьма щедрые получили за одно сражение при Аустерлице; мне за дела во всю кампанию дан орден Св. Анны второй степени, ибо ничего нельзя было дать менее.

Напоследок, по отличному отзыву обо мне главнокомандующего и по ходатайству генерал-адъютанта Уварова, я произведён в полковники, обойдя

Сказание о генерале Ермолове

одного старее меня в чине. По расположению ко мне начальства я должен был и то принять за величайшую награду, хотя в одном чине был я без малого девять лет.

По новому преобразованию артиллерии в бригады и по присоединении их к пехотным дивизиям я назначен командиром 7-й бригады в дивизии генерал-лейтенанта Дохтурова, расположенной в окрестностях Дубна на Волыни и принял вновь сформированную конную роту.

Деятельные меры, принятые к укомплектованию войск после сделанной потери в минувшую кампанию, подтвердили носящиеся слухи о приуготовлении к войне».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«Заграничная армия состояла из двух вспомогательных корпусов: один, силой до 60 тысяч, в составе четырёх дивизий, под начальством Беннигсена, и другой – около 40 тысяч, также из четырёх дивизий, – под командой графа Буксгевдена; последний корпус, составленный из войск, пострадавших под Аустерлицем, изготовился к походу недели на три позже первого. Кроме того, у Брест-Литовска собирался корпус Эссена 1-го, около 22 тысяч, в составе двух дивизий.

Главкомандующим был назначен престарелый фельдмаршал граф Каменский, с боевой репутацией, утвердившейся в екатерининскую эпоху, и тогда же омрачивший свою карьеру крутостью и даже жестокостью своего нрава».

Генерал-майор Д.А.Назаров, «Первые две войны Александра I с Францией»

«При обозрении театра войны того времени мы видим, что он граничил к северу с Фриш-Гафским и Куриш-Гафским заливами, или с частью Балтийского моря; к югу – с Австрийскою Галициею, землею тогда нейтральною; к западу – с Вислою, а к Востоку – с Неманом, границею России, что составляло около трёхсот вёрст длиннику и до двухсот вёрст поперечнику. На этом тесном пространстве необходимо было обеим армиям избегать смежности и с Галициею и с морем, чтобы не быть опрокинутою противною армиею или в море, или в пределы нейтрального государства».

Д.В.Давыдов, «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года января 26-го и 27-го»

«В Белостоке сошлись армии, и начальствующие ими, не будучи приятелями прежде, встретились совершенно злодеями. Никогда не было согласия в

предприятиях, всегдашняя нестройность в самых ничтожных распоряжениях, и в таком состоянии дел наших ожидали мы скорого прибытия неприятеля, ободрённого победами.

<...> Армия наша чрезвычайно нуждалась в продовольствии, и единственную пищу составлял картофель, который надобно было отыскивать вдалеке и терпеть для того отлучки большого числа людей. Нередко войска направляемы были не туда, где присутствия их требовали обстоятельства, но где надеяться можно было сыскать несколько лучшее продовольствие. Повсюду селения были пусты, глубокая осень и бесперывные дожди разрушили дороги, и без пособия жителей не было средств делать подводы».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«Неопытный воин, я доселе полагал, что продовольствие войск обеспечивается особенными чиновниками, скупающими у жителей всё необходимое для пищи, доставляющими необходимые эти потребности в армию посредством платы за подводы, нанимаемые у тех же жителей; что биваки строятся и костры зажигаются не из изб миролюбивых поселян, а из кустов и деревьев, находящихся на корне; словом, я был уверен, что обыватели тех областей, на коих происходят военные действия, вовсе не подвержены никакому несчастью и разорению и что они ничто более, как покойные свидетели происшествий, подобно жителям Красного Села на манёврах гвардии. Каково было удивление моё при виде противного! Тут только удостоверился я в злополучии и бедствиях, причиняемых войною тому классу людей, который, не стяжая в ней, подобно нам, солдатам, ни славы, ни почестей, лишается не только последнего имущества, но и последнего куса хлеба, не только жизни, но чести жён и дочерей и умирает, тощий и поражённый во всём, что у него есть милого и святого, на дымящихся развалинах своей родины, – и всё это отчего? Оттого, что какому-нибудь временщику захотелось переменить красную ленту на голубую, голубую на полосатую!»

Д.В.Давыдов, «Встреча с фельдмаршалом графом Каменским»

«Непролазная грязь, замедлявшая в высшей степени всякие передвижения и доставку сведений; трудность разведок на закрытой и пересечённой местности; блуждание русских колонн вследствие перекрещивающихся приказаний Каменского – таковы неблагоприятные обстоятельства, послужившие причинами редко встречавшегося в боевой практике Наполеона случая, что он не мог разобраться в обстановке; простояв 13 декабря в Насельске, он всё-таки сделал ошибку, предположив, что наши главные силы сосредоточены у Голымина, а не у Пултуска. Соответственно этому, направив Ланна для

захвата Пултусской переправы, Наполеон двинул главные свои силы на север и несколько западнее линии р. Нарев.

Утром 14 декабря к нашей позиции подошёл корпус Ланна, силой до 20 тысяч. <...> В тот же день главные силы французской армии атаковали у Голымина сравнительно небольшой, в 10–12 тысяч, сборный отряд князя Голицына, образовавшийся случайно из полков разных дивизий <...>. Желая сделать остановку для войск, донельзя утомлённых, князь Голицын вынужденно должен был занять впереди Голымина позицию, прикрытую излучиной болотистой речки; лес на левом фланге был занят Костромским пехотным полком под командованием князя Щербатова.

Борьба небольшого нашего отряда с превосходящими силами противника могла окончиться для князя Голицына сравнительно благополучно лишь потому, что невылазная грязь, замедлявшая движение французов, принудила Наполеона вводить свои войска в бой по частям, по мере их подхода, причём большая часть французской артиллерии, завязшая в грязи, осталась назади.

Между тем, в 15 верстах от Голымина и Пултуска, в Макове, стоял неподвижно и безучастно граф Буксгевден с дивизией Тучкова».

Генерал-майор Д.А.Назаров, «Первые две войны Александра I с Францией»

«Прибыв в Голымин 14 числа декабря, нашли мы 7-ю дивизию генерал-лейтенанта Дохтурова, 5-ю генерал-лейтенанта Тучкова, 1-ю и часть 4-й дивизии генерал-лейтенанта князя Голицына из армии генерала Беннигсена.

Неприятель начал перестрелку. Войска его были в малых силах и по большей части состояли из кавалерии под начальством принца Мюрата. <...> Совершенно от нас зависело уничтожить принца Мюрата, но мы довольствовались пустою перестрелкою, и Мюрат был атакующим. <...> По старшинству, думать надобно, командовал с нашей стороны генерал Дохтуров, но справедливее сказать, не командовал никто: ибо когда послал я бригадного адъютанта за приказанием, он, отыскивая начальника и переходя от одного к другому, не более получаса времени был по крайней мере у пяти генералов и ничего не успел испросить в разрешение.

<...> К вечеру стали очевидно уменьшаться войска наши и заметны были многие в линиях интервалы. Легко было понять, что не таков должен быть порядок при отступлении, и что войска отходили, конечно, не по приказанию, но по произволу.

Долго не смел я отступить без приказания, но, не видя необходимости оставаться последним, согласил я подполковника князя Жевахова с двумя эскадронами Павлоградского гусарского полка идти вместе, и мы отправились в ту сторону, где видно было более отступающих. Пройдя местечко Го-

лымин, взял я направление на местечко Маков. <...>

Таким образом окончилось наше сражение, имевшее для нас одну ту пользу, что мы развлекли силы неприятеля и собою заняли некоторую часть оных. <...>

В пяти верстах от Голымина, в селении Ключницы, нашёл я в господском доме несколько генералов, и конечно они не все вместе с нами приехали, ибо застал уже их спящих, а на полу остатки кушанья свидетельствовали, что сон не происходил от голода. В подобных случаях тот, кто приезжает последний, является с некоторыми преимуществами и правами, и пробуждённые почтили меня бутылкою портера. Я видел, что спутник мой гусар князь Жевахов недоволен был излишне скромным приветствием.

В отступлении от Голымина, не будучи только преследуемы, ниже почти и наблюдаемы неприятелем, оставили мы около сорока пушек, большую часть батарейной артиллерии, единственно по причине крайнего изнурения лошадей и дорог, непроходимых от чрезвычайной грязи. Той же участи должна была подпасть и моя рота; но, захватя выпряженных лошадей, брошенных от рот, я избавился стыда лишиться орудий без выстрела».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«Утром 23 января, когда подошли корпуса Нея и Ожро, Наполеон увидел исчезновение нашей армии с Янковской позиции. Располагая превосходством сил, Наполеон начал фронтальное преследование русской армии; но, стремясь, с одной стороны, отрезать русских от р. Преголи, а с другой – помешать соединению с ними прусского корпуса Лестока, он для достижения первой цели направил правым берегом р. Алле корпус Даву, а исполнение второй задачи поручил корпусу Нея с кавалерией Лассалья, направленного по левому берегу р. Пассарги.

Искусное, настойчивое и решительное преследование французами противника вплоть до 27 января, на протяжении 70 вёрст, встретило не менее искусное и стойкое сопротивление русских арьергардов, руководство которыми находилось в умелых руках Багратиона и Барклая».

**Генерал-майор Д.А.Назаров, «Первые две войны
Александра I с Францией»**

«Генерал Беннигсен, лишён будучи выгод одержанной победы, нашёлся в необходимости оставить место, ибо граф Буксгевден, отступая, открывал неприятелю дорогу в тыл его расположения, и потому, взяв направление на местечко Рожан, в городе Остроленке перешёл на левый берег Нарева.

Генерал граф Буксгевден туда же отступил чрез местечко Маков. Здесь

оставлен был арриергард в команде генерал-майора Маркова для прикрытия армии, переходившей за реку. До самой ночи с чрезвычайною медленностию продолжалось её движение. В беспорядке теснились обозы на длинном мосту, а уже неприятель, вышедший из окружающих лесов, в больших силах занял позицию недалеко от местечка. Нельзя было в короткое время разрушить мост, и потому опасно было, чтобы неприятель, пользуясь темнотою ночи, не овладел им. С позволения начальника послал я команду и приказал ей зажечь два квартала, принадлежащие к месту, дабы осветить приближение неприятеля, если бы покусился он на оный. Два раза подходили его войска и в некоторых местах осматривали броды, но большая часть сорока орудий, которыми я командовал, употреблены были на защиту оных, и нетрудно было успеть в том. Потеря от канонады должна была быть значительною, и мы успели разрушить часть моста.

Мне грозили наказанием за произведённый пожар, в главной квартире много о том рассуждали и находили меру жестокою. Я разумел, что после хорошего обеда, на досуге, а особливо в 20 верстах от опасности, нетрудно щеголять великодушием. Вняли однако же моим оправданиям. Арриергард отошёл на селение Новалесь, где расположена была дивизия генерала Дохтурова».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«Разрешение командного кризиса в армии предпочтением Буксгевдену несравненно более способного Беннигсена было весьма удачным; последний, щедро награждённый за победу под Пултуском, и был назначен главнокомандующим; Буксгевден был отозван. Указ об этом получен был 31 декабря 1806 г., на марше армии в Восточную Пруссию, куда, согласно постановлению военного совета от 20 декабря, переносились наши операции.

<...> Располагая корпусами Эссена 1-го и Лестока (до 107 тысяч войск), Беннигсен перешёл к активным действиям. Он вознамерился, оставив для обеспечения своих сообщений Эссена 1-го и одну из дивизий в долине Нарева, двинуться, под прикрытием лесов и озёр, к Нижней Висле, разбить по частям левофланговые корпуса Наполеона – Нея и Бернадота, освободить Грауденц от обложения и, угрожая сообщениям Наполеона, быть может, заставить последнего начать отступление от Варшавы. Наступательные операции зимнего похода русской армии, однако, окончились обороной у Прёйсиш-Эйлау.

4 января 1807 г. русская армия двинулась из Бялы на запад».

**Генерал-майор Д.А.Назаров, «Первые две войны
Александра I с Францией»**

«1807. Главнокомандующий получил приказание вступить в Пруссию, и армия в самых последних числах декабря пошла по направлению на Кольно, Бялу, Иоганнесбург и далее. Составлены три передовые отряда: из коих сильнейший дан в команду генерал-майора Маркова, другие два поручены генерал-майорам Барклаю-де-Толли и Багговуту. Авангарду генерал-майора Маркова, в котором определён я начальником артиллерии, назначено следовать на Арис, Рейн, Растенбург, Рессель – до Гейльсберга. Армия в близком расстоянии двинулась по тому же направлению».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«13 января 1807 г. произошло авангардное дело между нашими и французскими войсками, закончившееся весьма удачным набегом 9 наших эскадронов в тыл французам. Наша армия генерала Беннигсена наступала от восточно-прусских озёр к устью р. Вислы, угрожая отдельным поражением корпусу Бернадотта, части которого были разбросаны на фронте Остероде – Эльбинг. Однако, своевременно получив сведения о движении наших превосходящих сил, Бернадотт решил сблизиться с ближайшим к нему корпусом Нея и для этого сосредоточиться к Остероде. Во время же совершения им движения на юг, авангард Беннигсена, под началом генерала Маркова, перейдя реку Пассаргу, атаковал в ночь на 13 января у Либштадта авангард Бернадотта и отбросил его к Морунгену. 13-го Марков подошёл к лесисто-озёрному дефиле между Морунгеном и Георгенталем и развернулся на высотах западнее и южнее последнего пункта, на фронте около 3 вёрст: Елисаветградские гусары и 3 батальона 5-го егерского полка в 1-ой линии – в охранении; Псковский мушкетёрский полк и 25-й егерский – во 2-й линии; в резерве – Екатеринославский гренадерский полк; для обеспечения правого фланга от обхода был выдвинут 7-й егерский полк (3 батальона). Между тем, Бернадотт, спешивший собрать свои войска и озабоченный удержанием Морунгена, через который тянулись и люди и обозы, решил около 1 часа дня атаковать наш авангард с фронта, со стороны Морунгена, и с правого фланга, со стороны Эльбингской дороги, по которой двигалась на присоединение к главным силам корпуса дивизия Дюпона. Натиск французам и охват обоим флангов (сначала правого, а потом и левого) вынудили Маркова уже в сумерках начать отступление. Французам начали было преследовать, но донесение о набеге русской конницы на обозы Бернадотта у Морунгена остановило преследование. Набег, результатом которого, кроме паники, было уничтожение части обозов, был произведён 3 эскадронами Курляндского драгунского полка (князь Долгоруков) и 6 эскадронами Сумских гусар (граф Пален). Эскадроны эти были высланы из колонны главных сил Беннигсена на разведку. Подойдя к Морунгену с юга и даже не зная о бое между войсками Бернадотта

и Маркова, они атаковали слабо прикрытые обозы французов. Кроме обоза, они увели с собою 4 офицеров и 160 нижних чинов пленными, не считая разбежавшихся ночью по лесам. Вследствие дела при Морунгене Бернадотт выиграл время для окончания своего сосредоточения в Остероде; для Наполеона же, главные силы которого были уже нацелены с юга (от Пултуска) на Алленштейн, для удара во фланг русским колоннам, выяснилось направление движения этих колонн. Беннигсен, поздно поддержавший энергичное движение своего авангарда (15 января), упустил время, чтобы нанести отдельное поражение Бернадотту, что повлекло за собой, в связи со сведениями о движении во фланг ему Наполеона, к отказу от прежнего решительного плана».

«Военная энциклопедия»

(под ред. В.Ф.Новицкого. И.Д. Сытина, 1911-1915.)

<...> По диспозиции из главной квартиры 13 генваря авангарду назначен ночлег в городке Морунген, и мы выступили с рассветом. Впереди с Елисаветградским гусарским и двумя донскими полками полковник Юрковский, прогоняя перед собою неприятельские пикеты, только лишь взошёл на хребет небольших возвышенностей, у подошвы коих оканчивается просторная равнина, в которой лежит Морунген: увидел он устроенного в боевой порядок неприятеля довольно сильного. Полковник Юрковский имел неосторожность спуститься в равнину, и неприятель встретил его своею кавалериею. Прибыл ускоривший движение авангард и нашёл, что теснимый превосходною кавалериею отступает он к одной мызе, в которой прямая улица могла быть обстреливаема неприятельскою артиллериею. Немедленно привёл я конную свою роту, и превосходством огня и преимуществом возвышенного местоположения, отогнав батарею, доставил я нашей коннице удобное отступление. Ей приказано расположиться позади войск, часть же казаков, рассыпавшись в равнине, производила перестрелку. Генерал-майор Марков войска авангарда устроил на возвышенностях. Неприятель повёл атаку на левый наш фланг. Колонна пехоты двинулась к мызе (о которой сказано выше), и дабы менее испытывать действия артиллерии, взяла направление через озеро, прилежащее с правой стороны и покрытое весьма твёрдым льдом. Заняв мызу, пехота расположилась в саду, окружённом высоким забором и рвом. Обнажённые деревья открыли небольшое число стрелков наших, они немедленно выгнаны, и ружейный огонь неприятеля вредил нашим линиям. Полковнику Вуичу с 25-м егерским полком приказано было ударить на неприятеля. Полк сей, сформированный пред самою войною и не познакомившийся с опасностями, расстроился при переходе чрез ров и не мог удержаться; некоторые из храбрейших перелезли чрез ограду, но, не будучи поддержаны, остались на месте. Тогда шесть рот Екатеринославского гренадерского полка

с храбрым майором Фишером и две роты 5-го егерского полка бросились вперёд, не сделав выстрела, перелезли забор и почти всех бывших в саду и мызе истребили. При сём случае взято знамя 9-го полка лёгкой пехоты, которого малые весьма остатки спаслись бегством к озеру. В сие время Донского полка подполковник Малахов дал знать, что в расстоянии восьми вёрст открыл он неприятеля, который имел много пехоты и большие орудия, а в трёх верстах от правого фланга осмотрел залегшую в скрытых местах пехоту от полутора до двух тысяч человек. Всего более неприятно было сие последнее известие, ибо к сей стороне лежала единственная дорога, по которой могли мы отступить.

<...> Не прошло и двух часов, как увидели мы на расстоянии двух пушечных выстрелов по дороге от местечка Голланд выходящую из лесу пехоту. Против правого фланга нашего, устроясь в боевой порядок, прикрытая кавалериею, начала она продвигаться вперёд. Схваченные фланкеры показали, что прибывшие войска составляли корпус маршала Бернадотта, им лично предводимый. За час до сего могли мы отойти безопасно, пропусая время, едва можно было надеяться спастись, хотя бы и с большим уроном. <...> Несколько баталионов, находившихся на правом фланге, недалеко от дороги, пошли на селение Георгиенталь, которое неприятель не успел занять значительными силами <...>. С сими баталионами отправился генерал Марков. Неприятель под сильным огнём своих батарей теснил остальную часть авангарда, и мы отступали шаг за шагом. Артиллерия наша не делала других выстрелов, кроме картечных. Уже было очень темно, когда вошли мы в лес, и тогда неприятель прекратил преследование, вероятно в надежде иметь нас на другой день в своих руках. По отбытии генерала Маркова не оставалось другого генерала, и потому полковники Турчанинов (Павел Петрович), Вуич и я явились в команду старшего полковника Юрковского. Первое старание наше было отыскать дорогу, и я не менее других заботился о том, дабы не иметь стыда потерять более двадцати орудий артиллерии; но, встречая по лесу или глубокие снега, или незамёрзшие болота, мы не находили средства выйти. Командир Донского полка храбрый Сысоев отыскал место, по которому артиллерия могла довольно удобно достигнуть большой дороги, но необходимо надлежало проходить весьма близко от неприятельского бивуака при селении Георгиенталь. Конечно, средство сие спасти артиллерию было сомнительно, но как не было другого, то решились мы испытать его. В следовании мимо бивуака французы произвели по нас ружейный огонь, и мы имели несколько раненых людей, но далее мы шли в совершенной безопасности. Вскоре нашли мы кавалерию, бывшую в команде генерала Анрепа, вместе с которою возвратились в Либштадт».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

Сказание о генерале Ермолове

«Я <...> приехал в Либштадт в минуту выступления главной квартиры и главной армии в Морунген, где 13-го числа был атакован и разбит Бернадотом Евгений Иванович Марков, командовавший частью авангарда армии.

<...> Я из любопытства рассматривал поле сражения. Прежде ездил по нашей, а потом по неприятельской позиции. Видно было, где огонь и где натишки были сильнее, по количеству тел, лежавших на тех местах. Артиллерию авангарда нашего командовал тогда полковник Алексей Петрович Ермолов, и действие её было, во всём смысле слова, разрушительно в пехотных колоннах и линиях неприятельской конницы, ибо целые толпы первой и целые ряды последней лежали у деревни Пфаресфельдшен, поражённые ядрами и картечью, в том же порядке, как они шли или стояли во время битвы».

Д.В.Давыдов, «Встреча с фельдмаршалом графом Каменским»

«<...> В начале января русская армия под командованием генерал-лейтенант Л.Л.Беннигсена, базировавшаяся на Кёнигсберг (ныне Калининград), развернула наступление от Вялы на запад с целью разгромить по частям выдвинувшиеся вперёд французские корпуса маршалов М.Нея и Ж.Бернадота. Однако из-за нерешительности Беннигсена решить эту задачу она не смогла. Наполеон, собрав свои войска (70 тысяч чел., 450 орудий) с зимних квартир, двинул их от Алленштейна (Ольштын) на север с целью отрезать русскую армию (78 тысяч человек, в т. ч. 8 тыс. пруссаков, 400 орудий) от сообщений с Россией, окружить и уничтожить её. Беннигсен, узнав об этом, отвёл русскую армию к Прейсиш-Эйлау».

«Советская военная энциклопедия»

«<...> невзирая ни на что, в намерении отвлечь Бернадота от главной французской армии и вместе с тем освободить Грауденц от блокады, мы продолжали подвигаться в бездну гибели, преследуя Бернадота, отступавшего на Дейч-Эйлау и Стразбург к Торну. Уже главная квартира была около Любемиля; в Ризенбург вступил прусский корпус Лестока; в Дейч-Эйлау – авангард князя П.И.Багратиона, а аванпосты его, под командою полковника Юрковского, – в Стразбург. <...> Но русский бог велик! Вдруг аванпостные казаки авангарда берут в плен французского офицера, посланного курьером от маршала Бертье к Бернадоту с Наполеоновым приказанием напирать на армию нашу и не выпускать её из виду, и между тем с извещением его о движении всех французских сил на Вилленберг, Пассенгейм и Алленштейн. Багратион мгновенно проник опасность. Он в ту же минуту отослал и пленного курьера и перехваченную бумагу к Беннигсену и, не дожидая дальнейшего повеления от него, сам собою обратил авангард вспять и пустился на соединение с армиею усилен-

ными переходами. Однако, предвидя неминуемость генерального сражения, он, в намерении обессилить неприятельскую армию целым корпусом войск, не забыл и о Бернадоте; он приказал Юрковскому атаковать его аванпосты, сбить их и преследовать целый день, дабы чрез то уверить его, что намерение наше теснить его всеми силами не изменилось и продолжится. Приказание Юрковскому заключалось постскриптом, в котором предписано ему было обратное движение при наступлении ночи и поспешнейшее следование для примкнутия к авангарду по приложенному маршруту».

Д.В.Давыдов, «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау...»

«<...> как уже оставалось не более двух суток до назначенного Наполеоном, то, не ожидая разрешения, разделил он < Князь Багратион > авангард для скорейшего движения на две колонны, из коих одна пошла на Бергфриде, другая в команде генерала Маркова чрез Остероде; в сей последней находился я с большею частию артиллерии, и мы, пройдя 26 часов и сделав два привала, по три часа каждый, прибыли 1-го числа февраля нового стиля весьма поздно вечером к селению Янково, в малом расстоянии от Алленштейна. Тут присоединилась к нам другая колонна, и обеим приказано остановиться до повеления».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«Двадцать второго января наш авангард застал всю армию, сосредоточенную при Янкове, лицом к лицу с французскою армиею, полагавшей янковский путь занятым одним корпусом князя Голицына и изумлённою неожиданною встречей всех сил наших, готовых к отпору её натисков <...>

При наступлении ночи армия наша отошла к Вольфсдорфу, оставя для прикрытия сего отступления арьергард генерал-майора Баркляя-де-Толли на оставленном ею месте.

Поутру 23-го Барклай поднялся вслед за армиею, но на пути был атакован превосходными силами, целый день сражался, потерял много, особенно при Депене, но к вечеру примкнул к армии, стоявшей уже на боевой позиции при Вольфсдорфе. Ночью армия снялась с позиции и потянулась по направлению к Ландсбергу. Арьергард Багратиона сменил утомлённый накануне арьергард Баркляя и остался при Вольфсдорфе для того же предмета, для которого оставлен был накануне арьергард Баркляя при Янкове.

Двадцать четвёртого, поутру, Багратион атакован был наступавшим неприятелем. Битва была горячая, но, несмотря на усилия французов, щегольство в порядке сохранено было во всех частях арьергарда. К вечеру он потянулся вслед за армиею <...>»

Д.В.Давыдов, «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау...»

«24-го числа генваря с самого утра догнал нас неприятель и в таких силах, что с трудом можно было удержать некоторый порядок при отступлении. При селении Вольфсдорф неприятель стремительно напал на нашу позицию, и одно действие штыками левый наш фланг поставило в возможность противиться, хотя впрочем с некоторою потерею. 7-я дивизия генерал-лейтенанта Дохтурова, которую закрывал арриергард, шла в большом беспорядке, обозы её стесняли позади дорогу, и мы, беспрестанно занимая позиции и весьма мало удаляясь, дрались до самой глубокой ночи. Проходя лес в темноте, смешались мы до такой степени, что по одному крику можно было или распознавать неприятеля или своим собраться. Генерал-майор граф Ламберт, думая собрать разбросанных по лесу наших стрелков, подъехал к французским и едва было не попался в руки их.

Артиллерия во весь день была в ужасном огне, и если бы перебитых лошадей не заменяли гусары отнятыми у неприятеля, я должен был бы потерять несколько орудий. Конную мою роту, как наиболее подвижную, употреблял я наиболее. Нельзя было обойтись без её содействия в лесу, и даже ночью она направляла свои выстрелы или на крик неприятеля или на звук его барабана. Войска были ею чрезвычайно довольны, и князь Багратион отозвался с особою похвалою».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«В ночь на 25-е армия наша выступила к Ландсбергу <...> аррьергард Барклая прикрывал отступление первой; аррьергард Багратиона шёл на Клаузитен, Паулен и Попертен в Ландсберг, где примкнул к армии почти в одно время с Барклаем, который на пути своём под Гофом понёс сильное поражение».

Д.В.Давыдов, «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау...»

«В ночи на 26-е генваря дивизия генерала Тучкова 1-го начала отступление чрез гору, которое нерадиво исполняя, долго задерживала позади идущие войска. Колонны чрез Ландсберг направленные, мало заботясь о соблюдении порядка, так смешались в тесных улицах, что не без труда выпроводили их из местечка, и сколь ни продолжительна зимняя ночь, но пред рассветом оставались ещё войска, которые не отступили, ибо впереди не подвигались. Легко представить можно положение арриергарда, остающегося в виду большой части французской армии, и который не иначе должен был отступать, как шаг за шагом, дабы не только дать время армии удалиться, но даже стать в боевой порядок, ибо главнокомандующий объявил начальникам войск, чтобы готовились к генеральному сражению, и что армия делает последний переход назад».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«26 января (7 февраля) в ожесточённом бою на подступах к Прейсиш-Эйлау арьергард генерала П.П.Багратиона сдержал превосходящие силы противника, обеспечив главным силам русской армии занятие позиции на высотах севернее города».

«**Советская военная энциклопедия**»

«Поутру 26 января Наполеон двинулся из Гоффа и в 8 часу авангард его, находившийся под начальством Мюрата, уже завязывал дело с князем Багратионом, стоявшим позади Ландсберга. Багратион держался более часа, потом начал отступать и остановился в версте за селением Грюнгелфхен, на выгодной позиции между озёрами Тенкнит и Вашкейтер. В первой линии стояли отряды Маркова и Багговута, за ними 8-я пехотная дивизия и несколько конных полков. Впереди Эйлау стал отряд Баркляя-де-Толли, с приказанием составлять арьергард, когда князь Багратион будет проходить через город».

«**Военный энциклопедический лексикон**»

«Через час после рассвета арриергард, пройдя Ландсберг, расположился в ближайшей к нему позиции, в местечке оставлен был сильный отряд пехоты и у ворот несколько орудий. Спустя довольно долгое время в больших силах неприятель приблизился к местечку, и, отвлекая внимание канонадою, двинул гораздо большие силы на правый наш фланг. Обратившись против оных и способствуемы местоположением, долго дрались мы упорно; наконец быстро перешли поле, отделявшее нас от леса. Вслед за нашею пехотою неприятель вошёл в Ландсберг, и его армия в глазах наших стала собираться на прежней нашей позиции. <...> К счастью нашему, пространство между Ландсбергом и Прейсиш-Эйлау по большей части покрыто частым лесом. Князь Багратион отпустил назад всю кавалерию и часть артиллерии, дабы свободнее быть в движениях. Все егерские полки соединены вместе, линейная пехота составляла подкрепление. До одиннадцати часов утра дрались мы с умеренною потерею, но по дороге нашедши разбросанные бочки с вином, которые идущие при армии маркитанты оставляли для облегчения своих повозок, спасая более дорогой товар, невозможно было удержать людей, которых усталость и довольно сильный холод наиболее располагали к вину, и в самое короткое время четыре из егерских полков до того сделались пьяны, что не было средств соблюсти ни малейшего порядка. Они останавливались толпами там, где не надобно было, шли вперёд, когда нужно отступить поспешнее. Неприятель, приметив замешательство, напал решительнее, охватывал по возможности более пространства, и не было в лесу тропинки, на которой бы не появлялся; в защиту пьяных надлежало употреблять артилле-

рию, и движения сделались медленнее. Храбрые генералы граф Пален и граф Ламберт употребляли кавалерию, заменяя их; но невозможно было отвести их назад, и мы теряли их во множестве и убитыми и пленными».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«Во втором часу пополудни Мюрат двинул три колонны на высоты, занятые Марковым и Багговутом; передовая колонна шла стройно, неся ружья под курок. Князь Багратион приказал полкам Софийскому и Псковскому, имея в резерве С.-Петербургских драгунов, предупредить атаку неприятеля и, не стреляя, опрокинуть его штыками. Через несколько минут обоюдно храбрые войска врезались одно в другое. Французы были обращены назад. На помощь товарищам прибежала вторая французская колонна, но, во время быстрого движения атакованная в левый фланг драгунами, была смята и потеряла знамя. Третья колонна поспешила выручить первые две и остановилась, осыпанная картечью. Мюрат собрал отбитых французов у Грюнгефхена и открыл пушечный огонь. Через полчаса, когда часть корпусов Ожеро и Сульга прибыли на одну высоту с Мюратом, французы вновь атаковали: Мюрат из центра, Ожеро в наше правое крыло из Тепкиптена, Сульг в левое из Вашкейтена. На всех трёх местах нападение было отбито и французы снова ограничились канонадою и высылкою застрельщиков, когда прибыл на поле сражения Наполеон и, лично распорядясь движением войск, в одно время велел атаковать центр Багратиона и обходить его фланги. Не имея сил противиться многолюдству неприятелей, князь Багратион приказал отступить и спешил пройти через Эйлау».

«Военный энциклопедический лексикон»

«Приближаясь к местечку Прейсиш-Эйлау, арриергард вышел на открытые места, и ему показана позиция, которая заслоняла собою местечко, позади которого на обширной равнине армия наша устраивалась в боевой порядок. В подкрепление арриергарду прислано несколько полков от 8-й дивизии и полки конницы. Мы расположились по обеим сторонам дороги, обсаженной деревьями. Двадцатью четырьмя орудиями занял я хребет довольно крутых возвышений на левом фланге. К подошве оных простиралась долина, по коей должен был проходить неприятель; стрелки наши лежали по ней совершенно скрытые. На правом фланге была часть кавалерии, большая часть оной поставлена назади. Неприятель, устроив на противоположной высоте батареи, открыл сильную канонаду, на которую ответствовано изредка, по разности калибров, ибо не имел я ни одного батарейного орудия. Во многих пунктах спустились с высоты неприятельские колонны, но действием более

сорока орудий остановлены некоторые и с приметною потерею обращены картечью. Около двух часов имели мы выгоды на нашей стороне; наконец двинулся неприятель большими силами; идущие впереди три колонны направлены одна по большой дороге, где у нас мало было пехоты, другая против Псковского и Софийского мушкетёрских полков, и третья против моей батареи из 24-х орудий. Шедшая по большой дороге проходила с удобностию и угрожала взять в тыл твердейший пункт нашей позиции. Прочие медленно приближались по причине глубокого снега, лежащего на равнине, и долго были под картечными выстрелами. Однако же дошла одна, хотя весьма расстроенная, и легла от штыков Псковского и Софийского полков, другая положила тела свои недалеко от фронта моей батареи. Полковник Дегтярев с Санкт-Петербургским драгунским полком пошёл против колонны, следующей по большой дороге, которая, дабы отнять у кавалерии выгоду скорости движения по битой дороге, стала сходить в сторону на глубокий снег. Торопливость была причиною расстройства; полк им воспользовался и, испытав слабый ружейный огонь, имел наградою за смелое предприятие одного орла и пятьсот пленных. Столько же, по крайней мере, убито, и в числе их генерал, начальствовавший колонною.

Мне не случалось видеть столько решительной кавалерийской атаки; не менее удивлён я был, видевши, как полк, не расстроившись, быстро спустился с крутой, покрытой снегом, высоты, с которой несколько раз до того съезжал, и с осторожностью. Недолго пользовались мы приобретёнными успехами, ибо неприятель атаковал гораздо в больших силах; умножились батареи, которые покровительствовали движению колонн, и мы, не в состоянии будучи противиться, получили приказание отступить и присоединиться к армии».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«Эйлау более и более наполнялся неприятелем. Приходилось уступить ему эти каменные дефилеи, столько для нас необходимы. Уже Барклай пал, жестоко раненный; множество штаб- и обер-офицеров подверглись той же участи или были убиты, и улицы завалились мёртвыми телами нашей пехоты. Багратион, которого неприятель теснил так упорно, так неотступно, числом столь несоизмеримым с его силами, начал оставлять Эйлау шаг за шагом. При выходе из города к стороне позиции он встретил главнокомандующего, который, подкрепя его полною пехотною дивизиею, приказал ему снова овладеть городом во что бы то ни стало, потому что обладание им входило в состав тактических его предначертаний. И подлинно, независимо от других уважений, город находился только в семистах шагах от правого фланга боевой нашей линии. Багратион безмолвно слез с лошади, стал во главе передовой колонны и повёл её обратно к Эйлау. Все другие колонны пошли за ним

спокойно и без шума, но при вступлении в улицы всё заревело «ура», ударило в штыки – и мы снова овладели Эйлау. Ночь прекратила битву. Город остался за нами.

Заняв его достаточным числом пехоты, Багратион снабдил начальствовавшего над нею приказаниями и наставлениями, распустил прочие войска арьергарда по местам, назначенным им в диспозиции, и, не имея уже команды, отправился в главную квартиру, которая занимала тогда мызу Ауклапен, в трёх верстах от Эйлау, в тылу нашей линии.

Пожар костров запылал в обеих армиях. Казалось, что всё кончено до следующего утра. Вышло иначе. Взятие приступом города произвело то, что производит всякий удачный приступ: разброд по улицам и по домам большой части войска, которое предалось своевольству и безначалию. Надлежало собрать и устроить его. Начальствовавший над ним прибег к единственному в таких случаях способу – к барабану; но он забыл, что находится лицом к лицу с неприятелем, которого бивачные огни пылали почти у ворот города, и недостаточно обдумал дело. Он приказал ударить сбор, не назначив даже места, где его ударить. Барабаны загремели, но в стороне города, не ближайшей к неприятелю, а самой отдалённой – от него или, лучше сказать, у самого отверстия улиц, ведущих из города к позиции нашей армии. Можно вообразить, что произвела подобная оплошность! Едва барабанный бой раздался по городу, как всё хлынуло к точке сбора, оставя и ворота эйлавские, и площадь, и улицы без защиты. Неприятель этим воспользовался, вступил по пятам нашим в пустой город и расположился с полною решимостию удержать его за собою во что бы то ни стало».

Д.В.Давыдов, «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау...»

«На рассвете 27 января (8 февраля) корпус Сульга предпринял отвлекающий удар против войск Тучкова, а в 10 ч. утра корпус Ожеро атаковал центр русской армии, но понёс от огня батарей большие потери и контратакой был отброшен на исходные позиции. Лишь ввод в бой кавалерии маршала И.Мюрата и гвардии маршала Ж.Бессьера спас войска корпуса от полного поражения. Корпус Даву, усиленный 2 драгунскими дивизиями корпуса Ожеро, перешёл в наступление с запозданием (в 12 ч. дня), с трудом выбил отряд Багговута из Зерпаллена, а затем потеснил и левое крыло русской армии до Ауклаппена, перерезав её коммуникации. В этот критический момент по инициативе начальника артиллерии правого крыла А.И.Кутайсова под Ауклаппен были переброшены 3 конноартиллерийские роты (36 орудий). Их меткий картечный огонь в упор вынудил французов оставить Ауклаппен».

«Советская военная энциклопедия»

«Настал кризис: путь на Фридланд, в Россию, был в руках французов; но и положение корпуса Даву, растянувшегося на 3 версты, было непрочным; Даву не имел свежих войск для довершения своего успеха. Последнего решительного удара, коим победа, быть может, могла бы быть достигнута, Наполеон не сделал; он не рискнул последним своим резервом – гвардией. Неожиданно успех Даву и в том числе его попытки прорваться за Ауклаппен были поколеблены искусным выездом нашей конной артиллерии. С правого фланга армии прискакали конноартиллерийские роты Ермолова и Богданова и, с присоединившейся третьей ротой князя Яшвиля, снялись с передков напологой высоте над Ауклаппеном. Обдав сначала французов картечью, 36 наших орудий стали громить неприятеля и вскоре зажгли мызу. Этой конноартиллерийской контратаки было достаточно, чтобы войска 2-й и 3-й дивизий бросились вперёд; французы очистили мызу Ауклаппен, и наступление их замерло. Огонь нашей конной артиллерии, кроме того, отлично подготовил атаку для корпуса Лестока, подходившего в это время к Альтгофу».

Генерал-майор Д.А.Назаров, «Первые две войны Александра I с Францией»

«Даву продолжал наступать, охватывая более и более левый фланг нашей армии, тогда как часть центра и правый фланг оной, не двигаясь с места, постепенно и мало-помалу отделяли от себя частицы пехоты, конницы и артиллерии на подпору отступавшему левому флангу. <...> Багратион <...> двинул резерв к Ауклаппену и обратил его лицом к Даву и Сент-Илеру. Ермолов прискакал к тому же пункту с тридцатью шестью конными орудиями, выдвинул их из-за резерва, осыпал брандскугелями Ауклаппенскую мызу, мгновенно зажгёт её и принудил неприятельскую пехоту из неё удалиться; генерал-майор граф Кутайсов прибыл также сюда с двенадцатью орудиями, но позднее. Тогда, не теряя ни минуты, он бросился к ручью, рассекавшему лес, и сразился с заложенными на нём батареями, не перепуская вместе с тем ни одной пехотной колонны ни к лесу, ни к Ауклаппену, ни к Кушитену для подкрепления войск, ввалившихся в это последнее селение».

Д.В.Давыдов, «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау...»

«Итак, мне приказано идти туда с двумя конными ротами. Дежурный генерал-лейтенант граф Толстой махнул рукою влево, и я должен был принять сие за направление. Я не знал, с каким намерением я туда отправляюсь, кого там найду, к кому поступаю под начальство. Присоединив ещё одну роту конной артиллерии, прибыл я на обширное поле на оконечности левого фланга, где слабые остатки войск едва держались против превосходного не-

приятеля, который подвинулся вправо, занял высоты батареями и одну мызу почти уже в тылу войск наших. Я зажѣг сию последнюю и выгнал пехоту, которая вредила мне своими выстрелами. Против батарей начал я канонаду и сохранил место своей около двух часов. Тогда начал приближаться корпус генерала Лестока, в голове колонны шли два наши полка, Калужский и Выборгский, направляясь на оконечность неприятельского фланга. Против меня стали реже выстрелы, и я увидел большую часть орудий, обратившихся на генерала Лестока. Я подвигал на людях мою батарею всякий раз, как она покрывалась дымом, отослал назад передки орудий и всех лошадей, начиная с моей собственной, объявил людям, что об отступлении помышлять не должно. Я подошёл почти под выстрелы и всё внимание обращал на дорогу, лежащую у подошвы возвышения, по которой неприятель усиливался провести свою пехоту, ибо по причине глубокого снега нельзя было пройти стороною. Картечными выстрелами из тридцати орудий всякий раз обращал я его с большим уроном. Словом, до конца сражения не прошёл он мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода, ибо генерал Лесток, встретив умеренные силы, опрокинул их, обошёл высоту и батареи, которые неприятель, оставив во власти его, предался совершенному бегству, и мрачная ночь покрыла поле сражения. Главнокомандующий, желая видеть ближе действия генерала Лестока, был на левом фланге и удивлён был, нашедши от моих рот всех лошадей, все передки и ни одного орудия; узнавши о причине, был чрезвычайно доволен».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«<...> Даву немного уже оставалось, чтобы явиться в тылу нашего боевого расположения; но в это время прискакал на выручку Ермолов с 24-мя конными орудиями <...> Но если бы Толстой не вспомнил о конной артиллерии и она не исполнила бы так быстро и блистательно своего назначения, то 240 орудий, стоявших на фронтальных батареях, без пути к отступлению, могли бы послужить материалом для другой колонны на Вандомской площади».

Г.М.Ратч, «Публичные лекции, читанные господам офицерам гвардейской артиллерии»

«<...> Я не без намерения подробно описал этот подвиг нашей конной артиллерии, прибывшей на помощь нашего левого фланга. Моё повествование, основанное на словах и свидетельстве многих артиллеристов, князя Багратиона, графа Толстого, Богданова... Беннигсена, явно противоречит вымышленным рассказам слишком усердных почитателей графа Кутайсова. Ни этому молодому генералу, подававшему большие надежды и о слишком ра-

новременной кончине которого справедливо сожалела вся наша армия, ни Ермолову не принадлежит мысль подкрепить тридцатую шестью конными орудиями наш левый фланг; будучи отправлен князем Багратионом к ротам Ермолова и Богданова вскоре после присылки их к нашему левому флангу, я не нашёл здесь графа Кутайсова... Прибыв сюда позднее и приказав приведённой им роте поступить так же, как уже сделали роты Ермолова и Богданова, граф Кутайсов не дозволил бы себе, без сомнения, того, что дозволяют себе его почитатели, а именно – приписать себе главную честь быстрого появления конной артиллерии к угрожаемому пункту».

Д.В.Давыдов, «Материалы для истории современных войн»

«Войска левого крыла и общего резерва русских совместно с прибывшим корпусом Лестока мощной контратакой отбросили корпус Даву к Клейн-Заусгартену. Поздно вечером сражение прекратилось. Обе стороны понесли большие потери: русские – до 26 тыс. ранеными и убитыми, французы – около 30 тыс. Сражение при Прейсиш-Эйлау справедливо оценивалось современниками как стратегический успех русской армии».

«Советская военная энциклопедия»

«У французов не стало уже зарядов, лошади под орудиями большею частью были убиты и сам Наполеон уже помышлял об отступлении, для начатия коего ожидал только, что предпримет Беннигсен. Наступила роковая черта битвы; Беннигсен хотел обратить её в свою пользу. Он приказал Остерману приготовиться к атаке, а Лаптеву, с тремя егерскими полками, предшествовать ему. Радостно кинулись вперёд русские колонны, но вскоре, по причине вечера, Беннигсен остановил их. Канонада длилась с обеих сторон до 9 часов. Все окружные селения пылали. Отблеск пожаров разливался на утомлённые войска. Зажигались костры и к ним кучами приползали раненые. Сражение утихло.

Беннигсен поехал к Тучкову. Найдя, что правый фланг нашей армии пострадал несравненно менее других войск и удостоверившись от пленных в расстройстве неприятеля, Беннигсен вознамерился правым крылом произвести нападение, отменённое на левом. Но вдруг в 10 часу раздалась пальба у Шмодитена, в тылу нашем; то было нападение части Неева корпуса, теснившей бригаду, оставленную перед нею Лестоком. Отступая шаг за шагом, прусский отряд пришёл в Шмодитен, полный нашими ранеными. Команды, бывшие для их прикрытия, присоединились к пруссакам; завязалась сильная перестрелка. Беннигсен послал в Шмодитен два полка пехоты и два конные. Они выбили французов из селения и узнали от пленных о приближении Нея к

полю сражения. Беннигсен отменил ночное нападение и собрал совет, чтобы определить: возобновить ли наутро битву или отступить? Мнения были различны; но Беннигсен счёл выгоднее двинуться к Кёнигсбергу и, заняв там заблаговременно избранную крепкую позицию, освежить войска, призреть раненых, исправить артиллерию и пополнить снаряды, чем отважиться на новый бой с неприятелем, усиленным целым корпусом Нея. После полуночи войска получили приказание отступать. Русский главнокомандующий не ошибся в своих расчётах. Наполеон не решился его преследовать, и простояв несколько дней в снегах и безлюдных местах у Эйлау, где не имел продовольствия и возможности успокоить раненых и исправить артиллерию, предпринял обратный путь к Висле. Отойдя без потерь к Кёнигсбергу, русские приобрели тем самым выгоды, какие получили бы от нового сражения».

«Военный энциклопедический лексикон»

«Армия наша в ту же ночь пошла к Кёнигсбергу. Атаману Платову, прибывшему за день до того с войском Донским, приказано остаться на месте сражения.

Неприятель тогда же с поспешностию отступил, и в продолжение ночи арриергард его дошёл до местечка Ландсберга. Обозревши на другой день, что армия наша оставила Прейсиш-Эйлау, он возвратился, чтобы собрать брошенные им орудия и тягости. Мы вскоре узнали достоверно, что в день сражения всюду отправлены были курьеры с приказанием вывозить госпитали, комиссариат и кассы армии. После сего наглость и бесстыдство Наполеона приписали Прейсиш-Эйлавскую баталию к числу им выигранных!»

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«После сражения при Прейсиш-Эйлау, город этот <Гуттштадт> составлял исходящий пункт квартирного расположения французской армии, за р. Алле и Пассаргою, прикрывал промежуток между двумя сими реками и занят был войсками Нея, коему поручено было удерживать его до последней крайности. Русский главнокомандующий, Беннигсен, решившись действовать наступательно и прорвать расположение противника, направил значительные силы на Гуттштадт, и взял сей город; но Наполеон обратно овладел им 3-го марта, усилив для сего корпус Нея дивизиею Морана (из корпуса Ожеро)».

Д.А.Милютина, «Военный энциклопедический лексикон»

«Генерал-майор Багвот не мог удержаться в Гуттштадте, и неприятель, вытеснив 5-й егерский полк, вслед за ним занял селение Цехерн.

<...> Генерал-майор Марков приказал против Цехарна построить батарею, которую я делал весьма прилежно, ибо до того на сём месте много потерпела моя рота. Осмотревши часть леса, которую удерживал за собою неприятель в продолжение ночи, в опушке ближайшего леса расположил я шесть орудий моей роты, и, заслоня их нарубленным ельником, ожидал рассвета, когда неприятель обыкновенно приводил свою пехоту из лагеря от Петерсвальде. С самого начала дня вышла сильная колонна из лагеря и беспечно подвигалась к той части леса, где всегда на ночь оставалась небольшая часть войск. В движении своём дала она фланг моей батарее, и картечь из шести орудий на весьма близком расстоянии произвела такое поражение в колонне, что, оставив на месте тела, колонна обратилась в поспешное бегство к лагерю, провожаемая выстрелами. Мы заняли остальную часть леса, и неприятель не покушался уже возвратиться оный. Мы уже не держали в нём, как до того было, шести полков пехоты.

<...> Рота конная имени моего, много потерпевшая в делах авангарда, отправлена назад для починки и укомплектования людьми; на место её прислана другая. Вскоре происками старших по артиллерии полковников, из которых ни один не имел ни столько большой, ни столько видной команды, мне дано приказание отправиться к моей роте. Главнокомандующему доложено, что смена назначена для того, чтобы дать мне отдохновение. Так объяснил он сам генералу князю Багратиону, который, возвратясь в сие время из С.-Петербурга, просил, чтобы меня не переменили, и я остался у начальника, который обладал полною всех нас доверенностию».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«С февраля до конца апреля русская и французская армии находились в бездействии и только под Данцигом, осаждённом французами, шла упорная борьба. В то же время Платов производил поиски. Убедясь из донесений донцов и лазутчиков, что французская армия широко разбросана, а корпус Нея стоит у Гуттштадта отдельно от главных сил Наполеона, император Александр нашёл своевременным атаковать его».

«Военная энциклопедия» (ИД Сытина)

« <...> около трёх месяцев продолжалось с обеих сторон совершенное бездействие; не было ни цепи стрелков, ни одного выстрела, хотя перемирия не было.

Расположенные против нас французы имели в продовольствии величайший недостаток, кавалерия их отправлена назад для поправления. 27-й драгунский полк, изнурённый голодом, большею частию перебежал к нам.

Не менее терпели войска авангарда; не было ни хлеба, ни соли; выдавались сухари совершенно гнилые и чрезвычайно в малом количестве. Солдаты употребляли в пищу воловьей кожи, которые две или три недели служили покрышкою шалашей; в 23-м и 24-м егерских полках начинали есть лошадей, и из последнего были большие побегии.

Князь Багратион посылал меня доложить главнокомандующему о сей крайности. Даны строгие приказания, и всё осталось в прежнем виде. Не понравилось дежурному по армии генерал-майору Фоку моё донесение, и я приобрёл его вражду, которой подвергнулся я и потому, что не удивлялся весьма посредственным его способностям, тогда как уже многие находили выгоды превозносить их. По служению в артиллерии мы давно были знакомы.

<...> Государь император прибыл к армии, и пришла гвардия под начальством цесаревича. Главная квартира императора расположилась в Бартенштейне, великого князя в Шипенбейле. Начались разводы, щегольство, и мы в авангарде с тощими желудками принялись за перестройку амуниции.

<...> Между многими чиновниками, представленными великому князю, удостоился и я его приветствия, по засвидетельствованию князя Багратиона о моей службе. До того не был я ему известен, никогда не служивши в столице.

Вскоре приказано приготовиться к встрече государя вместе с королём прусским.

Перестроив единообразно шалаша, дали мы им опрятную наружность и лагерю вид стройности. Выбрав в полках людей менее голых, пополнили с других одежду и показали их под ружьём. Обнажённых спрятали в лесу и расположили на одной отдалённой высоте в виде аванпоста. Тут увидел я удобный способ представлять войска и как уверяют государя, что они ни в чём не имеют недостатка. Подъезжая к каждой части войск, он называл начальников по фамилии королю прусскому и между прочим сказал обо мне, что и в прежнюю кампанию доволен моей службою. Все восхищены были вниманием и благосклонностию государя. И я, не желая льстить, скажу, что он умел ободрить всех. Я был вне себя от радости, ибо не был избалован в службе приветствиями. Король прусский дал орден за достоинство (*pour le m rite*) трём штаб-офицерам, в числе коих и я находился. Ордена сии были из первых и ещё не были унижены чрезвычайным размножением.

Вышли награды за Прейсиш-Эйлавакское сражение. Вместо 3-го класса Георгия, к которому удостоен я был главнокомандующим, я получил Владимира. В действии сделан участником мне артиллерии генерал-майор граф Кутайсов. Его одно любопытство привело на мою батарею, и как я не был в его команде, то он и не мешался в мои распоряжения. Однако же, не имевши даже 4-го класса, ему дан орден Георгия 3-го класса. В реляции хотели написать его моим начальником, но генерал-квартирмейстер барон Штейнгель,

знавши обстоятельства, тому воспрепятствовал. Князь Багратион объяснил главнокомандующему сделанную несправедливость, и он, признавая сам, что я обижен, ничего однако же не сделал. Вот продолжение тех приятностей по службе, которыми довольно часто я наделяем!».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«Хотя граф П.П.Пален и говорил, что Ермолов вполне заслужил св. Георгия 3-го класса, и Беннигсен был совершенно с этим согласен, но этот орден был лишь пожалован мужественному графу Кутайсову, племяннику генерала Резваго, а Ермолов получил Владимира 3-го класса. Так как генерал Резвой приказал составить списки... отличившихся, то граф Кутайсов потребовал их от Ермолова. Представляя их, Ермолов сказал: «Благодарю, ваше сиятельство, что вам угодно известить меня, что вы были моим начальником во время битвы».

Д.В.Давыдов, «Материалы для истории современных войн»

«По возобновлении весной наступательных действий со стороны российской армии, Беннигсен вторично вознамерился атаковать Гуттштадт и тем нанести решительный удар корпусу Нея, слишком далеко выдвинувшемуся вперёд общего расположения; левая колонна главных наших сил, состоящая из части корпуса генерала Горчакова, должна была наблюдать за Гуттштадтом (где была тогда главная квартира Нея и часть дивизии Маршана) и атаковать также правый фланг неприятельского корпуса, между тем как прочие колонны двинулись правее Гуттштадта. Но между тем как авангард главных сил под начальством Багратиона, вытеснив французский отряд из Альткирха, стал приближаться к Гуттштадту, Ней успел уже собрать всю дивизию Маршана, так что Багратион принуждён был ограничиться одною перестрелкою, до получения подкреплений. С прибытием их, Ней принуждён был очистить Гуттштадт <...>. Русские взяли в сём деле много пленных, два орудия и часть обоза; но и сами понесли довольно значительный урон. К вечеру прибыл в Гуттштадт резерв генерала Горчакова; но Беннигсен не умел воспользоваться выгодами своего положения и быстрым преследованием отделить Нея от Сульга и Даву; он дал ему время отступить к Депнему за Пассаргу. К 7-му числу у Депенна уже собралась значительная часть французской армии, а 8-го русские, узнав, что Наполеон идёт вперёд со всеми своими силами, начали отступать к Гейльсбергу. 8-го и 9-го почти вся армия французская перешла через Пассаргу; корпус Нея, Даву и резервы были направлены на Гуттштадт. Багратион, теснимый кавалериею Мюрата, отступил на сей последний пункт, и вечером 8-го числа Гуттштадт был взят французами, несмотря на упорное

сопротивление занимавшей его дивизии Дохтурова. На другой день у Гуттштадта собрались корпуса Нея, Ланна, часть корпуса Даву и резервная кавалерия».

Д.А.Милютина, «Военный энциклопедический лексикон»

«В сие время генерал-майор Иловайский 4-й дал знать, что корпус маршала Сульга, переправившись у селения Эльдиттен, не менее трёх вёрст подвинулся вперёд. Движение сие могло отрезать дорогу авангарду, но мы готовы были отступить, ибо армия пред вечером отправилась к Гельсбергу чрез Гуттштадт и частью чрез Лаунау.

Пред рассветом вышел авангард двумя колоннами. <...> На половине дороги догнал нас неприятель: конница и казаки вступили в дело; из армии прислано нам несколько полков кавалерии. Между тем армия выходила из Гуттштадта. Дороги чрез лес не были удобны, и движение было медленным. Она в сей день двинулась по крайней мере четырьмя часами позже, нежели могла и должна была, а главная квартира, населённая множеством существ, не для одной только армии бесполезных, в то время как мы дрались, и не с выгодою, против неравенства сил, весьма покойно предавалась разным прихотям, и для защиты их дежурный генерал привёз князю Багратиону приказание удерживаться сколь можно долее, и ещё присланы кавалерийские полки. Некоторые атаки были совершенно в пользу нашу. <...> Но когда в большом количестве пришла пехота, мы только что могли удержаться на высотах у самого Гуттштадта. В сей день с моею ротой я был в ужаснейшем огне, и одну неприятельскую батарею сбил, не употребляя других выстрелов, кроме картечных. Прикрывавший роту С.-Петербургский драгунский полк стоял под выстрелами с невероятным хладнокровием. Мы последние отступили за артиллергардом и мост чрез реку Алле сожгли за собою. Неприятель занял город. Пехота его наполнила дома, лежащие по берегу. Я вытерпел ружейный огонь и не прежде отошёл от города, как загорелся он в нескольких местах. Я платил негодным жителям, приверженным к французам, за то, что в феврале, когда 5-й егерский полк был вытеснен из города, они изъявили радость рукоплесканиями и делали насмешки.

Отступивши к Гейльсбергу по следам армии, авангард расположился, не переходя реки.

29 мая авангард послан к селению Лаунау, где уже находился отряд, дабы остановить неприятеля, если возьмёт он сие направление. <...>

Неприятель, не допустив до Лаунау, встретил авангард у селения Беверникен. Между тем армия начала располагаться в окопах, устроенных у Гейльсберга, и по обыкновению тою же погрешила медленностию, ибо авангард по крайней мере лишних два часа должен был удерживать неприятельские

силы, платя за несоразмерность их большою потерей людей. От Беверникен к стороне Гейльсберга местоположение идёт, постепенно понижаясь, и все возвышения остаются в пользу неприятеля. Авангард всю линейную пехоту расположил на левом фланге по обеим сторонам большой дороги; егерские полки размещены на правом, подкрепляя сильную кавалерию, присланную нам из армии. При ней была моя конная рота. Долго удерживались мы с выгодою, а конница наша сделала несколько блистательных атак. Но когда неприятель привёл всё войско, с которым после напал на наши окопы, когда против сорока орудий стало 150 пушек, и кавалерия протянулась далее окочнечности правого нашего крыла, положение наше сделалось весьма опасным. Неприятельская кавалерия прорывала наши линии, и с тылу взяты были некоторые из моих орудий. Одна из атак столько была решительна, что большая часть нашей конницы опрокинута за селение Лангевизе. Но расположенные в оном егерские полки генерала Раевского остановили успех неприятеля, и конница наша, устроившись, возвратилась на своё место, и отбиты потерянные орудия. Я спасся благодаря быстроте моей лошади, ибо во время действия батареи часть конницы приехала с тылу и на меня бросилось несколько человек французских кирасир. Между тем пехота наша, вытерпевшая ужаснейший огонь и потеряв много людей, начала отступать. Приезжает дежурный генерал-майор Фок и с негодованием спрашивает князя Багратиона, отчего отступает он, не имевши приказа, тогда как армия не успела ещё расположиться в укреплениях? Неприятно было князю Багратиону подобное замечание от г. Фока, который только не в больших чинах известен был смелым офицером и далее нигде употреблён не был. Князь Багратион повёл его в самый пыл сражения, чтобы показать причину, понуждающую к отступлению и в глазах его приказал идти вперёд. Не прошло пяти минут, как генерал Фок получил тяжёлую рану, и мы преследованы до самых окопов. Войска авангарда потеряли, конечно, не менее половины наличного числа людей; не было почти полка, который бы возвратился с своим начальником, мало осталось штаб-офицеров.

Великий князь был свидетелем сражения, и ему поручено главнокомандующим пехоту и артиллерию авангарда перевести за реку Алле на отдохновение и кавалерию, менее утомлённую или мало потерпевшую, присоединить к армии для дальнейшего действия. В числе особенно отличившихся в сей день замечены генерал-майоры Багговут, под начальством его командовавший всеми егерями Раевский и шеф Ливенского драгунского полка Ливен. Главнокомандующий благодарил меня за службу, а великий князь оказал мне особенное благоволение».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

Сказание о генерале Ермолове

«После боя под Гейльсбергом Наполеон двинулся за Беннигсеном, отступавшим к Велау. Французские войска шли тремя колоннами: одна (55 тыс.) – на Кёнигсберг, другая (12 тыс.), под начальством Ланна, – на Фридланд, третья – на Прейсиш-Эйлау. 1 июня Беннигсен, надеясь разбить неприятельскую армию по частям, перешёл в наступление, вытеснил французский конный полк из Фридланда, а 2 (14) числа вся русская армия (60 тыс.) переправилась у Фридланда на левый берег Алле и атаковала Ланна. Атака велась крайне вяло; Наполеон успел своевременно подкрепить Ланна и сосредоточить к 5 часам вечера до 85000 человек. С этого момента Беннигсен должен был перейти к обороне, и притом на крайне невыгодной позиции, имея в тылу глубокую реку, на которой имелись всего 4 моста (из них 3 понтонных), да и те за нашим левым крылом. Наполеон, заручившись перевесом в силах, немедленно двинул свои войска в атаку. Стоявшие на левом крыле войска Багратиона были опрокинуты за реку. Французы, преследуя их, ворвались во Фридланд и устремились к мостам, которые, поэтому, пришлось уничтожить. Командующий русским правым крылом, князь Горчаков, не мог поддержать Багратиона, будучи отделён от него озером, и стал отступать к Фридланду, сильно теснимый противником. Пехоте Горчакова удалось перейти на правый берег Алле по бродам, найденным у деревни Клошена; конница, отступившая вниз по левому берегу, переправилась у Аленау и на другой день присоединилась к армии. Наш урон в этом бою простирался до 15 тыс. человек и 12 орудий; французы потеряли около 12 тыс.»

**«Энциклопедический словарь
Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона»**

«Арриергард прошёл всю ночь, не останавливаясь, и с рассветом приближаясь к Фридланду, слышны были изредка пушечные выстрелы. Князь Багратион послал вперёд егерские полки с генералом Раевским и мне приказал идти с конною артиллериею. Пере-

«Под Гейльсбергом на замечание о том, что французская колонна слишком близко подошла к его батарее, Ермолов ответил: «Я буду стрелять, когда различу белокурых от черноволосых».

Исторический анекдот XVIII – XIX века

шедши за реку в самом Фридланде, нам показано место на левом фланге, где мы нашли гренадер лейб-гвардии Измайловского полка в перестрелке. Войска собираются отовсюду, но их было ещё мало. Мы сменили стрелков гвардейских, и полк отошёл назад. <...> Надлежало напасть решительно на французский корпус, который, будучи весьма разбросан, не мог ни защищаться упорно, ни отступить с удобностию. <...> Напротив, мы занялись продолжительною бесплодною перестрелкою и бесполезно потеряли столько времени, что прибыла кавалерия против правого нашего фланга, и лес против арриергарда наполнился пехотою. <...> В шесть часов вечера прибыл Наполеон, и вся армия соединилась. Скрывая за лесом движения, главные силы собрались против левого крыла; в опушке леса неприметно устроилась батарея в сорок орудий, и началась ужасная канонада. По близости расстояния выстрелы были горизонтальные, и первые не могли выдержать конные полки арриергарда. Вскоре он отступил также. Все вообще войска начали отступать к мостам; к главному из них дорога лежит через город; и в улицах от стеснения происходил величайший беспорядок, который умножал действие неприятельской артиллерии, обращённой на город. Из направления колонн видно было, что неприятель ищет отрезать от переправы, и чтобы остановить его, лейб-гвардии Измайловский и Павловский гренадерские полки ударили на них, но та же ужасная батарея остановила храбрый порыв, и полки обратились.

Не далее провожала конную гвардию отличная её храбрость. С артиллериею арриергарда успел я перейти по ближайшему понтонному мосту, не доходя города, но уже он был под выстрелами, и часть его повреждена.

<...> Без препятствий дошли мы до Велау. Не знаю, справедлива ли молва, что главнокомандующий намеревался дать сражение, но видно было, что строились редуты; однако сближающийся неприятель не допустил их кончить.

При отступлении арриергарда посланные разъезды открыли отряд генерала графа Каменского, идущий от Кёнигсберга, и за ним неприятеля в силах. В нескольких местах позади соединились дороги, и граф Каменский, прошедши прежде, мог привести за собою неприятеля, который занял бы нашу дорогу. Князь Багратион, благосклонно выслушивающий мои рассуждения, позволил мне сделать предложение, чтобы всю нашу кавалерию послать на левый фланг преследующего нас неприятеля, новостью сего движения остановить или, по крайней мере, умедлить ход его и, с пехотою пройдя поспешнейшим образом соединение дорог, ожидать графа Каменского.

Князь Багратион приказал привести сие в исполнение, и мы едва могли предупредить графа Каменского, а потом кавалерия наша прибыла в одно время с последними его войсками. Он отправился к армии, и арриергард остался один».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

«В сражении у Фридланда отряд Багратиона составлял левый фланг расположения русской армии. Когда войска не выдержали и в расстройстве начали отступать, Багратион со шпагой в руках стал ободрять Московский гренадерский полк, остатки которого окружили его лошадей, напоминая солдатам их подвиги в Италии с Суворовым, но всё было напрасно.

Багратион пробыл в самом пекле боя около 16 часов и затем ещё 5 суток сдерживал противника, преследовавшего русскую разбитую армию, шедшую к Тильзиту. За Фридланд Багратион был награждён золотой шпагой, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость».

Несмотря на чрезвычайное напряжение своих сил в течение кампании 1805–1807 гг., Багратион не колеблясь принял назначение на театр войны со Швецией (1808–1809 гг.) и явился деятельным участником и героем этой войны».

Александр Микаберидзе, «Лев русской армии»

«Войска арриергарда возвращены в дивизию, коим они принадлежали; мы все, служившие под командою генерала князя Багратиона, проводили любимого начальника с изъявлением искренней приверженности. Кроме совершенной доверенности к дарованиям его и опытности, мы чувствовали разность обхождения его и прочих генералов. Конечно, никто не напоминал менее о том, что он начальник, и никто не умел лучше заставить помнить о том подчиненных. Солдатами он был любим чрезвычайно. Я, простясь с товарищами, отправился в Россию.

Итак, кончил я войну с самого начала оной и до заключения мира в должности начальника артиллерии в авангарде. По особенному счастью моему, не потерял я в роте моей ни одного орудия, тогда как многие, в обстоятельствах гораздо менее затруднительных, лишались оных. Вообще из артиллерии, бывшей в команде моей, брошено одно орудие Псковским мушкетёрским полком, но и тут нельзя упрекнуть артиллерийского офицера. Я имел счастье приобрести благоволение великого князя Константина Павловича, который о службе моей отзывался с похвалою. Князя Багратиона пользовался я особенным благорасположением и доверенностию. Он делал мне поручения по службе, не одному моему званию принадлежащие. Два раза представлен я им к производству в генерал-майоры, и он со стороны своей делал возможное настояние, но потому безуспешно, что не было ещё до того производство за отличие, а единственно по старшинству. Между товарищами я снискал уважение, подчинённые были ко мне привязаны. Словом, по службе открывались мне новые виды и надежда менее испытывать неприятностей, нежели прежде. В продолжение войны я получил следующие награды: за сражение при Голымыне золотую шпагу с надписью «За храбрость», при Прейсиш-Эйлау Св. Владимира 3-й степени, при Гуттштадте и Пасарге Св. Георгия 3-го класса и при Гейльсберге алмазные знаки Св. Анны 2-го класса».

«Записки генерала артиллерии Ермолова...»

Глава шестая

Перед бурей (1807–1812)

«В конце 1807 г. всесильный временщик неожиданно сменил гнев на милость, и в начале 1808 г. Ермолову присваивают звание генерал-майора, а затем он получает назначение на должность начальника резервного отряда, расквартированного в Волынской и Подольской губерниях. Ермолов переезжает в Киев и всецело отдаётся своим служебным делам».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«Отправившись из Тильзита в Россию, проезжал я в Вильну, где нашёл генерала Беннигсена. Он принял меня с тою же благосклонностию, каковую оказывал мне с самой моей молодости. <...>

В местечке Шклове присоединился я к дивизии (названия не помню), расположенной лагерем. В конце августа прибыл инспектор всей артиллерии граф Аракчеев, осмотрел артиллерию, распределил укомплектование оной и, продолжая прежнее неблаговоление, приказал мне оставаться в лагере по 1-е число октября, когда всем прочим артиллерийским бригадам назначено идти по квартирам 1-го сентября. К сему весьма грубым образом прибавил он, что я должен был приехать к нему в Витебск для объяснения о недостатках. Я отвечал, что неблагоприятное ко мне не должно препятствовать рассмотрению моих рапортов. Оскорбили меня подобные грубости, и я не скрывал намерения непременно оставить службу. Узнавши о сем, граф Аракчеев призвал меня к себе и предложил дать мне отпуск для свидания с родственниками, приказал приехать в Петербург, чтобы со мною лучше познакомиться.

Я поступил в 9-ю дивизию генерал-лейтенанта князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, сына великого Суворова, и квартира моя назначена в местечке Любаре на Волыни.

1808. Вскоре получил я высочайший рескрипт на моё имя и деньги для награждения нижних чинов, отличившихся храбростью. Это был первый пример подобной награды!

В то же время граф Аракчеев писал мне, что о награде ходатайствовал он, желая доказать уважение его к отличной моей службе.

В Петербург приехал я, когда граф Аракчеев из инспекторов всей артиллерии поступил в звание военного министра. Он принял меня с особенным благоволением и встретил объявлением новой награды. Государь пожаловал в знак отличия нашивки на мундир конным артиллерийским ротам моей и князя Яшвиля. Сам представлял меня императору, и мне нетрудно было видеть, что предупредил его в мою пользу.

Пробыв в Петербурге три дня, я подал графу Аракчееву записку о том, что во время ссылки моей при покойном государе Павле I многие обошли меня в чине, и что потому состою я почти последним полковником артиллерии. Я объяснил ему, что если не получу я принадлежащего мне старшинства, я почти и то немалою выгодою, что ему как военному министру известно будет, что я лишён был службы не по причине неспособности к оной. Не получив ответа на поданную записку, в тот же день выехал я из Петербурга. Остановившись в Орле у моих родных, получил известие, что я при общем производстве по артиллерии пожалован генерал-майором и назначен инспектором части конно-артиллерийских рот, с прибавлением к жалованью двух тысяч рублей».

«Записки артиллерии генерал-майора Ермолова. От окончания войны в Пруссии до кампании 1812 года»

«К весне 1809 г. в рядах русской армии насчитывалось до 80 тысяч бойцов. Как только подсохли дороги, армия наша вступила в пределы <т.н. Придунайских > княжеств и развернулась на фронте Крайова – Бендеры. <...>

План нашего главнокомандующего заключался в следующем: сначала овладеть сильными крепостями на левом берегу Дуная, а затем перенести операции на правый берег, в пределы придунайской Болгарии. Объектом действий для русских войск одновременно намечались крепости Измаил, Браилов и Журжево; способ овладения – штурм открытой силой. <...>

После первых неудачных боевых столкновений наша армия почти три месяца, до конца июля, не предпринимала решительных действий. В конце июля приступили к подготовке к переправе через Дунай у Галаца. Для прикрытия операций с тыла в Бузео расположен был корпус Эссена. В послед-

них числах июля войска, назначенные для переправы, стягивались к Галацу. В первую очередь переправился авангард под начальством генерала Засса в составе 12 батальонов, 15 эскадронов, 12 сотен и 20 орудий.

31 июля авангард овладел без боя крепостью Исакчей, а на следующий день Тульчей. Вслед за авангардом переправился корпус Платова, расположившийся к югу от Галаца, на Бабадагских высотах. В следующую очередь переправился корпус Маркова и продвинулся к Мачину.

Из Бухареста к Галацу подходил корпус Милорадовича. Во время этих передвижений скончался престарелый главнокомандующий князь Прозоровский. В командование армией вступил князь Багратион».

**Подполковник Генерального штаба П.М.Анрианов,
«Русско-турецкая война 1806–1812 гг.»**

«1809. В сём новом <генеральском> звании отправился я для осмотра конной артиллерии в Молдавской армии под начальством отличного долголетием фельдмаршала князя Прозоровского, коего главная квартира находилась в Яссах. Военные действия были прекращены на некоторое время. Я был свидетелем перехода войск в лагерь при Катени, знаменитый зарождением ужасных болезней в войсках и истреблением большого числа оных. Никакие убеждения не сильны были отклонить от занятия убийственного сего лагеря. Войска делали марши не более 15 вёрст и редко употребляли на то и менее десяти часов, ибо устроенные в большие каре и в середине оных имея тяжёлые обозы, медленно двигались они, по большей части без дорог. Фельдмаршал не переставал твердить, что он приучает войска к манёврам. Подверженные нестерпимому зною, войска очевидно изнурялись, и фельдмаршал, вскоре переселившийся в вечность, отправил вперёд себя армию не менее той, каковую после себя оставил. В Валахии начальствовал генерал-лейтенант Милорадович, и редкий день не было праздника, которые он делал сам и других заставлял делать для забавы своей любезной. Я жил очень весело, бывал на праздниках, ездил на гулянья, выслушивал рассказы его о победах и между прочим о сражении при Обилешти. «Я, узнавши о движении неприятеля, – говорит он, – пошёл навстречу; по слухам был он в числе 16 000 человек; я написал в реляции, что разбил 12 000, а их в самом деле было турок не более четырёх тысяч человек». Предприимчивость его в сем случае делает ему много чести!

Из армии поехал я чрез Бендеры – Одессу – Крым. Обозрев все древности, прелестный полуденный берег, пробыл я некоторое время в Карасу-Базаре, где стояла одна рота моей инспекции. Возвратясь чрез Харьков, я видел довольно большую часть полуденного края России».

«Записки артиллерии генерал-майора Ермолова...»

«Весной 1809 г. Австрия, ободрённая неудачами французских войск в Испании, начала новую войну против Франции. Образовалась пятая анти-французская коалиция в составе Англии и Австрии. Россия, формально состоявшая в союзе с Францией, уклонилась от активной помощи Наполеону, ограничившись концентрацией войск в Галиции у австрийской границы».

«Всемирная история» (Энциклопедия. Том 6)

«В состав армии, назначенной против австрийцев под командою генерала князя Голицына (Сергея Феодоровича), поступила дивизия, к которой я принадлежал; но я оставлен начальником отряда резервных войск в числе 14 000 человек в губерниях Волынской и Подольской.

Военным министром дано повеление занять войсками границы обеих губерний, ибо многие из дворян перебежали и уводили с собою большое число людей и лошадей в герцогство Варшавское, где формировалась польская армия. По сему поручению доносил я непосредственно военному министру графу Аракчееву, и им одобрены мои распоряжения. Для обуздания своевольных дана мне власть захватываемых при переходе через границу, невзирая на лица, отсылать в Киев для препровождения далее в Оренбург и Сибирь. Я решился приказать тех из переходящих через границу, которые будут вооружены и в больших партиях, наказывать оружием, и начальство довольно было моею решительностию. Я употреблял строгие весьма меры, но не было сосланных».

«Записки артиллерии генерал-майора Ермолова...»

«По случаю представления Виленского гражданского губернатора в мае месяце об усиленном вторжении в наши границы чрез Радзивиловскую пограничную рогатку до 300 человек евреев из Галиции, предписано было генерал-майору Ермолову, командующему в том краю резервными войсками, командировать в Радзивилов Донской полк и протянуть из одного цепь, усиливая в случае надобности стражу сию и прочими его отряда войсками. В июне месяце по донесению Подольского губернатора о самовольном переходе за границу нескольких человек шляхты с дворовыми людьми и крестьянами с оружием, предписано также было тамошнему коменданту Гану оказывать всякое пособие гражданскому начальству войсками, в команде его состоявшими, а в случае недостатка оных требовать казаков или кавалерии от генерал-майора Ермолова, или же от драгунских или татарских полков, к Острогу или Махновке следующих. После того, военный министр, усмотрев из донесения генерал-майора Ермолова, что одного Донского полка недостаточно к составлению цепи на большом пространстве сухой границы,

приказал прибавить ещё один Донской казачий полк и всю стражу составить из трёх полков, расположа оные от Брест-Литовского до Ореховки, от Ореховки до Радзивилова, а Бугский полк от Радзивилова вниз к Днестру; о каких распоряжениях уведомлен был тогда же министр внутренних дел. Ныне Подольский комендант генерал-майор Ган донёс, что на 2 число июля в ночь наехали на Часновский кордон Волынской губернии Кременецкого уезда до 30 человек, верхами вооружённых, и при вопросе стражи бросились на оную и, выстрелив по часовым и разломав рогатку, ушли за границу в Австрию. Сие обстоятельство было доведено до сведения Его Величества, и по Высочайшему повелению генерал-майорам Гану и Ермолову предписано, чтобы всех беглецов, кои вооружённою рукою пробегать станут чрез пограничную цепь, отражать вооружённою же рукою и тех, кои пойманы будут вооружёнными, определять солдатами в полки, в Сибири расположенные. <...> После сего из доставленного к военному Министру от генерал-майора Ермолова донесения от 17 июля открывается: 1) что с некоторого времени постановленные на границах наших французские гербы, формирующиеся в Бродах польские войска и бродящие около границы их отряды великое имеют влияние на умы Волынских обывателей; 2) что пробившиеся в селении Часновке через рогатку люди были в разной одежде, но не в крестьянской, и выехали из господского двора; 3) что многие из известных того края обывателей вышли за границу и служат в Польских войсках».

«Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I, 1802-1826»

«Напряжение в приграничных областях было огромное. Польские дворяне жаждали принять участие в восстании независимой Польши и потому стремились в герцогство, к генералу Понятовскому, формировавшему польскую армию по поручению Наполеона. Армия эта должна была стать залогом будущей независимости всей Польши.

Разумеется, российское правительство не желало допустить перетекания людских ресурсов в польскую армию, которая – это было очевидно – в случае возобновления войны сражалась бы на стороне Франции.

Но применение оружия против перебежчиков, как видно из записей в журнале, не было инициативой Ермолова. Это была инициатива императора Александра. Ермолов проявил присущую ему самостоятельность и решительность в другом. Свои действия он не случайно описывает весьма неопределённо. Что значит «наказывать оружием»? Это не применение оружия казаками и солдатами при попытках вооружённого прорыва. Это – наказание оружием. Речь идёт о расстрелах взятых с оружием в руках.

«Я употребил строгие весьма меры, но не было сосланных». Ему, бывшему сидельцу каземата и ссыльному, претила мысль об отправке польских патри-

отов в Сибирь. Он употребил метод, применённый Суворовым под Варшавой на его глазах и при его участии, – свирепый разгром Праги, ужаснувший варшавян и заставивший их сдаться без боя. В результате, как мы помним, Варшава не была разрушена, мирное население уцелело, а мятежники были прощены.

Ермолов хорошо запомнил уроки, соответствующие его рациональной и решительной натуре. Если жестокость могла минимизировать жертвы, он шёл на это без колебаний.

Сосланных не было. Были расстрелянные. Но их оказалось неизмеримо меньше, чем тех, кому грозила Сибирь.

Яков Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«По окончании войны против австрийцев армия наша возвратилась из Галиции, и часть оной, расположась в Волынской губернии, понудила отряд мой вывести в Киевскую, Полтавскую и Черниговскую губернии. Квартира моя из Дубно перенесена в Киев.

<...>Вместе с Волынской губернией оставил я жизнь самую приятную. Скажу в коротких словах, что я страстно любил W., девицу прелестную, которая имела ко мне равную привязанность. В первый раз в жизнь приходила мне мысль о женитьбе, но недостаток состояния с обеих сторон был главным препятствием, и я не в тех уже был летах, когда столько удобно верят, что пищу можно заменить нежностями. Впрочем, господствующею страстию была служба, и я не мог не знать, что только ею одною могу достигнуть средств несколько приятного существования. И так надобно было превозмочь любовь! Не без труда, но я успел.

<...>1810. Дивизия, к которой я принадлежал, вскоре по возвращении из Галиции отправлена в Молдавию, но я по-прежнему оставлен с резервом. Я писал о перемене назначения моего графу Аракчееву, но в самое то время на место его военным министром назначен генерал Барклай-де-Толли, которому я мало был известен. Все занятия мои в Киеве ограничивались употреблением порученных мне войск на построение новой крепостцы на Звериной горе. Избавляясь от ужасной скуки, объезжал я войска в квартирном их расположении и занимался сформированием двух коннотатарских полков, Евпаторийского и Симферопольского. При расписании всей кавалерии непонятным образом поручены артиллерийскому генералу два полка иррегулярной конницы».

«Записки артиллерии генерал-майора Ермолова...»

Сказание о генерале Ермолове А.А.Аракчеев – А.П.Ермолову

Милостивый государь мой, Алексей Петрович!

За письмо вашего превосходительства от 15 июня, полученное мною от адъютанта Граббе, принеся вам истинную свою благодарность, прошу вас, милостивый государь мой, принять от меня искреннее уверение, что я, зная отличные заслуги вашего превосходительства, при всяком случае и всегда старался доставлять вам противу прочих генералов лучшие виды по службе. За удовольствие почитаю быть всегда с истинным к вам почтением.

Вашего превосходительства покорный слуга
граф Аракчеев.
С.-Петербург
Июля 4-го дня. 1810 года.

«Киев. Станкович получил повеление прислать одного офицера, унтер-офицера и рядового к главнокомандующему резервной армией генералу Милорадовичу на ординарцы; эскадронному командиру моему пришла фантазия послать ординарцев самых молодых, и по этому распоряжению жребий пал на меня, как говорит Станкович, на юнейшего из всех офицеров. <...> Я поехала прямо к нашему генералу Ермолову; у него на дворе юнкер мой и гусар расположились биваками; а я прошла в залу и легла не раздеваясь на диван. Встав за полчаса до пробуждения Ермолова, я привела в порядок свой униформ и ожидала, когда он проснётся, чтобы тотчас идти к нему.

Приём генерала был весьма ласков и вежлив. Обращение Ермолова имеет какую-то обворожительную простоту и вместе обязательность. Я заметила в нём черту, заставляющую меня предполагать в Ермолове необыкновенный ум: ни в ком из бывающих у него офицеров не полагает он невоспитания, незнания, неумения жить; с каждым говорит он как с равным себе и не старается упростить свой разговор, чтоб быть понятным; он не имеет смешного предубеждения, что выражения и способ объясняться людей лучшего тона не могут быть понятны для людей среднего сословия. Эта высокая черта ума и доброты предубедила меня видеть всё уже с хорошей стороны в нашем генерале. Черты лица и физиономия Ермолова показывают душу великую и непреклонную!..

<...> К*** пришло в голову осматривать, так ли, как должно, одеты ординарцы, не только рядовые, но и офицеры. Сумасбродная фантазия! Может ли пехотный офицер знать в тонкости все принадлежности гусарского мундира, и вдобавок лучше, нежели сами гусары! Я не послушала его приказания как такого, которое не могло ко мне относиться; не поехала к нему на смотр ни сама, ни гусар своих тоже не послала. Он имел слабость пожаловаться Ер-

молоду, у которого все мы, как у дежурного генерала, под непосредственным начальством; Ермолов спросил меня, для чего я не явлюсь к К***? «Для того, ваше превосходительство, – отвечала я, – что К*** ничего не смыслит в нашей униформе, и что странно было бы, если б гусарский офицер имел нужду в наставлениях пехотного, как одеться в свой мундир». Ермолов не настаивал более, но сказал только: «К*** это приказано от Милорадовича, сладьте это как-нибудь». – «Поверьте, генерал, что К*** лжёт! Милорадович имеет столько ума, чтоб не посылать гусар на смотр к мушкетёру». Дело обошлось без дальних хлопот. К*** оставил свои претензии.

<...> Нам велено идти в поход! Какая непостоянная жизнь, не дадут нигде привыкнуть! <...> Теперешние наши квартиры будут близ Ровно, в имении Корвицкого, местечке Мизочи (на Волыни).

Эскадрон наш прошёл через Киев. Ермолов ехал с нами до заставы. Он очень ласково разговаривал со мною, спрашивал, не жалею ли я о чём-нибудь в Киеве, и когда я сказала, что не жалею ни о чём, то он похвалил меня, говоря: «Веди себя всегда так, молодой человек, я буду почитать тебя».

**Н.А.Дурова, «Кавалерист-девица.
Происшествие в России»**

«Уже тогда Ермолов пользовался большой популярностью. По свидетельствам общавшихся с ним современников, его острый ум, непринуждённость в обращении и внушительная внешность производили на собеседника большое впечатление. Любопытно свидетельство сестры А.С.Грибоедова М.С.Дурново, встречавшейся в 1811 г. с Ермоловым в Киеве: «Приём генерала был весьма ласков и вежлив. Обращение Ермолова имеет какую-то обворожительную простоту и вместе с тем обаятельность. Я заметила в нём черту, заставляющую меня предполагать в Ермолове необыкновенный ум... Черты лица и физиономия Ермолова показывают душу великую и непреклонную».

В.А.Фёдоров, «Предисловие к «Запискам генерала Ермолова»

«Около двух лет прожил я в Киеве, и тяготила меня служба ничтожная и чести не приносящая. С другой стороны, льстило меня благосклонное мнение начальства, и генерал князь Багратион, назначен будучи главнокомандующим Молдавской армией, просил об определении меня начальником артиллерии в армии, на что не последовало соизволения. Поступивший на место его главнокомандующим генерал граф Каменский, проезжая Киев, предложил мне служить с собою. За величайшее благодеяние принял я предложение его и ожидал в звании бригадного командира иметь два полка, на которые весьма охотно променял я отряд из 14 тысяч человек, преобразо-

ванных в лопатники. Прибывши в армию, граф Каменский представлял государю о назначении меня дежурным генералом. Свыше ожидания моего было сие назначение, и я с восхищением ожидал повеления отправиться в армию. Главнокомандующий был в особенной доверенности у государя, и все представления его были утверждаемы, но в рассуждении меня он получил отказ, и ему ответствовано, что я надобен в настоящей должности.

Также сделано было предложение заменить мною умершего генерал-майора графа Пукато, который с отдельною частью войск действовал вместе с сербами против Видинского паши. На сие сказано, что я молод. Надлежало разуметь в сём случае старшинство в чине, ибо многим в меньших летах не было упрекаемо в молодости. Не могло счастье представить более случаев, лстящих честолюбию, особенно служащему без покровительства; но тем более огорчала меня неудача, что в настоящем чине, не будучи ещё употреблён против неприятеля, я желал первые опыты сделать против турок, где ошибки легко поправляемы или, по крайней мере, менее вредны. Мне нужна была опытность и случай оказать некоторые способности, ибо, служа во фронте артиллерийским офицером, я мог быть известен одною смелостию, а одна таковая в чине генерал-майора меня уже не удовлетворяла.

Итак, оставаясь по-прежнему в Киеве, должен я был назначение моё почитать продолжительным».

«Записки артиллерии генерал-майора Ермолова...»

«Произведённый по окончании войны в генерал-майоры, Ермолов получил в командование гвардейскую артиллерийскую бригаду, а вслед за тем, по личному выбору государя, сделался начальником гвардейской пехотной дивизии. Попытку уклониться от этого почётного назначения с тем, чтобы ехать в Дунайскую армию, император Александр принял за интригу против Ермолова и приказал передать ему, что впредь все назначения его по службе будут зависеть от самого государя и что он ни в ком нужды не имеет.

Приезд Ермолова в Петербург, однако же, замедлился; он сломал руку и должен был надолго слечь в Киеве. Внимание государя простёрлось до того, что он прислал курьера узнать о его здоровье и приказал уведомлять себя каждые две недели о ходе лечения».

В.Я.Потто, «Кавказская война»

«1811. Получивши на короткое время увольнение в отпуск, проехал я в Петербург. Я представлен был государю в кабинете, что предоставляемо было не менее, как дивизионным начальникам. Слух носился о рождающихся не-

удовольствиях с Наполеоном, с которым редко можно кончить их иначе, как оружием. Многие к сим причинам относили благосклонный приём, делаемый военным. Не имея сего самолюбия, боялся я в душе моей на случай войны остаться в резерве. Инспектор всей артиллерии барон Меллер-Закомельский хотел употребить старание о переводе меня в гвардейскую артиллерийскую бригаду, но я отказался, боясь парадной службы, на которую не чувствовал я себя годным, и возвратился в Киев. Вскоре за сим военный министр уведомил письмом, что государь желает знать, согласен ли я служить в гвардии командиром артиллерийской бригады? Я отвечал, что, служа в армии и более будучи употребляем, я надеюсь обратить на себя внимание государя, что по состоянию не могу содержать себя в Петербурге, а без заслуг ничего выпрашивать не смею. Высочайший приказ о переводе меня в гвардию был ответом на письмо моё! Не мог я скоро отправиться к новому моему назначению, ибо, переломив себе в двух местах руку, я долго был болен.

По донесении о сём государю прислан курьер узнать о моём здоровье, и военному губернатору приказано каждые две недели уведомлять о нём. Удивлён я был сим вниманием и стал сберегать руку, принадлежащую гвардии. До того менее я заботился об армейской голове моей!»

«Записки артиллерии генерал-майора Ермолова...»

Из письма военного министра М.Б.Барклая-де-Толли А.П.Ермолову

31 марта 1811 года

По случаю продолжительной болезни командира лейб-гвардии артиллерийского батальона генерал-майора Касперского, к скорому выздоровлению которого и надежды не предвидится, Его Императорскому Величеству угодно назначить на место его, Касперского, другого достойного командира; зная же отличные достоинства ваши и усердие на пользу службы, повелел мне предложить Вашему Превосходительству, не желаете ли вы иметь сего места, где ещё более будете иметь случай заслужить Монаршее к вам благоволение? Я, сообщая вам о сём, прошу вас, не замедля, для доклада Государю Императору, о желании вашем меня уведомить. Пребывая всегда с истинным почтением и преданности

Вашего Превосходительства
покорный слуга
Барклай-де-Толли.

**Из письма военного министра М.Б.Барклай-де-Толли
Киевскому военному губернатору М.А.Милорадовичу**

31 мая 1811 года

Его Императорскому Величеству благоугодно иметь верное известие о состоянии здоровья артиллерии генерал-майора Ермолова, а потому поручить мне изволил отнестись к Вашему Высокопревосходительству, чтобы вы донесли о том Его Величеству с нарочно отправляемой по сему случаю эстафетою; да и впредь по временам доносить, в каком положении он находится будет.

Военный министр
Барклай-де-Толли.

**Из письма Киевского военного губернатора
М.А.Милорадовича А.П.Ермолову**

11 июня 1811 года

С особливим удовольствием я имею честь препроводить к Вашему Превосходительству список с отношением ко мне Господина Военного Министра, из коего вы усмотреть изволите, сколь много Его Императорское Величество принимает участие в состоянии здоровья вашего. Я уже имел счастье доносить Государю Императору об оном и по отзывам доктора, вас пользующего, уверен, что в самом скором времени буду иметь счастье донесением своим успокоить Государя Императора, столь милостиво занимающегося положением отлично служащего генерала.

А.П.Ермолов – А.И.Казадаеву

18 июня 1811 года

Полтора месяца назад переломил я себе руку и самым опаснейшим образом, могли быть неприятные следствия, но благодаря искусству и чрезвычайному попечению доктора я надеюсь в короткое время получить употребленные руки. <...> Самого сего доктора сын отправляется ныне в корпус тобою командуемый, если ты будешь иметь на него внимание, сделай благодеяние, ибо отец его человек весьма добрый и при недостаточном состоянии обременённый многочисленным семейством.

Из письма М.А.Милорадовича А.П.Ермолову

Имею честь получить рапорт Вашего Превосходительства о следовании вашем в С.-Петербург к настоящей вашей лейб-гвардии артиллерийской бригаде, обязанностию моею поставляю покорнейше благодарить Ваше Превосходительство за содействие ваше во время бытности в Киеве, в исполнение Высочайших препоручений по военной части. Усердие ваше к службе, деятельность и отличные познания во всяком случае были для оной необходимы. Всемиловнейшее вновь назначение Вашего Превосходительства подаст вам теперь более способов быть полезным, и я, по приверженности моей к службе Его Императорского Величества, принимаю участие во всем, до вас относящемся.

Генерал от инфантерии
Милорадович
28 августа 1811.

Из письма М.Б.Барклая-де-Толли А.П.Ермолову

Господину артиллерии Генерал-Майору и Кавалеру Ермолову.

Его Императорское Величество, по всеподданнейшему докладу моему, Всемиловнейше пожаловать изволил Вашему Превосходительству прибавление к жалованию вашему по две тысячи рублей в треть (6 тысяч в год – ред.), доколе будете вы начальником гвардейской артиллерии. Сообщив таковую Монаршую волю Г. Министру Финансов, я извещаю о том Ваше Превосходительство.

Военный министр Барклай-де-Толли.
№ 2829

По Военно-походной Его Величества канцелярии.
С.-Петербург
6 ноября 1811 года.

«За два месяца до окончания года приехал я в Петербург и вступил в командование бригадою, не входя в хозяйственную часть оной, желая показать, что я не ищу выгод. Государь принял меня с обыкновенною милостию, и сего довольно, чтобы фигура моя не казалась чужеземною в столице. Великий князь со времени последней кампании постоянно был мне благосклонным. Изломанная рука моя доставляла мне возможность не во всех участвовать ученьях и разводах, которые большую часть времени отнимают у служащих в Петербурге, и я был довольно свободным. Вскоре вновь сформирован Литовский

гвардейский полк, поступивший вместе с Измайловским полком в бригаду, в которую государь назначил меня командиром с сохранением артиллерийской бригады. К жалованью моему прибавлено в год по 6000 рублей».

«Записки артиллерии генерал-майора Ермолова...»

«У Ермолова, как у человека замечательного и своеобразного, было всегда много врагов. Раз как-то ему высказал это великий князь Константин Павлович, с которым он был в дружеских отношениях. «Я считал их, когда их было много, но теперь их набралось без счёту, и я перестал о них думать», — ответил Ермолов».

«На смотре он <Ермолов> как бы ненароком ронял перед фронтом платок, а солдаты в нелепо узких мундирах с превеликим трудом тщились нагнуться и поднять его. Сим своеобразным способом он показывал августейшему начальству непригодность такой амуниции в условиях войны, недопустимость парадомании и показухи».

Русский литературный анекдот XVIII – начала XIX веков

«Обнимаясь с Наполеоном при встрече и прощании в Эрфурте, имитируя военные действия против Австрии, Александр готовился к будущей войне со своим союзником».

Поражения 1805–1807 годов показали ему не только недостаточную организованность армии, но и нехватку талантливых и инициативных генералов. Он присматривался к тем молодым офицерам, что выдвинулись в эти годы. Отсюда и его, казалось бы, неожиданное, особое внимание к Ермолову, которого он выдерживал на периферии событий.

<...> Ситуация с повышенным вниманием императора к своему генералу печально напоминает обещание Николая I быть личным цензором Пушкина, что загнало поэта в тупик. Если с военным министром и любым начальником Ермолов мог обсуждать свои назначения и приводить возражения в случае несогласия, то с императором спорить не приходилось».

Яков Гордин, «Ермолов: солдат и его империя»

«1812. Таким неожиданным образом переменилось вдруг состояние бедного армейского офицера, и я могу служить ободряющим примером для всех, подобных мне. В молодости моей начал я службу под сильным покровительством и вскоре лишился оно. В царствование императора Павла I содержался в крепости и отправлен в ссылку на вечное пребывание. Все младшие по службе сделали моими начальниками, и я при нынешнем государе вступил в службу без всяких выгод, испытывал множество неприятностей по неблагоприятию начальства, всего достигал с большими усилиями, по очереди, и нередко с равными правами на награду неравные имел

успехи со многими другими. В доказательство сего скажу пример, теперь со мною случившийся.

Отряды резервных войск поручены были артиллерии генерал-майорам князю Яшвилю и Игнатьеву, но по расположению моего отряда на границе на мне одном возлежала стража оной, и с большею властью большая ответственность. Им обоим дан орден Св. Анны первого класса, мне даже не изъявлено благодарности.

О сделанной мне обиде объяснился я с военным министром Барклаем-де-Толли, который с важностию немецкого бургомистра весьма хладнокровно отвечал мне: «Правда, что упустил из виду службу вашу». Я желал бы в сию минуту видеть в нём знатного человека, и отказ, мне сделанный, был бы приправлен вежливостию. Не менее сего досаден мне был отказ в представлении инспектора всей артиллерии, коим просил он определить меня начальником артиллерии в Молдавскую армию под предводительством генерала Кутузова, благосклонно расположенного ко мне. После сего поданною запискою военному министру объяснил я необходимость лечиться кавказскими минеральными водами и просил об определении меня на линию бригадным командиром. Он сказал мне, что по собственному благоволению ко мне государя я хочу заставить дать себе награду и прошу об удалении, зная, что на оное не будет согласия. Итак, я успел только, к общему всех удивлению, разгорячить ледовитого немца, который изъяснился с великим жаром. Вскоре за сим я удостоверился, что весьма трудно переменить моё назначение, ибо когда инспектор всей артиллерии (по согласию моему) вошёл с докладом о поручении мне осмотра и приведения в оборонительное положение крепости Рижской и мостового укрепления в Динабурге, государь, не изъявив соизволения, приказал мне сказать, что впредь назначения мои будут зависеть от него, и что я ни в ком не имею нужды. Когда же увидел меня, спросил, сообщено ли мне его приказание, и прибавил: «За что гонять тебя из Петербурга? Однако же я помешал, и без того много будет дела». Не смел я признаться, что желал сим переменить род моей службы, и доволен был, что военный министр не довёл до сведения о поданной мною записке.

В таком положении прошло время до марта месяца, в начале коего выступила гвардия в Литовскую губернию. Его высочество цесаревич повёл колонну, составленную из гвардейской кавалерии. Под моей командою в особенной колонне следовала вся гвардейская пехота».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года»

«<...> Действительность заключается в том, что наполеоновская прямая политическая агрессия против России, в сущности, началась значительно

ранее 12 (24) июня 1812 г., когда император дал знак о переходе своего авангарда по мостам через Неман на восточный берег реки.

С 1810 г. под разными предлогами и вовсе без всяких предлогов, не давая никому никаких объяснений и только сообщая запуганной Европе о случившемся факте, Наполеон присоединял одну за другой территории, отделявшие громадную Французскую империю от русской границы. Сегодня ганзейские города Гамбург, Бремен и Любек с их территориями; завтра немецкие земли к северо-востоку от захваченного ранее королевства Вестфальского; послезавтра герцогство Ольденбургское. Формы и предлоги захвата были разные, но с точки зрения очевидной и прямой угрозы для безопасности России реальный результат был один: французская армия неуклонно подвигалась к русской границе. Низвергались государства, захватывались укрепления, ликвидировались водные преграды – за Рейном Эльба, за Эльбой Одер, за Одером Висла.

Е.В.Тарле, «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат»

«Император Александр, когда я расставался с ним, сказал мне: «Император Наполеон знает обо всём, что являлось посягательством против союза, обо всём, что беспокоит Европу, обо всём, что приобрело угрожающий и даже враждебный характер по отношению к его союзнику. Если союз ещё полезен для него, то он лучше кого бы то ни было будет знать, что необходимо для его сохранения. Нынешнее положение вещей не может продолжаться, так как нужно, чтобы союз был выгоден для обеих сторон, а с тех пор, как ваши войска стоят на моих границах, в состоянии мира нахожусь лишь я один». <...>

Вполне воздавая должное вашим военным талантам, он часто говорил мне, что его страна велика; ваш гений может дать вам много преимуществ над его генералами, но если они не найдут случая дать вам бой при выгодных условиях, то у них имеется достаточно территории, чтобы уступить вам пространство, а удалить вас от Франции и от ваших баз значит уже с успехом сражаться против вас. В России знают, что нельзя направлять удар туда, где находится ваше величество, но так как вы не можете находиться повсюду, то там не скрывают проекта наносить удары лишь там, где вашего величества не будет. «Эта война, – сказал император Александр, – не ограничится одним днём». Ваше величество будете вынуждены возвратиться во Францию, и тогда все преимущества будут на стороне русских; к этому присоединяется зима, жестокий климат и – самое главное – решимость императора Александра, громогласно возвещённая им воля продолжать борьбу и не поддаваться, подобно другим государям, слабости, выражающейся в подписании мира в своей столице... Я передаю вашему величеству слова и мысли императора Алек-

сандра. В этом вопросе он не скрывает ни своих взглядов, ни своей политики с тех пор, как ваше величество заняли более угрожающую позицию, и с тех пор, как дело идёт, по-видимому, к последним крайностям».

**Арман Огюстен Луи де Коленкур, «Мемуары.
Поход Наполеона в Россию»**

«В начале марта месяца гвардия выступила из С.-Петербурга. Через несколько дней получил я повеление быть командующим гвардейскою пехотною дивизиею. Назначение, которому могли завидовать и люди самого знатного происхождения и несравненно старшие в чине. Долго не решаюсь я верить чудесному обороту положения моего. К чему, однако же, не причает счастье? Я начинал даже верить, что я того достоин, хотя, впрочем, весьма многим позволяю я с тем не согласоваться. Скорое возвышение мало известного человека непременно порождает зависть, но самолюбие умеет истолковать её выгодным для себя образом, и то же почти сделал я, не без оскорбления, однако же, справедливости.

Дивизионным начальником прихожу я на манёвры в Вильну. Все находят гвардию превосходною по её устройству, и часть похвалы, принадлежавшей ей по справедливости, уделяется мне, без малейшего на то права с моей стороны.

После краткого пребывания в Вильне гвардия возвратилась на свои квартиры в город Свенцяны.

Французы в больших силах находились близ наших границ. Слухи о войне не были положительны; к нападению, по-видимому, никаких не принималось мер, равно и с нашей стороны не было особенных распоряжений к возбранению перехода границ. Ближайшие из окружающих государя допускали мысль о возвращении графа Нарбонна, адъютанта Наполеона, присланного с поручениями, который в разговорах своих ловким весьма образом дал некоторые на то надежды. Были особы, совершенно в том уверенные».

**«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба
1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года»**

Глава седьмая

Между молотом и наковальней (12 июня – 8 августа 1812 года)

Высочайший приказ армиям «О вступлении неприятеля в пределы России»

С давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки Французского Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всём Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши, но и тогда, ласкаясь ещё примирением, оставались в пределах Нашей Империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский Император, нападением на войска Наши при Ковно, открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остаётся Нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы Наши против сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течёт громкая победами кровь Славян. Воины! вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами! На зачинающего Бог!

«АЛЕКСАНДР»
Вильно.

13 июня 1812 г.

«В тот самый день, когда государю императору дан был праздник знатнейшими сановниками и составляющими его свиту (*la maison de l'empereur*)¹, в загородном гулянье близ Вильны (в Закрете), среди великолепия и роскошных увеселений, приехал из Ковно чиновник с известием, о котором немедленно доведено до сведения государя. Не могло укрыться смятение между окружающими, и дало повод к заключениям о причине внезапного прибытия, а вскоре затем разгласила молва, что французы перешли Неман недалеко от Ковно, что город занят ими, и казаки на передовой страже отступают, разменявшись выстрелами. Исчез обоюдный страх, долгое время в нерешимости удерживавший, и мы огромным неприятеля ополчением, ступившим на нашу землю, прежде Вильну и вскоре всю Литву, едва сопротивляясь, уступили!»

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года»

«Одной из самых странных и курьёзных фигур в окружении Александра в момент вторжения неприятеля в Россию был, бесспорно, генерал Фуль <...>. Когда в 1806 г. началась война Пруссии с Наполеоном, то Фуль, бывший докладчиком по делам главного штаба при прусском короле Фридрихе-Вильгельме III, составил по обыкновению самый непогрешимый план разгрома Наполеона. Война началась 8 октября, а уже 14-го, ровно через шесть дней, Наполеон и маршал Даву в один и тот же день уничтожили всю прусскую армию в двух одновременных битвах, при Йене и при Ауэрштадте. <...> После этого краха он перешёл на русскую службу. Он поселился в Петербурге и тут стал преподавать военное искусство императору Александру. Александр уверовал в гениальность своего учителя и взял с собой на войну 1812 г. этого раздражённого, упрямого, высокомерного неудачника, не выучившегося за шесть лет пребывания в России ни одному русскому слову и презиравшего русских генералов за незнание, как ему казалось, стратегической науки.

По совету Фуля Александр, не спросив ни Баркляя, ни Багратиона, приказал устроить «укреплённый лагерь» в местечке Дриссе на Двине. По мысли Фуля, этот лагерь, где предполагалось сосредоточить до 120 тысяч человек, мог по своему срединному положению между двумя столбовыми дорогами воспрепятствовать Наполеону одинаково как идти на Петербург, так и на Москву. И когда Наполеон внезапно перешёл через Неман, русской армии было велено отступать на Свенцяны, а оттуда в Дриссу.

<...> Находившийся в небольших чинах при армии Баркляя Клаузевиц, осмотревший и изучивший этот лагерь как раз перед вступлением туда 1-й

¹ — дом императора, свита императора, двор императора (фр.)

русской армии, делает следующий вывод: «Если бы русские сами добровольно не покинули этой позиции, то они оказались бы атакованными с тыла, и, безразлично, было бы их 90 или 120 тысяч человек, они были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции». Нелепый план Фуля <...> был, конечно, оставлен уже спустя несколько дней после вторжения Наполеона, но существенный вред эта фантазия бездарного стратега успела всё-таки принести. <...> Русская армия и без того уже самой природой литовско-белорусского Полесья была разделена на две части, к тому же совершенно неизвестно было, куда и какими дорогами двинется Наполеон. А пока носились с планом дрисской защиты, эти разделённые две русские армии и по-прежнему не делали и не могли делать никаких усилий для своего соединения. На несколько дней засела 1-я русская армия в этом лагере на левом берегу Двины, напротив местечка Дриссы, в сотне километров от Динабурга (Двинска) вверх по течению Двины».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«Не только не смею верить, но готов даже возражать против неосновательного предположения, будто военный министр одобрял устройство укрепленного при Дриссе лагеря, и что ещё менее вероятно, будто не казалось ему нелепым действие двух разобщённых армий на большом одна от другой расстоянии, и когда притом действующая во фланг армия не имела полных пятидесяти тысяч человек. Если бы Наполеон сам направлял наши движения, конечно, не мог бы изобрести для себя выгоднейших».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«Александр I призывает Багратиона идти на Вилейку через Новогрудок или Белицу; только разве перед превосходными силами неприятеля 2-я армия могла отступать на Минск и Борисов. Платов со своими казаками должен был прикрывать движение Багратиона и в случае необходимости соединиться с ним. <...> Вместо уничтожения 2-й русской армии наступление Даву и Жерома повело только к тому, что Багратион потерял надежду предупредить французов в Минске, отказался от попытки переправиться на правый берег Немана у Николаева и 25 июня (ст. ст.) в Мире принял решение повернуть через Несвиж и Слуцк на Бобруйск. <...> Уже к 24 июня (6 июля) у Наполеона созрел новый план, направленный на этот раз против 1-й русской армии. Даву должен смело идти на Минск, отрезать Багратиона от Витебска и вытеснить его даже за Днепр <...> Однако главное внимание Наполеона было тогда сосредоточено уже на Западной Двине. Император намечает для своей главной

квартиры путь на Свенцяны и Глубокое, чтобы оттуда, обходя Дрисский лагерь с востока, идти на Полоцк или Витебск и с переходом через Западную Двину выше Дисны угрожать сразу и Москве и С.-Петербургу».

**Е.Н.Щепкин, «От Вильны до Смоленска. Взятие Смоленска»
(В книге «Отечественная война и Русское общество»)**

**Генерал от инфантерии князь Багратион -
генералу Барклаю-де-Толли,**

13 июня 1812 г. из Волковыска, секретно.

Г-ну Воен. Мин. Ген. от инф. кн. Багратион.

Высочайшее повеление, вашим высокопр-ством объявленное от 12 июня под №286, я имел счастье получить сего числа и, приступив к немедленному исполнению оною, непреложным долгом считаю представить на благоуважение Е. И. В. мои замечания.

1) Не зная, какое точно сделано ген. Платову направление, полагаю впрочем, что он не может иначе идти во фланг неприятелю, переправляющемуся между Мереча и Ковно, как правою стороною Немана, а потому мне останется только стараться опрокинуть те силы неприятеля, которые по нынешнему расположению своему на Тыкочин чрез Сураж вступят в наши границы.

2) Противустать силам сего неприятеля я буду в состоянии; но при взгляде на предположение – собрать первую армию у Вильно для отпора неприятелю, не имея у себя на правом фланге никакого прикрытия, по чрезвычайной отдалённости 6-го корпуса и ко второй армии едва ли принадлежащего существенно, я останусь в большой опасности, чтобы быстрым стремлением неприятеля на Вильно не только не быть отрезанным совершенно от 1-й Западной армии, но даже от предназначенной мне линии отступления. Ибо одно верное обозрение карты доказывает, что по отступлении 1-й армии к Свенцянам, неприятель, заняв Вильно, может предупредить отступление 2-й армии в Минск и по краткости пути будет там прежде, нежели я достигну туда, отступая.

3) Если бы вторая армия оставалась в первом её состоянии, я бы мог, нанося часто вред неприятелю, уничтожать его и, в случае нужды, избирать безопаснейший путь отступления; но в настоящем её числе, едва превышающем сильный корпус, я поставил себе в непремennую обязанность изъяснить предвидимые мною случаи и быть в готовности выполнять с строжайшею точностью посылаемые мне повеления. <...>

К. Багратион».

«Принимая решение об отступлении к Минску, Багратион хорошо понимал, какое огромное значение в сложившейся обстановке приобретала организация взаимодействия войск 2-й Западной армии и казачьего корпуса Платова. Поэтому 14 (26) июня он направил Платову письмо, в котором указывал на большую угрозу, нависшую над войсками 2-й Западной армии и казачьего корпуса. Он писал, что противник, заняв Вильно 16 (28) или 17 (29) июня, может достигнуть Минска к 24 июня (6 июля) и отрезать тем самым пути для соединения с 1-й Западной армией.

Багратион советовал Платову, чтобы не быть отрезанным от 1-й Западной армии, следовать с корпусом правым берегом Немана через Лиду на Минск. Он извещал Платова, что в случае движения его корпуса в указанном направлении, 2-я Западная армия сосредоточится в Слониме и под прикрытием казачьих полков генерал-майора Иловайского начнёт отступать на Несвиж. Багратион сообщал далее, что по достижении Несвижа казачьи полки будут направлены к северу и поддержанные главными силами армии могут совместно с корпусом Платова наносить удары по неприятелю и в то же время сохранять связь с 1-й Западной армией».

Александр Микаберидзе, «Лев русской армии»

Военный министр – Государю Императору,

17 июня 1812 г. (на французском)

<...> Но, государь, очень уже неприятно видеть, что князь Багратион, вместо того чтобы исполнять немедленно приказы Вашего Императорского Величества, теряет своё время на излишние рассуждения, да ещё, сообщая их генералу Платову, запутывает голову этому генералу <...>

Барклай-де-Толли.

Генерал от инфантерии князь Багратион – Государю императору,

30 июня 1812 г. из Тимковичей

<...> Имея против себя Даву с 60 000 и Вестфальского короля с армией в таковой же силе, по показаниям пленных, преследовавшего меня на всех пунктах; с твёрдым упованием на храбрость воинства российского, я никогда не помышлял о числе их; но все меры употреблял, исполняя в точности начертания Вашего Императорского Величества.

Чтобы не дать неприятелю в первых его стремлениях чем-либо воспользоваться и получить малейшую поверхность над войсками вверенными; дан-

ное же мне направление на Новогрудок не только отнимало у меня способы к соединению через Минск, но угрожало потерей всех обозов, лишением способов к продовольствию и совершенным пресечением даже сношений с 1-й армией.

Быв в таком положении, с изнурёнными войсками от десятидневных форсированных маршей по песчаным весьма дорогам, я принял оное за крайность, в которой и Ваше Императорское Величество позволяет отступление к Бобруйску.

<...> Из сведений, часто ко мне доносящихся и от пленных получаемых, совершенно известно, что наибольшие силы Наполеона обращены к уничтожению меня, яко слабейшего, но я все средства употреблю, чтобы Ваши надежды, Всеавгустейший Монарх, были оправданы во всей мере и, соображаясь с движениями неприятельских сил и собственными возможностями, буду изыскивать средства, поражая неприятеля, проложить себе путь к соединению с 1-й армией; но быв отовсюду окружён и стесняем непомерно превосходными силами, я не смею отвечать за успехи в моих намерениях, если Ваше Императорское Величество не соизволит повелеть первой армии сколь возможно скорей атаковать непременно неприятеля против оной находящегося и по всем обстоятельствам быть должествующего в весьма ограниченных силах.

<...> Первая армия, имея в тылу своё укреплённый лагерь, будет иметь возможности и в случае невыгод удержать неприятеля; а через предприятие таковое, преподаны бы были мне хотя малейшие способы к соединению, без чего я конечно не смею обещать ничего верного <...> .

В течение 29-го числа бывший неприятель при Мире в больших силах не смел атаковать моего арьергарда, почему ген. от кав. Платов, вследствие данного ему повеления, отступил к Несвижу, и по мере следования армии к Слуцку и далее, по обстоятельствам, будет иметь своё направление; 1-го числа июля вверенная мне армия прибудет в Слуцк.

Ген. от инф. кн. Багратион.

«Князь Багратион мог бы предупредить Даву в Минске, и если бы даже встретился с его войсками, то конечно с одними передовыми, как то известно сделалось после; надобно было, и он должен был решиться атаковать, предполагая даже понести некоторую потерю, чтобы овладеть дорогою на Смоленск. Изменила князю Багратиону всегдашняя его предприимчивость. К тому же скорость движения его умедливали худые от Несвижа дороги и переправа чрез Неман у местечка Николаева. Также получая о неприятеле вести преувеличенные, он возвратился к Несвижу и чрез Слуцк пошёл на Бобруйск. За ним последовали войска в команде короля вестфальского и князь Поня-

товский с польскою конницею. С сего времени на соединение обеих армий отняты были все надежды. Государь император изволил сообщить мне полученное им известие и не скрыл, сколько горестно оно было для его сердца, но утешительно мне было видеть, что можно надеяться на его твердость».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«Тем временем Александр I под впечатлением докладов фон-Клаузевица, адъютанта самого Фуля, и инженерного полковника Мишо, а также и личного осмотра дрисских укреплений уже разочаровался в достоинствах этой позиции. Созванный им военный совет согласился, что дрисский лагерь следует очистить немедленно же, и принял предложение Барклая отойти с 1-й армией на Витебск и ожидать там присоединения Багратиона. 2 (14) июля русская армия покинула дрисский лагерь и, перейдя на правый берег Западной Двины, начала отступление к Полоцку, куда и прибыла 6 (18) числа. Здесь вследствие представления графа Аракчеева, Балашова и Шишкова, настаивавших на необходимости присутствия государя внутри империи, Александр I покинул армию; с этих пор Барклай и Багратион превратились в совершенно самостоятельных главнокомандующих частными армиями».

Е.Н.Щепкин, «От Вильны до Смоленска. Взятие Смоленска»

«Определено отступление 1-й армии из укрепленного лагеря. Июля 1-го дня возложена на меня должность начальника главного штаба армии. От назначения сего употребил я все средства уклониться, представляя самому государю, что я не приуготавливал себя к многотрудной сей должности, что достаточных для того сведений не имею и что обстоятельства, в которых находится армия, требуют более опытного офицера и более известного армии. Конечно, нетрудно было во множестве генералов найти несравненно меня способнейших, но или надобны они были в своих местах, или, видя умножающиеся трудности, сами принять должности не соглашались».

Я просил графа Аракчеева употребить за меня его могущественное ходатайство. Он, подтвердивши, сколько трудна предлагаемая мне должность, не только не ободрил меня в принятии оной, напротив, нашёл благорассудительным намерение моё избавиться от неё, говоря, что при военном министре она несравненно затруднительнее, нежели при всяком другом. Известно было, что он поставлял на вид государю одного из старших генерал-лейтенантов Тучкова 1-го (Николая Алексеевича), основательно полагаясь на опытность его, приобретённую долговременным служением. Государь, сказавши мне,

что граф Аракчеев докладывал ему по просьбе моей, сделал мне вопрос: «Кто из генералов, по мнению моему, более способен?» – «Первый встретившийся, конечно, не менее меня годен», – отвечал я. Окончанием разговора была решительная его воля, чтобы я вступил в должность. «Если некоторое время буду я терпим в этом звании, то единственно по великодушию и постоянным ко мне милостям Вашего величества», – сказал я и одну принёс просьбу: не лишить меня надежды возвратиться к командованию гвардейскою дивизиею, от которой показывался я в командировке. Мне это обещано».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«Много было споров вокруг вопроса о «плане Баркляя». Есть (очень, правда, немногие) показания, говорящие как будто о том, что Барклай-де-Толли с самого начала войны – и даже задолго до войны – полагал наиболее правильной тактикой в борьбе с Наполеоном использовать огромные малолюдные, трудно проходимые пространства России, заманить его армию как можно дальше и здесь спокойно ждать её неизбежной гибели.

Гораздо больше есть положительных свидетельств, в том числе исходящих от самого Баркляя, что он отходил только вследствие полной невозможности задержать наседающую на него великую армию и что при малейших шансах на успешное сопротивление он с готовностью принял бы генеральный бой.

<...> У Баркляя оказалось достаточно силы воли и твёрдости духа, чтобы при невозможном моральном положении, когда его собственный штаб во главе с Ермоловым тайно агитировал против него в его же армии и когда командующий другой армией, авторитетнейший из всех русских военачальников, Багратион, обвинял его довольно открыто в измене, – всё-таки систематически делать то, что ему повелевала совесть для спасения войска. <...>

Трудно ему было отбиваться от нападений Багратиона ещё и потому, что за ним не было ни геройского поприща, ни блестящей репутации в армии, не лежало на нём и отблеска сияния суворовской славы, не было железного характера, словом, не было всего того, что в избытке было у Багратиона. Трудолюбивый военный организатор, по происхождению шотландец, которого ошибочно часто называют немцем, понравившийся Александру исполнительностью и ставший военным министром, осторожный стратег, инстинктивно нащупавший верную тактику, Барклай нашёл в себе гражданское мужество идти против течения и до последней возможности стоять на своём».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«Барклай-де-Толли, быстро достигнув чина полного генерала, совсем неожиданно звания военного министра, и вскоре соединя с ним власть главнокомандующего 1-й Западной армией, возбудил во многих зависть, приобрёл недоброжелателей. Неловкий у двора, не расположил к себе людей, близких государю; холодностию в обращении не снискал приязни равных, ни приверженности подчинённых. Приступивши в скором времени к некоторым по управлению переменам, изобличая тем недостатки прежних распоряжений, он вызвал злобу сильного своего предместника, который поставлял на вид малейшие из его погрешностей. Между приближённых к нему мало имел людей способных, и потому редко допуская разделять с ним труды его, всё думал исполнить своею деятельностию. Вначале произошло медленное течение дел, впоследствии несогласное частей и времени несоразмерное действие, и наконец запутанность неизбежная! <...>

Барклай-де-Толли до возвышения в чины имел состояние весьма ограниченное, скорее даже скудное, должен был смирять желания, стеснять потребности. Такое состояние, конечно, <...> не допускало сделать обширные связи, требующие нередко взаимных послуг, иногда даже самых пожертвований. Семейная жизнь его не наполняла всего времени уединения: жена немолода, не обладает прелестями, которые могут долго удерживать в некотором очаровании, все другие чувства покоряя. Дети в младенчестве, хозяйства военный человек не имеет! Свободное время он употребил на полезные занятия, обогатил себя познаниями. По свойствам воздержан во всех отношениях, по состоянию неприхотлив, по привычке без ропота сносит недостатки. Ума образованного, положительного, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле; нетвёрд в намерениях, робок в ответственности; равнодушен в опасности, недоступен страху. Свойств души добрых, не чуждый снисходительности; внимателен к трудам других, но более людей, к нему приближённых. Сохраняет память претерпённых неудовольствий: не знаю, помнит ли оказанные благотворения. Чувствителен к наружным изъявлениям уважения, недоверчив к истинным чувствам оного. Осторожен в обращении с подчинёнными, не допускает свободного и непринуждённого их обхождения, принимая его за несоблюдение чинопочитания. Боязлив пред государем, лишён дара объясняться. Боится потерять милости его, недавно пользуясь ими, свыше ожидания воспользовавшись. Словом, Барклай-де-Толли имеет недостатки, с большею частию людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающие в настоящее время весьма немногих из знаменитейших наших генералов. Он употребляет их на службе с возможным усердием, с беспредельною приверженностию государю наилучшего верноподданного!»

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«В течение десяти жарких и томительных июльских дней Барклай шёл от Дриссы через Полоцк к Витебску, последовательно получая донесения от лазутчиков и от разведки, что Наполеон с главными силами тоже идёт на Витебск. Если бы при Барклае была вся армия, которой он располагал на Дриссе, то и в таком случае можно было опасаться, что против 100 тысяч русских Наполеон приведёт в Витебск от 150 до 200 тысяч человек. Но ведь у Барклая не было даже и полных 75 тысяч человек: он должен был выделить из своих 100 тысяч целую четверть (25 тысяч человек) для усиления Витгенштейна, охранявшего опасную дорогу на Петербург».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«Июля 4-го числа армия двинулась и в три дня пришла к Полоцку. Оставленный в прежнем расположении арриергард генерал-майора барона Корфа, не видав неприятеля, перешёл на правый берег Двины.

4-й корпус графа Витгенштейна из 24 тысяч человек, расположенный близ Друи, имел повеление, в случае действия против него превосходных сил, отступать к Пскову, прикрывая Петербург. <...> Неприятель показал небольшую часть лёгких войск, занял отрядом местечко Друю и в небольших силах приблизился к Динабургу. Граф Витгенштейн донёс главнокомандующему, что он намерен усилить расположенный против Друи отряд и удерживать Динабург. <...> Главнокомандующий позволил мне сказать моё мнение и подтвердил возражение моё против раздробления сил. Странно намерение, зная движение неприятеля на левый фланг, защищать Динабург отдалённый и к обороне не приуроченный, когда впереди его невозможно маневрировать».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

П.И.Багратион – А.П.Ермолову

На марше 3 июля.

Я Вам скажу, любезный мой тёзка, что я бы давно с вами соединился, если бы оставили меня в покое. Вам не известно, какие я имел предписания от мудрого нашего методика и совершенно придворного чумички¹ М<инистра>.

Я расчёл марши мои так, что 23 июня главная моя квартира должна была быть в Минске, авангард далее, а партии уже около Свенцяи. Но меня повер-

¹ Чумичка (тюрк.) - перен. замазашка, грязнуха (прост.). «В праздник белолычка, в будень чумичка.», погов. Толковый словарь Д.Н.Ушакова.

нули на Новогрудек и велели идти или на Белицу, или на Николаев, перейти Неман и тянуться к Вилейке, к Сморгони, для соединения.

Я и пошёл, хотя и написал, что невозможно, ибо там 3 корпуса уже были на дороге Минска и места непроходимые.

Перешёл в Николаеве Неман. Насилу спасся Платов, а мне пробиваться невозможно было, ибо в Воложине и Вишневе была уже главная квартира Даву, и я рисковал всё потерять и обозы. Я принуждён назад бежать на минскую дорогу, но он успел захватить. Потом начал показываться король вестфальский с Понятовским, перешли в Белицы и пошли на Новогрудек. Вот и пошла потеха! Куда ни сунусь, везде неприятель. Получил известие, что Минск занят и пошла сильная колонна на Борисов и по дороге Бобруйска.

Я дал все способности и наставления Игнатьеву и начал сам спешить, но на хвост мой начал нападать король вестфальский, которого бьют, как свинью точно. Вдруг получаю рапорт от Игнатьева, что неприятель приблизился в Свислочь, от Бобруйска в 40 верстах, тогда, когда я был ещё в Слуцке и всё в драке. Что делать! Сзади неприятель, сбоку неприятель, и вчера получил известие, что Минск занят. Я никакой здесь позиции не имею, кроме болот, лесов, гребли и пески. Надо мне выдраться, но Могилёв в опасности, и мне надо бежать. Куда? В Смоленск, дабы прикрыть Россию несчастную. И кем? Гос<поодином> Фулем! Я имею войска до 45 тысяч. Правда, пойду смело на 50 т<ысяч> и более, но тогда, когда бы я был свободен, а как теперь и на 10 тысяч не могу. Что день опоздаю, то я окружён. Спас Дорохова деташемент, и Платов примкнул! Жаль государя: я его как душу люблю, предан ему, но, видно, нас не любит. Как позволил ретироваться из Свенцяна в Дриссу? Бойтесь Бога, стыдитесь! России жалко! Войско их шапками бы закидали. Писал я, слёзно просил: наступайте, я помогу.

Нет! Куда Вы бежите? За что Вы срамите Россию и армию?

Наступайте, ради Бога! Ей-богу, неприятель места не найдёт, куда ретироваться. Они боятся нас; войско ропщет, и все недовольны. У Вас зад был чист и фланги, зачем побежали; где я Вас найду? Нет, мой милый, я служил моему природному государю, а не Бонапарте. Мы проданы, я вижу; нас ведут на гибель; я не могу равнодушно смотреть.

Уже истинно еле дышу от досады, огорчения и смущения.

Я ежели выдерусь отсюда, то ни за что не останусь командовать армией и служить: стыдно носить мундир, ей-богу, и болен! А ежели наступать будете с первою армиею, тогда я здоров. А то что за дурак? Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать и бить фланг и тыл какой-то неприятельский. Если бы он был здесь, ног бы своих не выдрал, а я выйду с честью и буду ходить в сюртуке, а служить под иглом иноверцев-мошенников – никогда! Вообрази, братец: армию снабдил словно без издержек государю; дух непобедимый выгнал, мучился и рвался, жадничал везде бить неприятеля; пригнали нас

на границу, растыкали, как шашки, стояли, рот разиня, обоср... всю границу и побежали! Где же мы защищаем? Ох, жаль, больно жаль России! Я со слезами пишу. Прощай, я уже не слуга. Выведу войска на Могилёв, и баста! Признаюсь, мне всё омерзело так, что с ума схожу. Несмотря ни на что, ради Бога ступайте и наступайте! Ей-богу, оживим войска и шапками их закидаем...

Проси государя наступать, иначе я не слуга никак!

Вчера скакал 24 версты к Платову, думал застать стычку, но опоздал... Я волосы деру на себе, что не могу баталию дать, ибо окружают поминутно меня.

Ради Бога Христа наступайте! Как хочешь, разбирай мою руку. Меня не воином сделали, а подьячим, столько письма! Вчерашний день бедный мой адъютант Муханов ранен пикую в бок, почти смертельно.

Прощай, Христос с Вами! а я зипун надену.

«Князь Багратион, на те же высокие назначения возведённый (исключая должности военного министра), возвысился согласно с мнением и ожиданиями каждого. Конечно, имел завистников, но менее возбудил врагов. Ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей. Обогащённый воинской славой, допускал разделять труды свои, в настоящем виде представляя содействие каждого. Подчинённый награждался достойно, почитал за счастье служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался с большею приятностью. Обхождение его очаровательное! Нетрудно воспользоваться его доверенностью, но только в делах, мало ему известных. Во всяком другом случае характер его самостоятельный. Недостаток познаний или слабая сторона способностей может быть замечаема только людьми, особенно приближёнными к нему.

<...> Живых свойств по природе, пылких наклонностей к страстям, нашёл приятелей и сделал с ними тесные связи. Сходство свойств уничтожало неравенство состояния. Расточительность товарищей отдаляла от него всякого рода нужды, и он сделал привычку не покоряться расчётам умеренности. Связи сии облегчили ему пути по службе, но наставшая война, отдаляя его от приятелей, предоставив собственным средствам, препроводила в Италию под знамёна Суворова. Война упорная требовала людей отважных и решительных, тяжкая трудами – людей, исполненных доброй воли. Суворов остановил на нём своё внимание, проник в него, отличил, возвысил! Современники князя Багратиона, исключая одного Милорадовича, не были ему опасными. Сколько ни умеренны были требования Суворова, но ловкий их начальник, провожая их к общей цели, отдалил столкновение частных их выгод. Багра-

тион возвратился из Италии в сиянии славы, в блеске почестей. <...> Одарённый от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился в военную службу. Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нём из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности; нередко однако же мнение его было основательным. Неустрашим в сражении, равнодушен в опасности. Не всегда предприимчив, приступая к делу; решителен в продолжении его. Неутомим в трудах. Блюдёт спокойствие подчинённых; в нужде требует полного употребления сил. Отличает достоинство, награждает соответственно. Нередко однако же преимущество на стороне тех, у кого сильные связи, могущественное у двора покровительство. Утончённой ловкости пред государем, увлекательно лестного обращения с приближёнными к нему. Нравом кроток, несвоеобычлив, щедр до расточительности. Не скор на гнев, всегда готов на примирение. Не помнит зла, вечно помнит благодеяния. Короче сказать, добрые качества князя Багратиона могли встречаться во многих обыкновенных людях, но употреблять их к общей пользе и находить в том собственное наслаждение принадлежит его невыразимому добродушию! Если бы Багратион имел хотя ту же степень образованности, как Барклай-де-Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним.

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

А.П.Ермолов – П.И.Багратиону

Милостивый Государь, Князь Пётр Иванович!

Я говорил Министру о желании вашем, что армии, имеющей честь служить под вашими повелениями, угрожает несчастье, что вы хотите сдать команду; это ему очень не понравилось; подобное происшествие трудно было бы ему растолковать в свою пользу. Нельзя скрыть, что вы не оставили бы армии, если бы не было несогласия; но каждый должен вразумиться, что частные неудовольствия не должны иметь места в деле, требующем усилий и стараний общих. Я заметил, что это его даже испугало, ибо впоследствии надо будет отдать отчёт России в своём поведении.

Конечно, мы счастливы под кротким правлением Государя милосердного, но настоящие обстоятельства и состояние России, выходя из порядка обыкновенного, налагают на нас обязанности и соотношения необыкновенные. Не одному Государю надобно будет дать отчёт в действиях своих Отечеству, также и вы, Ваше Сиятельство, как и Военный Министр. Вам как человеку, боготворимому подчинёнными, тому, на кого возложена надежда многих и

всей России, обязан я говорить истину: да будет стыдно вам принимать частные неудовольствия к сердцу, когда стремление всех должно быть к пользе общей; одно это может спасти погибающее Отечество наше!

Пишите обо всём Государю! Если голос подобных мне не достигнет престола Его, Ваш не может быть не услышан.

П.И.Багратион – А.П.Ермолову

<...> Ну, брат, и ты пустился дипломатическим штилем писать. Какой отчёт я дам России? Я субальтерн и не властен, и не Министр, и не Член Совета, следовательно, требовать ответа никто не осмелится. Я ещё лучше скажу: год уже тому, что я Министру писал и самому Государю и предвещал, что значит оборона и в какую пагубу нас введёт.

Точно так и случилось. Однако шутка на сторону; Растопчина надобно предупредить, ополчения тоже. Из Смоленска нужно взять всех ратников во фронт и смешать с нашими. Я всё делаю, что должно истинно Христианину и Русскому, и более бы сделал, если бы ваш Министр отказался от команды. Мы бы вчера были в Витебске, отыскиали бы Витгенштейна и пошли бы распашным маршем и сказали бы в приказе: «Поражай, наступай! Пей, ешь, живи и веселись!» <...>

А.П.Ермолов – П.И.Багратиону

Несправедливо вините меня, благодетель мой, будто я стал писать дипломатическим штилем; я Вам говорю как человеку, имя которого известно всем и всюду, даже в самых отдалённых областях России, тому, на которого не без оснований полагает Отечество надежду свою. Вы соглашаетесь на продвижение Министра, не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будет так! В обстоятельствах, в которых мы находимся, я на коленях умоляю вас, ради Бога, ради отечества, писать Государю и объясниться с Ним откровенно. Вы этим исполните обязанность вашу относительно Его Величества и оправдаете себя пред Россией.

Я молод – мне не станут верить; если же буду писать, не заслужу внимания; буду говорить – почтут недовольным и охуждающим всё; верьте, что меня не устрашает это.

Когда гибнет всё, когда Отечеству грозит не только гром, но и величайшая опасность, там нет ни боязни частной, ни выгод личных; я не боюсь и не скрою от Вас, что там – молчание, слишком долго продолжающееся, служит доказательством, что мнение моё почитается мнением молодого челове-

ка. Однако я не робею, буду ещё писать, изображу всё, что Вы делали и в чём встречены Вами препятствия.

Я люблю Вас слишком горячо; Вы благодетельствовали мне, а потому я спрошу у самого Государя, писали ли Вы к нему или хранили виновное молчание? Тогда, достойнейший Начальник, Вы будете виноваты. Если же Вы не хотите как человек, постигающий ужасное положение, в котором мы теперь находимся, продолжать командование армиею, я, при всём моём уважении к великой особе, буду называть Вас и считать не великодушным.

Принесите Ваше самолюбие в жертву погибающему Отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют обстоятельства!

Пишите, Ваше Сиятельство, или молчание, слишком долго продолжающееся, будет обвинять Вас.

«Достигнув ещё 12 (24) июля Бешенковичей, император <Наполеон> лично мог убедиться, что на правом берегу 3. Двины главной русской армии более не было. В тот же вечер он велел Мюрату двинуться по левому берегу на Витебск, к рассвету за ним должен был последовать вице-король Италии, выделив только бригаду лёгкой кавалерии на Сенно ради установления связи с отрядом Груши. Наполеон всё ещё готовился к попытке Барклая проложить себе путь от Витебска через Оршу на соединение со 2-й русской армией. Между тем Барклай-де-Толли, в виду движения французов к Бешенковичам, ещё в Полоцке почти оставил мысль теперь же пробиваться навстречу Багратиону и, быстро отступив к Витебску, привёл туда свою армию уже 11 (23) июля. Только отсюда он намеревался идти на Бабиновичи и Оршу в надежде облегчить этим соединение со 2-й армией и преградить противнику путь из Минска на Смоленск. Барклай сообщил о своём намерении князю Багратиону и настойчиво, ссылаясь на волю государя, требовал, чтобы вторая армия двинулась между Березиной и Днепром и действовала во фланг Наполеону».

Е.Н.Щепкин, «От Вильны до Смоленска. Взятие Смоленска»

«Корпус генерал-лейтенанта Раевского атаковал при селении Дашковке часть войск маршала Даву, овладевшего Могилёвым. В начале сражения силы неприятеля слабые, в продолжение умножились значительно; напротив, войска Раевского ослабевали, но в нём та же была неустрашимость и твёрдость, и он, шедши в голове колонны, ударил на неприятеля. Самый упорный бой происходил на левом крыле, где не мог неприятель остановить 26-ю пехотную дивизию, которую генерал-майор Паскевич с неимоверною решительностью, неустрашимо, при всём удобстве местности, провёл чрез частый лес

и угрожал уже конечности неприятельского фланга, но должен был уступить несоразмерным силам. Действие генерала Раевского, заслоняя совершенно движение армии, представляло князю Багратиону удобство, которым не помыслил он легко воспользоваться и, сделав беспрепятственно ускоренный переход, выиграть расстояние для избежания преследования.

Но вместо того армия расположилась на ночлег на той позиции, которую генерал Раевский занял после сражения. Маршал Даву, приняв корпус Раевского за авангард и вслед за сим ожидая армии и генерального сражения, отошёл к главным своим силам в Могилёв, где и остался, приутопляясь к обороне. В сём положении долгое время удерживал его атаман Платов, появившийся с своими войсками у самых окопов Могилёва. Князь Багратион, отправляя его на соединение с 1-ю армиею, дал ему сиё направление. Грубая ошибка Даву была причиною соединения наших армий; иначе никогда, ниже за Москвою, невозможно было ожидать того, и надежда, в крайности не оставляющая, исчезала!»

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«На следующий день, видя ещё перед собой передовые посты Раевского, Даву ожидал атаки всей 2-й русской армии. Но Багратион был уже на пути к Смоленску. 13 (25) июля его главная квартира переправилась через Днепр у Нового Быхова и выступила дальше на Пропойск и Мстиславль. Платов с казацкими полками должен был спешить к 1-й армии кратчайшей дорогой и после удачных набегов на французские отряды в Шклове, Копысе, Орше, уже 17 (29) июля достиг Любавичей и вошёл затем в связь с войском Барклая. <...>

Неудача Багратиона и его отступление за Днепр к Смоленску разъяснили первой армии её положение под Витебском. Получив донесение о наступлении значительных сил неприятеля вдоль левого берега З. Двины, Барклай в ночь с 12 на 13 июля (ст. ст.) двинул там же по дороге на Бешенковичи пехотный корпус Остермана, усиленный драгунами, гусарами и конной артиллерией. Высылкой этого арьергарда он надеялся задержать противника и выиграть время, чтобы облегчить сближение и соединение со 2-й армией. Так возник 13 (25) июля бой под местечком Островно между французским авангардом Мюрата и отрядом Остермана, задержавший на целый день наступление неаполитанского короля, но кончившийся всё-таки отступлением русских на новую позицию».

Е.Н.Щепкин, «От Вильны до Смоленска. Взятие Смоленска»

«13-го июля Мюрат, подкреплённый 4-м корпусом, атаковал Остермана и Палена; корпус Дохтурова и дивизия Коновницина подошла на подпору. Битва сия продолжалась два дни! Наши отступали к Витебску, где все ожидали генерального сражения; по оправдательному письму ген[ерала] Барклая видно, что и он склонен был на сие пагубное предприятие, ибо он говорит: «моё намерение было сражаться при Витебске, потому что я чрез сражение сие достигнул бы важной цели, обращая на сию точку внимание неприятеля, останавливая его, и доставляя тем к[нязю] Багратиону способы приблизиться к 1-й армии». Но он, кажется, не принял в уважение, что неприятель, занимая его при Витебске, одним или двумя корпусами, мог обратить все силы свои к Смоленску, и что по овладению им сим городом, все способы к соединению обеих армий пресекутся. <...>

К счастью, на 15-е число ге[нерал] Барклай проник опасности и вследствие сего армия предприняла того дня отступление. Оставя без подпоры вступивший уже тогда в дело арьергард гр[афа] Палена, она следовала тремя колоннами к Смоленску: 1-я чрез Рудню, а 2-я и 3-я чрез Поречье».

**Д.В.Давыдов, «Три письма на 1812 года компанию,
написанные русским офицером,
убитым в сражении при Монмартре 1814-го года»**

«В Будилове представил я главнокомандующему мысль мою перейти на левый берег Двины; основывал её на том расчёте, что неприятель проходил по берегу реки путём трудным и неудобным, что только кавалерия неприятельская усмотрена была против Полоцка, но главные силы и артиллерия были назади и от нас не менее как в трёх переходах. Переправившись, следовать поспешно на Оршу, заставить маршала Даву развлечь силы его, в то время когда всё его внимание обращено было на движение 2-й армии, и тем способствовать князю Багратиону соединиться с 1-ю армиею. Уничтожить расположенный в Орше неприятельский отряд, и, перейдя на левый берег Днепра, закрыть собою Смоленск. Отправить туда прямою из Витебска дорогою все обозы и тяжести, дабы не препятствовали армии в быстром её движении. Всё сие можно было совершить, не подвергаясь ни малейшей опасности, по отдалению их; и я получил приказание возвратить два кавалерийские корпуса, прошедшие вперёд, и две понтонные роты для устройства моста при Будилове.

Всё приуговлялось к переправе, и пришедшим нам успех предстоял верный. Не прошло часу после отданных приказаний, главнокомандующий переменил намерение. Я примечал, кто мог отклонить его, и не подозреваю другого, кроме флигель-адъютанта Вольцогена. Сей тяжёлый немецкий педант пользовался большим его уважением. Разумея, что теряются выгоды, ко-

торые редко дарует счастье и дорого иногда стоит упущение их; уверен будучи, что не имею права на полную главнокомандующего ко мне доверенность, собственно по летам моим, с которыми опытность несовместима, я склонил некоторых из корпусных командиров представить ему о том собственные убеждения, но он остался непреклонным, и армия продолжала путь к Витебску. В Будилове оставлен сильный пост: ему приказано поступить в арриергард, когда он приблизится. Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов послан за Двину с лейб-казачьим полком для наблюдения за неприятелем: ему приказано сведения о приближении его доставлять прямо в Витебск и отступать по той стороне реки».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«Барклай и Багратион, теснимые неприятелем, отступали на Витебск и Могилёв при страшной жаре, полуголодные, по целым дням не видя свежей воды. Отступление обеих русских армий было очень тяжёлым. Был иной раз плох офицерский состав. Храбрости среди офицеров было сколько угодно, но иногда неосторожность, небрежность, неумение найтись в трудную минуту мешали и Барклаю и Багратиону, не всегда давали им возможность быть твёрдо уверенными в том, что их приказы будут выполнены.

Интендантская часть была поставлена из рук вон плохо. Воровство царило неопишное. Вот вступает в Поречье отходящая от французов армия Барклая (дело было в конце июля). Обнаруживается, что нечем накормить лошадей. А где же несколько тысяч четвертей овса, где 64 тысячи пудов сена, которые должны находиться, по провиантским бумагам, в магазинах Поречья и за которые казна уже уплатила все деньги? Оказывается, как раз только что провиантский комиссионер распорядился всё это сжечь, полагая, по своим стратегическим соображениям, что Наполеон может захватить Поречье. Ермолову это показалось подозрительным, он потребовал справки: когда велено было закупить и свезти весь этот овёс и всё сено в магазины Поречья? Оказалось, что всего две недели тому назад. А так как перевозочных средств было очень мало (почти все подводки были уже взяты армией), то в такой короткий срок свезти всё было никак нельзя. Наглая лож комиссионера выяснилась вполне: он, конечно, и не думал ничего покупать и свозить, а просто сжёг пустые магазины и этим аккуратно свёл баланс в отчётной ведомости. Ермолов, обнаружив это, сказал Барклаю, что «за столь наглое грабительство достойно бы, вместе с магазином, сжечь самого комиссионера». Но к этой мере не прибегли. Да и было бы бесполезно: нельзя же было сжечь всё провиантское ведомство в полном личном составе. И поплелись дальше некормленые лошади, таща артиллерию и голодных всадников».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«Армия два уже дня покойно пребывала в Витебске, полагая, что граф Орлов-Денисов [за]благовременно предупредит о приближении неприятеля; но вероятно нехорошо расставлены были передовые посты и нерадиво делались разъезды, так что в трёх верстах от нашего лагеря усмотрена неприятельская партия. Это побудило главнокомандующего послать навстречу неприятелю несколько полков конных при одном корпусе пехоты. Я предложил генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого, который отличился в последнюю войну храбростию и упорством в сражении. Надобен был генерал, который дождался бы сил неприятельских и они бы его не устрошили. Таков точно Остерман, и он пошёл с 4-м корпусом.

Дано приказание 6-му корпусу расположиться против города. Мост чрез Двину был цел и ещё устроен понтонный. Арриергард приблизился, чтобы не быть отрезанным с левого берега.

Граф Остерман встретил в двенадцати верстах часть передовых неприятельских постов и преследовал их до Островны. Здесь предстали ему силы несоразмерные, и дело началось весьма жаркое. Неприятель наступал решительно. Войска наши, роптавшие на продолжительное отступление, с жадностию воспользовались случаем сразиться; отдаление подкреплений, казалось, удвоило их мужество. Лесистые и скрытые места препятствовали неприятелю развернуть его силы; кавалерия действовала частями, но по малочисленности нашей они совершенно были в пользу нашу. Граф Остерман, имея против себя всегда свежие войска, должен был наконец уступить некоторое расстояние, и ночь прекратила сражение. Неосмотрительностию командира двух эскадронов лейб-гусарского полка потеряно шесть орудий конной артиллерии. Урон был значителен с обеих сторон. В подкрепление графу Остерману послан с 3-й пехотною дивизиею генерал-лейтенант Коновницын. В другой день рано поутру, заняв выгодную позицию, с свойственною ему неустрашимостию, он удержал её долгое весьма время, ни шагу неприятелю не уступая. Граф Остерман, ему содействуя, составлял резерв; прибыла кирасирская дивизия, но по свойству местоположения не была употреблена. Артиллерия постоянно оказывала большие услуги. Главнокомандующий, желая иметь точные сведения, приказал мне отправиться на место боя. Вскоре после прислан генерал-лейтенант Тучков 1-й с гренадерскою дивизиею, и положение наше было твёрдо! В два дня времени неприятель сражался с главными своими силами, которых чувствуемо было присутствие по стремительности атак их. Ни храбрость войск, ни самого генерала Коновницына бесстрашие не могли удержать их. Опрокинутые стрелки наши быстро отходили толпами. Генерал Коновницын, негодуя, что команду над войсками принял генерал Тучков, не заботился о восстановлении порядка, последний не внимал важности обстоятельств и потребной деятельности не оказывал. Я сделал им представление о необходимости вывести войска из замешательства и обратить к устрой-

ству. Они отдалили кирасир, прибывших с генерал-адъютантом Уваровым, и другие излишние войска, производившие тесноту, и сделали то, по крайней мере, что отступление могло быть не бегством. Невозможно оспаривать, что, продолжая с успехом начатое дело, приятно самому его кончить, но непротестительно до того простирать зависть и самолюбие, чтобы допустить беспорядок, с намерением обратить его на счёт начальника. В настоящем случае это было слишком очевидно!

Пославши генерала Коновницына с дивизиею к графу Остерману, главнокомандующий приказал 6-му корпусу и арриергарду графа Палена присоединиться к армии; сообщение с правым берегом прервано, мост разрушен и понтоны сняты».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«Целый день 26 июля Барклай в сопровождении своего начальника штаба Ермолова и офицеров свиты объезжал свои позиции. Целый день он ждал известий и от Коновницына, надолго ли ещё хватит сил задерживать нападающих французов, и от Багратиона, есть ли надежда на то, что он прорвётся через Могилёв к Витебску. Ночь принесла ответ на оба вопроса: поздним вечером 26 июля пришли с Остерманом и Коновницыным те солдаты и офицеры, которые спаслись при истреблении их отрядов при Островне и при Куковьячино во время отступления к Витебску, а в предрассветные часы наступившего 27 июля в лагерь Барклая примчался курьер от Багратиона князь Меншиков: Багратион извещал, что ему не удалось пробиться через Могилёв и что он узнал о том, что маршал Даву предпринимает движение к Смоленску.

Ещё за несколько часов до приезда Меншикова с известием от Багратиона Барклаю доложили, что к Витебску внезапно явился сам Наполеон со старой гвардией. Из русского лагеря можно было уже увидеть вечером огни, горевшие в расположении французской гвардии на опушке леса перед Витебском. Барклаю пришлось немедленно принять решение.

Весь день перед этим начальник штаба Ермолов не переставал убеждать Барклая, что давать Наполеону бой на витебских позициях значит идти почти на верный проигрыш сражения и, следовательно, на уничтожение русской армии. И это Ермолов доказывал, думая, что приход Багратиона ещё вполне возможен. Теперь, с утра 27 июля, следовало решаться на бой в этих же невыгодных условиях без Багратиона. Барклай решил уйти из Витебска к Смоленску, оставив лишь в 5 верстах от Витебска 3 тысячи пехоты, 4 тысячи кавалерии, 40 орудий под общим начальством графа Палена. Это опять-таки был лишь заслон, который должен был хотя бы ненадолго задержать Напо-

леона, если бы он пожелал немедленно пуститься по дороге из Витебска в Смоленск.

Бесшумно, при потушенных огнях, русская армия снялась ночью 27 июля с лагеря и ушла».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«В тот же день утром осматривал главнокомандующий занимаемую для армии позицию полковником Толем. Я сопровождал его и удивлён был, что он не обратил внимания на множество недостатков, которые заключала в себе позиция. Местоположение по большей части покрыто было до того густым кустарником, что квартирьеры, не видя один другого, откликались на сигналы; позади трудный переход чрез глубокий ров; сделать спуски не доставало времени. Главною целию было закрыть город. Я возразил против неудобств позиции, объяснив следующее моё мнение. Дать генеральное сражение опасно, будучи отдалёнными от средств пополнить потери. Ещё не уничтожена совершенно надежда соединиться с 2-ю армиею – главным предметом с некоторого времени, нашего отступления. При неудаче большая часть войск должна проходить чрез город, остальная – необходимо чрез ров. Если решено принять сражение, то лучше несравненно устроить армию по другую сторону города, имея во власти своей кратчайшую на Смоленск дорогу. Уступивши Витебск, мы прибавим одним городом более ко многим потерянными губерниям, и легче пожертвовать им, нежели другими удобствами, которых сохранение гораздо важнее. Главнокомандующий изъявил согласие, но готовился дать сражение и приказал избрать место за городом на дороге к Смоленску.

Сражение при местечке Островне началось с наступлением вечера и, возвратясь уже ночью, я донёс обо всём главнокомандующему, а от него узнал о приуготовлении новой позиции. Я осмотрел её с началом дня, когда в неё вступили уже войска. Нашёл, что она также лесистая, также трудные между войск сообщения, обширная и требует гораздо большего числа сил. На правом фланге два корпуса – графа Остермана и Багговута – отрезаны глубоким оврагом, чрез который и в отсутствие неприятеля с трудом перевозили артиллерию. На левом фланге были высоты, на которых устроенные батареи могли действовать в продолжение наших линий; переменить боевой порядок невозможно, не затрудняя отступления. Предположив атаку правого крыла, надобно было подкрепить его, а с поспешностию совсем невозможно, разве без артиллерии.

Генералу графу Палену составлен особый авангард, с которым вступил он в дело, сменивши войска генерала Тучкова 1-го, графа Остермана и Уварова,

недалеко уже от занятой армиею позиции. Долго в виду её удерживал стремление неприятеля. Наконец, отступивши за речку Лучесу, искусно воспользовался крутыми её берегами для защиты находящихся в нескольких местах бродов. Французская армия, заняв все против лежащие возвышения, казалось, развернулась для того, чтобы каждому из своих воинов дать зрелище искусного сопротивления с силами несравненно меньшими, показать пример порядка, словом, показать графа Палена и вразумить их, что если российская армия имеет ему подобных, то нужны им усилия необычайные, опыты возможного мужества! Не были вы свидетелями, достойные его сотоварищи: Раевский, равный ему непоколебимым хладнокровием и предусмотрительностью, граф Ламберт, подобный мужеством и распорядительностию, и ты, Меллер-Закомельский, в коем соединены лучшие их свойства, достоинства замечательные, по которому можно упрекнуть одною чрезмерною скромностию.

Неприятель успел переправить часть войск, и видно было намерение его, отброся авангард к реке, заставить его отходить чрез город.

Приближалась та минута, в которую все усилия графа Палена могут сделаться тщетными.<...>

Внимательно рассмотрев невыгодное расположение армии, решился я представить главнокомандующему об оставлении позиции немедленно. Предложение всеконечно смелое, предприимчивость молодого человека, но расчёт, впрочем, был с моей стороны: лучше предпринять отступление с некоторым сомнением, совершить его беспрепятственно, нежели принять сражение и, без сомнения, не иметь надежды на успех, а может быть подвергнуться совершенному поражению.<...>

Главнокомандующий колебался согласиться на моё предложение. Ему как военному министру известно было во всём объёме положение наше и конечно требовало глубокого соображения! Генерал-квартирмейстер Толь, вопреки мнению многих, утверждал, что позиция соединяет все выгоды, что должно принять сражение. Генерал Тучков 1-й, видя необходимость отступления, об исполнении его рассуждал не без робости. Решительность не была его свойством: он предлагал отойти ночью. Генерал-адъютант барон Корф был моего мнения, не смея утверждать его. Не ищет он стяжать славу мерою опасностей. Подобно мне и многим душа его доступна страху и ей сражение не пища. Простительно чувство боязни, когда опасность угрожает общему благу! Я боялся непреклонности главнокомандующего, боялся и его согласия. Наконец он даёт мне повеление об отступлении. Пал жребий, и судьба исхитила у неприятеля лавр победы!

<...> Не скрою некоторого чувства гордости, что главнокомандующий, опытный и чрезвычайно осторожный, нашёл основательным предположение моё об отступлении.

Глаза мои не отрывались от авангарда и славного графа Палена. Отдаляющаяся армия, вверив ему своё спокойствие, не могла оградить его силами, неприятелю соразмерными, но поколебать мужества его ничто не в состоянии!»

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«В первые дни этих авангардных стычек французская армия была ещё слишком разбросана, и Наполеон ограничивался рекогносцировкой, предпочитая дать давно желанную битву только 16 (28) июля, если русские выстоят на месте. Но в назначенный для боя день от русской армии перед ним не осталось и следов. Французы могли только вступить в Витебск, очищенный неприятелем, и на следующий же день двинуть за ним погоню. Сознывая, однако, что надо дать армии отдых дней в 7 – 8, Наполеон поневоле должен был предоставлять русским почин в наступательных действиях и подготовке битвы. Он ограничился только тем, что занял частями великой армии все узлы дорог на правом берегу Днепра между Витебском, где отдыхала гвардия, и Смоленском».

Е.Н.Щепкин, «От Вильны до Смоленска. Взятие Смоленска»

Князь П.И.Багратион – графу Ф.В.Ростопчину (собственноручно)

Конец июля 1812 г.

По желанию вашему я пишу. Оно точно так, но, между нами сказать, я никакой власти не имею над министром, хотя и старше я его. Государь по отъезде своём не оставил никакого указа на случай соединения, кому командовать обеими армиями и по сей самой причине он, яко министр... Бог его ведаёт, что он из нас хочет сделать; миллион перемен в минуту и мы, назад и вбок шатавшись, кроме мозоли на ногах и усталости ничего хорошего не приобрели, а что со мною делали и делают с мая самого месяца, я вам и описать не могу, но к великому стыду короля Вестфальского, маршала Давуст (Даву) и Понятовского, как они ни хитрили и не преграждали всюду путь мне, я пришёл и проходил мимо их носу, так что их бил. Теперь, по известиям, неприятель имеет свои все силы от Орши к Витебску, где и главная квартира Наполеона. Я просил министра и дал мнение моё на бумаге идти обеими армиями тотчас по дороге Рудни, прямо в середину неприятеля, не дать ему никакого соединения и бить по частям, на силу на сие его я склонил, но тотчас после одного марша опять всё переменил – никак не решается наступать, а всё подвигается к Смоленску. Истинно не ведаю таинства его и судить иначе не могу, как вид-

но не велено ему ввязываться в дела серьёзные, а ежели мы его (неприятеля) не попробуем плотно по мнению моему, тогда всё будет нас обходить и мы тоже таскаться, как теперь таскаемся. По всему видно, что войска его не имеют уже такого духа и где встречаем их, истинно бьют наши крепко. С другой стороны, он не так силён, как говорили и ныне говорят, ибо, сколько мне известно, ему минута дорога; длить войну для него невыгодно; следовательно, здравый рассудок заставляет меня судить: или он собирает все свои силы и готовится на важный удар, или при сильном нашем наступлении будет отступать, опасаясь тылу своего. А всего короче скажу вам, что он лучше знает все наши движения, нежели мы сами, и мне кажется, по приказанию его мы и отступаем и наступаем. От Государя давно ничего не имею; впрочем, армия наша в таком духе и в расположении всем умереть у стен отечества и знамён Государя, (что) желает наступать. Но вождь наш – по всему его поступку с нами видно – не имеет вожделенного рассудка, или же лисица.

<...> О, Боже! Если бы дали волю, этого чорта Пинети с нашею армиею в пух бы разбил и написал бы вам: «Господи силою твоею да возвеселится царь». Неприятель от моих аванпостов 20 вёрст, а от меня 40; вчерась ещё далее отступил. Впрочем, всё хорошо. Я думаю вам известно, что ген. лейт. Витгенштейн разбил корпус фельдмаршала Удино, взял в плен до 3 т., равно несколько пушек, и преследовал за Полоцк; равно в Литве, в г. Кобрин, Тормасов разбил корпус саксонцев, взял пушки и знамёна; словом сказать, во всяком случае, где повстречались, там их порядочно откатали, а два медведя ещё не сходились: Барклай и Пинети <...>.

«На первом переходе от Поречья неожиданно возвратился великий князь Константин Павлович из Москвы. Получено известие от князя Баграциона, что он приближается беспрепятственно к

«Генерал Голев, в первый свой визит к А.П.Ермолову, с большим любопытством всматривался в обстановку его кабинета, увешанного историческими картинами и портретами. Особенное внимание его остановил на себе портрет Наполеона I, висевший сзади кресла, обыкновенно занятого Ермоловым.

– Знаете, отчего я повесил Наполеона у себя за спиной? – спросил Ермолов.

– Нет, Ваше Высокопревосходительство, не могу себе объяснить причины.

– Оттого, что он при жизни своей привык видеть только наши спины».

Русский литературный анекдот XVIII – начала XIX веков

Смоленску и, если нужно, в(ы)ступит одним днём после нас. Непонятно намерение, с каким сообщил мне главнокомандующий следующее рассуждение: «Как уже соединение армий не подвержено ни малейшему затруднению, полезнее, полагает он, действовать по особенному направлению, предоставив 2-й армии операционную линию на Москву. Продовольствия для двух армий будет недостаточно. В Торопце и по Волге большие заготовлены запасы, и Тверская губерния пожертвовала значительное количество провiantа, что потому, предполагает он, с 1-ю армиею и идти по направлению на Белый и вверх по Двине». Легко было найти возражение, но по недостатку во мне благоразумия, труднее было сделать его с покорностью. Я с горячностью сказал ему: «Государь от соединения армий ожидает успехов и восстановления дел наших. Соединения желают войска с нетерпением. К чему послужили 2-й армии перенесённые ею труды, преодоленные опасности, когда вы повергаете её в то же положение, из которого вырвалась она сверх всякого ожидания? Движение ваше к Двине выгодно для неприятеля: он, соединивши силы, уничтожит слабую 2-ю армию, отдалит вас навсегда от полуденных областей, от содействия прочим армиям! Вы не смеете сего сделать; должны, соединясь с князем Багратионом, начертать общий план действий и тем исполнить волю и желание императора! Россия, успокоенная насчёт участи армий, ни в чём упрекнуть не будет иметь права!» Главнокомандующий выслушал меня с великодушным терпением. Мне казалось, что я проникнул настоящую мысль его. Соединение с князем Багратионом не могло быть ему приятным; хотя по званию военного министра на него возложено начальство, но князь Багратион по старшинству в чине мог не желать повиноваться. Это был первый пример в подобных обстоятельствах и конечно не мог служить речательством за удобство распоряжений.

<...> Главнокомандующий после разговора моего с ним не переменял расположения своего ко мне, или нелегко было то заметить, ибо ни холоднее, ни менее обязательным в обращении быть никак невозможно».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«Между тем обе русские армии, наконец, соединились в Смоленске: 20 июля (1 августа) прибыла туда армия Барклай, которого тотчас же уже на следующий день посетил Багратион, обогнавши свои войска; 22 июля (3 августа) подошла и его 2-я армия. Поспешность отступления расстроила русские войска, но 1-я армия всё ещё насчитывала в своих рядах около 80 тысяч, 2-я – около 40 тысяч человек. Военный совет старших начальников единодушно высказался теперь за наступление, и Барклай, вопреки собственному убеждению, согласился июля 26 (7 августа) начать движение к Рудне с тем условием, чтобы войска не удалялись от Смоленска далее трёх переходов; на всякий

случай на левом берегу Днепра от Смоленска к Красному был выдвинут отряд Неверовского. Однако уже на другой же день при первых ложных слухах о сосредоточении французских сил у Поречья, Барклай приостановил наступление. Получив через несколько дней сведения, что Наполеон стянул войска позади Рудни у Любавичей-Бабиновичей и Дубровны, он опять было возобновил движение вперёд и 2 (14) августа занял крайне выгодную на случай битвы позицию у Волковой в надежде вызвать неприятеля на атаку. Но через сутки обнаружилось, что французы перешли на левый берег Днепра. Теперь Барклаю не оставалось ничего другого, как торопиться вслед за Багратионом назад на защиту Смоленска и сообщений с Москвой.

Е.Н.Щепкин, «От Вильны до Смоленска. Взятие Смоленска»

Император Александр I – М.Б.Барклаю-де-Толли

30-го июля 1812 г.

Михайло Богданович!

Я получил донесения ваши, как о причинах, побудивших вас идти с первою армиею на Смоленск, так и о соединении вашем со второю армиею.

Так как вы для наступательных действий соединение сие считали необходимо нужным, то я радуюсь, что теперь ничто вам не препятствует предпринять их, и, судя по тому, как вы меня уведомляете, ожидаю в скором времени самых счастливых последствий.

Я не могу умолчать, что, хотя по многим причинам и обстоятельствам при начатии военных действий, нужно было оставить пределы нашей земли, однако же, не иначе как с прискорбностью должен был видеть, что сии отступательные движения продолжались до самого Смоленска.

С великим удовольствием слышу я уверения ваши о хорошем состоянии наших войск, о воинственном духе и пылком желании их сражаться. Не менее доволен также опытами отличной их храбрости во всех бывших доселе битвах и терпеливостью, оказанной ими во всех многотрудных и долгих маршах.

Вы из рапортов графа Витгенштейна видели блистательное дело, в котором удалось ему не только разрушить намерения маршала Удино и Макдональда, спешивших соединёнными силами вторгнуться в Псковскую губернию, но и разбить первого из них, так что одно только скорое отступление могло спасти его от совершенного истребления, и маршал Макдональд, уведомляя о сей победе, принуждён был ретироваться за Двину.

Присланное от вас ко мне донесение генерала Тормасова возвещает также не только о знаменитой самой по себе победе, но ещё более важной потому, что генерал сей действует теперь во фланг и в тыл неприятелю. Столь

благополучные начала служат преддверием и подают твёрдую надежду на счастливое окончание нынешней кампании.

Вы развязаны во всех ваших действиях без всякого препятствия и помешательства, а потому и надеюсь я, что вы не упустите ничего к пресечению намерений неприятельских и к нанесению ему всевозможного вреда. Напротив того, возьмёте все строгие меры к недопусканию своих людей до грабежа, обид и разорения поселением и обывателям.

Я с нетерпением ожидаю известия о ваших наступательных движениях, которые, по словам вашим, почитаю теперь уже начатыми. Поручаю себя покровительству Божию и твёрдо надеюсь на справедливость защищаемого мною дела, на искусство и усердие ваше, на дарование и ревность моих генералов, храбрость офицеров и всего воинства, ожидаю в скором времени услышать отступление неприятеля и славу подвигов ваших.

«Не забуду я странного намерения твоего, Барклай-де-Толли; слышу упрёки за отмену атаки на Рудню. За что терпел я от тебя упрёки, Багратион, благодетель мой! При первой мысли о нападении на Рудню не я ли настаивал на исполнении её, не я ли убеждал употребить возможную скорость? Я всеми средствами старался удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласие, боясь малейшего охлаждения одного к другому. Скажу и то, что в сношениях и объяснениях ваших, чрез меня происходивших, нередко холодность и невежливость Барклая-де-Толли представлял я пред тебя в тех видах, которые могли казаться приятными. Твои отзывы, иногда грубые и колкие, передавал ему в выражениях обязательных. Ты говаривал мне, что сверх ожидания нашёл в Барклае-де-Толли много хорошего.

Не раз он повторял мне, что он не думал, чтобы можно было, служа вместе с тобою, не встречать неудовольствий. Благодаря доверенности ко мне вас обоих я долго удержал бы вас в сём мнении, но причиною вражды между вами помощник твой граф Сен-При. Он с завистью смотрел на то, что я употребляем более, нежели он. Должность моя при главном начальнике и в то же время военном министре давала мне род некоего первенства над ним и занятиям моим более видную наружность. Он в суждении своём не первое дал место общей пользе; хотел, значит, более, нежели должно, более, нежели мог! Ты, почтенный благодетель мой, излишне уважал связи при дворе избалованного счастьем молодого человека и в доверенности к нему не всегда был осмотрительным!»

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«По словам Барклая-де-Толли, Наполеон подходил к Смоленску с армией в 220 тысяч человек, а выставить против него непосредственно Барклай мог лишь 76 тысяч, потому что Багратион со своей армией должен был защищать путь на Дорогобуж. Барклай ошибался: у Наполеона было в тот момент 180 тысяч человек.

В своем «Оправдании», написанном через несколько лет после события, Барклай находит все свои действия безукоризненными и вместе с тем утверждает, что он хотел дать генеральную битву Наполеону, «став на выгодную позицию» как раз в Царёве-Займище, где он узнал о том, что смещён со своей должности. «Изобразив здесь истину во всей наготе её, я предаю строгому суду всех и каждого дела мои; пусть всяк, кто хочет, укажет лучшие меры, кои бы можно было изыскать и принять к спасению отечества в столь критическом и ужасном для него состоянии; пусть после сего ненависть и злоеволие продолжают изливать яд свой, я отныне не страшусь и не уважаю их... Пред недоверчивыми ежели ещё не оправдаюсь, то оправдает меня время...» – читаем мы в заключительной части его записки».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

А.П.Ермолов – М.А.Милорадовичу

Мы будем драться, как львы, ибо знаем, что в нас – надежда, в нас защита любезного отечества. Мы можем быть несчастливы, но мы русские, мы будем уметь умереть, и победа достанется врагам нашим плачевною. Солдаты наши остервенены ужасно.

«Уже 15 августа остатки отряда Неверовского встретились с подкреплением, которое привёл Раевский.

К ночи и Раевский и Неверовский увидели бесконечную линию костров на горизонте. Сомнений быть не могло: это сам Наполеон со всей армией расположился на ночлег, явно по прямому пути устремляясь к Смоленску. Да и неизвестно было – ночлег ли это, или ещё ночью он снимется с лагеря и пойдёт на город.

Что было делать? У Раевского было всего 13 тысяч человек, у Наполеона в момент нападения на Смоленск было около 182 тысяч. Раевский не имел ни приказа, ни полномочия защищать Смоленск; русская армия уже начала своё дальнейшее отступление от Смоленска к Москве. Раевский решил защищаться.

16 августа с утра Наполеон уже стоял перед стенами Смоленска, и тогда же Раевский был осведомлён, что Багратион, узнав о решении Раевского, спе-

шит к нему на помощь. «Дорогой мой, я не иду, я бегу, желал бы иметь крылья, чтобы скорее соединиться с тобою!» К вечеру Багратион уже был недалеко от Смоленска. Туда же начал подвигаться и Барклай.

16 августа Наполеон подошёл к Смоленску и поселился в помещицьем доме в деревне Любне. План его заключался в том, чтобы корпуса Даву, Нея и Понятовского штурмовали и взяли Смоленск, а в это же время корпус Жюно, обойдя Смоленск, вышел бы на большую Московскую дорогу и воспрепятствовал отступлению русской армии, если бы Барклай захотел снова уклониться от боя и уйти из Смоленска по направлению к Москве.

В шесть часов утра 16 августа Наполеон начал бомбардировку Смоленска, и вскоре произошёл первый штурм. Город оборонялся в первой линии дивизией Раевского. Сражение шло, то утихая, то возгораясь, весь день. Но весь день 16 августа усилия Наполеона овладеть Смоленском были напрасны. Настала ночь с 16 на 17 августа. Обе стороны готовились к новой смертельной схватке. Ночью по приказу Барклая корпус Раевского, имевший громадные потери, был сменён корпусом Дохтурова. В четыре часа утра 17 августа битва под стенами Смоленска возобновилась, и почти непрерывный артиллерийский бой длился 13 часов, до пяти часов вечера того же 17 августа. В пять часов вечера весь «форштадт»¹ Смоленска был объят пламенем и стали загораться отдельные части города. Приступ за приступом следовал всякий раз после страшной канонады, служившей подготовкой, и всякий раз русские войска отбивали эти яростные атаки. Настала ночь с 17 на 18 августа, последняя ночь Смоленска. В ночь с 17 на 18-е канонада и пожары усилились. Вдруг среди ночи русские орудия умолкли, а затем французы услышали страшные взрывы неслыханной силы: Барклай отдал приказ армии взорвать пороховые склады и выйти из города. Войска под Смоленском сражались с большим одушевлением и вовсе не считали себя побеждёнными в тот момент, когда пришёл приказ Барклая об оставлении города. Но Барклай видел, что Наполеон стремится здесь, в Смоленске, принудить его наконец к генеральному сражению, повторить Аустерлиц на берегах Днепра. <...> Из Смоленска нужно было уйти, промедление грозило неминуемой гибелью. Он знал, что скажут о нём, но не видел другого выхода; впрочем, судьба Барклая уже всё равно была решена».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«Князь Багратион склонил главнокомандующего ещё один день продолжать оборону города, переправиться за Днепр и атаковать неприятеля, и что он то же сделает с своей стороны. На вопрос главнокомандующего отвечал генерал-квартирмейстер полковник Толь, что надобно атаковать двумя

¹ Форштадт - поселение, находящееся вне города или крепости; предместье. Толковый словарь Ефремовой. Т.Ф.Ефремова. 2000.

колоннами из города. Удивило меня подобное предложение человека с его взглядом и понятиями. Я сделал замечание, что в городе весьма мало ворот и они с поворотами на башнях. Большое число войск скоро пройти их не может, равно как и устроиться в боевой порядок, не имея впереди свободного пространства и под огнём батарей, близко к стене придвинутых. Скоро ли может приспеть сопровождающая атаки артиллерия, и как большое количество войск собрать без замешательства в тесных улицах города, среди разрушенных домов, разрушенных бомбами? Я предложил на рассуждение случай необходимого отступления, когда все неудобства и затруднения предостоят в гораздо большем размере. Военный министр нашёл основательными мои замечания. Рассуждаемо было, что если необходимо нужно атаковать, то удобнее перейти за Днепр у самого города, с правой его стороны, устроив мосты под защитой батарей правого фланга крепости. Предместие не было ещё оставлено нами; против него была одна только неприятельская батарея, и к ней удобный доступ садами, далеко простирающимися. В случае отступления, заняв монастыри и церкви в предместьи, можно не допустить натиска его на мосты. 2-я армия не должна переправиться за Днепр выше города и ещё менее атаковать правый фланг неприятеля, как то предполагал князь Багратион. Легко было воспрепятствовать переправе армии, или, отбросивши атаку, разорвать сообщение с 1-ю армиею, уничтожить согласие в действиях войск и способы взаимного вспомоществования. Небольшими силами неприятель мог войска наши не выпускать из крепости и свои войска сосредоточить по произволу. Предоставленные мною рассуждения не воздержали меня от неблагоприятного в свою очередь поступка. Я поддерживал мнение гг. корпусных командиров ещё один день продолжать защиту города. Желание их доведено до сведения чрез генерал-майора графа Кутайсова. Защита могла быть необходимою, если главнокомандующий намеревался атаковать непременно. Но собственно удержать за собою Смоленск в разрушении, в котором он находился, было совершенно бесполезно. Сильного гарнизона отделить армия не могла, а в городе и слабый не нашёл бы средств к существованию. Итак, решено главнокомандующим оставить Смоленск!»

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

Реляция генерала А.П.Ермолова о сражении 7 числа августа при селении Заболотье или Валутине

По трёхдневном защищении города Смоленска определено было отступление армии. 2-я армия прикрывала переправу чрез Днепр, большими силами неприятеля угрожаемую; авангард её был в 6 верстах от Смоленска на

Московской дороге. 1-я армия следовала двумя колоннами: первая под командою генерала от инфантерии Дохтурова из 5 и 6-го корпусов и арриергарда генерала от кавалерии Платова, проходила дорогою, от неприятеля отклонившеюся и безопасною. 2, 3 и 4-й корпуса и арриергард генерал-адъютанта барона Корфа должны были сделать фланговый марш для достижения большой Московской дороги путями трудными и гористыми, ход их умедлявшими. В продолжение сего авангард 2-й армии отошёл, и на смену его заблаговременно посланный отряд генерал-майора Тучкова 3-го, состоящий из 20 и 21 егерских, Ревельского пехотного и Елисаветградского гусарского полков, встретил уже неприятеля на одиннадцатой версте от города.

Арриергард генерал-адъютанта барона Корфа в близком от Смоленска расстоянии был атакован большими неприятеля силами. Ваше высокопревосходительство, свидетель сего упорного сражения, должны были ввести в дело 2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута; прочие корпуса продолжали путь свой. Я получил повеление вашего высокопревосходительства ускорить их движение. Важность обстоятельств того требовала: надобно было захватить соединение дорог. Невозможно было употребить довольно поспешности. Соединение было близко от Смоленска. Отряд генерал-майора Тучкова 3-го слаб против неприятеля. Именем вашего высокопревосходительства приказал я 1-му кавалерийскому корпусу генерал-адъютанта Уварова поспешно занять соединение дорог, что было исполнено без замедления. 3-й корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, горящий желанием встретить неприятеля, пришёл по свежим следам кавалерии. Генерал-майору Пассеку поручил я проводить артиллерию рысью. 4-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого пришёл мало времени спустя. Я нашёл отряд генерал-майора Тучкова 3-го в двух только верстах от соединения дорог, приказал часть пехоты отодвинуть вперёд, подкрепил его бригадою полковника Желтухина из лейб-гранадерского и графа Аракчеева полков и 6-ю батареями орудиями. Передовые посты были в перестрелке, но неприятель был слаб. 3-й и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлег в 6 верстах расстояния. В два часа пополудни усилился огонь на передовых постах, и два дезертира объявили, что неприятель в числе двенадцати полков пехоты и конницы готов сделать нападение, коль скоро большие силы, переправляющиеся с левого берега Днепра, к ним придут. Командующий передовыми постами Войска Донского генерал-майор Карпов дал известие, что неприятель со многими силами переходит реку. Я известил о сем генерал-лейтенанта Тучкова 1-го и 3-му корпусу приказал идти поспешнее. Передовые посты уступили силам неприятеля, и к пятому часу должен был уже и 4-й корпус приблизиться. Я донёс вашему высокопревосходительству, и вам угодно было приказать мне расположить войско в боевое устроение в ожидании вашего прибытия из арриергарда. Вскоре началось дело во всей силе. Неприятель употребил все

усилия по большой почтовой дороге, но выгодное положение с нашей стороны и не приспевшая ещё дотоле неприятельская артиллерия дали возможность удержаться. Неприятель умножил стрелков на левом фланге отряда генерал-майора Тучкова 3-го, но по распоряжению его употреблённый 20-й егерский полк с генерал-майором князем Шаховским удержал его и дал время 3-й дивизии полкам Черниговскому, Муромскому и Селенгинскому при-спеть и утвердиться.

Вскоре прибыла неприятельская артиллерия, и канонада с обеих сторон усилилась чрезвычайно. Ваше высокопревосходительство изволили прийти к сражающимся войскам. Появилась неприятельская кавалерия и как туча возлегла на правом крыле своём. Всю бывшую при корпусе кавалерию, кроме 1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на левом нашем крыле. Силы неприятеля были превосходны, местоположение в его пользу. Позади нашей кавалерии болотистый ручей, трудная переправа артиллерии. Но бригада под командою генерал-майора князя Гуриела, быстро вытеснившая неприятельскую пехоту из лесу, к которому принадлежала его кавалерия, сделала атаки его нерешительными, робкими; паче же Перновский полк с генерал-майором Чоглоковым, выстроенный в колонне, среди самого неприятеля, подкрепляя нашу кавалерию, удвоил её силу. 24 орудия сделали её непреодолимою. По силам неприятельской кавалерии, казалось, должно было одной лишь быть атаке и вместе с нею истреблению левого нашего крыла, но по храбрости войск наших каждая атака обращена была в бегство, как с потерею, равно со стыдом неприятеля. Кавалериею и казаками приказал я командовать генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову. С обеих сторон повторённые атаки и отражения продолжались довольно долго. В сие время прибыла 17-я дивизия генерал-лейтенанта Олсуфьева, и утомлённые в деле с арьергардом генерал-адъютанта барона Корфа полки употреблены были в подкрепление правого крыла, как пункта, от главных неприятеля атак удалённого. На центре усилились батареи неприятеля, но противостоявшие неустрашимо 3-й дивизии полки Черниговский, Муромский и Селенгинский, удержав место, отразили неприятеля, который, бросаясь на большую дорогу, привёл в замешательство часть войск, оную прикрывавших. В должности дежурного генерала флигель-адъютант полковник Кикин, адъютант мой лейб-гвардии конной артиллерии поручик Граббе и состоящий при мне штаб-ротмистр Деюнкер, адъютант генерала Милорадовича, собрав рассеянных людей, бросились с барабанным боем в штыки и в короткое время очистили дорогу, восстановив тем связь между частями войск. Не успевший в намерении неприятель отклонил атаку и устремил последнее усилие на правое наше крыло. Батарея наша из четырёх орудий была сбита, и я, неверяя утомлённым полкам 17-й дивизии восстановление прервавшегося порядка, лейб-гренадерский полк в присутствии вашего высокопревосходительства повёл

сам на батарею неприятельскую. Полковник Желтухин, действуя отлично, храбро, опрокинул всё, что встретилось ему на пути. Я достигал уже батареи, но сильный картечный огонь, храброму сему полку пресёкший путь, привёл его в расстройство. Атаки неприятеля однако же прекратились. Полк занял прежнее своё место, и с обеих сторон возгорелся сильный ружейный огонь. Екатеринославский гренадерский полк пришёл в помощь, и полки 17-й дивизии участвовали больше стрелками. Генерал-майор Тучков 3-й, опрокинув сильную неприятельскую колонну и увлечённый успехом, во время, к ночи уже клонящееся, взят в плен. Генерал-лейтенант Коновницын, невзирая на сильный повсюду неприятельский огонь, отеснил неприятеля на всех пунктах правого крыла на большое расстояние, место сражения и даже далее удержал за нами. Он учредил посты, отпустил артиллерию, снял войска с позиции в совершеннейшем порядке, и армия беспрепятственно отступила к Дорогобужу и соединилась со 2-ю армиею.

Списки об отличившихся чиновниках, господами начальниками на имя вашего высокопревосходительства препровождённые, имею честь представить, с моей стороны доверенность вашего высокопревосходительства стараясь заслужить справедливостию моего донесения.

Дела при Дубине (Валутина Гора), Гедеонове, Колодне, Страгани и Заболотье 7 августа 1812 года

КОМАНДОВАВШИЕ ВОЙСКАМИ: Генерал от инфантерии Барклай-де-Толли, Генерал-лейтенант Тучков 1-й и Генерал-майор граф Строганов.

УЧАСТВОВАВШИЕ ВОЙСКА: Л.-Гв. Драгунский, Уланский и Гусарский полки; гренадерские полки: Графа Аракчеева, Екатеринославский, Лейб-Гренадерский, Павловский, Таврический и С.-Петербургский; пехотные полки: Брестский, Белозерский, Вильманstrandский, Екатеринбургский, Елецкий, Кексгольмский, Копорский, Муромский, Перновский, Полоцкий, Ревельский, Рыльский, Рязанский, Селенгинский, Тобольский и Черниговский; егерские полки: №№ 20, 21 и 33; драгунские полки: Ингерманландский, Иркутский, Казанский, Каргопольский, Курляндский, Московский, Нежинский, Оренбургский, Псковский и Сибирский; Польский уланский полк; гусарские полки: Елисаветградский, Изюмский, Мариупольский и Сумский; Донские казаки; конные роты: №№ 5-го и 9-го.

УБИТЫ: Гренадерских полков: Графа Аракчеева – Штабс-Капитан Саблуков, Поручик Усов, Подпоручик Кирилов и Прапорщик Микулыпин; Екатеринославского – Капитан Силин 2-й; Лейб-Гренадерского – Майор Борзов, Капитан Разбаловский, Штабс-Капитаны: Евреинов 2-й и Подушкин 3-й, Поручик Леденцов, Подпоручик Квашнин-Самарин; пехотных полков: Ко-

Сказание о генерале Ермолове

порского – Прапорщик Козлов; Полоцкого – Капитан Фирсов и Поручик Маньковский; егерских полков: 20-го – Поручик Некрасов; 21-го – Поручик Смоленский; 3-й артиллерийской бригады – Поручик Ольхин.

РАНЕНЫ: Генерал-Майоры: Дорохов, Тучков 3-й и Филисов, гренадерских полков: Графа Аракчеева – Поручик Явовлев, Прапорщики: Апыхтин и Борушникович; Екатеринославского – Капитан Силин 1-й, Штабс-Капитан Лопата и Прапорщик Плесский; Лейб-Гренадерского – Майоры: Волков и Шуберт, Штабс-Капитан Глинский, Поручики: Адамов 2-й и Крупенников, Подпоручики: Гессе и Щекин, Прапорщик Березин 2-й; 1-го сводного гренадерского батальона – Поручик Яновский и Подпоручик Сахно; пехотных полков: Елецкого – Поручик Бабенков и Прапорщик Трейша; Копорского – Поручик Бреверн и Подпоручик Рашвич; Муромского – Майор Иванов, Поручик Чернуцкий, Подпоручик Мичурин, Прапорщики: Майдель и Чишкевич; Перновского – Прапорщики: Караулов и Мамишев; Полоцкого – Капитан Свешников, Поручики: Панин, Равич и Шастичвич, Прапорщики: Кошка, Лазаревич и Ябшанский; Селенгинского – Подпоручик Кашинцов, Прапорщики: Савельев, Каменев и Стамановский; Тобольского – Капитан Ульянов; егерских полков: 20-го – Поручики: Нилов 2-й, Соколовский и Тулеба, Прапорщик Внуков; 33-го – Капитан Тулеваев, Штабс-Капитаны Бородин, Вылант 1-й и Нелидов, Прапорщики: Зиновьев, Ошмянов, Фофанов, Штоф и Ясюков.

ВЫБЫЛО ИЗ СТРОЯ НИЖНИХ ЧИНОВ около 5000.

ОТЛИЧИЛИСЬ: Генерал-Майор Ермолов и Полковники: Граф Толь и Никитин.

«Из мемориальных надписей на стенах Храма Христа Спасителя. Стена 9-я»

«8-го числа арриергардом командовал генерал-адъютант граф Строганов (Павел Александрович); 1-й кавалерийский корпус и гренадерские полки Павловский, С.-Петербургский и Таврический с достаточною артиллериею его составляли. Судя по силам, употреблённым в сражении, по кратковременности его, нельзя было потерю неприятеля полагать необычайною, но таковою утверждали её все, доставшиеся нам, пленные офицеры. Итак, неприятель ограничился одним за нами наблюдением. Большую часть дня я оставался с арриергардом, страшась и за слабость его состава и сомневаясь в искусстве начальствующего им. Невдалеке назади главнокомандующий приказал на случай подкрепления иметь готовые войска.

Медленно отступающий арриергард я оставил далеко, и поздно уже возвратясь к армии, удивлён был, найдя её ещё не переправившеюся за Днепр, ибо опоздавший со своею колонною генерал Дохтуров занимал переправу. Можно почесть весьма счастливым случаем, что неприятель не пришёл к

переправе в одно время с нами, чему, по положению места, трудно было препятствовать, или не иначе, как с чувствительным весьма уроном».

Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«В три часа ночи 19 августа Наполеон прибыл на поле, где днём происходило сражение. Тут он подробно расспросил о всём происходившем и приказал представить ему раненного штыком и взятого в плен генерала Тучкова 3-го. Поведением Жюно он был возмущён до крайности, о чём и приказал ему передать. Затем Наполеон принялся раздавать награды отличившимся на поле Валутинской битвы. Награды раздавал он лично и с необычайной щедростью, требовал, чтобы сами солдаты называли отличившихся товарищней, и солдаты и офицеры были осыпаны милостями, чинами, орденами, и громовое «Да здравствует император!» прокатывалось по рядам. Всё это должно было поднять дух.

Но, вернувшись в Смоленск, Наполеон вскоре послал адъютанта за своим пленником, генералом Тучковым 3-м. Это был первый прямой шаг Наполеона к миру – шаг, оставшийся, как и все последующие, совершенно безрезультатным. «Вы, господа, хотели войны, а не я, – сказал он Тучкову, когда тот вошёл в кабинет. – Какого вы корпуса?» – «Второго, ваше величество». – «Это корпус Багговута. А как вам приходится командир 3-го корпуса Тучков?» – «Он мой родной брат». Наполеон спросил Тучкова 3-го, может ли он, Тучков, написать Александру. Тучков отказался. «Но можете же вы писать вашему брату?» – «Брату могу, государь». Тогда Наполеон произнёс следующую фразу: «Известите его, что вы меня видели и я поручил вам написать ему, что он сделает мне большое удовольствие, если доведёт до сведения императора Александра сам или через великого князя, или через главнокомандующего, что я ничего так не хочу, как заключить мир. Довольно мы уже сожгли пороха и пролили крови. Надо же когда-нибудь кончить». Наполеон прибавил угрозу: «Москва непременно будет занята и разорена, и это будет бесчестием для русских, потому что для столицы быть занятой неприятелем – это всё равно, что для девушки потерять свою честь». Наполеон спросил ещё Тучкова, может ли кто-нибудь, например сенат, помешать царю заключить мир, если сам царь этого пожелает. Тучков ответил, что сенат не может этого сделать. Аудиенция кончилась. Наполеон велел возвратить шпагу пленному русскому генералу и отправил его во Францию, в г. Мец, а письмо Тучкова 3-го к его брату с изложением этого разговора было передано Тучковым маршалу Бертье, который послал его в главную квартиру Баркляя; Барклай переслал письмо царю в Петербург. Ответа никакого не последовало».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

Глава восьмая

Бородино и Москва (8 августа – 2 сентября 1812 года)

«Император Александр 22-го июля возвратился из Москвы в Петербург. Там получил он смутные известия из армий Баркляя-де-Толли и Багратиона. Едва лишь они успели соединиться и донести государю о прекращении возникших между ними недоразумений, как пришли из армии донесения и письма с жалобами на Баркляя и на неудачу наступления к Рудне. Императору Александру, как верховному руководителю борьбы России с Наполеоном, были вполне известны все обстоятельства этого дела. Он отдавал вполне справедливость достоинствам Баркляя-де-Толли, уверен был в его преданности и знал, что образ наших действий был внушён самою необходимостью. Тем не менее однако же не подлежало сомнению, что успех в войне возможен только тогда, когда полководец пользуется неограниченною доверенностью войск; только при этой духовной связи между вождём и вверенными ему войсками он, владея душою каждого из своих подчинённых, направляет общие усилия к достижению цели действий и может оправдать возложенные на него надежды».

**М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года,
по достоверным источникам»**

«17 августа князь Волконский привёз Александру письмо от графа Шувалова, писанное из армии ещё 12 августа, т.е. до падения Смоленска. Письмо было самого тревожного и печального свойства: «Если ваше величество не даст обеим армиям одного начальника, то я удостоверяю своей честью и совестью, что всё может быть потеряно безнадежно... Армия недовольна до того, что и солдат ропщет, армия не питает никакого доверия к начальнику,

который ею командует. <...> Продовольственная часть организована наихудшим образом, солдат часто без хлеба, лошади в кавалерии несколько дней без овса; вина в этом исключительно главнокомандующего, который часто так плохо комбинирует марши, что главный интендант ничего не может поделать. Генерал Барклай и князь Багратион очень плохо уживаются, последний справедливо недоволен. Грабёж производится с величайшей наглостью... Неприятель свободно снимает жатву, и его продовольствие обеспечено». Ермолов хорош, но при таком начальнике ничем помочь не может: «Нужен другой начальник, один над обеими армиями, и нужно, чтобы ваше величество назначили его, не теряя ни минуты, иначе Россия погибла».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

Рескрипт императора Александра I генералу от инфантерии князю М.И.Кутузову

8 августа 1812 г.

Князь Михаил Илларионович!

Настоящее положение военных обстоятельств наших действующих армий, хотя и предшествовало начальными успехами, но последствия оных не открывают ещё той быстрой деятельности, с каковою надлежало бы действовать на поражение неприятеля. Соображая сии последствия и извлекая истинные тому причины, Я нахожу нужным назначить над всеми действующими армиями одного общего главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве. Известные достоинства ваши, любовь к Отечеству и неоднократные опыты отличных ваших подвигов, приобретают вам истинное право на сию Мою доверенность. Избирая вас для сего важного дела, Я прошу Всемогущего Бога, да благословит деяния ваши к славе Российского оружия, и да оправдает тем счастливые надежды, которые Отечество на вас возлагает.

Рескрипт императора Александра I главнокомандующим армиями генералам Барклаю-де-Толли, князю Багратиону, Тормасову, адмиралу Чичагову

Разные важные неудобства, происшедшие после соединения двух армий, возлагают на Меня необходимую обязанность назначить одного над всеми оными главного начальника. Я избрал для сего генерала от инфантерии князя Кутузова, которому и подчиняю все четыре армии. Вследствие чего пред-

писываю вам со вверенною вам армиею состоять в точной его команде. Я уверен, что любовь ваша к Отечеству и усердие к службе откроют вам и при сём случае путь к новым заслугам, которые мне весьма приятно будет отличать подлежащими наградами.

«8 августа последовало высочайшее назначение генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова единым и общим главнокомандующим над всеми действующими армиями.

День назначения совпал с днём прекращения боёв у оставленного нами Смоленска, сосредоточением армий у пересечения р. Днепра с большой Московской дорогой и с постановкой нашими армиями новой цели действий. С этого дня, силой неотвратимых обстоятельств, русская армия была вынуждена раньше или позже, так или иначе, но, во всяком случае, в ближайшем будущем, прибегнуть к решительному и генеральному сражению, так как Наполеон объектом дальнейших действий ставил отныне Москву, а мы не могли отдать её без решительного боя. Открытым оставался только вопрос, когда именно и где именно дадим мы этот решительный отпор Наполеону».

Генерал-лейтенант Б.М.Колубакин, «Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа» (В кн. «Отечественная война и Русское общество»)

«По отступлении Западных армий от Лубны, по московской дороге, целью наших главнокомандующих было приискание местности, выгодной для оборонительного сражения. Стремление вступить в решительный бой проявилось ещё сильнее в народе и войсках после потери Смоленска, и даже те считали генеральное сражение необходимым, которые не ожидали от него никаких выгодных последствий. Таково было мнение и Баркляя-де-Толли. Уступая силе обстоятельств, он послал несколько офицеров генерального штаба для обозрения местности по пути к Москве и для приискания позиций, представлявших выгоды в оборонительном отношении; из донесений этих офицеров оказалось, что на пространстве между Смоленском и Гжатском были найдены две позиции: при Усвятах, за речкою Ужею, и при Царёво-Займище. Полковник Толь, получив приказание осмотреть их, нашёл позицию при Усвяте весьма выгодною: правый фланг её примыкал к Днепру; фронт был прикрыт речкою Ужею, которая хотя незначительна и течёт в неглубокой ложбине, однакоже представляет преграду неприятелю, замедляя его движение под выстрелами артиллерии, расположенной на позиции. Местность впереди открыта и удобна для обозрения, а в тылу её встречаются предметы, способствующие прикрытию войск. Но левый фланг позиции

был подвержен обходу; к тому же – неприятель, направляясь из Смоленска на Духовщину к Дорогобужу, по другую сторону Днепра, мог обойти позицию также и с правого фланга, что способствовало ему выйти на путь отступления Западных армий к Москве. Как, для такого обхода, неприятель должен был отделить часть сил на значительное расстояние (что могло подвергнуть его поражению по частям), то полковник Толь считал достаточным, прислонив правый фланг к Днепру, расположить, для охранения позиции с левого фланга, значительную часть войск, в виде резерва, позади главных сил. С этой целью, 9-го (21-го) августа Первая армия заняла избранную позицию, а Вторая отступила к Дорогобужу.

По прибытии главной квартиры Первой армии в Усвяты, оба главнокомандующие, желая обозреть позицию, отправились на рекогносцировку, вместе с великим князем Константином Павловичем, сопровождаемые всеми корпусными командирами и другими генералами. При этом осмотре князь Багратион заметил, что против правого фланга позиции находилась господствующая высота, которую мог воспользоваться неприятель. Но Барклай хотя и не имел большой надежды на силу этой позиции, однако же решился выждать нападение и предложил князю Багратиону сблизить Вторую армию к левому флангу Первой.

М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам»

«10-го числа войска имели растаг¹. Арриергард был далеко. Главнокомандующий вместе с великим князем и князем Багратионом, сопровождаемые всеми корпусными командирами и многими из генералов, осматривали выбранную полковником Толем для армии позицию. Главнокомандующий заметил ему, что на правом фланге находится высота, с которой удобно действовать на протяжении первой линии и что надлежит избежать сего недостатка. На предложение его занять высоту редутом ему указано на озерцо между высотой и конечностию линии, препятствующее давать подкрепление редуту и даже способствовать ему действием батарей, расположенных ниже его. Если устроить обширное укрепление, на оборону его обращённая часть войск будет свидетелем сражения, участия в нём не принимая. Вытесненная, может лишиться средств отступления. Полковник Толь отвечал, что лучшей позиции быть не может и что он не понимает, чего от него требуют, давая разуметь, что он знает своё дело. Главнокомандующий выслушал его с неимоверною холодностию, но князь Багратион напомнил ему, что, отвечая начальнику и сверх того в присутствии брата государя, дерзость весьма неуместна и что за

¹ Растаг, (нем.) – днёвка на походе, день роздыха. Толковый словарь В.И.Даля.

то надлежало слишком снисходительному главнокомандующему надеть на него солдатскую суму, и что он, мальчишка, должен бы чувствовать, что многие не менее его знакомы с предметом. Найден также левый фланг позиции весьма порочным, и потому войска, не занимая позиции, перешли на ночлег, не доходя Дорогобужа, а полковнику Толю приказано расположить их на другой день подле города».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«Утром Барклай полон решимости дать здесь генеральное сражение. «После отступления армии от Смоленска нынешнее положение дел таково, – пишет Барклай графу Ростопчину, – чтобы судьба наша была решена генеральным сражением. Мы в необходимости возлагать надежду на генеральное сражение. Все причины, воспретившие давать оное, ныне уничтожаются. Мы принуждены взять сию решительную меру. Отечество может избавиться от опасности общим сражением, к которому мы с князем Багратионом избрали позицию у д. Усвятыя».

<...> Однако к полудню эта решимость как бы несколько оставляет Барклай и, вероятно уже позже (но в тот же день), он доносит государю: «чтобы предупредить случайности какого-либо слишком поспешного предприятия, я буду вместе с кн. Багратионом стараться избегать генерального сражения. Однако же мы в таком положении, что сомневаюсь в этом успехе». Следовательно, уже большим успехом считает Барклай достижение возможности избежать боя.

<...> Вечером цесаревич великий князь Константин Павлович выехал в Петербург, получив письма к государю от Барклая и от Ермолова. В этом последнем письме, представляющем документ высокой ценности, Ермолов, справедливо порицая бесцельные операции Барклая к Поречью и Рудне, отдаёт краткий отчёт о военных событиях с 4 по 7 августа и повергает на усмотрение государя вредное влияние на войска непрерывного отступления, тяжесть и бесцельность маршей, вызывающих ропот в войсках и неудовольствие на главнокомандующего, и докладывает о неизбежной необходимости в ближайшем будущем принятия генерального сражения. Далее, дальновидный и проницательный Ермолов, в виду возможности в будущем занятия французами Москвы, как последствия занятия ими Смоленска, приводит своё высокозамечательное личное мнение о значении занятия первопрестольной столицы нашей: «не всё Москва в себе заключает, и с падением столицы не разрушаются все государства способы» и заканчивает словами: «дарованиям главнокомандующего здешней армии мало есть удивляющихся, ещё менее имеющих к нему доверенность, – войска же и совсем её не имеют».

Смелый голос Ермолова, в числе многих других голосов России, подготавливает почву к назначению единого, общего, популярного в России и в армии главнокомандующего».

Генерал-лейтенант Б.М.Колубакин, «Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа»

«Атаман Платов сказывал мне о показании взятого в плен унтер-офицера польских войск, что, будучи у своего полковника на ординарцах, видел он два дня сряду приезжавшего в лагерь польский под Смоленском нашего офицера в больших серебряных эполетах, который говорил о числе наших войск и весьма невыгодно о наших генералах. Разговорились мы с генералом Платовым о других, не совсем благонадёжных и совершенно бесполезных людях, осаждавших главную квартиру и между прочими о флигель-адъютанте полковнике Вольцогене, к которому замечена была особенная привязанность главнокомандующего. Атаман Платов, в весёлом расположении ума, довольно смешными в своём роде шутками говорил мне: «Вот, брат, как надобно поступать. Дай мысль поручить ему обозрение французской армии и направь его на меня, а там уже моё дело, как разлучить немцев. Я дам ему провожатых, которые так покажут ему французов, что в другой раз он их не увидит». Атаман Платов утверждал, что знает других, достойных равной почести. «Не мешало бы, – сказал он, – если бы князь Багратион прислал к нему г. Жамбара, служащего при начальнике Главного штаба графе Сен-При, в распоряжения которого он много вмешивается». Много посмеявшись с атаманом Платовым, я говорил ему, что есть такие чувствительные люди, которых может оскорбить подобная шутка, и филантропы сии, облакаясь наружностью человеколюбия, сострадания, выставляют себя защитниками прав человека».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«День 11 августа. Кутузов выезжает в армию, в 9 часов утра, садится в карету, около дома его на Дворцовой набережной, толпы народа вынуждают его ехать шагом, из толпы идут пожелания счастливого пути и победы. По пути Кутузов посещает Казанский собор, где, стоя на коленях, выслушивает молебствие, возлагает на себя поданный ему образ Казанской Божьей Матери и, выходя из церкви, обращается к священникам со словами: «Молитесь обо мне, ибо посылают меня на великое дело». <...>

На первой станции, в Ижоре, от проезжего курьера, по данному ему праву вскрывать бумаги из армии, Кутузов узнаёт о падении Смоленска и говорит: «ключ к Москве взят», а вечером встречает на пути в Петербург великого кня-

Сказание о генерале Ермолове

зя Константина Павловича, от которого узнаёт подробности. С дороги Кутузов посылает отзывы, запросы, приказы и приказания (управ. Воен. Министр. князю Горчакову, графу Ростопчину, Милорадовичу и др. лицам) в целях оповещения о своём назначении, ориентирования высших властей своими личными воззрениями на положение дел и вернейшими мероприятиями, в целях отдать себе отчёт в силах и средствах возможного усиления армии, затребовав сведения о рекрутских депо, новых формированиях регулярной армии и об ополчении, также в целях ускорения всех формирований и вообще приготовлений, наметив пункты сосредоточения этих сил и средств. «Время и обстоятельства подвигнут какую-либо сторону к решительным действиям, — пишет Кутузов Милорадовичу, — нынешний предмет состоит в преграждении неприятеля в Москву».

Генерал-лейтенант Б.М.Колубакин, «Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа»

«11-го (23-го) августа арьергард, под начальством Платова и Розена, преследуемый неприятелем, перешёл на правую сторону Ужи и расположился на позиции вместе с главными силами 1-й армии, между тем как Багратион, оставя генерал-майора Неверовского с сильным отрядом у Дорогобужа, стал со 2-ю армиею на левом крыле Первой. Неприятель, подойдя на пушечный выстрел, открыл сильную канонаду. Тогда князь Багратион изъявил опасение за свой левый фланг, подверженный обходу, утверждая, что позиция при Дорогобуже представляла более выгод нежели та, на которой тогда стояли наши армии. В то же время получены были от генералов Винценгероде и Краснова донесения о наступлении вице-короля Итальянского от Духовщины к Дорогобужу. Все эти обстоятельства заставили Барклая отвести обе армии к Дорогобужу, в ночь с 11-го (23-го) на 12 (24-е) августа».

М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам»

«Обе армии находились у Дорогобужа. Отряд 2-й армии на правом берегу Днепра против города сменён корпусом генерал-лейтенанта Багговута. Полки кавалерийские в команде генерал-майора графа Сиверса замещены драгунским полком полковника Крейца и частью казаков. Позиция занята была стеснённая и обращённая в противную сторону. Главкомандующим отмечена грубая ошибка полковника Толя: недоставало места для расположения войск, при других её недостатках. Ему сделан жесточайший выговор, исправить ошибки поручено другому. Последствий от того не было, и намерение ожидать неприятеля вскоре отменено. Полковник Толь, отличные имеющий

познания своего дела, не мог впасть в подобную ошибку иначе, как расстроен будучи строгим замечанием князя Багратиона за неприличные, излишне смелые, ответы главнокомандующему, военному министру. Чрезмерное самолюбие его поражено было присутствием многих весьма свидетелей».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«В Вязьму решено было командировать полковника Толя и ген. Трузсона с офицерами квартирмейстерской части и инженерными, в целях выбора позиции у Вязьмы и её укрепления, причём им указано наметить позицию ещё и у Гжатска, что показывает намерение Баркляя и на дальнейшее от Вязьмы отступление».

**Генерал-лейтенант Б.М.Коллобакин, «Ход войны
на главном театре действий в период с 8 по 17 августа»**

«Инженер-генерал-лейтенант Трузсон и обеих армий генерал-квартирмейстеры отправлены в Вязьму для изыскания позиции армиям и укрепления оной.

Все вообще распоряжения принимали вид важных приуготовлений. Начальнику артиллерии приказано иметь запасные парки ближе к армии.

Главнокомандующему при рапорте моём представил я в подлиннике рапорт полковника Толя, просившего увольнения от должности генерал-квартирмейстера, чувствуя будто бы себя неспособным отправлять оную. Я объяснил при том, что имею его под начальством, я свидетелем был трудов его, усердия и деятельности; в сражениях же он являл опыты предусмотрительности.

Должность его не поручена никому другому, и он продолжал отправлять её. Впрочем, непродолжительно было снисхождение главнокомандующего к просьбе моей, и он получил приказание выехать из армии, и отправился в Москву, где оставался без всякой должности».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«План дальнейших действий Баркляя и его решение дать генеральное сражение у Вязьмы усматривается из его донесения государю утром того же дня 14-го и его сношений с Багратионом и Милорадовичем. «Кажется, теперь настала минута, – доносит Баркляя государю, – где война может принять благоприятный вид; неприятель слабеет на каждом шагу, по мере того, как

подаётся вперёд, и в каждом сражении с нами. Напротив того, наши войска подкрепляются резервом Милорадовича. Теперь моё намерение поставить у этого города в позиции 20 или 25 000 и так её укрепить, чтобы этот корпус был в состоянии удержать превосходного неприятеля, чтобы с большей уверенностью можно было действовать наступательно». Далее доносит, что тому ранее препятствовало отсутствие возможности усилить армию резервами, что надо сохранять армии и не подвергать их поражению. «Доселе мы достигли цели, не теряя его из вида. Мы его удерживали на каждом шагу и, вероятно, этим заставим его разделить свои силы. Итак, вот минута, где наше наступление должно начаться». Таков был новый план действий Барклая: создав в Вязьме сильный опорный пункт со значительным, в 25 000 человек, гарнизоном, сохранить свободу действия армии.

Одновременно, необходимость дать время возвести в Вязьме укрепления, дать отдых утомлённым войскам, дать время выбраться обозам отступающих жителей и вывезти кое-какие запасы из Вязьмы, при достаточном, казалось, удалении арьергарда, вызвали Барклая на решение дать войскам в этом расположении днёвку, т.е. провести дни 14-го и 15-го здесь, отойдя к Вязьме лишь в ночь на 16-е, почему армии и расположились соответственно этим целям».

Генерал-лейтенант Б.М.Колубакин, «Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа»

«Барклай, отойдя к Вязьме, предполагал воспользоваться разделением неприятельских сил и перейти от обороны к наступлению. С этой целью предписано было Толю и начальнику инженеров Трузсону ещё 13-го (25-го) августа отправиться в Вязьму, выбрать там позицию и укрепить её так, чтобы двадцати- или двадцатипятитысячный корпус мог удерживаться на ней против превосходных сил неприятеля, между тем как обе армии должны были атаковать его. Но как у Вязьмы не оказалось удобной позиции, то русские армии отступили 16-го (28-го) августа к Фёдоровскому, а на следующий день к Царёву-Займищу.

<...> Много было толков о выгодах и недостатках позиции при Царёво-Займище, одобренной Барклаем-де-Толли и отвергнутой (как увидим впоследствии) его преемником – Кутузовым. Известный военный писатель, майор Блессон, обозревавший сию местность, считает её лучшею оборонительною позициею на всём пространстве от Смоленска до Москвы. <...> Очевидно, что суждение Блессона было основано на несколько преувеличенных понятиях его о длине плотины и о протяжении болот у Царёво-Займище. В действительности же эта плотина имеет в длину не более версты, а болота простираются вправо от позиции вёрст на пять, а влево около трёх вёрст: следовательно, хотя они с большой дороги и кажутся необозримыми, однако

же не препятствуют обходу <...>. Сам Барклай-де-Толли, исчисляя выгоды сей позиции, говорит, что «армии имели перед собою открытое место, на коем неприятель не мог скрывать своих движений, и что в 12-ти верстах позади сей позиции, у Гжатска, была другая найденная также удобною».

М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам»

«Около селения Царёво-Займище усмотрена весьма выгодная позиция, и главнокомандующий определил дать сражение. Начались работы инженеров, и армия заняла боевое расположение. Места открытые препятствовали неприятелю скрывать его движения. В руках наших возвышения, давая большое превосходство действию нашей артиллерии, затрудняли приближение неприятеля; отступление было удобно.

Много раз армия наша, приуготовляемая к сражению, перестала уже верить возможности оною, хотя желала его нетерпеливо; но приостановленное движение армии, ускоряемые работы показывали, что намерение главнокомандующего решительно, и все возвратились в надежде видеть конец отступления.

<...> Получено известие о назначении генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова главнокомандующим всеми действующими армиями и о скором прибытии его из С.-Петербурга. Почти вслед за известием приехал в Царёво-Займище князь Кутузов и принял начальство над 1-й и 2-й Западными армиями. Если единоначалие не могло совершенно прекратить несогласие между командующими армиями, по крайней мере оно было уже безвредно и продолжалось под лучшими формами. Но возродило оно ощутительным образом в каждом из подчинённых надежду на прекращение отступления, большую степень порядка и успехи.

<...> Первый приказ князя Кутузова был об отступлении по направлению на Гжатск. В нём объяснена была потребность присоединить идущие к армии подкрепления».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«Кутузов, явившись в Царёво-Займище, сейчас же назначил Баркляя командиром той части армии, какой Барклай командовал до Смоленска, а Багратиона – начальником той самой армии, какой он до сих пор командовал.

Кутузов очень хорошо сознавал, с каким гигантом ему придётся иметь дело. <...> Офицер Данилевский употребил однажды некоторые смелые выражения против Наполеона. Кутузов прервал его и строго заметил: «Молодой человек, кто дал тебе право издеваться над одним из величайших людей?»

Уничтожь неуместную брань!» <...> Среди провожавших Кутузова, когда он после своего назначения отъезжал из Петербурга к армии, был его племянник, к которому фельдмаршал благоволил. «Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?» – спросил он. «Разбить? Нет, не надеюсь разбить! А обмануть – надеюсь!»

Чем больше мы углубимся в анализ и слов и действий Кутузова, тем яснее для нас станет, что он ещё меньше, чем до него Барклай, искал генеральной битвы с Наполеоном под Москвой, как не искал он ни единой из битв, происшедших после гибели Москвы, как не искал он ни Тарутину, ни Малоярославца, ни Красного, ни Березины. Барклай бывал иной раз растерян, метался, говорил о переходе в наступление. Кутузов, репутация и авторитет которого были несравненно прочнее, вёл себя спокойнее, чем его предшественники, и свою идею «золотого моста» Наполеону, т.е. изгнания его из России без излишнего кровопролития, проводил последовательно».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«Осмотрев вместе с Барклаем позицию, Кутузов нашёл её весьма выгодною, изъявил решимость принять на ней сражение и приказал ускорить постройку укреплений, которые сооружались его предшественником. <...>

Неприятель находился в небольшом переходе от позиции, занятой русскими войсками; мы готовились остановить его. Никто в нашей армии не сомневался в наступлении рокового часа... 18-го (30-го) августа войска оставались на позиции; на следующий день, неожиданно для всех, дано было приказание – отступить.

<...> Вообще – Кутузов не любил открывать никому своих намерений до самого того времени, когда они приводились в исполнение. <...> Отступив несколько переходов, мы надеялись усилиться подкреплениями. Кутузов, донося государю о принятии им начальства над армиями, писал: «По прибытии моём в город Гжатск нашёл я войска отступающими от Вязьмы и многие полки от частых сражений весьма в числе людей истощившимися, ибо токмо вчерашний день один прошёл без военных действий. Я принял намерение пополнить недостающее число сиё приведёнными вчера генералом от инфантерии Милорадовичем и впредь прибыть имеющими войсками, пехоты 14 587, конницы 1 002, таким образом, чтобы они были распределены по полкам.

Для ещё удобнейшего укомплектования велел я из Гжатска отступить на один марш, и, смотря по обстоятельствам, и ещё на другой, дабы присоединить к армии, на вышеупомянутом основании, отправляемых из Москвы в довольном количестве ратников; к тому же местоположение при Гжатске нашёл я по обозрению моему для сражения весьма невыгодным.

Усились таки образом, как через укомплектование потерпевших войск, так и чрез приобщение к армии некоторых полков, сформированных князем Лобановым-Ростовским, и части московской милиции, в состоянии буду, для спасения Москвы, отдаться на произвол сражения, которое однакоже предпринято будет со всеми осторожностями, которых важность обстоятельств требовать может».

**М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года,
по достоверным источникам»**

«<...>Во время движения от Царёва-Займища к Можайску к нему <Кутузову> прибыла часть подкреплений под начальством Милорадовича; с этой минуты все были убеждены, что Кутузов даст сражение. И старик-полководец понимал, что надо дать прорваться накипевшему воинственному настроению масс. И он дал сражение, против своего убеждения, но под давлением неотразимых обстоятельств.

Позиция для боя была выбрана под Бородином. 22 августа Кутузов лично её объехал и одобрил.

Позиция длиной около 5 вёрст была на правом берегу р. Колочи, от Доронина и Шевардина, через село Бородино, на новой смоленской дороге до д. Малое Село. Весь правый участок позиции, от с. Бородина до д. Малое шёл по правому берегу р. Колочи, командовавшему противоположным берегом, обрывистому и трудно доступному. В центре позиции были два холма, командующие окружающею местностью; на них были возведены: центральная батарея (Раевского) и три Семёновские (Багратионовы) флешы. На левом фланге, на высоте между Шевардиным и Доронином, тоже была возведена сильная батарея. После боя 24 августа, с потерей Шевардинского укрепления, наш левый фланг был осажен на две версты, до д. Утицы на старой смоленской дороге, в местность, покрытую кустарником и лесом, крайне неудобную для обороны.

24 августа русская армия сосредоточилась на этой позиции и приступила к укреплению её; кроме вышепоименованных укреплений в центре позиции, с. Бородино было приспособлено к обороне; у д. Горки построены две батареи, для обстреливания переправы через р. Колочу, и на правом фланге позиции, фронтом к Москве-реке, почти тылом к французам, тоже были построены укрепления, – одним словом, много хлопотали об укреплении наиболее сильного участка позиции, а на левом фланге, самом слабом, кроме Шевардинского редута, не было сделано ничего. Бывшая в тылу позиции р. Москва вброд проходима, но течёт в обрывистых берегах, затруднявших спуск артиллерии и обозов. В тылу до Можайска, где сходились обе смоленские дороги, удобных позиций для задерживания противника не было».

**Генерал Н.П.Михневич, «Бородино»
(В кн. «Отечественная война и Русское общество»)**

«Рано утром князь Кутузов осматривал армию. Не всюду могли проходить большие дрожки, в которых его возили. Немногие из генералов и малая свита его сопровождали; я ехал у колеса для принятия приказаний. Генерал Беннигсен остановил его у возвышения, господствующего над окрестностию, на котором конечность крыла 2-й армии (правого) занимала только что начатое укрепление, вооружённое 12-ю батареевыми и 6-ю лёгкими орудиями. Прикрытием служила пехотная дивизия корпуса генерала Раевского. Возвышение это называл генерал Беннигсен ключом позиции, объясняя необходимость употребить возможные средства удерживать его, ибо потеря его может быть причиною гибельных последствий. Князь Кутузов ограничился тем, что, не изменяя положение 1-й армии, приказал левое её крыло довольно далеко отклонить назад, отчего конечность избегала внезапных атак скрывающегося в лесу неприятеля и возможности быть обойдённою. Но в то же время преломление линии, образуя исходящий угол, давало неприятелю выгоду продольных рикошетных выстрелов. Никаких более не сделавши распоряжений, князь Кутузов возвратился в квартиру».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«25 августа обе армии употребили на подготовку к сражению. Наполеон в сопровождении генералов целый день объезжал позицию и всматривался в расположение русских, боясь, чтобы они не ушли; приказал выставить на показ войскам присланный накануне портрет его сына – «князя Рима» и объезжал войска, с восторгом встречавшие его, в ожидании победы, скорого отдыха и мира.

В русской армии настроение было серьёзное; люди мыли и надевали чистое бельё, готовясь к смерти; вдоль фронта биваков обносили в крестном ходе икону Смоленской Божией Матери, служили молебны и прикладывались к ней все, начиная с Кутузова и до последнего солдата. Кутузов тоже объезжал войска и говорил с ними простым, но понятным, до глубины русской души доходящим, языком. Отдана была диспозиция для боя, которая оканчивалась следующими знаменательными словами:

«В сём боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время сражения на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность главнокомандующих и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля. Возлагая всё упование на помощь Всесильного и на храбрость и неустрашимость российских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил, дам собственное повеление на преследование его, для чего и ожидать буду беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м

корпусом. При сём случае не излишним считаю представить гг. главнокомандующим, что резервы должны быть оберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит ещё резерв, не побеждён. На случай наступательного движения оное производить в сомкнутых колоннах к атаке, стрельбою отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным оружием. В интервалах между пехотными колоннами иметь некоторую часть кавалерии, также в колоннах, которые бы подкрепляли пехоту. На случай неудачного дела, генералом Вестицким открыты несколько дорог, которые он гг. главнокомандующим укажет и по коим армии должны отступать. Сей последний пункт единственно для сведения гг. главнокомандующих».

Генерал Н.П.Михневич, «Бородино»

«Битва началась с нападения дивизии Дельзонна на деревню Бородино. Деревня была в расположении правого крыла русской армии, которым командовал Барклай. Французы вытеснили из деревни стоявших там егерей, и на берегу реки Колочи произошла очень жаркая схватка. Барклай велел сжечь мост через Колочу. Деревня осталась за французами, но это стоило очень больших потерь не только русским егерям, но и пехоте Дельзонна.

С пяти часов утра самый яростный бой завязался на левом крыле русской армии, где у Семёновского оврага стоял Багратион.

<...> На Багратионовы флешы император направил уже не 130 и не 150, как до сих пор, а 400 орудий, т.е. больше двух третей всей своей артиллерии.

Велено было идти на новый общий штурм флешей. Багратион решил предупредить врага контратакой.

«Вот тут-то и последовало важное событие, – говорит участник боя Фёдор Глинка. – Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и всё левое крыло наше по всей длине своей двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки». Русская атака была отброшена, и Даву отвечал контратакой. Французские гренадеры 57-го полка с ружьями наперевес, не отстреливаясь, бросились на флешы. Они не отстреливались, чтобы не терять момента, и русские пули косили их. «Браво, браво!» – с восторгом перед храбростью врага крикнул навстречу 57-му полку князь Багратион.

Град картечи ударил с французской батареи в русских защитников флешей.

В этот момент в Багратиона попал осколок ядра и раздробил берцовую кость. Он ещё силился скрыть несколько мгновений свою рану от войск, чтобы не смутить их. Но кровь лилась из раны, и он стал молча медленно валиться с лошади. Его успели подхватить, положили на землю, затем унесли. То, чего он опасался, во избежание чего пересиливал несколько секунд страшную боль, случилось».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«Брусье в 10-м часу покушался овладеть батареею <Раевского>, но будучи отражён, отступил в овраг, чтобы восстановить порядок в своих войсках. После этой неудачи неприятель, имея в виду подготовить успех новой атаки действием артиллерии, усилил канонаду против нашей батареи и уже в 11-м часу возобновил нападение войсками Морана. Бригада Бонами (30-й французский и 2-й баденский пехотные полки, в составе семи батальонов), в голове наступавшей колонны, устремились на батарею; атаке её способствовало то, что у нас не доставало зарядов и наши орудия принуждены были ослабить стрельбу в самую решительную минуту. Французы кинулись на эти орудия и взяли их, выбив прикрытие из укрепления и отбросив его за Горицкий овраг. Таким образом, неприятель овладел одним из важнейших пунктов Бородинской позиции; наша линия была прорвана и ежели бы войска вице-короля утвердились на кургане и двинулись далее в значительных силах, то мы были бы поставлены в опасное положение».

**М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года,
по достоверным источникам»**

«В пылу этого боя тяжело раненый Багратион, сдав команду Коновницину, был унесён с поля сражения; выбыл из строя его начальник штаба, гр. Сен-При, и много других начальствующих лиц; говорить об управлении здесь было почти невозможно, но на каждой точке, наверное, чувствовалось, что нашим героям приходилось бороться с вдвое многочисленным противником. Около 11 часов наши окончательно уступили флешу французам.

Когда Кутузову донесли о том, что ранен Багратион, он ахнул и покачал головой и тотчас же на его место послал герцога Александра Вюртембергского, но так как вскоре прискакал адъютант герцога просить подкреплений, то Кутузов послал на левое крыло невозмутимого героя Дохтурова, а герцога отозвал к себе».

Генерал Н.П.Михневич, «Бородино»

«Уже Моран, завидя успех головных своих войск, спешил к ним в помощь с артиллериею и несколькими пехотными колоннами. Но прежде, нежели он успел подойти к кургану, дело приняло новый, благоприятный для нас оборот.

Главным виновником тому был начальник штаба 1-й армии генерал Ермолов. Незадолго пред тем прискакал к Кутузову, на правое крыло позиции, князь Кудашев с известием об опасном положении 2-й армии. <...> «Голубчик», – сказал главнокомандующий находившемуся тогда при нём Ермолову, – «посмотри, нельзя ли там что сделать, чтобы ободрить войско». Ермолов тотчас

отправился в ту сторону и, встретив на пути полковника Никитина, пригласил его содействовать в обороне левого крыла. «Тёзка», – сказал ему Ермолов, – «возьми с собою три конные роты и не теряй меня из вида». Через несколько минут прискакали орудия (по свидетельству самого Никитина, две конные роты), и пошли вслед за Ермоловым. В это самое время встретился с ним граф Кутайсов и, узнав о данном ему поручении, изъявил желание сопровождать его. Говорят, будто бы Ермолов отклонял Кутайсова от этого намерения, но не успел уговорить его. Между тем как оба генерала ехали рядом через поле, Ермолов заметил в правой стороне необыкновенное смятение кругом батареи Раевского. <...> Ермолов мгновенно сообразил, что, исполнив буквально данное ему поручение, <...> он не мог принести такой пользы, какую могло доставить удержание неприятеля в центре позиции. Конная артиллерия получила приказание выстроиться вправо, фронтом к потерянной батарее, и открыть огонь по французам, ещё не успевшим осмотреться в укреплении и не могшим употребить против нас захваченные ими орудия, по неимению зарядов; сам же Ермолов, увлекши за собою первую попавшуюся ему устроенную часть войск, 3-й батальон Уфимского полка, майора Демидова, повёл его прямо на батарею».

**М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года,
по достоверным источникам»**

«Князь Кутузов дал повеление корпусу графа Остермана идти туда <в расположение 2-й армии> поспешнее и соединиться с корпусом Багговута, незадолго пред сим посланным; отправлены полки гвардейской пехотной дивизии. Генералу от инфантерии Дохтурову поручил начальство над войсками 2-й армии и всеми вообще находящимися на левом крыле. Мне приказал отправиться немедленно во 2-ю армию, снабдить артиллерию снарядами, в которых оказался недостаток. Удостоил меня доверенности представить ему замечания мои, если усмотрю средства полезные в местных обстоятельствах настоящего времени.

Известно мне было, что начальник главного штаба 2-й армии граф Сен-При ранен, и немногих весьма имея знакомых между заменившими прежних начальников, ожидал я встретить большие затруднения, и чтобы не появиться вполне бесполезным, предложил начальнику артиллерии 1-й армии графу Кутайсову назначить в распоряжение моё три конноартиллерийские роты с полковником Никитиным, известным отличной своей храбростию. Во весь карьер неслись роты из резерва, и Никитин уже при мне за приказанием.

<...> Когда послан я был во 2-ю армию, граф Кутайсов желал непременно быть со мною. Дружески убеждал я его возвратиться к своему месту, напомнил ему замечание князя Кутузова, с негодованием выраженное, за то, что не

бывает при нём, когда наиболее ему надобен: не принял он моего совета и остался со мною.

Приближаясь ко 2-й армии, увидел я правое крыло её на возвышении, которое входило в корпус генерала Раевского. Оно было покрыто дымом и охранявшие его войска рассеянные. Многим из нас известно было и слишком очевидно, что важный пункт этот, по мнению генерала Беннигсена, невозможно оставить во власти неприятеля, не подвергаясь самым гибельным последствиям. Я немедленно туда обратился. Гибельна была потеря времени, и я приказал из ближайшего VI-го корпуса Уфимского пехотного полка 3-му батальону майора Демидова идти за мною развёрнутым фронтом, думая остановить отступающих. Подойдя к небольшой углубленной долине, отделяющей занятое неприятелем возвышение, нашёл я егерские полки 11-й, 19-й и 40-й, служившие резервом. Несмотря на крутизну восхода, приказал я егерским полкам и 3-му батальону Уфимского полка атаковать штыками, любимым оружием русского солдата».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«Для большего воодушевления войск Ермолов стал бросать по направлению к редуту георгиевские кресты, случайно находившиеся у него в кармане; вся свита Барклая мужественно пристроясь к ним, и в четверть часа редут был взят. Наши сбрасывали с вала вместе с неприятелем и пушки; пощады не было никому; взят был в плен один генерал Бонами, получивший двенадцать ран».

Д.В.Давыдов, «Военные записки» (примечания)

<...> Бой яростный и ужасный не продолжался более получаса: сопротивление встречено отчаянное, возвышение отнято, орудия возвращены, и не было слышно ни одного ружейного выстрела.

Израненный штыками, можно сказать снятый со штыков неустрашимый бригадный генерал Бонами получил пощадку; пленных не было ни одного, из всей бригады спаслись бегством немногие. Признательность генерала за оказанное ему уважение была совершенна. Урон со стороны нашей весьма велик и далеко несоразмерный численности атаковавших батальонов. Три конноартиллерийские роты прибывшего со мною полковника Никитина много содействовали успеху. Расположенные по левую сторону от возвышения, долго обращали они на себя огонь неприятельских батарей сильнеешего калибра.

Граф Кутайсов расстался со мною при самом начале атаки возвышения, и я уже не видал его более. Не встретился со мною и генерал Паскевич, кото-

рого разбросанная дивизия по сторонам возвышения толпами нестройными погналась за спасающимися, и, как слышно было, их видели вместе среди толпы. По занятии возвышения я приказал бить сбор, и ко мне явился раненый полковник Савоини с малым числом офицеров и нижних чинов. Опасаясь, что опрокинутые толпы наши приведут за собою сильного неприятеля, и он лишит нас приобретённых успехов, послал я адъютантов моих и других офицеров, дабы поспешнее возвратить их и тем обнаружить лежащую впереди местность. После жестокой схватки батальоны мои были малочисленны, при орудиях в укреплениях ни одного заряда, нападение угрожало очевидно. Всюду, где есть опасность, находился главнокомандующий военный министр. Внимательно наблюдая за действиями, он видел положение моё, и, не ожидая требования помощи, прислал немедленно батареиную роту и два полка пехоты, так что под руками у меня было всё готово и всё в излишестве. Сосредоточив достаточные силы, он предотвратил попытки Италианской армии».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«К войскам, занявшим курган, под непосредственным начальством Ермолова, присоединились все ближайшие части, и в числе их батальон Томского полка, приведённый майором Левенштерном, который, будучи послан Барклаем-де-Толли для разведания о ходе боя, принял лично участие в деле. Неприятель, сброшенный с кургана, был атакован с флангов войсками 26-й и 12-й дивизий, под начальством генералов Паскевича и Васильчикова, и преследован на значительное расстояние; но Ермолов, не желая подвергать расстроенных своих войск случайностям встречи с находившимися в полном устройстве полками Морана, поддержанными огнём сильных батарей, выставленных по другую сторону Семёновки, прекратил преследование. Не имея возможности остановить своих солдат, увлечённых успехом, Ермолов приказал драгунам Крейца, стоявшим влево от батареи, заскакать вперёд нашей пехоты и гнать её обратно».

**М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года, по
достоверным источникам»**

<...> В третьем часу пополудни, находясь на занятом мною возвышении, обеспеченный с избытком всеми средствами к обороне, я получил известие о смерти графа Кутайсова. Верховая лошадь его прибежала в лагерь, седло и чепрак на ней были обрызганы кровью и мозгом. Недолго после я полу-

чил рану и принуждён удалиться. Но прежде из ближайшего VI-го корпуса вызвал я командующего дивизиею генерал-майора Лихачёва, и он заступил моё место».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной ар-
мии...»**

«Барклай написал Кутузову следующий рапорт о Бородинском сражении: «Вскоре после овладения неприятелем всеми укреплениями левого фланга сделал он, под прикрытием сильнейшей канонады и перекрёстного огня многочисленной его артиллерии, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизиею. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизию; но начальник главного штаба генерал-майор Ермолов с свойственною ему решительностью, взяв один только третий баталион Уфимского полка, остановил бегущих и толпою, в образе колонны, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко; батареи его делали страшное опустошение, но ничто не устояло... третий баталион Уфимского полка и Восемнадцатый егерский полк бросились прямо на батарею, Девятнадцатый и Сороковой егерские полки по левую сторону оной, и в четверть часа наказана дерзость неприятеля; батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты телами неприятельскими. Бригадный генерал Бонами был один из снискавших пощадку, а неприятель преследован был гораздо далее батареи. Генерал-майор Ермолов удержал оную с малыми силами до прибытия 24-й дивизии, которой я велел сменить расстроенную атакой 26-ю дивизию». Барклай написал собственноручное представление, в котором просил князя Кутузова удостоить Ермолова орденом св. Георгия 2-го класса; но так как этот орден был пожалован самому Барклаю, то Ермолов был лишь награждён знаками св. Анны 1-го класса».

Д.В.Давыдов, «Военные записки» (примечания)

«Стремясь ускорить разгром и бегство русских, Наполеон приказал кавалерии (кирасирам и уланам) ударить на русскую пехоту, на корпус графа Остермана. Тяжко контуженный, Остерман выбыл из строя одним из первых, но

«Я ужаснулся, увидевши число тел на местах, где стояли наши линии, но я более нашёл их там, где были войска неприятеля, и особенно, где стеснялись его колонны, готовясь к нападению».

А.П.Ермолов

его пехотинцы встретили атаку французской кавалерии таким огнём, что атакующие дрогнули. В этот момент на помощь пехотинцам подоспели свежие гвардейские полки (кавалергарды и конный полк), и французы были отброшены. Но затем последовал новый общий штурм батареи Раевского, французская кавалерия (саксонцы) ворвалась на батарею с тыла, а пехота вице-короля Евгения бросилась на батарею густыми массами прямо в лоб. Последовало страшное побоище, русские штыками сбрасывали в ров взбившуюся пехоту. В плен на этот раз не брали ни с той, ни с другой стороны. Забравшись на батарею, французы перекололи всех, кого нашли там ещё в живых. Это был последний большой акт Бородинской битвы. Артиллерия продолжала греметь. Отдельные частичные конные атаки отбивались русскими. Так, польская кавалерия Понятовского была отброшена с тяжкими потерями. Речи не было не только о бегстве русской армии, но даже об её отступлении, несмотря на страшно поредевшие ряды».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«Перестрелка продолжалась по всему полю сражения до наступления темноты; но чувствовалось всеобщее утомление; кое-где ещё были частные попытки кавалерийских и пехотных частей броситься в атаку, но без решительного успеха. Выстрелы час от часу редели, и битва замирала.

<...> В третьем часу атаки французов прекратились. Кутузов был доволен успехом дня сверх ожидания. Вдруг приезжает полковник Вольцоген с докладом от Баркляя-де-Толли, что войска страшно расстроены, и сражение проиграно. Кутузов не верил тому, что слышит, страшно рассердился и приказал передать Баркляю, что его сведения несправедливы и что настоящий ход сражения известен ему, главнокомандующему, лучше, чем Баркляю.

«Отбиты везде, – горячо говорил взволнованный полководец, – за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Неприятель побеждён, и завтра погоним его из священной земли русской!»

Но когда вскоре приехал Раевский с докладом, что войска твёрдо стоят на своих местах и французы не смеют их более атаковать, Кутузов приказал Кайсарову писать приказ о бое на следующий день и послал адъютанта по линии объявить, что на завтра мы атакуем.

И эта весть, объявленная от главнокомандующего, которую каждому хотелось услышать, поднимала дух, нарождала новые силы; измученные, колеблющиеся люди утешались и ободрялись».

Генерал Н.П.Михневич, «Бородино»

«После сражения при Бородине осталось одно наименование 2-й армии: войска присоединены к 1-й армии, главные штабы составляли один; я остался в прежнем звании. <...>

Князь Кутузов показывал намерение, не доходя до Москвы, собственно для спасения её дать ещё сражение. Частные начальники были о том предуведомлены.

Генералу барону Беннигсену поручено избрать позицию; чины квартирмейстерской части его сопровождали. Кто мог иметь сведения о средствах неприятеля, о нашей потере, конечно, не находил того возможным; многие однако же ожидали, и сам я верил несколько. Нескромны были обещания князя Кутузова: «Скорее пасть при стенах Москвы, нежели предать её в руки врагов». Не обманулся ими начальствующий в Москве генерал от инфантерии граф Ростопчин, который хотя делал известною переписку свою с князем Кутузовым, показывал вид спокойствия и безопасности, но всех менее тому верил. Москву старался приуготовить к такому состоянию, чтобы неприятель не мог извлечь из неё ничего для себя полезного.

Я позволил себе некоторые предположения, о которых не сообщил никому, в той уверенности, что по недостатку опытности в предмете, требующем обширных соображений, могли они подвергаться большим погрешностям. Я думал, что армия наша от Можайска могла взять направление на Калугу и оставить Москву. Неприятель не смел бы занять её слабым отрядом, не решился бы отделить больших сил в присутствии нашей армии, за которой должен был следовать непременно. Конечно, не обратился бы к Москве со всею армиею, оставя тыл её и сообщение подверженными опасности.

Если бы неприятель, наблюдая движение наше на Москву, со всеми силами пошёл по направлению на Калугу, нам предстояли другого рода неудобства. Из Калуги он доставал бы продовольствие, в большом количестве заготовленное. С армиею адмирала Чичагова и войсками под начальством генерала от кавалерии Торماسова сношения наши подвергались бы медленности. Богатейшие провинции, снабжающие армию потребностями, были бы отрезаны. Неприятель сохранил бы в полной безопасности прежние свои сообщения, отклонив их из Смоленска чрез Ельню по направлению к Калуге, местами, не опустошёнными войною. Москва могла бы быть спасена таким образом, но армия наша поставлена в необходимость дать сражение, прежде нежели усилена была свежими подкреплениями и во множестве излечившимися ранеными».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«Утром 8 сентября фельдмаршал велел армии отходить от Бородина по прямой линии Московской дороги. <...>

Кутузов отступал от Бородина на Можайск, Землино, Лужинское, Нару, Вязёмы, Мамоново.

<...> Кутузову всё-таки, по-видимому, казалось нужным что-то такое сделать, чтобы хоть на миг могло показаться, что за Москву ведётся вооруженная борьба. Вдруг ни с того ни с сего, когда Милорадович отступал с арьергардом под жестоким давлением главных французских сил, 13 сентября приходит бумага от Ермолова. В этой бумаге, по повелению Кутузова, во-первых, сообщается, что Москва будет сдана, а, во-вторых, «Милорадовичу представляется почтить древнюю столицу видом сражения под стенами её». «Это выражение взорвало Милорадовича, – говорит его приближённый и очевидец А.А.Щербинин. – Он признал его макиавеллистическим и отнёс к изобретению собственно Ермолова».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«1 сентября армия выступила из Мамонова к Москве. Князь Кутузов, пожалованный за Бородинское сражение в фельдмаршалы, объехал позицию, выбранную Беннигсеном, и остановился на Поклонной горе. Его окружили все старшие генералы армии. Здесь, среди ясного сентябрьского утра, любясь на златоглавую первопрестольную столицу, расстилавшуюся у их ног, защитники России совещались о предстоящем бое. Мысль об оставлении Москвы без боя была, может быть, только в одной голове старого фельдмаршала, но вскоре все пришли к сознанию о невозможности дать бой на избранной позиции. Во-первых, она была изрезана многими рывтинами и речкой Карповкой, затруднявшими сообщение по ней войск; в тылу была р. Москва и обширный город, отступление через который в случае нужды было бы для армии крайне затруднительно. Предлагали усилить позицию укреплениями с сильной артиллерией; укрепления уже начали строить; стали подходить войска и приближался вечер, но решения принять не могли. Из всех разговоров, к которым внимательно прислушивался Кутузов, можно было видеть одно: защищать Москву не было никакой физической возможности. Он позвал к себе старших генералов.

– Хороша ли, плоха ли моя голова, а положиться больше не на кого, – сказал он, вставая с лавки, и поехал в Фили, где стояли его экипажи».

**Генерал Н.П.Михневич, «Фили»
(В кн. «Отечественная война и Русское общество»)**

«Место, на котором предположено было устроить армию, простиралось от урочища Филя, впереди селения того же имени, чрез речку Карповку и на Воробьёвы горы. Позиция была осмотрена полковником Толем и им найдена довольно хорошею. Трудно предположить, чтобы князь Кутузов не видел её слишком ощутительных недостатков; но, желая уверить в решительном намерении своём дать сражение, он показывал вид согласия с мнением полковника Толя, и, рассуждая, количество войск, несоразмерное обширности местоположения, вознаградить избытком артиллерии.

1-го сентября рано поутру вместе с прибывшими войсками к селению Филя приехал князь Кутузов и тотчас приказал строить на возвышении, называемом Поклонная гора, обширный редут и у самой большой дороги батареи, назначая их быть конечностию правого фланга; лежащий недалеко по правую сторону лес наполнить егерями, прочие войска расположить по их местам. В присутствии окружающих его генералов спросил он меня, какова мне кажется позиция? Почтительно отвечал я, что по одному взгляду невозможно судить положительно о месте, назначаемом для шестидесяти или более тысяч человек, но что весьма заметные в нём недостатки допускают мысль о невозможности на нём удержаться. Князь Кутузов взял меня за руку, ощупал пульс и сказал: «Здоров ли ты?» Подобный вопрос оправдывает сделанное с некоторой живостию возражение. Я сказал, что драться на нём он не будет, или будет разбит непременно. Ни один из генералов не сказал своего мнения, хотя немногие могли догадываться, что князь Кутузов никакой нужды в том не имеет, желая только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя.

Князь Кутузов, снисходительно выслушав замечание моё, с изъявлением ласки приказал мне осмотреть позицию и ему донести. Со мною отправились полковники Толь и генерального штаба Кроссар.

По тщательном обозрении я доложил князю вкратце следующие замечания: местоположение от правого фланга к центру имеет довольно хорошую наклонность, частию для нас выгодную, частию под сильным огнём. Его разрезывает речка Карповка, крутоберегая к стороне Воробьёвых гор; въезды на них неудобны, требуют время для исправления. Устроенные на речке мосты подвергаются неприятельским батареям; удалённые от них умедлят сообщения между войск. Левый фланг армии, занимая вершину Воробьёвых гор, должен иметь весьма сильные укрепления, защищаемые главною частию войск, ибо на противоположной равнине может неприятель расположить тридцать и более тысяч человек, готовых к атаке. В тылу у нас Москва-река, единственное отступление фланговым движением к речке Карповке. Князь Кутузов, выслушав, приказал сделать вторичное обозрение, и по возвращении я доложил ему, что, расположив армию на Воробьёвых горах, перехватя Калужскую дорогу впереди заставы, можно удерживать Серпуховскую дорогу и отступить

на неё, проходя малую часть Замоскворечья. В заключение я сказал, что позиция чрезвычайно невыгодна, отступление очень опасно и трудно арриергарду удержаться столько времени, чтобы армия успела отдалиться. Отступление войск, защищающих Можайскую дорогу, не иначе как через город, надобно согласовать с общим движением армии. Князь Кутузов, выслушавши моё объяснение, ничего не сказал, а войска продолжали устраиваться по прежнему его приказанию. IV-й корпус генерала Дохтурова направлен на Воробьёвы горы, работа окопов продолжалась».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«Вошли в деревню Фили. В четвёртом часу дня 13 сентября 1812 г. в избе крестьянина деревни Фили Севастьянова Кутузов приказал командующим крупными частями генералам собраться на совещание. Прибыли Беннигсен, Барклай-де-Толли, Платов, Дохтуров, Уваров, Раевский, Остерман, Коновницын, Ермолов, Толь и Ланской. Милорадовича не было: он неотлучно был при арьергарде, наблюдавшем заседающими французами. Кутузов предложил на обсуждение вопрос: принять ли новое сражение, или отступить за Москву, оставя город Наполеону? Тут же он высказал и свою скрываемую до сих пор мысль: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия». Беннигсен высказался за битву, Барклай – за отступление. Дохтуров, Уваров, Коновницын поддержали Беннигсена. Ермолов тоже поддержал его с ничего не значащими чисто словесными оговорками. Протокола не велось, и не ясно, как в точности высказывались Платов, Раевский, Остерман и Ланской. Совет продолжался всего час с небольшим. Фельдмаршал, по-видимому, довольно неожиданно для присутствующих вдруг оборвал заседание, поднявшись с места, и заявил, что приказывает отступить».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«В два часа в просторной, лучшей избе Андрея Савостьянова собрался военный совет. Кутузов сел в тёмный угол и, видимо, сильно волновался. Все генералы собрались своевременно; опоздал Беннигсен на два часа, по случаю рекогносцировки позиции. Его ожидали. Кутузов предложил на обсуждение вопрос: «Спасенье России в армии. Выгодно ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву без сражения? Вот на какой вопрос я желаю знать ваше мнение».

Начались прения. Барклай-де-Толли, верный своему первоначальному плану действий, доказывал необходимость оставить Москву и сохранить армию, отступая к Владимиру и Нижнему Новгороду. Беннигсен, обращая внимание присутствующих на последствия, могущие произойти от оставления Москвы без боя: на потери для казны и частных лиц, впечатление, какое произведёт событие на народный дух и иностранные дворы, на затруднения и опасности прохождения войск через Москву, предложил: ночью перевести войска с правого фланга на левый и ударить на другой день в правое крыло французов; в случае же неудачи, отступить на старую или новую калужскую дорогу, откуда угрожать сообщениям Наполеона.

С Беннигсеном согласились: Дохтуров, Уваров, Коновницын и Ермолов; с Барклай-де-Толли – граф Остерман, Раевский и Толь: последний подал особое мнение: расположить армию правым крылом к д. Воробьёвой, а левым – к новой калужской дороге.

– Я, господа, – сказал Кутузов, – не могу одобрить плана графа. Передвижения войск в близком расстоянии от неприятеля всегда бывают опасны, и военная история подтверждает это соображение. Так, например... Да вот хоть бы Фридландское сражение, которое, как я думаю, граф хорошо помнит, было... не вполне удачно только оттого, что войска наши перестраивались в слишком близком расстоянии от неприятеля...

Последовало минутное молчание и снова прения возобновились; но ясно было, что договориться до одинакового решения никак не могут. Кутузов тяжело вздохнул, как бы собираясь говорить. Все оглянулись на него.

– Итак, господа, стало быть, мне платить за перебитые горшки, – сказал он. И, медленно приподнявшись, он подошёл к столу, за которым заседал военный совет. – Господа, я слышал ваши мнения. Некоторые будут несогласны со мной. Но я (он остановился) властью, вручённой мне государем и отечеством, я – приказываю отступить».

Генерал Н.П.Михневич, «Фили»

«В селении Фили, в своей квартире, принял князь Кутузов собравшихся генералов. Совет составили: главнокомандующий военный министр Барклай-де-Толли, генерал барон Беннигсен, генерал Дохтуров, генерал-адъютант Уваров, генерал-лейтенанты граф Остерман-Толстой, Коновницын и Раевский; последний, приехавший из арриергарда, бывшего уже не в далёком расстоянии от Москвы, почему генерал Милорадович не мог отлучиться от него. Военный министр начал объяснение настоящего положения дел следующим образом: «Позиция весьма невыгодна, дожидаться в ней неприятеля весьма опасно; превозмочь его, располагающего превосходными силами, более нежели сомнительно. Если бы после сражения могли мы

удержать место, но такой же потерпели урон, как при Бородине, то не будем в состоянии защищать столько обширного города. Потеря Москвы будет чувствительною для государя, но не будет внезапным для него происшествием, к окончанию войны его не наклонит и решительная воля его продолжать её с твердостью. Сохранив Москву, Россия не сохраняется от войны жестокой, разорительной; но сберегши армию, ещё не уничтожаются надежды отечества, и война, единое средство к спасению, может продолжаться с удобством. Успеют присоединиться в разных местах за Москвою приуготовляемые войска; туда же [за]благовременно перемещены все рекрутские депо. В Казани учреждён вновь литейный завод; основан новый ружейный завод Киевский; в Туле оканчиваются ружья из остатков прежнего металла. Киевский арсенал вывезен; порох, изготовленный в заводах, переделан в артиллерийские снаряды и патроны и отправлен внутрь России». Военный министр предпочитал взять направление на город Владимир в намерении сохранить сообщение с Петербургом, где находилась царская фамилия. Князь Кутузов приказал мне, начиная с младшего в чине, по прежнему порядку, объявить моё мнение. Совершенно убеждённый в основательности предложения военного министра, я осмелился заметить одно направление на Владимир, не согласующееся с обстоятельствами. Царская фамилия, оставя Петербург, могла назначить пребывание своё во многих местах, совершенно от опасности удобных, не порабощая армию невыгодному ей направлению, которое нарушало связь нашу с полуденными областями, изобилующими разными для армии потребностями, и чрезвычайно затрудняло сообщение с армиями генерала Торماسова и адмирала Чичагова. Не решился я, как офицер, не довольно ещё известный, страшась обвинения соотечественников, дать согласие на оставление Москвы и, не защищая мнения моего, вполне не основательного, предложил атаковать неприятеля. Девятьсот вёрст непрерывного отступления не располагают его к ожиданию подобного со стороны нашей предприятия; что внезапность сия, при переходе войск его в оборонительное состояние, без сомнения произведёт между ними большое замешательство, которым его светлости как искусному полководцу предлежит воспользоваться, и что это может произвести большой оборот в наших делах. С неудовольствием князь Кутузов сказал мне, что такое мнение я даю потому, что не на мне лежит ответственность. Слишком поспешно изъявил он своё негодование, ибо не мог сомневаться, что многих мнения будут гораздо благоразумнейшие, на которые мог опираться. Генерал-лейтенант Уваров дал одним словом согласие на отступление. Генерал-лейтенант Коновницын был мнения атаковать. Оно принадлежало ему как офицеру предприимчивому и неустрашимому, но не была испытана способность его обнимать обширные и многосложные соображения. Генерал Дохтуров говорил, что хорошо бы идти навстречу неприятелю, но после потери в Бородинском сражении многих из частных начальников,

на места которых поступившие другие, мало известные, будучи по необходимости исполнителями распоряжений, не представляют достаточного ручательства в успехе их, и потому предлагает отступить. Генерал барон Беннигсен, известный знанием военного искусства, более всех современников испытанный в войне против Наполеона, дал мнение атаковать, подтверждающее изложенное мною. Уверенный, что он основал его на вернейших расчётах правдоподобия в успехе, или по крайней мере на возможности не быть подавленными в сопротивлении, много я был ободрён им, но конечно были удивлённые предложением. Генерал-лейтенант граф Остерман был согласен отступить, но, опровергая предложение действовать наступательно, спросил барона Беннигсена, может ли он удостоверить в успехе? С непоколебимую холодностию его, едва обратясь к нему, Беннигсен отвечал: «Если бы не подвергался сомнению предлагаемый суждению предмет, не было бы нужды сзывать совет, а ещё менее надобно было бы его мнение». Приехавшему после всех генерал-лейтенанту Раевскому приказано мне было пересказать рассуждение военного министра и мнение каждого из членов совета. Он изъявил согласие на отступление. Всем одинакового мнения служило руководством предложение военного министра, без всякого со стороны их объяснения причин, и конечно не могло быть места более основательному рассуждению. Разделяя его вполне, князь Кутузов приказал сделать диспозицию к отступлению. С приличным достоинством и важностию, выслушивая мнения генералов, не мог он скрыть удовольствия, что оставление Москвы было требованием, не дающим места его воле, хотя по наружности желал он казаться готовым принять сражение».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«В остальные часы этого дня, после совещания, Кутузов ни с кем не говорил. Вернувшись вечером к себе в избу на ночлег, Кутузов не спал. Несколько раз за эту ночь слышали, что он плачет. Не только в тот момент у него не было никакой настоящей поддержки в ближайшем окружении (солидарность с ним Барклай была отрицательным, а не положительным условием в этом отношении), но уже по поведению Ермолова, который за несколько часов до совета был за отступление, а потом переметнулся на сторону Беннигсена, фельдмаршал понимал, конечно, что попал в то положение зачумлённого, в котором был Барклай до Царёва-Займища. Зная людей, Кутузов едва ли и рассчитывал на то, что кто-нибудь его поддержит перед тем главным и самым сильным из его врагов, который находился в петербургском Зимнем дворце. Но никто даже из не любивших его не приписывал его потрясённого состояния в этот момент мотивам личной боязни или личного стыда; всё его

дальнейшее поведение показало, что он делал дальше то, что считал нужным, действовал гораздо самостоятельнее, чем когда-либо в жизни, и меньше всего боялся раздражать царя. Окружающие объясняли его ночные слёзы болью за Москву и страхом за Россию, потому что на одно его высказывание, что потеря Москвы не есть ещё потеря России, его свита вспоминала несколько его прежних утверждений, что гибель Москвы равносильна гибели России. «По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России» – все знали эти слова Кутузова, написанные им 30 августа в письме к Ростопчину ещё из Гжатска. Было о чём подумать в эту бессонную ночь».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона на Россию»

«В десять часов вечера армия должна была выходить двумя колоннами. Одна под команду генерал-адъютанта Уварова чрез заставу и Дорогомиловский мост. При ней находился князь Кутузов. Другая колонна под начальством генерала Дохтурова проходила чрез Замоскворечье на Каменный мост. Обе колонны направлены чрез Рязанскую заставу. Переправы, тесные улицы, большие за армиею обозы, приближенные в ожидании сражения, резервная артиллерия и парки, и в то же время толпами спасающиеся жители Москвы до того затрудняли движение войск, что армия до самого полудня не могла выйти из города.

Князь Кутузов послал меня к генералу Милорадовичу, чтобы он сколько возможно удерживал неприятеля или бы условился с ним, дабы иметь время вывезти из города тяжести. У Дорогомиловского моста с частию войск арриергарда нашёл я генерал-лейтенанта Раевского, которому сообщил я данное мне приказание для передачи его генералу Милорадовичу.

Арриергард наш был преследуем; генерал Милорадович скорее отступал, потому что неприятель, усиливаясь против отряда генерал-адъютанта барона Винценгероде, показывая намерение ворваться в город, мог прийти в тыл арриергарду. Он послал сказать неприятельскому генералу Себастиани, что если думает он преследовать в самых улицах города, то его ожидает жесточайшее сопротивление, и, защищаясь в каждом доме, прикажет он наконец зажечь город. В условленное время вступил неприятель без боя, и обозы армии, равно как и самих жителей, выходили беспрепятственно; все заставы заняты.

Я наблюдал, какое действие произведёт над войсками оставление Москвы, и заметил с радостию, что солдат не терял духа, не допускал ропота. <...>

Недалеко за городом нашёл я князя Кутузова и доложил ему о переданном мною повелении его генералу Милорадовичу. Вскоре затем слышны были в Москве два взрыва и обнаружился большой пожар. Я вспомнил слова графа

Сказание о генерале Ермолове

Ростопчина, сказанные мне накануне, и Москва стыд поругания скрыла в развалинах своих и пепле! Собственными нашими руками разнесён пожирающий её пламень. Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться в том, что возвышает честь народа».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

Глава девятая

Перелом в войне (3 сентября – 28 ноября 1812 года)

« <...> Именно после Бородина стратегический талант Кутузова развернулся во всём блеске. Ни с кем не советуясь (он не доверял нисколько ни Беннигсену, ни Барклаю), Кутузов приказал армии отступить от Москвы на Рязанскую дорогу. Выйдя на Рязанскую дорогу, Кутузов вдруг круто повернул к югу, вышел на старую Калужскую дорогу и пошёл к Красной Пахре, а одновременно велел князю Васильчикову отправить казачью кавалерию (два полка) по прежнему, рязанскому, направлению, стремясь сбить с толку преследовавшего русскую армию от Москвы Мюрата. Несколько дней подряд (драгоценнейших дней для Кутузова) эти казаки прекрасно выполняли свою задачу, и только 22 сентября французы убедились, что идут по ложному следу, и повернули обратно. Уже 19-го вся кутузовская армия была в Подольске, а на другой день, отдохнув, продолжала свой путь круто к югу, к Красной Пахре, на старой Калужской дороге. Тут и закончился искусный, глубоко продуманный фланговый марш Кутузова с этим крутым поворотом почти на глазах обманутого противника с Рязанской на Калужскую дорогу, «бессмертный фланговый марш... решивший участь кампании», как называет его один из участников дела».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона в Россию»

«По окончании совета он <Кутузов>, нисколько не колеблясь и не предлагая вопроса на обсуждение собравшимся военачальникам, приказал отступление по Рязанской дороге. Почему это приказание <...> вызвало недоумение в главной квартире, объясняется теми взаимоотношениями, которые к

тому времени в ней установились. Беннигсен, начальник штаба Кутузова, всё время советовал и даже действовал вопреки воле своего непосредственного начальника и по возможности интриговал против него. Кутузов за это платил Беннигсену полным недоверием. <...> Не в лучшем положении в отношении осведомлённости находился и другой старший начальник Барклай-де-Толли. Близкое к нему лицо, его друг Вольцоген, пишет, что в то время «никто не знал ничего». Немудрено поэтому, что распоряжения главнокомандующего толковались вкривь и вкось, и что Ростопчин, прикомандировавшийся к главной квартире после сдачи Москвы, слыша всевозможные толки, даже совершенно добросовестно пришёл к тому убеждению, что Кутузов действует, сам не понимая, что творит».

**А.А.Кожевникова, «Русская армия
в период от сдачи Москвы до Тарутина»
(В кн. «Отечественная война и Русское общество»)**

«Наконец, в 7 часов приехал <к Боровскому перевозу> штабс-капитан Гартинг, объявив причиною запоздания то, что они выбирали позиции, были почти в Броннице и указали места для резервной артиллерии, обоза и милиции. <...>

В 4 часа обер-квартирмейстеры были потребованы. Когда мы собрались, то по обыкновению каждый начал писать с диктовки диспозицию: диктовал полковник Хоментовский, но едва он продиктовал: «в 11 часов вечера сего дня армия выступает левым флангом...», – вошёл полковник Толь, спросил диспозицию, посмотрел, сколько продиктовано, взял из рук капитана Брозина перо и, сделав какую-то поправку, отдал диспозицию полковнику Хоментовскому, который и продолжал: «на Бронницу, отправив за три часа квартиргеров для принятия позиции, которым и собраться при резервной артиллерии. Тяжести,» – с этим словом вошёл генерал Коновницын, приказал остановить дальнейшую диктовку. За ним вошёл Толь и взял из рук Хоментовского диспозицию, приказал ему отобрать от нас те, которые мы уже начали писать, а нам, не разъезжаясь, велел ожидать. <...> Через час нас вновь позвали, и Хоментовский начал: «В час ночи пополуночи 5 сентября 6-й и 5-й корпуса выступают левым флангом вверх по правому берегу Пахры через Жеребятново в Домодово. Колонна эта состоит под начальством генерала от инфантерии Дохтурова», далее говорилось о других корпусах, долженствовавших следовать по тому же направлению. <...> В продолжении диктовки этой длинной диспозиции Толь несколько раз, а Коновницын один раз входили в сарай, где мы писали, и непрерывно что-то исправляли в диспозиции. Коновницын казался спокойным, но Толь бесновался и дерзко относился к Хоментовскому, сказав даже: «да Вы и читаете-то плохо». По окончании диспозиции, когда

Толь скрепил каждому из нас, мы отправились к своим местам. <...> Когда я принёс к корпусному командиру диспозицию, он и никто из бывших не ожидал перемены пути. Бологовской тотчас подал карту, и мы увидели, что это направление на Подольск».

**И.П.Липранди, «Выписка из дневника 1812 года,
сентября 3-го и 4-го дня»
(Публикация А.Тартаковского)**

«На пути от Панков к Боровскому мосту князь Кутузов послал из деревни Жилиной, <...> 4-го (16-го) сентября, полковника Мишо с донесением к Государю об оставлении Москвы, а по достижении Боровского моста решено было совершить фланговое движение с рязанской на калужскую дорогу. Иностранные писатели, стараясь лишить Кутузова заслуженной им славы, селятся доказать, что первоначальная мысль об этом фланговом движении не принадлежит нашему полководцу и что самое движение сие было ошибочно. Легко может стать, что это фланговое движение было предложено Кутузову Толем, или кем-либо другим из его сподвижников. Генерал Ермолов, которому лучше других было известно всё, что делалось в армии, предписывает честь этого движения Беннигсену; во всяком случае, для славы Кутузова достаточно и того, что он, умев оценить достоинство сего соображения, искусно приуготовил средства к его исполнению и заблаговременно направил продовольственные запасы к таким пунктам, откуда они могли прибыть вовремя к армии на калужскую дорогу. Напрасно говорят, что Кутузов <...> не донёс Государю о предпринятом на следующий день фланговом движении, и даже оставил в неведении о своих намерениях всех его окружавших, будто бы потому, что сам тогда ещё не составил определённого плана. Всё это объясняется обычным образом действий нашего главнокомандующего, который никогда не открывал никому своих намерений прежде их исполнения. Известно каждому, как трудно сохранить что-либо в тайне среди множества лиц, составляющих неизбежную принадлежность главной квартиры армии. Быть может, Кутузов, не делая никого участником своих предположений, повредил своей славе; зато – много выиграла общая польза».

**М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года,
по достоверным источникам»**

«Для того чтобы хорошо понять <...> очень многое во всех событиях конца войны 1812 г., необходимо вдуматься в то разногласие, которое делило кутузовский штаб и лиц кутузовского окружения на два безнадежно непримиримых лагеря. Быть может, в данном случае это выражение неточно.

Сказание о генерале Ермолове

Один человек не может составлять «лагерь». Кутузов был одинок, генералы-исполнители Дохтуров, Коновницын, Маевский в счёт не идут, а против него были Беннигсен и Вильсон открыто, Ермолов, Платов и Толь тайно. И за спиной этого вражеского стана Кутузов всегда угадывал невидимое присутствие самого царя.

Сдача Москвы очень искусно была использована врагами Кутузова. Беннигсен дал несколькими путями знать в Петербург, что у русской армии были ещё шансы отстоять столицу, но светлейший князь по слабости и робости не захотел.

Барклай, тактику которого продолжал Кутузов, был обижен и раздражён именно тем, что Кутузов занял его место, и не думал поэтому поддерживать фельдмаршала. Талантливый, умный, но глубоко неискренний Ермолов переметнулся на сторону врагов Кутузова, но сделал это умно и осторожно».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона в Россию»

«С прибытием к армиям князя Кутузова известны мне были неприятности, делаемые им Барклаю-де-Толли, который негодовал на беспорядок в делах, принявших необыкновенный ход. Сначала приказания князя отдавались начальникам главного штаба, мне и генерал-адъютанту графу Сен-При, чрез полковника Кайсарова, исправляющего при нём должность дежурного, чрез многих других, и даже чрез капитана Скобелева, нередко одни другим противоречащие, из которых происходили недоразумения, запутанности и неприятные объяснения. Случалось иногда, что приказания доставлялись непосредственно к корпусным и частным начальникам, которые, приступая к исполнению, извещали для доклада главнокомандующим, когда войска выступали из лагеря или возвращались. Приказания объявляемы были также генерал-квартирмейстером 2-й армии Толем, гвардии полковником князем Кудашевым».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«Отъездом в Петербург полковника Мишо Беннигсен воспользовался для своих целей и в свойственном ему духе. Он написал письмо Аракчееву, которое он и просил Мишо передать по назначению. В этом письме Беннигсен <...> писал, что он <...> употребил все усилия, чтобы Москва не была сдана без боя, о чём просил довести до сведения государя. Что фельдмаршал сделал непростительную ошибку, сдав город, так как была полная возможность обороняться; но что теперь его настроение таково, что он понял свою ошибку и более склонен принимать его, Беннигсена, советы. Кроме того, он писал, что

Барклай-де-Толли на военном совете в Филях тоже очень настаивал на сдаче Москвы без боя и заявил даже, что государь одобрит это действие. <...>

Момент <...> для того, чтобы пустить в ход интригу, Беннигсен выбрал очень удачный: было весьма вероятным, что сдача Москвы настолько повлияет на государя, что фельдмаршал не останется у власти. <...> Мишо приехал в Петербург 9 сентября, а уже 10-го заседал Комитет Министров, который, как бы идя навстречу желанию государя, постановлением своим осудил действия рекомендованного им Кутузова и указал, что донесения его находят неточными и неполными. Как известно, государь согласился с мнением Кутузова о том, что сдача столицы не есть ещё окончание кампании и ожидания лиц, ждавших отставки фельдмаршала оказались преждевременны. Весьма вероятно, что отсрочка в то время участи фельдмаршала находилась в связи с поездкой в армию Волконского, которому государь поручил расспросить и узнать точно о положении дел и ему донести».

**А.А.Кожевникова, «Русская армия
в период от сдачи Москвы до Тарутина»
(В кн. «Отечественная война и Русское общество»)**

«В главную квартиру при селении Красной Пахре прислан от государя генерал-адъютант князь Волконский собрать подробные сведения о состоянии армий. От него узнал я, что, отправляя из Петербурга Кутузова к армиям, государь отдал ему подлинные письма мои к нему, дабы он мог составить некоторое представление о делах и обстоятельствах до прибытия его на место. Это растолковало мне совсем не прежнее расположение ко мне Кутузова, сколько, впрочем, ни было оно прикрито благовидною с его стороны наружностью. Перед отъездом своим князь Волконский объявил мне, что государь, желая узнать, отчего Москва оставлена без выстрела, сказал: «Спроси у Ермолова, он должен это знать». По просьбе его я обещал ему записку, но с намерением уехал из главной квартиры».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...» (Примечание 108)**

«Наступление неприятельских войск к Десне и Подольску было принято князем Кутузовым за начало общего наступательного движения наполеоновской армии. 14-го (26-го) сентября фельдмаршал призвал на совещание по сему предмету главных своих сподвижников; их мнения были различны: одни полагали, что сам Наполеон с главными силами двигался на Подольск;

другие считали такое движение невозможным, потому что, действуя в этом направлении, неприятель подвергнул бы опасности свои сообщения с Смоленском. Барклай-де-Толли советовал оставаться на месте и выждать разъяснения обстоятельств. Беннигсен <...> предлагал предоставить Милорадовичу оборону течения Пахры и старой калужской дороги, а со всеми остальными силами направиться к Подольску и атаковать неприятеля. Другие считали такое движение слишком отважным <...> Фельдмаршал не решался ни на какое предприятие, которого успех подлежал сомнению, что заставило Толя предложить другой способ действий, более согласный с характером нашего главнокомандующего. Принимая во внимание, что русская армия могла вскоре получить значительные подкрепления, надлежало, по мнению Толя, отложить наступательные действия до их прибытия и ограничиться расположением армии в такой позиции, в которой она <...> прикрывала бы источники своих средств и способствовала действиям на сообщениях неприятеля».

**М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 года,
по достоверным источникам»**

«Кутузов убеждал, что нужно отступить сильно южнее, например, к селу Тарутино, потому что чем ближе стать к Калуге, тем легче будет контролировать три дороги, ведущие из Москвы в Калугу, по каждой из которых в любой момент может двинуться Наполеон. Несмотря на всю ясность и целесообразность этого плана, Беннигсен с таким азартом принялся настаивать, что нужно оставаться и принять бой с Мюратом на Красной Пахре, что Кутузов вдруг раздражённо заявил, что на сей раз слагает с себя власть и предоставляет Беннигсену распорядиться и отдаёт ему сейчас весь свой штаб, всех адъютантов, всю армию. «Вы командуете армией, а я только доброволец», – заявил он Беннигсену и предложил ему немедленно искать позицию для боя с Мюратом тут, у Красной Пахры.

Беннигсен с 9 часов утра до полудня в сопровождении всего кутузовского штаба обыскивал окрестности, ничего не нашёл и, вернувшись, признался, что сражаться тут невозможно. «В таком случае я беру снова на себя командование. Господа, по-прежнему ко мне, – заявил Кутузов, обращаясь к генералам. – Пётр Петрович, пишите диспозицию к отступлению», – приказал он своему дежурному генералу Коновницыну.

Русская армия двинулась тут же к югу, к селу Тарутино, и расположилась в селе и в окрестностях. Кутузов со всем штабом поместился в деревне Летащевке, в 5 верстах южнее Тарутина. Это было 4 октября».

Е.В.Тарле, «Нашествие Наполеона в Россию»

«После производства князя Кутузова генерал-фельдмаршалом за Бородинское сражение нашёл он нужным иметь при себе дежурного генерала с намерением, как угадывать легко, не допускать близкого участия в делах <...> генерала барона Беннигсена <...>.

Получено известие о кончине достойнейшего и незабвенного князя Багратиона. В память его осталось имя 2-й армии на некоторое время, но она уже не существовала.

22-го числа сентября военный министр генерал Барклай-де-Толли оставил армию и чрез Калугу отправился далее. Не стало терпения его: видел с досадою продолжающиеся беспорядки, негодовал за недоверчивое к нему расположение, невнимательность к его представлениям. Мне известно было намерение его удалиться, и потому незадолго пред отъездом его подал я рапорт, что, чувствуя себя к отправлению моей должности неспособным, прошу возвратить меня в армию. Представленный в подлиннике рапорт мой фельдмаршалом оставлен без ответа. Вместе с Барклаем-де-Толли уехал директор его собственной канцелярии флигель-адъютант гвардии полковник Закревский, офицер отлично благородных свойств, с которым был я в отношениях совершенно дружеских, разделяя и горести неудачной войны и приятные в ней минуты. Остался один близкий мне человек, исправляющий должность дежурного генерала флигель-адъютант полковник Кикин, почтенный благородными свойствами, искренно мною уважаемый. Едва ли кому мог я нравиться, бывши точным исполнителем воли взыскательного начальника, и я не видел доброжелательствующих мне, но завидующих многих. Генерал-лейтенант Коновницын в новой должности своей, встретившись с делами, совершенно ему незнакомыми, затрудняющими его, нашёл облегчение в том, что препровождал их ко мне огромными кучами, чтобы на них надписывал я приличествующие решения. Некоторое время исполнял я это из уважения к нему, невзирая на чрезмерную ограниченность его способностей. Но когда самолюбие воспрещало ему разделять труды со мною, и он думал продолжать мои занятия, для него весьма выгодные, я объяснял ему, что не нахожу удовольствия изыскивать зависимости, когда могу её избежать. <...>

До сего доклады фельдмаршалу делал я, и приказания его мною отдаваемые были, но при новом вещей порядке одни только чрезвычайные случаи объяснял я ему лично и заметил, сколько много переменилось прежнее его особенное ко мне расположение. Пронырством не искал я обратить его к себе милости и воспользовался возможностью переехать к себе жить в ближайшую от главной квартиры маленькую деревню, к фельдмаршалу являлся не иначе, как по его приказанию; с Коновницыным видался нередко, но чаще переписывался, отталкивая поручения его, которые я не имел обязанности исполнять, и в переписке со мною он конечно не выигрывал. Без ошибки могу предположить, что он вредил мне втайне и прочнее! <...>

В таких отношениях был я с Коновницыным, который охладил ко мне

Сказание о генерале Ермолове

полковника Толя, в дружбе коего доселе не имел я причины сомневаться: об-им им надобно было полное на князя Кутузова влияние, и они вместе успели поселить вражду между ним и генералом Беннигсенем. Уменьшившиеся мои занятия заставили меня повторить рапорт мой об удалении от должности, но без успеха; итак, остался я принадлежать главной квартире, свидетелем чванства разных лиц, возникающей знатности, интриг, пронырства и происков».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

Рескрипт императора Александра I фельдмаршалу князю Кутузову

2 октября 1812 г.

Князь Михаил Ларионович! С 2-го сентября Москва в руках неприятельских. Последние ваши рапорты от 20-го, и в течение всего сего времени не только ничего не предпринято для действия противу неприятеля и освобождения сей первопрестольной столицы, но даже, по последним рапортам вашим, вы ещё отступили назад. Серпухов уже занят отрядом неприятельским, и Тула с знаменитым и столь для армии необходимым своим заводом в опасности.

По рапортам же от генерала Винценгероде вижу Я, что неприятельский десяти тысячный корпус продвигается по Петербургской дороге. Другой, в нескольких тысячах, также подаётся к Дмитрову. Третий подвинулся вперёд по Владимирской дороге. Четвёртый, довольно значительный, стоит между Рузою и Можайском. Наполеон же сам по 24-е число находится в Москве.

По всем сим сведениям, когда неприятель сильными отрядами раздробил свои силы, когда Наполеон ещё в Москве сам со своею гвардиею, возможно ли, чтобы силы неприятельские, находящиеся перед вами, были значительны и не позволяли вам действовать наступательно?

<...> На вашей ответственности останется, если неприятель в состоянии будет отрядить значительный корпус на Петербург для угрожения сей столице, в которой не могло собраться много войска, ибо, с вверенною вам армиею, действуя с решимостию и деятельностью, вы и имеете все средства отвратить сие новое несчастье. Помните, что вы ещё обязаны ответом оскорблённому отечеству в потере Москвы.

Вы имели опыты моей готовности вас награждать. Сия готовность не ослабнет во мне, но Я и Россия вправе ожидать с вашей стороны всего усердия, твёрдости и успехов, которых ум ваш, воинские таланты ваши и храбрость войск, вами предводительствуемых, Нам предвещают.

Пребываю навсегда к вам благосклонный
Александр.

«При А.П.Ермолове говорили об одном генерале, который во время сражения не в точности исполнил данное ему приказание и этим повредил успеху дела. «Помилуйте, – возразил Ермолов, – я хорошо и коротко знал его. Да он, при личной отменной храбрости, был такой человек, что приснился ему во сне, что он в чём-нибудь ослушался начальства, он тут же во сне испуга бы и умер».

Русский литературный анекдот XVIII – начала XIX веков

«По сведениям, доставленным партизанами, видно было, что неприятельский авангард, состоящий в команде неаполитанского короля Мюрата, до самой Москвы не имел никаких войск в подкрепление и потому не мог вовремя иметь помощи. Фельдмаршал решился атаковать его. Невозможно было устранить от составления диспозиции генерала Беннигсена, начальника главного штаба всех действующих армий; не хотелось допустить участия в успехе, в чём по превосходству сил наших не было сомнения; он же сверх того предлагал вести сам войска, предназначенные к первой атаке».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«С этого момента Беннигсен, Ермолов, Багговут, Платов не переставали просить Кутузова дозволить им произвести нападение на Мюрата. Особенную энергию начали проявлять эти генералы после того, как генерал-квартирмейстер Толь произвёл очень глубокую разведку и принёс известие, что отряд Мюрата стоит очень беспечно, караульная служба никуда не годится, разведочная служба плоха, потому что лошади слабосильны – фуража не хватает. Кутузов не хотел сражения, даже второстепенного, но уступил, явно решив уже наперёд не дать этой стычке развиваться в большую битву. 16 октября Кутузов рассмотрел диспозицию, составленную Толем, и утвердил её. Нападение на Мюрата было назначено на 17 октября, но Ермолова не могли разыскать, диспозицию ему не успели вовремя вручить, и на другой день, 17 октября, утром Кутузов никого на назначенных местах не нашёл. Раздражённый вообще тем, что его заставляют делать ненужное, по его мнению, дело, Кутузов пришёл в полное бешенство. Он разругал попавшихся ему двух офицеров последними словами. Один из них, подполковник Эйхен, оставил после этого кутузовскую армию, а другой, капитан Бродин, которого Кутузов назвал «только» канальей, остался. Ермолова Кутузов распорядился исключить со службы, но, когда гнев отошёл, он отменил своё решение. Это было, так сказать, прелюдией <...>».

В.Е.Тарле, «Нашествие Наполеона в Россию»

5 октября 1812 г.

Ваше Превосходительство известны были о намерении нашем атаковать сегодня на рассвете неприятеля. На сей конец я сам приехал в Тарутино в 8-м часу ввечеру, но, к удивлению моему, узнал от корпусных там собравшихся господ начальников, что никто из них приказа даже и в 8 часов вечера не получил, кроме тех войск, с коими сам г. генерал от кавалерии барон Беннигсен прибыл и оным объявил, как то ко второму и четвёртому корпусам; к тому же начальствующие кавалерией гг. генерал-лейтенанты Уваров и князь Голицын объявили, что, не получив заранее приказания, много кавалерии послали за фуражом, что и с артиллериею было, и я, ехав в Тарутино, повстречал артиллерийских лошадей, ведённых на водопой.

Сии причины, к прискорбию моему, понудили отложить намерение наше атаковать сего числа неприятеля, что должно было быть произведено на рассвете, и всё сие произошло оттого, что приказ весьма поздно доставлен был к войскам. Ваше Превосходительство разделяете со мною всю важность такового случая, и я не могу оставить без разыскания причины сего, каковое упущение Вам исследовать предписывая, ожидать буду немедленно Вашего о том донесения.

«Кутузов был расстроен оттого, что не удалось ему привести в исполнение намерения своего накануне сего дня. Атака была назначена одним днём прежде. В диспозиции назначено было Дорохову выйти на дорогу у Спас-Купли и, соединясь с отрядом Орлова-Денисова, действовать неприятелю в тыл. Перемена дня атаки не дозволила Дорохову участвовать в деле, и это обстоятельство сердило старика.

Предположенную атаку сохраняли в такой тайне, что даже никто из корпусных командиров не был о том предварён! Когда Кутузов сел в дрожки в сопровождении всей свиты своей, никто не знал, куда он поедет и зачем. Распоряжение послано было к генералу Ермолову, который был в то время начальником Главного штаба I армии и квартировал вблизи Леташевки. Ермолова не было дома, а правивший делами у него полковник Эйхен не решился распечатать конверта. Ермолов был на обеде у генерала Шепелева, который с 1-й бригадой гвардейских кирасир стоял на правом фланге позиции в с. Спасском. Возвратившись домой, немедленно им было сделано распоряжение, и не токмо время не было упущено, но атака ещё лучше могла удасться: ибо никаких приготовлений для неё не делали и делать не следовало.

Всё было на мази. Но как часто случается, от бездельных причин бывают важнейшие последствия. Кутузов отправлялся в Тарутино перед вечером,

чтобы ночевать там и самому распоряжаться всеми войсками. Подъезжая к лагерю его встретили солдатские песни, музыка и совершенное спокойствие. Узнав причину, что о походе для занятия мест перед атакою не было ещё приказания, он был в таком исступлении, в котором его никогда не видали. Всё оборвалось на бедном Эйхене, который безвинно сделался виновником: он его разругал, велел выгнать из армии и атака была отменена. В то же самое время корпусные командиры явились к нему с докладом, что, получив в ту же минуту приказание, они готовы выступить немедленно, и объявили, что как распоряжение предшествовало несколькими часами назначению, то выступлению армии никакой остановки или перемены в распоряжениях быть не может, и умоляли его позволить им идти. Но сколько убеждения таковые ни казались основательными, однако же ничто не могло заставить Кутузова переменить данного приказания отложить поход до другого дня и тут же отправил он повеление Дорохову не действовать, чтобы не возбудить внимание неприятеля».

**«Записки о войне 1812 года князя А.Б.Голицына»
(В кн. «Отечественная война 1812 года
в записках современников»)**

«В назначенный вечер, когда утро стало смеркаться, князь прибыл в Тарутино. Беннигсену, предложившему весь план атаки, была поручена вся колонна, которая была направлена в обход; в этой колонне находился и 2-й корпус. Кутузов со свитой, в числе которой находились Раевский и Ермолов, основался близ гвардии; князь говорил при этом: «Вот просят наступления, предлагают разные проекты, а чуть приступишь к делу, ничего не готово, и предупреждённый неприятель принял свои меры, заблаговременно отступит». Ермолов, понимая, что эти слова относятся к нему, толкнул коленом Раевского, которому сказал: «Он на мой счёт забавляется». Когда стали раздаваться пушечные выстрелы, Ермолов сказал князю: «Время не упущено, неприятель не ушёл, теперь, ваша светлость, нам надлежит с своей стороны дружно наступать, потому что гвардия отсюда и дыма не увидит». Кутузов скоординировал наступление, но чрез каждые сто шагов войска останавливались почти на три четверти часа; князь, видимо, избегал участия в сражении. Место убитого ядром Багговута заступил мужественный принц Евгений Виртембергский, который стал у головного полка. Ермолов послал сказать через капитана квартирмейстерской части Ховена графу Остерману, чтобы он следовал с своим корпусом быстрее. Остерман выслал к назначенному месту лишь полковые знамёна при ста рядовых. Беннигсен, выведя войска к месту боя, вернулся назад; если б князь Кутузов сделал с своей стороны решительное наступление, отряд Мюрата был бы весь истреблён. Фельдмаршал, окружённый многими генералами, ехавшими верхом, возвратился вечером в коляске в Леташевку. Он сказал в это время Ермолову: «Голубчик, неприятель понёс большую

потерю, им оставлено много орудий в лесу». Кутузов, не расспросив о ходе дела у главного виновника победы Беннигсена, послал государю донесение, в котором вместо девятнадцати орудий, взятых у неприятеля, показано было тридцать восемь. С этого времени вражда между Беннигсеном и Кутузовым достигла крайних размеров и уже никогда не прекращалась».

Д.В.Давыдов, «Военные записки» (примечания)

«Я находился возле фельдмаршала в тот момент, когда генерал Ермолов пытался доказать ему необходимость провести фронтальную атаку. Кутузов приблизился к нему и сказал самым грубым образом, махая пальцем перед его глазами:

– Вы то и дело повторяете: пойдём в атаку, вы думаете этим заслужить популярность, а сами не понимаете, что мы ещё не созрели для сложных движений, так как мы ещё не умеем маневрировать. Сегодняшний день доказал это, и я сожалею, что послушался генерала Беннигсена.

Ермолов отошёл, ничего не ответив...

Когда было наконец получено известие о поспешном отступлении короля Неаполитанского, то Кутузов решил двинуть кавалерию барона Корфа и генерала Васильчикова, но благоприятный момент был уже упущен».

«Записки генерала В.И.Левенштерна» («Русская старина», 1900)

«<...> Беннигсен был вне себя от ярости. Почему Кутузов не помог, а позволил Мюрату отделаться очень легко и отойти в полном порядке? «Я не могу опомниться! Какие могли бы быть последствия этого прекрасного, блестящего дня, если бы я получил поддержку... Тут, на глазах всей армии, Кутузов запрещает отправить даже одного человека мне на помощь, это его слова. Генерал Милорадович, командовавший левым крылом, горел желанием приблизиться, чтобы помочь мне, – Кутузов ему запрещает... Можешь себе представить, на каком расстоянии от поля битвы находился наш старик! Его трусость уже превосходит позволительные для трусов размеры, он уже при Бородине дал наибольшее тому доказательство, поэтому он и покрыл себя презрением и стал смешным в глазах всей армии», – так писал Беннигсен своей жене сейчас после Тарутина, 22 октября. <...>

Кутузову, которого перед фронтом целовал Суворов, не приходилось оправдываться в «трусости». Он и вообще вовсе не думал оправдываться в своём поведении в день Тарутина. У него была своя твёрдая мысль, и ни с чем, кроме неё, он уже не считался».

В.Е.Тарле, «Нашествие Наполеона в Россию»

«Наполеон выступил из Москвы 7 окт. по старой калужской дороге, где в Воронове стоял отступивший из-под Тарутина Мюрат, а дальше к югу расположился укрепленный Тарутинский лагерь. Но не доходя до Воронова, с Горок, Наполеон повернул на запад и перешёл по берегу Пахры на новую калужскую дорогу. Для того, чтобы обмануть Кутузова, он оставил здесь корпус Нея с остатками авангарда Мюрата. 7-го (19-го) в с. Фоминское подошли перредовые отряды французов (дивизии Бруссье и Орнано). Об этом донёс Кутузову стоявший неподалеку отсюда в Котовом Дорохов. Кутузов послал сюда целый корпус Дохтурова с целью захватить французские отряды».

**А.К.Кабанов, «Малоярославец и начало отступления»
(В кн. «Отечественная война и Русское общество»)**

«Партизаны Сеславин и Фигнер, осмотревши неприятеля при селении Фоминском, обратились к генерал-майору Дорохову, прося его с отрядом подкрепить их атаку. Обнадеженные им, начали они перестрелку, но он, прибывши один, был свидетелем их неудачи и по несоразмерности средств некоторой потери. Партизан Фигнер объяснил о сём поступке дежурному генералу Коновницину, но генерал-майор Дорохов не только не подвергся замечанию, но, надеясь на позволение непосредственно по собственному распоряжению овладеть Фоминским, сделал следующее представление 9-го числа октября, что неприятель занимает село Фоминское, деревню Котово, и небольшая часть сил его расположена около города Боровска, что повсюду его не более восьми тысяч человек, и что он разобьёт его, если к отряду его прибавлено будет два полка пехоты с артиллериею. По дружественному распоряжению генерал Коновницын, готовый исполнить его желание, доложил фельдмаршалу, но, всегда осторожный, он рассудил за благо поручить исполнение генералу от инфантерии Дорохову. С ним назначен VI-й пехотный корпус, 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Меллер-Закомельского, рота конной артиллерии полковника Никитина и несколько казачьих полков. Мне приказано находиться при генерале Дохтурове (К сему в примечании А.П.Ермоловым добавлено: «Фельдмаршал, призвавши меня, встретил обыкновенным, ничего не значащим приветствием «голубчик», говорил, что желает очень овладеть селом Фоминским, и заключил словами: «Ты пойдёшь с Дохтуровым, я буду покоен, уведомляй чаще о том, что будет!»»).

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«Был вечер 10 октября, когда выступивший утром отряд Дохтурова, не смотря на испорченные осенним дождём дороги, прибыл в деревню Ари-

ство, где расположился на ночлег. Сюда же прибыл известный партизан отечественной войны Сеславин, который сообщил генералу Дохтурову, что ему (Сеславиному), сидевшему на дереве в 4 верстах от села Фоминского, удалось проследить самого Наполеона. Приведённые же Сеславиным, в качестве пленников, гвардейцы неприятельской армии подтвердили слова Сеславины и добавили, что вся французская армия покинула Москву и идёт на Малоярославец и Калугу.

Полученные сведения были очень важными: во-первых, они буквально спасали отряд Дохтурова от гибели у Фоминского, где он нарвался бы чуть ли не на всю армию противника, а, во-вторых, – они открыли нам вполне намерения Наполеона.

Немедленно известив князя Кутузова о полученных известиях и желая выиграть время, генерал Дохтуров, имея при себе пехоту, кавалерию, артиллерию а также несколько казачьих полков и часть тульской конной дружины, по совету начальника штаба генерала Ермолова двинулся к Малоярославцу утром 11 октября».

Ив. Безсонов, «Битва в Малоярославце 12 октября 1812 года»

«Между тем Дохтуров с Ермоловым, не подозревая выступления Наполеона из Москвы, следовали на Аристово и Фоминское. Продолжительный осенний дождь совершенно испортил дорогу; большое количество батарейной артиллерии, следовавшей с корпусом, замедляло его движение. Ермолов предложил Дохтурову оставить здесь эту артиллерию, не доходя вёрст пятнадцати до Аристова: отсюда, находясь в близком расстоянии от Тарутина и Малоярославца, она могла быстро поспеть к пункту, где в её действии могла встретиться надобность, а между тем утомлённые лошади успели бы отдохнуть. Дохтуров не замедлил изъявить своё на то согласие, и корпус его к вечеру прибыл в Аристово; сам Дохтуров расположился на ночлег в деревне, а Ермолов с прочими генералами остался на биваках. Уже наступила полночь, и чрез несколько часов весь отряд, исполняя предписание Кутузова, должен был выступить к Фоминскому. Вдруг послышался конский топот и раздались слова Сеславины: «Где Алексей Петрович?» Явившись к Ермолову, Сеславин, в сопровождении своего пленника, рассказал всё им виденное; пленный подтвердил, что Наполеон, выступив со всею армиею из Москвы, должен находиться в довольно близком расстоянии от нашего отряда. Это известие было столь важно, что Ермолов, приказав тотчас отряду подыматься и становиться в ружьё, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этот бесстрашный, но далеко не проницательный генерал, известясь обо всём этом, пришёл в крайнее замешательство. Он не решался продолжать движение к Фоминскому из опасения наткнуться на всю неприятельскую армию и вместе с тем боялся

отступлением из Аристова навлечь на себя гнев Кутузова за неисполнение его предписания.

В этот решительный момент Ермолов <...> именем главнокомандующего и в качестве начальника главного штаба армии приказал Дохтурову спешить к Малоярославцу. Приняв на себя всю ответственность за неисполнение предписаний Кутузова, он послал к нему дежурного штаб-офицера корпуса Болховского, которому было поручено лично объяснить фельдмаршалу причины, побудившие изменить направление войск, и убедительно просить его поспешить прибытием с армией к Малоярославцу».

**Д.В.Давыдов, «Материалы
для современной военной истории (1807–1812)»**

«Весьма благосклонно принял генерал Дохтуров моё представление: вместе с рассветом следовать обратно и, присоединив оставленную батарейную артиллерию, поспешить в Малоярославец. Согласился также, чтобы генерал-майор Меллер с 1-м кавалерийским корпусом, конноартиллерийскою ротой полковника Никитина и казачьими полками произвёл обозрение к стороне Боровска и потом возвратился к корпусу. Я отправился с ним.

Туманно было утро и не рано начали проясняться предметы. Мы увидели Боровск, окрестности его, занятые войсками и артиллериею в больших силах; часть пехоты, вышедшую из города по почтовой дороге; по речке Протве во многих местах конные пикеты, которые тотчас сбиты, но подкреплённые скрытыми в лесу резервами, усилили перестрелку. Генерал барон Меллер, хотя и не желал по краткости дня завязать дело, принуждён был однако же послать часть войск и половину артиллерийской роты. Проскакавши с версту молодым березняком, ещё сохранившим лист, представилась нам недалеке почтовая из Боровска дорога и на ней бивуак армии италийского вице-короля Евгения и французский корпус маршала Даву. Не теряя времени, возвратились мы на левый берег речки Протвы. Войска Донского храброго Сысоева полка избранному расторопному офицеру приказал я с несколькими казаками неприятельским берегом доехать до Малоярославца, узнать, что происходит в городе, и ночью отыскать нас на возвратном пути к генералу Дохтурову. Гораздо за полночь догнал он нас и донёс, что мост чрез речку Лужу у самого Малоярославца разобран жителями, с которыми он переговаривался чрез речку. От атамана Платова прислан в город разъезд казаков. У моста стоят три батальона неприятельской пехоты. В девять часов утра городничий и другие гражданские чиновники были при своих местах, но вскоре потом удалились, и в городе большое смятение».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«Дохтуров от Аристовы двинулся наперерез к Малоярославцу, туда же спешил Платов с казаками, с 11 октября тронулась из Таругина и вся армия Кутузова. Если Наполеону важно было захватить Калугу, то для русских ещё важнее было отстоять её. Здесь были расположены как продовольственные, так и боевые запасы, отсюда подходили подкрепления с юга. Вот почему под Малоярославцем было проявлено необыкновенное упорство с обеих сторон.

После 12-часового пути Дохтуров 11 числа уже к вечеру подошёл к Спасскому, здесь он соединился с Платовым, но несколько задержался, так как пришлось наводить мосты через речку Протву. С 5 часов утра завязался бой на улицах Малоярославца, – бой, имевший исключительное значение для всей кампании 1812 г.»

А.К.Кабанов, «Малоярославец и начало отступления»

«Неприятель, вступив без сопротивления в Малоярославец, надеялся продолжать, на следующий день, безостановочное движение к Калуге. Но войска Дохтурова на рассвете 12-го (24-го) прибыли к Малоярославцу и стали по обе стороны калужской дороги. Чтобы не дать неприятелю времени утвердиться в городе, Дохтуров тотчас послал туда состоявшие в отряде генерала Дорохова 6-й и 33-й егерские полки, за которыми в резерве следовал 11-й. Пехота 6-го корпуса расположилась против города, а кавалерия, как гвардейская, так и Дорохова, была поставлена правее, для охранения переправы у Спасского для того, чтобы не позволить неприятелю переправиться через Лужу, на которой, ниже Малоярославца, находится много бродов. Как неприятель, в это время, ещё не успел исправить моста, то конная артиллерия, поставленная на нашем левом крыле, открыла огонь по его рабочим.

В пять часов утра войска наши пошли в атаку. 33-й егерский полк первым вступил в город и вытеснил оттуда неприятеля почти к самому мосту. Вице-король, услыша перестрелку, сел на коня, поскакал со всем своим штабом в Малоярославец и у въезда в город был встречен Дельзоном, который объяснил ему положение дела. Вся дивизия Дельзона получила приказание перейти через реку и войти в город. Неприятель постепенно усиливался и успел перевезти через мост, по набросанным кладкам, два орудия. С нашей стороны были посланы в помощь 33-му полку 6-й и 19-й егерские, под начальством полковника Вуича. Войска, вступившие в город, отданы были в распоряжение генерала Ермолова. Его приказания, быстро передаваемые на все пункты поля сражения, исполнялись с необыкновенной точностью. Полки наши, одушевлённые решимостью вояждя, сражались неустрашимо. Завязался упорный бой».

**М.И.Богданович, «История Отечественной войны 1812 г,
по достоверным источникам»**

«Французы повели атаку всей дивизией Дельзона и, хотя они лишились своего начальника, убитого в бою, русские были выбиты из своих позиций. Бригадный генерал Гильемино, занявший место Дельзона, искусно захватил холм, возвышавшийся над большой дорогой, занял расположенные там церковь и строения стрелками и наносил оттуда постоянный и ощутительный вред атакующим русским. С 11 часов атаки и с той и с другой стороны были возобновлены – вице-король Евгений постепенно выдвинул все дивизии своего корпуса – Бруссье, Пюно и гвардейскую. Дохтуров, несколько раз посылавший в бой свою пехоту, был отбит, но в это время из Спасского стала подходить вся армия Кутузова. Дохтурова поддержали сначала Раевский во главе 7 корпуса, потом уже к вечеру был введён в сражение и 8 корпус Бороздина. Наполеон послал на помощь две дивизии Даву, и город остался за ним. Очевидцы говорят, что он 8 раз переходил из рук в руки, естественно, что после такого ужасного боя город представлял из себя груды развалин. К ночи, когда и канонада, наконец, прекратилась, выяснилось, что положение дел всё ещё остаётся нерешённым».

А.К.Кабанов, «Малоярославец и начало отступления»

А.П.Ермолов – князю М.И.Кутузову

21 декабря 1812 г.

«<...> 12-го числа октября при знаменитом сражении у города Малоярославца генерал Дохтуров поручил мне командование правого фланга войск его. Семь полков пехоты было под моим начальством. Овладение городом возложил он на меня. Превосходный неприятель 4 раза имел город в руках своих; 4 раза был он во власти нашей, и до самого с соединением был удержан. В два часа пополудни генерал-лейтенанту Раевскому, прибывшему первому с корпусом из армии, сдал я командование правого фланга».

«Генерал Дохтуров войска, находящиеся в городе, поручил в моё распоряжение. Неустрашимо защищались они, но, преодолеваемые превосходством, должны были отступить и, теснимые, с трудом вывезли мы нашу артиллерию, и наших уже не было в городе. Неприятель занимал крайнюю черту его при ограниченном числе артиллерии.

В это время против правого фланга нашего лагеря появилась пехота, вероятно высланная для обозрения сил наших и расположения их, ибо в короткое время действием батарей наших вынуждена возвратиться в город. По приказанию генерала Дохтурова с невероятною быстротою явились ко мне пехотные полки Либавский и Софийский. Каждый полк особенно при-

казал я построить в колонны, лично подтвердил нижним чинам не заряжать ружья и без крику ура ударить в штыки. Генерал-майору Талызину назначил вести Либавский полк, с Софийским послал полковника Халяпина. Вместе с ними пошли все егерские полки. Атаке их предшествовала весьма сильная канонада с нашей стороны. С большим уроном сбитый неприятель оставил нам довольно пространство города, в середине которого храбрый полковник Никитин занял возвышенность, где было кладбище, и на ней поставил батарейные орудия. Долго неприятель не мог употребить против нас равного количества артиллерии, вероятно остерегаясь подвергнуться опасности по затруднению в случае отступления.

Прошло уже за половину дня. Большие массы войск французской армии приблизились к городу и расположились за речкою Лужею; умножилась артиллерия, и атаки сделались упорнее. Я приказал войти в город Вильманстрандскому пехотному и 2-му егерскому полкам, составлявшим резерв. Они способствовали нам удержаться, но уже не в прежнем выгодном расположении, и часть артиллерии я приказал вывезти из города.

Испросивши позволение генерала Дохтурова, я поручил генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову от имени моего донести фельдмаршалу во всей подробности о положении дел наших и о необходимости ускорить движение армии, или город впадёт во власть неприятеля. Армия стояла на реке Протве у села Спасского. Неприятным могло казаться объяснение моё фельдмаршалу, когда свидетелями были многие из генералов. Он отправил обратно графа Орлова-Денисова без всякого приказанья.

Не с большою благосклонностью принят был вторично посланный от меня (также многие из генералов находились при фельдмаршале), и с настойчивостию объяснённая потребность в скорейшем присутствии армии могла иметь вид некоторого замечания или упрёка. Он с негодованием плюнул так близко к стоявшему против него посланнику, что тот достал из кармана платок, и замечено, что лицо его имело более в том надобности.

Небесполезно однако же оказалась употреблённая мною настойчивость, ибо к трём часам прибыли генерал-лейтенант Раевский с своим корпусом. Занявши с правого фланга довольно большую часть города и устроив свои резервы, он дал возможность войскам, прежде там бывшим, подвинуться вперёд».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«Весь следующий день войска простояли в виду друг у друга – Кутузов занял крепкую позицию в 2 верстах от города, совершив за ночь искусный переход за Немцовский овраг, а Наполеон с главными силами стоял перед городом. Оба готовились к окончательному бою. В этот день император созвал

совет. «Смоленск был целью. Как идти туда – через Калугу, Медынь или Можайск? – рассказывает нам гр. Сегюр. – Идти на Калугу, значит дать генеральный бой Кутузову». Это и предлагал Мюрат. Но Бессьер, начальник кавалерии гвардейской, считал этот шаг безрассудным, позиции Кутузова казались ему неприступными. Даву высказался за движение на Медынь и Юхнов, но там нельзя было пройти безопасно, из Вереи пробовал идти на Медынь кн. Понятовский, но был отбит русскими. Ясно было, русские и там стерегут дорогу и Кутузов подойдёт с армией под Медынь, как подошёл под Малоярославец. Оставалась одна дорога на Можайск, большая дорога из Москвы в Смоленск, истощённая прежними походами. 14 октября Наполеон отошёл на Верею, чтобы оттуда перейти на Можайск».

А.К.Кабанов, «Малоярославец и начало отступления»

А.П.Ермолов – князю М.И.Кутузову

21 декабря 1812 г.

<...> Октября 14-го дня неприятель начал своё отступление. Ваша Светлость направили меня в авангард генерала Милорадовича; по сообщении точных о неприятеле сведений изволили мне приказать дать направление авангарду, с коим по обстоятельствам сообразовывалась и армия в своём движении.

С сего времени я находился при авангарде.

21 числа октября, по воле Вашей Светлости, я был в преследовании при войсках г. графа Платова.

22-го, в деле при Вязьме, командовал я под распоряжением генерала графа Платова правым флангом, состоящим из 26 дивизии генерал-майора Паскевича, 3 полков кавалерии и нескольких полков Донских войск. Отряд мой на штыках ворвался в город.

«Ермолов, следуя после Малоярославского сражения с войсками Милорадовича, отдавал именем Кутузова приказы по отряду; отправляя его, Кутузов сказал ему «Голубчик, не всё можно писать в рапортах, извещай меня о важнейшем списками». Милорадович, имея под своим начальством два пехотных и два кавалерийских корпуса, мог легко отрезать арьергард или другую часть французской армии. <...>

Ермолов просил не раз Кутузова спешить с главною армиею к Вязьме; <...> я глядел у него записку, написанную рукою Толя, следующего содержания: «Мы бы давно явились в Вязьму, если бы получали от вас более частые уведомления с казаками, более исправными; мы будем 21-го близ Вязьмы».

Сказание о генерале Ермолове

Князь, рассчитывавший, что он может довершить гибель французов, не подвергая поражению собственных войск, подвигался весьма медленно; хотя он 21-го находился близ Вязьмы, но, остановившись, за восемь вёрст до города, он не решался приблизиться к нему».

Д.В.Давыдов, «Военные записки» (Примечание 13)

«Кутузов, верный своему правилу ничего не делать на авось, не тронулся с места с главными силами армии, которые находились всего в 5 или 6 верстах от Вязьмы. Он слышал канонаду так ясно, как будто она происходила у него в передней, но, несмотря на настояния всех значительных лиц главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя, который мог бы иметь последствием уничтожение большей части армии Наполеона и взятия нами в плен маршала и вице-короля.

Если бы престарелый фельдмаршал выказал в этот день энергию Барклая-де-Толли, то французская армия, уже сильно деморализованная, была бы неминуемо истреблена и кампания была бы окончена <...>. Ничто не могло побудить Кутузова действовать, он рассердился даже на тех, кто доказывал ему, до какой степени неприятельская армия была деморализована <...>. Он упорно считал все донесения преувеличенными и по-прежнему верил в Наполеона, верил в его обаяние и в его хорошо организованную армию.

Кутузов упорно держался своей системы действий и шёл параллельно с неприятелем. Он не хотел рисковать и предпочёл подвергнуться порицанию всей армии».

**«Записки генерала В.И.Левенштерна»
(«Русская старина», 1900)**

«Сейчас нам трудно представить себе весь драматизм этой коллизии – этого столкновения представлений о долге и чести.

Героический патриотизм генерал-лейтенанта Ермолова и прагматический патриотизм фельдмаршала Кутузова были принципиально несовместимы. И если Кутузов, скорее всего, был равнодушен к мнению о нём оппонентов и только раздражался, когда его донимали возбуждёнными требованиями и непрошеными советами, то Ермолов должен был переживать это полное взаимонепонимание достаточно мучительно».

Яков Гордин, «Ермолов: солдат и его армия»

«23-го числа октября авангард в прежнем его составе под начальством Милорадовича, при котором дано мне приказание находиться, преследовал

неприятеля по большой дороге на Дорогобуж. Атаман с казаками и их конною артиллериею пошёл в правую сторону от большой дороги. Фельдмаршал с армиею взял направление на город Ельню. Мороз был необыкновенный.

Авангард, не сделав выстрела до села Семлева, взял в плен более тысячи нижних чинов и несколько офицеров, совершенно изнурённых и больных. По всей дороге разбросаны были пушки, зарядные фуры и обозы без упряжи.

<...> Атаман Платов, пришедши на правый берег Днепра, остановился против предместия Смоленска, укреплённого французами. Наполеон с гвардиею и вся армия занимали город.

Из Дорогобужа предписано генералу Милорадовичу с авангардом следовать к армии, а мне приказание приехать в главную квартиру. <...>

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«Прибыв из отряда Милорадовича в главную квартиру, находившуюся в Ельне, Ермолов застал Кутузова и Беннигсена за завтраком; он долго и тщетно убеждал князя преследовать неприятеля с большею настойчивостью. При известии о том, что, по донесениям партизанов, Наполеон с гвардией уже близ Красного, лицо Кутузова просияло от удовольствия, и он сказал ему: «Голубчик, не хочешь ли позавтракать?» Во время завтрака Ермолов просил Беннигсена, на коленях которого он не раз в детстве сиживал, поддержать его, но этот генерал упорно молчал. Когда князь вышел из комнаты, Беннигсен сказал ему: «Любезный Ермолов, если б я тебя не знал с детства, я бы имел полное право думать, что ты не желаешь наступления; мои отношения к фельдмаршалу таковы, что мне достаточно одобрить твой совет, чтобы князь никогда бы ему не последовал».

Д.В.Давыдов, «Военные записки» (Примечание 13)

«Фельдмаршалу докладывал я, что из собранных от окрестных поселян показаний, подтверждённых из Смоленска выходящими жителями, граф Остерман доносит, что тому более уже суток, как Наполеон выступил с своею гвардиею на Красный. <...> Приказано составить под начальством генерала Милорадовича авангард из корпусов 1-го и 2-го кавалерийских, II-го и IV-го пехотных, сильной артиллерии и нескольких казачьих полков. На меня возложена обязанность находиться в авангарде».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

Его Светлости
господину генерал-фельдмаршалу,
главнокомандующему всеми армиями
и разных орденов кавалеру,
князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому
генерала от инфантерии Милорадовича

Рапорт

Начальник Генерального Штаба, генерал-лейтенант Ермолов, участвовавший в одержанных над неприятелем победах 3, 4, 5 и 6 ноября, при совершенном поражении корпуса маршала Нея находился прежде в отряде генерал-адъютанта барона Корфа, где благоразумными распоряжениями своими ощутительно способствовал успехам. Потом, прибыв ко мне, доставил мне случай быть очевидным свидетелем усердия его к службе, личной неустрашимости и военных способностей, которыми он, исполняя в полной мере должность начальника Генерального Штаба, много способствовал к совершенному поражению неприятеля. Я вменяю себе в приятный долг представить о сём благоусмотрению Вашей Светлости, прося всепокорнейше удостоить особенным вниманием Вашей Светлости службу генерал-лейтенанта Ермолова.

Генерал от инфантерии Милорадович.
Красный. Ноября 7 дня, 1812 года.

«План действий, составленный в Петербурге, <...> состоял в одновременном и решительном переходе в наступление всех сил, действовавших на флангах главной армии с тем, чтобы, разбив войска, охранявшие тыл Наполеона, преградить ему путь отступления. Главная роль выпадала тут на долю Дунайской армии адмирала Чичагова. <...> Для выполнения этой конечной цели Чичагову предписывалось устроить у Борисова укрепленный лагерь и войти в связь с Витгенштейном, который должен был занять течение р. Улы. Чичагову вменялось в обязанность не ограничиваться укреплением Борисова, а усилить все находящиеся позиции между Березиной и Бобром, чтобы оказать сопротивление французам ещё далеко впереди Борисова. <...> 9 ноября французские войска покинули Оршу; армии двигались к Борисову, уничтожив переправы на Днепре, т.е. положив преграду между собой и главными силами Кутузова, которые ещё 7 ноября оставались в окрестностях Красно-

Вслед за отступившей французской армией был направлен Ермолов. Фельдмаршал воспретил ему переходить Днепр, разрешив переправить часть пехоты только в случае необходимости поддержать Платова, двигавшегося от Смоленска правым берегом реки. Чичагову приказано ускорить движение и войти в связь с главной армией».

**А.Н.Апухтин, «Березинская операция»
(В кн. «Отечественная война и Русское общество»)**

«Ноября 7-го числа сделал я представление фельдмаршалу: усилив отряд генерала Розена, приказать ему идти вперёд, и просил поручить его мне.

С особенною благосклонностью выслушав меня, изъявил соизволение, и немедленно сделана перемена в составе отряда. По собственному назначению его поступили лейб-гвардии егерский и Финляндский полки, кирасирские полки его и её величеств, гвардейская пешая артиллерия и батарейная рота конной артиллерии. Присоединённые батальоны пехоты в числе 12-ти имели при себе полевые орудия.

<...> Отправляясь к порученному мне отряду, получил я наставление фельдмаршала в следующих выражениях: «Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях!» – «Видевши состояние неприятельских войск, – отвечал я ему, – которые гонит кто хочет, не входит в мой расчёт отличиться подобно графу Ожаровскому». Светлейший воспретил переходить Днепр, но переслать часть пехоты, если атаман Платов найдёт то необходимым. Ручаясь за точность исполнения, я перекрестился, но должен признаться, что тогда же решился поступить иначе. Его желание было, чтобы Наполеона полагали недалеко, и что он готов преследовать его.

Атаман Платов намеревался затруднить неприятеля при переправе чрез Днепр в Дубровне или Орше, но уже прошёл он беспрепятственно.

С возможною скоростью прибыл отряд мой в Дубровну, но посланный вперёд генерал-майор Бороздин, не помыслив об исправлении моста, переправился за Днепр. Узнав, что мост устроен был под руководством французского офицера, жителем города, я заставил его исправить мост по возможности. Ему выданы цепи и канаты от артиллерии, от всех полковых обозов выданы верёвки. Сваи до поверхности воды были тверды. В продолжение полутора суток на малое время отлучался я от работ, и всё приутовлено было.

Пехота переведена без остановки, также артиллерия, подвигаемая людьми по толстым доскам, постланным вдоль моста. Большое затруднение представляли её лошади, несмотря на принятые меры осторожности, ибо мост был потрясем и грозил разрушением. Лошадей двух кирасирских полков не иначе переправили, как спутывая ноги каждой из них, и положивши на

бок, протаскивали за хвост по доскам. Лошади казачьих полков перегнаны вплавь. Я поспешил соединиться с атаманом Платовым, который находился на том берегу и требовал пехоты. Средством сообщения служили нам две малые лодки. Он переслал мне захваченных значительных двух чиновников (non combattans)¹, из которых одного отправил я при письме фельдмаршалу. Усилившийся на Днепре лёд разрушил мост, и остались на месте все вообще обозы, часть патронных ящиков и все провиантские фуры».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

Граф М.И.Платов – А.П.Ермолову

18 ноября 1812 г.

Вот Вам, милостивый государь мой, Алексей Петрович, полученная мною от главного начальства бумага. Из оной Вы увидите, что мне можно требовать пехоту, и я надеюсь, что Вы поспешите соединиться со мною; теперь пехота крайне мне нужна, ибо неприятель сильно упорствует... Скорейшее соединение Ваше со мною крайне нужно, а потому и надеюсь, что вы поспешите.

Притиска А.П.Ермолова:

Ему донесено, что присоединюсь немедленно, хотя имею предписание ожидать в Толочине генерала Милорадовича, которого я уже прошёл.

«От местечка Бараны французы продолжали отступление по Борисовской дороге через Коханово, Толочин и Бобр, столь быстро, что Ермолов и сам Платов едва за ними поспевали. На сём пути мы шли среди пожаров, по обрушенным мостам, где часто перебирались по тлеющим брёвнам или вброд. Вьюги и метели застилали след бегущего неприятеля; но взрывы зарядных ящиков и фургонов, груды мёртвых тел и издохших лошадей указывали его путь, пушки, обозы стояли брошенными и в некоторых местах в таком множестве, что даже заграждали дорогу. Все местечки, деревни, мызы и корчмы превращены были в дымящиеся груды пепла; видны были только голые закоптелые трубы, разбросанное оружие, ранцы, кирасы, кивера, каски и толпы усталых вокруг угасающих огней.

Казачи везде находят себе продовольствие и редко терпят голод; но пехота Ермолова претерпевала крайний недостаток. Солдаты, офицеры и генералы, все были в одинаковом положении. В ранцах не было ни одного сухаря,

¹ не сражающиеся, не военные (фр.)

Сказание о генерале Ермолове

ни капли вина в манерках¹; выюки отстали на переправах, где обыкновенно их отгоняли, чтоб дать дорогу артиллерии. Мы не имели известия ни о людях, ни об имуществе нашем. Если на привалах какому-нибудь егерю случалось отыскать несколько картофелю, все бросались к сему месту, разрывали землю и часто, не имея терпения варить или печь, ели сырой. Но не везде мы были столь счастливы, скоро не стали находить и картофелю; несколько горстей ржи или овса, пареных в снежной воде, служили нам пищею; артиллеристы были счастливее: у них оставалось ещё несколько запасов в зарядных ящиках, и на лафетах привязано было несколько мешков овса. Наши лошади питались одною рубленною соломою. В продолжение семидневного нашего марша от Дубровны до Стахова, где соединились мы с Дунайскою армиею, мы только два дня имели сухари; но, несмотря на претерпеваемые недостатки, нигде не слышно было ропота. Нам стыдно было роптать на судьбу свою, взирая на страдания неприятельского войска и на пример обожаемого нами начальника, неутомимого Ермолова».

В.С.Норов, «Записки о походах 1812 и 1813 годов»

М.И.Кутузов – П.В.Чичагову

10 ноября 1812 г.

Генерал от кавалерии Платов, подкреплённый авангардом генерал-майора Ермолова из 14 баталионов пехоты, двух полков кирасир и двух рот артиллерии состоящим, идёт по пятам неприятеля, а главная армия сего 12 числа переправится через Днепр... Легко быть может, что Наполеон, видя невозможность очистить себе путь через Борисов к Минску, повернёт от Толочина или Бобра на Погост и Игумен <...>

М.А.Милорадович – А.П.Ермолову

16 ноября 1812 г.

Милостивый Государь, Алексей Петрович!

Генерал от кавалерии граф Витгенштейн известил меня, что он сегодня атакует неприятеля и просит, чтобы я с моей стороны содействовал ему. Корпуса гг. генерал-лейтенантов принца Евгения Виртембергского и Раевского не могут прежде вечера поспеть к желаемому месту, для чего прошу Ваше Превосходительство с вверенными Вам войсками поспешить к настижению

¹ Манерка (польск. *manierka*, от лат. *manus* – рука) – металлический сосуд для воды у солдат. Походная фляга. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.

неприятеля и тотчас его атаковать. Я сам буду иметь удовольствие приехать к Вам как зритель; чтоб Вы ни сделали, мне останется только одобрять. Если сражение продлится, то завтра надеюсь напасть на неприятеля со всеми вверенными мне войсками.

Притиска А.П.Ермолова:

Прежде прибыл я к войскам адмирала Чичагова на возвратном пути от Игумена, по настоятельному его требованию.

«Ноября 17-го числа с рассветом явился я к адмиралу. Благосклонно приняв меня, он говорил, что бывши извещён о появившейся неприятельской кавалерии на левом берегу реки Березины в 23 верстах ниже Борисова, он, оставивши с генералом Чаплицем отряд для прикрытия Зембинского дефила, прошёл мимо Борисова и далее по направлению на Игумен, но возвратился со возможною поспешностию, извещённый, что в селение Вытча прибыл неприятель в больших силах, занял возвышенный левый берег Березины огромными батареями, обстреливающими противоположащую низменность, устроил мосты, и уже значительная часть пехоты перешла с пушками».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»**

«16 ноября г. Минск, где огромные продовольственные и боевые запасы ждали Наполеона, был занят русскими войсками – авангардом армии Чичагова под начальством графа Ламберта. Наполеон узнал об этом уже через два дня, 18 ноября, ещё до вступления в Оршу. Вскоре затем Наполеона поразила весть, что Чичагов занял уже и Борисов. С этого момента Наполеон срочно рассылает приказы и Домбровскому, и Удино, и Виктору, чтобы они как можно больше сил сосредоточили около Борисова, торопясь этим обеспечить себе переход по борисовскому мосту на правый берег Березины. <...>

25 ноября рядом искусных маневров и демонстраций Наполеону удалось отвлечь внимание Чичагова к Борисову и к югу от Борисова, и пока Чичагов стягивал туда свои силы, король неаполитанский Мюрат, маршал Удино и два видных инженерных генерала Эблэ и Шасслу поспешно строили два моста у Студянки.

В ночь с 25 на 26 ноября в Студянку вступила императорская гвардия, а на рассвете появился и Наполеон. Он приказал немедленно начать переправу. Под руками у него было в ту минуту всего 19 тысяч бойцов. Переправа шла уже при перестрелке с отрядом генерала Чаплица, который первый заметил, что Наполеон уходит куда-то из Борисова свои войска. Наполеон велел за-

нять прочно оба берега у наведённых мостов через Студянку. Весь день 26 ноября к нему подходили войска. В ночь с 26-го на 27-е Наполеон велел переправиться на правый берег маршалу Нею с остатками его корпуса и со всей молодой гвардией. Всю ночь и всё утро 27 ноября продолжалась переправа, и французские батальоны один за другим переходили на правый берег. Во втором часу дня 27 ноября двинулась старая гвардия с Наполеоном. За старой гвардией пошли дивизии корпуса Виктора. Переправившаяся французская армия выстраивалась на правом берегу.

Что же делали русские военачальники в эти решающие дни?

Чичагов уже утром 27 ноября узнал о необычайном движении около Студянки, но думал, что это лишь демонстрация с целью обмануть его, и весь этот день провёл в деревне Забашевичи. Между тем после ухода французских войск (прежде стоявших в Борисове) к Студянке – для переправы – в Борисов прибыл «опоздавший» Витгенштейн. Но явился он только со штабом, без армии...

Всё было кончено: Наполеон с армией перешёл по наведённым мостам через Березину раньше, чем трое русских генералов, которые должны были «завязать его в мешок», явились на место действия. Кутузов не только простоял два дня в Копысе, но и от Копыса до Березины делал такие частые днёвки и привалы, каких даже он никогда не делал до сих пор. Он-то сам знал, зачем он это делает. А не отвечать на вопросы, на которые он не хотел ответить, старый фельдмаршал умел так, как никто».

В.Е.Тарле, «Нашествие Наполеона в Россию»

«Свидетель происшествий при Березине, без малейшего в них участия, беспристрастно излагаю я мои замечания.

Нет побуждающих причин говорить не в пользу графа Витгенштейна, известного рыцарскими свойствами, предприимчивого на всё полезное! Не соответствующие этому случайности могли принадлежать постороннему внушению.

Адмирал Чичагов при первом разговоре со мною выказался превосходного ума, и я чувствую с негодованием, насколько бессильно оправдание моё возлагаемых на него обвинений.

Проходя с отрядом моим по большой дороге на Вильну, на ночлег приехал неожиданно князь Кутузов и расположился отдохнуть. Немедленно явился я к нему, и продолжительны были расспросы его о сражении при Березине. Я успел объяснить ему, что адмирал Чичагов не столько виноват, как многие представить его желают. Не извинил я сделанной ошибки движением к Игумену; не скрыл равномерно и графу Витгенштейну принадлежавших. Легко мог я заметить, до какой степени простиралось нерасположение его к адми-

ралу. Не понравилось ему, что я смел оправдывать его. Но в звании моём неловко было решительно пренебречь моими показаниями, и князь Кутузов не предпринял склонить меня понимать иначе то, что я видел собственными глазами. Он принял на себя вид чрезвычайно довольного тем, что узнал истину и уверял (хотя не уверил), что совсем другими глазами будет смотреть на адмирала, но что до сего готов был встретиться с ним неприятным образом. Он приказал мне представить после записку о действиях при Березине, но чтобы никто не знал о том».

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной
армии...»**

«Известие о переправе Наполеона через Березину было принято общественным мнением России как неудача. Благоприятный оборот войны и все возрастающие успехи возродили надежду, что французская армия не избегнет окончательной гибели. Этим ожиданиям не суждено было осуществиться. Общественное мнение искало виновника неудачи, и таким в глазах современников мог быть только адмирал Чичагов <...>. Неблагоприятное мнение Кутузова дало ещё более почвы подобному суждению, и голос всего русского народа вину в том, что Наполеон успел избегнуть грозившей ему участи, сложил на одного человека – Чичагова. <...> Немногие из современников Чичагова возвысили голос в его защиту. Ермолов со свойственной ему решительностью высказал Кутузову, что ответственность в благополучном отступлении французской армии должна пасть не на одного Чичагова, а и на Витгенштейна, действия которого были далеко не безукоризненны. Он даже представил фельдмаршалу особую записку о действиях Чичагова на Березине».

**В.И.Харкевич, «1812 год в дневниках,
записках и воспоминаниях современников»**

Князь Нарышкин, присутствовавший на Венском конгрессе 1814 года, спросил у Талейрана (Талейран приходился Нарышкину дальним родсвенником через немецкую графиню):

— Дядюшка! Скажите, чего собственно Наполеон искал в России?

Талейран, хладнокровно продолжая играть в карты, ответил:

— Страсть к путешествиям, мой друг, страсть к путешествиям.

*Русский литературный анекдот
XVIII – начала XIX веков*

Глава десятая

Спасение Европы (декабрь 1812 – 1815 гг.)

Князь М.И.Кутузов – А.П.Ермолову

21 ноября 1812 г.

Находя за нужное переменить на короткое время своё местопребывание, я поручил команду между тем над 1-ю Западною армию генералу Торماسову, почему, Ваше Превосходительство, поспешите прибыть в Главную его квартиру для исправления должности по званию Вашему.

«Хотя Ермолов был представлен за сраженье при Заболотье в генерал-лейтенанты, но, видя себя всеми обойдённым, потому что в приказах не было объявлено о его производстве, он вошёл о том с рапортом к князю Кутузову, который оставил это без всякого внимания. Во время вступления наших войск в прусские владения государь был так милостив к Ермолову, что приказал графу Аракчееву узнать, не почитает ли себя Алексей Петрович чем-нибудь оскорблённым; когда был найден его рапорт князю Кутузову, последовал высочайший приказ о его производстве со старшинством со дня сражения при Заболотье».

Д.В.Давыдов, «Военные записки»

«Чрез несколько дней пришла в окрестности Вильны главная наша армия. Ей назначен нужный отдых.

Фельдмаршал покоился на пожатых лаврах, готовый продолжить бездействие. Собрались генералы в главную квартиру, где после многотрудной

кампании приятно было найти удобства и удовольствия, устраняя служебные занятия.

<...> В Вильне нашли также частных продавцов богатые магазины офицерских золотых и серебряных вещей, которые присвоены себе разными лицами.

Приехал государь, и в ознаменование признательности своей за великие услуги светлейшего князя Кутузова возложил на него орден Святого Георгия 1-го класса. Во множестве рассыпаны награды по его представлениям, не всегда беспристрастным, весьма часто без малейшего разбора. Вскоре составил двор и с ним неразлучные интриги; поле обширное, на котором известный хитростию Кутузов, всегда первенствующий, непреодолимый ратоборец!»

**«Записки генерала Ермолова,
начальника Главного штаба 1-й Западной армии,
в Отечественную войну 1812 года»**

А.П.Римский-Корсаков – О.П.Козодавлеву

16-го декабря 1812 г. г. Вильна

Государь прибыл сюда 10-го числа, в 5-м часу. <...> Всякий день Государь бывает у развода, весьма весел, доволен и здоров. Развод всегда восклицает ура! Светлейший при сём не бывает, а Его Величество окружён адъютантами и гвардиею. <...>

Сказывают, что войска скоро отсюда выступят. Наши авангарды уже выступили за границу и Добровольский получил приказание учреждать там почты. <...>

Все тщеславятся торжеством над неприятелем и не могут никак по сие время разрешить загадку сего чудного переворота. Впрочем, только одна бодрость, победы и национальный дух оживляют физиономии спавших с лица и весьма похудевших офицеров и солдат. Светлейший превыше всех превозносим ими. За ним Милорадович, коему графиня Орлова-Чесменская прислала меч, богато осыпанный бриллиантами, который подарен был её отцу от Императрицы Екатерины II. Милорадович общую имеет к себе привязанность. Ему сверх 2-го Георгия дан 1-й Владимира. Генералы, коих за сим хвалят, суть: Раевский, Коновницын, граф Орлов-Денисов, Саблуков, Потёмкин и ещё несколько. Сказать должно однакожь, что интриг пропасть, иному переложили награды, а другому не домерили.

Сказание о генерале Ермолове Император Александр – князю М.И.Кутузову

17-го декабря 1812 г. Вильна.

Князь Михайло Ларионович! Для лучшего и единообразного управления состоящею при армиях артиллерию, которая по нынешним обстоятельствам имеет надобность в большем устройстве по хозяйственной части, нахожу нужным дабы генерал-лейтенант Ермолов был начальником оной по всем армиям.

Пребываю вам всегда благосклонный
Александр

Роберт Вильсон – супруге

19-го ноября (1 декабря) 1812 г.

На другой день генерал Беннигсен, по повелению фельдмаршала, удалился из армии. <...> Я не говорю, чтобы Беннигсен, будучи сам главнокомандующим, последовал тому совету, который он давал, будучи подкомандующим, но я уверен, что если бы он имел власть фельдмаршала, Бонапарте теперь лишился бы всей деятельности в здешнем свете. <...>

Я отдаю русским всю справедливость и всю честь патриотизму их и мужеству; но то, что Бонапарте спасся с целым вооружённым корпусом, останется навсегда пятном на их подвигах.

«Кутузов считал Наполеона открытым врагом России, а Великобританию – тайным врагом, тоже стремящимся, хоть и иными путями, но столь же упорно к мировому владычеству.

Александр, проведшему всю войну 1812 г. в уютных залах Зимнего дворца, не терпелось начать поход за границу немедленно, из Вильны. Но Кутузов, гениальный расчёт которого и привёл русскую армию в Вильну, несравненно лучше знал, чего стоило русскому солдату только что победоносно закончившееся контрнаступление. Это забыл не только Александр I, но склонны иногда игнорировать и некоторые историки, «защищающие» Кутузова от «обвинения» в том, что в декабре 1812 г. он оспаривал мнение царя о необходимости немедленно начать поход за границу. Другими словами, они защищают Кутузова от «обвинения» в том, что он не был согласен с желаниями английского шпиона, политического лазутчика Вильсона, перед которым в Вильне в декабре 1812 г. царь позорно «извинялся», что даёт ненавистному им обоим Кутузову Георгия первой степени.

<...> Вот почему Вильсону не терпелось поскорей поймать (конечно, русскими, а не английскими руками) Наполеона и уничтожить империю. Кутузов же знал, что полное низвержение Французской империи потребует очень много русской крови. Он тоже ставил конечной целью войны полное уничтожение наполеоновского владычества, но желал дать русской армии хоть небольшой отдых и больше времени для пополнений.

Кутузов с гениальной прозорливостью предвидел тяжкие, кровавые дни Лютцена, Бауцена, Дрездена и то, что союзники до самой осени 1813 г. либо очень мало помогут русской армии, как Пруссия или как кронпринц шведский Бернадот, либо даже и не объявят Наполеону войны, как Австрия, которая только в августе решилась на этот шаг, или как Англия, обманувшая своих русских союзников. Победа (и какая блестящая!) при Кульме была русской победой, а не прусской, не австрийской, не шведской. Кульм был поворотным моментом войны 1813 г. Но ведь он стал возможен лишь 17 сентября 1813 г.

Е.В.Тарле, «Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат»

«Выступление армии за границу определено 1-го числа января 1813 года. Общий план действий хранился в тайне.

<...> По упразднении главного штаба 1-й армии я назначен начальником артиллерии всех действующих армий. Я обратился к фельдмаршалу, прося исходатайствовать отмену назначения моего, но он сказал, чтобы я сам объяснил о том государю. Намерение его было, как тогда сделалось известным, место это доставить артиллерии генерал-майору Резвому.

После лестной должности, неожиданно и не по чину мне назначенной, когда в неблагоприятном положении дел наших государю неблагоугодно было предложить её никому другому, мне дано приказание, и оставался долг повиновения!

«Знаменитая Кульмская битва, в первый день этого великого по своим последствиям боя, принадлежа по преимуществу Ермолову, служит одним из украшений военного поприща сего генерала».

Д.В.Давыдов

Теперь новая должность моя объемлет часть обширную, но есть недостатки в ней, требующие скорого исправления, при средствах, деятельною кампаниею истощённых, в отдалении от удобнейших способов снабжения всеми потребностями. Более прежнего известный государю, я признался чистосердечно, что меня устрашают трудности и неотвратимые препятствия, чтобы поставить себя в готовность к скорейшему исполнению требований. До сего времени в каждой из армий были отдельные начальники артиллерии и у каждого свой взгляд на порядок управления делами. Теперь подчиняются они общему над ними начальнику. Государь, благосклонно выслушавши меня, изволил утвердить моё назначение.

<...> В облегчение возложенных мною затруднений и ускоряя распоряжения Артиллерийского департамента, государь приказал мне, составляя ведомости о всех необходимо надобных предметах, доставлять их графу Аракчеву, который для немедленного удовлетворения требований будет объявлять волю его инспектору всей артиллерии барону Меллер-Закомельскому. Мера эта тем необходимее была, что на укомплектование назначенной за границу артиллерии взято большое число офицеров, нижних чинов и лошадей. Оставлены в Вильне и поблизости шестьсот орудий и готовые кадры для формирования пятидесяти конных и пеших рот, которые, по мере приведения в надлежащий состав, должны следовать за армиею. Ротам, не участвовавшим в действиях, предписано прийти в Вильну.

Государь прибыл в местечко Мереч; в то же время и фельдмаршал.

Первый день 1813 года ознаменован выступлением за границу всех наших армий».

«Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии...»

«21 марта (2 апреля) император Александр показывал прусскому королю под Калишем главные силы армии, всего в числе 18 000 человек. Понесённые во время войны 1812 г. огромные потери ещё не были пополнены; резервы же, выступившие из России, двигались медленно по непролазной грязи.

Граф Витгенштейн, Блюхер и другие генералы настаивали на необходимости перенесения наступательных действий за Эльбу. Кутузов, сторонник обоснованных предприятий, резко возражал, сказавши однажды: «Самое лёгкое дело идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови!»

Впрочем, старику фельдмаршалу не пришлось видеть исполнения своего предсказания: 6 (18) апреля он сильно заболел и остался в Бунцлау, а через десять дней, 16 (28) апреля, его не стало.

На место Кутузова главнокомандующим русских и прусских армий был назначен граф Витгенштейн».

Н.П.Михневич, «Русская армия перед походом в Европу»

А.П.Ермолов – А.М.Казадеву*Июнь 1813 г.*

<...> Мы отдыхаем! Не после победы, не на лаврах! Отдыхаем после горячего начала кампании. Перемирие наложило на нас узы бездействия. Скоро оно кончится и нет сомнения, что действия начнутся с жестокостью. Многие думали, что перемирие сие приведёт к миру. Обольщённые надеждою на содействие австрийцев, мнили, что они дадут мир Европе. Дипломаты наши как неким очарованием упоевали нас. Но кажется, что нельзя уже обманываться, а остаётся только благодарить дипломатов за продолжительный обман. Австрийцы, кажется, уже не союзники нам. Наполеон господствует над ними страхом, над Францем II родством и законом, к которому он привязан с возможным малодушием.

Перемирие дало нам время усилить нашу и прусскую армии значительно, но я думаю, что Наполеон ещё с большею пользою употребил время. Недавно ещё верили мы, что его когорты не согласятся перейти Рейн, набраны будучи для внутренней отечества обороны, что не посмеют предстать пред лицо наше, что страх и ужас в сердце их. В Люцерне встретили мы силы превосходные, сражению был дан вид победы, но поистине она не склонилась ни на ту, ни на другую сторону. Мы остались на поле сражения и на другой день отступили. Армия прусская, потеряв много, имела нужду устроиться, и граф Витгенштейн не видел возможности противустоять на другой день. Далее и далее, мы перешли Эльбу и принесли с собою неудачи <...>.

«Наполеон считал, что союзники занимают Лейпциг и находятся у него со стороны фронта; между тем у Лейпцига был только шеститысячный отряд пруссаков Клейста, а остальные силы сосредоточивались много южнее, на р. Эльстер, у Цвенку и Пегау, и занимали фланговое положение относительно противника, сильно растянутого вдоль пути движения.

Дибич (генерал-квартирмейстер) предложил атаковать с фланга и разбить отдельно ближайшие французские корпуса. Замысел был хорош, но исполнен вяло и неискусно; несмотря на свою многочисленную конницу, стоявшую всего в 5 верстах от неприятеля, союзники в общем были плохо ориентированы. В самом сражении союзники вводили войска по частям, но в конце сражения участвовало только 73 тысячи солдат.

Как только раздалась канонада, Наполеон сразу понял, что главная опасность угрожает ему с юга. Мгновенно гениальный полководец создаёт план действий и, так как нельзя было терять время на составление диспозиции, делает свои распоряжения в несколько минут отдельными записками: Нею

держаться и прикрыть развёртывание армии в боевой порядок; гвардии вернуться в Люцен и стать в резерве за Неем; вице-королю идти на выстрелы у Люцена, пристроиться к левому флангу Нея и принять начальство над левым крылом, Мармону – составить правое крыло, а Бертрану обойти левый фланг союзников с тыла.

К 7 часам вечера у Наполеона сосредоточивается до 100 тысяч войск, перевес переходит на его сторону, положение из критического обращается в блистательное.

Хотя союзники и удержали за собой места, занятые в начале сражения (Грос-Гершен), но из положения наступательного перешли в оборонительное, охваченное с обоих флангов; на другой день должны были отступить и на время отказаться от роли освободителей Германии.

Наполеон потерял до 15 тысяч человек, союзники – немногим меньше, но захватили до 800 пленных и пять орудий».

Н.А.Орлов, «Война за освобождение Германии в 1813 г.»

«Нельзя не согласиться с мнением Гейзенау, что основная идея сражения при Люцене была столь же хороша, сколь исполнение её было дурно. <...> Главную, и даже можно сказать единственную причину таких неожиданных результатов была медленность действий.

Это обнаружилось с первого шага союзников в решительный день сражения: диспозицию разослали так поздно, что не было никакой возможности исполнить её в указанное время, и, кроме того, из желания ввести в первый огонь корпус Блюхера, направили колонны союзной армии так, что они пересекли путь одна другой; это обстоятельство, вместе с несвоевременною рассылкою диспозиции, замедлило переправу через Эльстер и Флосс-Грабен и построение войск к бою, по крайней мере, четырьмя часами.

<...> В полдень, когда союзники, в соседстве неева корпуса, находились в полной готовности к бою, надлежало атаковать неприятеля, занимавшего четыре селения впереди Люцена, всею пехотою Блюхера, Берга, Йорка и принца Евгения Виртембергского, в числе более сорока тысяч человек, и направить в обход на Старзидель всю кавалерию боевых линий, в числе около десяти тысяч всадников. <...> Но, вместо того, союзники ограничились постепенною атакою деревень и употребили к тому недостаточные силы, вводя в дело одну бригаду вслед за другою; кавалерию же свою развернули как будто бы для парада, и завязали без всякой надобности канонаду, которая могла повести только к напрасной трате снарядов. Даже и тогда, когда Наполеон успел собрать к Люцену значительные силы, союзная кавалерия могла бы, пользуясь малочисленностью неприятельской, замедлять и затруднять действия

французской пехоты беспрестанными атаками; но, вместо того, оставалась в оборонительном положении, что несообразно с духом кавалерии».

**М.Богданович, «История войны 1813 года
за независимость Германии, по достоверным источникам»**

«Государь, охотно вспоминая о войне 1813 года – войне истинно Германской – неоднократно говаривал, «что он не может себе простить, зачем, на другой день люценской битвы, не напал на Наполеона». Впрочем, побудительная причина к отступлению была основана на весьма уважительном обстоятельстве. Когда, по прекращении сражения, Государь вместе с Королём прусским отправился на ночлег к местечку Гронч, то граф Витгенштейн, доложив императору, что ещё на некоторое время останется на поле для распоряжений к завтрашнему наступлению, приказал из парков Главной армии, только что в этот день поступившей под его предводительство, снабдить снарядами орудия, бывшие в деле. На это повеление генерал, в ведении которого парки находились, донёс, что они далеко отстали, и зарядов не имеется. «Так извольте же о сём лично доложить государю», – отвечал ему граф, который, как сам мне говорил, единственно по причине недостатка в снарядах принуждён был отменить своё намерение дать вторичное сражение, и на следующий день отступил. <...>»

А.И.Михайловский-Данилевский, «Записки о походе 1813 года»

А.П.Ермолов – графу А.А.Аракчееву

17-го мая 1813 г.

Во время пребывания в Дрездене, в <аше> с<иятельство>, рассчитав средства к укомплектованию артиллерии людьми, лошадьми и снарядами, определить изволили пять дней срока на приведение того в исполнение. Прибывшие в Дрезден люди, лошади и парк №1-го доставили мне возможность исполнить то прежде, а мая ко 2-му числу прибыли к армии и все вообще парки, которые имел я в моём распоряжении. К 7-му числу представил я подробнейший обо всём отчет начальнику артиллерии, г. генерал-лейтенанту князю Яшвилю.

Представляя при сём записку и ведомости обо всём, что зависело от моего распоряжения, какие вообще имел я средства, просить всепокорнейше в <аше> с<иятельство> осмеливаюсь представить их по рассмотрении вашем государю императору.

Долгое время имевши честь служить под начальством в <ашего> с<иятельства>, не мог я укрыть от вас образа поведения моего по службе, и не

сомневаюсь, что известно в<ашему> с<иятельству>, что я никогда и ничего не достигал проiscaми, не позволял их себе и не терпел в подчинённых моих.

По справедливости, в<аше> с<иятельство>, никогда не останавливался обращаться, с полною к вам доверенностию, и теперь, не изменяя правил моих, вас же всепокорнейше упрашиваю представить Г<осударю> И<мператору> мои бумаги.

Общая молва обвиняет меня недостатком снарядов. Я всё то имел при армии, что имел в распоряжении; более не мог иметь того что мне дано. Записки мои объясняют в<ашему> с<иятельству> точное состояние артиллерийской части. Если что упущено мною по нерадению о должности, по недостатку деятельности, я испрашиваю одной и последней милости – военного суда, которого имею я все причины не страшиться и единственным к оправданию средством.

«После Люценского боя (2 мая) русские и прусские войска отступили за Эльбу и расположились у Бауцена. Позиция их на правом берегу р. Шпрее избрана была удачно; кроме того, они усилили её многочисленными окопами. Левое крыло союзников опиралось на Богемские горы; правое было прикрыто озёрами, прудами, канавами, а фронт – вообще течением р. Шпрее и самим городом Бауценом. Крайнее правое крыло, у Кликса и Мальвица, состояло под начальством Баркляя-де-Толли; в центре, на Шпрее, командовал Клейст, за ними во второй линии, на Креквицких высотах, стояли Блюхер и Йорк; на левом крыле – князь Горчаков, а впереди его, на Шпрее – Милорадович. Цесаревич Константин Павлович начальствовал резервами. У союзников было 180 тыс., а у Наполеона – до 130 тыс., из них 8 тыс. конницы. Удобный момент для атакования Наполеона, когда при нём находилось ещё не много войска, был упущен союзниками; предпринятая 19 мая запоздалая попытка остановить у Кёнигсварта и Вейсига наступление маршала Нея повела лишь к бесполезному ослаблению корпуса Йорка. 20 мая Наполеон приказал войскам своим переходить через Шпрее. Макдональд атаковал каменный мост, ведущий в Бауцен, и после полудня овладел самим городом. На крайнем правом крыле французов маршалу Удино после упорного боя удалось навести мост около Вильгена и опрокинуть войска Горчакова. К вечеру только левое крыло французов оставалось ещё на левом берегу Шпрее. Кейст, действовавший против Мармона, вынужден был отступить на свою вторую позицию, у Литтена. Наполеон провел ночь в Бауцене. 21 мая в 5 часов утра бой возобновился по всей линии. Удино предпринимал неоднократные атаки на левое крыло союзников, однако они были отбиты. Но между тем Нею удалось обойти корпус Баркляя с фланга, и в то же время в центре Сульг овладел Креквицкими высотами. Такой опасный для союзников оборот дел принудил их начать

отступление, которое и совершено было в полном порядке. Ни орудий, ни пленных французам в руки не досталось. Союзники потеряли убитыми и ранеными до 14 тыс., а французы – до 20 тыс. человек. Последствием сражения под Бауценом было отступление союзников до самого Одера, а затем, после продолжительного бездействия – заключено перемирие 4 июня.

«Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона»

«В третьем часу пополудни император Александр, узнав от присланного генералом Йорком адъютанта об усилении против него неприятельских войск, лично приказал Ермолову с полками Лейб-егерским, Кексгольмским и Перновским гренадерскими, гвардейским экипажем и глуховскими кирасирами идти на смену прусскому корпусу. Как только Йорк узнал о сближении Ермолова, то, оставя для прикрытия батарей два батальона, прошёл с остальными войсками через Литтен и, двинувшись левее Креквица, переправился вброд через речку. Но Креквицкие высоты уже были сильно заняты французскими войсками. Генерал Дево (Devaux) расположил на них пятьдесят орудий и открыл огонь по колоннам Блюхера, покушавшимся снова занять свою прежнюю позицию. В этот решительный момент (около двух часов пополудни) Наполеон ввёл в дело резервы, направляя гвардию и кавалерию Латур-Мобура во фланг корпусу Йорка. Шестьдесят орудий, под начальством генералов Друо и Дюлолоа (Dulauloy), двигавшиеся впереди своих резервов, опустошили ряды прусских войск и заставили их отступить.

<...> император Александр был недоволен отступлением Блюхера с Креквицких высот. Русские генералы порицали его тем более, что войска Милорадовича не только удержались в занятой им позиции, но даже несколько подались вперёд. По уверению немецких писателей, дело дошло до того, что генерал Ермолов и прусский генерал Горн готовы были решить возникший между ними спор одновременным наступлением вверенных им войск против неприятеля, занимавшего креквицкие высоты; но в то самое время, когда они готовились состязаться между собою, Горн получил от Йорка строжайшее приказание отступить.

<...> От неприятеля же, наступавшего со стороны Креквица, отступление прусских войск было обеспечено сильным огнём трёх батарей, устроенных левее Литтена, в прикрытии которых оставался отряд генерала Ермолова. Самое же селением Литтен, по приказанию генерала Йорка, было занято 1-м батальоном 5-го Сводного полка, долженствовавшим держаться до совершенного отступления войск Ермолова и артиллерии, стоявшей на батареях, а потом зажечь селение. Все эти распоряжения были исполнены в точности: артиллерия снялась с позиции не прежде, как когда войска Блюхера и Йорка успели выйти на высоты за Буршвицем, на вейссенбергской дороге; вслед за

орудиями отошёл отряд Ермолова, и за ним батальон, занимавший Литген. Неприятельская колонна, обходившая Ермолова с правого фланга, из деревни Башюца, была остановлена огнём 6-й конной роты подполковника Захаржевского. Затем войска Ермолова отступили к Вюршену, под прикрытием кирасирской бригады генерал-майора Леонтьева (Орденского и Псковского полков).

Корпус Клейста и резервная кавалерия корпуса Блюхера, под начальством полковника Дольфа, поступив в арьергард средней колонны, прикрыли отступление прусских войск по вюршенской дороге, и по достижении Бельгерна заняли весьма выгодную позицию на высотах влево от этого селения, где присоединились к ним и войска Ермолова, между тем как Барклай-де-Толли расположился правее, по другую сторону речки Лёбау. <...> войска Блюхера и за ним корпус Барклай-де-Толли, миновав Вейссенберг, расположились за речкою Лёбау; туда же отступил и корпус Клейста под прикрытием бригады Горна, занявшей Вюршен, и отряд Ермолова, встретившего неприятелей огнём батареей Нилуса и Захаржевского, при выходе из этого селения, и потом оставленного в арьергард у Кётица. Отступление Союзных войск, несмотря на значительный урон, ими понесённый, было совершено в примерном порядке. <...> ни одно орудие не было потеряно, и даже увезены почти все раненые».

**М.Богданович, «История войны 1813 года
за независимость Германии, по достоверным источникам»**

А.П.Ермолов – А.М.Казадеву

Июнь 1813 г.

<...> Под Бауценом решились дать сражение. Многие полагали выгоднее отступить в ожидании, что австрийцы начнут действовать и неприятель, следуя за нами, удобнее даст им тыл свой. Многие из самого преследования неприятеля урузумевали, что Наполеон без уверенности в австрийцах не шёл бы с такой дерзостью и так далеко. Бауценское сражение было плодом дерзости людей, счастьем избалованных. Граф Витгенштейн желал его, Дибич, достойнейший и знающий офицер, поддерживал его мнение. Говорят, что Яшвиль уверял в необходимости сражения. Могущество Витгенштейна облекло Яшвиля в великую силу. Государь приписывал ему сверхестественные дарования и с удивлением говорит о нём. Сказывают, что он был причиною сего сражения. Оно было не весьма кровопролитно. Артиллерия играла главную роль. Атак было весьма мало или почти не было, и потому и потеря умеренная. Неприятель искусным движением своих войск, может быть и превосходством сил, а более, думаю, Наполеона по вероятности искусства и головы,

растянул нас чрезвычайно и ударил на правое крыло, где Барклай-де-Толли с известной храбростию и хладнокровием не мог противиться. На центр явились ужасные силы и генерал Блюхер, опрокинутый, отступить должен был первым. Левое крыло наше по слабости против него неприятеля имело в продолжение всего дня успех, но только отражало неприятеля, а никому не пришло в голову атаковать его и тем отвлечь от прочих пунктов, где мы были преодолеваемы. Я с небольшим отрядом стоял в центре, сменивши корпус генерала Йорка, который послан был в подкрепление Блюхеру. Сей последний, отступая, завёл за собою неприятеля в тыл мне. Я с одной стороны был уже окружён и вышел только потому, что счастье не устало сопровождать меня. За три часа до захода солнца определено отступление армии. В 6 часов не было никого уже на поле сражения. Остались три арриергарда, из которых находящийся по центру, самый слабейший, дан мне в команду. Я имел на руках 60 орудий артиллерии, должен был отпустить их и дать им время удалиться. С особенным счастьем исполнил сие. Главнокомандующий с удивлением кричал о том, конечно, говорил Государю, который и сам видел, где я находился, ибо сам дал мне команду и послал туда. Но мне не сказано даже спасибо, не хотят видеть. Что я сделал и невзирая, что граф Витгенштейн говорил. Что я подарил 60 орудий, Государь относит искусному распоряжению князя Яшвиля, что артиллерия не досталась в руки неприятеля.

В люцернском деле тоже многое приписывают ему, хотя он бомбардировал только двумя ротами артиллерии. Ему тотчас дана Александровская лента. Я был в должности начальника всей артиллерии, но и доложить не хотели, что я был в деле, хотя сверх того особенно употреблён был Витгенштейном.

«10-го (22-го) мая, в половине третьего часа утра, войска генерала Ермолова, усиленные прусскою лёгкою кавалерийскою бригадою подполковника Кацлера, были атакованы на позиции впереди селения Кётица двумя кавалерийскими бригадами корпуса Латур-Мобура и 7-м корпусом генерала Ренье. За этими войсками следовали все прочие корпуса французской армии, кроме Удино, оставленного у Бауцена, для действий по направлению к Берлину, против прусского корпуса Бюлова. Сам Наполеон, прибыв к сражающимся войскам в пять часов, развернул на равнине свою конницу, в числе которой были красные голландские уланы и два полка саксонских кирасир, и двинул вперёд весь корпус Ренье. Но русская артиллерия встретила неприятеля сильнейшим огнём; французы были принуждены направить часть своих сил в обход, а между тем союзная армия, со всеми при ней находящимися обозами, успела миновать теснину у Рейхенбаха. Тогда арриергард медленно снялся с позиции и отошёл, шаг за шагом, за реку Лёбау, искусно пользуясь, для задержания неприятеля, всеми лежавшими на пути отступления местными пред-

метаами. Переправа через Лёбау и атака высоты у Вейссенберга стоили дорого французам. Ещё упорнее была оборона позиции у Роткречама, за одним из притоков реки Лёбау, Наполеон противопоставил русской артиллерии сильные батареи и поддержал Ренье значительную часть неева корпуса. Но напрасно он устремлял в бой свои многочисленные колонны; все нападения французов были отражены с большою потерею. Наконец Ермолов, атакованный огромными силами и обойдённый с левого фланга, отступил в новую позицию у селения Шёпса. Здесь, в четвёртый раз, он остановил неприятеля. Загремела снова смертоносная канонада, Наполеон, выведенный из терпения упорным сопротивлением русского арриергарда, не пощадил своей кавалерии: корпус генерала Латур-Мобура получил приказание двинуться рысью вправо от шёпских высот и вброд через ручей для обхода позиции русских с левого фланга. В то же время генерал Лористон с двумя дивизиями своего корпуса <...> двинулся левее Вейссенберга в обход правого фланга русской позиции. Угрожаемый совершенным отрезанием пути отступления, генерал Ермолов отвёл вверенные ему войска к Рейхенбаху, где сменил его граф Милорадович, с арриергардом <...>

На другой день после сражения при Бауцене граф Витгенштейн просил увольнения от должности главнокомандующего и получил его. Главнокомандующим союзными армиями назначили Баркляя-де-Толли, который был несравненно самостоятельнее своего предшественника, превосходя его сведениями и опытностью, военною и административною. Но упрекают Баркляя, и не без основания, в том, что он отдалил от себя Толя, как личного друга, воспитанника князя Кутузова. Начальником своего главного штаба он избрал генерал-лейтенанта Сабанеева, человека, не отличавшегося высшими военными способностями, а генерал-квартирмейстером Дибича».

М.Богданович, «История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам»

А.П.Ермолов – А.М.Казадаеву

Июнь 1813 г.

<...> Помню одно письмо твоё, чувствительно меня тронувшее, в котором ты с сожалением говорил, что ни в одной реляции не было упомянуто об мне. Письмо это разодрало сердце моё, ибо я полагал, что ты заключил обо мне как о человеке, уклонившемся от опасностей. Нет, друг любезнейший, я не избегал их, но боролся и с самими неприятелями и с злодеями моими Главной квартиры и сии последние самые опаснейшие. Они поставили против меня слабого и низкой души покойного фельдмаршала. Он уважал меня до смерти, но делал мне много вреда. Я в оправдание моё кратко скажу тебе, что

Сказание о генерале Ермолове

в последнюю войну я сделал. Ты, как друг мой, оцени труды мои и никому не говори ни слова.

Против воли Барклая дан я ему в начальники Главного Штаба, а он не любил меня и делал мне неприятности. Доволен был трудами моими, уважал службу мою. За сражение 7 августа при Смоленске представил меня в генерал-лейтенанты, относя ко мне успех сего дела. За Бородино, где в глазах армии отбил я взятую у нас в центре батарею и 18 орудий, Барклай представил меня ко 2-му Георгию, весьма справедливо, что его мне не дали, ибо не должно уменьшать важности одного, но странно, что отказали Александра, которого просил для меня Светлейший, дали анненскую наравне с чиновниками, бывшими у построения моста. В деле против Мюрата я находился. В Малоярославце я был в городе с 7 полками и удержал его до прибытия армии. Награждён одинако с теми, кто не был там. В Вязьме командовал я правым флангом. Нет имени моего, и что странно, что все по представлениям моим награждены, обо мне ни слова. В деле при Красном также ничего не сказано и слышу, что даже и награждён шпагою за несколько дел, когда обо мне были истиннейшие представления. Словом, от Малого Ярославца и до Вильны я был в авангарде и никогда в Главной Квартире и никто об этом не знает. Успел прийти на Березину к делу Чичагова. К несчастью моему увидел, что Витгенштейн не то делал, что должно, и не содействовал Чичагову. Светлейший велел дать себе о происшедшем записку. Витгенштейн сделался мне злодеем, и могущественным. Получа командование армиями, первое, что он сделал, истребил меня и самым несправедливейшим образом. Обратил на меня недостаток снарядов, тогда как их было довольно. Никто не хотел слушать моих оправданий, никто не хотел принять моих бумаг, ясно показывающих недостаток данных мне средств, о которых всегда прежде было известно начальству. У меня взяли командование самым подлейшим образом. Наделали тысячу оскорблений. Вскоре увидел я падение Витгенштейна, от которого он не встанет. Командовавши 20 т. и иметь дело с маршалом Удино, которого и французы удивляются невежеству, и дело с Наполеоном, разница. Никто лучше не доказал истину: *tel brille au second rang qui s'clipse au premier* <Тот сияет во втором ряду, кто затмился в первом (фр.)>, как Витгенштейн. Он в полном свете явил свою неспособность. Признаюсь тебе, что редко можно видеть человека, столь неспособного для военного ремесла. Храбрость в нём одно достоинство военное. Как человек он имеет прекрасные свойства.

Место его заступил Барклай, человек мне уже хорошо известный. Он далеко превосходит его способностию, и если в наших обстоятельствах нужен выбор, то кажется мне наилучший. Несчастлив он, по-моему. Что кампания 1812 года не в пользу его по наружности, ибо он отступал беспрестанно, но последствия его совершенно оправдали. Какое было другое средство против всей Европы? Рассуждающие на стороне его, но множество или нет, кои за-

ключают по наружности против сего. Сих последних гораздо более и к нему нет доверия. Я защищаю его не по приверженности к нему. Но точно по сущей справедливости. Он весьма худо ко мне расположен. Успели расстроить меня с ним. Узнал он, что, бывши начальником Главного штаба, я писал к государю, может быть и открыли, что писано было. Беспреестанное отступление, потерянный Смоленск и некоторые прежде сделанные ошибки и, наконец, приближение к Москве, конечно, не давали мне случай утешить государя, а сиё и сделало мне его неприятелем. Теперь представь, любезный друг, моё положение. Был Витгенштейн главнокомандующим, меня истребил; теперь Барклай истребляет. Что же наконец из меня выйдет? Отняты у меня все средства служить, я сделан начальником 2-й гвардейской дивизии, из четырёх полков состоящей, когда прежде командовал я всей гвардиею. Случаи отличиться или сделать себя полезным в гвардии весьма редки, а между тем Барклай, делая расписание армии, дал корпуса младшим и, без всякого самолюбия сказав истину, гораздо менее способным. Мне преграждены все пути. Я хотел просить увольнения в Россию, никого не отпускают. Итак, с охлаждением к службе и погасшим усердием и отвращением к ремеслу моему должен я служить. Тяну до окончания войны с сожалением о теряемых трудах моих. Война окончена и я не служу ни минуты! Я умел постигнуть ничтожность достигаемой людьми нашего ремесла цели. Исчезло предубеждение, что одно только состояние военное насыщать может честолюбие человека. Военное состояние терпит каждого человека, но надобно быть или верховных дарований, чтобы насладиться преимуществами ононого, или, бывши обыкновенным человеком в степени моей, бежать неразлучных с ним неприятностей. Я себя чувствую, знаю и клянусь всем, что свято, не служить более. Хочу жить, не быть игрой происков, подлости и самопроизвольства. Не зависеть от случайностей. Мне близко уже к 40 годам. Ничем не должен, исполнил обязанности. Излишне балован не был, не испортился. Служить не хочу, и заставить меня нет власти <...>.

«После неудачного Дрезденского сражения <...> Союзная армия (русские, прусские и австрийские войска 140 тыс. человек) медленно отступала через Рудные горы в Богемию. Наполеон, стремясь окружить и уничтожить отходившего противника, направил через Петерсвальде, Кульм на Теплице корпус Вандама (37 тыс. человек). На этом направлении, прикрывая союзную армию с востока, действовал русский отряд генерала А.И.Остермана-Толстого (17,5 тыс. человек). Получив приказ не допустить французов к выходам из ущелий, по которым отходила Союзная армия, он занял оборону под Кульмом и сосредоточил основные усилия на левом фланге, вдоль дороги Кульм – Теплице. На правом фланге войска располагались на открытой холмистой местности».

«<...> На рассвете 16-го (28-го) августа получено Остерманом предписание Баркляя-де-Толли, в котором было сказано, что «если неприятель уже успел стать на пути отступления к Петерсвальде, то войска, стоявшие у Пирны, должны двинуться чрез Максен на присоединение к армии». Исполнение этого приказа предоставило бы Вандаму путь, ведущий к Теплицу, и дало бы ему возможность занять выходы из горных теснин, через которые двигалась Союзная армия в Богемию. Но для предупреждения неприятеля на этом пути надлежало совершить фланговое движение от Цегиста к Гисгюбелю, на расстоянии двух немецких милей (около 14-ти вёрст), мимо вдвое сильнеешего вандаммова корпуса. Первоначальная мысль такого движения принадлежала принцу Евгению Виртембергскому. Но нелегко было убедить в его пользе главного начальника, графа Остермана <...>. Напрасно принц Виртембергский старался убедить графа Остермана, что ничего не могло быть почётнее для гвардии, как жертвовать собою для спасения армии; наконец, когда принц объявил, что «он пойдёт с своими войсками на Петерсвальде», Остерман, готовый идти навстречу опасности, но все ещё не убеждённый доводами принца, поехал к Ермолову и, посоветовавшись с ним, сказал: «Ну и я решился на Петерсвальде». <...>

Из беспристрастного исследования событий, предшествовавших делу при Кульме, очевидно, что Ермолов воспользовался своим влиянием на Остермана для побуждения его к отступлению на Петерсвальде. Такое необъяснимое, как будто бы магическое влияние имел Ермолов над многими из своих современников, не только в ту эпоху, когда ему были открыты настежь пути к отличиям и славе, но и тогда, когда он, томясь в бездействии, выжидал призыва на новые труды и опасности. Основанием влияния Ермолова на всех, имевших случай узнать и оценить этого необыкновенного человека, были его личные качества: его светлый ум; счастливая память, украшенная многосторонними сведениями; великодушие и бескорыстие; самая внешность его являла героя: таков был Ермолов! Один из достойнейших ветеранов русской армии на вопрос: кому должна быть приписана слава дела под Кульмом, отвечал: «славы было много, и ею могли поделиться многие; скажу только то, чему был я свидетелем: когда приезжали адъютанты и ординарцы за приказаниями к Остерману, он отсылал их к Ермолову».

Распоряжения к отступлению по теплицкому шоссе заключались в следующем: принц Виртембергский, с большею частью своего корпуса, в соединении с отрядом Гельфрейха, должен был немедленно атаковать неприятельскую позицию со стороны слабейшего её пункта, у селения Кричвица; генералу Ермолову с полками 4-м егерским, Ревельским пехотным, гвардейским егерским и с Татарским уланским поручена атака на высоты Кольберга; сам же Остерман, с 1-ю гвардейскою дивизией, большею частью артиллерии и гвардейскою кавалерией, под прикрытием атак принца Виртембергского и

Ермолова, решился тотчас выступить на шоссе, чтобы достигнуть, как можно скорее, Петерсвальда; за ним должны были следовать войска 2-го пехотного корпуса, а в хвосте колонны арриергард генерал-майора Кнорринга, составленный из полков: Татарского уланского, 4-го егерского и Ревельского пехотного. Флигель-адъютант Вольцоген получил приказание отправиться вторично в главную квартиру и донести Императору Александру как о направлении, по которому двинулся отряд графа Остермана, так и о положении дел, побудившем к такому движению. Это важное сведение было доставлено Государю на марше Союзной армии в Богемию, уже ввечеру 16-го (28-го) августа, в Альгенберг.

<...> В десятом часу утра Вандам начал дело занятием селения Гросс-Котты, оставленного войсками Гельфрейха. Принц Виртембергский немедленно поддержал Гельфрейха бригадою Вольфа (Муромским и Черниговским полками); неприятель, у которого на этом пункте было до трёх тысяч человек, был вытеснен из помянутого селения и опрокинут за Кричвиц, где стрелки Вольфа удерживались до четырёх часов пополудни. Одновременно с атакою принца Виртембергского, отряд Кнорринга, поддержанный одним батальоном лейб-егерей и одним же Семёновского полка, под личным начальством Ермолова, атаковал Кольберг; между тем как гвардия двинулась по шоссе к Гисгюбелю. Войска Кнорринга овладели высотой и с громкими восклицаниями преследовали неприятеля до речки Готлейбе; вскоре после того французы снова заняли Кольберг, но были сбиты оттуда лейб-егерями и Семёновцами, которые оставались там, пока весь 2-й корпус перешёл через Зейдевицкий овраг и двинулся по шоссе вслед за гвардиею. Неприятель, введённый в заблуждение этими решительными атаками, стал стягивать силы от левого крыла к селению Кричвицу, и даже обратил туда часть войск, находившихся между Ланген-Геннерсдорфом и Гисгюбелем.

<...> Граф Остерман, получив сведение о движении неприятеля к теснине на пути в Богемию, приказал гвардии сняться с привала и двинуться далее. Около двух часов пополудни войска 1-й гвардейской дивизии уже успели пройти через деревню Гисгюбель; в голове их шёл Преображенский полк; за ним двадцать четыре орудия. Едва лишь русская колонна, миновав селение, стала взбираться на кругую высоту Дюренберг, как головная часть была встречена канонадою батареи, стоявшей на шоссе, и сильным ружейным огнём французов, засевших на дороге и по сторонам её. Генерал Ермолов приказал Ладыгину выдвинуть против неприятеля четыре орудия, которые вскоре заставили замолчать французскую батарею. Вслед за тем, по распоряжению Ермолова, генерал-майор Розен выслал стрелков и под прикрытием их двинул 1-й батальон Преображенского полка правее шоссе, а 2-й повёл сам прямо на неприятеля, обратив его в бегство ударом в штыки, и проложил путь артиллерии. Затем, по приказанию генерала Ермолова, были оставлены два

батальона лейб-егерского полка под начальством генерал-майора Бистрома, для охранения пройденной теснины, до прибытия 2-го пехотного корпуса; третий батальон послан в лес, к стороне Геннерсдорфа, для преследования опрокинутого неприятеля, а прочим гвардейским полкам приказано ускорить движение к Геллендорфу.

<...> Гвардейские полки с артиллериею прошли через селение Петерсвальде, в четыре часа пополудни; за ними непосредственно следовал отряд Гельфрейха. Войска же князя Шаховского, подходя к Дюренбергу, были атакованы вышедшею из леса значительною неприятельскою колонною <...>

Войска князя Шаховского расположились впереди Петерсвальде, прикрывшись передовыми постами, выставленными Татарским уланским полком у саксонской границы; отряд Гельфрейха стал правее Петерсвальде, а 1-я гвардейская дивизия – позади этого селения. Из войск 2-го пехотного корпуса собрались у Петерсвальде только полки Тобольский, Черниговский и часть Муромского и Минского, в числе двух тысяч пятисот человек. <...> Потери 2-го корпуса были значительны; но русские военачальники достигли предположенной ими цели: войска их заслонили своею грудью доступ в Богемию.

<...> Расстройство войск князя Шаховского заставило Остермана ускорить отступление к Ноллендорфу. Едва лишь гвардейские полки тронулись с места, как были настигнуты неприятелем. <...> Неприятель, поддерживая свою кавалерию пехотою, преследовал настойчиво; стрелки его смешались с русскими и теснили их до самого плато у Ноллендорфа, где генерал Ермолов успел выставить несколько орудий и расположить к бою бригаду генерала Храповицкого и полки 2-го корпуса: Муромский, Тобольский, Ревельский и 4-й егерский. (Последние два только лишь тогда прибыли из Шёнвальде). Войска эти, пропустив назад расстроенный отряд Гельфрейха, остановили французов, которые, выставя сильную батарею, ограничились канонадою и перестрелкою, в продолжение более двух часов, несмотря на густой туман, не позволявший ничего видеть в самом близком расстоянии. Вскоре после того гвардия отошла к Кульму, а принц Евгений, остававшийся с своими полками в арриергарде, на ноллендорфском плато, до тех пор, пока туман совершенно не рассеялся, также отступил вслед за гвардией».

**М.Богданович, «История войны 1813 года
за независимость Германии, по достоверным источникам»**

«Во время дела граф Остерман, находясь при арриергарде, приказал генералу Ермолову выбрать, не доходя до Теплица, первую, какая найдётся, выгодную позицию и остановить на ней войска. Ермолов нашёл её позади Пристена, между горным замком Гейсберг и селением Карвиц. 1-я Гвардей-

ская дивизия выстроилась в две линии, колоннами к атаке, влево от Теплицкой дороги, имея в 300 шагах перед фронтом деревню Пристен, окружённую садами и кустарником. Левый фланг примыкал к лесистым горам. Полки Лейб-Гусарский и Кирасирский Её Величества выстроились вправо от дороги, правым флангом к Карвицу. Полки Ревельский, 4-й Егерский и Татарский-Уланский должны были, под начальством генерал-майора Кнорринга, оборонять Кульм. Прочие, вообще весьма слабые, полки 2-го корпуса стали в Пристене, кроме Муромского, посланного, вместе с Гвардейским-Егерским, под начальством генерала Бистрома, на лесистую высоту за Страденом, которую преимущественно надлежало оборонять, потому что в сём направлении должны были спускаться войска, идущие из Альгенберга. Под ружьём было гвардии до 7000, 2-го корпуса и отряда Гельфрейха 3500, кавалерии 1300, всего около 14 000 человек. Во 2-м корпусе и у Гельфрейха не оставалось других патронов, кроме находившихся в суммах».

«Военный энциклопедический лексикон»

«<...> 17 августа французы неоднократно атаковали отряд (после тяжёлого ранения Остермана-Толстого отрядом командовал генерал А.П.Ермолов). Но, несмотря на значительные потери (ок. 6 тыс. убитыми и ранеными), отряд упорной обороной остановил наступление превосходивших сил противника, чем была устранена угроза уничтожения отступавшей союзной армии. В течение ночи на 18 августа к Кульму подошла часть главных сил союзной армии (44 тыс. чел.) во главе с генералом М.И.Барклай-де-Толли, отходившая через Рудные торы, и сменила ослабленный боями отряд генерала Ермолова. Генерал Барклай-де-Толли решил воспользоваться изолированным положением корпуса Вандама и разгромить его концентрическими ударами. С этой целью с тыла французов обходил прусский корпус генерала Ф.Клейста (до 35 тыс. чел.), слева их охватывали русские и австрийские отряды, с фронта атаковали русские полки. Начало атаки приурочивалось к выходу корпуса Клейста в тыл французам (р-н Теплице). 18 августа в 11 часов Клейст вышел к Теплице и атаковал французов с тыла. Вандам повернул фронт основных сил против Клейста, а затем попытался пробиться на север. Но это удалось только кавалерии, остальные войска Вандама, атакованные с трёх сторон, были перебиты или пленены. При Кульме французы потеряли до 5 тыс. убитыми, 12 тыс. человек пленными, 84 орудия, весь обоз; в плен попал и сам Вандам. Потери союзников составили около 10 тыс. человек. Сражение под Кульмом явилось переломным в кампании 1813 года. Оно способствовало подъёму боевого духа армий союзников, имело важное значение для укрепления антинаполеоновской коалиции. С точки зрения развития военного искусства сражение под Кульмом – пример окружения и уничтожения крупных сил

противника, осуществлённого после отражения его атак. Поражение под Кульмом вынудило Наполеона начать отход к Лейпцигу, где французам было нанесено сокрушительное поражение».

«Советская военная энциклопедия»

«17-го (29-го) августа <...> около восьми часов утра 1-я гвардейская дивизия, миновав сѣ селение, спешила к Пристену для занятия там позиции, указанной генералом Ермоловым. Гвардейские егеря, завязавшие у Ноллендорфа жаркую перестрелку с неприятелем, обеспечив отступление к этому пункту войск 2-го пехотного корпуса и отряда Гельфрейха, отошли также через Кульм на позицию у Пристена; вслед за тем снялись с ноллендорфского плато войска Гельфрейха и Кнорринга; а принц Виртембергский с отрядом князя Шаховского оставался на плато <...> до тех пор, пока туман не рассеялся, и неприятель, заметив малочисленность русского арьергарда, повёл на него атаку.

<...> Русские отряды, оставленные у Тельница и Кульма, задержав непродолжительное время неприятеля, отошли в порядке к Пристену, французы, следовавшие за ними по пятам, ворвались в Кульм в начале 10-го часа. <...>

Граф Остерман и генерал Ермолов в продолжение боя оставались при гвардии, а принц Виртембергский, непосредственно командуя войсками князя Шаховского и Гельфрейха, находился сперва на шоссе у батареи Бистрома, а потом влево от Пристена. <...>

Около полудня войска <бригады французского генерала Рейсса> (шесть батальонов) были направлены против слабейшего пункта позиции – левого крыла, к селению Страдену, но встретили там самое упорное сопротивление; стрелки генерала Бистрома, пользуясь лесистою местностью, нанесли неприятелю чувствительный урон, и сам бригадный командир, принц Рейсский, был убит. Прибытие, по распоряжению Ермолова, Семёновского полка в помощь лейб-егерям склонило успех на сторону русских; неприятельская бригада подалась назад. Но в этот самый момент появился против левого крыла позиции генерал Мутон-Дюверне с девятью батальонами 42-й дивизии. <...> Пользуясь своим значительным превосходством в силах, вытеснил русских стрелков из леса у Страдена, выставил сильные батареи на высотах против левого крыла и центра остермановских войск и громил их <...>. Около двух часов пополудни подошла на место боя французская дивизия генерала Филлипон (четырнадцать батальонов). Вандам, желая окончательно решить дело, направил эти свежие войска против русской позиции в двух колоннах. <...> Неприятель стремительно атаковал этот пункт, желая прорвать линию русских войск. Здесь Семёновский полк потерял девятьсот человек; генерал Ермолов послал ему в подкрепление два батальона Преображенского полка;

отряд Гельфрейха и полки Черниговский и Тобольский 2-го пехотного корпуса также вступили в дело. Войска обеих сторон, смешавшись одни с другими в рукопашной схватке, сражались с переменным успехом. <...>

Принц Виртембергский, которого полки уже были весьма ослаблены и истреляли почти все патроны, послал одного из своих адъютантов (Гельдорфа) к Остерману, с просьбою о поддержании его войск вблизи стоявшим Измайловским полком.

В это время один из батальонов этого полка уже был введён в дело; в резерве русских войск оставались всего-навсего три батальона (два Измайловских и один Преображенский), и потому генерал Ермолов, как опытный воин, желая сохранить свежие силы до последней крайности, старался убедить Остермана, чтобы он отказал принцу в требуемом подкреплении. Иностранные писатели приписывают поступок генерала Ермолова исключительно желанию сохранить гвардию. После жаркого спора между Ермоловым и начальником штаба 2-го пехотного корпуса, полковником Гофманом, принц Виртембергский прискакал к Остерману сам, получил в помощь желаемые им батальоны. Генерал Храповицкий, в челе их, атаковал неприятеля. <...>

Французы выставили на высотах у Страдена также двадцать четыре орудия; но действие этой батареи, по значительному её расстоянию, не могло нанести большого вреда русским войскам; тем не менее однако же одним из ядер, оттуда пущенных, оторвало левую руку графу Остерману. Удаляясь с поля сражения, он передал начальство над войсками Ермолову.

Войска русские сражались как львы. Полки наперерыв стремились в пыл битвы. Музыканты, барабанщики, писаря просили ружей. «Не скрыл я от полков лейб-гвардии», – писал Ермолов в донесении о деле при Кульме, – «что армия наша в горах и скоро выдти не может, что Государь Император находится при ней и ещё не возвратился. Не был я в положении поощрять солдат. Столько неустрашимы служащие им примером их начальники; столько каждый горел усердием»... Но уже все русские войска были в огне; в резерве оставались только две роты Преображенского полка, а неприятель получил подкрепления и напрягал усилия, стремясь сломить отчаянное сопротивление горсти храбрых. Около пяти часов пополудни 7-й лёгкий полк (тот самый, который сражался против Преображенцев у Гисгюбеля) в голове огромной колонны двинулся ускоренным шагом к Пристену; неприятель в третий раз овладел этим селением и стал переходить через овраг, отделявший его от батареи Байкова. Русские артиллеристы встретили французов картечью, но многие из них пали под пулями стрелковой цепи; подполковник Черемисинов был тяжело ранен... Но в этот решительный момент появилась на поле сражения русская кавалерия – гвардейские драгуны и уланы, и вслед за ними 1-я кирасирская дивизия. Прибывший тогда же генерал-квартирмейстер войск Барклая-де-Толли, генерал-майор Дибич, приняв ко-

мандрование над лейб-драгунами, кинулся на французов; с другой стороны атаковал их лейб-уланский полк под начальством полковника принца Карла Гессен-Филипстальского, который здесь был тяжело ранен. Неприятельская пехота, опрокинутая этими атаками, потеряла одними пленными до пяти-сот человек и отошла назад под прикрытием следовавших в хвосте колонны полков Фезенсака; тогда же кавалерийская бригада Гобрехта подалась вперёд, чтобы остановить наступавшие русские войска: это был последний акт дела под Кульмом. Между тем подоспела на правое крыло русской позиции 1-я кирасирская дивизия, приведённая генерального штаба поручиком Дистом, который, сообразив отчаянное положение графа Остермана, приказал именем Баркляя-де-Толли этой дивизии идти прямо на поле сражения. <...> прибыл австрийский драгунский полк эрцгерцога Иоанна, а потом пришла и 2-я кирасирская дивизия. <...> Дело совершенно кончилось в семь (по другим сведениям – в шесть) часов вечера. <...> Несколько позже подоспели русские резервы <...> Прибывший с резервами генерал Милорадович принял команду над всеми войсками, собранными против Вандама».

М.Богданович, «История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам»

«18-го августа на рассвете прекраснейшего дня Император Александр и Прусский Король поехали на высоту горы Шлосберг, у Теплица, откуда ясно видны были боевые линии союзных и французских войск. Часу в 7-м началось стрелковое дело, самое сражение завязалось в конце 9-го. Оно началось блистательною атакою генерал-майора Кнорринга <...>

Во время боя на правом фланге нашем граф Милорадович атаковал французов в центре, а Раевский пошёл в обход правого неприятельского крыла. <...> Император Александр, завидя с Шлосберга первый пушечный <...> выстрел, приказал усилить общую атаку с фронта и флангов. Повеление было немедленно исполнено. Со всех сторон двинулись колонны, на штыках овладели Кульмом и частью стоявшей там артиллерии. Русская конница и драгуны эрцгерцога Иоанна ударили в левое крыло французов и взяли несколько пушек.

Сначала Вандам почёл войска Клейста за французские, шедшие к нему от Пирны; но вскоре он был разочарован и убеждён, что ему осталось только поспешно отступать... Для сего надлежало сперва сбить Клейста. <...> Жесток был удар конницы при встрече с Клейстом, шедшим походною колонною; каждая сторона ринулась напролом: пруссаки стремились вниз, под гору; французы неслись на вершину её с блистательною храбростью, заменявшею им невыгоды местоположения. <...> Обе стороны уже не боролись за победу, но пробивались сквозь вражеские ряды. <...> После прорыва всадников <Кор-

бино», пруссаки снова сомкнулись, и Клейст сошёл к Тельницу, куда стремился корпус Вандама, живо преследуемый на всех пунктах и пришедший в совершенный беспорядок. <...>

Пока выбивали неприятеля штыками из Кульма, Император Александр и Король Прусский, спустившись с Шлосберга, следовали за движением колонн и остановились в Арбезау. В час пополудни сражение прекратилось. <...>

Государь, объезжая поле сражения, <...> благодарил полки, заботился о наших и неприятельских раненых, поздравил Баркляя-де-Толли кавалером ордена Св. Георгия 1-й степени, а князя Шварценберга Св. Андрея; нижним же чинам Гвардейского корпуса пожаловал по два рубля серебром на человека. Радость изображалась на лице Монарха, торжествовавшего победу, по Его распоряжениям одержанную и принадлежавшую лично Ему.

Кульмское сражение, покрыв неувядаемою славою Русскую Гвардию и неустрашимого её вождя, графа Остермана, решительно положило предел успехам Наполеона».

«Военный энциклопедический лексикон»

«Давыдов говорит: «Хотя не подлежит никакому сомнению, что победой при Кульме Европа в особенности обязана Ермолову, но многочисленные и сильные враги его силились и сияются доказать противное». <...> Я, маленький человек в сравнении с Давыдовым, осмелюсь сказать: жаркие поклонники Ермолова силились и сияются доказать, что главным героем Кульмского дела был он, стараясь отодвинуть на задний план графа Остермана-Толстого. За что ж отдавать всё одному лицу и лишать другого того, чего уже никто лишить его не может? Если б от меня зависело помирить эти мнения, я сказал бы, что оба равно были виновниками победы: Остерман славно начал и вёл дело, Ермолов славно довершил его. Но всё-таки, что ни говори и ни пиши, а история, упоминая о Кульмском деле, поставит имя Остермана на первое место, а Ермолова на второе, и никакой богатырь-писатель не переместит их. Это засвидетельствовал государь Александр I, наградив первого за Кульмское дело орденом св. Георгия 2-го класса и отечески благоволив к нему до конца своей жизни. Император являлся его покровителем и миротворцем даже в размолвках его (в мирное уже время) с фельдмаршалом Баркляем-де-Толли. К этому свидетельству присоединился голос целого народа чешского, поднёсшего ему в признательность за спасение своё дорогой сосуд, который скромный победитель передал для священнодействия в церковь Преображенского полка. Государь отдал ему вазой, на которой герой Кульмской битвы изображён в то время, когда его ранили. Красноречивый рескрипт ему, написанный по этому случаю, подтвердил голос народа.

В статье г. Погодина сказано: «Реляция об этом сражении была написана Ермоловым; относя весь успех дела непоколебимому мужеству войск и распорядительности графа Остермана, он почти умолчал о себе. Остерман, прочитав её, невзирая на свои страдания, написал весьма некрасиво (потеряв руку, он всегда неразборчиво писал и впоследствии) следующую записку: «Довольно не могу возблагодарить в<аше> п<ревосходительство>, находя лишь только, что вы мало упомянули об Ермолове, которому я всегда справедливость отдавать привычен».

В другом месте у г. Погодина: «Когда флигель-адъютант князь Голицын привёз графу Остерману св. Георгия 2-го класса, этот мужественный генерал <...> сказал ему: «Этот орден должен бы принадлежать не мне, а Ермолову, который принимал важное участие в битве и окончил её с такою славой».

Что ж эти свидетельства доказывают? Что оба, Остерман и Ермолов, были рыцари благородства и в этом случае вели между собою честное состязание».

И.И.Лажечников, «Несколько заметок и воспоминаний по поводу статьи «Материалы для биографии А.П.Ермолова»

«Прямо на месте битвы Александр I надел на Ермолова орден св. Александра Невского, а Константин Павлович при этом произнёс:

– Ермолов укрепил за собою гвардию.

Прослышав, что при отступлении к Кульму повозка Ермолова пропала, и, зная его скудное состояние, великий князь предложил ему свой новый, шитый золотом генеральский мундир.

– Алексей Петрович, я тебя хорошо знаю, – говорил Константин Павлович. – Ты не станешь просить вспомоществования, хотя имеешь на то полное право. Тем более что многие лица, ничего не потерявшие, выхлопотали себе денежное вознаграждение. Я теперь без денег и не могу предложить тебе их. Но возьми в знак дружбы мой мундир...

– Ваше высочество, – отвечал Ермолов, – я настолько высоко ценю ваше дружеское ко мне расположение, что не хочу, чтобы оно омрачалось подарками...»

О.Н.Михайлов, «Генерал Ермолов»

«После кульмской победы над французскими войсками, в которой особенно отличился Ермолов, Александр I спросил его, какой награды он желает. Острый на язык Ермолов, зная приверженность царя к иностранцам на русской службе, ответил: «Произведите меня в немцы, государь!» Эта фраза потом с восторгом повторялась патриотически настроенной молодежью».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«Сенатор Безродный в 1811 году был правителем канцелярии главнокомандующего Барклая-де-Толли. Ермолов зачем-то ездил в главную квартиру. Воротясь, на вопрос товарищей: «Ну что, каково там?» – «Плохо, – отвечал Ермолов, – все немцы, чисто немцы. Я нашёл там одного русского, да и тот Безродный».

Русский литературный анекдот XVIII – начала XIX веков

«С 4-го (16-го) по 7-е (19-е) октября 1813 г. под Лейпцигом происходила битва между армиями Наполеона I и соединённых против него государей: русско-го, австрийского, прусского и шведского. Силы последних разделены были на 3 армии: богемскую (главную), силезскую и северную, но из них в сражении 4 октября участвовали лишь две первые. Кровавопролитные действия этого дня не принесли никаких существенных результатов. 5 октября обе враждующие стороны оставались в бездействии, и только на северной стороне Лейпцига произошла кавалерийская стычка <...>. 6 октября союзники возобновили атаку по всей линии, но, несмотря на громадное превосходство их сил, результат боя был опять далеко не решителен: на правом крыле Наполеона все атаки богемской армии были отбиты; в центре французы уступили несколько селений и подались назад, к Лейпцигу, версты на 2; левое крыло их удержало свои позиции к северу от Лейпцига; в тылу путь отступления французов на Вейсенфельс оставался свободным. Главными причинами малого успеха союзников были одновременность их атак и бездействие резерва, которым князь Шварценберг не умел или не хотел должным образом воспользоваться вопреки настояниям императора Александра. Между тем Наполеон, пользуясь тем, что путь отступления оставался открытым, начал ещё до полудня отправлять назад свои обозы и отдельные части войск, а в ночь с 6 на 7 вся франц<узская> армия отошла к Лейпцигу и далее. <...> Утром 7 октября последовала новая атака союзников; около 1 часа дня союзные монархи уже могли въехать в город, в некоторых частях которого ещё кипел ожесточённый бой. По бедственной для французов ошибке мост на Эльстере взорван был преждевременно; отрезанные войска их арьергарда были частью взяты в плен, частью погибли, пытаясь спастись вплавь через реку. Победа союзников не была, однако, довершена энергичным преследованием неприятельской армия, хотя они и располагали весьма многочисленною конницею. <...> Последствием этой битвы было освобождение Германии и отпадение от Наполеона войск Рейнского союза. Во время самой битвы из рядов наполеоновской

армии в ряды союзников перешла саксонская пехота и артиллерия. Потери французов простирались до 60 тыс. чел. и 300 орудий; у союзников выбыло из строя до 50 тыс., из числа которых около половины пришлось на русские войска».

«Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона»

«Рано поутру 4-го октября главная армия построилась в следующий боевой порядок: на левом крыле <...>; центр <...>; правое крыло, под начальством Барклай-де-Толли, в три линии на правом берегу Плейссы от Костевица до Фуксгайна; а именно, 1-я линия, Графа Витгенштейна, левое крыло <...>. Центр <...>. Правое крыло <...>. Вторую линию, Раевского, составляли гренадерский корпус и 2-я кирасирская дивизия. В 3-й линии были резерв Цесаревича Константина Павловича, у Магдеборна: пехота гвардейского корпуса, Ермолова, 1-я кирасирская дивизия, Шевича, резервная артиллерия, Сухозанета.

<...> Уже три часа кипело сражение. На всех пунктах, куда с утра устремились союзные войска, нашли они сильное сопротивление, нигде не выиграли ни шагу. Вскоре начали спускаться из нашего центра колонны между Вахау и Либертвольквицем. Желая подкрепить 1-ю линию, ослабевшую от жестокого огня, Барклай-де-Толли послал за гренадерским корпусом; 1-я его дивизия стала у Госсы и правее, где действовал Горчаков, 2-я у овчарни Ауенгейм. Государь велел гвардии выступить из Магдеборна к полю сражения и потребовал подкрепления у князя Шварценберга. Австрийские резервы перешли через Плейссу у Бейбена и направились к Гребену и Ауенгейму.

<...> Бросившись назад, французы помешали на некоторое время действию своей артиллерии и движению пехоты, за которою снова выстроились в порядок. Наша кавалерия возвратилась; неприятельская артиллерия сформировалась в одну длинную батарею.

Но и с нашей стороны были уже поставлены за ручьём, левее от Госсы, 112 орудий резервной артиллерии, и на расстоянии 350 сажен возгорелась ужасная пальба, продолжавшаяся 1 часа. Между тем подспедали резервы: гвардия выстроилась позади батарей и частью подкрепила генерала Сулимы в Госсе, кирасиры стали в 3-й линии. Таким образом, Александр восстановил сражение и лишил победы Наполеона, столь уверенного в успехе, что, видя центр союзной армии прорванным, он послал в Лейпциг поздравить Короля Саксонского и приказал во всех церквях города звонить в колокола.

В Госсе и Ауенгейме всё ещё продолжался кровавый бой. Удино овладел передними домами и вступал в середину селения, когда явились туда гвардейские полки Лейб-Гренадерский, Павловский, Егерский и Финляндский. Вместе с бригадами Сулимы и Пирха они остановили французов; Раевский с 2-ю гренадерскою дивизиею с трудом оборонял против Виктора Ауенгеймскую

овчарню, причём был ранен пулею. Подоспели австрийские резервы с левого берега Плесы, Гренадерские дивизии Вейссенвольфа и Бианки, и кирасиры графа Ностица. Появление их уравнило силы. Вейссенвольф подкрепил 2-ю гренадерскую дивизию у Ауенгейма; Бианки сменил Клейста у Клеесберга и утвердился в сём селении; граф Ностиц сделал несколько удачных атак на французскую конницу, заходившую в левый фланг гренадер. Таким образом, поверхность, польстившая сначала Наполеону, перешла на сторону союзников; французы прекратили нападения, и батареи их отступили на дальний пушечный выстрел. 30 наших орудий, взятых неприятелем в кавалерийских атаках и оставленных на поле сражения, были возвращены. На правом крыле Макдональд и Ларистон также не имели успеха. Князь Горчаков удержался в университетском лесу, а Кленау близ Песны.

Так кончилось второе действие сражения».
«Военный энциклопедический лексикон»

«В декабре 1813 г. французские войска отступили за Рейн, и кампания 1814 г. началась уже в пределах Франции. 18 (30) марта под стенами Парижа произошла последняя битва между войсками коалиции и Наполеона. Ермолов здесь командовал русской и прусской гвардиями. На следующий день союзные войска вступили в Париж. В мае 1814 г. он назначается командующим 80-тысячной резервной армией, дислоцированной в Кракове».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«Замечательно, что в 1814 г. Александр I поручает Алексею Петровичу написать манифест о взятии Парижа. Вообще-то большинство воззваний военного времени царь доверял известному адмиралу А.С.Шишкову, вошедшему в историю словесности как пурист и ревнитель старого русского слога. Но поскольку сего Бояна в Париже не было, а Ермолов был для императора не столько остроумцем, сколько составителем весьма толковых писем, военных распоряжений и реляций (это было вменено ему в должностные обязанности), августейший выбор пал именно на него. И наш генерал не подкачал! Представленный им манифест обнаруживает в его авторе высокий талант певца России».

Лев Бердников, «Остёр до дерзости...»

Высочайший Манифест о заключении мира с Францией

Буря брани, врагом общего спокойствия, врагом России непримиримым подъятая, недавно свирепствовавшая в сердце Отечества Нашего, ныне в страну неприятелей пронёсшаяся, на ней отяготилась. Исполнилась мера

Сказание о генерале Ермолове

терпения Бога, защитника правых! Всемогущий ополчил Россию, да ею возвратит свободу народам и Царствам, да воздвигнет падшие!

Тысяча восемьсот двенадцатый год, тяжкий ранами, приятыми в грудь Отечества Нашего для низложения коварных замыслов властолюбивого врага, вознёс Россию на верх славы, явил пред лицом вселенной в величии её, положил основание свободы народов. С прискорбием души и истощив все средства к отвращению незаконной войны, прибегли Мы к средствам силы. Горестная необходимость извлекла меч Наш. Достоинство народа, промыслом Всевышнего попечению Нашему вверенного, воспретило опустить его во влагище, доколе неприятель на земле Нашей. Торжественно дали Мы сиё обещание. Дали его, не обольщённые блеском славы, не упоённые властолюбием, не во времена счастья. С сердцем чистым изливав у Алтаря Предвечного моления Наши, в твёрдом уповании на правосудие Его, исполнены чувств правоты Нашей, призвали Его на помощь! Мы предприяли дело великое. Во благодати Божией снискали конец его. Единодушие любезных Нам верноподданных, известная любовь их к Отечеству утвердили надежды Наши. Российское Дворянство, сильная подпора престола, на коей всегда возлежало величие его; служители Алтарей всеильного Бога, их же благочестием утверждаемся на пути Веры; знаменитое заслугами Купечество и Граждане не щадили никаких пожертвований. Кроткий поселянин, не знакомый дотоле со звуками оружия, оружием защищал Веру, Отечество и Государя. Жизнь казалась ему малою жертвою. Чувство рабства не знакомо сердцу Россиянина. Никогда не преклонял он главы пред властью чуждою. Дерзал ли кто налагать иго? Не коснело наказание! Вносил ли кто оружие в Отечество его? Указует он гробы их! Тако возносит Бог уповающего на Него! Враги побегли от лица Нашего. Немногие остались, да возвестят о гибели. Тако гордого наказует Бог! Новые между тем приутоплялись врагов ополчения. Ещё противоборствовавшие России народы поставляли безопасность свою в соединении сил. Дабы ограждать Отечество от вторжения неприятелей, надлежало вынести войну вне пределов его, и победоносные воинства Наши явились на Висле. Настал тысяча восемьсот тринадцатый год. Народы склонили слух свой ко внушению истины. Утомлённая бедствиями, бодрость воспрянула. Души их слились во единую. Ополчения составили единое ополчение. Противящиеся покорены оружием. Быстрое прохождение от торжества к торжеству привело на берега Рейна. Неприятель пребыл непреклонным к миру. Но едва протёк год, узрел он Нас при вратах Парижа! Французский народ, никогда не возбуждавший в Нас чувств враждебных, удержал гром Наш, готовый низринуться. Франция открыла глаза на окружающую её бездну, расторгла узы обольщения, устыдилась быть орудием властолюбца. Глас отечества пробудился в душе народа. Возник новый вещей порядок: призван на престол законный Государь. Франция возжелала мира. Ей дарован он великодушный и прочный. Мир сей, залог

Сказание о генерале Ермолове

частной каждого народа безопасности, всеобщего и продолжительного спокойствия, ограждающий независимость, утверждающий свободу, обещает благоденствие Европы, приуготовляет возмездия, достойные понесённых трудов, преодолённых опасностей. Всемогущий положил предел бедствиям. Прославил любезное Нам Отечество в роды родов. Воздал Нам по сердцу и желаниям. Мы, благоговея пред Господом подателем всех благ, воссылая благодарственное моление из глубины души Нашей, повелеваем: да во всём пространстве Империи Нашей принесётся торжественное молебствие милосердому Богу. Уверены Мы, что Россия падёт на колена и прольёт слёзы радости у Престола Всещедрого.

«АЛЕКСАНДР»
Париж, 18 мая 1814 г.

В начале марта 1815 г. собравшиеся на Венский конгресс представители держав, победительниц Наполеона, получили известие, что он, покинув место своей ссылки, о. Эльбу, высадился на юге Франции и стремительно приближается к Парижу. Отошли на второй план споры и разногласия между участниками конгресса, спешно готовилась новая армия против Наполеона. Ермолов получил предписание о движении его корпуса к пределам Франции. 21 мая он уже был в Нюрнберге, а 3 июня – в пограничном с Францией г. Аюбе. Но принять непосредственное участие в военных действиях против войск Наполеона корпусу Ермолова не пришлось. 2 (18) июня 1815 г. армия Наполеона была разгромлена англо-прусскими войсками в знаменитой битве при Ватерлоо. Наполеон вновь подписал отречение от престола, сдался англичанам и был отправлен в ссылку на о. Святой Елены. Союзные войска вновь вступили в Париж. В их составе находился со своим корпусом и Ермолов.

В ноябре 1815 г. Ермолов сдал корпус генералу И.Ф.Паскевичу и вернулся в Россию. Взяв отпуск, он отправился к отцу в Орёл.

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«Однажды, в 1814 году, был назначен во Франкфурте парад, на который опоздал прибыть с полком мужественный флигель-адъютант Удом, командовавший лейб-гвардии Литовским полком. Хотя этот полк явился на смотр задолго до прибытия государя, но разгневанный цесаревич повторил два раза Ермолову приказание арестовать сего штаб офицера; так как оно было ему объявлено перед фронтом, то Ермолов был вынужден лишь безмолвно опустить свою саблю. Когда по окончании смотра его высочество ещё раз подтвердил это приказание, Ермолов смело возразил ему: «Виноват во всём я, а

не Удом, а потому я к сабле его присоединю и свою; сняв с себя однажды эту саблю, я, конечно, её в другой раз не надену». Это обезоружило цесаревича, который ограничился лёгким выговором Удому.

В 1815 году Ермолов, находясь близ государя и цесаревича на смотре английских войск, с коими Веллингтон повторил манёвр, употреблённый им в сражении при Виттории, обратил внимание государя и великого князя на одного английского офицера, одетого и маршировавшего с крайнею небрежностью. На ответ государя: «Что с ним делать? Будь он лорд», – Ермолов отвечал: «Почему же мы не лорды?»

Д.В.Давыдов, «Воспоминания о великом князе Константине Павловиче»

«В должности адъютанта генерала Полуектова, которого Ермолов любил за его умную, приятную беседу, часто приправленную, с грехом пополам, красным словцом, я имел счастье служить под начальством Алексея Петровича во время походов 1814 и 15 годов, когда он командовал гренадерским корпусом, и часто видел его в офицерском кругу. Здесь-то, душою весь нараспашку, он очаровывал своих сослуживцев простотой и любезностью обращения; здесь не было чинов, и офицеры, забывая их, никогда, однако ж, не забывали, что находятся перед Ермоловым, к которому привыкли питать глубокое уважение, благоговейную любовь и преданность. <...>

Слышу сквозь сон своё имя, но не шевелюсь. Кто-то меня немилосердно толкает, говорит, что меня требуют к моему генералу. Стал я на ноги. Передо мною длинное, предлинное привидение – солдат вестовой со словами:

– Пожалуйте, ваше благородие, к генералу.

– Куда? – спрашиваю.

– В деревне, недалеко, рукой махнуть. Он у Ермолова. Темненько; извольте за меня держаться.

Иду машинально, ухватясь за рукав моего вожатого.

Вошли в какую-то каменную ограду.

– Поосторожнее, – говорит мой проводник, – не наткнитесь на мёртвое тело... Было здесь сражение, не успели зарыть убитых.

<...> Вхожу в избушку, ярко освещённую. На пышном соломенном ложе, разостланном на полу, расположилось в разных позах целое общество генералов, штаб- и обер-офицеров и между ними Алексей Петрович Ермолов. Если б я не видал его лица, то мог бы узнать его по огромной, львиной голове. Сюртук его нараспашку, на широкой груди висит наперсный крест с ладанкой, в которой зашит псалом: «Живый в помощи вышнего» – благословение отцовское. С этим талисманом он никогда не расстаётся, с ним он носитя в бою, как будто окрылённый силами небесными. Тут же и генерал мой.

– А вот и свидетель, – сказал А<лексей> П<етрович>, коварно мигнув сидевшему подле него (помнится) Дамасу, потом, обращаясь ко мне, прибавил: – Извини, что мы тебя потревожили. Надо тебя предупредить, что ты призван сюда не по службе, и потому, птенец, садись или ложись между нами, как тебе лучше.

Когда я уселся на место, которое мне очистили двое из собеседников, генерал мой начал передавать мне пресмешной, но невероятный анекдот, которого я будто бы был свидетелем.

– Могу только сказать, – отвечал я, – что моей личности при этом случае не было.

– Вспомни хорошенько, мой золотой, – начал убеждать меня Полуектов, – это было там-то, в такой-то день и т.д.

– Вспомните, генерал, – отозвался я, – что я поступил к вам в адъютанты, когда полк со всею армией перешёл уже через Рейн, а случай, о котором вы говорите, был до перехода этого, и я находился тогда на пути из Мекленбурга.

– Ну, так виноват, – сказал Б. В., – это было наверно при полковом адъютанте.

<...> Кончилась эта история тем, что все от души смеялись, в том числе и сам виновник смеха. Разговор обратился на другой предмет. Долго ещё сыпались анекдоты, остроты, пока хозяин не сказал, что пора на покой.

И.И.Лажечников, «Несколько заметок и воспоминаний...»

«После сражения при Бриенне государь, проезжая сквозь ряды войск, отдававших ему честь, сказал Ермолову следующие замечательные слова: «В России все почитают меня весьма ограниченным и неспособным человеком; теперь они узнают, что у меня в голове есть что-нибудь». Когда его величество повторил это же самое в Париже, Ермолов возразил ему: «Подобные слова редки в устах частных людей; но они несравненно реже встречаются у государей. Они тем более удивительны, что в настоящую великую эпоху слава вашего величества не уступает славе величайших монархов в истории».

В Париже Ермолов увидел в числе представлявшихся нашему государю генерала Лекурба, человека исполинского роста, одетого в мундир времён республики. Он разговорился с ним о знаменитой кампании его в Грэзубпдене. Лекурб сказал ему громко, указывая на французских маршалов, тут находившихся: «Je ne voudrais pas de ces pleutres-l pour des chefs de demi-brigades (Я не хотел бы видеть этих трусов в качестве полубригадных начальников. – Ред.)».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«По окончании войны с французами, 1814 года, государь пред отъездом своим из Парижа в Англию приказал мне отправиться в Краков к назначенной мне новой команде. По обстоятельствам тогдашнего времени со стороны Австрии можно было ожидать некоторых несогласий, и потому нужны были на границе войска и вскорости. Порученные мне состояли из большей части резервной армии, формировавшейся в Герцогстве Варшавском, и в составе своём названы сильным авангардом. Нельзя было войскам сим дать наименование корпуса, ибо многие из генералов старее меня имели только дивизии; итак, под именем сильного авангарда, без обиды другим, могло под начальством моим быть с лишком девяносто тысяч человек.

В течение 1814 года состоялся в Вене конгресс, известный несогласиями собравшихся государей, но бегство Наполеона с острова Эльбы положило конец этим распрям, а быстрое появление его в Париже и удаление отсюда королевской фамилии воззвало к единодушному против Наполеона ополчению.

Во время пребывания императора в Вене дано было армии нашей повеление выступить, и я с войсками, в Кракове бывшими, вышел за границу в апреле месяце 1815 года. Резервные войска, которыми я начальствовал прежде, переменены были составленным временно 6-м корпусом из двух пехотных, одной гусарской дивизий и нескольких казачьих полков.

В сём втором нашем во Францию походе мы не имели случая сразиться с неприятелем, ибо англичане и пруссаки кончили действия совершенным рассеянием французской армии, и Наполеон, лично ею начальствовавший, предал себя власти английского правительства.

Войска наши вступили однако же во Францию, и государь отправился в Париж».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Краков, Март (1815)

Чудеснейший из человек!

Слава Богу брани, нет мира на земле! Вы вместе с сим получите бумагу быть готовым к выступлению в поход; но думаю, что уже предупредили вас из главной квартиры. Как бы то ни было, всё хорошо и, мне кажется, я имею счастье служить вместе с вами, почтеннейший товарищ. Кажется, ступим мы на землю Италии, где, не углубляясь в древность, будем иметь примеры к подражанию самих соотечественников наших, где каждый шаг шествия нашего воспомянет нам славные дела великого Суворова. Душа в душу, рука за руку,

исполнены усердия к славе народа нашего и Государя, будем мы действовать вместе, любезнейший граф. По взаимным чувствам, по сделанному взаимно обещанию, представим мы пример единодушия, и соотчичи¹ наши благословят доброе наше согласие. По обороту обстоятельств надобно думать, что недолго оставаться нам в праздности. Я в восхищении и как бы получил новую жизнь. Уверен, что те же и ваши чувства! До вас верно уже дошло известие, что Наполеон ушёл с Эльбы. В сём и нет ни малейшего уже сомнения по многим сведениям из Вены. Слухи не согласуются в том только, где он пристал к берегу; более думают, к берегам Франции близ Тулона; некоторые полагают, что в Неаполе. Где ему угодно, верно то, что война неизбежна! Австрийская армия собирается, и поспешно, к границам Италии.

Теперь поговорим о собственных делах. Чёрные Глаза ещё здесь; давно уже готовы были уехать, но Злодейка удержала. Вчера приехал сам муж, ожидавший встретиться с ней на дороге. *La tante dit que c'est un homme de tr s bonne naissance et tr s comme il faut*². Верю первому, и не знаю почему, сомневаюсь в последнем. Его никому и не показали здесь. Чёрные Глаза по отъезде вашем в ужасной были скуке и так, что того никак скрыть было невозможно; была даже очень нездорова. Тётка (которую впредь называть буду ведьмою) призналась мне, что у Чёрных Глаз есть начало привязанности, которую строгое обхождение *de la belle-m re*³ ещё более умножает. <...>

Теперь, благодаря судьбе, всему конец. Когда дело идёт о войне, когда в предмете слава, может ли чем другим наполнена быть душа солдата, любящего честь? Лишь дай Боже скорее. С каким восхищением оставлю Краков. Разве останутся слабые о нём воспоминания <...>.

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Пол. 27 марта (1815).

Любезнейший граф Михаил Семёнович.

Вчера получил письмо ваше и тотчас бы отправил посланного, но мне хотелось поговорить с ведьмою, дабы узнать, точно ли будут сюда Чёрные Глаза. Она уверена, что приедет на некоторое время и спрашивала у меня: не близко ли ея переходите вы с дивизиєю границу? Моя колонна переходит в одной только миле от Глаз. <...>

Увидишь, любезный Михаил Семёнович, как больно будет расстаться; я испытал это ужаснейшим образом. Вчера уехала Злодейка и увезла всё, что

¹ Соотчич - единоплеменник, товарищ; соотечественник, единоземец, компатриот, соотченец, одноземец, соплеменник. Словарь русских синонимов.

² – Тётка говорит, что это человек очень достойного происхождения и весьма «комильфо» (фр.)

³ – свекрови (фр.)

могло быть в жизни для меня приятного. Благодаря походу, одно и единственное средство утешиться. Доселе чувства ваши не те были, как со времени получения повеления о походе. От вас зависело видеться, и этой надежды отнять никто не мог. Перейдём шаг за границу, и война предстоит жестокая. Более ли надежды видеться, как и возможности никогда не видать? Вот чувство, умножающее горести любящего человека. Граббе прав. Мы съедемся вместе, и как обойтись без *signe de d tresse*¹? Но он будет некоторое время в самом том месте, где живёт его Статуя. Там проходят войска и почти все имеют растаг.

Вы мне предлагаете, почтеннейший товарищ, следовать при вашей колонне. Чтобы быть с вами вместе, я бы всему предпочёл; но по обязанности службы должен идти с другою колонною: ибо там, где вы, я совершенно не надобен; а у меня гусары, и я боюсь их шалостей. Вот почему я иду с ними».

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

21 мая 1815, Ниренберг.

Любезный товарищ и брат!

<...> Побывай, брат любезнейший, в главной квартире, когда приедет фельдмаршал; мне не так ловко: у вас есть придирка, у меня никакой. Вчера из Мюнхена прибыл Тетенборн и сказывал Полторацкому, что ещё не решено, кому командовать авангардом. Трое рыцарей, как он уверяет, в предмете: Пален, Ламберт и я. *De tous les chevaliers je suis certainement celui de la triste figure*². Против меня и власти, и многие сильные. Я бы уже желал попасть в линию; и то милость человеку, имеющему резерв в виду.

В Виндсгейме, в стороне с большой дороги, я ничего не буду знать. Если что дойдёт до вашего сведения, дайте знать и откройте прямую дорогу. Прощай.

Государь завтра из Стутгардта приедет в Гейльберн и, говорят, будет в Бамберге, следовательно нас увидит. Душевно преданный

Ермолов.

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

29 мая (1815). Виндсгейм.

Письмо ваше, любезнейший брат, получил я прежде нежели известна вам была новая диспозиция. В главной квартире вы обо всём уже узнали. Итак,

¹ – знак бедствия (фр.)

² – Из всех этих рыцарей я определёнno рыцарь печального образа (фр.)

брат любезный, нас разделили. Наконец успели в том. По несчастию я не мог видеть Государя, и он не имеет понятия о бывшем корпусе нашем. Сиё принадлежит к тем неприятностям, которые со служением моим неразлучны и к которым придаёт ещё неблагорасположение ко мне начальства. Истину сего докажет вам новая диспозиция. Можно ли было в рассуждении меня сделать что-нибудь наглее! Я не хочу обижаться, что Ламберту дали авангард: он, может быть, более имеет на то права по опытности, которою пренебрегать не должно; но ему дали право требовать от меня по обстоятельствам подкреплений. По составу нелепому авангарда, подкрепления сии ему необходимы, и конечно лишь только к Рейну, он их потребует, а паче имея поручение открыть в обе стороны сообщение с прусскою и австрийскою армиями. Из пяти полков пехоты и двух гусарских, сколько ни возьмут у меня, я останусь гораздо с меньшим числом нежели дивизия: следовательно лучше отправить меня к корпусу гранадер, о командовании которым мне уже объявлено, и от коего одна дивизия находится уже при армии. Я весьма понимаю, что ищут делать мне обиды и самым глупым образом. Я писал уже, чтобы фельдмаршал дал мне какую-нибудь команду, что всегда она лучше будет, нежели то депо войск, из которого граф Ламберт будет по произволу брать, сколько ему угодно; что если с требуемыми подкреплениями я пойду сам, то, будучи старше Ламберта, я невинно сделаю вопреки намерению фельдмаршала дать ему командование авангардом. Сиё обстоятельство понудит со мною скорее развязаться. Если продолжать пребывание моё здесь под командою Ланжерона: я, пришедши к Рейну, далее не пойду, изберу себе место и буду жить. Года 812 редки! Не всегда одинаковы обязанности служащего, не всегда должно забыть о себе самом. Если я служить не буду, я не виноват. Не столько ещё бестолочи будет от немцев. От нашествия иноплеменников мало будет добра».

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

3 июня, Аюб (1815).

Басаргин, великий посол, застал меня уже на походе. Я иду с фрагментами бывшего некогда моего корпуса. Больно быть так разбиту немцами, а паче Барклаем! Что делать, брат любезнейший, терплю, потому что русский душою; но мне кажется, есть черта, которую терпение переходя делается подлостью. Я почти уже стою на ней, или кажется мне, что она не далее Рейна. Я его не перехожу в теперешнем моём месте; разве понудят к тому обстоятельства чрезвычайные. Уверяют, что Государь увидит наш левый фланг в Гейдельберге. Я очень рад. Церемоний делать не буду и скажу, что у меня на душе. Жаль, что не весь корпус наш будет под глазами его. Всё, что слышал о других войсках, меня бы не страшило. Кажется и нам ничто не помешало иметь свои части в добром порядке.

Вот, брат любезнейший, есть время и для службы, и для того что мило сердцу. Ты говоришь, что Чёрные Глаза всегда в памяти. Со мною точно то же обстоятельство. Никогда со времени отсутствия не грустил я столько о Злодейке, как всё это время отдохновения. Неужели, редкой брат, друг любезнейший, и в сём случае есть между нами сходство? Для меня оно во всяком отношении бесценно и льстит весьма. Никогда Злодейка не имела такой власти над сердцем моим. Прежде господствовала к службе страсть; теперь обида горькая утушила её, и все чувства мои одной ей принадлежат.

Я уже имел мысль, что лучше было велеть мне отправиться к гранадерскому корпусу и потом отдать всю кому угодно теперешнюю мою команду. Я не утаю пред Государем обиду мою, хотя теперь же перестать служить я готов. Не понимаю, почему не должны покидать меня все неприятности и оскорбления. Проклятая немецкая шайка меня вся ненавидит, и я без сомнения не уклонюсь от непрерывных обид. Одно утешение быть у Ланжерона в команде!

На письмо моё отвечали из главной квартиры, что Ламберт, будучи произведён за Городечно, меня старше, что фельдмаршал никакой не может предложить мне другой команды, как гранадерский корпус. Я просил дать мне какую-нибудь, которою бы граф Ламберт не мог распоряжаться по произволу, как своим депо. Не знаю, что скажет свидание с Государем.

Мы так в противные расходимся стороны, что нет надежды видеться. Я не могу отлучиться, ибо грозят смотром в Гейдельберге. Маршрут мой следующий: 3-е Аюб, 4-е Мергеншгейм и растаг, 6-е Адельсгейм, 7-е Некар-Эльц и растаг, 9-е Гейдельберг и 10-е Мангейм. Вы идёте гораздо правее, и до соединения за Рейном проститься надобно. Но что я говорю о соединении, я, который должен командовать резервом резервов! Если весь корпус Ник. Ник. Раевского в резерве, то я могу готовиться к параду в Париже, не иначе.

От ведьмы ни слова. Не понимаю, что значит. Не могу думать, чтобы не было писем; но верно сыскать нас не умеют. Я писал в Эйхштет, чтобы прислали письма в Мангейм. Если что до вас касающееся будет, тотчас пришлю.

Хорош Зас! Славный полководец! Но сколько вождей и его хуже? Ему за порядок верно ни слова. Когда немец может быть неприятен сердцу немца?

Прощай, брат любезнейший, товарищ, которому подобного иметь я не буду. Жаль, что не допустили доказать, что в службе может связь дружеская и единоподушие. Храбрым вашим товарищам мой усерднейший поклон. Всё, что окружает меня, подобно мне, любит вас без памяти.

Верный по гроб А.Ермолов.

«Первые неудовольствия между Ермоловым и Паскевичем начались в этом же 1815 году; Ермолов, находя дивизию Рота лучше обученною, чем ди-

Сказание о генерале Ермолове

визия Паскевича, призвал первую в Париж для содержания караулов, присоединив к оной прусский полк из дивизии Паскевича; так как он самого Паскевича не вызвал, то это глубоко оскорбило сего последнего».

По армии ходила острога Ермолова:

«Паскевич пишет без запятых, но говорит с запятыми».

Исторический анекдот XVIII – XIX века

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

(В.Марченко – графу А.А.Аракчееву

28-го июля 1815 г. Париж

28-го числа будут парадировать здесь: 3-я гренадерская дивизия, под командою Ермолова, и 2-я кирасирская, под командою Винцингероде, после чего расположатся по деревням около Парижа.

Князь Долгорукий заходил ко мне третьего дня узнать о квартире Ермолова и сказывал, что не располагает оставаться здесь долго.

«28 июня 1815 г. в Париже в честь победы над Наполеоном состоялся парад союзных войск. Русскую пехоту представляла 3-я гренадерская дивизия из корпуса Ермолова. Во время прохождения торжественным маршем несколько рядов сбились с ноги; недовольный строевой выучкой гренадеров Александр I приказал командиру корпуса трёх боевых офицеров в звании полковника «за дурной парад» подвергнуть аресту с содержанием на гауптвахте. Её охрану в тот день нёс английский караул, и Ермолов стал доказывать государю, что негоже в глазах иностранцев ронять честь российского мундира – если его офицеры заслуживают наказания, пристойней их взять под стражу в собственных казармах.

Александр стоял на своём. Тем не менее Ермолов выполнил приказ царя лишь на следующий день, когда в караул при гауптвахте заступили русские. Великому князю Николаю Павловичу – будущему императору Николаю I, взявшемуся сделать внушение строптивому военачальнику, Алексей Петрович дал такую отповедь: «Государь властен посадить нас в крепость, сослать в Сибирь, но он не должен ронять храбрую армию русскую в глазах чужеземцев. Гренадеры пришли сюда не для парадов, но для спасения Отечества и Европы. Таковыми поступками нельзя приобрести привязанности армии. Разве вы, Ваше высочество, полагаете, что русские военные служат государю, а не Родине?»

<...> Великий князь по молодости не нашёлся, что ответить, но можно думать, что эти слова глубоко запали в душу Николая Павловича и положили начало тому недоверию, которое так сильно отразилось на Ермолове».

А.И.Михайловский-Данилевский, «Описание похода во Францию в 1814 году»

«Однажды, в 1815 году, государь, оставшись недовольным Ермоловым за то, что он не прибыл к обеденному столу его величества по причине большого количества бумаг, оказывал ему в продолжение нескольких дней холодность; генерал-адъютант барон Фёдор Карлович Корф говорил по этому случаю: «Хотя государь недоволен Ермоловым, но он ему скоро простит; быть ему нашим фельдмаршалом и пить нам от него горькую чашу».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«По низложении Наполеона Ермолову поручен был восьмидесятитысячный обсервационный корпус на границах Австрии, и затем ему предоставлялась ещё более широкая деятельность. Граф Аракчеев держал пари, что Ермолов будет военным министром, и, действительно, сказал однажды государю следующие памятные слова:

– Армия наша, изнурённая продолжительными войнами, нуждается в хорошем военном министре; я могу указать Вашему Величеству на двух генералов; это – граф Воронцов и Ермолов. Назначению первого, имеющего большие связи и богатства, всегда любезного и приятного в обществе, возрадовались бы многие; но Ваше Величество скоро усмотрели бы в нём недостаток энергии и бережливости, какие нам в настоящее время необходимы. Назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно, потому что он начнёт с того, что перегрызётся со всеми; но его деятельность, ум, твёрдость характера, бескорыстие и бережливость вполне бы его оправдали».

В.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

«Прибывши на Рейн, вместо 6-го корпуса, с которым я пришёл, дан был гренадерский корпус, и часть одного последовала в Париж для содержания при государе караула, ибо гвардии при армии не находилось.

В Париже имел я случай испросить увольнение в отпуск по болезни на шесть месяцев.

Дошедши с гренадерским корпусом на возвратном пути до Царства Польского, я поехал в Варшаву, где уже государь находился, и я был свидетелем восхищения благодетельствованного им народа, приявшего от него и политическое бытие и конституцию».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

Глава одиннадцатая

Назначение на Кавказ (1815 – 1817 гг.)

«6 апреля 1816 г. последовал рескрипт Александра I о назначении Ермолова командиром отдельного Грузинского (с 1820 г. – Кавказского) корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии. Одновременно состоялось и назначение его главой чрезвычайного посольства в Иран для выполнения важной миссии – проведения скорейшего разграничения земель между Ираном и Россией согласно Гюлистанскому мирному договору 1813 г. Для получения официальных бумаг и инструкций Ермолов прибыл в Петербург. В начале августа он покинул столицу, по дороге на несколько дней заехал в Москву, а оттуда отправился к месту своей новой службы – в Тифлис.

12 октября Ермолов официально вступил в свою должность, приняв дела у своего предшественника генерала Н.Ф.Ртищева».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«В самом начале 1816 года был я в Орле у престарелых родителей моих, среди малого моего семейства, вёл жизнь самую спокойную, не хотел разлучиться с нею, намерение имея не возвращаться к корпусу, а потому и просил продолжения отпуска, дабы ехать к минеральным водам на Кавказ. Но вместо того получил приказание прибыть в Петербург.

Из частных известий знал уже, что я назначаюсь начальником в Грузию. Исчезла мысль о спокойной жизни, ибо всегда желал я чрезвычайно сего назначения, и тогда даже, как по чину не мог иметь на то права.

По приезде в Петербург, Государь, постоянно мне благодворящий, объяснил мне, что он не решился бы определить меня в Грузию, если бы не были свидетельствующие, что я того желаю, ибо сам он не мог думать, чтобы назначение сие могло согласоваться с моим намерением.

Объяснением сим государь истолковал мне, какого он о Грузии мнения. Сего достаточно было, чтобы на месте моём устрашить многих, но я решился поверить себя моему счастью.

Не с равным удовольствием принял я назначение меня послом в Персию. Меня устрашали дела, по роду своему совершенно мне незнакомые. Я наслышался о хитрости и коварных свойствах персиян, и отчаивался исполнить с успехом поручение Государя.

Ничто так не оскорбляет самолюбия, как быть обманутым, а я никак не надеялся избежать того.

Приняв наставления, сделав нужные приготовления к посольству, я выехал в начале августа месяца из Петербурга в Москву, где пробыл несколько дней, ибо Государь, будучи там, приказал при себе находиться».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

Записка командира Отдельного Грузинского корпуса генерал-лейтенанта А.П.Ермолова об управлении Кавказом, 1816 г.

«<...> Вашему императорскому величеству благоугодно было возложить на меня управление и гражданской частью как в Грузии, так и в губерниях Астраханской и Кавказской на тех же правилах, какие имел мой предшественник. Рассматривая сказанные правила, я встретил неясность, которая неминуемо остановит меня в действии свободном <...> намерение Вашего императорского величества ясно. Вы имели соединить в лице главного начальника Астраханского, Кавказского и Грузинского края всё единство власти, столь необходимое по отдалённости той страны, но по собранным мною здесь предварительным сведениям, цель сия отдалилась. Почему, в дополнение изъяснённых

«Кавказ – это огромная крепость, защищаемая многочисленным полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать её или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведём же осаду».

А.П.Ермолов

«После Отечественной войны генерал Ермолов начальствовал на Кавказе, и там опять показал свои великие воинские и правительственные дарования».

Генерал-майор М.Ф.Орлов

правил или лучше сказать в пояснение оных, дерзаю собственно для себя испрашивать высочайшего утверждения на нижеследующие пункты.

1. Все части управления в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях вверить в непосредственное управление моё и ответственность, поставив министерства в сношении по сим частям с одним только мною. <...>

2. Определение, отставку и отрешение чиновников, зависящих от Правительствующего сената и министров, не иначе производить как по представлению моему, или, по крайней мере, с моего согласия; <...>

3. Чтобы ни один чиновник без моего ведома не был отвлекаем от должности под предлогом истребования по делам службы или отпуска.

4. Всякое новое постановление и закон на вверенный мне край не иначе издавать, как по предварительном со мною сношению, могут ли они быть исполнены с пользою.

5. <...>

6. <...>

13. <...>

Представляя сии необходимости на разрешение Вашего императорского величества, которые при первом моём вступлении послужат мне в руководство и отнимут видимые препятствия, я при сём случае ничем не был более руководим, как чистою моею совестью, желанием устроить вверенный мне край, верноподданническим неограниченным моим рвением, строгостью службы и ручательством жизнью своею за всё, мне вверяемое, без сих же разрешений, власть мою ясно означающих, я столько же могу успеть, сколько успели до сего времени и все предместники мои.

Генерал-лейтенант Ермолов».

«И вот на тридцать девятом году от роду, в лучшую пору деятельности человека, Ермолов становится самостоятельным правителем обширного воинственного края, с правами почти неограниченными, которых до него не имел никто из его предместников. Вся предыдущая деятельность его обещала для Кавказа эпоху великих дел, и самая наружность Ермолова как бы соответствовала той силе и власти, которыми он был облечён: необыкновенная физическая сила, могучее телосложение, громадный рост и характерная круглая голова с седыми, в беспорядке лежавшими волосами, напоминавшая собою голову льва. Таким изображён он в портретной галерее Зимнего дворца. Величественная и грозная фигура его, одетая в косматую черкесскую бурку, опирается на обнажённую шашку; лицо дышит суровой энергией и непреклонной волей; на заднем плане – скалы, над головой нависли грозные тучи. Портрет этот писан известным художником Доу. Следующие стихи к этому портрету весьма удачно передают его характернейшие черты.

*На снежном подножьи кавказских вершин,
Угрюм, одинокий стоит исполин;
Он буркой косматой картинно одет,
Вокруг его блещет румяный рассвет.
На шашке булатной покоится длань,
Могуч он и грозен, как смертная брань.
Свинцовая дума в морщинах чела
Всей тяжестью смело, глубоко легла.
В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»*

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

С.-Петербург, 15 мая 1816 г.

<...> По справедливости могу назваться балованным сыном счастья. Если бы не корпус твой во Франции, едва ли бы получил я сие назначение; ибо ты, служа при наилучшем в том краю начальнике, узнал землю и конечно более всех там полезен; между нами двумя нельзя делать выбора. Я первый уступаю тебе преимущество. Теперь я той страны житель. Вступаю в управление земли мне незнакомой; займусь родом дел мне неизвестных, следовательно, без надежды угодить правительству. Мысль горестная! Одна надежда на труды!

Скажу тебе ещё вещь страннейшую, которая и удивит тебя, и смешить будет. Я еду послом в Персию! Сие и мне самому ещё в голову не вмещается, но, однако же, я точно посол. И сие объявлено послу персидскому нотою и двор его уведомлён. Ты можешь легко себе представить, что конечно никаких переговоров¹ нет, а что это настоящая фарса, или бы послали человека к сему роду дел приобывшего. Не менее, однако же, и самое в Персию путешествие любопытно, а паче в моём звании. Не худо получше узнать соседей! <...>

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

С.-Петербург, 1 июня 1816 г.

<...> Здесь живу я месяц, и голова как в чаду. Дела встречаются, о которых понятия не имею, и в меня вселилось отчаяние, что я не исправлю поручения так успешно, как ожидают. Признаюсь тебе, что путешествие в Персию уступил бы я охотно другому. <...>

Грузия, о которой любишь ты всегда говорить, много представляет мне занятий. Со времени кончины славного князя Цицианова, который всем мо-

¹ Негоциация (лат. negotiatio, от лат. negotiari, торговать) - переговоры, отношения. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней.

жет быть образцом и которому не было там не только равных, ниже подобных, предместники мои оставили мне много труда.

Мне запрещено помышлять о войне, и я чувствую того справедливость; позволена одна война с мошенниками, которые грабят там без памяти и в отчаяние приводят народы.

**Предписание главнокомандующего в Грузии
генерал-лейтенанта князя П.Д.Цицианова
генерал-майору И.П.Дельпоцо,
19 января 1805 г., №54**

<...> доньне система состояла в обуздании лютости их: 1) поддерживанием узденей¹ в неповиновении их князьям; 2) пенсионом явно производимым. Рассматривая со вниманием сии два способа, нашёл я их боле к вреду, нежели к пользе цели служащими, ибо первым, держа узденей против их князей во вражде, нечувствительно Россия вселяла в них военный дух и заставляла их по необходимости делаться год от году больше военными людьми, нежели спокойными обывателями, следовательно, не обещающими оставить свои дикие и пагубные привычки; а второй способ, производя в неполучающих к получающим пенсии зависть, неминуемо возрождал в первых к последующим презрение и неуважение, считая их предателями собратий.

И для того предположено, оставя сию систему, основать новую на трёх главнейших предметах, а именно: 1) на перемене их воспитания, 2) на введении в Кабарду роскоши и 3) на сближении оной с российскими правами, покровительствуя наружно их веру и умножая случаи к сообщению с российскими.

По разуму сих трёх капитальных предметов по представлению моему высочайше утверждено: 1) чтобы в Георгиевске и в Екатеринограде заведены были училища для обучения детей кабардинских владельцев и узденей, каковые воспитанники после перемещаемы были бы из училищ в кадетские корпуса; 2) чтобы учредить беспошлинный выпуск в те места, куда за нужное признано будет, кабардинских домашних произведений и изделий, особливо в торговые дни; 3) чтобы в Георгиевске и Константиногорске построить казённым коштом² мечети и иметь горцам муллу для отправления их богослужений, наконец; 4) чтобы сформировать Кабардинский гвардейский эскадрон <...>.

¹ Уздень (тюркское) – свободный крестьянин-общинник на Сев. Кавказе, с 16 в. также представитель служилого сословия. Большой Энциклопедический словарь.

² Кошт, муж. (польск. koszt) (устар.) – расходы на содержание. Жить на своём коште. Казённый кошт. Толковый словарь Д.Н.Ушакова.

**Мнение адмирала Н.С.Мордвинова о способах,
коими России удобнее можно привязать к себе
постепенно кавказских жителей,
чем покорять их силою оружия, 1816 г.**

<...> Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели образованному, состоянию, должно приучить их к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать. Должно увеличить число вещей, им потребных, должно возродить в них новые желания, новые нужды, новые привычки, должно ознакомить их с нашими обычаями, нашими услаждениями, нашими увеселениями и смягчать суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованиями от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых изделий.

Тогда не токмо сдружимся с ними на границах их, но достигнем до ущелий сокровеннейших их гор, куда ядра и штыки наши достигнуть никогда не возмогут и коими токмо вечную вражду питать возможно. <...>

Но дабы преуспеть в великом сём намерении, должно употреблять различные для верного успеха способы. <...>

Для сего всю соль, заготовляемую от казны по границе Кавказской, предоставить должно в полное и неограниченное распоряжение главнокомандующего. Ему должно предоставить всякие отпуска, ссуду, образы обменов, назначение цен для продажи и употребление соли даже в подарки безотчётно. <...> На таком же основании снабдить его соответственным количеством и железа, ежегодно потребного для всякого рода надобностей горских жителей. <...>

Кавказские обширные долины, простирающиеся на миллионы десятин в окружности, издревле принадлежали горским жителям и составляли богатейшее их обладание, с избытком вознаграждавшее скудность, обитающую вечно в ущельях, рывтинах и на вершинах тощих каменных гор. От сих степей получали они пищу и одежду, имели всё, что для жизни их потребно, довольны были своим состоянием, жили мирно с соседями и, в случаях внутреннего между собой несогласия, ходили на суд к начальнику двух российских батальонов, стоявших на страже собственных границ. Но когда военною цепью загнали горцев в тёмные пределы, поставили у подошв гор войска, и когда с отнятием у них таким образом степей, ущелия обитаемых ими гор не представили ни единой пространной площади, на коей бы производить могли землепашество и содержать нужный для них скот, когда разрушилась взаимная у них с нами дружба и восстала на место оной вражда, долженствующая дотоль существовать, покуда вседневные недостатки в жизненных потребностях не перестанут им напоминать об источнике оных, то есть отнятии у них Россию древнего и богатейшего их достояния. <...>

К стороне Бухарии полезно было бы постановить себя на твёрдой ноге, дабы привести в зависимость народы хищные, отделяющие Россию от сей богатой части Азии; нужно соделать сильную колонию на Каспийском море при заливе, называемом Красноводской или Огурчинской, смежном с Хорасанскою провинциею. Занятие сего места в видах военных и торговых представляется важнейшим на Каспийском море. Из оногo места владычествовать можно на севере против трухменцев и на востоке против хивинцев. В оном соединиться может торговля сухим путём из богатейшей восточной части Персии, Бухарии и северной Индии, а морем из Астрахани и Баку».

Примечание: <...> в связи с этим <Запиской А.П.Ермолова> адмирал Н.С.Мордвинов представил в Комитет Министров и свою публикуемую здесь записку. <...> При подписании журнала А.А.Аракчеев и А.К.Разумовский особо отметили своё согласие с мнением Мордвинова <...>. 20 июля 1816 г. император Александр I издал указ, в котором, находя полезными мысли Мордвинова, предписывал сообщить его мнение Ермолову «для рассмотрения и соображения на месте».

«Осенью 1816 года Ермолов приехал в Георгиевск, тогдашний центр управления Северного Кавказа, но пробыл там лишь несколько дней, спеша в Персию, чтобы прежде всего обеспечить границы со стороны этого беспокойного соседа. Но уже и в короткое время, знакомясь в самых общих чертах с положением дел на Кавказской линии, он успел вывести далеко не утешительные заключения. Он был уже в этих местах молодым артиллерийским капитаном с корпусом графа Зубова и теперь, двадцать лет спустя, был поражён, не найдя почти никакой перемены к лучшему. Реки крови русской, казалось, были пролиты здесь совершенно даром. Терские станицы и лежащие за ними русские поселения по-прежнему были ареной кровавых набегов и держались в постоянной осаде. Не только сообщения между ними сопряжены были с серьёзными опасностями, но даже выйти за ворота укрепления уже значило рисковать свободой и жизнью. Население и войска держались в постоянном напряжении, и о мирном развитии края не могло быть и речи».

В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

«В сентябре прибыл я на границу Кавказской губернии.

<...> Первое обстоятельство, обратившее внимание моё, были высланные мне навстречу конвойные команды из поселенных на линии казаков. Всегда отличались они от прочих казаков особенной ловкостию, исправностию оружия и добротою лошадей. Я, напротив, увидел между ними не менее половины чрезвычайно молодых людей, нигде не служивших, и даже ребят.

Предместник мой, по усиленному старанию Донского войска атамана генерала графа Платова, согласился сменить линейными казаками шесть донских полков, служивших на линии, и от сего неосмотрительного распоряжения должны были выйти на службу все малолетние и даже находившиеся в отставке казаки.

Повинность, превосходившая все те усилия, каковые делаемы были в кампанию 1812 года, возбуждала ропот, и я в прекращение оного решился оставить на службе пять донских полков, отправивши только один таковой в свои жилища. Государь по донесению моему утвердил распоряжение моё.

Остановившись малое время в Георгиевске, дабы собрать нужнейшие о Кавказской линии сведения, я отправился в Грузию и прибыл в Тифлис 10-го числа октября.

Вскоре по прибытии в Тифлис должен я был осмотреть важнейшую часть границ, ибо, готовясь к отъезду в Персию, нужны мне были сведения о состоянии оных, особенно зная, какие употреблял усилия шах персидский, дабы возвращено ему было ханство Карабахское или часть оного, в чём и предместник мой обязался ему способствовать.

Итак, я поехал в Карабах, полковнику Иванову поручил осмотреть Талышинское ханство, офицерам квартирмейстерской части приказал сделать обозрение прочих границ с Персиею.

<...> В Тифлис возвратился я 12 декабря, проездив немного более месяца».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Тифлис, 29 декабря 1816 г.

<...> Я в такой земле, где незнакомые мне предметы, занятия, по роду для меня совсем новые, дают мне чувствовать недостатки моих способностей. Беспорядок во всём чрезвычайный. В народе врождённая к нему склонность, слабостию многих из предместников моих ободрённая. Мне надобно употребить чрезвычайную строгость, которая здесь не понравится и конечно не вселит ко мне привязанности. Вот первое сильное, которого я должен непременно лишиться. Наши собственные чиновники, отдохнув от страха, который вселяла в них строгость славного князя Цицианова, пустились в грабительство, и меня возненавидят, ибо также и я жестокий разбойников гонитель. Я не в состоянии заменить их лучшими, следовательно верных помощников иметь не буду.

<...> Половину оставшихся <офицеров> надобно удалить, ибо самое снисхождение терпеть их не в состоянии. Необходимы меры весьма строгие. Они

не заставят любить меня. И так, проживши здесь некоторое время, не сделав большой пользы, отправлюсь отсюда, обременённый общим негодованием. Невзирая на всё то, если только служба моя угодна будет государю, я решился жить здесь. Теперь, по причине скорого в Персию отъезда, не могу я порядочно за всё приняться. Для некоторых моих намерений надобен мир. Если Персия даст нам свободы на сколько-нибудь времени, я тотчас объявлю войну внутренним неустройствам и домашним неприятелям, и как невозможно истребить совершенно беспорядки, с помощью счастья моего, много уменьшу их».

«Между тем сближалось весеннее время, в каковое предполагалось посольству предпринять путешествие в Персию.

<...> поелику г. Негри по причине тяжкой болезни, в Киеве ему приключившейся, не прибыл ещё в Тифлис, то г-н генерал Ермолов решился избрать для отправления вместо его в Тегеран находящегося при посольстве в звании доктора г-на коллежского советника Мазаровича, по замеченным в нём способностям и расторопности для исполнения такого поручения...

Отправление г-на Мазаровича подписано г-ном генералом Ермоловым 10-го января, а на другой день отправился он в путь; с ним же откомандированы: чиновник коллегии иностранных дел 12 класса Рикард и переводчик из канцелярии главнокомандующего в Грузии, к посольству в звании толмача причисленный, прапорщик Шамир Бегларов.

<...> Февраль. Между тем по предположенному намерению отправиться посольству в путь в конце февраля или в начале марта чинились формирования: церкви, музыки, казачей команды и проч. и вообще приготовления средств для путешествия посольства. <...> В сём отношении предварён также сердарь¹, что г-н посол вознамерился выехать из Тифлиса 4-го марта и дней в 10-ть прибыть в Еривань.

<...> Но 26-го февраля с фельдъегерем Гроздовым получена от графа Несельроде депеша от 13-го тоже месяца, в коей его сиятельство, известив г-на посла о поднесённых государю императору донесениях от 9-го января, сообщил его превосходительству высочайшую волю, чтоб отложить его отъезд в Персию до получения на те донесения новых повелений».

**«Дневниковые записки о путешествии
российско-императорского посольства в Персии
в 1816 и 1817 годах, ведённые советником
этого посольства А.Е.Соколовым»
(Далее – А.Е.Соколов, «Дневник посольства»)**

¹ Сердарь – начальник дружины у черногорцев, генеральский чин у персиян; у последних же, египтян и турок – губернатор (сардарь). С.-экзем – главнокомандующий турецкой армиию. Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона.

«К моменту прибытия в Грузию Ермолова высшей инстанцией гражданского управления там являлось Верховное грузинское правительство. Оно подчинялось непосредственно главноуправляющему, в его структуру входили 4 экспедиции по аналогии с губернскими палатами <...>. Начальники и советники экспедиций (как правило, это были русские чиновники и грузинские князья и дворяне) входили в состав общего собрания Верховного правительства <...>. Административное управление на местах было организовано по подобию российских губерний, в каждом уезде были учреждены суды и управы земской полиции, которые были аналогами низших земских судов в российских губерниях. Во главе уездного города стоял комендант и казначей из российских чиновников, и его помощник – из грузинских дворян. На той территории Грузии, где проживало мусульманское население, были организованы дистанции. Во главе дистанций стояли приставы или моуравы¹ из грузинских князей, права которых приравнивались к правам капитан-исправников, помощниками к ним назначались российские чиновники. <...> Для разрешения гражданских и уголовных дел применялось смешанное судопроизводство: грузинское уложение царя Вахтанга IV, местные обычаи, российское уголовное право. <...>

Ещё более остро перед российским правительством стояла задача введения новых форм управления и контроля на территориях западного и восточного склонов Главного Кавказского хребта, где проживало большинство горского населения, а также равнинной части внутри кавказской линии.

В начале XIX века горские народы были организованы в различные самоуправляющиеся государства (ханства и шамхальства² в Дагестане), ряд феодальных владений в составе Кабарды, демократические «вольные общества» или «союзы вольных общин», в которых важнейшую роль в системе управления играли старейшины, как правило, выходцы из богатых и уважаемых семей. Жизненный уклад и быт горцев во многом совпадал и регулировался обычным правом и шариатским судом. Условно горцы делились на «покорных», которые признавали над собой российское правление, «полупокорных», и «немирных» или «непокорных».

Г.Г.Лисицына, «Административная деятельность генерала А.П.Ермолова на Кавказе»

¹ Моурави – управляющий провинции, округа, города, селения. Административная должность в феодальной Грузии.

² Казикумухское шамхальство – исламское государство, существовавшее на территории Дагестана и сопредельных стран в XI–XVIII вв. Религией шамхальства был ислам. Столицей шамхалата был Кази-Кумух.

Сказание о генерале Ермолове А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Тифлис, 24 февраля 1817 г.

<...> Я в стране дикой, непросвещённой, которой бытие, кажется, основано на всех родах беспутств и беспорядков. Образование народов принадлежит векам, не жизни человека. Если бы на месте моём был гений, и тот ничего не мог бы успеть, разве начертать путь и дать законы движению его наследников; и тогда между здешним народом, закоренелым в грубом невежестве, имеющем все гнуснейшие свойства, разве бы поздние потомки увидали плоды. Но где гении и где наследники, объемлющие виды и намерения своих предместников? Редки подобные примеры и между царей, которые дают отчёт народам в своих деяниях. Итак, людям обыкновенным, каков между прочим и я, предстоит один труд – быть немного лучше предместника, или так поступать, чтобы не быть чрезвычайно хуже наследника; ибо если сей последний не гений, то всеконечно немного превосходнее быть может. Итак, все подвиги мои состоят в том, что какому-нибудь князю грузинской крови помешать делать злодейства, которые в понятии его о чести, о правах человека, суть действия ознаменовывающие высокое его происхождение. Воспретить какому-нибудь хану по произволу его резать носы и уши, который в образе мыслей своих не допускает существования власти, если она не сопровождается истреблением и кровопролитием. Вот в чём состоят главнейшие мои теперь занятия, и я начинаю думать, что надобен великий героизм, чтобы трудиться о пользах народа, которого отличительное свойство есть неблагодарность, который не знает счастья принадлежать России и изменял ей многократно и ещё изменить готов. Я, невзирая на то, начинаю помалу приниматься за порядок. Он здесь весьма незнаком, глупым головам кажется диким. Ропщут понемногу, меня не любят очень. Но я, когда что приказал, требую исполнения.

<...> Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования обществ. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество. Когда возвращусь из Персии, введу перемену в образе их управления. <...>

Шекинского владения хан, ужасная и злая тварь, ещё молод и недавно женился на прекрасной и молодой женщине. Каналья заведёт кучу детей, и множества наследников не переждёшь. Я намерен не терять время в ожиданиях. Богатое и изобильное владение его будет российским округом, и вскоре по моём из Персии возвращении. Подобные дела надобно производить решительно и не спрашивать повеления. Я сделаю опыт, который без сомнения и правительству понравится <...>.

«Здесь уместно было бы описать вид границ наших, но как предместниками моими никакого не сделано обозрения оных, я же сам по краткости моего здесь пребывания успел только бросить взгляд на те, кои нас от Персии отделяют, предпочтительно пред прочими потому, что готовился к путешествию в Персию, то для некоторого о них понятия прилагаю извлечение из рапорта моего государю от 9 января 1817 года.

Вид границ.

Граница от запада начинается Шурагельскою провинциею, совершенно открытою и ровною; прилежащую к ней область Бамбацкую окружает довольно высокий хребет гор, и простираясь чрез провинции Казахскую, Шамшадильскую и Елисаветпольский округ, отделяет их от Персии, потом, охватив некоторую часть Карабахского ханства, оканчивается у реки Аракса.

Граница далее идёт по течению Аракса и чрез Муганскую степь. Потом ханство Тальшинское, протягиваясь по Каспийскому морю и входя углом внутрь персидских владений, составляет конечность границ наших к востоку.

Твёрдость границ.

Чрез горы, образующие границу нашу, проходит несколько удобных дорог и во множестве такие, где только артиллерия пройти не может, но войска свободно.

В ханство Карабахское отверст вход неприятелю по всему пространству реки течения Аракса. Выход опаснее, ибо река Аракс в тылу имеет места открытые, кои обнаруживают движение.

Степь Муганская зимою, представляющая наилучшие пастбища, принимает множество кочующих народов, в прочие времена года обитают змеи – единственная её оборона.

Ханства Тальшинского принадлежащая нам часть полуденную свою границу имеет совершенно отверстою. С запада лежит хребет высоких гор, которых не только вершины, но и самые отлогости их, к нам обращённые до самой подошвы, и все почти дороги, входящие в ханство, в руках персиян.

Образ защиты.

При первом взгляде представляется обширность границ наших с Персиею и до какой степени чрезмерное протяжение делает оную неудобною. Дороги, выходящие из Шурагельской и Бамбацкой провинций в Эриванскую область, должны быть защищены достаточным войском и хорошою крепостию. От Бамбацкой провинции и до Карабаха хорошо устроенная в Елисаветполе крепость и отряд быстрых войск достаточны для обороны и наблюдения за жителями, часто нарушающими верность.

В Карабахе крепость, вмещающая довольные запасы, может быть полезною для наступательных с сей стороны действий.

Степь Муганскую, чрез которую идёт лучшая дорога в Тальшинское ханство, оборонять должны пребывающие в Карабахе войска, действуя в тыл неприятеля, другой обороны никакой искусство не представляет.

Тальшинское ханство теперешним числом войск защитить невозможно, умножив же их, ослабить надлежало бы другие части войск, и для обороны земли совершенно никаких средств не представляющей.

В случае оборонительной войны обширность границы требует значительного количества войск.

Единый удобный способ обороны есть война наступательная; пути для оной два: чрез Эриванскую область, имеющую крепости; чрез Карабах – землю гористую, но где лежит кратчайшая к Тавризу дорога. Но в случае совокупного персиян с турками действия война наступательная едва ли может иметь место.

Собственные земли, способы для обороны.

Провинции: Шурагельская до последней войны имела жителей до тысячи семейств, теперь менее двухсот и бедных. Также разорена Бамбацкая и жители столько же в скудном состоянии. Казахская, Шамшадильская и Борчалинская населены татарами и весьма малым числом армян, хлебородны, скотоводство имеют изобильное, народ храбрый, воинственный, несколько раз нам изменивший, но его употребить можно с пользою.

В Елисаветпольском округе народ промышленный, к войне способность одинаковая, земля тучная.

Карабахское ханство опустошено нападениями персиян: уменьшилось население, изобиловавшее богатством. Почва земли чудесна плодородием. Народ воинственный и всегда с нашей стороны. Из сей земли со временем можно извлечь величайшие выгоды, не иначе, однако же, как введя наше управление.

Ханство Тальшинское имеет с небольшим две тысячи семейств, и по тесноте места население мало умножаться может. Хлеба производится мало, ибо богатейшая часть оногo уступлена Персии.

Единственным способом улучшения порочных и к обороне неудобных границ наших я поставил на вид приобретение от Персии ханств, лежащих до левого берега реки Аракса, кои первою войною должны быть отданы в руки наши или до того не будет твёрдой и покойной границы со стороны Персии».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

«Весною 1817 года Ермолов уехал наконец в Персию для выполнения своей политической миссии. Положение его было в высшей степени труд-

Сказание о генерале Ермолове

ное. Император Александр дал шаху обещание возвратить часть завоеванных земель, а между тем из осмотра ханств Ермолов успел вынести твёрдое убеждение, что всякие уступки невозможны и излишни и грозили бы только дальнейшими бедствиями войн. И перед ним теперь лежала нелёгкая задача избежать исполнения обещаний императора. Но Ермолов с честью вышел из затруднений; он действовал с таким искусством, выказал так много энергии, что заставил шаха самого отказаться от притязаний, и все мусульманские закавказские земли остались за Россией. Мир России на границах Персии был обеспечен по крайней мере на несколько лет, и Ермолов мог сосредоточить всё своё внимание и заботы на внутреннем устройстве Кавказского края».

В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

«17 апреля. Г-н посол со всею свитою после завтрака у генерал-майора Кутузова (оставшегося командующим в Грузии в отсутствии г-на генерала Ермолова) заехал в Сионский собор: митрополит Варлаам отслужил молебен, а после оногo отправилось посольство в путь до первого ночлега в селении Коды.

Из Грузии в Персию есть несколько путей, более или менее затруднительных, ибо все идут чрез горы и ущелья и несколько же из них ведут в прямом направлении или к Еривани или к Нахичевани. Г-н посол предпочтительно избрал дорогу не кратчайшую, но удобнейшую для проезда с тягостями посредством вспоможений, каковые иметь можно было от воинских команд, по ней до границы расположенных, и потому, что стаяли уже по её пространству снега, когда в то же время по другим в ущельях много их ещё лежало. К сему присовокуплялось ещё желание г-на посла обозреть самому при столь удобном случае соединение границ Турецких: Карского и Ахалцыхского пашалыков¹ с границами Ериванской области и их положение в отношении к нашим с ними сопредельным владениям, по довольно обширному протяжению от Ларийского урочища чрез Караклис за Гумрийский военный пост и по речке Арпачаю».

А.Е.Соколов, «Дневник посольства...»

«В Персию выехал я чрез военный пост наш, называемый Гумри, следуя близ самой турецкой границы. Паша Карсский прислал ко мне чиновника с письмом, в котором поздравлял меня с благополучным прибытием, извиняясь, что не мог выехать для свидания со мною.

¹ Пашалык (тур.) - турецкая область, подчиненная управлению паши. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.

Чрез Талынь, армянский Эчмиадзинский монастырь прибыл я в город Эривань, где пробыв весьма недолго, отправился в Тавриз. Тут равномерно оставшись непродолжительное время, прибыл в Султанию, куда шах в том году расположил перейти на всё лето, убегая несносных жаров, каковые бывают обыкновенно в Тегеране.

Вкратце скажу, что возложенные на меня поручения кончил я довольно удачно. Переговорам моим немало способствовало то, что я вежливым образом обхождения моего и умевши оказывать лестные уважения шаху, весьма ему понравился. Он щедр был в похвалах на мой счёт, и никто из вельмож не смел ничего сказать противного. Не столько нравился я Аббас-Мирзе, наречённому наследником Персии, потому что уклонился от признания его в качестве наследника, ибо не видал в том никакой для нас пользы, хотя то инструкциию и предоставлено мне было».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

А.П.Ермолов – А.А.Закревскому

12 октября 1817 г

Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорил о войне, то она принимала на себя выражение чувств человека, готового схватить зубами за горло. К несчастью их, я заметил, что того не любят, и тогда всякий раз, когда недоставало мне убедительных доказательств, я действовал зверскою рожей, огромной моей фигурой, которая производила ужасное действие, и широким горлом, так что они убеждались, что не может же человек так сильно кричать, не имея справедливых и основательных причин. Когда доходило до шаха известие, что я человек – зверь неприступный, то при первом свидании с ним я отравлял его лестью, так что уже не имели ему говорить против меня, и он готов был обвинить того, кто мне угодить не может. Могу сказать по справедливости, надул их важно...

«Прибыли 26-го числа в Гумри. Здесь было второе отдохновение 27 и 28 чисел. Г-н посол занимался здесь обозрением черты границ по речке Арпаचाю и иными распоряжениями по военной части <...>

29-го апреля. Из Гумри ночлег был в последнем месте внутри границ наших: Чиперлы-караван-сарай. <...>

30-го апреля вступило посольство в область Ериванскую; за половину почти перехода прибыл на встречу г-на посла дворский чиновник из Тавриса Гулам-Пиштмед-Назар-Али-бек (бывший в Тифлисе в конце декабря),

донесли между прочим, что дядя его Аскер-хан <...> назначен по повелению шахскому приставом для препровождения посла во всем путешествии до места пребывания его шахского величества. Вскоре за сим встретил г-на посла и сей Аскер-хан, а с ним и субхан Кули-хан, племянник сердаря Ериванского, с небольшим отрядом конницы. В сём сопровождении доехало посольство до разорённой крепости и селения Тальнь, близ коей разбиты были палатки для ночлега. Г-н посол, вошед в назначенную для него, подчиван был со свитою азиатскими сластями шербетом и кальяном; тут же вручил его превосходительству субхан Кули-хан письмо от сердаря Ериванского, в коем заключалось токмо приветствие».

А.Е.Соколов, «Дневник посольства...»

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Тифлис, 30 ноября 1817 г.

<...> Я при самом начале показал себя столько гордым, что они примера подобной гордости не видывали. С первым должен я был встретиться сардарем эриванским, человеком знатным и по власти ему данной, и по расположению к нему шаха, как к соплеменнику, ибо они оба из народа кадждаров. Ему казалось несовместно выехать ко мне навстречу; я потребовал, настоятельно объявивши, что я приеду в Эриван и во всё время моего там пребывания в отношениях моих не буду признавать его за начальника, а адресуюсь к старшему по нём, и тем истолкую народу, как я его разумею. <...> Сардарь выехал навстречу, и я по выезде из Эривана оказал ему уважение. Далее до Тавриза никто не допустил сделать себе напоминовения.

В Тавризе сделана была великолепнейшая встреча, все войски расположены были, не доезжая до города, знатнейшие чиновники и даже визирь высланы были навстречу. На другой день все и каймакам сделали мне посещение, и потом был я у наследника. Мне стороною было сделано внушение, что в Персии существует этикет надевать красные чулки, которому покорялись все до меня бывшие послы, и самих англичан не исключая. Я отвечал, что я сего не сделаю, ибо хорошо весьма чувствую, что я посол державы Российской и, что более, соседственной. Аббас-Мирза выдумал преглупый способ, чтобы не позволить мне войти в сапогах в комнату, принять меня на дворе внутреннем своего дома, стоя сам на ногах под навесом к стене приделанным. Я не показал неудовольствия, ездил с ним потом на ученье, в загородный его дом; но когда, пред выездом моим из Тевриза, пригласил он меня с собою на прогулку за город, я отвечал, что быть не могу, ибо рано завтра выезжаю, а что не прошу прощальной аудиенции потому что, будучи принят на дворе, я не разумею себя послом, а его сыном шаха, но приятно мне было познакомиться с ним,

как с любезным молодым человеком, с которым знакомство мог бы я сделать и в конюшне, если бы мы были охотники до лошадей. Не столько оскорбил я его ответом, как обидно ему было, что я не приехал по приглашению и отправляюсь не откланиваясь и что народ увидит, что смеют наследника не уважать до такой степени.

«5-го. Прибытие в Саман-Архи. Посол, желая избежать (по обдуманной причине) церемониальной встречи в Саман-Архи со стороны моотамидульдовла, о каковой был его превосходительство предупреждён, выехал из Зангана пополуночи, часа за два до рассвета, а мы прибыли в Саман-Архи около 7 часов утра. <...> Под вечер был у посла с визитом упомянутый моотамидульдовла мирза Абдуль-Вагаб, в сопровождении пристава Аскер-хана, трёх шахских мирз, и иных чиновников. <...>

6-го. Под вечер посол сделал мирзе Абдуль-Вагабу контр-визит с несколькими чиновниками свиты своей. <...> Хотя ежедневные были сношения и частые свидания посла с мирзою Абдуль-Вагабом, и казалось бы, что можно было бы нам и из сношений с ним токмо удостовериться о времени, когда точно шах прибудет в Султаню, но разные и с разных сторон доходившие о том сведения, одно с другим не согласовавшиеся, побудили г-на посла снестись опять с верховным визирем мирзою Шефи посредством нарочно отправленного с письмом штабс-ротмистра князя Бековича (12-го июля)».

А.Е.Соколов, «Дневник посольства...»

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Тифлис, 30 ноября 1817 г.

<...> Шаху было послано донесение, что я человек чрезвычайно гордый, характера ужаснейшего и всё случаи изыскивающий к раздору, словом сказать – зверь. От шаха был прислан ко мне навстречу один из министров <Мирза-Абдул-Вахаб-Исфахани>, его любимец, под видом будто бы сократить мне время беседою своею до его в Султаню приезда; а между тем поручено ему было разведать о провинциях, которых посол персидский требовал возвращения: можно ли надеяться получить их. Ему дана была доверенность вступить со мною в переговоры. Я не принял полной мочи, ответствуя, что, не имея от шаха аудиенции, я ни с кем не вхожу в рассуждения о делах, но что, уважая его и желая сыскать его дружбу, я буду говорить с ним, как с приятелем, обо всём том, о чём не могу я сказать ему, как министру. И в таких отношениях пробыли мы три недели, в одном живучи лагере и никаких других занятий не имея. Меня стращали войною, сильными Персии ополчениями и прочею

глупостию. Я делал то же со своей стороны; споры были горячие. Наконец удостоверились, что я дать ни которой из провинций не намерен, и так шах был предупреждён. Он приехал, и вскоре я имел аудиенцию и принят был самым приятнейшим образом с изъявлением возможного уважения.

Испытаны были все средства склонить меня к уступке земель, но бесполезно; наконец должно было со мною согласиться, ибо не смели надеяться оружием возвратить оные <...>

Высланный навстречу ко мне министр, о котором сказал я выше, был один, который постигал истину моих слов и, будучи в особенной у шаха доверенности, сколько мог я заметить, способствовал рассеять вкоренившееся на счёт наш невежество. Без его представлений не так скоро мог бы я привести к окончанию дела мои и не имел бы утешения видеть перемены о нас мнения.

<...> У шаха я так часто бывал, как никто из иностранных послов, и он имел ко мне особенное благорасположение. Во всё время пребывания моего любимая речь бывала обо мне. При свидании мы разменивались удивительными приветствиями, и как уже он прислушался к лести азиатской, то европейская ему чрезвычайно нравилась, и он утверждал замечание моё, что царей редко весьма она оскорбляет.

Шах, ко всеобщему удивлению, вопреки древнего обыкновения, говорил всякий раз со мною о делах, и министры, не обыкшие видеть человека, смело говорящего перед шахом, трепетали, чтобы когда-нибудь не принёс <я> жалобы на них или не сказал моего на них неудовольствия. Я в такой был у него доверенности, что по обычаю персидскому мог бы попросить нос, уши или глаза которого-нибудь из них, и трудно было бы отказать мне в том. Шах не один раз признавался в моём присутствии, что ему сделано было несправедливое обо мне донесение и что он во мне находит человека, которому ни минуты не остановится он вверить собственные интересы. Я выехал из Султании осыпанный ласками всех вельмож, всех окружающих шаха и с чувствами к нему уважения, ибо нашёл его весьма кротким, добросердечным, умным и благонамеренным.

**Всеподданнейший рапорт
командира Отдельного грузинского корпуса
генерал-лейтенанта А.П.Ермолова, ноябрь 1817 г.**

При первом взгляде на средства обороны Кавказской линии от набегов горских народов удобно видеть можно, что в соразмерность пространства линии силы наши недостаточны, что местоположение, совершенно отовсюду открытое, к защите неспособно, что большая часть богатейших селений

наших, лёжа по крайней черте границ, понуждает для обережения их употреблять единственное средство кордона, развлекающего войска, и что, наконец, существование линии обеспечивает одно несогласие и даже вражда между собой горских народов. <...> Многие из горских народов, смотря на успех их хищничеств и ободряемые тем, что все усилия, доселе употребляемые нами на усмирение их, были не только недействительны, но стоили нам великой потери людей, утвердились в мнении, что они неодолимы и потому ищут дружбы их и согласия. Мнение сие производит большой для нас вред.

Смирить чеченцев необходимо надобно, но меры на то должно взять совсем другие, нежели до сего времени. Прежде войска наши ходили к ним в землю неизвестную, по положению почти неприступную, – туда, где весь народ соединялся для защиты жён, детей и собственности. Надобно оставить намерение покорить их оружием, но отнять средства к набегам и хищничествам, соединив во власти своей всё, что к тому им способствовало. Надобно занять р. Сунжу и по течению её устроить крепость: тогда чеченцы стеснены будут в своих горах, лишатся земли удобной для возделывания и пастбищных мест, на которых во всё зимнее время укрывают они стада свои от жестокого в горах климата. Теперешние селения по линии останутся за цепью крепостей в безопасности; чеченцы не дерзнут на предприятия в местах открытых на большое позади крепостей расстояние, а со временем, продолжая линию через аксаевские и андреевские селения до р. Сулак, закрыт будет Кизляр – город, доходами в казну заслуживающий внимания. До прибытия моего сюда на р. Сунже был уже редут Назрановский для прикрытия дороги от Моздока в Грузию. Для большего обеспечения оной в нынешнее лето приказал я ещё построить укрепления и реки Сунжи занято уже 50 вёрст, – расстояние, которое защищаемо будет выселяющимися из гор народами, непримиримыми врагами чеченцев. По их просьбе приступил я к построению; чеченцы не сделали ни одного выстрела и, угадывая намерение, приведены в ужас. Надобно, В<аше> И<мператорское> В<еличество>, воспользоваться сим временем. Остаётся построить две крепости. <...> Ожидаю, что чеченцы не позволят нам спокойно продолжать работы, а как я не имею довольно войск на линии, чтобы составить и достаточное число рабочих и прикрытия им надёжное, то я отделяю из Грузии два батальона, но за всем тем предприятие будет не безопасное: здесь малейшая неудача худые имеет следствия и потому всеподданнейше испрашиваю В<ашего> И<мператорского> В<еличества> повеление прибавить один егерский комплектный полк к войскам на линии и смею сказать мнение моё, что в Крыму находящиеся по сходству климата наиболее к тому способны. Не предприимлю и занятия вдруг всей р. Сунжи, ибо оно потребовало бы чрезвычайных средств и гораздо большего числа войск, но, укрепляясь, постепенно и переводя войска с теперешней линии, через два года всё течение Сунжи будет в руках наших и, дав спокойствие ли-

Сказание о генерале Ермолове

нии, мы не будем населять горы увлекаемыми в плен подданными В<ашего> И<мператорского> В<еличества> и переносить наглые поступки чеченцев, и, крови их не проливая, заставим для собственного счастья переменить разбойнический образ жизни <...>.

Глава двенадцатая

Восток — дело тонкое (1817 — 1821 гг.)

«1818-го года, в самом начале апреля месяца, выехал я на Кавказскую линию. Дорога чрез горы от глубоких тающих снегов была ужаснейшая, и я немалое расстояние проходил пешком. Из Георгиевска отправился я для приобретения правого фланга линии. <...>

Вообще можно сказать о правом фланге Кавказской линии, что по причине протяжения его и мест повсюду открытых нет никаких средств сделать его более твёрдым и оградить от нападений закубанцев, имеющих удобные чрез Кубань переправы во множестве. Должно приписать одному несогласию живущих за Кубанью народов, что они далеко внутрь линии нашей не делают набегов, на что, по многолюдству их, легко бы могли решиться. Умножившееся в Кавказской губернии население заставило распространить жилища почти до самой Кубани, и потому наиболее подвержены они опасности. Неприятель имеет весьма сильную конницу; стоящие на кордоне казаки наши, если бы и не были рассыпаны на большом пространстве, не могли бы противостать оной по несоразмерности сил, пехота же не имеет достаточной подвижности, чтобы воспрепятствовать набегам.

Я нашёл на линии данное всем войскам запрещение не преследовать за границу хищников. Причиною сего боязнь моровой язвы, которая весьма часто появляется между закубанцами, сообщаемая им чрез Анапу из Константинополя. По связям закубанских народов с кабардинцами и сих последних

с чеченцами, против их вообще одинаковая предпринимается осторожность. Они знают о сём запрещении и тем с большею наглостию производят разбой, и бывали даже примеры, что возвращаясь с набега на земли наши, лишь только вступят на свою сторону, отзываются с насмешкою к преследовавшим их войскам или на кордоне стоящим пикетам и показывают безбоязненно похищенную ими добычу.

С радостью приняли войска приказание преследовать разбойников, и конечно не будет упущен ни один случай отмщения».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«Эпоха Ермолова была для Кавказа прежде всего эпохой полного изменения внутренней политики. Наши традиционные отношения к завоеванным ханствам и горским народам были фальшивы в самом своём основании, и это поняли из прежних начальников Закавказского края лишь князь Цицианов, ставший за то грозой для всех своих азиатских соседей, да маркиз Паулуччи, понявший всю правоту Цицианова, но не успевший сделать что-нибудь по кратковременности своего начальствования в крае. Все наши сношения с мелкими кавказскими владениями носили характер каких-то мирных переговоров и договоров, причём Россия всегда являлась как бы данницей. Большею частью не только дагестанских и иных ханов, но даже чеченским старшинам, простым и грубым разбойникам, Россия платила жалованье, поддерживая тем в них алчность и возбуждая в других зависть и стремление набегами вынудить Россию платить «дань» и им. Какое-то совершенно ничтожное Анцуховское общество, обитавшее в тещубах Дагестана, уже во времена Ермолова считало себя обиженным, не получая от России денег. Анцуховцы писали Ермолову, что обещают жить в мире с русскими только в таком случае, если будут получать дань, какую платили им грузинские цари.

С появлением Ермолова на Кавказе все это прекратилось. Он понимал, что если азиатские владель-

«Но се, восток подьѣмлет вой!..
Поникни снежной головой,
Смирись, Кавказ, - идѣт Ермолов!».
А.С.Пушкин

цы сами и не считают желание России откупиться от набегов за слабость и робость перед ними, то имеют прямую выгоду представлять дело в таком свете перед своими подданными, и уже в одном этом обстоятельстве лежала причина дерзости горских племён и вносимой ими в наши пределы вечной войны, конца которой, при принятой системе сношений с врагами, невозможно было предвидеть в самом далёком будущем. Из этого взгляда прямо вытекала замена пассивной политики, с паллиативным и не достигающим цели средством задаривания врагов, политикой деятельной, имеющей своей целью не временный непрочный мир, а полную победу, полное покорение враждебных земель. Принципом Ермолова было, что золото – не охрана от неприятеля, а приманка его, и он стал давать цену только железу, которое и заставил ценить более золота. «Хочу, – говорил он однажды, – чтобы имя моё стерегло страхом наши границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово моё было для азиатов законом, вернее неизбежной смерти. Снисхождение в глазах азиатов – знак слабости, и я прямо из человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены».

В этих словах вся система Ермолова. Он смотрел на все мирные и немирные племена, населявшие Кавказские горы, если не как на подданных России, то рано или поздно долженствующих сделаться ими, и во всяком случае требовал от них безусловного повиновения. И прежняя система подкупа и задариваний в его руках сменилась системой строгих наказаний, мер суровых, доходящих до жестокости, но всегда неизменно соединённых с правосудием и великодушием. «Великодушие, бескорыстная храбрость и правосудие – вот три орудия, которыми можно покорить весь Кавказ, – говорит известный мусульманский учёный Казем-бек, – одно без другого не может иметь успеха. Имя Ермолова было страшно и особенно памятно для здешнего края: он был великодушен и строг, иногда до жестокости, но он был правосуден, и меры, принятые им для удержания Кавказа в повиновении, были тогда современны и разумны».

В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

«<...> Ермолов в представленной Александру I «Записке» просил расширить права главноуправляющего с целью проведения крупномасштабных преобразований в крае, главным образом в сфере административного аппарата управления. <...> Петербург настороженно отнёсся к этим предложениям, усмотрев в этом опасную инициативу, и запретил генералу «предпринимать какие-либо меры, направленные на изменение административной системы, сложившейся к этому времени на Кавказе. Не имея возможности действовать

самостоятельно, Ермолов принял решение действовать через Сенат, инициировав в 1818 г. сенатскую ревизию Кавказской губернии и предвидя её результаты. Выводы ревизии сенаторов Д.Б.Мертваго и Б.А.Гермес отчасти совпадали с мнением Ермолова о преобразовании Кавказской губернии в область. Позже сенатор Д.Б.Мертваго вспоминал: «По приезде в Кавказскую губернию, увидел я не губернию, а хутор, для России весьма полезный, где выращивается скотина, для продовольствия внутри государства надобная. Дела производятся не столько злонамеренно, сколько глупо. Люди все дрянь, и те томятся бедностью и болезнями. Город губернский <Георгиевск>, как нарочно учреждён в таком месте, коего хуже на всём пространстве губернии найти нельзя...»

По результатам ревизии Ермолову было предложено составить проект административного преобразования губернии. По мнению Ермолова, особое положение новой области и её приграничный характер вызывали необходимость введения особого управления, он аргументировал его тем, «... что нравы и образ жизни людей, в Кавказской губернии обитающих, имеют более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях» <...>

24 июля 1824 г. был опубликован указ об изменении Кавказской административной системы. Согласно ему, Кавказская губерния была переименована в область с четырьмя уездами. Губернским городом окончательно был утверждён Ставрополь, вместо должности губернатора появилась должность начальника области, которую исполнял командующий войсками на Кавказской линии. Городская и земская полиция в городах Моздоке и Кизляре подчинялась военным властям. Судебная система была разделена следующим образом: гражданским судопроизводством, основанным на местных обычаях, занимались приставы, которые назначались русской администрацией из представителей местной феодальной знати. Должности же главных приставов исполняли русские офицеры, а уголовные дела рассматривались в военном суде».

Г.Г.Лисицына, «Административная деятельность генерала А.П.Ермолова на Кавказе»

«Из Георгиевска проехал я Гребенского войска в Червлённую станицу, неподалёку от коей приуготовлена была на Тереке переправа для войск, назначенных в чеченскую землю.

Я приказал некоторой части перейти на правый берег ожидать, пока соберутся прочие войска.

24-го мая переправился весь отряд, состоящий из 2-х баталионов 8-го и 2-х баталионов 16-го егерских полков, 1 баталиона Троицкого, 1 баталиона

Кабардинского пехотных полков, 6 орудий батарейной, 6 лёгкой и 4 конной артиллерии, донских и линейных казаков 500 человек.

Оставивши одну роту и 2 орудия для охранения переправы, весь отряд в один марш перешёл от Терека на реку Сунжу.

Все владельцы селений чеченских, расположенных по берегу Терека, именующихся мирными, находились при войсках.

Селения сии не менее прочих наполнены были разбойниками, которые участвовали прежде во всех набегах чеченцев на линию. В них собирались хищники и укрывались до того, пока мирные чеченцы, всегда беспрепятственно приезжавшие на линию, высмотрев какую-нибудь оплошность со стороны войск наших, или поселян, могли провождать их к верным успехам.

Чеченцы, издали высматривая движение наше, не сделали ни одного выстрела до прибытия нашего к Сунже. Весьма немногие из самых злейших разбойников бежали из селений, по левому берегу лежащих; все прочие бывали в лагере, и я особенно ласкал их, дабы, оставаясь покойными в домах своих, могли привозить на продажу нужные для войск съестные припасы. В лагерь взяты были от их селений аманаты (1).

(1) Аманат (арабск.) – заложник. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.

Старшины почти всех главнейших деревень чеченских были созваны ко мне, и я объяснил им, что прибытие войск наших не должно устрашать их, и если они прекратят свои хищничества; что я не пришёл наказывать их за злодеяния прошедшего времени, но требую, чтобы впредь оных делаемо не было, и в удостоверение должны они возобновить давнюю присягу на покорность, возвратить содержащихся у них пленных. Если же ничего не исполнят из требований моих, сами будут виною бедствий, которых не избегнут, как явные неприятели. Старшины просили время на размышление и совещание с обществом, ничего не обещали, отзываясь, что ни к чему приступить не могут без согласия других. Приезжая нередко в лагерь, уверяли в стараниях своих склонить народ к жизни покойной, но между тем из многих неосновательных рассуждений их, сколько неудобно исполнение требования о возврате пленных, можно было заметить, что они не имеют вовсе намерения отдать их. В совещаниях их находились всегда люди, нам приверженные, и от них обстоятельно знали мы, что известные из разбойников, не надеявшиеся на прощение за свои преступления, возмущали прочих, что многие из селений, по связям родства с ними, взяли их сторону и отказались ездить в собрание. Прочих же успели они уверить, что русские, как и прежде, пришли для наказания их, но потому не приступают к оному, что опасаются в летнее время вдаться в леса непроходимые. Что устройство крепости есть вымысел для устранения их, но что того не имеем мы намерения и даже ни малейших

нет к тому приготовлений, что чеченцам нужно иметь твёрдость, и мы, про-
бывши некоторое время, возвратимся на линию».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Лагерь на <реке> Сунже, 9 июля 1818 г.

Любезный брат, редкий из человек!

<...> Я привожу в исполнение давнее намерение занять Сунжу и укоротить оскорбительные злодейства чеченцев, которые превзошли уже всю меру терпения. Другой уже месяц стою я лагерем на Сунже против Хан-Кале, известного дефиле трудностию прохода и прежними неудачными Булгакова предприятими, которые стоили нам большой потери, ободрили оною чеченцев и сделали их дерзостнее в их разбоях и хищничествах. Я заложил тут крепость, наименованную Грозная. В ней будет гарнизона до тысячи человек и страху для чеченцев на пять. Я предполагал в нынешнем году сделать более сего одного укрепления, но недостаток во многих вещах и сопротивление чеченцев, которым не нравится наше здесь пребывание, умедливают чрезвычайно работы и я ничего не успею сделать более. В будущем году устрою ещё одну не столько большую крепостцу и в нескольких пунктах при удобнейших чрез Сунжу бродах редуты, и чеченцы будут сговорчивее. Потом деревни чеченские, по берегу Терека расположенные, в которых укрываются под именем мирных разбойники по соседству наиболее вредные, истреблю; раздам прекраснейшие их земли казакам нашим, которые или совсем в них нуждаются, или имеют весьма неудобные. За сим первым актом следует важнейший.

Дагестан, который тебе знаком и где всегдашнее убежище изменникам и врагам нашим, где весьма покойно живут и беглый подлец царевич, и злобный Ших-Али-хан и где теперь дышет всё возмущением, я намерен связать с Кавказскою линиею посредством дороги через Дербент. Со временем линию укреплений по Сунже доведу я почти до устья оной, то есть ниже места, где впадает Аргун, перейду на правый берег оной, где для сообщения будет редут, в Аксае заложу крепостцу; в Андреевской деревне немного сильнейшую и левый фланг линии примкну к Сулаку, у Констюковского селения. Закрою совершенно Кизляр, богатый город и родом своей промышленности единственный. Шамхал тарковский, угнетяемый злодеями своими, никогда так усердно не прибегал к нашей защите, просит в Тарки войск и в распоряжение наше отдаёт богатые соляные озёра, которые чеченцев и все довольствуют

горы. Уцмий¹ каракайдакский, также злодей наш, в худом положении и просит от неприятелей защиты. Здесь будет у меня военный пост для связи с Дербентом. Таким образом получу я другую дорогу во многих обстоятельствах нам полезную. И движение по оной войск, и частое оных в земле обращение познакомит нас более с народом, а ему истолкует, что для смирения его имеем мы средства, которые теперь весьма недостаточны. Весь сей план довёл я до сведения правительства, и он не кажется неосновательным.

Ещё представил я систему крепостей для областей наших по ту сторону гор лежащих, вводя в предмет умножение и усовершенствование войск Персии. Она требует обстоятельного рассмотрения, ибо стоит и некоторых издержек. Я об оной сообщу тебе впоследствии, когда правительством или утверждена или отринута будет. Если допустится, то границы наши, сколько возможно по порочному виду их, примут некоторую твёрдость, и в случае даже распространения оных, крепость ни одна не останется бесполезною. Сего конечно уже я не приведу к окончанию, ибо несколько лет на то надобно, но по крайней мере план со всеми обстоятельствами соображённый должны будут исполнять мои преемники, и не так как доселе всё предоставлялось произволу начальствующего, который иногда по злобе, иногда по самолюбию, а иногда и по невежеству уничтожал распоряжения предместника, и от того всё осталось в состоянии начала. Таким образом исчезли все предприятия славного и необыкновенного Цицианова. <...> Я сам испрашиваю для себя законы, но сносить стану их терпеливо, чтобы и другие на месте моём им покорялись».

<...> Задачи, предстоявшие Ермолову на Северном Кавказе, требовали именно его энергии и ума. <...> Чечня с Дагестаном, Кабарда и наконец Черкесия <...> составили три главнейших театра борьбы, и по отношению к каждому из них требовались особые меры.

Ермолов начал с Чечни, расположенной непосредственно к югу за средним течением Терека. Аулы чеченцев ещё были в то время на самом Тереке и тем весьма облегчали соплеменникам своим кровавые набеги на русские станицы. Ермолов начал с того, что оттеснил чеченцев за Сунжу, а на ней, в 1818 году, поставил первую свою крепость, Грозную, связав её рядом укреплений с Владикавказом, стоявшим у самого прохода в горы на страже Военно-Грузинской дороги. Это и была первая параллель к «крепости», как Ермолов называл Кавказские горы. Чеченцам был преграждён свободный путь на Средний Терек, и бедствия прежних времён с тех пор там миновали.

¹ Уцмий – титул правителя Кайтага (обл. в Дагестане) с XVI в. Упразднён в 1820. Большой энциклопедический словарь

Но на Нижний Терек открытый путь оставался ещё через Кумыкские степи, и Ермолов в следующем же, 1819, году поставил близ Андреевского аула новую крепость, Внезапную, разделившую чеченцев от кумыков и в то же время преграждавшую первым путь к дагестанцам через Салатавские горы. Внезапная была соединена с Грозной также рядом укреплений. А далее, за Кумыками, к морю, лежало дружественное нам шамхальство, и железный полу-круг уже охватывал Чечню и часть Дагестана. Чеченцы присмирили.

Непрочно, однако, было это мирное настроение Чечни, пока сама природа стояла на страже её границ, делая почти вовсе недоступными её аулы. Прямо за Сунжой начинались огромные, непроходимые для русских войск леса, в которых каждое дерево было равнозначуще вооружённому человеку. Ермолов прекрасно понял, что действительнейшее средство борьбы с непокорной Чечнёй – это сделать доступными её внутренние поселения, и время его было началом медленного, но прочного завоевания страны посредством завоевания природы. При Ермолове в первый раз возникла система рубки лесов. Широкие просеки легли от одного аула к другому и мало-помалу начали делать возможным доступ русским в самые недра чеченской земли, в тот очаг, где закалялась ненависть к сильным пришельцам и жили «преданья вольности», волновавшие и взрослого мужа и юного джигита. И эта система до самых последних дней кавказской войны стала необходимой основой всех действий, главнейшим средством покорения Кавказа, и жестоко платились те, которые от неё отступали».

В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

«На следующий день конвой прибыл в окрестности Андреевского, столицы чеченских владений. Вокруг этого городка, занятого под штаб-квартиру Ермолова, стояли биваком войска, которыми он командовал в этой экспедиции. На небольшом расстоянии от лагеря оба полка сделали привал в ожидании распоряжений от Ермолова. Неожиданно, вместо адъютанта, явился сам Ермолов, причём пеший и без всякой помпы. Едва солдаты заметили его на ближней возвышенности, как тотчас имя Алексея Петровича с неподдельным восхищением стало передаваться из шеренги в шеренгу, и вскоре колонны были оповещены о приближении этого великого человека. У нас в Европе нет такого обыкновения и нет слов, которые способны были бы передать оценку воинских достоинств главнокомандующего, какая выражается русскими солдатами, когда они называют его крестными именами без упоминания фамилии. Возвращаясь после Парижской кампании, император Александр доверительно признался одному из своих адъютантов, что никогда не испытывал большего душевного удовлетворения, чем однажды ночью, когда услышал, как солдаты, недавние победители в Лейпцигской битве, на-

звали его в разговоре между собой Александром Павловичем, вместо того, чтобы титуловать, как положено, царём».

Хуан Ван-Гален, «Два года в России»

«В производстве работ сколько могли чеченцы делали препятствия. Нередко случалось, что солдаты, оставляя шанцевый инструмент (1), тут же брали ружья и отражали нападение. Но когда чрез реку Сунжу сделана была переправа и на противоположном берегу устроено укрепление, чеченцы менее появлялись на нашей стороне.

Все ближайšie к урочищу Хан-Кале селения, или те, к коим полагали они, что войска удобнее пройти могут, вывезли лучшее своё имущество; жёны и дети оставались в таком положении, чтобы при первой тревоге удалиться в ближайšie леса, где приготовлены были шалаши. На ближайших полях брошен был хлеб, который по боязни не собирали, и уже в летнее время чувствуем был в оном недостаток.

Пришли наконец в помощь лезгины, и между чеченцами примечена большая деятельность в приуготовлениях к сражению. Повсюду показывались они в больших уже силах. Деревни по левому берегу реки Сунжи и одна на правом берегу, называемая Сунженскою, сохраняя все наружности преданности, не только лезгин, кои самих даже чеченцев, явно противящихся нам, не принимали.

Между многих перестрелок с отрядами нашими была одна весьма сильная, когда квартирмейстерской части подполковник Верховской послан был занять лес, в котором надобно было произвести порубку для строений.

Войска Донского генерал-майор Сысоев с малым числом казаков, сделав атаку на сильную чеченскую конницу, наказал за сделанное нападение на отводные наши караулы, причём изрубили они несколько человек.

Главное же дело происходило 4 августа. С Кавказской линии должен был прибыть в лагерь большой транспорт с провиантом и разными другими вещами, при которых много было едущих к войскам чиновников. В конвое находились одна рота пехоты с пушкою и несколько казаков. Чеченцы с лезгинами вознамерились сделать на транспорт нападение. О сём незадолго дали нам известие, и я навстречу транспорту отправил часть войск. Когда же из крепости замечено было движение в больших силах, то отправил я ещё в помощь с частию начальника корпусного штаба полковника Вельяминова. Неприятельская конница успела уже перейти реку Сунжу и пустилась на транспорт, часть пехоты шла вслед за оною, и ещё довольно оной оставалось

¹ Шанцевый, (воен.) – служащий для производства работ по окапыванию, по устройству шанцев. Шанцевый инструмент (лопаты, кирки, топоры и т.п.). Шанцевая лопата. Толковый словарь Д.Н.Ушакова.

для охранения переправы. Увидев идущие из крепости войска наши, конница тотчас обратилась к своей пехоте, и сия двинулась навстречу нашей. Толпы её, боясь действия артиллерии, не смели весьма приближаться, но стрелки вышли во множестве, и начался весьма сильный огонь.

В сей день чеченцы дрались необычайно смело, ибо хотя недолго, могли однако же они стоять на открытом поле под картечными выстрелами; но когда полковник Вельяминов приказал войскам идти поспешнее к деревне Ачага, куда бросилась неприятельская конница, как приметно, к переправе, ибо известен был в сём месте хороший брод, то чеченская пехота обратилась в бегство в величайшем беспорядке. На переправе происходило замешательство, и немало людей потонуло. Полковник Вельяминов мог их стеснить в селении Ачага, и артиллерии удобно было действовать с большим успехом: но жители селения сего, нам покорные и не участвовавшие в предприятии чеченцев, выбежали к нему навстречу, прося пощады. Он не мог не исполнить их просьбы. Потеря в сём деле с нашей стороны была ничтожная, и транспорт без всякого вреда прибыл в крепость.

Вскоре после сего произошли между чеченцами и лезгинами несогласия и ссоры, и сии последние, не в состоянии будучи переносить жаркого летнего времени и оставивши не менее половины людей до выздоровления, удалились в дома свои.

Сим кончились все подвиги лезгин, и чеченцы, знавшие их по молве за людей весьма храбрых, вразумились, что подобными трусами напрасно они нас устрашали. Прежде, в ожидании от них большого вспомоществования, разглашали они о прибытии их в больших силах; открылось наконец, что их было до тысячи человек.

<...> 1-го числа октября поехал я из крепости Грозной на линию, где в селении Прохладном пригласил к свиданию со мной князей кабардинских, главнейших из священнослужителей и знатнейших из узденей. Все почти приехали, кроме малого числа злейших разбойников, которые явиться не смели.

С досадою упрекал я им в нарушении обещаний вести жизнь мирную и самой присяги в том, несколько раз ими данной. Упоминал о многих в недавнем времени происшествиях, которые обнаруживают их самыми подлыми мошенниками, и что известные некогда храбрость их и воинственная между горскими народами слава помрачена презрительнейшими делами, одним гнусным ворами свойственными. Поставил им в пример того же года наказанный за укрывательство разбойников Трамова аул, неподалеку от Константиногорска отстоявший, который по приказанию моему разрушен до основания, взято до 2 тыс. лошадей и весь скот, и что жителям оногo только позволено было вывести жён своих и детей. Обещал, что равное сему и

их ожидает наказание, если не переменят своего поведения, если родители не будут воздерживать детей своих и родственников, помещики своих подвластных; если священнослужители, имеющие большое в народе влияние, не будут делать предписываемых законом наставлений и внушения. Предложив им средством избежать грозящих бедствий то, чтобы наказывая самим за воровство и возвращая похищенное, убийц представляли для наказания к российскому начальству. Что несколько таковых примеров воздержат разбойников и за преступления злодеев не потерпят менее виновные, а начальство не будет принуждено посылать непрерывно войска, которые разоряют землю прекраснейшую. Справедливость замечаний моих не допустила возражения; многие говорили, что есть средства исполнить требования мои, и что они о том будут стараться, видя, что в советах моих заключается собственное их благо, но только два или три человека осмелились сказать при всех, что льстят мне обещаниями ложными, что ничего не сделают; ибо первейшим из князей надлежит сделать пример над своими ближними и выдать к наказанию за разбой, что трудно быть первым в подобном случае, ибо все прочие поручаться сим будут. Если же так поступят знатнейшие, то они готовы то исполнить и ручаются, что средством сим прекратятся беспорядки, и боязнь, которую они имеют от русских, превратится в прежнее к ним расположение.

После сего расстался я с ними и тут же видел, что свидание было бесполезно».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Лагерь на реке Сунже, 10 августа 1818 г.

<...> В отдалённой стороне нашей пронёсся слух, что в нынешнем году выступаешь ты с корпусом из Франции. Я весьма рад, ибо приятнее быть с тобою поблизости или по крайней мере в отечестве. Угадывая же назначение твоё, могу надеяться и не совсем быть в отдалении. Приезжай, любезный брат, и поживи в России, от которой служба долгое время тебя отдаляла. Тебе надобно подумать и о женитьбе, ибо от человека такой фамилии могут требовать того любящие тебя и имеющие в тебе надежды соотечественники. Я, пропустив сам время, не без основания могу остерегать в том приятеля.

**Приказ командира Отдельного Кавказского корпуса
генерала от инфантерии А.П.Ермолова**

В лагере при реке Сунже августа 22 дня 1818 года № 26.

Дошло до сведения моего, что июля на 15 число в ночи хищническая из ахалцыхского пашалыка партия осмелилась из самого лагеря донского майора Балабина полка отогнать девять лошадей. Происшествие сие утверждает сделанные мною замечания насчёт оплошной и чести войску не приносящей службы донских казаков в Грузии. ... Не узнаю я казаков и у самых хищников известных трусостию, впали они в неуважение и терпят от них поносные поругания. Не было ещё примера, чтобы когда-либо хищники сделали на лагерь нападение, сколько бы ни мало людей в них находилось. Не всегда можно преследовать хищников с малым числом людей; но довольно несколькими человеком показать намерения защищаться, чтобы не смели они сделать нападение.

Господина майора Балабина я потому не достаиваю наказания, что уже нет большего, как быть пренебрежён у хищниками, и мне остаётся только остеречь его, чтобы самого когда-нибудь не утащили.

*«... И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассытанный аул <...>
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил...»*

Исповедь Мцыри Лермонтов не выдумал. Он её слышал. Когда позировал Петру Захарову для портрета, который современники считали самым схожим, «хоть он на нём и очень польщён». Невероятная судьба художника причудливым манером отразилась в лермонтовских строчках – даром, что Захаров-чеченец ни минуты не провёл в монастыре.

<...> На захаровском портрете Ермолов стоит в рост на фоне Кавказа. Того Кавказа, где родился и некогда жил Пётр Захаров, хотя его по-настоящему звали иначе, причём никто не знает как. Того Кавказа, который командир Отдельного Грузинского корпуса и управляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях Ермолов столь жестоко усмирал.

Именно его решением «в тени рассытанный аул» Дады-Юрт в 1819 году стёрли с карты. «Желая наказать чеченцев, непрерывно производящих разбой, в особенности деревни, называемые Качкальковскими жителями, кои отогнаны у нас лошади, предположил выгнать их с земель Аксаевских,

Сказание о генерале Ермолове

которые занимали они», – чистосердечно признался Алексей Петрович в собственноручных «Записках».

Предложение добровольно оставить родные места чеченцы отвергли, а защитить детей и жён не смогли. «Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием, истреблены, и число оных не менее могло быть четырехсот человек. Женщин и детей взято в плен до ста сорока, которых солдаты из сожаления пощадили как уже оставшихся без всякой защиты и просивших помилования».

Из ста сорока этих пленных, упомянутых в честном генеральском отчёте, 46 девушек бросились при переправе в Терек, чтобы не достаться врагу (и в память их подвига, заметим в скобках, в республике в 2009 году учредили День чеченской женщины, отмечаемый в сентябре). А один крошечный пленник чем-то тронул солдат. Трёхлетнего на вид пацанёнка, что истекал кровью возле мёртвой матери, пожалели: завернули в шинель и отвезли в ставку командующего. «Вылечить!» – гаркнул суровый генерал, – «Взыщут!» Взыскивать не пришлось: армейские врачи постарались, и казак из станицы бороздиновской Захар Недоносков с генеральским поручением справился.

Найдёныша крестили Петром, а отчество и фамилию соорудили из имени Недоносова. Так что все правда у Лермонтова: и русский генерал, и Тифлис, и пленный ребенок. Только дядька-казак вместо старца-монаха.

К семи годам в судьбе Пети Захарова возникает другой русский генерал. Генерал-майор, командующий 3-й бригадой 21-й пехотной дивизии, тоже носил фамилию Ермолов, но звали его Петром Николаевичем. Архивы сохранили бесценную бумагу: «Свидетельство №3610 от 25 августа 1823 года о передаче А.П.Ермоловым в Тифлисе взятого в плен мальчика, из чеченцев, Петра Захарова, на воспитание господину генерал-майору П.Н.Ермолову...».

Ещё через несколько лет многодетный кузен «проконсула Кавказа» вышел в отставку и забрал своего «странного Петрушу» в Москву. Отчего же странного? Так посудите сами, ведь «кроме обучения грамоте, – писал Пётр Николаевич своей матушке, – он рисует всё, что попадает под руку. Видимо, будет художник, и не плохой».

**Александр Беленький,
Федеральный познавательный журнал «Горец»**

А.С.Грибоедов – С.И.Мазаровичу
<Перевод>

12 октября <1818>. Моздок
Любезный и достойный Семён Иванович,
вот мы и у подножья Кавказа, в сквернейшей дыре, где только и видишь, что грязь да туман, в которых сидим по уши. Было б отчего с ума сойти, если бы

приветливость главнокомандующего полностью нас не вознаграждала за все напасти моздокские. Здешний комендант передал нам Ваше письмо, полное любезной заботливости о тех, кого Вам угодно называть Вашими товарищами, и кто по существу лишь подчинённые Ваши. Правда, что с тех пор как я состою при Вас в качестве секретаря, я не нахожу уже, чтобы зависимость бедного канцелярского чиновника так была тяжела, как прежде был в том уверен. Вздор истинный, в чём я ещё более убедился в тот день, когда представлялся его высокопревосходительству господину проконсулу Иберии: невозможно быть более обаятельным. Было бы, конечно, безрассудством с моей стороны, если бы за два раза, что я его видел, я вздумал бы выносить оценку его достоинствам; но есть такие качества, которые в человеке необыкновенно видны сразу же, причём в вещах на вид наименее значительных, например, своя манера особенная смотреть, и судить обо всём, с остроумием и изяществом, не поверхностно, но всегда становясь выше предмета, о коем идёт речь; нужно признать также, что говорит он чудесно, так что я часто в беседе с ним не нахожу что сказать, несмотря на уверенность, внушаемую мне самолюбием <...>.

«Народы Дагестана, между тем, видя в судьбе Чечни угрожающую и им опасность, уже с начала 1818 года подняли знамя восстания. В Дагестане возникло стремление составить обширный союз народов, чтобы разом и соединёнными силами действовать против русских. К союзу примкнули внутренние ханства Аварское и Казикумыкское, вольное Акушинское общество и владения, примыкавшие к морю: Мехтула, Каракайтаг и Табасарань. В то же время дагестанцы старались привлечь к союзу на севере шамхальство, а на юге Кюринское владение, некогда отторгнутое Россией от Казикумыка и уже потому отличавшееся постоянной верностью ханов. Восстание охватило обширную площадь. Ермолов понимал опасность надвигавшейся грозы со стороны Дагестана и решился одновременно вести борьбу и с ним и с Чечнёй; летом войска действовали в Чечне и на Кумыкской плоскости, зимою – в Дагестане.

<...> действия Ермолова в Дагестане отличались ещё большей решимостью и быстротой, нежели в Чечне. Он начал с того, что зимою 1818 года, пройдя через шамхальство, разгромил Мехтулу и, уничтожив самостоятельность этого ханства, обратил его в простое русское приставство. В следующем году генерал-майор князь Малахов, действуя с юга, со стороны Кубинской провинции, покорил Табасарань и весь Каракайтаг, dokonчив таким образом непрерывную приморскую полосу русских владений. В то же время Ермолов, со своей стороны, наступая с севера и соединившись с Мадатовым в шанхальстве, проник в самые недра гор, и битва под Лавашами, девятнадцат-

цатого декабря 1819 года, решила судьбу Северного Дагестана: сильная, воинственная Акума была занята войсками и присягнула на верность России. Ещё год – и перестало существовать независимое Казикумыкское ханство. Так последовательно всё теснее и теснее сжималось железное кольцо вокруг недоступных Дагестанских гор, и племена их, истощённые в непосильной борьбе, на долгое время замолкли.

С этих пор до самого расцвета в горах мюридизма¹, необыкновенно фанатизировавшего дух магометанского Кавказа, Дагестан не пытался ни разу возобновлять открыто враждебных действий против русских, и даже Персидская война 1826 года, начатая при самых неблагоприятных для нас условиях, не оказала на него влияния – горцы остались спокойными».

В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

«<...> Азиаты именуют башней любой дом или дворец, принадлежащий благородному роду; башня, занятая Ермоловым, соседствовала с мечетью и наилучшим образом доминировала над всей окрестностью. <...>

За полчаса до обеда они явились в башню к генералу. Все приглашённые заторопились в столовую, их оказалось больше, чем приборов на столе; впоследствии, часто бывая у Ермолова, Ван-Гален узнал, что такое случалось нередко, поскольку генерал принимал без особого приглашения всех, кто желал разделить с ним обед. Пока слуги исправляли упущение, Ван-Гален был в той же комнате, где толпились остальные, ожидая, когда каждому укажут его место по чину, согласно строгой военной субординации; Ермолов радушно поздоровался с офицерами, первым подошёл к столу и, не глядя, занял ближайшее место, пригласив сесть рядом с собой одного из генералов, затем поманил двух других, случайно оказавшихся на дальнем конце стола; тут все убедились воочию, что можно садиться где хочешь, не соблюдая чинов.

Неприхотливость Ермолова была поистине спартанской. Несмотря на свой рост и могучее сложение, он никогда не пил крепких напитков и даже вина, разве что разбавленное, и то крайне редко; из различных поданных блюд едва ли отведал два; ел мало и торопливо, по большей части холодные закуски. <...>

Время отдыха Ермолов обычно проводил в занятиях, не требующих большой затраты сил. В странах, где столь часты случаи вероломства и убийств, он тем не менее не страшился выходить за пределы форпостов один, в сопровождении одного лишь проводника – весьма опытного в своём деле

¹ Мюридизм - кавказская магометанская секта, ставившая своей целью борьбу с иноверцами, возникла в 20-х годах XIX в. Последователи м-а оказывали сильное сопротивление рус. войскам при завоевании Кавказа, особенно при имаме (глава секты) Шамиле, с пленом которого (1859) распалась и секта. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.

Сказание о генерале Ермолове

местного уроженца, а тот, как всякий черкес, никогда не расставался со своим смертоносным кинжалом. Ван-Гален <...> немало дивился такому поведению генерала, не скрывая своего удивления от его адъютантов, но те его уверили, что генерал не опасается предательства, поскольку уверен в себе и в том, что горцы его уважают; с другой стороны, генерал убеждён, что если он изменит свой образ действий, он незамедлительно потеряет авторитет у непокорных народов.

<...> У Ермолова не было личного секретаря, он привык обходиться без него; он сам составлял в своём уединённом кабинете большую часть деловых бумаг. <...>

Вечером, когда удалялось небольшое общество, образующее его семейный круг, как он его называл, Ермолов предавался различным трудам: либо завершал неоконченные дневные дела, либо читал – занятие, страстно им любимое с молодых ногтей, из коего он, благодаря своей отличной памяти, извлекал немало пользы для себя. И, поскольку на часы он не смотрел, то выпускал из рук перо или откладывал книгу лишь тогда, когда его начинало клонить ко сну. И будь он в походной палатке или в тифлисском дворце, он ложился на диван или походную кровать часто даже не раздеваясь, и несколько раз за ночь подымался проверить посты, прежде чем заиграют зорю и пушечный залп возвестит приближение утра».

Хуан Ван-Гален, «Два года в России»

«В продолжение сего получил я от шамхала Тарковского уведомление, что брат хана Аварского, управляющий небольшою провинцией, называемою Мехтулли, смежною с владениями шамхала, давно прежде угрожавший овладеть его деревнями, собрав толпу вооружённых, захватил некоторые из оных. Что акушинский народ, сильнейший в Дагестане и воинственный, подстрекаем будучи аварским ханом и более ещё беглым дербентским Шиг-Али-ханом, которого укрывал у себя, и грузинским царевичем Александром, присылает к шамхалу старшин своих с требованием, чтобы, отказавшись от повиновения русским, присоединился он к

«Ермолов напоминает собою людей Святослава века; он всегда при сабле, всегда спит на плаще. Ни гагачьи пуховые постели помпадурские, ни штофные занавесы Монтеспан не манят его к неге и ко сну, который и в столице, как равно и в кочевых станах, продолжается у него только до рассвета».

Д.И.Писарев

«Ермолов, нет другого счастья
Для гордых, пламенных сердец,
Как жить в столетиях отдалённых
И славой ослепить

потомков изумлённых!»
В.К.Кюхельбекер

нему и содействовал в предприемлемых им намерениях, или, в случае несогласия, выгонят его из владений. В подвластных своих примечал уже шамхал большое непослушание, и многие взяли сторону акушинцев.

Командующий войсками, в Кубанской провинции и Дербенте расположенными, генерал-майор Пестель донёс, что в Дагестане приметен рождающийся дух мятежа. Что горские народы, наиболее злобствуя на шамхала за приверженность его к нашему правительству, намереваются сделать нападение на его земли; страшат также уцмия Каракайдацкого, прибегнувшего наконец к покровительству нашему, и хотя поздно узнавшими, однако же нет для него другой надёжной защиты. Таковые известия сообщил беглый царевич Александр наследнику Персии Аббас-мирзе и министру его мирзе Бюзурку, приписывая деятельность своей и усердию к пользам Персии, что он возмутил Дагестан против русских.

Письма сии были перехвачены, и явно открылось, что Аббас-мирза для сего предмета доставлял царевичу деньги. Но всегда оных было однако же недостаточно, ибо царевич жаловался на свою бедность и точно претерпевал оную.

Аварский хан, имеющий вражду с уцмием Каракайдацким, давал у себя убежище людям для него вредным и подослал таковых для произведения возмущения в его владениях.

Генералу Пестелю дал я немедленно подробнейшие наставления.

С двумя баталионами пехоты, шестью орудиями артиллерии и сколько можно собрав казаков, выступить к реке Дарбах или ближе к городу Башлы, буде есть место удобное для расположения лагеря. Город сей, имеющий до 3 тыс. семейств, заключал в себе всех людей, не повинующихся уцмию и явно недоброжелательствующих нам. Связи с горцами заставляли и прежних владетелей с осторожностью употреблять власть свою, снисходить к винам жителей, и сии наконец вошли в привычку худо повиноваться.

При войсках наших должны были находиться полковник Аслан-хан Кюринский с своею конницею и конница кубинская и дербентская.

Генерал-майору Пестелю запрещено было начинать военные действия, но оказывая к тому готовность, пропуская слух о следовании 3 тыс. войск в Дагестан, для которых требовать заготовление продовольствия от шамхала, удерживать акушинцев во внимании к собственной защите и не допускать к оскорблению находящихся под покровительством нашим. Смирным присутствием войск самовольство жителей города Башлы, удерживать их в повиновении к уцмию и тем усилить его власть. Взять под надзор в Дербент подосланных аварским ханом, живущих во вражде с уцмием, его родственников, делающих в подвластных ему разврат и беспорядки, уверив их, что предосторожность сия употребляется для сохранения их от опасности, по злобе к ним уцмия. Найти приличное средство войти в сношение с акушинским народом

и требовать от него аманатов, или иначе могут в опасности быть пасущиеся на плоскости в осеннее время стада их. Наклонить уцмия, чтобы войсками своими изгнал Абдулла-бека, зятя беглого Ших-Али-хана, который похитил управление Табасарана, провинции, состоявшей частью под нашим покровительством, дав надежду уцмию, что сын его заступит его место.

Шамхала и уцмия уведомил я о назначении войск собственно для их защиты. Аварскому хану, который до того казался приверженным, писал я, чтобы он старался воздержать акушинский народ от наглых угроз, которые смеет он делать владетелям, подданным императора, и чтобы брату своему воспретил поступать неприязненно с шамхалом. Акушинскому народу дал я знать, что, приняв на себя обязанность не делать набегов на владения российские и утвердив то данную присягою, нарушение оной не оставит правительство без наказания. Что неприязненным действием почту я нападение на земли, шамхалу и уцмию принадлежащие, что я лучше хочу предостеречь народ, которого желаю я спокойствия, нежели впоследствии подвергнуть себя упреку, что оставил его в неведении, какие бедствия он себе приуготовляет».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Сунжа, 20 октября – Терек, 30 ноября 1818 г.

<...> Октября 25-го, Сунжа.

От Пестеля не получаю ничего, но из Тарков есть известие, что жители города сего рассеялись, боясь собравшихся лезгин, и что всё владение шамхала взбунтовало и соединилось с оными, что сообщение с Пестелем прервано и мои к нему предписания не достигают. Мятежники присылали возбудить против нас жителей деревень, принадлежащих владельцам андреевским. Я, дабы удержать сих последних, решился идти к ним и завтра выступаю. <...>

18 ноября. <...> В Тарки прожил я девять дней, ибо казалось, что самое небо далее меня не допускало, проливая на нас дожди ужаснейшие, наконец выступили в горы прямо к столице аварского хана, генерал-майора и подлейшего изменника. В трудном весьма дефиле встречен я им был с довольным числом мятежников. <...> Расположась лагерем, в десять часов вечера послал я один баталион Кабардинского полка в обход на гору, и он так удачно подкрался, что нашёл неприятеля в совершенной неосторожности у огней в разных забавах. Залп из ружей и ура рассеяли мошенников, и с того времени вселился между ими трепет; ибо по справедливости нигде уже удобнее остановить нас было невозможно. Более суток употребил я, чтобы подняться с артилле-

рию на гору и селение Параул, столицу и место рождения хана аварского, нашёл совершенно оставленную жителями. На другой день вошёл я в селение Джунгутай, принадлежащее брату его, молодому человеку, владеющему большим округом и который более всех способствовал к возмущению против нас Дагестана. Здесь нашёл я мятежников в большом собрании, в крепкой позиции, защищённой окопами. После некоторой перестрелки окопы взяты были штыками, но неприятель не мог иметь большого урона, ибо и артиллерия наша мало действовала, и во время сражения столько густой распространился туман, что неприятель мог спастись бегством, почти не преследуем по причине темноты. Селение Джунгутай и в 3-х верстах от него другое того же имени, оба прекраснейшие и лучшие нежели многие из уездных наших городов, приказал я разорить совершенно. После сего все возмущившиеся владения шамхала, все брата аварского хана и некоторые из селений ему самому принадлежащих покорились и прислали старшин просить помилования. Шамхал во всё время остался верным и был с войсками нашими при Пестеле; в вознаграждение его из владений аварского хана, брата его и ещё одного мошенника, дал я ему в управление четыре больших городка с селениями, составляющими более четырёх тысяч семейств. <...>

В бытность мою в Тарки получил я от Пестеля рапорт, что лезгины в числе более 15 т<ысяч> человек атаковали его в Башлы и что 10 т<ысяч> сверх того, ожидая последствий дела, готовы были броситься на Кубинскую провинцию. Пестель занимал замок и часть домов, прилежащих к нему, которые приустроил он к обороне; с ним было две тысячи пехоты и 6 орудий, конницы Аслан-хана Кюринского и нашей кубинской с лишком 500 человек. Три дня лезгины дрались упорно, и жители Башлы, изменив данной присяге, присоединились к ним и впустили их в дома свои. Тогда Пестель, не имея сообщения с Дербентом и опасаясь недостатка в провианте и снарядах и видя сверх того, что неприятель начал окружать замок окопами, выступил ночью из Башлы. На дороге два раза безуспешно нападали на него неприятель, но с большим прогнан уроном, и Пестель благополучно пришёл на прежний при реке Бугаме лагерь, где атаковать его неприятель не решился. Потеря с нашей стороны по образу здешней войны необыкновенная, ибо с убитыми и ранеными простиралась до 370 человек; неприятель, а паче изменники селения Башлы, потерпели ужасно. Теперь по предписанию моему Пестель выступил из Дербента для совершеннейшего разорения Башлы и прочих селений взбунтовавшего владения каракайдацкого уцмья.

В будущем году пойду я наказывать акушинский народ, сильнейший в Дагестане и наиболее нам враждебный, и после того вся сия страна будет совершенно спокойна и лучше многих других повиноваться. Здесь не так легко я кончу, как теперешний раз, но кончу непременно <...>.

«В 1818 г. на мирных территориях Чечни и Ингушетии был назначен пристав, он следил за настроениями в чеченском обществе, участвовал в разборе споров, вербовал горцев на русскую службу, наблюдал за муллами, особенно за теми, которые пользовались авторитетом в народе, агитировал чеченцев к переселению на плоскость».

Г.Г.Лисицына, «Административная деятельность генерала А.П.Ермолова на Кавказе»

«30-го ноября возвратился я на линию и переправился через Терек к Старогладковской станице, откуда войска отпущены на назначенные им квартиры. В сём году были они на работе при крепости Грозной и в походе сряду 7 месяцев. Государю императору донёс я, что, лично видев положение Андреевских, Костековских и Аксаевских владений, нахожу необходимым устройство крепости при селе Андрее, которое, производя богатый торг, удовлетворяет всем необходимым потребностям горцев, и что сих последних со временем, не употребляя оружия, но одними нуждами их можно будет содержать в зависимости; что крепость сия на спокойствие левого фланга Кавказской линии будет иметь немалое влияние, и дошёл также до сведения, что старшего андреевского владельца или князя, по неспособности его и невоздержному поведению, переменил я другим, испытанной к нам приверженности.

Командующему в крепости Грозной приказано в зимнее время порубить лес, покрывающий ущелье Хан-Кале, чрез которое проходит лучшая и кратчайшая дорога ко всем большим чеченским деревням. Для сообщения от Терека до сей крепости при селении Старый Юрт устроен редут и в нём расположена рота. Всем владельцам лежащих по правому берегу Терека деревень дано наставление не терпеть у себя вредных людей, не пропускать чрез земли свои хищников и выставить в известных местах караулы.

Начертаны правила самые строгие, коими руководствоваться должны начальники воинские в отношении к владельцам, каким сии последние обязаны им послушанием и подвластные им повинностями. Вместо дани постановлено по наряду начальников высылать на службу людей с собственным вооружением и на своём содержании.

Ещё не было примера, чтобы кто заставить мог чеченцев употреблять оружие против своих единоземцев, но уже сделан первый к тому шаг и им внушено, что того всегда от них требовать будут. Прекраснейшие земли, коими они пользуются, и боязнь с потерей их подвергнуться бедности, которую претерпевают непокорствующие, строго преследуемые, вынуждают со стороны их сие повиновение.

В продолжительное отсутствие моё прибыли из России виртембергские колонисты в числе 500 семейств. Министр внутренних дел по неосмотрению

тельности препроводил их тогда, как не только не сделано было никаких для водворения их приуготовлений, даже не было достаточно казённой земли для них. Старшины сих колонистов представили прошение своё государю во время его путешествия, и ему угодно было приказать, чтобы они отправили ко мне несколько человек, которые бы могли предварительно узнать, какие предложу я им для поселения земли, и найдут ли они ожидаемые ими выгоды? Они приезжали в Грузию, все рассматривали в подробности, но прежде нежели уведомить могли своё общество о сделанных наблюдениях, на обратном пути своём нашли оное на Кавказской линии. Колонисты, не ожидая никаких известий, отправились вслед за ними. Большую часть из них застигло в горах холодное время, надобно было снабдить их тёплой одеждою, недостаток способов к препровождению их через горы умедлил движение их, люди испытали болезни, много пало скота, и колонисты вместо обещаний правительству не требовать никаких пособий стоили одному своим доставлением около миллиона рублей, включая вспоможение, данное некоторым семействам на обзаведение.

Я, желая дать грузинам пример хозяйственного порядка... выписал тридцать семейств колонистов, изыскивая тех из жителей Германии, которые по испытанной нравственности отличаются порядком домашнего устройства. Министр доставил мне первых ему попавшихся, и я не достиг своей цели. Но такого количества, в каковом прибыли колонисты, я никогда не желал, а ещё менее мог быть довольным, нашедши их секты сепаратистов, без всякой нравственности, преданных разврату, невоздержных, небережливых и праздных. Многие из них были солдатами в числе контингента, который давал Рейнский Союз Наполеону. Наделение землями колонистов тем более представляло затруднение, что не было достаточно оных на левом берегу Куры, где желал я расположить их поселения, дабы в безопасности сохранить заведения, больших казне издержек стоящие.

На правом же берегу нет благонадёжных средств ограждения, в случае войны с персиянами или турками, ибо для разорения поселений не нужны значительные силы, которые всегда почти отразить возможно, но достаточно набега конной партии, от чего остеречься решительно нет способов по множеству у неприятелей конницы, по множеству дорог. Итак, колонисты по необходимости поселены на правом берегу, чего не должно было случиться, если бы прежде нежели прислать их в большом, несообразно со способами, количестве, спрошено было мнение начальства».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

«На Терекской линии, недалеко от Ставрополя, находилась шотландская колония анабаптистов-сепаратистов, которая значительно разбогатела продажей овощей. Ермолов, не желая терпеть здесь присутствия этих безнравственных людей, изгнал их и поселил вблизи Волжский казачий полк. Ермолов не разделял мнения графа Торماسова, некогда просившего, в видах распространения просвещения, пригласить в Грузию католических миссионеров. Прибывшему сюда члену базельского евангелического общества Зарамбе Ермолов сказал: «Вместо того чтобы насаждать слово Божие, займитесь лучше насаждением табака». Основатель лондонского библейского общества Пинкертон, обласканный нашим министром духовных дел, прибыл в Грузию, но Ермолов поспешил его выслать. С 1745 года существовала миссия, имевшая целью обращать в христианскую веру осетин, коих привлекали к тому различными подарками. Эта миссия, которую Ермолов называл конной миссией, сопровождаемая пятьюдесятью казаками, ежегодно стоила казне пятьдесят тысяч рублей. Главою миссии был архиепископ Досифей из фамилии Пуркеладзе (принадлежавший некогда князю Аристову); этот архиерей, будучи архимандритом, предводительствовал разбойниками и был ранен. По просьбе Ермолова миссия была вызвана, а Досифей выслан».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«В начале октября 1816 года Алексей Петрович посетил Ставрополь, который в ту пору не отличался ничем особенным и представлял собою самое типичное «провинциальное захолустье». Однако генерал верно оценил грядущие выгоды от его удобного стратегического положения. Вернувшись сюда через два года, Ермолов написал: «Со вниманием рассматривал я окрестности города Ставрополя, ибо со временем намереваюсь я перенести туда губернский город». Этот новый статус, приобретённый Ставрополем в 1822 году, сделал его «Вратами Кавказа», политическим и культурным центром южных рубежей Российской империи.

Вместе с тем и другие исторические города нашего края испытали на себе благотворное влияние ермоловских административных преобразований. При нём началось масштабное обустройство открытых на Кавказе водных курортов. Генерал собственноручно начертил план застройки Горячих Вод, лично назначал места для казённых строений будущего Пятигорска. Именно он пригласил сюда талантливых зодчих братьев Бернардацци, создавших неповторимый архитектурный облик Кавказских Минеральных Вод. В Ставрополе их стараниями был спроектирован первый городской парк и здание Гостиного ряда.

Думая обустроить и украсить вновь образованный губернский центр, генерал Ермолов командировал в Ставрополь лучших тифлиских архитекторов. Они работали над планом города и создавали великолепные каменные постройки, приличествующие его далеко не последнему месту на карте России. Таким образом, Алексей Петрович стал «отцом» старинной ставропольской архитектуры, которая практически полностью состоит из удивительного материала, местного камня-ракушечника, и отличается таинственной гармонией, мастерским великолепием, выразительным зодческим символизмом. «Как некогда Суворов способствовал рождению Ставрополя из крепости, – отмечает краевед Герман Беликов, – так Ермолов сделал из уездного городка столицу огромной Кавказской области».

До своей отставки, последовавшей в 1827 году, Алексей Петрович успел сделать немало полезного. Его правление по-настоящему преобразило Кавказскую область, оставило заметный след в политической, военной и гражданской жизни. При нём возникла первая кавказская газета и заработала почтовая связь, успешно развивалась промышленность и укреплялась торговля».

Ю.А.Харламова, «Неизвестный Ермолов»

Во время пребывания моего на Кавказской линии проехал в С.-Петербург и возвратился обратно чиновник, посланный от шаха персидского с письмами и подарками к высочайшему двору. Желая предупредить о сём министерство, я приказал открыть письма и сделать им перевод, удержав некоторое время чиновника. Ему представлено было, что то же самое сделано было с письмом моим, прежде нежели представили его шаху. Письма и подарки были только предлогом, но чиновнику сему поручено было просить о признании Аббас-мирзы наследником Персии, чего не сделал я, бывши там в качестве посла.

Причины сего и сделанные мною по сему предмету представления не найдены уважительными, хотя между прочим замечал я, что не приличествует взять в защиту сторону неправую, ибо шах избрал наследника вопреки закону земли, предоставляющему право старшему из сыновей, и Аббас-мирза признан наследником, о чём объявило мне министерство, спустя десять месяцев, совестясь быть может основательных моих возражений!»

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«Ермолов имел обыкновение давать аудиенцию иностранцам, когда возвращался из церкви в свой дом; на сей раз то были недавно прибывшие

эmissары персидского двора, среди которых находился один из самых приближённых людей принца Аббаса-мирзы. <...> эmissары представили химерические претензии касательно границ территории, возобновлявшиеся при каждой встрече, <...> Окружённый офицерами Ермолов подозвал к себе своего толмача и приказал ему громко переводить эmissарам, но не на персидский, а на грузинский <...> следующее обращение:

«Царствованию варваров приходит конец по всему азиатскому горизонту, который проясняется начиная от Кавказа, и Провидение предназначило России принести всем народам вплоть до самых границ Армении мир, процветание и просвещение, однако враги цивилизации пытаются вновь отнять у них эти блага. Я сам, собственными устами, объявил персидскому двору о миролюбивых устремлениях моего государя Александра, но персы своими непрестанными тайными происками заставили увянуть пальмовую ветвь, которую я принёс; коль они не отваживаются открыто объявить войну, то пусть расскажут своему повелителю шаху, что русские орлы проникли дальше, чем кто-либо с самых древних времён; два месяца назад Персия имела возможность увидеть, как Россия отвечает на происки азиатского варварства, и убедиться, что генералы императора Александра твёрдой рукой карают дерзких и вероломных». <Ермолов имеет в виду подавление мятежа в Имеретии весной 1820 г. – Прим. Х. В.-Г.>

Ермолов, привычный обращаться с подобными посланцами, прекрасно знал, как и что сказать толмачу, чтобы тот не изменил ни единой фразы. В то время как грузины, исполненные горделивой радости, слушали толмача, не отводя сияющих взоров от энергического лица генерала, которому они беспредельно верили, персы продолжали отвешивать церемонные поклоны и не могли дожидаться часа, когда можно будет бежать от подобного позора».

Хуан Ван-Гален, «Два года в России»

«<...> 1819 года июня 17 числа господин Главкомандующий Грузинским отдельным корпусом Алексей Петрович Ермолов, снабдив нас всеми нужными бумагами, отправился на Кавказскую линию, куда призывали его военные действия против Чеченцов. К нам назначен был переводчиком армянин Мурашов, который ездил во время Николая Фёдоровича Ртищева в Туркмению.

Того же дня, готовясь к отправлению, мы отслужили в Тифлисской соборной церкви Сионе обедню, прося Всевышнего о щастливом совершении возложенного на нас поручения.

Майор Пономарёв имел особенное предписание, он принял также подарки назначенные для туркменов. В предписании своём ко мне господин Главкомандующий, давая наставления, которыми надлежало мне руководствоваться в сношениях с туркменами и Хивою, объяснялся между прочим

следующим образом: «от ловкости в обхождении вашем можно обещать немалые успехи, и знание ваше в татарском языке много способствовать вам будет. Не смотрите как европеец на средства лести; между народами азиатскими употребление оной обыкновенно, и вы имеете выгоду не страшиться быть расточительным в оном. Ваше Высокоблагородие можете сделать другие полезные исследования, к которым может дать повод ваше между ими пребывание, более нежели что могу я предписать, а паче о народе почти совершенно нам неизвестном. Я от способностей ваших и усердия могу себе обещать, что не останутся бесплодными делаемые усилия войти с туркменским народом в приятные сношения, и что доставленными сведениями облегчите вы пути к будущим Правительству предприятиям».

**Н.Н.Муравьев, «Путешествие в Туркмению и Хиву
в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба
капитана Николая Муравьева,
посланного в сии страны для переговоров»**

«За тенью Наполеона просматривается другая великая тень – Александра Македонского, начавшего свой путь к мировому величию и мировой славе переводом войск с европейского берега Босфора на берег азиатский. Чтобы уверенно войти в историю, надо идти в Индию, даже без успеха. О нацеленности Ермолова на «великую славу» свидетельствует и то, что, ещё не добившись окончательного умиротворения Кавказа, главнокомандующий занимался подготовкой дальнейшего броска на восток. Об этом красноречиво говорит организация разведывательной миссии Н.Н.Муравьева в Хиву и Бухару, выбор места для укрепленного пункта на туркменском побережье Каспийского моря, проведение картографических работ в Персии».

**В.В.Лапин, «К образу А.П.Ермолова в исторической литературе
и коллективном историческом сознании»**

«Предположив в сём году отправиться на Кавказскую линию, сделал я поручение об изыскании новой дороги из Грузии в Имеретию или исправления прежней для движения тягостей. Из Нухинского ханства посылаемо было несколько человек для исследования о дороге на Кубинскую провинцию чрез ветвь гор, отделяющую от Кавказа и вообще называемую Солват. По тому же предмету производились изыскания и от стороны Кубы.

Гвардейского генерального штаба капитана Муравьева 4-го назначил в экспедицию для обозрения восточного берега Каспийского моря, собрания сведений о народах туркменских, по оному обитающих, об их количестве, торговле, промышленности и о прочем. Ему поручено было изыскать удоб-

ную для судов пристань и место для устройства крепости, и буде нет особенной опасности в переезде степи, отделяющей Хиву от моря, отправиться с письмами от меня к хивинскому хану, на каковой случай дал я капитану Муравьёву приличные подарки и приказал употребить возможные убеждения в дружественном расположении к хану российского правительства, и сколько торговля, обеспеченная от набегов живущих на степи народов, может принести взаимных выгод.

Основание торгового заведения на восточном берегу было мнением адмирала Николая Семёновича Мордвинова, предложенным им на рассмотрение Комитета министров, от коего и получил я оно при отъезде в 1816 году в Грузию, дабы при удобном случае собрал я нужные по сему предмету сведения и их представил.

Что же касается до сношений с ханом хивинским, я начал их сам, рассуждая, что не имея некоторых познаний о самой земле, с которою намеряемся распространить торговые связи, не можно с верным расчётом приступить к оным и ещё менее решиться на заведения, требующие от казны издержек немалозначащих. Сношения от имени моего предпринял потому, что знал своеобразный и гордый характер хана, и что скорее мне приличествовало снести, нежели самому правительству, если бы он сделал гордый и дерзкий отзыв, который мог последовать по его понятию о его могуществе и в надежде на ограждение степями непреодолимыми. К тому же имел я в предмете живущих в Персии английских Индийской компании чиновников, которым посланная от правительства экспедиция могла наводить сомнения, а от меня отправленный офицер ни малейших не возбуждал подозрений, особенно когда я нарочно не скрыл о том и писал к персидскому министерству, чтобы суда наши приняты были дружественно, если им случится зайти в Астрабат.

Берег восточный Каспийского моря со времён Петра Великого обращал на себя внимание, и есть довольно хорошее описание оною нашими офицерами, но о пути в Хиву по сему направлению и собственно о самой земле не мог я ничего сообщить капитану Муравьёву в руководство.

В письмах моих к хану употреблены скромные выражения собственно на мой счёт, например, «великий и могущественный главнокомандующий» и тому подобное. Долго писал я обыкновенным образом, но заметил, что здравое суждение не столь внятно здешним народам, как пышные глупости».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

«В конце сентября крепость Внезапная была достроена и Ермолов решил наказать качкалыкских чеченцев за угон ими войскового табуна лошадей.

Генерал-майору Сысоеву было приказано скрытно подойти к богатому аулу Дады-Юрт, окружить его и предложить жителям добровольно перебраться за Сунжу, а в случае отказа взять аул штурмом и не давать никому пощады. 15 сентября с отрядом из 6 рот, 5 орудий и 700 казаков Сысоев после 5-часового ожесточённого боя взял аул, при этом почти все его защитники погибли. Это произвело такое впечатление на чеченцев, что в дальнейшем они уже не оказывали упорного сопротивления, и в начале ноября Ермоловым были заняты аулы Исти-су, Наим-Барды и Алляяр с незначительными потерями. Очистив Кумыкскую плоскость от чеченцев, Ермолов вернулся в крепость Внезапную.

Между тем Мадатов 22 октября занял Янги-Кенд, главный пункт уцмийства Каракайтагского, звание уцмийа было упразднено и Каракайтаг вместе с Табасаранью были подчинены русской власти в лице дербентского пристава. <...>

С занятием новых двух областей кольцо, сковывавшее горы Кавказа, всё более и более охватывало страну, и это сильно волновало Дагестан. Опасность потерять независимость, а вместе с тем и возможность продолжать своеобразную полуразбойничью жизнь угрожала в равной мере всем дагестанским областям, и вот удержавшие ещё владения, а также лишившиеся таковых ханы решили образовать союз, во главе которого стал акушинский кадий.

Предполагалось напасть на владения шамхала Тарковского, чтобы заставить его отречься от русских и примкнуть к союзу, затем захватить чирагское укрепление с целью открыть дорогу в Кубу и разорить владения преданного России Ассан-хана кюринского. <...>

В то время, когда Сурхай-хан собирал лезгин, чтобы напасть на Чираг, Ермолов отдал приказ Мадатову идти форсированным маршем к границам Акуши, и сам 11 ноября двинулся к Таркам. От владений шамхала Акуша отделялась высоким, малодоступным хребтом, который стал бы неодолимой преградой, если бы акушинцы догадались всеми своими силами занять единственный удобный перевал. Мадатов успел их опередить и занял перевал без выстрела, а 12 декабря спустился с гор и занял первую акушинскую деревню Уруму. Верстах в 10 от неё, на высоком хребте, амфитеатром находилась первая укрепленная позиция акушинцев, занятая 20-тысячным отрядом.

16 декабря к Уруму подошли и главные силы Ермолова. Несколько дней прошло в бездействии, которое сильно удивляло окружающих Ермолова. Между тем главнокомандующий, понимая, что атака с фронта такой сильной позиции, занятой превосходящим числом противника, сопряжена с громадными потерями, выискивал средства обойти правый фланг неприятеля, где, между прочим, проходила и дорога в Акушу. Во время бездействия акушинские старшины приезжали несколько раз в русский лагерь. Ермолов приказал принимать их ласково и вселить убеждение в слабости русского отряда,

Сказание о генерале Ермолове

чтобы усыпить их бдительность. Наконец, была найдена тропинка, по которой можно было даже протащить артиллерию.

В полночь с 18 на 19 декабря русские войска осторожно, без шума, двинулись к неприятельской позиции и остановились на расстоянии орудийного выстрела перед деревней Лаваша. По обрыву, в который упирался правый фланг неприятельской позиции, спустился отряд Мадатова и, перейдя вброд речку Манас, поднялся по отысканной казаками тропинке на противоположный гребень, заняв который, он отрезал путь к Акуше. Ермолов развернул свои силы с фронта. С рассветом 19 декабря начался известный в истории Кавказских войн бой под Лавашами. Охваченный со всех сторон неприятель, несмотря на свою многочисленность, растерялся и бежал. В течение не более 2 часов Ермолов нанёс полное поражение акушинцам, мы же потеряли только 2 офицеров и 28 нижних чинов убитыми и ранеными».

М.И.Шишкевич, «Покорение Кавказа»

«Во весь переход 20 числа декабря не видали мы неприятеля; посланные в разъезд партии открыли, что жители из всех деревень вывозят в горы свои семейства, угоняют стада. Конница наша взяла несколько пленных, отбила обозы и множество скота. В селениях находили имущество, которое жители спасти не успели.

Приказано было истреблять селения, и между прочими разорён прекраснейший городок до 800 домов, Уллу-Айя называемый. Отсюда с такою поспешностию бежали жители, что оставлено несколько грудных ребят. Разорение нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа; нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание.

Многие старшины деревень пришли просить помилования; не только не тронуты деревни их, ниже не позволено войскам приближаться к оным, дабы не привести в страх жителей. На полях хлеб их, все заведения и стада их остались неприкосновенными. Великодушная пощада, которой не ожидали, истолковала акушинским народам, что одною покорностию могут снискать своё спасение, и уже многие являлись с уверенностию, что они найдут снисхождение».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

«21 декабря отряд без боя занял Акушу. Разгромом акушинцев достигалось относительное спокойствие в Дагестане за исключением Казикумыка, а потому Ермолов, оставив в мехтулинском ханстве отряд подполковника Вер-

ховского, отослал остальные войска на линию, а сам в январе 1820 г. отправился в Тифлис, так как в Имеретии возник так называемый церковный бунт, который был подавлен полковником князем Горчаковым».

М.И.Шишкевич, «Покорение Кавказа»

А.А.Вельяминов – П.Н.Ермолову

Собирайся крестить, любезный брат Пётр!

Ты знаешь, что в 819-м году, когда мы шли в Акушу, ужасное ненастье душило нас в Торках 20 дней беспрестанно. В это время Алексей Петрович сделал с досады мальчика, совершенного Буривого. Никогда не видал я такой огромности; c'est un gar on a pourfendu les g ants! (1) Он воспитывается теперь в доме Париджанум-Ханум. Шамхал говорит, никто кроме А.П. не в состоянии сделать такого мальчика. Я привезу его с собой в Тифлис и будем крестить».

«У местных мусульманских народов жёны разделялись на кебинных, которым по шариаду назначалась при бракосочетании известная денежная сумма, часто с разными вещами и недвижимым имуществом, и временных, пользовавшихся только деньгами, оговоренными при заключении брачного условия. Кебинная жена перед временной имела преимущества – после смерти мужа, если он умер бездетным, она получала из его наследства четверть, а если оставались дети – восьмую часть. Дети от кебинных и от временных жён считались одинаково законными.

Гражданский закон того времени дозволял вступление в брак по правилам мусульманского закона и по принятым обычаям, без участия в том гражданского начальства или христианского духовного правительства.

Брачный договор (кебинный акт) составлялся с согласия родителей мусульманским духовенством по правилам шариада в присутствии свидетелей и вносился в метрические книги.

Не решаясь на церковный брак, Ермолов поступил в строгом соответствии с обычаями, господствовавшими среди мусульманского населения, чем внушал к себе уважение горцев.

В ноябре 1819 года, после разгрома Ахмед-хана Аварского у Балтугая, Ермолов прибыл в дружественную к России Тарку. Шамхал Тарковский восхищался Ермоловым, он говорил, что он и его народ всем обязаны русскому царю и русскому солдату. «И что будь, – говорил он, – во время обеда уви-

¹ – этот мальчик посрамил гигантов (фр.)

дит проходящего русского солдата, то дал себе клятву сам не есть, а поднести прежде свою пищу солдату».

Пытаясь угодить царскому наместнику и вместе с тем знатному жениху, он представил ему местных красавиц. Здесь ему понравилась молодая черкешенка Сюйда, дочь Абдуллы. Ермолов обсудил с родителями денежные условия (калым), те пригласили муллу, свидетелей и заключили кебин. На будущее он всё-таки надеялся привести жену в православие и узаконить христианским венчанием. О чём не раз говорил с владыкой кавказским Феофилактом».

о. Сергей (Разумцев), «Потомки Ермолова»

«Сюйда родила сына Бахтиара, получившего при крещении имя Виктора, и два года спустя приехала в Тифлис со служанкой и таркинским жителем Султан-Алием. Малолетнего Виктора Ермолов отправил в Россию, чтобы впоследствии отдать его в кадетский корпус. Сюйда, не пожелавшая остаться без сына в Тифлисе, по прошествии года с почестью и подарками воротилась в Тарку и впоследствии вышла замуж за Султан-Алия, от которого имела троих детей.

Другую кебинную жену Ермолов взял во время экспедиции в Акушу, в селении Кака-шуре. Приехав туда в сопровождении шамхала акушинского, он увидел дочь какашуринского узденя Ака, по имени Тотай, девушку редкой красоты. Тотай была представлена Ермолову и произвела на него глубокое впечатление. Тогда же он изъявил готовность взять её в Тифлис при возвращении из похода. Но едва он выступил в Акушу, как девушка была выдана замуж за своего односельчанина Искандера, чтобы воспрепятствовать Ермолову увести её в Грузию.

Однако горцы ещё не были знакомы с решительным характером главнокомандующего.

Возвращаясь из Акуши, Ермолов отправил сына шамхала Альбору в Какашуру с поручением во что бы то ни стало привезти Тотай. Опасное предприятие завершилось полным успехом. В момент похищения девушки её отец находился на кафыр-кумыкских мельницах, где молот пшеницу. Вернувшись домой и узнав о происшедшем, он, не слезая с лошади, помчался вслед за русским отрядом и настиг его в селении Шамхал-Янги-юрте. Ему указали дом, в котором находилась его дочь. Ака отправился туда, но переводчик Ермолова Мирза-Джан Мадатов не допустил его к Тотай, объявив, что она ни в коем случае не может быть ему возвращена, причём вручил ему перстень, серьги и шубу дочери.

При заключении кебинного брака с Тотай Ермолов дал ей слово, что прижитых от неё сыновей оставит себе, а дочерей предоставит ей.

Тотай жила с Ермоловым в Тифлисе около семи лет и родила ему сыновей Аллах-Яра (Севера), Омара (Клавдия) и ещё одного, скончавшегося в самом нежном возрасте, а также дочь Сатият, или Софию-ханум. Её часто навещал отец Ака и брат Джан-Киши. Сыновей Севера и Омара Ермолов отдал в кадетский корпус, а дочь оставил жене.

Когда он был отозван с Кавказа, Тотай отказалась от предложения принять православие и уехать с ним в Россию.

Она возвратилась с дочерью на родину и вышла замуж за жителя аула Гири, от которого имела ещё двоих детей.

Ермолов назначил ей ежегодное содержание – триста рублей, а дочери – пятьсот».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«От генерал-лейтенанта Вельяминова 1-го получено известие о происшедших в Имеретин беспокорствах. Причины оных следующие. Экзарх Грузии Феофилакт, определён будучи для управления духовною частию в Грузии и Имеретин, не узнав подробно обстоятельств, сделал представление Синоду о многих переменах по вверенной ему части, вследствие одного уничтожилась значительное число церквей и приходов, коих причты оставались без должностей в ожидании размещения на вакансии. Перемены сии были частью необходимы, ибо духовенство было в числе чрезмерном, церкви в бедности и потому без приличного благолепия, доходы без определительности, употребление оных без ясной отчётности. Перемены сии однако же не весьма нравились, ибо в числе духовенства в здешней стране есть люди, принадлежащие знатнейшим фамилиям, имеющие сильные связи. Их оскорбляла строгая подчинённость, уничтожившая прежнее их значение; не менее огорчало то, что не могли они употреблять доходы безотчётно и в свою пользу; но в Грузии не произвело сие никаких худых последствий, ибо экзарх призвал к содействию местные власти. В Имеретин же людьми неблагонамеренными между дворянством, паче же своим духовенством, преобразование управления истолковано было возмутительным образом, и простой народ, в невежестве своём наиболее послушный оному, по сделанным тайно внушениям, не только во многих местах не допустил посланных от экзарха комиссионеров для описания церковного имущества, но угрожал оным, и они были даже в опасности потерять жизнь. Митрополита Феофилакта не раз предупреждал я, что нельзя приступить к равным переменам как по Грузии, так и по Имеретин, ибо в сей последней по недавней её независимости власти не в полном действии и им не полное оказывается повиновение, и что простой народ, в состоянии несравненно большего невежества, нежели в Грузии, легко может быть возбуждён к беспокорствам, и надобно будет прибегать к мерам крайним для укрощения. Митрополит казался согласующимся с моим мнением, но думал, что присутствием своим удалит всякий беспокорство и успеет испол-

нить своё намерение, ввести новое преобразование. Он отправился в Имеретию и, пребывая в Кутаисе, управлял действиями своих комиссионеров; но когда начал народ собираться толпами, власти, в округах учреждённые, не в состоянии будучи удержать его в послушании и рассеять скопища, удалились, и надобно было послать войска для усмирения их, тогда митрополит уехал обратно в Грузию. Поспешность обнаружила малодушие его и робость, и он, угождая требованиям буйственного народа, приказал возвратить сделанное описание некоторой части церковных имений.

Генерал-майор Сысоев успел без выстрела обратить жителей в дома свои, и толпы рассеялись. Невзирая на сие, приметно однако же было неудовольствие народа, известны были люди, возбуждавшие его, и нельзя было сомневаться, что при малейшем случае водворится мятеж.

Я поспешил приходящие полки из России обратить на укомплектование войск, в Имеретин и Мингрелии расположенных. Митрополиту Феофилакту сообщил, что нельзя оставить без исполнения высочайше утверждённое преобразование, раз уже приступивши к оному; что всякое в подобном случае снисхождение народам непокорливым принято будет за слабость и даже боязнь правительства и может иметь весьма неприятные последствия. Я объявил ему необходимость взять двух старших имеретинских митрополитов, которые весьма ощутительно противились преобразованию и в народе рассеивали нелепое высочайшей воли истолкование, самому ему как первосвященнику не оказывая надлежащего уважения.

Оскорблённое самолюбие горделивого монаха одобряло моё намерение. Я сообщил генерал-лейтенанту Вельяминову 1-му о сделании распоряжения взять митрополитов сколько возможно скромным образом и менее возбуждая негодование народа. В особенности надлежало удалить митрополита Пугателя, явно ненавидящего российское правительство, чего он даже скрывать не старался».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«В 1820 году вспыхнуло в Имеретин возмущение вследствие противозаконных требований нашего духовенства; митрополит Феофилакт, человек отлично умный и способный, по приказанию князя Голицына стал требовать у жителей возвращения земель, за пятьдесят лет перед тем розданных им в аренду духовенством. Ермолов громко порицал это, говоря: «Я слышу руку вора, распоряжающуюся в моём кармане, но, схватив её, я увидел, что она творит крестное знамение, и вынужден её целовать».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Теперь очередь настала за Казикумыком. 19 января 1820 г. Ермолов краткой прокламацией возвестил Дагестану, что за измену Сурхая Казикумык присоединяется к кюринскому владению и хан последнего, Аслан, возводится в достоинство казикумыкского хана. Дагестанцы принимали все меры к защите Сурхая. Ермолов поручил Мадатову с сильным отрядом вступить в Казикумык и выгнать Сурхая.

В начале июня 1820 г. с отрядом из 5 батальонов, 14 орудий, казачьей сотни и до 1 тысячи человек туземной татарской конницы Мадатов двинулся в южный Дагестан. Дорога из Ширвани в южный Дагестан считается одним из труднейших путей на Кавказе, но русские войска преодолели его. Утром 5 июня были получены известия о большом скопище горцев в Хазреке. 12 июня Мадатов подошёл к Хазреку и выслал вперёд татарскую конницу под предводительством Гассана-аги, брата хана кюринского. Этой коннице удалось прорвать ряды неприятеля и ворваться в окопы, но смерть Гассана-аги внесла смятение в ряды татар.

В этот критический момент Мадатов прискакал на место боя и за ним поспел майор Мартиненко с 4 ротами Апшеронского полка. Увидев князя, татары с новым рвением устремились на неприятеля и на этот раз окончательно сбили его с позиции. В это время удачный выстрел из орудия взорвал в самом селении неприятельские пороховые ящики, и смятение быстро охватило ряды противника. Мартиненко, воспользовавшись этой минутой, бросился в штыки и взял передовые окопы. Таким образом, русские утвердились на правом фланге. Мадатов повёл главные силы на Хазрек, а конница заходила во фланг неприятелю, чтобы занять деревню Гулули и отрезать ему дорогу к Кумуху. Неприятель не выдержал натиска и бежал. Трофеями были лагерь с богатой ставкой Сурхая, 11 знамён и 2 тысячи ружей. Сурхай-хан бежал в Кумух, но старшины не приняли его и послали из своей среды трёх человек к Аслан-хану, чтобы через него изъявить покорность русскому правительству.

Эти успехи русского оружия умилили горцев Чечни и Дагестана, по крайней мере, наружно».

М.И.Шишкевич, «Покорение Кавказа»

Приказ командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии А.П.Ермолова

В Тифлисе июля 22 дня 1820 года №3.

Ещё наказуя противных надлежало нам, храбрые воины, вознести знамёна наши на вершины Кавказа и войти с победою в Ханство Казикумыкское. Сильный Мужеством Вашим дал я Вам сие приказание, и Вы неприятеля в числе превосходного, в местах и окопах твёрдых упорно защищавшегося,

ужасным поражением наказали. Бежит коварный Сурхай Хан, и владение его вступило в подданство Великому нашему ГОСУДАРЮ. Нет противящихся нам народов в Дагестане.

О делах Ваших храбрые воины донесу ИМПЕРАТОРУ, знает он и труды воинов и опасности разделял с ними.

Из народного дагестанского сказания о взятии Дарги

Ермолов и Шамхал сходились на границе Дарги и совещались, как бы покорить его. И там, где ни лисица, ни куница во всю свою жизнь не смогли бы отыскать тропинки, Ермолов нашёл для себя большую дорогу.

Ермолов в присутствии государя ел очень мало, как ручной ястреб, а на врага бросался, как голодный и разъярённый лев.

Руками он действовал подобно железному молоту, ломающему камни.

Когда Ермолов сидел, то все беки стояли перед ним, как солдаты.

Ермолов, ты внезапно появился в Дарге с повозками, наполненными серебром, и с лошадьми, навьюченными сумками с золотом.

Когда два противные ветра сталкиваются в одном месте и потом разлетаются, так точно и акушинцы, страшась сильного и храброго Ермолова,

Узнав о его приближении, собрались в одну кучу, а едва увидели его – разбежались в разные стороны.

Как только Ермолов пришёл в Акушу, постарели и поседели от страха акушинские старины и кадии.

Ермолов, не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушек, покорил нашу Даргу одною острою саблей.

Ермолов, разве тебе не жаль было разорять нашу Даргу, видя слёзы и плач, и рыдания наших бедных жён и детей?

Ты приобрёл в Дарге и на всём Кавказе столь великую славу, как турецкий султан.

Ты так разорил нас и навёл такой великий страх на наш народ, как персидский шах, –

Но бедных ты наградил деньгами, а голодных накормил хлебом, и народная память сохранит среди нас славу Ермолова до тех пор, пока мир не разрушится.

«<...> Лекции русского поэта были столь радикальными, что полиция их запретила. Кюхельбекер должен был покинуть столицу Франции. <...> Кюхельбекер возвращается в Россию. Официальные круги воспринимают его как неблагонадёжного. Государь, по словам А.И.Тургенева, «всё знал о нём; полагал его в Греции», где в то время шла борьба за свободу. Оставаться в Петербурге было нельзя, и друзья помогли поэту «определиться» к А.П.Ермолову, главноу-

Сказание о генерале Ермолове

правляющему Грузией. Недолго пробыл Кюхельбекер на юге. Отправившись туда в сентябре 1821 г., он уже в мае 1822 г. должен был покинуть Кавказ из-за дуэли с родственником и секретарем Ермолова Н.Н.Похвисневым».

Н.М.Романов, «В.К.Кюхельбекер»

«Первое, что выпалил при встрече с проконсулом несуразный Кюхля, – призыв к Ермолову в срочном порядке направить войска на помощь Греции, борющейся в то время за свою независимость с турками. Мыслить так и говорить так мог только совершенно далёкий от военного дела и от политики человек, доверчивый и наивный. Генерал понимает это, равно как и то, что он совершенно не опасен для Николая I. И делает для Кюхельбекера, по большому счёту, максимум, что может: на предложение князя Волконского «употребить сего гражданского чиновника в делах, наиболее с риском сопряжённых, ибо горячность сего молодого человека всем достаточно известна», наместник хитромудро замечает: «Полагаю, вследствие недостаточной опытности сего чиновника в делах наиболее важных пока не употреблять, как требующих наиболее хладнокровия».

**В.П.Матвеев, Е.Н.Годлевская,
«Алексей Ермолов. Денис Давыдов»**

«От министерства сообщено посланнику нашему в Константинополе, что находящиеся в пограничных турецких областях начальники попускают подчинённые им народы на неприязненные действия. <...> Турецкое министерство утверждало, что нельзя прекратить беспорядки сии, разве, по содержанию последнего трактата, возвращены будут Редут-Кале, маленькая и ничтожная крепость Анаклия и Сухум-Кале в Абхазии. На приобретение сего последнего изъявлено особенное желание. Посланник, надеясь на успех в прочих делах, дал уразуметь, что возвращение Сухум-Кале может иметь место, донёс о том нашему министерству, а сие разрешило его дать в том обещание и меня по принадлежности уведомило. Весьма не приличествовало обстоятельствам здешнего края сие великодушие, и я возразил следующими объяснениями: турки, владея Анапою, и сильное потому имея влияние на многочисленные закубанские народы, содержат в непрерывных беспокойствах земли войска Черноморского и правый фланг Кавказской линии, но трудное весьма имея сообщение с Абхазиею, не простирают они владычества своего на живущие по полуденной покатости Кавказа народы, и потому единственно сохраняется спокойствие в провинциях наших, лежащих по берегу Чёрного моря. Предоставление им Сухум-Кале допустит решительное влияние

на обитателей гор, и подобно закубанцам будут они снабжаемы оружием и возмущаемы против нас. Турки получают при Сухум-Кале лучшую при сих берегах и довольно безопасную рейду, и в ней находящиеся суда дадут покровительство продаже невольников, которая вместе с присоединением Абхазии почти совсем прекращена. Невольники сии похищаемы будут в наших провинциях, и как в недавних ещё бывало временах, снабдят серали вельможей оттоманских. Надобно будет для безопасности наших владений содержать гораздо большее число войск в местах, где нездоровый климат производит между ними чрезвычайную смертность и ужасные болезни. Продовольствие оных, привозимое с большими затруднениями из России и не менее тягостными издержками, введёт казну в разорительные расходы. В заключение объяснил я, что весьма невыгодное произведёт впечатление на подвластных нам народах то, что области, добровольно принявшей покровительство российского государя, владетель коей принял христианскую веру, лучшая часть отторгается в пользу державы мусульманской. Что сие поколебать может доверенность прочих владетелей к правительству, и они по-прежнему искать будут связей с турками, которые они начинают оставлять, не находя их более для себя полезными.

Министерство наше не отвергло моих замечаний, и посланнику в Константинополе поручено было отклонить требование по сему предмету Порты <...>».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«Ставши против него <хивинского хана>, я поклонился не снимая шапки, – и чтобы не отступить от их обычая дождался пока сам начнёт говорить. Пробывши таким образом несколько минут, один из приближённых его проговорил следующую молитву. Да сохранит Бог владение сие для пользы и славы владельца – после сего Хан, погладив себя по бороде, также и двое присутствующих (пристав мой Юз Баши поодаль стоял) приветствовал меня следующими словами: Хошь Гелюбсен Хошь Гелюбсен: т. е. добро пожаловать (обыкновенное приветствие Азиатцев). После чего продолжал, – Посланник, за чем ты приехал, и какую имеешь просьбу до меня?

Я отвечал ему следующей речью.

«Счастливой Российской Империи, Главнокомандующий над землями, лежащими между Чёрным и Каспийским морями, имеющий в управлении своём Тифлис, Ганжу, Грузию, Карабаг, Шушу, Нуху, Шеки, Ширван, Баку, Кубу, Дагестан, Дербент, Астрахань, Кавказ, Ленкоран, Сальян, и все крепости и области, отнятые силою оружия у Каджаров, послал меня к Вашему Высочестве-

пенству, для изъявления почтения своего, и вручения вам письма в благополучное время писанного.

Хан. Я читал письмо его.

Я. Сверх того он поручил мне доставить Вашему Высокостепенству некоторые подарки, которые и имел я несколько дней вперёд счастье отправить к вам. – Я имею также приказание доложить вам о некоторых предметах изустно, я буду ожидать приказания вашего для доклада об них, – когда угодно будет вам выслушать меня, теперь или в другое время.

Хан. Говори теперь.

Я. Главнокомандующий наш, желая вступить в тесную дружбу с Вашим Высокостепенством, хочет войти в частые сношения с вами. Для сего должно сперва утвердить торговлю между нашим и вашим народами в пользу обеих держав. – Теперь карваны ваши, ходящие через Мангышлак, должны идти 30 дней почти безводной степью, трудная дорога сия причиною, что торговые сношения наши до сих пор ещё очень малозначительны. Главнокомандующий желал бы, чтобы карваны сии ходили к Красноводской пристани что в Балканском заливе; по сей новой дороге только 17 дней езды и купцы ваши всегда найдут в предполагаемой новой пристани Красноводской несколько купеческих судов из Астрахани, с теми товарами и изделиями, за которыми они к нам ездят.

Хан. Хотя справедливо, что Мангышлакская дорога гораздо доле Красноводской; но народ Мангышлакский мне предан и поддан; прибрежные же Иомуды живущие к Астрабаду по большей части служат Каджарам, и потому карваны мои подвергаться будут опасности быть ими разграбленными, – я не могу согласиться на сию перемену.

Я. Таксир, когда вы вступите в дружественные сношения с нами...

... – тогда неприятели ваши будут нашими...

Далее говорил я. Слава оружия Вашего Высокостепенства слишком мне известна, но что же прикажете отвечать Главнокомандующему нашему, желающему дружбы вашей; он приказал просить у вас доверенного человека, дабы угостив его, по возвращении, он мог известить вас о благорасположении Главнокомандующего. По прибытии же в отечество, я буду тотчас отправлен для донесения Государю Императору о приёме мне здесь оказанном и об ответе данном Вашим Высокостепенством.

Хан. Я пошлю с тобой хороших людей, и дам им письмо к Главнокомандующему, – я сам желаю, чтобы между нами утвердилась настоящая и неразрывная дружба. – Хошь Гелюбсен.

Последнее слово сие означало, что мне должно было раскланиваться...»

Н.Н.Муравьёв, «Путешествие в Туркмению и Хиву...»

«Ермолов, самовольно отправивший Муравьёва в Хиву, требовал от хана, чтобы он ему писал как старшему, прикладывая свою печать сверху. Ермолов рассказывал государю, что хан хивинский в бумагах своих к нему величал его следующим образом: «Великодушному и великому повелителю стран между Каспийским и Чёрным морями».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

Гвардейского Генерального Штаба Господину Капитану и Кавалеру Муравьёву 4-му.

Господин Майор Пономарёв доставил мне в подлиннике рапорт ваш по возвращении из Хивы. С почтением смотря на труды ваши, на твёрдость, с каковою превозмогли и затруднения и самую опасность, противуоставшие исполению возложенного на вас важного поручения, я почитаю себя обязанным представить Всеподданнейше ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ об отличном усердии вашем к пользе ЕГО службы.

Ваше Высокоблагородие собственно мне сделали честь, оправдав выбор мой исполнением столь трудного поручения.

Генерал Ермолов. 21 Декабря 1819. С. Параул в Дагестане.

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Тифлис, 6 сентября 1820 г.

Внутреннее устройство идёт медленно или, лучше сказать, почти совсем нет успехов, но впоследствии ожидать их должно.

Открыта новая дорога чрез Кавказ от Тифлиса до Дербента, местами прекрасными, населёнными и короче прежней более, нежели 300 вёрст, во всякое время года проходима, и с весною начинается работа.

Находится через Кавказ новая дорога на линию и уже осмотрена посланными от меня людьми, а на сих днях отправляется офицер для обозрения. Мы избавимся непрерывных опустошений Терека и снеговых обвалов, которых ни деньгами, ни искусством отвратить невозможно!

На Сунже производится построение укреплений; в Аксаевском владении в нынешнем году построятся два укрепления, и теперь уже чеченцы и без зимы ещё в самом стеснённом положении. Дойдёт дело и до всех!

Сказание о генерале Ермолове А.С.Грибоедов – П.А.Катенину

Таврис, февраля 1820 г.

<...> Из Табриса, в начале сентября, я отправился в Чечню к Алексею Петровичу за новыми наставлениями. Нашёл его как прежде необыкновенно умным, хотя недружелюбным. Он воюет, мы мир блюдём; если однако везде так мудро учреждены Посольства от Императора, как наше здесь: полки Его опаснее, чем умы его дипломатов <...>.

«Довольно задолго до окончания года повсюду было совершенно покойно, и я вознамерился ехать в Петербург. Из России имел я известие, что государь по окончании конгресса в Троппау возвратится к новому году в С.-Петербург. <...>

В бытность мою в Петербурге короткое время получены известия о возмущении греков против турок, и всё давало вид, что неуспешные дела посланника нашего в Константинополе доведут нас до разрыва с Портою; о возвращении государя подтверждались слухи и приуготовлены были на границе экипажи. На сделанный мною вопрос партикулярным письмом, могу ли я дожидаться государя, начальник Главного штаба его величества отвечал мне по его приказанию, чтобы я оставался в Петербурге.

Вскоре за сим возгорелась революция в Пьемонте, и казалось, что Франция принимает в оной участие. <...> Государь император, вспооществуя австрийцам, назначил особенную армию изо ста тысяч человек, которой и дано повеление приуготовиться к следованию в Италию. В Австрии делались распоряжения для путевого продовольствия сих войск.

Я получил высочайший рескрипт и приказание приехать в Лайбах. Начальник Главного штаба сообщил мне, чтобы я поспешил приехать. Были слухи, что я назначен главнокомандующим идущей в Италию армии, и прежде отъезда моего из Петербурга получены некоторые иностранные газеты, в коих о том упоминаемо было.

В конце апреля месяца приехал я в Лайбах. Революция в Неаполе совершенно прекратилась, самый город занят уже был австрийцами. Успехи австрийских войск в Пьемонте и сдача на капитуляцию Александрийской крепости положили конец возмущению. Не было ни малейшего сомнения, что Франция не приемлет никакого в том участия, и определено возвратить российскую армию. Государь 1-го мая отправился в Петербург, мне приказано прибыть туда же. Я получил позволение провести некоторое время в Вене и Варшаве.

Таким образом, сверх всякого ожидания моего, был я главнокомандующим армии, которой я не видал и доселе не знаю, почему назначение моё

должно было сопровождаться быть тайною. Не было на сей счёт указа, хотя во время пребывания в Лайбахе государь и император австрийский не один раз о том мне говорили. Это не отдалило неудовольствия от тех, которые почитали себя вправе быть предпочтёнными мне, и я умножил число завистующих моему счастью. Немного оправдался я в глазах их, оставшись тем же, как и прежде, корпусным командиром. Конечно, не было доселе примера, чтобы начальник, предназначенный к командованию армиею, был столько, как я, доволен, что война не имела места. <...>

Проживши в Петербурге до 30 числа августа, имел я вид претендента на какую-нибудь награду, и государь, всегда ко мне милостивый, между прочими награждёнными в сей день пожаловал мне и аренду, от принятия которой я отказался. Давно великодушен был государь, и награждая меня и выслушивая отзыв мой, что я награды не приемлю. Могу признаться, что в отказ мой не вмешивалось самолюбие, но почитал я награду свыше заслуг моих и мне ни по каким причинам не принадлежащую. Средства существования, хотя не роскошные, доставляла мне служба, вне оной не страшился бы я возвратиться к тому скудному состоянию, в котором я рождён, но ещё мог надеяться на гораздо лучшее, ибо отец мой за усердную службу свою получил награды от императрицы Екатерины II.

В первых числах сентября я отправился обратно в Грузию, чего многие не ожидали».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«В 1821 году Ермолов, будучи вызван из Грузин в Лайбах для начальствования союзною армиею в Италии, был встречен в Варшаве с большою торжественностью; цесаревич, приготовив ему квартиру и караул со знаменем, приказал всем своим министрам представиться ему; Ермолов, не принявший этих почестей, остановился в гостинице. Избегая официальных встреч с польскими министрами, он выехал из гостиницы весьма рано утром. Многие генералы и полковые командиры, к коим цесаревич не благоволил, зная милостивое расположение его высочества к Ермолову, просили его похвалить во время смотра заведываемые ими части. В самом деле, похвалы Ермолова этим частям войск не остались без последствий; по окончании смотра его высочество объявил им свою признательность. Цесаревич, имея в виду, чтобы во время парадов все почести были бы отдаваемы Ермолову, а не ему, постепенно осаживал свою лошадь: это вынуждало Ермолова делать то же самое, но так как великий князь не переставал осаживать своей лошади, то Ермолов в присутствии многих генералов сказал ему: «Вы меня, ваше высочество, заставьте явно послушаться вас», после чего цесаревич занял свое место.

Хотя его высочество писал государю, что он в предстоящей войне весьма бы рад служить под начальством Ермолова, но он был весьма недоволен действиями сего генерала во время пребывания его в Варшаве. Он в присутствии многих лиц сказал ему: «Государь желает слить Польшу с Россией, но вы, пользуясь огромною репутациею в армии, выказываете явное пренебрежение к полякам; вы даже не хотели принимать явившихся к вам польских министров». Ермолов возразил ему на это: «Меня в грубом обращении относительно подчинённых, а тем менее поляков, никто не может упрекнуть; подобными качествами может лишь щеголять молодой и заносчивый корнет уланского полка вашего императорского высочества!»

**Д.В.Давыдов, «Воспоминания
о цесаревиче Константине Павловиче»**

«Ермолов прибыл в 1821 году в Петербург, куда ожидали государя из Германии; в это время возвратился из Сибири знаменитый Мих. Мих. Сперанский. Так как большинство придворных было враждебно расположено к Сперанскому, то Ермолов при посредничестве отлично-способного чиновника своего Рыхлевского (назначенного государем вскоре после того олонецким губернатором) сошёлся с ним. Вскоре пришло известие о новом конгрессе и о том, что государь вернётся лишь чрез восемь месяцев. Ермолов, желая видеть государя, писал князю Волконскому письмо, в котором он, между прочим, говорил, что непринятие его государем будет почтено в Грузии знаком неблаговоления к нему, а потому курс его в этой стране значительно упадёт. Он был вскоре после того вызван и назначен главнокомандующим союзною армиею в Италии. Когда он представлялся государю, его величество спросил его: «Ты верно знал о своём назначении; я знаю это из письма твоего к кн. Волконскому». На это Ермолов отвечал: «Я имел нужду видеть ваше величество, но нисколько не ожидал получить это назначение, тем более, что у вас есть много генералов, несравненно более меня достойных и знаменитых». На вопрос его величества: «Знаешь ли ты Сперанского?» – он отвечал: «Я был слишком ничтожен, чтобы обратить на себя внимание столь значительного лица, но узнав его теперь короче, я имел случай оценить его достоинства». Государь сказал на это: «Он действительно усердный, способный и полезный человек; если б война не началась так внезапно, многого бы не случилось. Хотя я во многом перед ним виноват, но я не пропускал ни одного случая, чтобы не посылать ему поклонов в ссылку». Когда Ермолов передал впоследствии эти слова Сперанскому, тот отвечал ему: «Государь никогда не почитал себя виновным относительно меня, а я получал его поклоны лишь весьма редко; если бы я уступил и поддался внушениям некоторых лиц (которых он не хотел назвать), многое бы изменилось». <...>

Сказание о генерале Ермолове

Находясь в 1821 году в Петербурге, Ермолов прибыл 30-го августа во дворец для принесения поздравлений государю в день его тезоименитства. Государь, сказавший ему по этому случаю: «Ты во всё царствование моё в первый раз на моих именинах», хотел возвести его и Раевского в графское достоинство; Ермолов, не желавший того, громко говорил, что оно ни к кому так мало не пристало, как к нему, и что он в этом не нуждается. Вследствие этого указа о том и не последовало».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

Глава тринадцатая

Власть переменилась (1822 – 1826 гг.)

«Обуздав Чечню и Дагестан, Ермолов в 1822 году решился окончательно обуздать и кабардинцев. Кабарда, расположенная между реками Кубанью, Малкой и Тереком, была сравнительно спокойна. Но время от времени волновались и её племена, угрожая русским границам, сёлам и особенно сообщениям по Военно-Грузинской дороге. Ермолов, желая сразу и навсегда прекратить возможность кабардинских волнений и набегов, поставил, как и в Чечне, ряд укреплений, расположив их при выходах из горных ущелий, образуемых долинами рек Малки, Баксана, Чегема, Уруха и Нальчика. И с тех пор Кабарда при всех превратностях кавказской борьбы оставалась постоянно спокойной, разделяя собою во всё последующее время воюющий Кавказ на два совершенно отдельных театра войны; Чечню и Дагестан на востоке и прикубанскую Черкессию – на западе».

В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

«Прибыв в Екатеринодар, занялся я рассмотрением состояния войска Черноморского, и оно как в отношении военном, равно как и по части хозяйства, в совершеннейшем расстройстве. <...>

В Черномории нашёл я переселяемые из Малороссии семейства в ужаснейшей бедности. Войско без всяких средств вспомоществовать им по истощению своих доходов. В одно время выслано их из Малороссии вдвое

Сказание о генерале Ермолове

большее число, нежели распорядено было правительством. На прежних жилищах своих продавали они имущество за бесценок, ограблены были земской полицией чиновниками, отправлены в путь в самое позднее осеннее время, и многие, весьма лишившись по дороге скота своего, без средств идти далее, остались зимовать по разным губерниям, выпрашивая для существования милостыню. В такой нищете нашёл я их разбросанных по дороге, возвращаясь из Петербурга. Сие несчастные должны умножить силу войска Черноморского против многочисленного, угрожающего ему, неприятеля. Правительства же распоряжения были и полезны и благоразумны.

Прибыв в Георгиевск, узнал я, что кабардинцы произвели на линии грабежи и разбои, которые с некоторого времени весьма умножились; что все, имевшие на равнине селения, удалились к горам, где почитали себя в безопасности, и в случае движения войск наших могли сыскать близкое убежище; что в тайных сношениях были с закубанцами, приглашая сих к содействию в нападениях на линию. Генерал-майору Сталю 2-му приказал я назначить тысячу человек пехоты, четыре орудия артиллерии и триста человек казаков, и отряд сей поручил подполковнику артиллерии Коцареву, офицеру расторопному и деятельному, приказав ему с 1-го числа генваря вступить в Кабарду и стараться наносить возможный вред хищникам.

Зимнее время кабардинцы по необходимости имеют конские заводы и стада скота на равнине, ибо глубокие в горах снега отъемлют совершенно средства продовольствия. Подполковнику Коцареву приказано быть в непрерывном движении, дабы неприятеля содержать повсюду в страхе и неизвестности, где наиболее угрожает ему опасность. Подвижность войск облегчила их успехи, ибо, забываясь о защите, не мог неприятель соединиться в силах».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

«Кавказский край, знойная граница Азии – любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и своим гением».

А.С.Пушкин

«Ермолов, грозный великан
И трепет буйного Кавказа!
Ты, как мертвящий ураган,
Как азиатская зараза,
В скалах злодеев пролетал;
В твоём владычестве суровом
Ты скиптром мощным
И свинцовым
Главы Эльбруса подавлял!»

А.И.Полежаев

А.П.Ермолов – П.Н.Ермолову

Любезный брат Пётр. Наумов жалуется на разбой Бахтияра и предлагает отправить его к тебе в Мухровань. Я думаю, это не так худо и верю, что ты не откажешь сделать мне сие одолжение.

...Сделай дружбу, возьми его, у тебя будет лучший присмотр. Не откажется и Симонич, общий попечитель малолетних иноземцев. Разве мой не лезгин и не столько заслуживает внимания, как и сын какого-нибудь бека? Ты и малейшим уже на него вниманием обяжешь меня чувствительно! Возьми с ним Василья, человека верного и трезвого. Прощай. Верный брат Ермолов.

19 июля 1822. Лагерь на Чегеме.

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

Тифлис, ноябрь 1822 г.

<...> Князь Роман Багратион заставил тебя писать о деле его тестя. Пове-ришь, любезный брат, что не может входить в расчёт мой делать без нужды неудовольствия, а паче обиды; господину же Иванову сделать угодное – на-добно изменить совести.

Вот в чём дело. Г<осподин> Иванов имел от ширванского хана в десяти-летнем откупе рыбные ловли. Об измене хана и приуготовлениях его к побегу было мне всё известно, и в то самое время, когда пристав при хане предварял о том г<осподина> Иванова, заключавшего контракт ещё на десятилетнее время, он не остановился, напротив, спешил сколько мог окончанием. Хан между тем бежал, и контракт мною, вопреки выгод казны, не был утверждён. Г<осподин> Иванов говорит, что ему стоило нескольких, на подарки хану, из-держек, чтобы склонить его на заключение контракта. Я хочу верить сему, но, будучи предуведомлен приставом, мог он легко не впасть в сии убытки. Сло-вом, г<осподин> Иванов хочет ещё десять лет пользоваться теми выгодами, которые предместник мой, незаконно и нарушив прежде тем же ханом за-ключённый контракт, отдал ему в руки. <...>

Я желал бы, помня благодеяния покойного князя Петра Ивановича, быть полезным его брату, но в сём случае не мог бы сделать, не преступив правил чести, к чему понудить меня ничто не может.

Теперь видишь, любезнейший друг, что я основательные имею причины не исполнять прихотей корыстолюбивого армянина!

Закревский писал мне из Вены, что на возвратном пути будет у тебя в Бе-лой Церкви. Я воображаю, как приятно ему будет видеть тебя счастливо живу-щего среди твоего семейства. После трудов твоих позволительно некоторое отдохновение, особливо в мирное время. Таким образом провёл я прошед-

ший год, только, как одинокий; незнаком я со счастьем семейной жизни. Теперь опять в занятиях хлопотливой моей должности.

«В начале мая 1823 г. три сильные партии черкесов, из коих одна численностью до 7 тысяч, под предводительством известного в горах Джембулата Айтекова, вторглись за Кубань и опустошили дотла селение Круглолесск. Сталь кинулся за ними в погоню, но черкесы успели уйти за Кубань и скрыться со своей добычей в горах.

Получив известие о разгроме Круглолесска, Ермолов послал своего начальника штаба, генерала Вельяминова, на Кубань с инструкцией и обширными полномочиями. Быстрые, энергичные движения по рекам Малому и Большому Зеленчуку и поражение закубанцев на Лабе водворили спокойствие на правом фланге.

В Черноморье до начала 1821 г. было спокойно, но совершенно неожиданно в ночь с 2 на 3 октября огромное скопище шапсугов и жанеевцев, под предводительством шапсугского старшины Измаила, появилось на Кубани. Начальник Черноморской линии генерал-майор Власов, собрав всё, что было у него под руками, а именно: 611 конных и 65 пеших казаков при 2 орудиях, нанёс шапсугам решительное поражение при Калаузском лимане. Но Калаузское поражение не образумило закубанцев, напротив, оно распалило страсти необузданного и гордого народа. Заволновались поголовно все горские племена Черкесии. Сильные партии, готовые нахлынуть в русские пределы, стали собираться в разных местах и производить целый ряд набегов, несмотря на решительные действия Власова, собравшего для этого даже льготные полки и вторгавшегося неоднократно в земли шапсугов и абадзехов. И только набег Власова 5 февраля 1824 г. привнёс спокойствие на целый год, то есть до 1825 г. После чего шапсугский уорк (1) Казбич вновь совершил ряд набегов в течение 1825 и 1826 гг. Наконец, убедившись в невозможности бороться с русскими, а также в бессилии Турции оказать им помощь, закубанцы присмирели вплоть до 1828 г.»

**М.И.Шишкевич, «Покорение Кавказа.
Персидские и кавказские войны»**

¹ Уорки (по-кабард. благородный) – составляли в Кабарде особое сословие, по своему отношению к князю и к земле всего более отвечавшее понятию служивых людей Московского государства. У. имели право оставлять своего князя и переходить к другому; у них не было других земель, кроме тех, которыми князь наделял их в награду за службу. В зависимости от того, у кого они служили – князя или узденя – У. попадались на несколько классов. Наибольшим значением пользовались так наз. беяслан-У., то есть княжеские.

«В 1822 г. он <Ермолов> освободил крепостных крестьян, принадлежавших мятежным кабардинским феодалам. Впрочем, это была скорее всего мера наказания непокорной кабардинской знати, ибо право других феодалов, верных российскому престолу, на своих крепостных крестьян было полностью сохранено. Ермолов много занимался благоустройством Тифлиса, Дербента, Шемахи.

<...> В 1824 г. Ермолов составил Правила об управлении калмыками в Астраханской губернии, чтобы оградить этот народ от произвола местного чиновничества. 28 ноября 1824 г. по представлению Ермолова Александр I утвердил указ о праве выкупа в Грузии крепостных крестьян на волю во время продажи их с публичного торга: крестьянам давалась возможность с помощью субсидий от казны вносить за себя на торгах требуемую сумму и тем самым приобрести свободу со всем имуществом. Он был в 1847 г. положен в основу аналогичного указа и для русских губерний».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

В Кабарде, 12 сентября 1824 г.

<...> Я теперь в Кабарде, приехал взглянуть новую линию и полюбоваться прелестными местами, занимаемыми ею. <...> Теперь наказываются закубанцы, разграбившие в прошедшем году Круглолесское селение, и уже заплачено им жестоким наказанием. Бессильное оттоманское правительство не может удерживать сих разбойников, и паша, имеющий пребывание в Анапе, менее похож на их начальника, нежели на пленника их. Один г<осподин> Скасси мог уверить министерство наше, что он между закубанцами имеет большие связи и сильное на них влияние. Ему поверили, что он может посылать туда своих агентов с его билетами, и восхитились выгодами, которые обещал он от торга с ними. Знающих край сей никто не спросил, а моим даже официальным не верят донесениям, что он шарлатан и что обещания его ничто иное, как бессовестное хвастовство. Трудно положение моё. Нельзя оставить без наказания разбои и оскорбления, наносимые закубанцами; но смотрят свыше с неприятностию на действия против их. Я даже не избегаю замечаний.

Подданные Порты недавно вспомоществовали возмущившейся Абхазии, а я не должен наносить им вреда!

«<...> в Екатеринограде собрал я отряд войск и 22-го мая вступил в Кабарду. В состав отряда вступили: 1 батальон 7-го карабинерного полка, 1 батальон Ширванского пехотного полка, лёгкой артиллерии 8 орудий, 300 линейных казаков.

Генерал-майору Сталю 2-му приказал я усилить отряд подполковника Коцарева, расположенный на реке Баксане, присутствовать при нём лично и занять на реке Малке урочище, называемое Каменный мост. На вершинах Кубани наблюдать предписано Войска Донского полковнику Победнову с небольшим лёгким отрядом.

Первое обозрение начато с реки Уруха и по течению оной <до> впадения её в Терек и далее вверх по оному. Потом отряд ходил на вершины реки Черек и имел небольшую перестрелку, где и сожжено несколько непокорных селений. Партия, посланная на реку Нальчик, отбила табун лошадей и стадо овец. Осмотрены места по реке Чегему, где в самых трудных местах истреблено селение, и кабардинцы, неожиданно атакованные, не воспользовались удобностью обороны.

Отряд под личным моим начальством, соединясь с отрядом под командою генерал-майора Сталя 2-го, ходил к самым вершинам реки Баксана до того, как не только кончились дороги, по коим могли проходить пушки, но где и самая пехота должна была пробираться по тесным тропинкам. Отряд генерал-майора Сталя 2-го следовал по левому берегу реки. Засевший в самом сжатом месте ущелья неприятель предпринял остановить войска наши. Ночью четыре орудия на людях подняты были на гору, и от нескольких выстрелов неприятель удалился; но как удобно мог он засесть в некотором назади расстоянии, и орудий далее провезти было уже невозможно, то по обоим берегам реки посланы были в обход команды, которые, заняв ближайšie к дороге места, могли затруднить его отступление. Неприятель сего не дождался, и поспешно побежав, открыл путь войскам нашим.

Далее нашли мы довольно пространные долины, где и все войска собрались и занимали оба берега реки. Наконец близ селения осетинского, называемого Ксанти, где собрались главнейшие силы кабардинских разбойников, войска встретили сопротивление, но неприятель в ночи оставил сделанные им каменные завалы и бежал за Кубань, более же в земли карачаевского народа, живущего на Кубани. Осетины пришли просить пощады. Войска, вышедшие из Баксанского ущелья, перешли на реку Куму близ истреблённого Бибердова аула. Отсюда генерал-майор Вельяминов 3-й с частию войск, к каким присоединился с отрядом полковник Победнов, отправлен на Кубань к Каменному мосту для воспрепятствования кабардинцам при побеге за Кубань увлечь подвластных их с семействами и имуществом <...>

От речки Тахтамыш прошёл я сам до Каменного моста для обозрения Кубани. Оттуда все войска возвратились к речке Тахтамышу, и сим кончено обозрение Кабарды во всём её пространстве от Владикавказа до Каменного моста в вершинах Кубани.

<...> На возвратном пути моём от реки Кубани для образования новой чрез Кабарду линии избрал я следующие места...

Во время пребывания моего в Кабарде некоторые укрепления приводились к окончанию, всем сделан чертёж и начались работы. Войскам в зимнее время приказано сделать шалаши.

В Кабарде учреждён суд из князей и узденей на основании прежних их прав и обычаев, уничтожено вредное влияние глупого и невежественного духовенства, которое со времени удаления князей от судопроизводства и уничтожения их власти в народе произвело все беспорядки и разбои, побудившие наконец местное начальство желать ближайшего за кабардинцами присмотра. В составлении суда почти ни одного не нашлось способного человека. Никто почти из князей, и лучшие непременно, ни читать ни писать не умеют. Молодые люди хвастают невежеством, славятся одними разбоями и хищничеством...

Два баталиона Ширванского полка оставлены в Кабарде, баталион 7-го Кабардинского пока возвращён в Грузию, излишние казаки распущены по домам. Сентября 7-го числа я возвратился в Тифлис».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

В Кабарде, 12 сентября 1824 г.

<...> Ты успел истребить многих плутов, заменяя их лучшими и способнейшими чиновниками. Я также удалил некоторых, но не так счастливо замечаю многих, ибо в край тобою управляемый, представляющий кроме выгод служения под твоим начальством и жизнь довольно приятную, чиновники идут с охотою; сюда же редко кого заманить возможно, либо приезжают на один год взять трудный чин коллежского асессора и, не принеся пользы службе, удаляются с сею добычею. Меня, как тебе известно, не весьма жалуют министры, и даже прибавление весьма ограниченного числа чиновников в канцелярии моей отказано. Судить можешь, что, при малом знании моём гражданской части, при совершеннейшем незнании части административной, могу я, без помощи способных людей, сделать полезного? И так живу здесь долго и бешусь, что даже начала самого не сделал порядочного. Много трудов оставили мне предместники мои, но и немало забот передам я моим наследникам. Жалеть надлежит, что в край здешний не завлекала судьба способнейшего начальника, не с одними, как я, наклонностями солдата. <...> Гораздо решительнее скажу тебе, что войска и всё то, что в управлении военном, теперь в лучшем состоянии, нежели прежде было.

Народы, которые не повиновались нам, теперь лучше покорствуют, сол-

дат в бодром духе и более уважаем! Сему без труда ты поверишь, ибо я давно солдатом. По всем прочим частям немалая у меня суматоха, и её презрительно умножают мусульманские провинции, в которых при мне уже ввелось наше управление.

«Ермоловский план «замирения» Кавказа помимо военно-политических мероприятий включал разнообразные социально-экономические меры. Генералу удалось наладить на Кавказе торговлю. В 1822 г. открылось «Попечительство для торговых отношений с черкесами и абазинами». Горские товары не облагались налогом, но заграничные купцы были обязаны платить пошлину. С назначением Ермолова наместником началось освоение района Кавказских минеральных вод, в котором российские военные получали лечение и отдых. В 1822 г. Ермоловым были приглашены для обустройства курортных мест Кавминвод швейцарцы на русской службе, архитекторы братья Бернадаци. Через год проконсул учредил «Строительную комиссию при Кавказских Минеральных водах». При генерале началась регулярная застройка городов-курортов. Ему же удалось выбить ассигнование на развитие курортов – 550 тыс. На их развитие кавказский проконсул не жалел и собственных средств. «...Эти воды имеют не только местное значение, но громадное общественное для всей России, а не для одного лишь Кавказа», – считал Ермолов. В 1827 г. генералу удалось поставить вопрос о преобразовании Горячеводского селения в город окружного значения (Пятигорск) и разработке сметы для реализации проекта. Спустя три года после отставки Ермолова его идея будет реализована.

<...> Политику Ермолова было бы правильнее оценивать как ситуативную. Она была вполне адекватна тому региону, в котором действовал генерал. У генерала не было «единственно верного учения», с которым он сверял все свои действия и поступки, он действовал так, как того требовали обстоятельства».

И.Бунин, «Смирись, Кавказ, идёт Ермолов!»

«Ермолов давно уже знал о существовании тайных декабристских обществ. В конце 1820 г., когда стали поступать первые доносы на них Александру I, Ермолов первым делом предупредил своего адъютанта полковника П.Х.Граббе: «Оставь вздор, государь знает о вашем обществе». Такое же предупреждение он сделал и М.А.Фонвизину. При проезде своём из Лайбаха на Кавказ в начале 1821 г. он обратился к Фонвизину со следующими словами: «Поди сюда, величайший карбонари! Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он (т. е. Александр I) вас так боится, как я бы желал, чтобы он меня боялся». Рылеев говорил своим собратьям по тайному обществу:

«Генерал Ермолов знает о существовании нашего общества», «Ермолов наш». Близость А.П.Ермолова (как и некоторых других генералов – Н.Н.Раевского, П.Д.Киселёва) к «вольнодумцам» не была тайной для правительства. В 1826 г. при разборе бумаг покойного Александра I была обнаружена записка, датируемая 1824 г., в которой говорилось: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит, или по крайней мере разливается, между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом миссионеров для распространения своей партии – Ермолов, Раевский, Киселёв, Мих. Орлов...» Николай I, будучи тогда великим князем, говорил о Ермолове: «Этот человек на Кавказе имеет необыкновенное влияние на войско, и я решительно опасаюсь, чтобы он не вздумал когда-нибудь отложиться» (т. е. выйти из повиновения)».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«В 1827 г., когда Ермолов уже был в отставке, вступило в силу разработанное его администрацией высочайше утверждённое Учреждение для управления Кавказской областью, к которой причислялись и земли войска Черноморского. Кавказская область входила под управление Главного управления вместе с Грузией. Вся система управления состояла из 4-х степеней: главного управления, областного управления, окружного и волостного. Областное управление учреждалось в Ставрополе, окружное – в Ставрополе, Георгиевске, Моздоке и Кизляре. Земли войска Черноморского управлялись особыми правилами. В состав волостного управления отдельной частью входило управление «внешними инородцами (так именовались кавказские жители, обитавшие за Кавказской линией), они состояли в ведении линейных военных начальников и приставов. Судопроизводство по уголовным преступлениям для «внешних инородцев» производил военный суд, гражданские дела они имели право решать «на основании древних обычаев и законов их». Приставам предписывалось не вмешиваться в исковые дела инородцев, если последние не будут просить их посредничества. Властям рекомендовалось поощрять переселение инородцев на внутреннюю сторону Кавказской линии».

Г.Г.Лисицына, «Административная деятельность генерала А.П.Ермолова на Кавказе»

«Министр финансов граф Канкрин говорил Николаю Павловичу: «Хотя Ермолов никогда не воображал быть администратором, но он вник в нужды края и многое, им сделанное на Кавказе, очень хорошо; не надобно было разрушать того, что было им сделано, а лишь дополнить».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Во всех областях наших на полуденной стороне Кавказа было совершенно покойно. <...>

Время совершенно свободное вознамерился я употребить на обозрение некоторых провинций. Осмотрев расположение артиллерийских рот на горе Гомбор, в первый раз видел я Кахетию, богатую и прелестную страну, лучшую во всей Грузии.

Нетрудно понять, как удобно смирить соседственных Кахетии лезгин чарских, которые не только давали у себя убежище всем преступникам, но способствовали горцам разными пособиями и вместе с ними нападали на Кахетию и производили в ней грабежи. Занимаемые сими лезгинами земли, лучшие в сей стране и будучи расположены на возвышенностях, в знойное время лета несравненно менее подвержены болезням, свирепствующим на низменности. Занятие земли сей отдаст нам в руки все выгоды из гор, все торговые горских народов сношения и сверх того по крайней мере четыре тысячи семейств, бывших не в давнем времени христианами, народа весьма трудолюбивого, который лезгины оторвали от Грузии, пользуясь слабостию царей и внутренними раздорами, несчастную страну сию раздиравшими. Покоренный ими народ сей под зверскою их властию и нас ожидает как избавителей. Необходимо нужно привести сие в исполнение, но не мне будет предлежать оное, ибо занят будучи другими делами, не менее возможности заключающими, не имею я времени.

Пробыв несколько в поселении Нижегородского драгунского полка, осматривал я урочище Царские Колодцы, где располагается штаб Ширванского пехотного полка и одна батарейная рота.

Вскоре после сего был я в Карталинии и <...> отправился осмотреть Шекинскую, Ширванскую и Карабахскую провинции. <...>

Прибыв в Карабах, учредил я городской суд (диван); народ во всей провинции приведён был к присяге на верность подданства императору, и чиновникам поручено было, описав землю, привести в ясность принадлежащее казне имущество. Я оставил имущество каждого неприкосновенным, прежние права и обычаи в прежней силе. Главнейшего из беков, который именем хана управлял землёю, пользуясь неограниченной его доверенностию, приобрёл огромное имение и не надеялся сохранить его, оставил при прежних правах его, не отъемя его собственности. Словом, употребил я все средства, чтобы успокоить каждого и внушить приверженность к новому правительству.

В исчислении доходов, казне принадлежащих, приказал я соблости умеренность, и всё, что поступило в оную из частных имуществ, не оставил я без должного вознаграждения. Распоряжением сим оставил я всех довольными. <...>

Был я в Ширванской и Шекинской провинциях, вошёл в подробное рассмотрение казённого хозяйства и взимаемых в пользу оных разных податей. В первой из сих провинций обширные посеы сарачинского пшена, требу-

ющего большой работы и трудов поселян и с большими затруднениями за малую цену поступающего в продажу, переменял на заведение шелководных деревьев, ибо шёлк приносит несравненно более выгод и может долгое время сохраняться без повреждения. В облегчение народа и дабы дать торговле несколько более свободы, уменьшил я рахтарный сбор (таможенный).

В первый раз мог я видеть обстоятельство, сколько богаты сии провинции хлебопашеством и шелководством, и что если бы могла казна сделать некоторые заведения и фабрики, они доставили бы казне доход весьма значительный. Некоторое время воздерживаюсь я предложить о сём, дабы сколько-нибудь более могли привыкнуть жители к недавно введённому российскому управлению и не могли думать, что главнейшее внимание оно обращено исключительно на умножение выгод казны. <...>

На возвратном пути из Нухи к Тифлису проезжал я владениями полковника султана Елисеуйского, имея в виду учредить со временем прямейшую в Грузию дорогу. Конечно, некоторое время не будет она безопасною по близости лезгин Чарского общества, но при значительном сокращении представляет большие удобства.

В феврале возвратился я в Тифлис».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«Став твёрдой ногой в Кабарде, Ермолов нашёл возможным значительно обезопасить сообщения с Закавказьем перенесением Военно-Грузинской дороги на левый берег Терека. Старая дорога от Моздока до Владикавказа, весьма неудобная, затруднительная для движения транспортов и подверженная частым нападениям хищников, была оставлена. Ермолов проложил новый путь к Владикавказу из Екатеринограда, прикрытый слева, со стороны чеченцев, Терекком, а справа – рядом укреплений, поставленных в Кабарде, и с тех пор okazji ходили уже в сравнительной безопасности».

В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

А.П.Ермолов – М.С.Воронцову

В Кабарде, 12 сентября 1824 г.

Скаржинский мне сказывал, что ты в последнее твоё посещение Крыма купил небольшие участки земли на полуденном одного берегу, и будто говорил, что один из таковых намерен мне предоставить. Если точно это мысль твоя, то ты, утешив меня воспоминанием, одолжишь, если дашь один участок в 10 или 12 десятин земли. Таковое поместье могу я одолеть моими собствен-

ными средствами. Всего лучше, если будет земля сия близко к принадлежащей тебе; а что есть моё намерение жить в Крыму, свидетельствуюсь тем, что Василий Степанович Попов ещё при жизни своей, в имении его при источнике Салгира, приказал строить для меня домик по моему плану, и сын его сие теперь исполняет. Но только не таково местоположение как на полуденном берегу, где видам прелестным здесь только подобные могут находиться. Сделай меня своим соседом!

«Известный статс-секретарь при Потёмкине – Василий Степанович Попов – упрекал его за то, что он отказался от пожалованной аренды в сорок тысяч рублей на двадцать лет. Ермолов не желал принять от Попова ста десятин земли в Крыму, которые этот последний предлагал ему; Попов приказал даже выстроить дом для Ермолова, согласившегося принять лишь пять десятин земли. Граф Воронцов, находясь с ним также в коротких отношениях и зная благоволение императора Александра к Ермолову, предлагал также выстроить ему дом на своей земле; но со вступлением на престол Николая Воронцов вдруг прервал все свои с ним дружеские сношения и не упоминал более о своём прежнем предложении. Воронцов желал овладеть пограничным ему клочком земли, принадлежащим сыну В.С.Попова, где протекал ручей воды, в которой ощущается вообще большой недостаток в Крыму. Не успев склонить Попова (сына статс-секретаря и бывшего адъютанта Ермолова) к уступке этого участка, Воронцов написал его величеству донос, в коем он называл Попова крайне либеральным человеком. Попов был сослан в Вятку, где и оставался в продолжение нескольких лет. Вследствие просьб Ермолова и других лиц граф Бенкендорф, воспользовавшись отъездом Воронцова за границу и убедившись чрез жандармского офицера в несправедливости обвинений, исходатайствовал прощение Попову, который вскоре после умер».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

«Избегая ужаснейших в Тифлисе жаров, отправился я для осмотра части границы с Турциею и Персиею.

Прибыли в Караклиссу назначенные мною для разграничения с Персиею по Гюлистанскому трактату чиновники генерал-майор Ермолов, действительный статский советник Могилевский и полковник Ага-бек Садыков, со стороны Персии ожидаемы были чиновники.

Со всем возможным вниманием осмотрев в военном отношении округ Самхетию, для лучшей обороны земли и преграждения путей к Тифлису избрал я разорённое селение Манглис для штаба 7-го карабинерного пол-

ка, урочище Белый Ключ определил для 31-го егерского полка, и при обоих должны быть поселены женатые их солдаты. <...>

В урочище Гергер, где расположен баталион 41-го егерского полка, назначил я поселить женатых солдат Тифлисского полка. На Каменной речке (Джалал-Оглу), у самой чрез оную переправы, квартиры одной артиллерийской роты, полки казачьи, содержащие стражу на границе, переменят теперешние места свои.

Крепость Цалку нашёл я в разрушенном состоянии, каковое терпимо быть может по одному мирному с турками согласию. Местоположение оной худое, не мог я в окрестности избрать лучшего; покрывает она собою места по большей части гнусные, землю совершенно опустошённую; желал я отклонить её далее от границ, но она скрылась бы между горами, и сообщение её с другими и даже в самой близи лежащими местами сделалось бы совершенно затруднительным. Итак предполагаю я несколько её исправить, в такое приведя состояние, чтобы невозможно было сорвать малыми силами.

Проезжал я до Дилижанского ущелья с намерением рассмотреть место для устройства небольшого укрепления, ибо дорога сия есть лучшая для караванов и кратчайшая.

Возвратясь в Тифлис, приказал я командиру Херсонского гренадерского полка полковнику Попову со отрядом из 400 человек пехоты пройти по вновь отыскиваемой чрез Кавказ дороге столько далеко, как без большого затруднения могут проходить повозки, дабы мог я сообразить, до которого расстояния можно будет подвозить провиант для войск, которые употреблены будут на обозрение дороги. Со стороны Кабарды послан был путей сообщения майор Кершень.

Полковник Попов прошёл всё расстояние до хребта и несколько даже за оный, встречен был теми же осетинами, которые прежде посланного офицера не пропустили, имел с ними перестрелку и весьма благоразумно не упорствовал идти далее, ибо опасно вдаться в незнакомые совершенно места с малым числом людей и когда по отдалению никем не мог он быть вспомоществуем. Майор Кершень с пособием священника, проповедующего в горах христианскую веру и весьма уважаемого по его благочестию, успел осмотреть дорогу по северной плоскости Кавказа на всём пространстве, где представляет она самые величайшие затруднения, и подходил довольно близко к тем деревням, жители коих противились полковнику Попову. По мнению осматривавших дорогу и доставленным ими сведениям заключать можно, что дорога должна быть гораздо удобнейшею прежней. Я сам желал её видеть, но удержан был разными обстоятельствами».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

«Учреждая полковые штаб-квартиры, Ермолов решил образовать при них роты женатых солдат, которые бы укрепляли и улучшали полковое хозяйство.

Трудно перечислить все блага, приобретённые этим нововведением для кавказского воина. Выступая в поход, он оставлял за собой почти родной угол, находившийся под присмотром внимательного женского глаза и крепкой защитой хорошо вооружённого товарища. Кончался поход, и он возвращался опять в тот же уголок, домой, где у него завязывались крепкие нравственные связи. А в то же время на случай войны имелись готовые опорные пункты, охраняемые этими ротами, которые оставались постоянными гарнизонами полковых штаб-квартир, и защищали их воины, как родной дом и родную семью. Солдатские жёны, приноровляясь к суровым условиям, были не только хозяйками и матерями, но и разделяли с мужьями их воинские заботы.

Объезжая штаб-квартиры, Ермолов упоминает, что видел солдатских жён, «которые хорошо стреляли в цель»...

Память о создании женатых рот долго жила в благодарных солдатских сердцах. Вот что записано было со слов одной старой солдатки:

«Пообстроились полковые штаб-квартиры, пообзавелись солдатки разными необходимыми атрибутами осёдлой жизни, а всё чего-то им не доставало. Скучен и молчалив был народ и оживлялся только во время вражеских нашествий; мало того, госпитали и лазареты были переполнены больными... Думало, думало начальство – как бы пособить горю? Музыка на плацу по три раза в день играла, качелей везде понастроили – нет, не берёт! Ходят солдатки скучные, понасупились, есть не едят, пить не пьют, поисхудали страх как. На счастье, нашёлся один генерал – Ермолов, большой знаток людей. Он и разгадал, чего недостаёт для солдатушек, и отписал по начальству, что при долговременной, мол, службе на Кавказе, в глуши, в горах да лесах, им необходимы жёны. Начальство пособрало по России несколько тысяч вдов с детьми да молодых девушек (между последними всякие были) и отправило их морем из Астрахани на Кавказ, а часть переслало и сухим путём на Ставрополь. Так знаете, какую встречу устроили им? Только что подошли к берегу, где теперь Петровское, как артиллерия из пушек палить стала – в честь бабы, значит, – а солдатки шапки подбрасывали да „ура!“ кричали. А замуж выходили по жребию, кому какая достанется. Тут уж приказание начальства да Божья планида всем делом заправляли. А чтобы иная попалась другому, да не по сердцу – так нет, что ты! Они, прости господи, на козах бы переженились, а тут милостивое начальство им настоящих жён даёт...»

О.Н.Михайлов, «Генерал Ермолов»

«В первых числах августа жители Мехтули убили определённого при них от начальства пристава, и тотчас во всём округе приметно было расположение к бунту, хотя ещё не было ничего явного. Но 13-го числа, когда от войск отделена была рота для препровождения транспорта с провиантом, внезапно конница неприятельская напала на оную при селении Каффер-Кумык, два часа продолжалась перестрелка, но против построенного из повозок каре, при коем было орудие, конница ничего решительного предпринять не осмелилась. На звук выстрелов пришёл из Параула весь отряд, и неприятель, увидев движение оного, удалился. Войска, соединясь, расположились при Каффер-Кумык в твёрдой позиции. Транспорт провианта и обоз, устроенный в каре, защищаемы были малым числом людей и все прочие занимали лежащие по области высоты.

<...> Высланные от передовых постов наших на ночное время секретные пикеты открыли работу неприятеля, весьма уже близко производимую. Тотчас будучи подкреплены, начали они перестрелку, которая продолжалась до рассвета не менее двух часов. Лишь только возможно было различать предметы, пехота наша при сильном действии артиллерии ударила в штыки на неприятельские окопы и в такое привела замешательство стеснившиеся в траншеях толпы, что они, не скоро выбравшись из оных, подверглись поражению штыками, и оставив до двухсот тел, предались поспешнейшему бегству. Войска преследовали их до самого селения, которое немедленно было очищено. В продолжение дня неприятель оставил и самые отдалённые возвышения. Отряд, не более как из 1300 человек и 6 орудий состоявший, потеряв убитыми 11 и ранеными 32 человека, рассеял силы не менее 6 тысяч. Войска беспрепятственно, и даже никого не встретив, прибыли к селению Параул и около его расположились лагерем.

Жители всех селений, участвовавших в действии против наших войск, пришли просить пощады, не скрывая своего преступления. Избегая необходимости наказывать большое число виновных, им объявлено прощение, но наложен штраф хлебом и скотом в пользу войск и весьма небольшое число денег, дабы взыскание было чувствительнейшим. Некоторые из главнейших зачинщиков бунта взяты под стражу.

Получив о сих происшествиях известие, почёл я нужным быть сам в Дагестане. Малое число войск, там находящееся, могло ободрить горские народы к новым предприятиям, тем более, что по глупости своей верили они <...> слухам, что с турками и персиянами война занимает все войска наши и туда никто не придёт. Сверх того нельзя было совершенно положиться на акушинцев, которых присоединение к мятежникам могло быть опасным, хотя до того не брали они в беспокойствах никакого участия, и поведение их было без упрёка. Итак, составив отряд во Владикавказе из одного батальона Херсонского гренадерского полка, из Грузии отправленного, одного взятого

из Кабарды баталиона Ширванского пехотного полка, восьми орудий артиллерии и одной сотни линейных казаков, пошёл я с оным сентября 20 числа по реке Сунже, дабы осмотреть места вновь учреждённой линии.

Сделав один день роздыха в крепости Грозной, пошёл я чрез крепость Внезапную, укрепления Амир-Аджи-Юрт и Казиюрт до крепости Бурной, куда прибыл октября 3-го числа, и немедля вошёл в Мехтулинский округ, расположив квартиру мою в селении Казанишь. Два некомплектных баталиона, прибывших со мною, показались силами ужасными, ибо никого здесь не уверишь, чтобы могло их быть мало при главном начальнике. Горцы, которые, как предполагали жители, намерены были собраться и сделать нападение, отложили предприятие, соседственные им селения, надеявшиеся на помощь их и до того не покорствовавшие, просили помилования, которое и даровано им, и войска расположились по селениям, где назначены им зимние квартиры».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«Ермолов, желая оставить свой любимый Кабардинский полк в Грузии, распоряжением от четвёртого ноября 1819 года взял да и переименовал его в Ширванский; но так как имя Кабардинского полка всё же должно было остаться, то Казанскому полку, находившемуся на линии, приказано было именоваться Кабардинским, а всё, что осталось от настоящего Ширванского полка, под именем Казанского отправлено обратно в Россию. <...>

Эта перетасовка, а также бумаги, писанные тяжёлым неясным языком, до того затемнили дело, что когда делались, например, предписания одному из этих полков, они попадали в другой, носивший прежде то же имя, или наоборот, так как одни называли полки по-старому, другие по-новому. Сам Кавказский штаб наконец сбился с толку, в Петербурге же и вовсе не могли уяснить себе, что такое произошло с полками.

Чтобы яснее показать, какова была путаница, достаточно взглянуть на судьбу полковых знамён в этих трёх полках. Мальтийские знамёна, полученные Кабардинским полком за поражение лезгин седьмого ноября 1800 года на Иоре, поступили в Казанский, который никогда за Кавказом не был; Георгиевские знамёна, данные Ширванскому полку за сражения против французов, очутились в Кабардинском полку, который никогда ни одного француза не видел, а на долю ширванцев, героев Краона, достались простые знамёна Казанского полка, с которыми они и ушли в Россию.

Правда, спустя несколько лет, в мае 1825 года, последовало высочайшее повеление: «Всем трём полкам именоваться прежними своими названиями», но это несколько не поправило дела. Чтобы в действительности возратить

каждому полку прежнее имя, которое он носил до 1819 года, пришлось бы: Ширванский полк опять назвать Кабардинским; Кабардинский – Казанским и отправить его в Россию, а из России Казанский полк, назвав его Ширванским, отослать на Кавказ. Но подобное передвижение, сопряжённое с большими издержками, само собою не могло быть приведено в исполнение, и дело кончилось тем, что храбрый Кабардинский полк, в полном своём составе, продолжал и кончил так доблестно начатую им кавказскую войну уже под именем Ширванского, а казанцам, не имевшим прежде случая составить себе на Кавказе известности, пришлось приобретать себе новую славу, чтобы достойно носить славное и грозное врагам имя Кабардинцев. К счастью, семья упало на добрую почву, и, быть может, самое имя Кабардинского полка постояло за себя. Не прошло десяти-пятнадцати лет, как летописи кавказской войны уже опять были полны этим именем и за Кубанью, и за Сунжей, и в недрах Дагестана – везде, где наши войска вели ожесточённую борьбу с усилившимся тогда мюридизмом. Самые кровавые эпизоды, самые изумительные геройские подвиги связаны с именем кабардинцев. «Таково значение полкового имени и такова сила полкового предания», – замечает Зиссерман в своей «Истории Кабардинского полка».

В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

«Пред самым отъездом моим из Грузии наследник Персии Аббас-мирза прислал ко мне чиновника с объявлением, что между Персиею и Турциею прекращены неприязненные действия и уже составлены пункты мирного договора. При сём случае довольно хвастливо упомянул, что турки принуждены к тому блистательными успехами его оружия.

Комиссары наши, посланные для назначения границы, уведомили, что вскоре последовать долженствующий мир чрезвычайно возгордил персиян и что в переговорах их с чиновниками на каждом шагу начинали они испытывать противоречия вопреки здравому смыслу и в самых ничтожных случаях. Например, берега реки определяют они не по течению оной, но напротив. Впрочем, подобные понятия принадлежат собственно Аббас-мирзе, которого многие почитают великим гением, преобразователем своего народа и вводящим европейское просвещение. Мнение сиё разделяет с прочими и наше министерство, имеющее нужду знать его короче.

<...> Наставшее холодное время и снега, покрывшие горы, составляющие границу нашу с Персиею, воспрепятствовали комиссарам нашим продолжать их действия по предмету назначения границ, и я приказал им возвратиться в Тифлис. Из присланных ими донесений обнаружались затруднения, которые сам Аббас-мирза вымышлял для воспрепятствования в разграничении и при свидании с комиссарами старался в присутствии многих своих чинов-

ников выставить несправедливое занятие русскими войсками части ханства Талышинского. Окружающие его не раз говорили, что Аббас-мирза намерен отправить в Петербург доверенную особу, если встретит со стороны комиссаров несговорчивость в определении границы, как он желает, то есть совершенно уклоняясь смысла трактата. Он нимало не сомневается в успехе, полагаясь на внимание, которое правительство оказывает без разбора каждому ничтожному из персиян. Весьма мало понимает Аббас-мирза великодушную систему нашего правительства и, конечно, не подобного ему человека, исполненного всех низких свойств, можно вразумить легко в оную».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«Герменчуг, самый большой чеченский аул, имевший три мечети, из коих лучшая была построена на деньги, пожалованные Ермоловым, находится в семи верстах от Шали, где мы ночевали, переправившись через Аргун. Алексей Петрович, дознав на опыте как трудно было ведаться с чеченцами, живущими рассеянно по лесам, принёс эту жертву, надеясь около прочно и красиво построенной мечети сгруппировать более значительное число жителей, и не ошибся в своём расчёте; герменчугское население увеличивалось с каждым годом, и долгое время его жители, дорожа своею осёдлостью, не принимали прямого участия в грабежах и разбоях своих одноплеменников. В 1831 году они были увлечены в общее восстание, и Вельяминов счёл полезным показать на них пример всему краю».

Ф.Ф.Торнау, «Записки русского офицера»

«Со стороны Дагестана продолжалось бездействие войск наших. Посредством шамхала и акушинцев надеялся я достать аманатов от ближайших горских народов. Я сам не должен был их требовать, дабы не подвергнуться отказу, который легко могли сделать, не будучи угрожаемы никакою опасностью и не видя вблизи войск наших. Я заставил жителей страны разуметь, что главнокомандующему нельзя сделать отказа безнаказанно, и покорение акушинской области в сём смысле было им вразумительнейшим примером.

Здесь в Казанише склонил я шамхала пригласить к себе Сеид-ефенди, известного учёностию и между горцами пользующегося величайшим уважением и доверенностию. Принадлежа к числу главнейших священных особ, он имел большое влияние на действия ближайших к нам народов. В дружеских с шамхалом сношениях, он приехал к нему и познакомился со мною. Несколько раз виделся я с ним, но не иначе, как у шамхала и в ночное время, дабы не было подозрения между горцами о знакомстве между нами, и они оставались

в убеждении, что он не угождал ни одному из русских начальников. В нём нашёл я человека здравомыслящего, желающего спокойствия, и мне нетрудно было угадать, что он не откажется быть мне полезным. О свиданиях с ним не знал никто из моих приближённых, кроме одного, необходимого мне, переводчика. Посредством шамхала я обещал Сеид-эфендию доставлять жалованье».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«По мнению <...> современных военных историков деятельность Ермолова на Кавказе выходит далеко за рамки его военных побед. Он выстроил не только стратего-тактическую систему завоевания, но и удержания власти на покорённых закавказских территориях. Главное её достоинство в том, что «...в самой этой системе содержались зачатки идей, которые в 50-е годы XIX века лягут в основу смелых преобразовательных экспериментов А.Барятинского, пленившего легендарного Шамиля, и Д.Милютина, – считает специалист по Кавказу и внешней политике России В.Дегоев. – Проведённые вначале внутри Кавказской армии, они во многом послужили прообразом военных реформ в России. Когда Ермолов линиями крепостей, дорог и просек как бы расчерчивал территорию Северного Кавказа на блокадные зоны, вверяя их своим подчинённым с целью достижения более оперативного управления армией, он по сути создал некое миниатюрное подобие будущих военных округов, обладавших определённой самостоятельностью и самодостаточностью».

**В.П.Матвеев, Е.Н.Годлевская,
«Алексей Ермолов. Денис Давыдов»**

«1824 г. Из числа бежавших за Кубань кабардинцев один знатнейший между князьями в сопровождении нескольких известных разбойников приехал ко мне в Дагестан. Начальник штаба предупредил меня, что князь Арсланбек Биесленев имеет поручение от прочих предложить мне условия, на коих готовы они возвратиться на прежнее своё жительство. Я вызывал его одного, желая, чтобы он как человек по способности своей могущий быть полезным правительству, переселился в Кабарду, но ни с кем из прочих не почитал я приличным входить в переговоры.

Встретив в нём человека, более многих кабардинцев здравомыслящего, легко мне было вразумить его, что уничтожительно было бы для меня допустить условия с людьми, нарушившими данную присягу в верности государю; что виновные должны просить о прощении, а не предлагать условия; что могут надеяться на великодушие правительства, готового оказать оно рас-

каивающемуся; что несправедливо было бы предоставить большие выгоды изменникам пред теми, кои, не оставляя земли своей, покорствуют правительству и его распоряжения выполняют беспрекословно. Не страшил я угрозами виновных, но не скрывал от них, что не должно терпеть пребывание их близко от границ наших, дабы примером безнаказанности не одобрили к злодеяниям людей неблагонамеренных.

Нелепые желания кабардинцев состояли в следующем:

1. Возвратиться в свою землю не иначе, если правительство уничтожит устроенные в 1822 году крепости и удалит войска с гор.

Это значит иметь средства продолжать прежние злодеяния, не подвергаться наказанию, иметь в горах убежище.

2. Разбирательство дел оставить во всём на прежнем основании, то есть в руках священнных особ.

Это происки мулл, самых величайших невежд, которые из всех исповедующих закон мусульманский, как будто для того собраны в Кабарде, чтобы славиться мудростию своею между людьми ещё большей степенью невежества омрачёнными. Князья кабардинские первое между таковыми занимают место. Кабардинским князьям потому выгоден шариат или суд священнных особ, что они, пользуясь корыстолюбием их, в решении дел всегда могут наклонять их в свою пользу в тяжбах с людьми низшего состояния. Закон мусульманский хотя признаёт все вообще состояния свободными, но священные особы, удаляясь сего правила, полное действие шариата допускали в разбирательстве дел между князьями и знатнейшими фамилиями узденей, а простой народ, когда требовала польза знатнейших и богатых, всегда был утесняем, и бедный никогда не получал правосудия и защиты. Возобновления шариата выпрашивали у меня кабардинские князья и уздени, оставшиеся под управлением нашим, с тем, чтобы дела простого народа разбираемы были по российским законам.

3. Если бы начальство отказало исполнить желания, то испросить согласие оного на пребывание их за Кубанью, с тем, чтобы воспрещено было войскам их преследовать или нарушать их спокойствие, что в удостоверение удаления их от всяких вредных замыслов дадут они аманатов.

Это означает намерение продолжать тайные связи с соотечественниками своими, оставшимися под управлением нашим, дабы, возбуждая оных против правительства, предоставляя им убежище за Кубанью и защиту тамошних народов <...>.

До побега кабардинцев за Кубань были от них у нас аманаты. Из присяжных листов их можно составить целые томы. Со стороны нашей употреблены увещания убедительнейшие, самое великодушное снисхождение, истолковано, сколько необходима перемена поведения их для собственной их выгоды, но ничто не помешало им быть изменниками... Итак, по известности мне об-

стоятельств, отверг я желание кабардинцев, за Кубанью живущих. Аслан-бек Биесленев, принятый ласково и с уважением, получа от меня подарки самым приветливым образом, отправился обратно. Кажется, что приятно ему было дать мне чувствовать, что он, лишь только возможно ему будет, возвратится в Кабарду и что он получил совсем другое о русских понятие. Он прежде не бывал ни у одного из русских начальников».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

« <...> Какой хаос, произвол и беспорядок царили на многострадальной грузинской земле!

Были забыты древние законы, в полный упадок пришла торговля, хозяйство, образование. После волны кровавых нашествий жизнь человеческая, кажется, ничего не стоила: убийства в борьбе за власть, лишение жизни крестьянина или ремесленника стали обычным делом. Уродливые и изуверские крайности, царившие в соседней Персии, на саблях завоевателей перешли и в Грузию.

Подытоживая заботы, Ермолов писал Закревскому: «Не берусь я истребить и плутни, и воровство, но уменьшу непременно... Открыл несколько достойных людей и посредством их разные нечистые дела. Уж наложил секвестр (1) на имущество всех членов казённой экспедиции и произвожу ужасное дело в утраченном от нерадения казённом доходе.

(1) Секвестр – запрещение пользоваться каким-либо имуществом, налагаемое органами власти. Словарь финансовых терминов.

...В бывшей прежде полиции нашёл я около 600 нерешённых дел и за 12 лет неразобранных и без всякой описи. Я избрал полицеймейстера нового, человека расторопного, двух прежних полицеймейстеров и секретаря исполнительной экспедиции, человека здесь весьма могучего и плута, посадил в полиции под караул, и менее нежели в две недели дела за 12 лет приведены в известность, составлена им опись, сданы в архив и отделены нерешённые. На сих днях я сидел часа по четыре в уездном суде и уголовной палате, ибо набралось много колодников и дела шли несколько медленно.

Потом, забравши с собой председателя палаты и уездного судью, секретарей и журналы, отправился с ними в крепость, где содержатся арестанты. Сверил, давно ли каждого производится дело, за какие именно преступления и скоро ли могут быть окончены. Некоторым, по возможности, облегчил участь или по крайней мере ускорил решение судьбы. Посещаю иногда приличные места. Нагнал ужасный трепет...».

О.Н.Михайлов, «Генерал Ермолов»

«В Кубинской провинции исправил я постановление, которым доселе руководствовались беки, имеющие в управлении казённые деревни. В перемене сей доставлено народу немалое облегчение и определена обстоятельно мера повинности оною в отношении к бекам. Издал я постановление в рассуждении священных особ, коим определено нужное количество, им – приличное содержание. Положены правила для постепенного возведения в звания ефендиев и ахундов (1). Воспрещено посылать за границу для обучения закону, где многие до сего получали свидетельства на различные звания и сообразно оным занимали места в провинциях наших. Постановлением уничтожено невежественное постановление звания мулл сохранять наследственно в семействах, отчего произошло, что большая часть таковых ничему не имели нужды учиться и о законе ни малейшего понятия не имеют. Учредил комиссию для разбора бекских фамилий, ибо многие присвоили себе достоинство сие несправедливо.

(1) Ахун, или ахунд – старший мусульманский мулла. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке.

В Кубинской провинции нашёл я большую часть бекских фамилий и вообще простой народ весьма приверженными правительству и старающимися доказать свою верность. Войска, в провинции временно набираемые, служат с усердием и довольно храбро. Семейства определённых на военную службу людей, из коих содержатся в провинции караулы и посылаются против неприятеля отряды, ограничил я числом четырехсот, с тем, чтобы пополняемые были убывающие семейства. В числе военных людей приказал назначить зажиточнейших, дабы могли иметь лучших лошадей и исправное оружие.

В Ширванской провинции не мог я тех же ввести постановлений, как в Кубинской, ибо народ и самые беки не имели времени сделать к нам привычки по недавнему введению управления нашего.

С особенным вниманием обратился я к казённому хозяйству; уменьшил несколько отяготительные для народа посева хлеба и часть таковых заменил заведением шелковичных садов, распределив постепенное оных умножение. Вообще поставил на вид местному начальству, что полезнее ограничить количество посева чалтыка (сарачинского пшена), который затруднительно сохранять без повреждения даже короткое время и который требует несравненно больших трудов и работы, нежели шёлк, порче не подвергающийся. Поручил также посев хлопчатой бумаги.

В городе Шемахе, издавна разорённом и оставленном, мною возобновлённом в 1821 году по начертанному плану, начаты строения, и уже большое количество лавок весьма хороших возведены в разных местах. Главную мечеть, здание весьма великолепное, которое исправляли жители на пожертво-

ванные ими деньги, приказал я строить на казённый счет, возвратив сделанные ими издержки».

«Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией»

«Возбудив... против себя многих генералов, в числе коих находилось немало бездарных, корыстолюбивых и алчущих власти лиц, он приобрёл... весьма сильных врагов, которые, распространяя о нём самые неблагоприятные слухи, могли значительно повредить ему... Вообще, если достоинства человека измеряются числом его врагов, никто более Ермолова не имел столь большого количества ожесточённых недоброжелателей в старших и равных себе, но безгранично преданных почитателей в своих подчинённых... Ермолов был человек такой, какой был необходим для Кавказа. Смирная железною рукою диких хищников, он мудрою справедливостью привлекал различные народы к признанию над собою власти нашего государя».

Д.В.Давыдов, «Военные записки»

«1825. Год сей начал спокойно, пребывая в Тифлисе. <...> В марте месяце прибыл в Тифлис Фетх-Али-хан, беглербег Тавризский; <...> Фетх-Али-хан имел полномочие заключить со мною условия о разграничении. Я поручил генерал-лейтенанту Вельяминову войти с ним в переговоры, имея в виду то, что если бы я сам составил условный акт, не приличествовало бы мне, или по крайней мере было бы неудобно, сделать в оном изменения. Фетх-Али-хан объявил мне о желании Аббас-мирзы видеться со мною и что от меня зависит назначить для того место и время. Сиё наиболее побуждало меня оставить зависящими от меня некоторые средства, при свидании с Аббас-мирзою сделать ему угождение небольшою в некоторых статьях переменею.

Фетх-Али-хан действовал довольно чистосердечно, и со стороны его, после некоторых усилий и возражений, весьма вежливо и с отличным благоразумием генерал-лейтенантом Вельяминовым опрокинутых, заключён акт. Я призвал к себе Фетх-Али-хана, истолковал ему умеренность требований в сравнении с пожертвованиями, на которые решаюсь я для сохранения дружбы и доброго согласия. <...>

Фетх-Али-шах по возвращении в Тавриз был принят Аббас-мирзою весьма неблагоприятно и даже угрожаем наказанием. Заключёнными условиями был недоволен <...> Он сообщил мне замечания свои на заключённый акт генерал-лейтенантом Вельяминовым, оспаривал всё то, что требовал я в замену несравненно больших выгод, уступаемых нами, превратно толковал

смысл Гюлистанского трактата, и что по силе одного должна была Персия возвратить нам, утверждал принадлежащим ей. <...>

Вскоре сделалось мне известным, что он следовал советам тавризского первосвященника муштенда Мирзы-Мехти, человека хитрого, славящегося фанатизмом. Он уверял Аббас-мирзу, что малейшая сговорчивость его потеряет его во мнении народа, что одним оружием можно смирить гордость русских и даже возвратить потерянные Персиею области и самую Грузию, изгнав неверных за хребет Кавказа. Что все мусульмане, подвластные нам, возьмут участие в войне столько священной. Рассуждение сие происходило в совете Аббас-Мирзы, и между прочими, наиболее пользующимися доверенностию его, Сурхай, бывший хан Казыкумыцкий, известный изменник, изгнанный по распоряжению моему в 1820 году из его владений, ручался, что, имея много приверженцев и сильные между горскими народами связи, он возбудит их против нас и многочисленные полчища их обратит на Грузию. Чиновник, присланный от сардара Эриванского, будучи призван в совет сей, утверждал, что если только позволено будет его начальнику, то в продолжение двух месяцев будет он в Тифлисе, на что без всякого пособия со стороны наследника собственных средств его достаточно. Первосвященник Мирза-Мехти присовокупил, что, благословя победоносные знамена Аббас-мирзы, он, предводительствуя 15 тыс. муллов, пойдёт впереди, указуя путь к славе. <...> Аббас-мирза введён был в заблуждение одним из чиновников его, бывших в Петербурге, который уверил его, что все затруднения, которые я ему поставляю, могут удобно разрешены быть в министерстве, с которым выгоднее иметь ему непосредственное сношение. Чиновнику сему, как из собственных слов его известно, внушено было в Петербурге, что я имею столько многих и сильных неприятелей, что Аббас-мирзе достаточно возложить на меня вину существующих неудовольствий, и конечно достигнет он желаемого; ибо готовы они действовать против самых убедительных моих представлений. <...>

Государю императору отправил я письмо, в котором изобразил поведение Аббас-мирзы, и что, <...> имеет он намерение поддерживать оружием требования свои о границах. Что сделаны им соображения о собрании войска и производятся приуготовления к войне. <...> Я просил приумножения войска одною пехотною дивизиею и несколькими казачьими полками как средства предупредить войну. Вместе с сим 12-го числа июля известил я обо всём с возможною подробностию управляющего Министерством иностранных дел статс-секретаря графа Нессельроде».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

«...Не можешь вообразить себе, как утешил ты меня отгадавши намерение моё отдать (со временем) тебе на руки моего Бахтияра. Это много меня успокаивает. Другие малы ещё и время не ушло. Ими можно будет и самому мне заняться. Душевно благодарю за предложение о Бахтияре и принимаю его я с чувствительностью... Бахтияр кланяется будущему своему благодетелю. Верный брат Ермолов.

20 января 1825. Тифлис».

«В конце же 1824 г. отчасти под влиянием турецких эмиссаров, отчасти под влиянием нового религиозного учения в Чечне началось брожение, во главе которого встали известный чеченский разбойник Бей-Булат и мулла Абдул-Кадыр. Но быстрыми движениями в Малую и Большую Чечню Греков подавил начало брожения и рассеял скопища Бей-Булата. Однако религиозное движение не затихло. Новым проповедником явился мулла Магома, а его учение стало зародышем того движения, которое позднее приняло форму мюридизма, охватившего <...> весь Дагестан.

Пользуясь этим религиозным движением, Бей-Булат собрал в Маюртупе, где находился пророк Магома, почти всех жителей Большой Чечни.

События разыгрались, главным образом, у Герзель-аула, защищаемого 2 ротами под начальством майора Пантелеева, когда 12 июля огромное скопище горцев обложило укрепление. Гарнизон геройски оборонялся 5 дней, пока к нему на помощь не пришли Греков и Лисаневич со своими отрядами, состоявшими из 3 рот пехоты, 6 орудий и 400 казаков. Мятежники, поражённые неудачей и гонимые страхом встречи с большими силами, отступили. Имам и сам Бей-Булат первыми бежали в сопровождении нескольких сообщников; прочие рассеялись по домам в ожидании наказания. Волнение готово было потухнуть, но неосторожность Лисаневича, послужившая к его гибели, испортила дело».

**М.И.Шишкевич, «Покорение Кавказа.
Персидские и кавказские войны»**

«Генерал-лейтенант Лисаневич, желая схватить некоторых оставшихся в Аксае мятежников для примерного их наказания, приказал старшему князю майору Мулле-Хассаеву представить к себе всех почетнейших старшин с тем, чтобы в числе их были непременно замеченные им самые буйные и наиболее к мятежу склонные. Потребовал от него списка таковых. Генерал-майор Греков, лучше знавший народ сей, представлял ему, что не приличествова-

ло задержать людей, им призванных, паче ещё подвергнуть наказанию; что поступок сей произведёт в народе беспокойства и уничтожит совершенно доверенность к начальству. Майор князь Мулла-Хассаев обязывался в самое непродолжительное время всех их доставить без всякого затруднения. Генерал-лейтенант Лисаневич не послушал обоих, и 16 числа поутру не менее 300 человек лучших жителей Аксая введены были в укрепление Герзели-Аул. Не было взято никаких мер осторожности, аксаевцы многие были вооружены, наш караул не был не только усилен, даже не выведен в ружьё, команды отпущены за дровами и на фуражировку, и в укреплении оставалось менее людей, нежели аксаевцев. Вышедши пред них в сопровождении нескольких офицеров, генерал Лисаневич стал в оскорбительных выражениях упрекать их гнусною изменою, грозить истреблением виновнейших и начал вызывать некоторых по представленному ему списку. Он знал хорошо татарский язык и потому объяснялся без переводчика, который бы мог смягчить выражения. Двое из вызванных старшин с покорностию предстали пред ним. У них сняли кинжалы и отвели их под стражу; третий, будучи вызываемый по списку, видя участь первых двух, противился, но когда его принудили, он, тихо подойдя к генералу Лисаневичу, вдруг бросился на него с кинжалом, который он до того скрывал под одеждою. Он нанёс рану смертельную в живот насквозь. Не остановясь, кинулся на генерал-майора Грекова, и сей в мгновение кончил жизнь под его ударами. Поблизости находились казаки и некоторые из приверженных нам мусульман, которые после поражения генерала Лисаневича могли остановить его, но до того велико было их изумление, что они пребывали неподвижны. Человек уже немолодой главный пристав кумыцкий капитан Филатов бросился на него, и хотя получил прежде рану, но по счастью она не была тяжёлою, и он, схватясь с ним грудь с грудью, успел вонзить ему кинжал в брюхо, отвратя удар его рукою.

Силы злодея были превосходнее, и уже преодолевал он Филатова, но один из армян, приставив ему ружьё, поверг его мёртвого выстрелом. Генерал Лисаневич, захватя рукою рану, стоял опершись о забор и сохранял твёрдость, но когда сказали ему о смерти генерала Грекова, вырвалось у него слово «Коли!», и оно было сигналом истребления всех без разбора. В сие время командир 43-го егерского полка выводил из казарм караульных 20 человек, кои немедленно ударили на толпу, и к ним присоединились прочие, бывшие в укреплении. Аксаевцы в величайшем страхе и замешательстве бросились к воротам и чрез вал укрепления успели заколоть двоих часовых у ворот, но вслед кололи их штыками и пустили ружейный огонь. Вырвавшиеся из укрепления встречены были возвращавшеюся с фуражировки командою, прибежали конвои команд, посыланных за дровами, и из 300 человек аксаевцев весьма немногие спаслись бегством. Между тем погибли люди совершенно невинные и не-

сколько испытанных в приверженности к нам. В числе их были некоторые из жителей города Андрея. Если бы не овладел аксаевцами совершенный страх, они могли бы захватить близко их стоявшие ружья караульных и людей, высланных за дровами, и без всякого затруднения овладеть укреплением и артиллерию, при коей не было ни одного канонира. В укреплении были большие запасы снарядов и патронов.

Таким образом, неблагоприятие генерала Лисаневича могло быть причиной важнейших следствий. На линии не оставалось ни одного генерала. Начальник корпусного штаба генерал-майор Вельяминов, один, который мог привести дела в порядок, находился с отрядом за Кубанью для наказания хищных народов за набеги и разбои, делаемые ими на линии.

Тотчас по получении известия об Амир-Аджи-Юрт хотел я выехать на линию, но болезнь меня удерживала; когда же 22-го числа узнал я о случившемся в Герзели-Ауле и о смерти генерал-майора Грекова, я отправился 24 числа.

Во Владикавказе усиливавшаяся болезнию удержан я был до 3-го числа августа, и уже не было надежды на выздоровление. <...> От Владикавказа до крепости Грозной прошёл я с 1-м баталионом Ширванского полка, двумя орудиями и 250 донскими казаками полковника Сергеева полка, и хотя известно было, что повсюду были сборища возмутившихся чеченцев и карабулаков, однако же я нимало не был ими обеспокоен в пути. В Грозной присоединил я две роты 41-го егерского полка и два орудия; прошедши чрез Червлённую станицу и переправившись [через] Терек в Амир-Аджи-Юрте, имел я с собою шесть рот пехоты, 300 донских и 250 линейных казаков и 9 орудий артиллерии. Я поспешил к городу Андрею, где неблагонамеренные люди готовы были произвести возмущение и, соединясь с соседними горцами, пристать к лжепророку, который проповедовал повсюду истребление неверных, возбуждая ко всеобщему вооружению.

Приближение войск к городу прекратило смятение в оном, главнейшие из возмутителей бежали. Здесь нашёл я баталион Апшеронского полка, который прибыл из крепости Бурной, и одну роту 41-го егерского полка. В крепости Внезапной сделал я большие перемены: уменьшил пространство оной, усилил профиль, и она, при несравненно меньшем гарнизоне, сделалась непреодолимою. Уничтожив обширное нижнее укрепление, я заменил его одною каменною башнею с пристройкою, дабы иметь в власти своей воду. Работы в крепости продолжались около трёх недель. Чеченцы в числе четырёх тысяч человек показались на высотах в окрестностях Андрея, надеясь на измену жителей оного, но как они остались в совершенной покорности, то они удалились, ничего предпринять не осмелившись.

Между тем был я в городе Аксае, коего жители, исключая князей, были в бегах, и город совершенно оставался пустой. Без участия их в измене не мог-

ли чеченцы ничего предпринять против укрепления Герзели-Аул, которое в подобном случае всегда подвергалось большой опасности. По сему уважению вознамерился я перенести укрепление на лучшее место, и в то же время, дабы прервать связи аксаевцев с чеченцами, давним соседством и даже родством утверждённые, и избежать всегда неприятной необходимости наказывать за измену, предположил я перевести самый город, который расположен будучи в местах гористых и покрытых непроходимым лесом, где удобно могли они укрываться, утверждал в них некоторое чувство независимости и своевольства, столь соблазнительных для прочих.

Я вызвал жителей, дав им прощение, и хотя многим из них не нравилось перенесение, но они согласились. Но явилось только 200 семейств, которые настаивали, чтобы позволено им было остаться на прежнем жительстве, чего я не должен был предоставить. Место для нового Аксая назначено мною на речке Таш-Кечу, во всех отношениях несравненно выгоднейшее прежнего, ибо здесь жители Аксая имели лучшее своё хлебопашество, здесь прежде бывало их богатое скотоводство. Для охранения их в местах сих, более открытых, и для того, чтобы иметь за ними необходимый надзор, учредил я укрепление, которое и построено по возвращении моём из крепости Внезапной. В продолжение работ многие начали уже селиться в новом Аксае; в городе начертаны правильные улицы и площади, и люди благонамеренные одобряли выбор места и выгоды оною.

Составив отряд мой из 1-го и 2-го баталионов Ширванского, 2-го баталиона Апшеронского, 2-го баталиона 41-го егерского полков и роты 43-го егерского полка, бывший в гарнизоне в Герзели-Ауле, мог я отделить часть войск для устройства укрепления в Амир-Аджи-Юрте, дабы ускорением работ выиграть время. 300 донских казаков полковника Сергеева полка отпустил на Дон, две роты 41-го [егерского] полка отправил в крепость Грозную, около коей поселившийся форштадт был слабо защищён, и на который, известно мне было, чеченцы намеревались сделать нападение. Распоряжено доставление в крепость Грозную больших запасов провианта и снарядов на зимнюю экспедицию против чеченцев, и сии две роты, не ослабляя гарнизона крепости, должны были служить конвоем для транспортов.

17 ноября кончены были все главные работы в укреплениях Таш-Кечу и Амир-Аджи-Юрте, и войскам, с необычайною деятельностью и доброю волею трудившимся, дал я отдохновение, расположа их в станицах войск Гребенского и Семейного. Было приказано готовиться к зимнему походу».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

Генерал Н.В.Греков – генералу от инфантерии А.П.Ермолову

Ваше высокопревосходительство!

Когда вы получите письмо сие, то меня уже не будет в числе живых...

Я не суевер и не малодушный; но если бы я умер, не принеся искреннейшей моей благодарности вам, генерал, то был бы нечувствительнейший человек.

Да благословит Всевышний ваше командование и вашу жизнь! Это последняя моя молитва к Богу.

Покорнейший слуга (генерал) Николай Греков.

Февраль 1 дня 1822 года. Кр. Грозная.

«26 октября командир 43-го егерского полка подполковник Сарочан с отрядом из 700 человек пехоты, малого числа казаков, чеченскую конницу и 6-ю орудиями артиллерии выступил из крепости Грозной, дабы возмущившимся чеченцам помешать укрепиться в Хан-Кале, где начали они большие работы. Они в числе до 4 тыс. человек встретили войска наши, опрокинули чеченскую нашу конницу и смешали казаков, и сей успех их был причиною чувствительного их урона, ибо нагло приблизившись к каре нашей пехоты, подверглись они картечным выстрелам. Войска наши, неоднократно обращая их в бегство, наконец возвратились в крепость при сильной довольно перестрелке. Мятежники после сего не продолжали уже работ своих в Хан-Кале.

Желая обстоятельнее знать о происшествиях в Кабарде, отправился я в Екатериноград, где дожидался меня начальник корпусного штаба и куда вызвал я из Тифлиса поверенного в делах г. Мазаровича, возвратившегося из Персии. <...>

Здесь получил я известие о кончине императора Александра I: весть внезапная и тем ещё более горестная. Прежде пронеслись слухи не довольно обстоятельные, и приятно находить их невероятными.

Вскоре указ Сената о присяге императору Константину. Начальнику корпусного штаба позволил я отправиться в Тифлис по причине болезни. Туда же обратив г. Мазаровича, сам поехал в Червлённую. Декабря 26 дня прибыл фельдъегерь с отречением его от престола и Манифестом о восшествии на трон императора Николая I. Войска, при мне и в окрестностях находившиеся, приняли присягу в величайшем порядке и тишине.

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

Станица Екатериноградская. 27-го ноября 1825 г.

Душа моя, Вильгельм. Спешу уведомить тебя о моём житье, покуда не народился новый месяц, а с ним и новые приключения: ещё несколько дней и, кажется, пушусь с Алексеем Петровичем в Чечню; если там скоро утишатся военные смуты, перейдём в Дагестан, а потом возвращусь к вам на север. Здесь многие, или лучше сказать, все о тебе вспоминают: Вельяминов, с которым я до сих пор слонялся по верхней Кабарде, Коцебу 2-й, Цебриков, Талызин, Устимович, Павлов etc., etc., и даже старик наш, несмотря на прежнюю вашу ссору, расспрашивал о тебе с большим участием. <...>. Кстати о достоинстве: какой наш старик чудесный, невзирая на все о нём кривые толки; вот уже несколько дней как я пристал к нему вроде тени, но ты не поверишь, как он занимателен, сколько свежих мыслей, глубокого познания людей всякого разбора, остроты рассыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова. По долговременной отлучке я ему ещё лучше узнал цену. Это не помешает мне когда-нибудь с ним рассориться, но уважения моего он ни в каком случае утратить не может.

Дела здешние были довольно плохи, и теперь горизонт едва проясняется. Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли это подействует? Но вот как происходило. Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец, от Чечни до Абазехов никто не коснётся ни табунов его, ни подвластных ему ясырей¹, и нами поддержан, сам тоже считается из преданных русским. Сын его, любимец Алексея Петровича, был при посольстве в Персии, но не разделяя любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев был на их стороне, и вообще храбрейший из всех молодых князей, первый стрелок и наездник и на всё готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам. Велено его схватит и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчихскую крепость, в сопровождении отца и других князей. Имя его Джамбулат, в сокращении по черкески Джамбот. Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою в знак того, что посетил святые места, Мекку и Медину, другие не столько знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие; Джамбот в великолепном убранстве, цветной тишлой сверх панцыря, кинжал, шашка, богатое седло и за плечами лук с колчаном. Спешились, вошли в приёмную. Тут объявлена им воля главнокомандующего. Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя ли-

¹ Ясырь, ясырь – пленник, полоненник, в виде добычи; ясыри считались рабами, невольниками. Толковый словарь В.И.Даля.

шить оружия человек, который в нём всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен; начались переговоры; старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбою не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сём случае было бы несогласно с пользою правительства. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел ослушник; с ним был друг его КанаMAT..., при малейшем покушении к побегу отдан был приказ, чтобы стрелять. Я, зная это, заслонил собою окно, в которое старик отец мог бы всё видеть, что происходило в другом доме, где был сын его. Вдруг раздался выстрел. Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу. Я оглянулся. Выстрелил Джамбот, из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту же минуту ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим ещё несколько пуль не дали ему долго бороться со смертью. Товарищ его прыгнул за ним, посреди двора также был встречен в упор несколькими выстрелами, пал на колена, но они были раздроблены, оперся на левую руку и правую успел ещё взвести курок пистолета, дал промах и тут же лишился жизни.

«1826 год. Генерал-майор князь Меншиков, бывший генерал-адъютант покойного императора, назначен в Персию с объявлением о восшествии на престол ныне царствующего. Под сим предлогом имел он поручение войти в переговоры о разграничении и стараться сколько возможно кончить дело сие, утвердив приятные с Персиею связи. На сей конец, сверх выгодных предложений, сделанных мною Аббас-мирзе, угодно было государю императору уступить полуденную часть Тальшинского ханства.

Генералу князю Меншикову приказано было войти по сему предмету со мною в рассуждение и собрать все нужные от меня сведения, почему и прибыл он в Червлённую. Почти никакого не было неудобства отдать и всё ханство Тальшинское, которое, не принося нам ни малейших выгод, малым числом войск защищаемо быть не может, а содержания для того большого числа оных не стоит. Но по свойству персиян, в особенности же Аббас-мирзы, невозможно было надеяться достигнуть тем прекращения неудовольствий и даже претензий со стороны его».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

«Подвергая критике руководство русской дипломатией на Востоке кабинета К.В.Нессельроде и его отношения к русским дипломатическим чиновникам, А.П.Ермолов писал Николаю I: «В Петербурге чиновники персидские

принимались с особенною почестью, которые, возвращаясь домой, уважение, им оказанное, представляли как дань, принадлежащую силе персидской державы – никогда благоволением (русского) императора. В то же время бывшего в Петербурге нашего поверенного в делах при персидском дворе г. Мазаровича не удостоил граф Нессельроде представления государю. Доведено было о сём до сведения Аббас-мирзы, и он, имевший к Мазаровичу особую доверенность и даже приязнь, перестав почитать его себе нужным, стал отдавать его, уразумев, что ему выгоднее иметь непосредственные отношения с графом Нессельроде, коего прозорливость легко мог он обмануть в отдалении, тогда как не мог он укрыться от ближайших наблюдений г. Мазаровича. Сему, так же как и мне, не верили, и сверх того, наделяли предписаниями, которые наконец заставили его просить увольнения от должности и 10-летняя опытность сего способного и ловкого чиновника осталась без всякой пользы для нашего министерства».

Из примечаний к статье А.С.Грибоедова «Русская миссия в Персии»

«6 числа апреля, приказав войскам переправиться за Терек, прибыл я вперёд в Грузию. В Чечне продолжался мятеж; лжепророк старался возбуждать обольщающими прорицаниями, но уже приметно уменьшилось верование в него; посланные люди к лезгинам с требованием помощи привезли одни обещания. Напротив, весьма многие из селений не нарушили покорности и представили аманатов лучших фамилий по нашему назначению. Сделав наблюдение, что упорнейшие из чеченцев суть те, кои живут в местах менее приступных, где никогда или давно весьма не бывали войска наши, куда по множеству в пути препятствий не могут приходить внезапно, а потому жители, имея время скрыть в лесах семейства и имущество, являются с оружием, вознамерился я открыть кратчайшие дороги и прорубить леса далее от дороги ружейного выстрела в обе стороны. По таковым путям, не испытывая никаких затруднений, могут войска повсюду появиться, с большою быстротою и без всякой [для себя] опасности, даже в небольших силах. Таким образом, без неприязненных действий, можно удерживать их в послушании, а впоследствии приучить к спокойствию.

10 числа войска прибыли к селению Алхан-Юрт, и тотчас небольшая часть пехоты на каюках переправилась на правый берег Сунжи, причём была ничтожная перестрелка. Сожжена деревня Курчали, где мятежники в лесу, чрезвычайно густом, дрались с некоторою упорностью. Дорога прекрасная открыта до селения Гихи и часто проходит прелестною поляною.

17 числа возвратился я в Алхан-Юрт, дабы дать войскам отдохновение в праздник светлого воскресения Христова. В сей день близко к переправе

через Сунжу арриергард был сильно атакован, и я должен был дать ему подкрепление, перестрелка продолжалась до глубокого вечера, но переправа совершенно была безопасна.

Предводитель Кизлярского уезда с несколькими дворянами и депутатами всех сословий приехали поздравить войска с праздником, и в знак уважения их к трудам их господ офицеров угаживали обедом, солдатам выдана была роскошная порция вином и мясом.

Между тем производилась порубка леса в окрестности. Прибыли казаки, 500 человек, которых оставлял я на линии, за неимением подножного корма, и с ними 300 человек чеченцев, живущих по Тереку, с топорами для работ.

23 числа, оставя все тягости в вагенбурге (обоз. – Сост.) при Алхан-Юрте, войска налегке прибыли 25 числа рано пред селение Урус-Мартан. После сделанного мне отказа на повторение несколько раз предложения дать аманатов нашёл я жителей к обороне готовых и с ними соединившихся соседей. Построив батарею против селения, обратил я внимание их на оную, и в то же время с противоположной стороны баталион 41-го егерского, две роты Апшеронского полков и рота гренадерского Тифлисского полка бросились в деревню: испуганный неприятель бежал стремительно, и даже в лесу не смел остановиться. Многие побросали ружья. Урон был довольно чувствительный. На звук орудий собирались окрестные жители, но казаки наши и чеченцы заняли дороги, и потому, пробираясь лесами, не успели они прийти вовремя.

Селение приказал я истребить, великолепные сады вырублены до основания. Через реку Мартан сделана хорошая переправа и открыта широкая дорога. На обратном пути сожжены два селения Рошни. Многие другие приведены в покорность, и войска беспрепятственно чрез Алхан-Юрт возвратились в крепость Грозную 28 числа. Войскам дано три дня для приуготовления сухарей. Чеченская конница отпущена на праздник байрам. Она служила с отличным усердием, заглаждая вину свою, когда 26 октября бежала она, оставив наших казаков.

2-го числа мая войска, пройдя Хан-Кале, перешли чрез Аргун у селения Беглекой. Очищена дорога через лес, отделяющий селение Шали, которая прежде прорублена была генерал-майором Грековым. Селение сожжено и сады вырублены. С 600 человек пехоты, четырьмя орудиями и 300 казаков пошёл я сделать обозрение Шалинских полей. Чеченцы засели в одном месте, где надобно было проходить лесом. Нельзя было выгнать их, не овладевши небольшою деревушкою. Генерал-майор Лаптев мгновенно занял оную, но к ней прилежал частый очень лес; неприятель усилился, мы должны были захватить довольно большое пространство и в местоположении совершенно для нас невыгодном. Я сберегал казаков, но должен был спешить часть оных, ибо чувствовал в пехоте недостаток; 4 орудия артиллерии служили нам величайшим пособием, и мы прошли трудное место. Огонь был жестокий, и

неприятель имел дерзость броситься в шашки на одну егерскую роту. Казаки поддержали оную и обратили его с уроном. <...>

По окончании работы войска 17 числа мая перешли чрез реку Аргун. Вода была уже высокая и переправа довольно затруднительная. Я поспешил, дабы не остаться за рекою без провианта. Назавтра прибыли войска к крепости Грозной. <...>

Таким образом кончилась экспедиция против чеченцев. Одни, живущие по реке Мичику, остались непокорными, но они кроме воровства и разбоев ничего более сделать не в состоянии; потух мятеж во всех прочих местах, и все главнейшие селения приведены в послушание и предстали аманатов. Исчезло мнение, что леса могут служить твёрдою оградой; напротив, движение войск в весеннее время было несравненно пагубнее для чеченцев, ибо не смея показываться в открытых местах, оставили они поля невозделанными, по той же причине скотоводство их оставалось без корму. При вскрытии весны прятавшиеся в лесах семейства подверглись чрезвычайным болезням и смертности, которые должен продолжать угрожающий голод. Впредь всеобщий мятеж едва ли возможен, ибо всюду и скоро могут проходить войска. Охранение семейств обратит каждого к собственной защите, действия будут частные, соединять силы будет неудобно».

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

**Секретное предписание командира
Отдельного Кавказского корпуса
генерала от инфантерии А.П.Ермолова
генерал-майору Н.И.Лаптеву, 1 мая 1826 г.**

Дав вашему превосходительству наставления относительно владений Кумыкских, нужным нахожу обратить в особенности внимание ваше на чеченцев.

До возникновения в прошлом году общего возмущения весьма мало оставалось чеченских селений, которые не признавали бы власти нашей. Многие порядочно повиновались, а некоторые начинали даже привыкать к послушанию. Были между непокорными людьми производившие хищничества и разбои, но таковые тайно прокрадывались на линию, большими же шайками не могли они делать набегов, ибо намерение их не укрылось бы от тех, кои нам повиновались, а они, опасаясь наказания, не участвовали в злодействах и даже, сколько могли, воздерживали к тому наклонных.

Всеобщее возмущение всё переменило. Несколько мошенников, пользуясь легковерием и чрезвычайным невежеством народа, вымыслили появле-

ние лжепророка, под видом освобождения мусульман от угнетения неверных, успели соединить всех и составить многочисленные толпы вооружённых, коих действия вам известны.

Войсками нашими в прошедшую зиму и в последнее движение их в Чечне многие из селений обращены к прежнему повиновению и дали аманатов, но ещё многие <...> остались упорными, и все усилия мои отклонить их от жизни мятежной остались безуспешными. Таковые должны быть преследуемы оружием и непременно наказаны, дабы не могли поколебать тех, кои снизили прощения покорностью. С завистью смотрят на них мятежники, ибо они не только воспользовались пощадой, но даже их собственностью осталась неприкосновенной <...>. Зависть сия заставит их употребить все ухищрения, дабы возмутить спокойствие, будут с намерением превратно толкуемы распоряжения начальства, будут изобретаемы разные вымыслы, дабы утрашить их и, наконец, дабы ввести их в подозрение у начальства, будут рассеиваемы разные слухи о соучастии их в злодействах.

Со стороны вашего превосходительства, как начальника, для коего новы ещё сии народы, нужны крайняя осмотрительность и терпение. <...>

Между здешними народами не трудно начальнику приобрести доверенность справедливостью и точным исполнением данного обещания. Строгим соблюдением сего последнего нередко случалось мне привлекать людей, известных злодеяниями, и многие из них не только переменили род жизни, но сделались полезными. Каждый, полагающийся на великодушие начальства и доверяющий лицо своё, должен пользоваться безопасностью. Принимайте с кротостью являющегося к вам, выслушивайте его с терпением, несоглагошающегося на убеждения отпускайте свободным и без укоризны, преследуйте обманувших раз, а изменивших наказывайте строго.

Сколько здешние народы ни закосстенили в невежестве, сколько ни упорны в наклонностях порочных, они имеют уважение к правосудию начальника: не возбуждает в них ропота заслуженное наказание.

Никогда не требуйте того, что для них исполнить трудно или чего они вовсе исполнить не могут, ибо за ослушанием должно следовать наказание. Гораздо лучше, чтобы в таком случае могли они думать, что вами или упущено или пренебрежено, нежели истолкуют они, что вы средств не имели взыскать или наказать.

По развлечению войск не всегда можно дать чувствовать силу нашу и потому не каждую вину изобличать нужно <...> Наблюдайте, чтобы никто из подчинённых не позволял себе грубого обхождения с ними, чтобы никто не порочил веры мусульман, паче же не насмехался над ней.

<...> Надобно стараться сблизить чеченцев частым их обращением с русскими. Начальнику войск на линии предпишу и об учреждении торгов в кр. Грозной и для опыта учредить меновой двор. <...> по исправлении необходи-

мейших в крепости строений прикажите выстроить несколько небольших лавок, которые в пользу роты женатых солдат отдавать внаём желающим торговать мелочным товаром. Таковых отыщется немалое число между армянами. Над сим надобен будет надзор, чтобы не делали они обмана в мере и весе.

Дам я предписание о построении мечети, где богослужением могут управлять поочередно в торговые дни муллы из деревень, расположенных по левому берегу Сунжи, более уже имеющих к нам привычки. Сим озаботится начальствующий войсками на линии.

Нужно иметь большое попечение об аманатах, что доселе было крайне пренебрежено. Содержание, определённое на них, достаточно, но они жили в сырой и худой казарме, где занемогли и родственники их жаловались на то. <...>

Я должен также обратить внимание вашего превосходительства на чеченцев, живущих по левому берегу Сунжи. Они, состоя в большей от нас зависимости, нежели прочие, пользуясь для хлебопашества лучшими и обширными землями, по родству своему с прочими чеченцами имеют преступные с ними связи <...>.

Буде достоверно узнаете, что родственники непокорных живут в селениях на левом берегу Сунжи, извольте требовать изгнания их и понудить их к тому силой, предварительно известив, что в случае укрывательства будут захватываемы их семейства. Если кто с той стороны Сунжи пожелает переселиться на нашу сторону, в том не отказывать, но стараться переселять их в деревни, более покорные, и чтобы за поведение их ответствовали жители оных. Позволение переселиться на левый берег и позволение пользоваться хлебопашеством и сенокосом зависит от военного начальства, ибо все земли вообще в его распоряжении и право пользоваться ими приобретается покорностью. <...>

С чеченцами, на правом берегу Терека живущими, надобно поступать снисходительнейшим образом, ибо неоднократно прежде и теперь в последнее время служили они нам против своих единоверцев и родственников. Большая часть управляющих ими князей к нам привержены.

«Июля 2 числа возвратился я в Тифлис после одиннадцати месяцев отсутствия.

Генерал-майор князь Меншиков находился в Тавризе, а оттуда были последние его депеши, в коих уведомлял, что по приглашению шаха отправляется он в Султаню, что Аббас-мирзою был принят благосклонно. <...>

Я располагался ехать для обозрения границы, как вдруг 19-го числа получаю из Караклиса от артиллерии подполковника Флиге рапорт, что сардарь

Сказание о генерале Ермолове

Эриванский напал с большими силами на пост наш при урочище Мирак и что в то же самое время истреблено селение Малая Караклиса, лежащая неподалёку от укрепления Гумри, и отогнан казённый табун, принадлежавший Тифлисскому пехотному полку, пасшийся на речке Гамзачиман в 18 верстах от Большой Караклисы. О полковнике князе Севарсемидзеве, командующем войсками на границе, который находился на Мирацком посту, не было никакого известия, и подполковник оставался по нём старшим. Из сего происшествия явно было нарушение мира прежде обдуманное, но отнюдь не самовольный поступок сардаря Эриванского, как то поняло министерство наше.

Итак, с сего времени начинается война с Персиею!»

**«Записки Алексея Петровича Ермолова
во время управления Грузией»**

Глава четырнадцатая

У военных спина не гнётся (1826 – 1839 гг.)

«1826 год сделался переломом и в жизни Кавказа и в жизни Ермолова. Обстоятельства вдруг неожиданно переменились, и «над неуязвимым до того Ермоловым начала собираться грозная туча». В июне персияне внезапно вторглись в русские пределы, мусульманские провинции восстали. Опасность, угрожавшая Грузии, естественно заставила обратить все силы туда и оставить дела на Северном Кавказе до более благоприятного времени. Между тем и в горах уже становилось беспокойно; там зрел мюридизм, являлись признаки новой неведомой силы, и предвестники грядущей бури становились всё ярче и неудержимее. Быть может, никогда так не был нужен Кавказу Ермолов, как в это время, но судьба распорядилась иначе; Ермолов должен был оставить его. Несколько отдельных неудачных действий, сопровождавших первые моменты персидского вторжения, – действий, не зависевших непосредственно от самого Ермолова, но которые он всё-таки мог бы предвидеть и предупредить, послужили поводом к назначению на Кавказ Паскевича».

В.А.Потто, «Кавказская война. Ермоловское время»

«В день 14-го декабря находился в Петербурге английский полковник Шиль, пользовавшийся неограниченным доверием Аббас-мирзы; на другой день он выехал из Петербурга. Прибыв в Тавриз, он уверял Аббас-мирзу, что в России вспыхнула междоусобная война между двумя братьями-императорами и что на основании Гюлистанского мира Россия обратится к Персии с просьбой о помощи. По мнению Шили, наступил для персиян самый благоприят-

ный момент для вторжения в Грузию, где у русских были весьма слабые силы. Персияне двинулись, и князь Меншиков, отправленный послом в Тегеран, встретил уже их почти на самой границе нашей. Таким образом Аббас-мирза без предварительного объявления войны вторгнулся в провинции Бамбакскую и Шурагельскую.

Ермолов приказал полковникам Назимову и Реуту поспешно отступить пред превосходными силами неприятеля и стараться, избегая с ним встреч, сосредоточить свои войска. Зная, что они получили георгиевские кресты в войне с персиянами при генерале Ртищеве, он почитал их наиболее способными для вновь начинающейся войны с персиянами. Они вовсе не оправдали возлагаемого на них доверия; персиянам удалось истребить несколько наших рот и взять две пушки. Ермолов сделал в этом случае великую и непростительную ошибку, которая имела прямое и гибельное влияние на всё его поприще. Он должен был лично выступить против персиян и по одержании над ними решительной победы возвратиться в Тифлис, где он мог заняться необходимыми для войны приготовлениями. Вместо того он выслал сперва Мадатова, который нанёс при Шамхоре решительное поражение персиянам, причем Аминь-сардарь, дядя Аббас-мирзы, был убит».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

«Опасения Николая возросли в дни междуцарствия в декабре 1825 г. Утром 12 декабря Николай получил из Таганрога донесение начальника Главного штаба И.И.Дибича, который на основании поступивших к Александру I новых доносов сообщал о раскрытом заговоре декабристов на юге России, а через несколько часов к Николаю явился с доносом на тайное общество в Петербурге Я.И.Ростовцев – он говорил о вероятности выступления против Николая отдельного Кавказского корпуса во главе с Ермоловым. В тот же день Николай отправил предписание Дибичу направить для наблюдения за Ермоловым «под каким-нибудь предлогом кого-либо из флигель-адъютантов». Николай весьма откровенно выражал свои опасения по поводу Ермолова («я, виноват, ему меньше всего верю»). Ермолов давно уже был окружён густой сетью осведомителей, которые, однако, из-за его крайней осторожности не смогли добыть о нём каких-либо компрометирующих данных. Любопытен ответ Дибича Николаю: «Нащёт Кавказского корпуса я должен сказать, что по всем сведениям, кои доходили к нам до сего времени, я не могу предполагать от командира оногo и малейшего отклонения от пути закона... Я посему опасуюсь, что отсылка кого-либо из флигель-адъютантов могла бы возродить подозрение в таком человеке, который действует в хорошем смысле и по уму своему может, наверно, проникнуть [во] всякий предлог, и по известному че-

Сказание о генерале Ермолове

столюбию его могла бы возродить в нём дурные мысли».

Николай I с тревогой ожидал известий о том, как пройдёт присяга на верность ему в корпусе Ермолова. У декабристов была надежда на то, что Ермолов со своим корпусом «пойдёт на Петербург», и они были разочарованы, когда их надежды не оправдались. В то время ходили упорные слухи о том, что корпус Ермолова откажется от присяги Николаю I и двинется на Петербург. А.И.Кошелев в своих воспоминаниях говорит о широко распространявшихся тогда в Москве слухах: «Ермолов не присягает и со своими войсками идёт с Кавказа на Москву». Эти слухи зафиксировала и тайная агентура: «Все питаются надеждой, что Ермолов с корпусом не примет присяги».

22 декабря 1825 г. доносчик на декабристов А.И.Майборода среди прочих показаний следствию упомянул о существовании Кавказского общества, о котором он «слышал от Пестеля». Пестель сначала отрицал показание Майбороды, но доставленный 4 января 1826 г. в Петербург сообщил Следственному комитету, что он слышал о существовании этого общества и о причастности к нему Ермолова от С.Г.Волконского и А.И.Якубовича. Начались интенсивные допросы всех декабристов, которые что-либо знали или слышали о Кавказском тайном обществе, особенно Волконского и Якубовича. Наиболее подробные показания следствие получило от С.Г.Волконского, который в бытность свою в 1824 г. на Кавказе встречался неоднократно с А.И.Якубовичем, и тот рассказал ему о Кавказском тайном обществе, его структуре, не назвав, впрочем, ни одного из членов. Допрошенный Якубович категорически отрицал существование Кавказского общества и свёл всё дело к тому, что он якобы «в хмельном угаре» решил «похвастаться» перед Волконским, рассказав ему «небылицы» об этом обществе. Кавказское общество было признано следствием «мнимым» (т.е. не существовавшим).

«Генерал Алексей Петрович Ермолов так объяснял разницу между беременной женщиной и жандармом:

– Женщина в интересном положении может и не доносить, а жандарм донесёт обязательно».

Русский литературный анекдот XVIII - начала XIX веков

«По окончании Крымской кампании, князь Меншиков, проезжая через Москву, посетил А.П.Ермолова и, поздоровавшись с ним, сказал:

- Давно мы с вами не видались!.. С тех пор много воды утекло!

- Да, князь! Правда, что много воды утекло! Даже Дунай уплыл от нас! – отвечал Ермолов».

Русский литературный анекдот XVIII - начала XIX веков

М.В.Нечкина, проанализировав все данные по этому вопросу, пришла к следующему выводу: «Николай I счёл опасным вести следствие о Ермолове в обычном порядке и повёл дознание особым, секретным путём. У него в руках было более чем достаточно данных для ареста и допроса Ермолова. Но Ермолов был слишком крупной военной и политической фигурой... Николай I разработал в дальнейшем план дискредитации Ермолова по военной линии, снятия его с постов и отставки».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«ВсовершенноновомсветепредстаётА.П.ЕрмоловвработеН.Я.Эйдельмана «Быть может, за хребтом Кавказа», изданной в 1990 году. <...> Ценность этой работы в том, что Н.Я.Эйдельман впервые используя неопубликованные ранее материалы доказывает, что А.П.Ермолов знал о декабристском движении, но участником его вряд ли был. В письме к А.А.Закревскому А.П.Ермолов пишет: «Мысль о свободе крестьян, смею сказать, невпопад. Если она и по моде, то сообразить нужно, приличествуют ли обстоятельства и время <...>» и далее «<...> мне не нравится и самый способ «секретного общества» ибо я имею глупость не верить, чтобы дела добрые требовали тайны».

Далее автор приводит слова декабриста Цебрикова: «<...> Ермолов мог предупредить арестование стольких лиц <...> мог бы дать России конституцию, взять с Кавказа дивизию пехоты, два батальона артиллерии и две тысячи казаков, пойти прямо на Петербург <...>, но Ермолов имея настольную книгу Тацита и Комментариев на Цезаря, ничего в них не вычитал, был всегда интриганом и никогда не был патриотом».

Ю.В.Садов, «Военная и государственная деятельность генерала А.П.Ермолова»

«Императора Николай I после восшествия своего на престол обратил особое внимание на персидские дела. Под влиянием Нессельроде он считал необходимым поддерживать с Персией мир, пока она сама явно не нарушит Гюлистанский договор, и даже соглашался на уступки южной части талышинского ханства. Но Ермолов на основании опыта высказал, что малейшая уступка повлечёт за собой новые притязания персов. Таким образом, Ермолов стал в прямое противоречие с намерениями и взглядами высшего правительства. Положение его становилось крайне затруднительным. Посылка генерала-адъютанта князя Меншикова в Тегеран с объявлением о восшествии на престол императора Николая I и с поручением укрепить дружественные отношения с Персией, обнаруживали недоверие государя к Ермолову. Нужно думать, что в Персию проникли слухи о пошатнувшемся положении Ермоло-

Сказание о генерале Ермолове

ва, так как со стороны персов в начале 1826 г. следует ряд прямо вызывающих действий. Присутствие в Персии доверенного от государя лица препятствовало Ермолову делать какие-либо приготовления к войне. Между тем персы усиленно готовились к ней, и не успел ещё Меншиков выехать из Персии, как обнаружались враждебные действия. Сам Меншиков был задержан эриванским ханом и только благодаря вмешательству английского посла освобождён.

19 июля боевые действия начались на границе Карабага без объявления войны. Малочисленные и разбросанные русские посты, застигнутые враг-сплох, были вынуждены отступить».

**М.И.Шишкевич, «Покорение Кавказа.
Персидские и кавказские войны»**

«Ермолов писал нынешнему государю: «Я глубоко сожалею, что его величество в бозе почивающий государь последовал советам графа Нессельрода. Война, внезапно начатая, не может нанести мне бесчестия как частному человеку, но в качестве правителя края тяжело видеть репутацию свою, страдающую через неспособность министра иностранных дел».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

«В конце июля 1826 г. персидская армия под предводительством Аббас-мирзы вторглась в Карабаг, где в это время находились 3 батальона 42-го егерского полка с 6 орудиями и 420 казаками. Начальником этого отряда был полковник Реут, заслуженный кавказский ветеран. Когда Реут получил известие о вторжении 60-тысячной персидской армии с 30 орудиями в Карабаг, он решил отступить к Шуше. 25 июля вся 60-тысячная армия Аббаса-мирзы обложила Шушу. Построенная на высоких отвесных скалах, Шуша была доступна только со стороны Елисаветполя, да и этот единственный путь, поднимаясь в гору, был так извилист, крут и загромождён скалами, что достаточно было двух пушек и роты стрелков, чтобы остановить движение по ней значительного отряда. Несмотря на жалкое состояние верков крепости, взять её открытой силой не представлялось возможным. Но, к сожалению, в крепости не было запасов. Отступив же из Чинахчи, егеря имели с собой только 8-дневный запас продовольствия. Аббас-мирза торопился в Тифлис, и Шуша ему была не нужна, но он боялся оставить её у себя в тылу, и потому, обложив крепость со всех сторон, он вступил с Реутом в переговоры о добровольной сдаче с правом вывода гарнизона с оружием в руках.

Не только сам Реут, но и его сподвижники Миклашевский, Лузанов, Михайлов, Клюки фон Клюгенау и Чилиев, несмотря на недостаток запасов в крепости, единодушно отвергли предложение и решили защищаться до последней крайности. 30 июля началось бамбардирование крепости. Несмотря, однако, на тяжёлые лишения, гарнизон Шуши продержался до 5 сентября, приковав к себе почти всю армию Аббаса-мирзы в течение 40 дней и тем дал возможность сосредоточить разбросанные русские войска».

М.И.Шишкович, «Покорение Кавказа. Персидские и кавказские войны»

«Ермолов думал разделить персидскую войну на три кампании; по его мнению, надлежало сохранить преимущественно войска, не подвергая их губительному действию знойного климата страны, где колодцы, наполненные вредными насекомыми, встречались лишь чрез каждые сорок вёрст. В первую кампанию надлежало, по его мнению, занять пространство до Аракса, выслав кавалерию и лошадей на высоты Ардебиля; потом следовало двинуться зимним путём на Тегеран, стараясь миновать возвышенности Султании, покрытые снегом; в третий период войска должны были прибыть на высоты Ардебиля, где, выждав жары, возвратиться в Грузию. Персияне, невзирая на их многочисленность, будучи предводительствуемы неспособным Аббас-мирзою, могли оказать нам лишь ничтожное сопротивление. В Петербурге видели в этом лишь желание Ермолова властвовать неограниченно в течение трёх лет».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Вторжение огромной персидской армии в Карабаг отразилось на всех соседних с ним ханствах Закавказья. Первыми восстали елисаветпольские татары, и бывшая столица ганжинского ханства Елисаветполь была занята без всякого сопротивления, так как обычный её гарнизон был в 20 верстах в селе Зундабаде. Одновременно с занятием Елисаветполя вернулись в свои бывшие столицы изгнанные ханы в сопровождении персидских отрядов и с мешками английского золота. К сентябрю месяцу почти все провинции восточной части Закавказья подпали под власть Персии. Но поднять восстание в Дагестане персам не удалось, благодаря верности и энергичному противодействию Аслан-хана казикумыкского и шамхала тарковского.

Хотя в распоряжении Ермолова ко времени вторжения персов в Карабаг имелось 30 батальонов пехоты, 6 эскадронов драгун и 9 казачьих полков, то есть до 30 тысяч штыков и 5 тысяч сабель при 90 полевых орудиях, но вследствие разбросанности сил, вызывавшейся местными условиями, они не могли быть соединены в одну армию и противопоставлены персидскому наше-

ствию. Ермолов мог располагать только 30 ротами, стоявшими в Грузии, но и из них необходимо было оставить часть для охраны страны, потому он медлил с наступлением, сосредоточивая наличные силы на пути к Елисаветполю у Акстафы, под начальством Мадатова.

22 августа состоялось первое столкновение на реке Таусе с передовым персидским отрядом, бывшим под начальством царевича Александра. Персы были разбиты, и царевич ускакал в Эривань. Получив подкрепление и отправив больных и излишние тяжести в Тифлис, Мадатов с отрядом из 3 батальонов Донского казачьего полка, 12 орудий и конной грузинской милиции, 31 августа двинулся вперёд по направлению к Елисаветполю. Когда отряд 2 сентября достиг Дзигама, то были получены достоверные известия, что 10-тысячный персидский отряд под начальством принца Мамед-мирзы стоит под Шамхором. При отряде в качестве руководителя принца находился Амир-хан-сардарь, один из лучших военачальников Персии.

На рассвете 3 сентября русский отряд двинулся к Шамхору. Неприятель отошёл на правый берег реки Шамхорки. Образую сильно укрепленную линию на протяжении 2 вёрст, фронтом к реке, персы стояли дугой и могли сосредоточить губительный перекрёстный огонь на единственную дорогу, по которой должна была приближаться русская пехота. Разделив войска на 3 небольшие колонны с кавалерией по флангам, Мадатов выехал вперёд и приказал начать наступление.

Шамхорская битва длилась недолго и была несложна, она окончилась одним стремительным ударом в штыки. В пять раз сильнейший противник не выдержал натиска русских войск и побежал, потеряв до 2 тысяч человек одними убитыми.

Местность от Шамхора до Елисаветполя, на протяжении тридцати с лишком вёрст, была устлана неприятельскими трупами. Ужас неприятеля был так велик, что персы бежали за Елисаветполь. Русский же отряд быстро шёл вперёд по следам бежавшего врага и захватил на пути два брошенных лагеря.

Утром 4 сентября Мадатов занял Елисаветполь. Узнав об этом, Аббас-мирза бросил осаду Шуши и двинулся против Мадатова со всеми своими силами. Но сразиться с Аббас-мирзою не удалось, так как 10 сентября в Елисаветполь прибыл с кавалерией генерал-адъютант Паскевич и вступил в командование войсками».

М.И.Шишкевич, «Покорение Кавказа. Персидские и кавказские войны»

«Паскевич, вскоре после прибытия своего в Грузию и находясь ещё под начальством Ермолова, получил от государя письмо, в котором было, между прочим, сказано: «Помнишь, когда мы с тобой играли в военную игру; а теперь

я твой государь и ты – мой главнокомандующий». Это доказывает, что государь, отправляя Паскевича в Грузию, твёрдо положил в уме своём заменить им Ермолова, главная вина которого заключалась в медленности, с какою войска были приведены к присяге. Паскевич, который не мог простить Мадатову занятия Агари, очернил его в глазах государя. Мадатова, обвинённого в грабительстве, лишили владений, пожалованных ему Мехти-Кули-ханом карабахским по ходатайству Ермолова, имевшего в виду приучить кавказских владетелей жаловать землями храбрых русских генералов, на что император Александр изъявил своё соизволение».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«Однако первые военные неудачи русских войск послужили Николаю I благоприятным предлогом направить на Кавказ своего фаворита генерала И.Ф.Паскевича. Вскоре между Ермоловым и Паскевичем возник конфликт, для разрешения которого был послан И.И.Дибич. Он принял сторону Паскевича, вёл себя по отношению к Ермолову развязно и даже оскорбительно, чуть ли не устраивая ему пристрастные допросы. В своих донесениях царю Дибич писал, что «пагубный дух вольномыслия и либерализма разлит между войсками» корпуса Ермолова. Не остался без внимания и факт благосклонного приёма Ермоловым сосланных на Кавказ и разжалованных в рядовые декабристов, которые были даже «званы на некоторые офицерские обеды».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«К середине 20-х годов Отдельный Кавказский корпус сильно отличался от других соединений русской армии не только специфическими условиями службы и быта – демократизмом отношения офицерского состава к рядовым, относительными «свободами» и «вольностями» на штаб-квартирах, отсутствием муштры и палочной дисциплины. Личный состав корпуса выделялся высоким процентом «штрафованных» и «ссылных» за участие в крестьянских и солдатских волнениях. Так, в 1820 году туда направили солдат лейб-гвардии Семёновского полка, которые участвовали в волнениях, получивших название «Семёновской истории». Немалое число офицеров было переведено на Кавказ за политическую неблагонадёжность и нежелание примириться с аракчеевскими порядками в стране и в армии. До восстания на Сенатской площади на Кавказе проходили службу многие члены тайных обществ и их единомышленники. <...>

Примечательно, что при всей своей скрытности Ермолов откровенно поддерживает, как только представляется возможность, лиц «неблагонад-

ёжных» и революционно настроенных. И не только русских вольнодумцев. Так, он всячески опекал, выхлопотал офицерский чин и помогал польскому революционеру В.-А.Шелиге-Потоцкому, сосланному в 1822 году рядовым на Кавказ. В одном 44-м Нижегородском полку с Якубовичем служил с 1819 года в чине майора испанский революционер Дон-Хуан Ван-Гален (впоследствии известный генерал). Спасаясь от преследования инквизиции, он бежал в Англию, а затем без труда добился назначения в русскую армию на Кавказ.

Когда в 1820 году в Испании разразилась революция, Ван-Гален пожелал возвратиться на родину. В ответ на его прошение Александр I потребовал от Ермолова выслать Ван-Галена с фельдъегерем до австрийской границы и там передать его венским властям. Главнокомандующий, только что представивший Ван-Галена к награде за казикумыкский поход, где испанец был ранен, поступил по-своему. Вызвав к себе Ван-Галена и объявив царский приказ, он выдал ему для проезда за границу паспорт, снабдил собственноручно написанным удостоверением о его службе в Кавказском корпусе, отдал на дорогу все свои наличные деньги и вопреки воле Александра I отпустил без всякого сопровождения, лишь приказав в городе Дубно ожидать дальнейшего повеления царя. «Если благоугодно будет Вашему Императорскому Величеству, – сообщал он не без скрытого сарказма Александру I, – то и оттуда можно будет вывезти его с фельдъегерем и передать в Австрию». И далее: «Не ожидаю подвергнуться гневу Вашего Величества, но не менее должен был бы скорбеть, если бы иноземец, верно и с честью служивший, мог сказать, что за вину, в коей не изобличён, получил наказание от государя правосудного». <...>

Не менее показательно и отношение Ермолова к декабристам, которых переводили в Отдельный Кавказский корпус. В 1826 году туда были направлены за «неблагонадёжность» полковник Н.Н.Раевский-младший и капитан В.Д.Вольховский, по отношению к которым не было прямых улик. К середине года на Кавказ переводят рядовыми одиннадцать офицеров, первоначально отправленных в дальние оренбургские гарнизоны, и в их числе П.А.Бестужева, П.П.Коновницына, Е.С.Мусина-Пушкина, М.И.Пущина. Чуть позже в корпус было зачислено две тысячи восемьсот солдат, так или иначе участвовавших в декабрьском восстании.

Когда по приезде в Тифлис Пущин и Коновницын явились к командиру корпуса, то застали у него Раевского, старого приятеля Пущина. Не стесняясь присутствия начальства, Раевский бросился обнимать разжалованных в солдаты. Ермолов, вставая, сказал:

– Позвольте же и мне вас обнять и поздравить с благополучным возвращением из Сибири...

Он просил их сесть, предложил чаю, расспрашивал о пребывании в Сибири и обнадеживал, что Кавказ оставит у них хорошее воспоминание. Проржав разжалованных с час, он отпустил их с благословением на новое по-

прище. «Час этот, – вспоминал Пущин, – проведённый у Ермолова, поднял меня в собственных глазах моих, и, выходя от него, я уже с некоторой гордостью смотрел на свою солдатскую шинель...»

О.Н.Михайлов, «Генерал Ермолов»

«Ермолов, отправляя обвинённого с преданным ему фельдъегерем в Петербург, простёр свою заботливость о Грибоедове до того, что приказал фельдъегерю остановиться на некоторое время в Владикавказе, где надлежало захватить два чемодана, принадлежавшие автору «Горя от ума». Фельдъегерь получил строгое приказание дать Грибоедову возможность и время, разобрав заключавшиеся в них бумаги, уничтожить всё то, что могло послужить к его обвинению. Это приказание было в точности исполнено, и Грибоедов подвергся в Петербурге лишь непродолжительному заключению. Все подробности были мне сообщены Талызиным, Мищенко, самим фельдъегерем и некоторыми другими лицами.

Грибоедов, предупреждённый обо всём адъютантом Ермолова Талызиным, сжёг все бумаги подозрительного содержания. Спустя несколько часов послан был в его квартиру подполковник Мищенко для произведения обыска и арестования Грибоедова, но он, исполняя второе, нашёл лишь грудку золы, свидетельствующую о том, что Грибоедов принял все необходимые для своего спасения меры.

Ермолов простёр свою, можно сказать отеческую, заботливость о Грибоедове до того, что ходатайствовал о нём у военного министра Татищева. После непродолжительного содержания в Петербурге, в Главном штабе, Грибоедов был выпущен, награждён чином и вновь прислан на Кавказ. С этого времени в Грибоедове, которого мы до того времени любили как острого, благородного и талантливого товарища, совершилась неимоверная перемена. Заглушив в своём сердце чувство признательности к своему благодетелю Ермолову, он, казалось, дал в Петербурге обет содействовать правительству к отысканию средств для обвинения сего достойного мужа, навлекшего на себя ненависть нового государя. Не довольствуясь сочинением приказов и частных писем для Паскевича (в чём я имею самые неопровержимые доказательства), он слишком коротко сблизился с Ванькой-Каином, т.е. Каргановым, который сочинял самые подлые доносы на Ермолова. Паскевич, в глазах которого Грибоедов обнаруживал много столь недостойного усердия, ходатайствовал о нём у государя. Грустно было нам всем разочароваться насчёт этого даровитого писателя и отлично острого человека, который, вскоре после приезда Паскевича в Грузию, сказал мне и Шимановскому следующие слова: «Как вы хотите, чтоб этот дурак, которого я коротко знаю, торжествовал бы над одним из умнейших и благонамереннейших людей в России;

верье, что наш его проведёт, и Паскевич, приехавший ещё впопыхах, уедет отсюда со срамом». Вскоре после того он говорил многим из нас: «Паскевич несносный дурак, одарённый лишь хитростью, свойственной хохлам; он не имеет ни сведений, ни сочувствия ко всему прекрасному и возвышенному, но вследствие успехов, на которые он не имел никакого права рассчитывать, будучи обязан ими превосходным ермоловским войскам и искусным и отважным Вельяминову и Мадатову, он скоро лишится и малого рассудка своего». Но в то же самое время Грибоедов, терзаемый, по-видимому, бесом честолюбия, изошрял ум и способности свои для того, чтобы более и более заслужить расположение Паскевича, который был ему двоюродным братом по жене. Дружба его с презренным Ванькою-Каином, который убедил Паскевича, что Ермолов хочет отравить его, подавала повод к большим подозрениям. В справедливом внимании за все достохвальные труды, подъятые на пользу и славу Паскевича, Грибоедову было поручено доставить государю Туркманчайский договор. Проезжая чрез Москву, он сказал приятелю своему Степану Никитичу Бегичеву: «Я вечный злодей Ермолову» {Я это знаю от зятя моего Дмитрия Никитича Бегичева. (Прим. Д.В.Давыдова.)}. По ходатайству Паскевича Грибоедов был, согласно его желанию, назначен посланником в Тегеран, где он погиб жертвою своей неосторожности...»

**Д.В.Давыдов, «Из записок,
цензурой в России не пропущенных»**

«При всех своих достоинствах и боевой репутации, Паскевич по самому ходу обстоятельств стал в оппозицию распоряжениям Ермолова, отчасти вследствие предвзятости мнения о кавказских войсках и их генералах. К 11 сентября отряд Паскевича имел 7 батальонов пехоты, один драгунский и два казачьих полка, всего 8 тысяч штыков и сабель при 24 орудиях. 13 сентября к Елисаветполю подошёл со своей 40-тысячной армией Аббас-мирза. Около полудня персидские войска с распущенными знамёнами и барабанным боем начали подходить к русской позиции, но, развернув фронт, стали, ожидая нападения русских.

В боевом порядке друг против друга неподвижно стояли две враждебные армии. Ни та, ни другая не хотела начинать сражение. Паскевич, увидев перед собою тяжёлую массу надвигающейся персидской конницы, сарбазов и шахской гвардии, был смущён и хотел отступить, но Мадатов и Вельяминов убедили его принять сражение. Бой был упорный, и успех клонился на сторону персов, но удача и блестящая атака Нижегородского драгунского полка под командою генерала Шабельского повернула победу на нашу сторону. Бегство персов было так поспешно, что 17 сентября Аббас-мирза с остатками своей разбитой армии был уже за Араксом.

Елисаветпольским сражением закончился первый период Персидской войны в царствование Николая I. Это сражение выдвинуло на сцену нового деятеля – генерал-адъютанта Ивана Фёдоровича Паскевича.

С наступлением весны 1827 г. было решено военные действия вывести в пределы Персии. Но так как осторожные действия Ермолова не вполне соответствовали представлениям императора, то в Петербурге были составлены два проекта, которые и были сообщены Ермолову для общих соображений.

По первому проекту предполагалось, что с прибытием в Закавказье 20-й пехотной и 2-й уланской дивизий двинуть к Тавризу части, сосредоточенные в Карабаге, а главными силами действовать против Нахичевани, Маранда и Тавриза через эриванское ханство, оставив против крепостей наблюдательные отряды.

Вторым проектом намечалось движение главными силами прямо к Тавризу, а вспомогательным отрядом овладеть Эриванью.

Обоим этим проектам Ермолов противопоставил свой, которым он предполагал с большими силами идти на Эривань, обеспечивая при дальнейшем движении свои сообщения через эриванское ханство сильными постами.

Государь утвердил план Ермолова с условием, чтобы военные действия начались не позже 1 апреля 1827 г. При этом самим государем были распределены роли. Командование действующим корпусом было поручено Паскевичу под главным начальством Ермолова; авангардом этого корпуса был назначен генерал-адъютант Бенкендорф. Мадатов оставался начальником карабагского отряда, наконец, известному партизану 12 года, генерал-майору Давыдову, поручались действия с отдельными отрядами по усмотрению главнокомандующего.

По утверждении плана на Кавказ прибыл начальник главного штаба, генерал-адъютант Дибич, и вскоре между ним и Ермоловым возникли разногласия относительно хода кампании. Дибич стоял за более быстрое движение к Тавризу, Ермолов же считал необходимым прежде укрепить обладание эриванским ханством, чтобы не оставлять у себя в тылу непокорённую область. Эти несогласия ускорили удаление Ермолова с Кавказа и 29 марта 1827 г. Паскевич был назначен командиром отдельного Кавказского корпуса со всеми правами, властью и преимуществами главнокомандующего большой действующей армией».

**М.И.Шिशкевич, «Покорение Кавказа.
Персидские и кавказские войны»**

«Дибич сказал ему однажды следующее: «Государь весьма недоволен тем, что вы самовольно позволяете себе заключать многих штаб-офицеров в крепость на продолжительное время». Ермолов отвечал: «Я это делаю потому,

что желаю скорее подвергнуть виновных временному наказанию, чем такому, которое могло бы иметь для них неприятные и невыгодные последствия. Я ограничиваюсь временным заключением их в крепость, но не предаю уже их суду. Ни один из них за то на меня не пожалуется. Вам это трудно понять, потому что вы, рано отделившись от толпы, скоро возвысились; но мне, сроднившимся с толпой, несравненно более знакомы её нужды».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

А.П.Ермолов – П.Н.Ермолову

Я здоров. Здесь разнеслась молва, что в скором времени я буду удалён отсюда. Итак, может быть, мы увидимся. Не знаю, что делать мне с моими ребятишками, разве на некоторое время в Крым, где дают им пристанище <...>.

Прощай. Душевно любящий Ермолов.
13 января 1827. Тифлис.

«Малознакомый со страной, Паскевич стремился перенести войну в пределы Персии. Ермолов на правах формального главнокомандующего не признавал это возможным до прибытия новых сил, и Паскевич обвинил его в зависти. Обидев интригами наместника, он сумел скоро оскорбить и войска своим высокомерным отношением. Накануне Елисаветпольского сражения Паскевич учил их маршировке и перестроениям и, недовольный выправкой, говорил шамхорским победителям, что ему «стыдно показать их неприятелю». Воротившись в Тифлис, он занялся разводами и парадами, в которых боевые, закалённые в походах и сражениях кавказские солдаты были с петербургской точки зрения далеко не сильны.

После многолетних походов по горам Дагестана и лесам Чечни и Черкесии в Тифлис прибыл Ширванский полк – «десятый римский легион», как любовно называл его Ермолов по аналогии с войском Цезаря. Весёлые, бодрые, уверенные получить похвалу, проходили ширванцы мимо дома главнокомандующего, с балкона которого смотрел на них Паскевич. Вглядевшись в одежду солдат, из которых многие носили шаровары вместо панталон и были в лаптях или азиатских чувяках, Паскевич пришёл в такое негодование, что прогнал полк с глаз долой. Уже готовился грозный приказ по корпусу с объявлением строжайших взысканий полковому начальству, когда вмешался Ермолов. На правах главнокомандующего он отдал другой приказ, в котором горячо благодарил Ширванский полк за оказанные им в боях чудеса храбрости и за твёрдость в перенесении трудов и лишений, выпавших на его долю.

Паскевич не ограничился одними только военными вопросами, считал себя вправе вмешиваться в управление делами, всюду разыскивая злоупотребления и ошибки. Он ловил слухи и сплетни от самых подозрительных лиц, чернил Ермолова, его военную репутацию, намекал на его политическую неблагонадежность и порицал ермоловских помощников, в том числе Мадатова и Вельяминова, которым был обязан победой под Елисаветполем.

<...> Доносы Паскевича между тем становились всё пристрастнее и начали смущать даже Николая I. Понадобилось третье лицо, чтобы распутать создавшееся положение. Воля царя пала на начальника главного штаба Дибича. Он получил самые широкие полномочия, вплоть до увольнения Ермолова. О приезде Дибича на Кавказ официально поставлен в известность был один Паскевич; наместник узнал об этом стороной».

О.Н.Михайлов, «Генерал Ермолов»

А.П.Ермолов – Николаю I

Ваше Императорское Величество!

Не имев счастья заслужить доверенность Вашего Императорского Величества, должен я чувствовать, сколько может беспокоить Ваше Величество мысль, что при теперешних обстоятельствах дела здешнего края поручены человеку, не имеющему ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли. Сей недостаток доверенности Вашего Императорского Величества поставляет и меня в положение чрезвычайно затруднительное. Не могу я иметь нужной в военных делах решимости, хотя бы природа и не совсем отказала в оной. Деятельность моя охлаждается той мыслью, что не буду я уметь исполнить волю Вашу, Всемилостивейший Государь.

В сём положении, не видя возможности быть полезным для службы, не смею, однако же, просить об увольнении меня от командования Кавказским корпусом, ибо в теперешних обстоятельствах может это быть приписано желанию уклониться от трудностей войны, которых я совсем не почитаю непреодолимыми; но, устраняя все виды личных выгод, всеподданнейше осмеливаюсь представить Вашему Величеству меру сию, как согласную с пользою общею, которая всегда была главною целью всех моих действий.

Вашего Императорского Величества Верноподданный
Алексей Ермолов.

3-го марта 1827 года г. Тифлис.

«Судьба Ермолова была решена. 27 марта 1827 г. он был освобождён от всех должностей. Уведомляя Ермолова об отставке, Николай I писал ему: «По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там

находящимся, особого Главного начальника, повелеваю Вам возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях впредь до моего повеления». Вместе с Ермоловым были уволены в отставку и его сподвижники («ермоловцы»), признанные «вредными».

Ни для кого не были тайной истинные причины смещения Ермолова – подозрения царя в причастности Ермолова к заговору декабристов. «По наговорам, по подозрению в принятии участия в замыслах тайного общества сменили Ермолова», – писал декабрист А.Е.Розен. Тайная агентура доносила, что «войско жалеет Ермолова», «люди (т.е. солдаты) горюют» в связи с его отставкой. Преданность ему солдат и офицеров были столь велики, что Николай I всерьёз опасался возможных волнений в Кавказском корпусе. Отставка Ермолова вызвала большой резонанс в передовых общественных кругах. В архиве III отделения сохранилась сводка сведений под названием «Общие рассуждения о Ермолове, собранные из различных сторон». Здесь говорится о «сильнейшем впечатлении», которое произвело на русскую общественность «падение» Ермолова, о «негодовании на правительство» различных лиц в связи с этой отставкой, об «участии» к Ермолову. И впоследствии III отделение продолжало собирать секретные сведения о поведении опального генерала, а также и о лицах, его посещавших».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«В 1827 г. вместо Ермолова главноуправляющим был назначен генерал-адъютант И.Ф.Паскевич. Ермолов обвинялся во многих злоупотреблениях, одним из поводов для этого послужило дело «О смертных казнях в мусульманских провинциях», в нём генерал и его сподвижники изобличались в неоправданных казнях и расправах с горцами. В вину Ермолову ставили и непродуманность политики по отношению к ханам, бекам и агаларям, поставившей под сомнение права собственности мусульманской знати, запрещение паломничества в Мекку, подавление любого сопротивления, объявление блокад и другие проявления жестокости. Часто после попыток открытого или скрытого сопротивления ханы покидали свои родовые земли и искали защиту у Персии, «деспотизм которой заставил раньше тех же ханов подчиниться русскому правительству» Новая администрация попыталась всю ответственность «за бедственное» состояние края возложить на предшественника, но это удалось ей лишь отчасти. Паскевич вынужден был признать, что войны с Персией и Турцией подорвали экономику края, который в течение 4-х лет служил плацдармом для русской армии. Войска опустошили продовольственные запасы местных жителей, вытоптали посевы и сады, реквизировали фураж и скот. Военные действия и страшная эпидемия чумы довели местную промышленность до крайне тяжёлого состояния, фактически уничтожив эти виды деятельности. На основании приведённых фактов, гр.

Паскевич-Эриванский в рапорте Николаю I от 4 июля 1830 г. просил для Грузии и других закавказских провинций особых «милостей и уступок», которые впрочем, их так и не дождались».

Г.Г.Лисицына, «Административная деятельность генерала А.П.Ермолова на Кавказе»

«Фельдмаршал Паскевич оказал России и в особенности Кавказу неоценимую заслугу присоединением к нему некоторых провинций, но на выгоднейшую границу со стороны Персии указал Ермолов, который, будучи изгнан из службы, был поражён грубыми ошибками, коими был наполнен присланный из С.-Петербурга план с обозначением границы, какую надлежало требовать при заключении мира. Наше самонадеянное правительство, весьма мало понимающее нужды края, но никогда не почитающее необходимым прибегать к советам людей, известных по своей опытности и глубокому знанию дела, решилось само начертать новую границу: она должна была проходить в двадцати верстах от Тавриза чрез Хойское ханство, где палящий жар вынуждает природных жителей откочёвывать летом в горы; один из пунктов, который надлежало укрепить и занять нашими войсками, находился на расстоянии половинного перехода от Тавриза к Тегерану. Занимая его, мы могли весьма легко пресечь сообщение между Тавризом, резиденциею наследника престола, и Тегераном, что вынуждало бы нас содержать огромную армию на Кавказе и потребовало бы значительных издержек. Правительство наше вовсе упустило из виду местечко Кульп, где добывается в большом количестве каменная соль и куда, до начатия последней войны, с разрешения шаха приходил ежегодно из Грузии караван под предводительством грузинского князя. Хотя Ермолов был изгнан из Грузии самым позорным образом и проживал в орловской деревне под присмотром земской полиции и наблюдением местных воинских властей, но он слишком пламенно любил своё отечество и край, коим он так славно управлял в течение десяти лет, чтобы не указать на ошибки правительства, которое, по его мнению, не могло заключить прочного мира на вышеизложенных условиях. Он говорил, что самые войска, расположенные на границах, коих правительство хотело требовать, подвергнутся губительному действию климата; он находил притом необходимым требовать уступки Кульпа. Правительство, оценив эти мудрые возражения, воспользовалось ими, но оно сочло излишним выразить Ермолову малейшую за то признательность. Границы наши со стороны Персии весьма хороши, но нельзя того же сказать относительно новой границы Кавказа со стороны Азиатской Турции».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«После отставки Ермолов до начала мая 1827 г. находился в Тифлисе, приводя в порядок свои дела, затем в простой кибитке выехал на жительство к своему престарелому отцу в его орловское имение Лукьянчиково. Здесь он занялся хозяйством, много времени проводил за чтением книг, изредка наезжал в Орёл. Однажды он посетил Орловское дворянское собрание, что явилось событием для этого провинциального города. Ермолов принял за правило не принимать у себя только городских чиновников, «а всякому другому доступ свободен».

В августе 1827 г. Ермолова посетил его ближайший родственник и большой друг Денис Давыдов. В 1829 г. А.С.Пушкин по пути на Кавказ специально сделал крюк в 200 вёрст, чтобы заехать в село Лукьянчиково к Ермолову, который принял его «с обыкновенною любезностию». Позже, также по пути на Кавказ, у Ермолова бывал М.Ю.Лермонтов».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«Д.В.Давыдов, приехавший в августе 1827 года в Лукьянчиково, писал Закревскому: «...Я был у брата Алексея; он не грустен, но сердит и как будто выбитый с винта, на коем он вертелся – тридцать восемь лет славной службы!»

**В.П.Матвеев, Е.Н.Годлевская,
«Алексей Ермолов. Денис Давыдов»**

«15 июня 1827 года Алексей Петрович приехал в губернский Орёл, а затем направился в село Лукьянчиково. Неделью спустя он уведомлял генерала Романа Ивановича Ховена: «15-го числа прибыл в деревню отца моего. Старика моего нашёл я здоровым, но уже весьма слабым. Кончина брата (очевидно, старшего единокровного брата Алексея Петровича – Александра Каховского) стоила ему больших огорчений, к тому же не утешает его и моё положение. Всё сие нелегко переносить человеку за 80 лет! Старик замышляет удалиться от света и жить в уединении; собирается говорить о сём со мною.

Скажу вам о себе: я здоров, собираюсь заниматься хозяйством, о котором пресмешные имею понятия, но не так велико состояние и не весьма много-сложно управление, чтобы, наконец, и я не сделался экономом... Соседей у меня мало и ещё менее порядочных; те, коих знал я в ребячестве моём, по естественному порядку перемёрли... Больших знакомств я делать не намерен...».

О своём отце и новых обстоятельствах в опальной жизни рассказал Ермолов в письме, адресованном генерал-майору Петру Андреевичу Кикину, с которым он был вместе накануне Бородинского сражения и который учредил в столице Общество поощрения художников. «Я здоров, – сообщал он, – живу со стариком моим в деревне, нашёл его уже слабым; но, сколько могу,

служу его утешением. Привыкаю к новому состоянию моему... Люди с состоянием живут в столицах; с умеренным – прячутся по деревням, удерживаемые падшими доходами, и наш город Орёл кажется взятым штурмом ябедниками и подъячими.

Невзирая на всё сие, я строю каменный двухэтажный дом в городе. Не пугайся, он в фасаде имеет до 6-ти сажень и будет вмещать в себе три небольшие для меня комнаты и три, в коих расположится не весьма многочисленная моя библиотека. У меня есть изрядные книги, которые вместе с тобою приобретали мы в заграничных наших прогулках...»

Как хорошо, что, оказавшись в Орле, Алексей Петрович продолжил переписку со своими старинными друзьями и приятелями. Сейчас эти письма едва ли не единственный источник, живо иллюстрирующий орловский период жизни великого полководца. 20 сентября 1827 года он сообщал Роману Ховену: «Привыкаю я к новой жизни моей, и она не без приятностей в деревне, пока хорошая погода, но приближается скучная осень и зима бесконечная...

Мнения на мой счёт различны, и не все казнят меня! Старик мой строит себе маленький домик близ церкви и жилища архиерея (епископа Орловского и Севского Гавриила), с которым он дружен, и там намерен кончить дни свои. Ему наскучили заботы хозяйства и дразги домашние...»

Можно предположить, что при выборе места для постройки дома с мезонином Пётр Алексеевич учитывал и его близость от Тюремного замка, куда являлся на еженедельные заседания, будучи вице-президентом губернского тюремного комитета.

В октябре того же года его сын обратился из Орла с письмом к супруге Кикина Марии Ардалионовне: «Сестра Анна Петровна доставила мне письмо ваше и, невзирая на насмешки ваши, что я просил вас о милостивом к ней расположении, мне не менее приятно благодарить за то, что вы ей оное оказывать изволили. Она без слёз не говорит мне о вас... Теперь, будучи свободным, близко к отцу моему, конечно, не упущу я ни одного случая, чтобы обратиться к ней нежность. Уверен, что не нужно к тому никаких усилий, судя по удовольствию, с которым встретил он сестру...»

6 мая 1828 года епископ Орловский и Севский Гавриил, с которым, по словам сына, был дружен Пётр Алексеевич, освятил новую церковь Святой Живоначальной Троицы, построенную на Троицком кладбище Орла. Холодный однопрестольный каменный храм был покрыт железом, покрашенным зелёной краской, обнесён с четырёх сторон колоннами, стены внутри и снаружи были оштукатурены. На торжествах, скорее всего, присутствовал Пётр Алексеевич (может быть, и его сын). Уж не тогда ли у Ермолова-старшего зародилась мысль быть погребённым у стены, освящённой другом церкви?

В декабре того же года Алексей Петрович писал «любезной сестре Анне Петровне» из деревни о том, что поручил двоюродному брату Петру Ермо-

Сказание о генерале Ермолове

лову доставить ей тысячу рублей, которые просит дружески принять. Что касается решения отца по поводу приданого дочери, вышедшей замуж против его воли, то Алексей Петрович уточнил: «Доселе, как и прежде, не имею я не только власти чем-либо распорядиться, но совершенно не знаю домашних дел батюшки, ни долгов его, ни средств уплаты оных. Недавно был он в таком положении, что страшились удара, и я, подъехавши к нему из деревни поспешным образом, не думал уже застать его... Я не умею угадывать намерений старика... Прощай, желаю тебе здоровья и спокойствия. Верный брат А.Ермолов».

В марте 1830 года он писал из Лукьянчикова Роману Ховену: «Я всю зиму живу в деревне и в городе бываю только, чтобы посетить старика моего, которого в лета его (84 года) можно назвать молодцом. Удивительная свежая память, не менее удивительная способность рассуждать...» Роман Иванович принял приглашение Ермолова и в начале 1831 года гостил в его деревне около двух месяцев».

**Владимир Власов, «Отец полководца»
(«Орловский вестник»)**

«Постепенно привыкая к жизни, которая замыкала Ермолова на себя самого, он «находит» себя в детях: «...Привык быть один и даже не скучать... В жизни моей, однако же, последовала некоторая перемена. Отпустив иностранца, дядьку детей моих, я сам был их учителем. Вообрази меня в сей должности, ты, конечно, смеяться будешь, но чего случиться не может! Вместе... вспоминаем мы о Грузии, но весьма редко имеем известия. Читаем прилежно множество книг, и время проходит неприметно». Его зачастую выручает ирония к самому себе и к той ситуации, в которую он попал. Так, будучи уволенным со службы, он вынужден надеть светское платье и обнаруживает, что в нём он совершенно «не Ермолов»: «Чудесно счастливая мысль прислать сукна на сюртук, ибо не только я буду иметь вид щёгольской, но избавлюсь от насмешек, которые, конечно, вызвал бы я собственным вкусом. Я уже готов был выбрать какой-то аптекарский цвет и появился в свете в этой микстуре. Уже в тяжких спорах были мы с Анной Петровной (с сестрой), а как мне, теперь отставному, повелевать некем, то находим удовольствие, по крайней мере, её не слушать. Но в то время как я исполнен благодарности за сукно, напуган рисунком, по которому я должен быть одет. Огромная фигура моя не может иметь стройной талии, которая требуется. Я бы решился, несмотря на 50 лет, прибегнуть даже к корсету, но и в сём случае не думаю, чтоб из меня что-нибудь вышло».

**В.П.Матвеев, Е.Н.Годлевская,
«Алексей Ермолов. Денис Давыдов»**

«<...> при всём кажущемся любвеобильным нраве великого генерала он практически всю жизнь был одиноким и холостым.

Его любили сослуживцы, родственники и многие знакомые и мало-, а то и вовсе незнакомые люди. Но не было рядом спутницы – любимой женщины, не было в общепринятом значении семьи».

«...Теперь надобно искать семейственного счастья. Не подумай, друг любезный, чтобы имел я глупость, в мои лета, помышлять о женитьбе, нет, я разумею приобрести дружбу родных, между которыми провести старость с меньшею скукою...»

В 1827 году А.П.Ермолов выехал из Тифлиса <...>. Налегке. Всё богатство с ним: четыре сына и денщик.

«УА.Ф.Реброва оставляю я моих ребятишек, которые по прошествии жаров отправятся в Орёл, а между тем испрошу я позволения батюшки представить их к нему.

Виктора, отправленного прежде, я приостановил, и он поедет вместе с прочими.

16 мая 1827. Екатериноград».

«Старца своего нашёл я здоровым, но кажется мне более слабым; зрение же заметно упадает. Дети также здоровы, смиренны до чрезмерности и потому боюсь, чтобы не были мешки и глупы. Виктор учится прилежно, и потому ги gnard¹ нужен – присылай поскорей его!»

«Скудной капитал мой сберегаю я для детей, покоряя себя самой строгой умеренности. Они без всяких прав на наследие, без покровительства и довольно несчастливы происхождением, чтобы ещё прибавить к тому и самую бедность.

23 февраля 1830 из деревни».

«Любезный брат Пётр Николаевич... Я прошу тебя убедительнейшим образом сыскать и прислать ко мне швейцарца, не молодого человека. Для моих ребятишек, ибо прежний мой дурак отправился в объятия к дражайшей половине, не соглашаясь верить, что она и без него находит удовольствие производить детей. Не можешь представить, до какой степени был он глуп и лжец. К тому же и с претензиями...»

¹ возможно, судя по смыслу, gouverneur – гувернёр (фр.)

Сказание о генерале Ермолове

«Я предпочтительно желаю швейцарца, ибо между ими обыкновеннее люди лучшей нравственности. Именно надобен мне не учитель, а дядька. Это особенное обстоятельство и не даёт права на большие прихоти. Знаю, сколько затруднительно подобное поручение, но скажи, любезный брат, кто лучше тебя захочет для меня это сделать.

Прощай.

*Верный брат Ермолов.
27 августа 1830. Орёл».*

«...Дети мои едут в город говеть. В субботу в вечеру прикажи их взять по-видаться с твоими ребятами, о чём они просят неотступно...»

«...Сделай дружбу, поговори с Степаном Алексеевичем о моём Викторе и вместе с ним, любезный брат, пристройте его в хороший пансион. Я думаю сделать сие в наступающее лето, и Роман Иванович имеет полное на сей предмет наставление. Не откажи в сём случае твоего старания. Степану Алексеевичу прилагаю у сего записку, поговори с ним обстоятельно».

«...Не понимаю, однакоже, что ты говоришь об Александринском институте и как поместить туда Виктора формально. Этого и кн. С.М. не думаю, чтобы в состоянии был сделать, невзирая на кредит свой, если бы даже и полагались при институте пансионеры, но таковых и не положено. Впрочем, я не менее благодарен за мысль твою, которая доказывает, что ты желаешь испытать все средства в пользу юношей, не имеющих покровительства. Досадно мне чрезвычайно, что их записали Ермоловыми (странная мысль Сумарокова), ибо со временем может сие заставить обратить на них внимание и весьма легко сделать им вред. Много у меня друзей, на сие готовых...»

«...Наскучила мне ужасно здешняя жизнь и хочется непременно перебраться в Подмосквную... Дети также переедут летом, и до того мне не нужен иностранец дядька, почему есть довольно времени приискать хорошего. Теперь лучше всякого учителя занимается ими Роман Иванович, и я люблюсь успехами. Но, однакоже, любезный брат, не надобно выпускать из виду дядьки, который необходим будет для меньших, ибо двух старших тотчас по приезду я пристрою к месту или в пансион, или к профессору. Ты живёшь в Москве, между делом собери сведения как лучше это сделать?»

...У меня давно очень болен Пётр и едва ли мне остаётся надежда сохранить его. Надобно также готовиться потерять лучшее.

Прощай, сестре Анне Григорьевне моё почтение, целую твоих ребятшек, будь благополучен.

*Душевно любящий Ермолов.
11 февраля 1831 из деревни».*

«Любезный брат Пётр Ник.

Получил письмо твоё и обязан благодарить тебя за многое. Исполнивши скучные мои препоручения, ты успел даже собрать сведения о способе пристроить Виктора, но, как и сам ты говоришь, надобно узнать о том достовернее. Не та голова Виктора, чтобы из него вышел гелленист¹ или латинист!

23 марта 1831».

«...Вы положили заняться помещением Виктора в пансион. Благодарю тебя, любезный брат, за попечение о сём и знаю, что бесполезно напоминать, чтобы не спешил ты и более употребил внимания на выбор места.

9 февр. 1832».

«Тебе, по состоянию Анны Григорьевны, невозможно заняться сими хлопотами, хотя есть у тебя люди, которые бы истолковали, можно ли сделать их купцами.

(Из писем к брату П.Н.Ермолову)»

Свидетельство

1834 года ноября 16 дня я, нижеподписавшийся, дал сиё свидетельство находящимся у меня на воспитании детям: Виктору, Клавдию, Севериану и Петру, имеющим ныне от рождения 1-й тринадцать, 2-й двенадцать, 3-й одиннадцать и четвёртый десять лет в том, что они, рождённые братья из мусульман, принявшие веру грекороссийского исповедания, действительно мною воспитаны и быв свободного состояния, могут избрать себе приличное звание и именоваться моею фамилиею, – в удостоверение сего собственноручно подписуюсь за приложением герба моего печати.

Генерал от инфантерии и кавалер Алексей Петрович Ермолов.

Также засвидетельствовали
генерал-лейтенант Д.В.Давыдов,
генерал-майор Ал-ндр Ив.Базилевич
и генерал-майор П.Н.Ермолов».

«Значущиеся в сём воспитанники господина Ермолова Виктор и Клавдий по определению Московской казённой палаты причислены на 1835 год в московское по 2-й гильдии купечество».

¹ Гелленист (греч. hellenistes, от Hellen – грек) – знаток греческого языка. То же, что эллинист. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А.Н., 1910.

Сказание о генерале Ермолове

В 1837 году Севериан Алексеевич, сын Ермолова, также причислен к московским купцам 2-й гильдии.

«Излишнее желание Сумарокова одолжить меня дало оборот делу совсем не такой как мне хотелось. Через А.Ф.Реброва я внушил ему, что при определении детей желал бы я, чтобы они показаны были вольноопределяющимися, но чтобы дано им было название Горских. А.Ф.Ребров говорил с ним о сём в подробности. Виктору желал я дать дорогу по учёной части, ибо нетрудно заметить, что он наклонностей военного чел. не имеет. Более всего не хотелось мне брать его из института, где по милости Владимира Никаноровича и по вниманию на него, конечно, получил бы он лучшее образование, нежели где бы то ни было и сделался бы годным чел...»

«Не можешь представить, как мне не хочется и жаль брата Виктора, я знаю, что в Артиллерийской школе сделают из него офицера, но в то же время сделают невежду, если только возможно, употреби усилия его вырвать. По летам его ещё время терпит, дождусь возвращения Сумарокова и с ним обо всём объяснюсь. Во всяк. случае я не прежде отправлю, как чрез год, а может быть и два года!..

Верный брат Ермолов».
о. Сергей (Разумцев), «Потомки Ермолова»

«Ермолов имел сначала намерение воспитать своих сыновей за границею, но вследствие вновь появившегося в 1834 году указа и настояния великого князя Михаила Павловича, он поместил их в артиллерийское училище».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«<...> Из Москвы поехал я на Калугу, Белёв и Орёл, и сделал таким образом 200 вёрст лишних; зато увидел Ермолова. Он живёт в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностию. С первого взгляда я не нашёл в нём ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же он задумывается и хмурит-

ся, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зелёном черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сносит своё бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о лёгкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. «Пускай нападёт он, – говорил Ермолов, – на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например на пашу, начальствовавшего в Шумле, – и Паскевич пропал». Я перedal Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличиться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился. «Можно было бы сберечь людей и издержки», – сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу. О записках кн. Курбского говорил он *con amore*. Немцам досталось. «Лет через пятьдесят, – сказал он, – подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительствованная такими-то немецкими генералами». Я пробыл у него часа два. Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Он извинялся комплиментами. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорит он, что от их чтения – скулы болят. О правительстве и политике не было ни слова».

А.С.Пушкин, «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»

«В 1831 г. Ермолов приехал в Москву, где в это время находился Николай I. Здесь состоялась аудиенция опального генерала с царём, который намекнул ему о своём желании снова видеть его на службе. После двухчасовой беседы Николай I вышел из кабинета под руку с Ермоловым. Все восприняли это как знак монаршей милости к Ермолову, пророчили ему «скорое возвышение», и, по свидетельству современника, «придворные паразиты посыпали к нему с визитами». Но ни о каком «возвышении» речь не шла. Военный министр А.И.Чернышёв предложил Ермолову занять «спокойную должность» в генерал-аудиториате (военном судебном ведомстве). Ермолов ответил: «Я не приму этой должности, которая возлагает на меня обязанности палача».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«Положение Ермолова изменилось к лучшему после вполне бытового эпизода, который мог вылиться в общественный скандал. Однажды, говорят,

Сказание о генерале Ермолове

графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, услышав о скудном содержании Ермолова, сказала у себя за столом, что почла бы за счастье, если бы Алексею Петровичу было угодно взять в своё распоряжение её подмосковное имение (оно стоило более миллиона). Слова эти были тут же доведены до Николая I – и отставному генералу от инфантерии тут же было назначено жалованье в 30 тысяч рублей ассигнациями в год. Эти-то деньги, сберегаемые скромною жизнью, и стали впоследствии основой его небольшого состояния».

В.П.Матвеев, Е.Н.Годлевская, «Алексей Ермолов. Денис Давыдов»

«Общественное мнение было расположено явно в пользу Ермолова. Любопытно, что судьбу его не обошли вниманием и русские баснописцы. Классик жанра И.А.Крылов сочинил басню «Булат» (1830), где в иносказательной форме порицает царя за отлучение от дел видного государственного мужа. Речь идёт здесь о «Булатной сабли остром клинке», который используется явно не по назначению: некий простолюдин

*«...стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома запросто лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубать
Или обтёсывать тычины к огороду.
Ну так, что не прошло и году,
Как мой Булат в зубцах и в ржавчине кругом».*

Завершается басня словами укоризны в адрес незадачливого хозяина, так и не сумевшего распознать достоинств и талантов верного Булата:

*«В руках бы воина врагам я был ужасен, –
Булат отвечает, – а здесь мой дар напрасен;
Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому:
Но разве я свободен?
Нет, стыдно то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен».*

В другой басне – «Конь» (не позднее 1835 г.), которая также приписывалась И.А.Крылову (ныне она атрибутируется малоизвестному пермскому поэту Степану Маслову), наш генерал уподобляется прекрасному скакуну,

*«Какого
И в табунах степных не редкость поискать».*

*Какая статъ!
И рост, и красота, и сила!
Так щедро всем его природа наградила...
Как он прекрасен был с наездником в боях!
Как смело в пропасть шёл и выносил в горах».*

И далее – прямой намёк на нового царя, не сумевшего, в отличие от своего почившего в бозе брата, оценить Ермолова по достоинству:

*«Но, с смертью седока, достался Конь другому
Наезднику – да на беду плохому.
Тот приказал его в конюшню свести
И там, на привязи, давать и пить, и есть».*

В заключение автор говорит о гордом, независимом нраве своего героя, чуждом раболепия и угодничества:

*«Есть Кони, уж от природы
Такой породы,
Скорей его убьёшь,
Чем запряжёшь!».*

Лев Бердников, «Остёр до дерзости...»

«Художник, и не плохой – из Петра Захарова получился. Случилось невозможное – из чеченца вышел Апеллес (1), как о том писал Пётр Николаевич Ермолов другу. Останься он «между крутых и тёмных скал», и мы б не узнали замечательного портретиста Захарова: ислам запрещает рисовать людей.

Сперва приёмный отец попробовал отдать десятилетнего Петрушу в Академию художеств в Петербурге, но получил вежливый отказ: ребёнок мал, наймите частного учителя. Его обнаружили по соседству: заурядный портретист Лев Волков обучил мальчика азам мастерства. Потом Захаров ещё навестит учителя и напишет портрет его дочери Глаши. Портрет выдаст влюблённость художника в модель, и, упасая от кавказца, девушку отправят... на Кавказ, к сестре, где выдадут замуж за француза.

Но это случится уже потом. После того, как упорный соискатель пробьётся таки в Академию художеств, хотя бы и «посторонним учеником»: инородцев и крепостных в Императорскую Академию не принимали. И крёстный отец, Алексей Петрович Ермолов ничем помочь не мог: с 1827 он был отставлен от дел и находился в опале. Но Общество поощрения художников заметило

¹ Апеллес (2-я пол. IV в. до н.э.) – живописец, придворный художник Александра Македонского.

«значительные успехи» и яркий талант и назначило Захарову стипендию.

Он не подведёт – за картину «Старуха, гадающая в карты» Захарова удостоили малой серебряной медали. А из самого первого заработка – целых семидесяти рублей за копию с картины Ван-Дейка! – часть он отослал приёмному отцу. А на другую – вроде бы съездил на родину.

<...> Документальных свидетельств – нет. Приходится верить легенде, а она гласит, что старшая сестра Захарова была в числе тех 140 пленённых жителей Дады-Юрта. Она выросла, собралась замуж и поставила жениху условие: отыскать потерянного брата. Горец условие выполнил, и брата в столице сыскал. Нашлось и доказательство, что это брат: в детстве сестра уронила малыша на острую косу, и на спине остался шрам. Шрам у Петра будто бы обнаружили. После той горской свадьбы, уверяет легенда, художник стал указывать на картинах: «Захаров из чеченцев».

В 1836 году Пётр Захаров-Чеченец получил аттестат и звание «неклассного» или свободного художника и право почётного потомственного гражданина. Для Захарова (из чеченцев) и его (так и не случившегося) потомства это означало свободу – от рекрутской службы, от телесных наказаний, в выборе поля деятельности.

В Италию для совершенствования мастерства художник так и не попал – рассказывают, что лично царь вычеркнул инородца из списка. А вольный итальянский воздух был бы куда как полезен Захарову – теплолюбивый сын Кавказа страдал в Петербурге «грудью». Вместо Италии он ездил в Парголово – на кумыс.

«Какой же у нас Петруша красавец и модник», – радовался приёмный отец, глядя на автопортрет Захарова. Истинный красавец и щёголь работал между тем, как бурлак, исполняя заказы и зарабатывая себе на хлеб.

Трудно поверить, но это так: именно он, красавец-щёголь исповедовался Михаилу Лермонтову, пока писал его парадный портрет. Бабушке Елизавете Арсеньевне страсть как захотелось запечатлеть новоиспечённого корнета, выпущенного в лейб-гвардии Гусарский полк из Школы гвардейских подпорщиков.

Портрет бабушка получила – лучший, как считается из четырнадцати лермонтовских портретов, написанных разными художниками.

**Александр Беленький,
Федеральный познавательный журнал «Горец»**

«Прибыв в Москву, Ермолов посетил во фраке дворянское собрание; приезд этого генерала, столь несправедливо и безрассудно удалённого со служебного поприща, произвёл необыкновенное впечатление на публику; многие дамы и кавалеры вскочили на стулья и столы, чтобы лучше рассмотреть

Ермолова, который остановился в смущении у входа в залу. Жандармские власти тотчас донесли в Петербург, будто Ермолов, остановившись насупротив портрета государя, грозно посмотрел на него!!!

Сестра его, Анна Петровна, вышла замуж за некоего А.А.Павлова, вполне замечательного по своему уму и вполне презренного по свойствам души. Хотя Ермолов на основании духовной отца своего обязан был выделить сестре своей лишь часть имения, но, имея намерение дать ей гораздо большую часть, он поручил одному из своих приятелей заняться разделом. Медленность, с которой этот раздел совершался, внушила Павлову мысль, воспользовавшись известным неблагоприятием государя к Ермолову, подать прошение его величеству с приложением нескольких писем Ермолова, писанных им когда-то в либеральном духе. Хотя последовал указ о принуждении Ермолова ускорить раздел, но он, в справедливом негодовании на презренный поступок своего зятя и сестры, объявил, что никакая сила не заставит его выделить часть, большую того, что было ей назначено покойным их родителем. Ермолов получил в наследство около двухсот восьмидесяти тысяч рублей бумажками.

В бытность государя в Москве осенью 1831 года Ермолов был приглашён во дворец, куда он поехал в отставном мундире; государь, принявший его необыкновенно радушно, вышел из кабинета в сопровождении Ермолова, что было принято многими за знак особенного к нему благоволения. Императрица, увидя его, не скрыла своего смущения, она сказала ему: «Je vous aurais reconnu l'instant même; tous vos portraits vous ressemblent». (Я бы сразу узнала вас, генерал; все ваши портреты так похожи на вас. – Ред. Фр.). Будучи позван к императорскому столу, он едва не навлек гнева государя принятием участия в некоторых польских генералах, которые, как он выразился, поступили как благородные граждане. Государя, начавшего неприлично возвышать голос и намекать на то, что эти любезные ему граждане будут сосланы в Сибирь, Ермолов успокоил лишь словами: «Никто их, конечно, не убедит, что милосердие государя никогда не обратится на них».

Государь, ожидавший, что Ермолов, обласканный им, вступит вновь на службу, был крайне недоволен тем, что он даже не намекнул ему о подобном желании. Граф Бенкендорф, посетив Ермолова, сказал ему по поручению государя следующее: «Его величеству весьма неприятно то, что вы, будучи столь милостиво приняты им, не изъявили до сего времени желания поступить па службу», на что Ермолов отвечал: «Государь властен приказать мне это, но никакая сила не заставит меня служить вместе с Паскевичем». Это было передано куда следует.

Граф А.Ф.Орлов, посетив Ермолова в то время, как он собирался в подмосковную, объявил ему о воле государя, дабы он вступил вновь в ряды войска. Он сказал ему, что государь даёт ему слово, что он его никогда не сведёт с

фельдмаршалом. Вынужденный написать в этом смысле письмо к государю, он сам отправился к Хрущёву, куда прибыл генерал Адлерберг с объявлением, что приказ о принятии его в службу состоялся. Таким образом, Ермолов, вполне обманутый государем, для которого предстояла возможность употребить с пользою его дарования, вновь надел мундир; это было со стороны Ермолова непростительною ошибкою, сильно потрясшею огромную популярность, какую он пользовался в армии, тем более, что государь, вовсе не сочувствовавший людям способным и бескорыстным, не имел, как оказалось, намерения воспользоваться его способностями и опытностью».

Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»

«По распоряжению Николая I Ермолов был введён в состав Государственного совета. Ермолов переехал в Петербург. В Государственном совете он сблизился с Н.С.Мордвиновым, которого ценил как «человека высоких сведений и замечательного ума». Ермолов также пользовался у Мордвинова большим авторитетом: престарелый адмирал искренне любил Ермолова. Служба Ермолова в Государственном совете продолжалась недолго. Он тяготился словопрениями, стал безучастно относиться к своим обязанностям, под разными предлогами уклоняться от заседаний».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«Заседая в Государственном совете, Ермолов, никогда не почитавший себя администратором, не принимал почти никакого участия в прениях. Он, однако, предложил отменить звание первоприсутствующих в департаментах Сената; в его понятиях первоприсутствующий имеет лишь в виду угождать министру юстиции, а для наблюдения за правильным ходом дел было, по его мнению, достаточно обер-прокурора.

Ермолова назначили членом комитета о преобразовании Оренбургского края, председателем которого был бездарный П.К.Эссен, и членом <комитета> о преобразовании карантинного устава, где он не мог оказать никакой пользы. Он отдал здесь полную справедливость отличным способностям графа Павла Сухтелена, столь рано умершего для Оренбургского края.

Хотя Ермолова не назначали присутствовать в комитетах о военных дорогах и о преобразовании конных полков, но многие обращались к нему за советами. Невзирая на то, что государь сказал ему: «Я хочу вас всех, стариков, собрать около себя и беречь, как старые знамёна», – это были лишь слова. Ермолов, видя себя совершенно бесполезным, сказал однажды государю: «Ваше величество, вероятно, потеряли из виду, что я лишь военный человек; все мои

назначения доселе убеждают меня в том, что я совершенно бесполезен и что все возлагаемые на меня поручения не соответствуют моим сведениям и, могу сказать, моей опытности». На это государь отвечал: «Ты, верно, слишком любишь отечество, чтобы желать войны; нам нужен мир для преобразований и улучшений, но в случае войны я употреблю тебя». – «Я верю, государь, – отвечал Ермолов, – слову рыцаря». – «Отчего не государя?» – сказал Николай.

После этих довольно милостивых слов последовало полное неблагоприятное к Ермолову, которому предложили место председателя в генерал-аудиториате; граф Чернышёв, предложивший ему это место от имени государя, сказал ему, что не он сам, а лишь его канцелярия будет подчинена военному министру. Ермолов отказался под следующим предлогом: «Единственным для меня утешением была привязанность войска; я не приму этой должности, которая бы возлагала на меня обязанности палача». Государь сказал на это: «Ермолов не так это понимает». Графиня Бенкендорф, посетив вскоре после того графиню Закревскую, сообщила ей о том, что государь поверил гнусным наветам на Ермолова своих окружающих, и сказала: «Ермолова съинтриговали».

Между тем Ермолов, возвратившись в Петербург, просил графа Бенкендорфа объяснить его величеству желание его быть уволенным от заседания в Государственном совете по той причине, что, быв лишь военным человеком и не успев приготовить себя к занятиям гражданским, он почитает себя неспособным исполнять обязанность высокой важности, к какой он призван милостью государя.

Граф Бенкендорф не решался будто бы доложить о том его величеству в течение двух недель; а между тем он его уверял, что он избирает лишь благоприятную минуту, тем более, что он знает, сколь будет неприятно его величеству уклонение от занимаемой должности Ермолова, который непременно навлечёт тем на себя гнев государя. «Его обезоружит чистосердечное моё признание», – говорил Ермолов, не перестававший настаивать на своей просьбе. Однажды граф Бенкендорф, не застав Ермолова дома, оставил нижеследующую записку: «*Mon tr s honor g n ral, sa majest m'a charg de vous dire, qu'elle d sire que vous lui criviez ce que je Lui ai dit les raisons qui vous engagent quitter le Conseil*» <Мой высокочтимый генерал, его величество поручил мне сказать вам, что он желает, чтобы вы изложили письменно причины, которые побуждают вас покинуть Совет и о которых я ему доложил. – Ред. Фр.>.

Письмо, вслед за тем здесь помещённое, возбудило гнев государя, приказавшего отдать в приказе, что генерал Ермолов увольняется от службы по собственному признанию в неспособности. Приказ этот должен был быть опубликован, но граф Бенкендорф успел отговорить государя, сказав, что никто тому не поверит <Граф Канкрин сказал по этому поводу Ермолову: «Государь не мог, батюшка, не обидеться тем, что вы писали, потому что известно, что у нас в Государственном совете сидят одни дураки». – Прим. Д.В.Д.>.

«Его императорскому величеству.

Генерал-адъютант граф Бенкендорф объявил мне высочайшую волю вашу, всемилостивейший государь, дабы я письменно изложил причины, заставляющие меня просить увольнения от заседания в Государственном совете. Исполняю волю сию с откровенностью солдата, гордящегося честью сорокалетнего служения государям и отечеству.

Я вполне постигаю, государь, сколь высоко звание члена Государственного совета, где могут обрести самую лестную награду лица, оказавшие важные заслуги отечеству. Исполнен я удивлением к неизречённому великодушию монарха,веряющего малому числу избранных рассмотрение важнейших административных дел, изменения в законах, предложение новых, не прежде освещаая их державною своею властью, как по выслушании их мнения.

Но, государь, всю жизнь свою провёл я на военном поприще, на котором не успел ознакомиться с занятиями, к которым я нынче призван. Они мне чужды и усиливают во мне лишь убеждение и горестную мысль, что я бесполезен, и потому я не могу оправдать ожиданий моего государя.

Как русский и как солдат, я не избегал трудов и не робел перед опасностями на службе государя; не останавливаясь ни минуты вступить вновь на службу, я устыжусь, однако, самого себя, если позволю себе желать остаться в настоящем положении, с коим неразлучно убеждение, что лета, опытность, усердие недостаточны, а необходимы сведения, коих у меня нет. Простите, государь, смелость, с которою я всеподданнейше повергаю просьбу мою о увольнении меня от присутствия в Государственном совете.

10 марта 1839»

Через несколько дней Ермолов получил от военного министра графа Чернышёва следующие две бумаги:

«Милостивый государь Алексей Петрович.

Государь император, прочитав всеподданнейшее письмо вашего высокопревосходительства от 10 числа сего месяца, поручил мне уведомить вас, милостивый государь, что его величество весьма сожалеет, что вы, несмотря на долголетнее управление вами Закавказского края и по гражданской части, не предполагаете ныне в себе способностей, потребных для исполнения обязанностей, к которым вы призваны высочайшею доверенностью, и что вследствие того, удовлетворяя желанию вашему, его величество увольняет вас в отпуск до излечения болезни.

Сообщив высочайшую сию волю председателю Государственного совета, честь имею и вас об оной, милостивый государь, уведомить.

14 марта 1839 № 1552».

Сказание о генерале Ермолове

«Милостивый государь Алексей Петрович.

Я доводил до высочайшего сведения о желании вашего высокопревосходительства воспользоваться зимним путём для выезда из С.-Петербурга и о просимом вами дозволении откланяться государю императору. Его величество поручить мне изволил уведомить вас, милостивый государь, что чрезвычайно увеличившиеся занятия препятствуют принять вас в скором времени, а потому, не желая вас задерживать, его величество разрешает отъезд ваш.

16 марта 1839 № 1574».

**Д.В.Давыдов, «Анекдоты о разных лицах,
преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове»**

Глава пятнадцатая

«Какая тишина после шумной жизни!..» (1840 – 1861 гг.)

«А.П.Ермолов – П.Х.Граббе

<...> Меньшой из сыновей моих, имеющий хорошие умственные способности, учится так лениво, что не сделает успехов, которые бы, в положенные для принятия в учебные заведения годы, дали ему возможность выдержать экзамен, для поступления во оныя установленный, почему хочу определить его в войско под твоим начальством. Ты сделаешь мне величайшее одолжение, и, конечно, благодеяние для него, если не откажешь мне принять его и поручить строгому из командиров. Вот мои условия, буде таковые позволительны, когда испрашивается милость. Ускорить производство его в унтер офицеры, но далее офицерский чин он не должен иначе заслужить как отличную храбростию и совершенною годностию. Јене два поп. Я желаю, чтобы он достал его не по благоволению к нему (то есть ко мне), но за труды, и это при недостатке других дарований, будет большим ему удовлетворением. Опасностей я за него не боюсь и самая смерть излишне не огорчит меня, ибо, вразумляя его, как и других братьев, я не мог внушить того прилежания к наукам, того стремления проложить себе путь трудами и усилиями и потому не почитаю его достойным равной с иным участи и со стороны моей равного о нём попечения. Теперь он учится в институте Лазаревых и там отзываются с похвалою насчёт его поведения и при всей лености у него будут мелочные познания, каковые между большей частью армейских офицеров не весьма обыкновенные.

Недавно писал я тебе о здешних студентах, добровольно отправившихся служить солдатами под твоим начальством. Не знаю, почему воспитанник

мой, не имеющий преимуществ породы, должен пользоваться большими на службе выгодами, особенно же когда они, несравненно большие оказали в науках успехи и могли сделаться людьми полезными.

Ожидаю твоего ответа.

Поздравляю с наступившим новым годом, желаю от души, чтобы он был для тебя столько же счастливым, как прошедший и столько же благожелательные были твои успехи. Продолжи мне прежнее твоё расположение, а я всегда одинаково почитаю тебя и уважаю.

Твой Ермолов
4 января 1840 Москва».

«Весной 1841 года, следуя на Кавказ, в ссылку, Лермонтов остановился в Москве. <...> Накануне отъезда Лермонтов передал для редакции журнала «Москвитянин» своё новое стихотворение «Спор» и просил напечатать его просто, без всяких примечаний от издателя, с подписью его имени.

В этом стихотворении поэт в аллегорической форме рассказывает о кавказской войне. Вопрос о том, с «Севером», то есть с Россией, или с «Востоком» придётся идти кавказским горцам по пути дальнейшего исторического развития, был для Лермонтова в 1841 году уже решённым вопросом. <...> Спор Казбека с Шат-горою завершается в стихотворении Лермонтова картиной победоносного движения русских войск, предводительствуемых генералом Ермоловым. Имя Ермолова в стихотворении не названо, но современники легко угадывали его по строчкам:

*И испытанный трудами
Бури боевой
Их ведёт, грозя очами,
Генерал седой.*

<...> совершенно не ясно, почему Лермонтов вспомнил о Ермолове в 1841 году? Ермолов был давно удалён с Кавказа и уже четырнадцать лет жил на покое в России. Почему Лермонтов не назвал его имени? Почему просил редакцию «Москвитянина» напечатать стихотворение просто, без примечаний, словно был уверен, что редакция непременно захочет сопроводить стихотворение какими-то пояснениями?

До сих пор исследователи не могли дать на эти вопросы никакого ответа. А между тем, связывая в 1841 году покорение Кавказа с именем генерала Ермолова, Лермонтов вкладывал в своё стихотворение острый политический смысл. Этот смысл стихотворение приобретало потому, что Ермолов находился в опале.

Сказание о генерале Ермолове

Ермолов – суворовский ученик, герой Бородина и Кульма, один из самых прославленных участников Отечественной войны 1812 года. После смерти сподвижников Суворова – Кутузова и Багратиона – он, несомненно, был в русской армии самой популярной фигурой.

Политическое вольномыслие Ермолова, его презрение к придворной клике и к столичной бюрократии послужили главной причиной его назначения на Кавказ. Правительство Александра I опасалось его популярности и стремилось удалить Ермолова из столицы.

В 1816–1827 годах, в пору пребывания Ермолова на Кавказе, русские войска добились наибольших успехов. Демократические порядки, которые он ввёл в армии, создали ему среди солдат и офицеров огромный авторитет. В «Герое нашего времени» Лермонтов подчеркнул, что старый кавказец Максим Максимыч с гордостью и уважением вспоминает опального Ермолова и называет его в разговорах по имени-отчеству.

«А вы давно здесь служите?»

«Да я уж здесь служил при Алексее Петровиче, – отвечал он приосанившись», – пишет Лермонтов в «Бэле». <...>

Направляясь в 1829 году на Кавказ, в ставку Паскевича, Пушкин сделал 200 вёрст лишних, чтобы повидать Ермолова, жившего в ту пору в Орле.

«В первый раз не знакомятся коротко, – писал Ермолов Денису Давыдову, – но какая власть высокого таланта! Я нашёл в себе чувство, кроме невольного уважения».

Интерес к личности Ермолова побудил Пушкина через шесть лет обратиться к нему с письмом, в котором он изъявлял желание написать историю его жизни и деятельности или быть издателем его записок. Ещё раньше Пушкин сообщал брату своему Льву Сергеевичу, что собирается заняться историей Грузии и историей ермоловских войн на Кавказе.

Со слов современников мы знаем, что и Лермонтов незадолго до смерти задумал книгу об истории кавказской войны, «с Тифлисом при Ермолове, с его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране».

Если вспомнить при этом, что в последний год своей жизни Лермонтов на Кавказе близко сошёлся с Львом Сергеевичем Пушкиным, мы почти с полной уверенностью можем сказать, что он знал от Льва Сергеевича об этом неосущест-

«Напрасно ожидал я, чтобы вышло, наконец, описание Ваших закавказских подвигов... Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе её утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если же Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть Вашим историком...»

А.С.Пушкин

влённом замысле Пушкина и что его собственный замысел написать о Ермолове представляет собой как бы «творческую эстафету», принятую от Пушкина. Но в самое последнее время обнаружены факты, которые проливают на историю этого замысла новый и яркий свет.

До сих пор почти никому не известно, что Лермонтов написал «Спор» после свидания с Ермоловым. Свидание это состоялось в Москве зимою 1841 года. Это явствует из чернового письма генерала Павла Христофоровича Граббе – командующего войсками на Кавказской линии и в Черноморье – к Алексею Петровичу Ермолову. Письмо это, помеченное 15 марта 1841 года, только недавно обнаружено лермонтоведом С.А.Андреевым-Кривичем в Центральном военно-историческом архиве в Москве.

«В письме Вашем от 17 февраля, – начинает и вычёркивает Граббе, – Кн. Христов доставил на прошлой неделе нашего выборного человека с письмом Вашим от 17 пр. м-ца. В этом письме Вы упоминаете о Г.Бибикове, о котором Вы за три дня перед тем (отправили) писали ко мне... в ожидании его я медлил ответом на последнее, не имея сведения, получены ли два письма мои к Вам, одно по почте, другое с г. Лермонтовым отправленное...»

Этот документ потребует ещё внимательного изучения, но и без того ясно, что неофициальные сношения Граббе с Ермоловым, в которых Лермонтов принимал хотя бы косвенное участие, представляют собой очень большой интерес. Тем более что, отсылая с письмом к Ермолову другого офицера, Граббе писал: «...он передаст вам изустно... подробнее, нежели позволило бы то письменное изложение». Очевидно, и Лермонтову было поручено что-то передать Ермолову на словах.

Итак, Лермонтов уезжал в Москву с рекомендацией Граббе, человека ермоловского круга и ермоловского образа мыслей.

<...> Граббе высоко ценил «ум и беседу Лермонтова» и старался покровительствовать ему, когда поэт вторично, сосланный на Кавказ, прибыл в его штаб-квартиру. Зимою 1840–1841 года Лермонтов в Ставрополе запросто бывал в его доме.

Первая встреча с Ермоловым произошла, очевидно, сразу же по прибытии Лермонтова в Москву, то есть в первых числах февраля 1841 года. О чём могли беседовать опальный поэт с опальным генералом? <...> Зная, что Лермонтов задумал писать о кавказской войне после свидания с Ермоловым и что кроме того он вынашивал ещё замысел и другого романа – из времён Отечественной войны, – можно предположить, что он расспрашивал Ермолова о Бородинском сражении, о взятии Парижа, об усмирении горцев, о Персидской войне; расспрашивал о Грибоедове... Все эти темы отразились в планах последних замыслов Лермонтова.

...Поэт находился уже в Петербурге, когда туда «в связи с бракосочетанием наследника» – будущего Александра II – прибыл Ермолов. Тотчас по приезде,

Сказание о генерале Ермолове

сообщает биограф, он просил военного министра доложить царю о его приезде. Но шли дни, а ответа всё не было. Наконец Николай I принял Ермолова 16 апреля – в день свадьбы, перед разводом, в густой толпе «являвшихся» и «кланявшихся» придворных.

В эти самые дни Лермонтов написал «Спор», в котором изобразил могучее движение русских войск под начальством Ермолова. Следуя Пестелю, следуя декабристам, он провозглашал опального полководца главою Кавказа:

*От Урала до Дуная.
До большой реки,
Кольхаясь и сверкая
Двигутся полки.
Веют белые султаны
Как степной ковыль,
Мчатся пёстрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;
Впереди несут знамёны,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой
Их ведёт, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны как поток,
Страшно медленны как тучи,
Прямо на восток.*

В таком контексте цензура имени Ермолова никогда бы не пропустила и, если бы поняла, о ком идёт речь, запретила бы стихотворение к печати. Примечания от издателя могли только повредить делу.

Известие о гибели Лермонтова привело Ермолова в ярость. Старый полководец понял, что убийца отделался от наказания потому, что выполнил давнишнее желание царя и придворной толпы. «Уж я не спустил бы этому Мартынову, – говорил Ермолов, притопывая в гнев ногой. – Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его... Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить

убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождётся!... Поэты суть гордость нации».

И.Л.Андроников, «М.Ю.Лермонтов и А.П.Ермолов»

«Алексей Петрович дожил до глубокой старости. Зиму он проводил в Москве, в собственном деревянном доме по Гагаринскому переулку, недалеко от Пречистенского бульвара, а лето – в подмосковном имении Осоргино. «Какая тишина после шумной жизни! Какое уединение после всегдашнего множества людей!» – записал Ермолов в своём дневнике. Посещавшие Осоргино друзья говорили, что его хозяин, подобно римскому императору Диоклектиану, получал неопишуемое удовольствие от выращивания кочанов капусты. Но большую часть времени генерал проводил среди книг своей замечательной библиотеки, которую начал собирать ещё с юности. В 1855 г. он уступит это книжное собрание Московскому университету (оно и поныне хранится там). Вот что сообщал тогда он попечителю учебного округа В.И.Назимову: «Библиотека генерала Ермолова составлена из 7 тыс. томов (или несколько более) на французском языке и небольшой части русских и латинских; также собрания хороших топографических карт, не менее 180 экз. Книги хороших изданий и многие иллюстрированные, в числе их известнейшие живописные обозрения или путешествия значительной ценности, все довольно красиво переплетённые. Карты, подклеенные в футлярах, и весьма много в листах». Библиотека особенно славилась изданиями по новой и, прежде всего, военной истории, а также политике, словесности, изящным искусствам и путешествиям.

При этом в Ермолове открылся талант самый неожиданный! П.Х.Граббе увидел в его кабинете «книги и карты, разбросанные в беспорядке, горшочки с клеем, картонная бумага и лопаточки: его любимое занятие – переплетать книги и наклеивать карты». «Знаете, чем он весь день занимается? – вопрошает зачавший к генералу великий князь Михаил Павлович. – Переплетением своих книг! Он, говорят, сделался в этом смысле таким искусником, что никакой цеховой переплётчик его не перещеголяет». А историк А.Г.Кавтарадзе указывал, что искусство переплетения книг Ермоловым сравнивали с такими знаменитостями, как Винье и Келлер, и что он написал даже специальное руководство для переплётчика. Руководство это до нас не дошло, зато известно признание самого Алексея Петровича, где он, похоже, как будто удивляется своему новому, сугубо мирному ремеслу. «Ничего не умевши сделать из себя лучшего, – пишет он другу, Н.П.Годейну, – я искусился в этом роде работы, так что если обратили бы меня ранее к полезным занятиям, я мог бы сделаться примечательным кожевником. Надобно убедиться, что нелегко познать способности людей!»

Лев Бердников, «Остёр до дерзости...»

«В 1840-х годах Н.П.Хитров открыл своё переплётное заведение в Москве во флигеле дома князя Андрея Петровича Оболенского (1769–1852) на Рождественке, д. 12. Князь был весьма просвещённым человеком, много сделал для восстановления Московского университета после войны 1812 года, был избран почётным членом его учёного совета. Дом был довольно известным местом среди дворянского общества Москвы, в нём бывали писатели, художники, так что дефицита заказчиков у Н.П.Хитрова не было.

Как это часто бывает, переплетенье судеб привело к неожиданному повороту событий. Учеником арендатора флигеля стал герой Отечественной войны Алексей Петрович Ермолов (1771–1861), заходивший в гости и к хозяину усадьбы, и в мастерскую Н.П.Хитрова. Знаменитый генерал к этому времени имел собственное переплётное заведение, используемое для содержания личной библиотеки. Его мастерская располагалась в имении Лукьянчикове в Мценском уезде в 18 верстах от города Орла. В последние годы своей жизни полководец переехал в подмосковное имение Осоргино, куда перевёз и свою переплётную. Ермолов с большим удовольствием занимался переплётным искусством вместе со своими крепостными, а затем – вольнонаёмными. По одной из версий, А.П.Ермолов учился переплётному ремеслу еще в молодости, полагая, что после прихода к власти якобинцев именно так придётся зарабатывать на хлеб насущный».

Пресс-релиз выставки «Аромат книжного переплёта. Отечественный индивидуальный переплёт XIX–XX веков»

«В девятнадцатом столетии жил в Москве переплётчик Егор Герасимов. Не красовалась его мастерская роскошными вывесками, не гнался он за эффектом и дутой популярностью, но любил книгу, по его выражению, как «животрепещущий материал». Он не составил себе капитала, но имя его осталось надолго в памяти многих, как имя переплётчика-артиста.

Работу Герасимова можно было видеть на Политехнической выставке 1872 года. Надо заметить, что главное внимание обращалось им не на штамповку или золото, а на самую работу. «Дайте мне мастера, – говорил он, – который сидел бы рядом со мною и работал со мною же. А то эти фирмы, – продолжал Герасимов, – хлопочут только о медалях и вывесках, сами же далеко не мастера своего дела». Все выставленные им книги были проданы на месте, а он получил медаль, кажется, серебряную, за самую, по-видимому, простую, но чистую, замечательно аккуратную работу.

Жил и работал Герасимов в крепостное время, был крепостным. Владелец Герасимова, в то время ещё мальчика, отдал его в учение переплётчику Хитрову, хорошему мастеру и строгому учителю. К этому Хитрову хаживал нередко известный генерал Ермолов, участник Отечественной войны 1812

года, тоже большой любитель переплётных работ. Ермолов захотел выучиться переплётному мастерству, и Хитров охотно взялся обучать генерала.

Работая у Хитрова из любви к искусству, Ермолов, обходя мастерскую, внимательно всматривался в работу каждого. Чаще всего он останавливался у Егора Герасимова, гладил его по голове, говоря: «Молодец, Егорка! Ты будешь хорошим мастером».

Лет через десять барин приказал отдать Герасимова в солдаты за какую-то провинность. Герасимов отправился к Ермолову, рассказал ему о своей беде. Ермолов подумал.

- Очень жалею, что хороший мастер идёт в солдаты. Подожди.

Затем вынес ему какое-то письмо.

- Вот, отдай это письмо своему барину, а если ты всё-таки попадёшь на службу, то вот тебе пять рублей на дорогу.

Что было написано в этом письме, осталось неизвестным, но только барин отменил своё решение. Герасимов всегда с глубокой благодарностью вспоминал Ермолова».

«Московская старина», по А.А.Астапову

«...Я уже не свободный художник, а служащий в департаменте военных поселений Военного министерства. Потеряв здоровье и притом надежду быть отправленным за границу, я, покорный судьбе, решил избрать хоть немного, но верный кусок хлеба...»

На вожделенную Италию деньги всё не собирались, а здоровье продолжало ухудшаться: сырой Санкт-Петербург медленно убивал художника. Обеспokoенный болезнью горячо любимого приёмыша Пётр Николаевич Ермолов настаивает на возвращении в Москву – проживём, будут заказы!

И возвращение оказывается счастливым: там семья, к которой Пётр Захаров так душевно привязан. С нескрываемой нежностью написан «Портрет детей П.Н.Ермолова» и портрет самого названного отца.

В Москве – дружеская семья Постниковых, в ней бывает весь медицинский мир, цвет московской интеллигенции, поэты, писатели, Гоголь захаживает, Языков, Пётр Киреевский. А ещё там красавица Сашенька, тайная любовь... С избытка чувств подряд пишутся лучшие портреты: писателя А.Н.Муравьёва, историка Т.Н.Грановского, красавицы Александры Алябьевой – Захаров тонко передал её блеск, воспетый Пушкиным, хирурга Ф.И.Иноземцева, врача И.П.Постникова, брата ненаглядной Саши.

А ещё композитора П.И.Булахова – он тоже бывал у Постниковых, здесь впервые исполнял свои знаменитые романсы «Тройка», «Вот на пути село большое». А романс «Гори, гори, моя звезда» будто бы о самом художнике написан, о его нескрываемом чувстве, что заметно было всем друзьям.

Парадный Ермоловский портрет принёс Захарову не только звание академика, но и новые официальные заказы. Пётр Захарович пишет Максимилиана Лейхтенбергского, президента Академии художеств и царского зятя. И собственную будущую тещу тоже: портрет Н.А.Постниковой ныне числят среди самых сильных его работ.

Да, да, это случилось, 14 января 1846 года в церкви Покрова Богородицы в Кудрине, точно там, где нынче стоит одна из московских высоток, бледный от волнения Пётр Захарович стоял об руку с Александрой Петровной. А шафером – сам генерал Алексей Петрович Ермолов, крёстный отец! Счастья оставалось ровно на пять месяцев: 15 июня в той же Покровской церкви рабу Божию Александру отпели. Скоротечная чахотка, бич времени, что поделаешь...

Могучего барса – чахотку Захаров тоже не одолел: ещё до Рождества лёг на Ваганьковском кладбище рядом с супругой. Судьба отмерила ему ровно тридцать лет. «...Захаров, чеченец по происхождению, известен как отличившийся и необыкновенно обещавший в сём же роде живописи...» – скорбела по поводу его кончины Императорская Академия художеств. Работы второго, по мнению Карла Брюллова, портретиста России (первым, конечно, был сам Брюллов) украсили Эрмитаж, Третьяковскую галерею, Русский музей.

*Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...*

На родину Петр Захаров тоже вернулся: автопортретом. Тот самый «Винштвенный автопортрет в бурке и с ружьём» и ещё несколько его работ хранились в республиканском художественном музее в Грозном.

Сейчас их восстанавливают в Москве – картины пострадали в чеченскую войну. Точно как их автор когда-то».

**Александр Беленький,
Федеральный познавательный журнал «Горец»**

«В начале знакомства моего с А.П. ему было 76 лет... Он представлялся в моём юном воображении окружённым каким-то особым величием. Добродушная простота, величавая скромность и всегдашняя безукоризненная вежливость доставили ему ту необыкновенную популярность и, можно сказать, поклонение в русской армии, которыми так редко пользуются известные военачальники.

– Любезный Аполлон, – говаривал мне А.П. – вежливость есть самая дешёвая монета, но всегда в хорошем курсе. Я поставил себе за правило никогда не отдавать поклон сидя. Я всегда перед каждым прапорщиком вставал...

Обед его был самый простой: перед обедом подавалась рюмка водки и неизменная килька; затем какой-нибудь бульон с гренками или суп с кореньями; второе блюдо – подгорелая котлета или пережаренная тетёрка; затем для меня, собственно, что-нибудь сладкое. Бутылка кахетинского постоянно находилась на столе, потому что А.П. получал это вино бочками в подарок от своих кавказских друзей. Сам А.П. довольствовался всегда двумя блюдами и, как бы плохо ни были приготовлены они, никогда не заявлял неудовольствия. Повар его был почти постоянно пьян и очень хорошо знал, что получит одинаковую благодарность как за хороший, так и за дурной обед. А.П. говорил мне, что, если бы ему подали жареную ворону или кошку, для него это было бы безразлично. Чувства брезгливости он не знал и рассказывал, что ему долго было незнакомо чувство обоняния; только на 50-м году своей жизни он почувствовал запах цветов.

Обыкновенно А.П. сидел в своём кабинете в круглом старинном кресле, обитом сафьяном. На столе, под рукой у него находился носовой платок и табакерка. Памятна для меня бронзовая фигурка Наполеона I и такой же колокольчик с изображением грушевидной головы Луи-Филиппа. В двух углах кабинета стояли мраморные бюсты: императора Александра Павловича и императрицы Елизаветы Алексеевны; по стенам несколько картин и гравюр, изображавших наполеоновские битвы... В одном углу кабинета была собачья постель, на которой покоилась толстая, старая собака, убудок породы бульдогов по прозванию Бирка, пользовавшаяся особенным расположением и заботливостью Алексея Петровича.

В последние годы жизни А.П. его управляющим и компаньоном досугов был Максим Максимович, которого А.П. называл «Мемекою»... – Максимович нянчил его сыновей, и маленькие дети, не умея выговаривать Максимыч, называли его Мемекою; с тех пор за ним и осталась эта кличка. Приходя иногда к А.П. в послеобеденное время, я часто заставал Мемеку сидящим в кресле по другую сторону стола, против А.П. Оба они, склонивши головы, погружены были в дремоту. Такова была патриархальная простота в обращении с приближёнными бывшего главнокомандующего кавказскими войсками, отличавшегося постоянно в пылу сражений необыкновенным героизмом и самообладанием...

А.П. обладал особенною способностью мимики; физиономия его принимала такие своеобразные выражения, что, глядя на него и следя за его рассказами, в воображении моём живо рисовались отдельные типы и характеры личностей, о которых шла речь. Он любил выражаться коротко, часто лаконически и фигурально; так, например, рассказывая, как он приучал себя

в прежнее время к самообладанию и, желая противиться представившемуся обольщению, старался в самом зародыше умерщвлять свои страстные призывы; он при этом выразился так: «Я всегда поступал с собою так: «за волосы и оземь» и говорил это с энергическим и выразительным жестом...

В Светлое Воскресенье А.П. не разговлялся семейно или со своими знакомыми. После утрени и ранней обедни к нему приходили человек десять отставных заслуженных солдат, большею частью дряхлых ветеранов. А.П. христосовался с ними и садился вместе с ними за стол. Никто из посторонних не присутствовал при этом...

В Великий четверг А.П. слушал двенадцать Евангелий у себя на дому, потому что не мог долго стоять на ногах. Когда швейцар докладывал о приходе священников, А.П. вставал, опираясь на руку Максимыча, и говорил мне:

– Ну, любезный Аполлон, пойдём слушать историю Христа...

Религиозности особенной я в нём не замечал; казалось, на него повлияло веяние философии XVIII столетия; но он верил в духовную жизнь и имел видения...

Необыкновенно экономный образ жизни А.П. с соблюдением приличной всегда внешней обстановки превосходил всякое вероятие. Он занимал весь двухэтажный каменный дом, хотя небольшой, но с барскою обстановкою. Прислуги у него было человек пятнадцать, а лошадей держалось четыре. И на всё это расходовалось около 4 тыс. руб. в год. Случалось, что Максимыч при мне приносил утром отчёт расходов и шкатулку. А.П. отпирал её находившимся в его жилетном кармане ключиком и давал ему деньги на расход. Он говорил мне, что жилет его, домашней работы, стоит около 50 коп., а пальто не более 3 руб.

Однажды «император Николай Павлович в одно из пребываний своих в Москве был очень милостив к А.П. и осведомился у графа Закревского о материальном положении А.П. Император поручил Закревскому спросить А.П., не имеет ли он какой надобности, которую государь мог бы удовлетворить, или не имеет ли он желанья занять какой-либо пост на государственной службе. Ермолов отвечал Закревскому такими словами:

– Я искренне благодарю государя моего за всё его милостивое внимание ко мне; но прошедшего возвратить невозможно. При всём могуществе императора он, конечно, признаёт могущество Божие. Но сделает ли Бог, чтобы вчерашнего дня не было?»

А.В.Фигнер, «Воспоминания о Ермолове»

«Способность выщучивать и острить, однако, не покидала опального генерала и на склоне лет. Рассказывают, что в 1841 г. Ермолов занемог и послал за своим доктором Выготским, но тот, купаясь в деньгах и славе, пренебрёг

своими обязанностями и приехал только на следующий день. Между тем Алексей Петрович, оскорблённый небрежностью сего эскулапа, взял себе другого врача. Когда же приехал Выготский, генерал велел ему передать, что он болен и принять его не может».

Лев Бердников, «Остёр до дерзости...»

М.С.Воронцов – А.П.Ермолову

<...> Скажу тебе сегодня, что сын твой (Клавдий Алексеевич) молодец и вполне достоин носить твоё имя; к истинной моей радости он остался невредим, хотя в горной артиллерии, в последнем периоде нашего похода, в пропорции более потери, нежели во всех других командах; мне самому досталось видеть, с каким хладнокровием и искусством он наводил свои орудия под сильным ружейным огнём; и начальники, и товарищи отдают ему полную справедливость. Я жду только рапорта ген. Козляинова, чтобы сделать для него уже здесь то, что от меня будет зависеть.

Прощай, любезный Алексей Петрович, пожалуйста, отвечай мне на письмо это и скажи мне, что у вас в Москве про нас говорят.

Всегда любящий тебя и преданный тебе М.Воронцов.

«Из сыновей твоих два младшие действовали в батареях и здоровы».

11 июля 1848 г.

«Возникший в октябре 1853 г. военный конфликт между Россией и Турцией, на стороне которой затем выступили Англия и Франция, положил начало тяжёлой и изнурительной Крымской войне. В помощь регулярной армии в России стали формироваться ополчения. 15 февраля 1855 г. московское дворянство единогласно избрало Ермолова начальником Московского ополчения. Через несколько дней Ермолов получил уведомление об избрании его начальником Петербургского ополчения, а вслед за этим – начальником ополчений Новгородской, Калужской, Орловской и Рязанской губерний, что свидетельствовало о большой популярности Ермолова. Он согласился возглавить Московское ополчение. Было сформировано два его батальона, которые Ермолов даже представлял наследному датскому принцу, приезжавшему в Москву. Но вскоре Ермолов отказался от этой должности, мотивируя отказ своим преклонным возрастом».

В.А.Фёдоров, «А.П.Ермолов и его «Записки»

«В чёрном нанковом широчайшем сюртуке, на который был нацеплен георгиевский крест – первый, суворовский, а другой, большой, белел на шее, в таких же нанковых и широчайших брюках без подтяжек, с кучей всё ещё густых белых волос на огромной голове, с морщинистым лбом и широким носом, похожий ещё, правда, на льва, но уже на льва, дожившего до предельного возраста, Ермолов, вооружась очками, читал адресованное ему московским дворянским собранием письмо, писанное Погодиным:

«Генерал! Московское дворянство, призываемое священным гласом царя, ополчается на защиту православной веры, на помощь угнетённым братьям, на охранение пределов отечества. Оно просит вас принять главное начальство над его верными дружинами и смеет надеяться, что вы уважите его торжественное избрание. Сам Бог сберегал вас, кажется, для этой тягостной години общего испытания. Идите же, генерал, с силами Москвы, в которой издревле отечество искало и всегда находило себе спасение, идите принять участие в подвигах действующих наших армий. Там ваши ученики и младшие товарищи, все наши храбрые солдаты. Пусть развернётся перед ними наше старое, наше славное знамя 1812 года. Все русские воины будут рады увидеть в своих рядах вашу белую голову и услышать ваше славное имя, неразлучное в их памяти с именем Суворова и именем Кутузова. Неприятели вспомнят скоро Кульм, Лейпциг и Париж, а магометанские их союзники – Кавказ, где до сих пор ещё не умолкнул в ущелиях отголосок ваших побед. Идите, приняв благословение в Успенском соборе перед гробами наших древних святителей. Братия наша, которая пойдёт с вами, будет беречь вас, как драгоценное русское знамя 1812 года, а те, которые останутся дома, будут молиться, чтобы вы возвратились скорее с честью и славою, доказав ослеплённой Европе, что святая Русь остаётся неизменно святою Русью и, несмотря ни на какие опасности и ни на чьи угрозы, не позволит никогда никому прикасаться без наказания к её заветным святыням: церкви, престолу и отечеству».

Раза два-три при чтении этого письма вытирал Ермолов побелевшие, как и волосы, глаза полосатым красным носовым платком, встряхивал головою и снова брал письмо в огромные и точно какою-то рыбьей чешуёю покрытые, плохо сгибавшиеся руки. Когда же дочитал его, сказал: «Да-а!.. Хорошо. Только очень поздно вспомнили!» – покачал головой и начал перечитывать письмо снова. Опять прослезился в двух-трёх чувствительных местах, наконец поднялся, с трудом разгибая поясницу, откашлялся и полез в карман своих необъятных, свободными волнами обтекавших его слоновьи ноги штанов за табакеркой, чтобы несколько успокоиться и привести в равновесие слишком расплескавшиеся мысли.

Но как раз в это время доставлено ему было другое письмо, более короткое, гораздо менее красноречивое, зато как будто начальственно предупреждающее: это писал ему граф Закревский, что до него дошли какие-то стран-

ные слухи, будто московское дворянство наметило выбрать его, генерала Ермолова, в начальники ополчения. Закревский не сомневался в том, что он откажется от этого хлопотливого и ответственного поста ввиду своего преклонного возраста и неразлучных с ним недомоганий, но хотел бы всё-таки, чтобы он известил его об этом.

– Не ввиду преклонного возраста! – рявкнул вдруг побагровевший Ермолов, бросая на пол письмо. – Нет, конечно! А ввиду того, что там, в Петербурге, могут не утвердить, – вот почему! Бо-ишь-ся? А-а!.. Ну, раз ты этого так боишься, то я в таком случае непременно дам своё согласие дворянству! А там уж посмотрим, что из этого выйдет!

Пудовые руки его так крупно дрожали, когда он сел писать ответ Закревскому, что он долго не мог вывести ни одного слова и только портил лист за листом бумагу.

Наконец, успокоившись, кое-как написал:

«Милостивый государь граф Арсений Андреевич! Благодарю вас почтительнейше за сообщение мнения вашего на предмет предстоящих выборов и со всею откровенностью отвечаю вам. Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званию; но если я буду удостоен избрания московского дворянства, я не должен уклоняться от службы наравне с каждым дворянином, не имея пред лицом закона никаких особенных прав и не давая места суждению, ещё менее негодованию, если бы даже не утверждён был в звании начальника губернского ополчения, в какое я, вероятно, могу быть избираем. Легче всего могут найтись люди способнейшие и не в праздности дождавшиеся престарелых моих лет. Двадцать четыре года, вышедши из службы по приказанию, я не был употреблён на службу деятельную, и в теперешнем случае нимало не удивлюсь и не приму к сердцу, если, как и прежде, не признан буду за годного. Впрочем, благодаря Бога я доволен совершенно моим положением, ничего не желаю и, конечно, искать не стану. Вот моя исповедь почтеннейшему графу, и никому другому я не скажу иначе. Душевно преданный Ермолов».

Письмо это он не скрыл от своих близких. В один и тот же день пришло оно и к Закревскому и в двух-трёх списках в Дворянское собрание. Его читали громко в толпе дворян, собравшихся на выборы. Тут же снимались с него копии, и оно пошло гулять по всей Москве, добралось даже до торговых рядов. Это сдержанное рычание старого льва принималось за вызов правительству, открытый упрёк ему за опалу, тянувшуюся четверть века.

Говорили, не опасаясь даже доносов:

– Небось, если бы Алексей Петрович провёл всё это время на службе, а не сидел бы поневоле без дела в Москве, он не допустил бы, чтобы армия наша уступала в чём-нибудь французско-английской. Он давно бы потребовал штуцеры взамен ружей и много кое-чего ещё! Неудобен был немцам нашим,

Сказание о генерале Ермолове

– вот почему отстранили!.. Не зря просился Алексей Петрович, чтобы произвели его в немцы!

В середине февраля проведены были выборы начальника московского ополчения. Из двухсот восьмидесяти шаров только шесть было чёрных, что было приписано проискам Закревского. Четверть часа кричали дворяне «ура» в честь Ермолова. Восторг Москвы был неслыханный, как будто над интервентами одержана была решительная победа, а не над одним только генерал-губернатором Закревским.

Но в тот же день пришла телеграмма из Петербурга, где также закончены были выборы начальника петербургского ополчения. Оказалось, что Ермолов выбран был и там тоже, притом, в укор Москве, совершенно единогласно. Пришла и другая телеграмма, что выборы утверждены царём.

Теперь настал черёд выбирать Ермолову между Петербургом и Москвой. Москва волновалась страшно, – вдруг он предпочтёт столицу! Автор послания к нему от дворян – Погодин – был послан уговорить его остаться с Москвою, где он нашёл себе такой долговременный приют. Ужасно спешили с этим, потому что прошёл слух, будто едет уже в Москву депутация от петербургских дворян с тем, чтобы обольстить его сладкими речами и увезти в столицу.

Погодин отправился, как на бой, с пылающим сердцем. Возвращения его ждали в собрании встревоженно и не расходясь. Наконец, он явился сияющий, возглашая ещё от дверей:

– Остаётся с нами! Петербургу отказ!.. Помолодел старик на двадцать лет!

Снова восторженно кричали «ура» и, за отсутствием Ермолова, принялись качать Погодина...»

С.Н.Сергеев-Ценский, «Севастопольская страда»

«В связи с избранием А.П.Ермолова начальником ополчения Московской губернии графиня Е.Ростопчина посвятила ему стихотворение:

*Народный голос – голос Бога,
Он громко ныне вопиёт:
Вставай, Ермолов: Русь зовёт!
Тебе знакома ведь дорога.*

*С единоклюпным увлечением
Тебя назначила молва,
И над московским ополчением
Вождем поставила Москва.*

*Возьми рукой неослабелой
Свой старый меч, французов страх,
Наши вождь, в походе поседельи,
Помолодеешь ты в боях.*

*Вставай! Честь русского народа
Ея врагам припомяни,
И пусть двенадцатого года
Великие воскреснут дни...*

На это стихотворение существует ответ, который одни люди приписывают Ермолову, другие – самой Ростопчиной:

*...Вы помянули год восстанья,
Дни нашей славы, дивный век,
Когда, услыша глас призывья,
Явился русский человек...*

*Вы правы, может, там забыли...
Но наш не позабыл народ,
Когда Москву мы хоронили,
Двенадцатый свершился год!...*

<...> Но в ополчении Ермолов пробыл недолго. Как это зачастую бывает, большое дело загубили мелочи.

По положению о губернском ополчении при начальнике должен быть один адъютант. Ермолову показалось это недостаточным, и он попросил определить ему хотя бы ещё одного, на что получил от военного министра ответ, что его просьба признана излишней. Это задело Алексея Петровича настолько, что он поставил обиду выше доверия, оказанного ему обществом: «... вижу, что просил излишнего; а это показывает, что я уже стар, сделался неразумен: прошу – чего не должно, поступаю – как не следует», – с горечью написал он и попросил уволить его, «неспособного», «от начальствования над ополчением».

Петербург словно того и ждал. Его уволили тотчас».

В.П.Матвеев, Е.Н.Годлевская, «Алексей Ермолов. Денис Давыдов»

Н.Н.Муравьёв – А.П.Ермолову

30 сентября 1855 г. Лагерь при Чифтлигае.

Порадуйтесь, Клавдий – кавалер Георгия по представлению ген. Базина и утверждению думы. Говорил я и представляющим, и утверждающим, что

никому, кто бы ни был, не покровительствую в сём деле, и потому крест сей решён без моего покровительства, а по заслуге, сыном вашим оказанной, что вас тем более должно утешать. Сегодня он дежурный и с крестом в петлице.

Н.И.Вольф – А.П.Ермолову

31 декабря 1858 г.

<...> Николай Алексеевич привёз мне наилучшие известия. Он же доставил мне и письмо, которое вам угодно было удостоить меня от 10-го дек., и которое возгордился я пред всеми моими кавказскими товарищами, как будто бы я заслужил такой высокий знак вашего внимания. Могу разве только обещать вам, твёрдо обещать, что постараюсь заслужить вашу ко мне доверенность и доказать Николаю Алексеевичу, как все мы, кавказцы, свято храним память нашего отца-командира; тем приятнее мне будет исполнить этот долг, что сын ваш, своими прекрасными качествами, заслужил уже общую любовь и уважение своих начальников и сверстников.

Н.Сухозанет – А.П.Ермолову

Милостивый государь Алексей Петрович!

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, со всемилостивейшим вниманием к заслугам вашего высокопревосходительства, высочайше повелеть соизволил:

1. Из формулярных списков воспитанников ваших: командира батареинной № 4 батареи лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады полковника Виктора; прикомандированного к штату ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА генерал-фельдцейхмейстера, лейб-гвардии той же бригады капитана Клавдия; и адъютанта Московского военного генерал-губернатора штабс-капитана лейб-гвардии конной артиллерии Севера Ермоловых, исключить прежнее показание первых двух – из мещан, а последнего из купцов г. Москвы, и впредь показывать их всех трёх из дворян; и

2. Четвёртого брата их, воспитанника Михайловского артиллерийского училища Николая Ермолова возвести в потомственное дворянство, в одно время с выпуском его на действительную службу из сего училища, и в то же время представить к ВЫСОЧАЙШЕМУ подписанию указ о сём Правительствующему Сенату.

Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности.

Все дети Ермолова получили дворянство, но, однако, они считались воспитанниками и не являлись наследниками древнего рода Ермоловых, ведущего от татарского музы Арсалан-Мурза-Ермолы, который ещё при великом

князе Василии Иоанновиче (1506) приехал из Золотой Орды и не имел своего герба. Алексей Петрович сочинил детям новый герб: скрещенные русская шашка и кавказская сабля с надписью *Sobis ermis*.

Впоследствии Александр II повелел признать сыновей Ермолова, в уважение его заслуг перед Отечеством, потомственными дворянами и его законными детьми».

о. Сергей (Разумцев), «Потомки Ермолова»

«Последние годы своей жизни А.П. усидчиво писал свои записки. Я заметил однажды, что такое напряжение и однообразное занятие при совершенном недостатке движения не может быть полезно общему состоянию его здоровья и что моё мнение разделяет часто посещавший его доктор О.И.Иноземцев.

На это замечание А.П. отвечал: «Мне надобно торопиться; жизнь моя недолга». Когда я сказал, что при его телосложении и некотором внимании и предосторожностях в образе жизни можно ещё долго прожить, он возразил:

– Мне это не нужно; я уже чувствую усталость от жизни; к тому же есть ещё у меня одно соображение по поводу одного случая, бывшего давно со мною, и о котором, может быть, немногие знают.

...Было это в ту пору, когда я был назначен главнокомандующим экспедиционным корпусом в Италию. Однажды я возвратился к себе в самом лучшем настроении духа и расположился для размышлений в своём кресле. Вдруг предо мною явился какой-то человек, никогда мною не виданный. Меня удивило, что он вошёл без доклада, тогда как в приёмной комнате были люди. Не успел я сделать ему вопроса, как он стал говорить: «Счастье тебе улыбается, ты переживёшь лучшую эпоху твоей жизни. Так будет продолжаться ещё десять лет, затем в судьбе твоей произойдёт перемена, ты испытаешь неудачи и несчастья». Потом он стал говорить мне о наиболее замечательных случаях в предстоявшей мне жизни, определил с точностью, сколько мне осталось жить, и вдруг исчез с такой же неожиданностью, как и было появление. Поражённый необычайностью такого явления, я стал проверять себя, не причудилось ли оно мне в состоянии дремоты? Слова и голос незнакомца ещё звучали в ушах моих, память моя определительно сохранила всё сказанное мне им, и я поспешил немедленно записать всё слышанное в точном хронологическом порядке. Записанное мной хранится доселе в моих бумагах. Последовавшие за тем события в моей жизни с совершенной точностью оправдали дивное предсказание.

При усилении болезни ему уже трудно было долго оставаться в кресле и он ложился. Но промежутками, во время облегчения, опять садился в своё любимое кресло.

В один из таких дней я по обыкновению пришёл осведомиться о его здоровье... А.П. взял меня за руку и, грустно склонив голову, сказал:

– Теперь уже, брат, я совсем обабился.

Это была последняя из полусутольных фраз, слышанных мною от этой благородной и высокой личности. Вскоре уже А.П. не мог сидеть в кресле и окончательно слёг в постель... Его постоянно окружали сыновья и самые близкие к нему лица. Чтобы отвлечь внимание от своих страданий и развеять висевшую в воздухе тоску, А.П. просил, чтобы при нём играли иногда в карты. К постели придвигали стол, и сыновья его играли в преферанс...»

А.В.Фигнер, «Воспоминания о Ермолове»

«Не в виде замечания или возражения смею поставить следующее на вид корреспондента, сообщившего вам известие о кончине А.П.Ермолова. В это время меня не было в Москве. По возвращении я много говорил о ней и спрашивал его душеприкащика, Ивана Васильевича Лихачёва, и старого управляющего Максимыча, которого он звал Мемекою и который служил при нём на Кавказе, управлял всеми его делами, хозяйством, и проч., но ни от кого не слышал я, чтобы Алексей Петрович знал или предчувствовал время своей кончины и приготовлялся к ней в каком-нибудь отношении.

Прилагаю несколько заметок, доказывающих то же, из моих записок.

В 1860 году я собрался осмотреть Кавказ и заехал к Алексею Петровичу. В передней мне сказали, что он отдыхает. Через час я получил от него следующее собственноручное письмецо:

«Отъезжая на Кавказ, почтенный Михаил Петрович сделал одолжение, посетив старожилу страны. Борющийся с болезнью, я отдыхал в это время и не мог принять вас, но, желая чрезвычайно видеть вас, я готов побеседовать с вами о стране, оставившей во мне одни приятные воспоминания. Вы избери-те удобное для вас время сегодня или завтра в продолжение дня. Если возможно по летам моим дожидаться возвращения вашего, из замечаний ваших увижу, исполняются ли надежды мои на процветание великолепного края, при началах вводимого отличного благоразумного управления. Особенно уважающий Алексей Ермолов».

Пред смертью Алексея Петровича сыну его любезного управляющего надо было ехать в Петербург. «Сколько тебе истратить нужно?» – «Рублей 50». Ермолов отворил ящик, где у него разложены были деньги на похороны и расходы. «Денег-то здесь мало, ну как проживу дольше?» Однако ж дал 50 руб.

Г.Степанов записал у себя под 18-е марта 1856 года, что напечатано в моих материалах.

«Кабинетное окно (в доме Алексея Петровича) завешано тёмно-синевой материей. На глазах шёлковый зонтик. Я спросил его о здоровье. «Плохо, брат, отвечал он; вот с 14-го числа страдаю глазами». Он сказал мне, что в глазах его предметы как-то странно дwoятся. «Например, я смотрю на тебя, а вижу двух Сашей, у которых, вместо головы, обои и картины. Вот табакерка, я хочу взять её, так я непременно ищу её здесь», и он показал пальцем вершка на три от табакерки. «Точно так же и карты все лезут одна на другую. Да, прибавил он, это уже *le commencement de fin*»¹, при этом он улыбнулся. Я заметил ему это. Он отвечал, что с твёрдостью и шутливостью встретит свой конец. Мы продолжили разговор на ту же тему. Он всё шутил, говорил, что ещё молод (79 лет), что предчувствует, что долго ещё проживёт на свете. Жалел только, что зрение начинает изменять ему».

А.П. занемог в марте месяце 1861 г. Врачи отчаялись в его жизни. Но ему стало лучше, и 1-го апреля, почувствовав себя очень хорошо, он сказал: «Славно я обманул докторов, – выздоровел!»

Скончался он 12-го апреля 1861 года, сидя в своём кресле, имея одну руку на столе, другую на колене; за несколько минут он ещё прихлопывал ногою.

Так рассказывал мне неотлучно находившийся при нём Максимыч.

Желательно было бы видеть записку Алексея Петровича, вполне напечатанную, с *fac-simil* ².

М.П.Погодин, «О кончине А.П.Ермолова. Письмо к редактору»

¹ – начало конца (фр.)

² – факсимиле (фр.)

Глава шестнадцатая

Завещание полководца (1861 – 2012 гг.)

Духовное завещание А.П.Ермолова

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

По неизречённому милосердию Божию сохраняя рассудок и память в здравом их состоянии, я, нижеподписавшийся генерал от артиллерии Алексей Петрович сын Ермолова духовное это завещание моё написал и подписал собственною моею рукою.

Почитаю благотворением согласившихся быть исполнителями завещания моего господ уволенных от службы гвардии полковника Ивана Васильевича Лихачёва, гвардии капитана Николая Павловича Воейкова и надворного советника Николая Павловича Шимановскаго. Прошу их сделать распоряжения свои не иначе как двух вместе. Если будет находиться в Москве артиллерии полковник Север Алексеевич Ермолов, ему поручается быть, когда описываемо будет оставшееся в доме имущество, отнюдь не участвуя в распоряжениях исполнителей завещания.

Родового имения во владении моём нет, служившим при мне крепостным людям, всем без исключения, дана свобода и они приглашены к здешнему мещанскому обществу, а затем нет у меня и наследников. Единственная благоприобретённая мною собственность есть дом на Пречистенской улице подле пожарного депо, в нём находятся некоторые собственноручные мои дополнения к духовному завещанию.

В реестре весьма малого числа вещей, как-то картин, бронз, оружия и ничтожных мелочей на память с отметками, что из них и кому назначено выдать.

В особенном конверте распоряжение о похоронах моих и назначенных на то издержках. Исполнители завещания испросят позволения главного здешнего начальства вывести гроб мой в губернской город Орёл, где при орловской градской Троицкой кладбищной церкви приобретено место.

Представляю себе право духовное это завещание переменить и совсем уничтожить.

Дом мой продать и за удовлетворении всех необходимых издержек и потребностей, разделить сумму на четыре равные части, три из них выдать полковникам Виктору, Клавдию и Северу Алексеевичам Ермоловым; часть же следующую младшему из воспитанников моих артиллерии подпоручику Николаю Алексеевичу Ермолову. Иметь в распоряжении своём исполнителям завещания малое весьма количество столового серебра, бывшего в моём употреблении, равномерно вещи, никому не назначенные, все без исключения, так же и экипажи и лошадей продать без всякой огласки.

По собственноручному моему регестру выдать денежные награды бывшим при мне вольным служителям.

До продажи дома никем не занимая его, поручить присмотреть за ним находившемуся при мне безотлучно сорок лет бывшему денщику моему, давно уже уволенному от службы рядовому Кириллу Максимовичу Софронову. Чем скорее последует продажа, тем лучше, но до того на содержание его отпускать серебром двести рублей на год. На городские повинности по дому уплачивать требуемую сумму.

По избранию его может он позволить некоторым из прежних служителей жить с ним в доме.

Икону Тихвинской Божией Матери, сколько мне известно, около двухсот лет пребывающую в роде моём, назначаю я тому из воспитанников моих, у кот. будут дети мужского пола. До того полковник Север Алексеевич Ермолов, храня Икону в своём доме, передаёт её впоследствии тому из воспитанников моих, кто по сим содержаниям завещания моего будет иметь право удержать её в фамилии Ермоловых, спасаемой её благословением.

Никому из воспитанников моих не дозволяется вмешиваться в распоряжения исполнителей завещания. К которым излишним почитаю обращаться с просьбою моею, в полной пребывая уверенности, что они сами, по продаже дома и совершенном окончании занятий по исполнению завещания, сообщат воспитанникам моим сведения о своих распоряжениях.

Последнее в жизни моей допускаю я желание, чтобы между воспитанниками моими дружба и доброе согласие не были никогда нарушены, и да снизойдет на них Всещедрого Творца благословение.

Генерал от артиллерии Алексей Петров сын Ермолов.

**Распоряжение о погребении и о количестве издержек,
на то назначенных**

Испросив позволение главного здешнего начальства, гроб мой отправить в губернский город Орёл, где готово для него место при Орловской градской Троицкой кладбищной церкви.

Похороны должны быть сколько возможно скромнейшей наружности при одном священнике кладбищной церкви.

Ему за служение при погребении и за поминовение предложить 150 рублей.

Диакону и прочему причту особенно 50 рублей.

Если при погребении наряжены будут для церемонии войска и того никаким образом избежать невозможно будет, им вместе предложить 200 рублей.

Во гробе быть на мне самой простой военной одежде без всяких украшений и один орден Святого Георгия в петлице. При погребении не выставлять никаких знаков отличия, как то делается, обыкновенно располагая их на особенных подушках с золотым украшением. Не быть погребённой колеснице, ни верховой лошади в траурной попоне и никаких гербов.

В наружном гробе свинцовом должен вмещаться гроб деревянный простого солдата, покрытый желтою краскою с железными скобами.

Покров на гробе в день похорон, представляемый в церковь на ризы; назначаю ценою в двести рублей.

Гроб нести нижним чинам военного состояния за условленное с ними вознаграждение за их труд.

Нищим при погребении раздать тридцать рублей.

Сделать условие с вольнонаёмным извозчиком, который бы доставил в город Орёл гроб мой на собственной повозке с парюю лошадей, и сверх того имел бы небольшую повозку на одной лошади для сопровождающего гроб. Извозчик в пути до Орла себя и лошадей довольствует на собственный счёт и на то полагаю достаточным сто двадцать рублей.

Случиться может, что обязанные службою воспитанники мои не будут находиться в Москве. В таком случае отвести в Орёл гроб мой и распорядиться суммою на все вообще расходы назначаю я уволенного от службы рядового Кирилу Максимова Сафронова, испытанного в преданности и беспримерной верности в сорокалетнее служение его при мне. На содержание его в пути, на дополнение к разным предметам, если бы предположенные на них цены оказались недостаточными и на другие непредвиденные расходы полагаю безотчетно.

В церковь села Лукьянчикова, помещика Воейкова, на поминовение покойных матери моей и родной сестры Анны 50 рублей.

Сказание о генерале Ермолове

Распоряжение написано собственною моею рукою.
Все назначенные расходы произвести на серебро.
Исполнить с совершенною точностию.
Генерал от артиллерии Алексей Петров сын Ермолов.

«16 апреля гроб с телом Ермолова, сопровождаемый его родственниками и конвоируемый солдатами Самогитского гренадерского полка, прибыл в Орёл и по просьбе жителей был установлен на два дня в Крестовоздвиженской церкви близ Московских ворот.

Несмотря на непрерывный дождь со снегом, жители города и его окрестностей пришли отдать последний долг своему славному согражданину. 18 апреля, в день похорон, обширная церковь не могла вместить всех, кто пришёл проститься с Ермоловым; толпа народа заполнила площадь и улицы, по которым должно было двигаться траурное шествие. «Орловские губернские ведомости» писали: «Гроб был поставлен на катафалк и в сопровождении народа и войск двинулся на Троицкое кладбище. От церкви Воздвиженья Креста до Троицкого кладбища путь лежал почти через весь город. Частый дождь и образовавшаяся от того страшная грязь по шоссе на улицах не остановили усердствовавших проводить Ермолова до последнего его жилища. Можно было заметить из разговоров сопровождавших, что это было не «простое любопытство, не желание поглазеть на редкую в провинциальном городе церемонию; но что здесь двигало всех другое чувство – чувство какого-то инстинктивного, тем не менее глубокого уважения к человеку, который своими доблестными подвигами в эпоху, дорогую для народной памяти, своею любовью к родине, своим общительным и в то же время непоколебимым характером и, наконец, своим чисто русским именем приобрёл особенную любовь русских людей. В Орле это чувство должно было проявиться ещё сильнее, чем где-либо в России, потому что здешние жители видели в Ермолове знаменитого родича, завещавшего прах своему городу».

**В.П.Матвеев, Е.Н.Годлевская,
«Алексей Ермолов. Денис Давыдов»**

«Алексей Петрович был похоронен рядом с могилой своего отца у стены Троицкой Орловской церкви.

Церковь эту построили в 1828 году на кладбище, на средства мирян. Один из жертвователей был действительный статский советник П.А.Ермолов, а после – и его легендарный сын. После смерти отца в 1832 году Ермолов ежегодно присылал пожертвования на помин раба Божия Петра. В завещании просил непременно похоронить его рядом с отцом.

Сказание о генерале Ермолове

«1858-го года февраля 22-го дня деньги серебром пятьдесят рублей, пожертвованные его высокопревосходительством генералом от артиллерии Алексеем Петровичем Ермоловым, в Орловскую приходскую Троицкую кладбищенскую церковь приняты и в книгу вписаны. В уважение сего Христолюбивого усердия и благодетельного приношения в пользу упомянутой церкви, сим предоставляется право неотъемлемое на избранную местность для погребения из рода благодетельного по правую сторону церкви, вблизи родоначальника своего.

В чём и удостоверяю моим подписом с приложением именной печати моей.

Орловской градской Троицкой кладбищной церкви священник
Михаил Александровский».

В 1864 году сыновья Ермолова получили высочайшее изволение на сооружение над прахом отца памятника, на что они выделили две тысячи рублей серебром. Поскольку Ермоловы были захоронены близко с церковью, то при установке памятника пришлось бы производить перезахоронение останков. Однако по предложению кладбищенского священства решено было обратиться к Государю за разрешением расширить церковь, чтобы останки Ермолова оказались внутри церкви. Осенью 1864 года Виктор Алексеевич Ермолов известил орловскую консисторию¹ о том, что Император Александр II «в уважение заслуг родителя Ермоловых» приказал выдать отставному гвардии полковнику Северу Алексеевичу Ермолову необходимую сумму в шесть тысяч рублей на построение церковного придела.

На стене обновлённого придела были установлены две белые мраморные плиты. На первой из них начертано золотыми буквами: «Пётр Алексеевич Ермолов скончался 1832 года мая 23 дня, на 85-м году от рождения». На второй плите: «Алексей Петрович Ермолов скончался 1861 года апреля 11 дня, на 85-м году от рождения». Над ними размещалась подаренная сыновьями Ермолова «художественной живописи картина, на холсте в раме», изображающая распятие Христа Спасителя.

Напротив неё на медной тумбе была поставлена чугунная ваза, сделанная из гранаты, с лампадкой. Вазу прислали в 1865 году «служащие на Гунибе кавказские солдаты».

Освящение обновлённого храма состоялось в октябре 1867 года епископом Орловским и Севским Макарием. Владыка подчеркнул, что «добрые дела не забываются за гробом, не умирают у близкого и отдалённого потомства», а подвиги Ермолова «пребудут незабвенными в роды родов», «о них не забудут и все верные сыны нашего отечества для своего примера и подражания».

¹ Консистория – присутственное духовное место в епархии. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней.

«Жизнь чудная его
в потомство перейдёт;
Делами славными она
бессмертно дышит,
Захочет – о себе,
как Тацит, он напишет
И лихо летопись свою
переплетёт».
В.А. Жуковский

Сказание о генерале Ермолове

Летом 1897 года могила Ермолова превратилась в фамильный склеп. По инициативе внука генерала Клавдия Клавдиевича Ермолова перенесли в него из Вильно прах сына Ермолова Клавдия Алексеевича.

В начале апреля 1911 года, по случаю 50-летия со дня кончины генерала Ермолова, в церковь, к его могиле пришло множество народа. Могилу украсили живыми цветами и дорогими венками. Торжественно служили панихиду, говорили много патриотических слов. Своего незабвенного шефа и славного командира пришли помянуть артиллеристы 2-й конноартиллерийской генерала Ермолова батареи и бойцы 152-го пехотного Владикавказского имени Ермолова полка.

Городская дума в этом же году вынесла решение о переименовании Свербеевского переулка, ведущего от городского сада к могиле славного сына России, в улицу генерала А.П.Ермолова.

В послереволюционные годы «незабвенные подвиги» и даже имя Ермолова были забыты. Мраморные доски и картина исчезли. В 1926 году улицу Ермолова переименовали в Пионерскую.

И только в наше время, в декабре 1997 года на стене церковной пристройки благодарные потомки установили мемориальную доску с таким текстом: «Правый придел Свято-Троицкой церкви – фамильная усыпальница Ермоловых. Сооружён 15 октября 1867 года на средства, выделенные Императором Александром II в память великих заслуг генерала от артиллерии Алексея Петровича Ермолова. Рядом с ним покоятся его отец Пётр Алексеевич (1748–1832), сын – генерал-майор Клавдий Алексеевич (1821–1894) и невестка Варвара Николаевна (1825–1897).

<...> «Дети <А.П.Ермолова> стали офицерами Российской императорской армии, где именем их отца гордились солдаты Владикавказского пехотного полка, казаки Кизлярского полка и артиллеристы 2-й конной батареи, знак которых украшал портрет А.П.Ермолова.

Виктор (Бахтияр) Алексеевич начал службу в армейской артиллерии, дослужился до генерал-лейтенанта, что по «Табели о рангах» соответствует гражданскому чину тайного советника и даёт титул «превосходительства». Чин генерал-

Сказание о генерале Ермолове

лейтенанта присваивался не за выслугу лет, а по личному распоряжению Государя.

Женат он был на дворянке Анне Ивановне Демьяновой, и за ней взял имение в Смоленской губернии. У них было четыре дочери: Варвара, Елена, Анна и Ольга, а также сын Владимир, который дослужился до чина генерал-майора, служил начальником канцелярии управления по ремонту армии. Ему же досталась завещанная знаменитым дедом родовая Тихвинская икона Божией Матери.

В «Русском провинциальном некрополе» говорится, что похоронен Виктор Алексеевич Ермолов в январе 1892 года на Смоленском кладбище Ржева. Рядом с ним упокоилась в 1900 году жена Анна Ивановна, а в 1910 году – дочь Варвара Викторовна. И к концу 1917 года – времени крушения дворянских гнёзд – в имении из семейства проживала лишь Ольга Викторовна Губина, вторая дочь генерал-лейтенанта Ермолова, бывшая замужем за Губиным – штабс-ротмистром Сибирского драгунского полка.

Клавдий Алексеевич (Умар) (1823–1895), генерал-майор. Служил в гвардейской (пешей) артиллерии. Обучался и воспитывался в Михайловском артиллерийском училище и был выпущен прапорщиком в горную батарею Кавказской гренадерской артиллерийской бригады.

Участвовал в Крымской войне, воевал на Кавказе. За отличие в сражениях в 1848 году был произведён в подпоручики, спустя год – в поручики, а уже через год назначен адъютантом к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту кн. Воронцову. «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных им при осаде Гергебиля, Всемилостивейше пожалован кавалером Ордена святого Владимира 4 ст. с бантом 10 Августа 1848 года».

В 1854 году служил адъютантом главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта Муравьёва-первого. В 1855 году отличился в войне против турков под крепостью Карс. Во время штурма Карса капитан Ермолов был прикомандирован к отряду известного казачьего генерала Якова Петровича Бакланова. Клавдий Алексеевич с пластунами-охотниками вёл наступление впереди основных русских сил. Ермолову с отрядом удалось захватить первую линию турецких укреплений, но он был ранен, получил контузию. За этот бой Клавдий и был награждён орденом святого Георгия 4-й степени.

В 1861 году за болезнь он уволен от службы, но в 1875 году вновь определён на службу и назначен харьковским уездным воинским начальником. В 1883 году ушёл в отставку в чине генерал-майора.

Клавдий Алексеевич с женой после смерти был перезахоронен из Виленского церковного кладбища в склеп Ермоловых в Орле.

Его дети: Клавдий Клавдиевич, камер-юнкер двора Его Императорского Величества и правитель дел Совета Императорского женского патриотического общества, умер и захоронен в Париже. Виктор Клавдиевич женат на графине Рихтер, Варвара Клавдиевна замужем за князем Сергеем Григорьевичем Урусовым.

Север (Аллах-яр) Алексеевич (20.03.1824–20.11.1894). В 1841 году Северу Алексеевичу присвоено звание унтер-офицера. Служил на Лабе под командой знаменитого генерала барона Григория Засса. Первые годы службы носил фамилию Горский, а при поступлении в Артиллерийское училище, как и старшим братьям, ему была дана фамилия Ермолов.

Окончил в 1847 году Артиллерийское училище, получил звание прапорщика. Служил на Кавказе, в Дагестане, в гвардейской конной артиллерии, дослужился до чина гвардии полковника.

В 1850 году поручик Север Алексеевич Ермолов покупает на выделенный ему отцом капитал на Кузнецком мосту (Кузнецкая улица) дом 14, в старинной усадьбе стольника И.М.Вердеревского (XVII в). В апреле 1852 года он женился на дворянке Софье Александровне Чертковой. Поддерживал тесные отношения с кавказскими родственниками. Летом жил в имении Пестово в Подмосковье.

Умер в Москве 20 ноября 1894 года. Погребён на Ваганьковском кладбище. Здесь же покоятся жена, дети и внуки.

Дети: Софья Северовна (1853–1896) была замужем за бароном В.Д.Шеппингом, Ольга Северовна – замужем за Д.Н.Обуховым, Саранским уездным (Пензенская губерния) предводителем дворянства.

Николай Алексеевич (1836–1890) учился так же, как братья. Служил на Кавказе, затем в Польше, генерал-майор. Жена – Мария Александровна Фриче. Жил с матерью в Москве. По духовному завещанию отца получил большую коллекцию картин, портретов и эстампов. Погребён на лютеранском кладбище (г. Вильно).

Многие потомки Ермолова живут и в наше время. Это Ермоловы, Капицы, Бобринские, Голицыны и др. Они продолжают и умножают славу древнего рода Арсалан-Мурзы-Ермолы, рода, украшенного блеском славы Алексея Петровича».

о. Сергей (Разумцев), «Потомки Ермолова»

Увековечение памяти А.П.Ермолова

Участник первого российского кругосветного плавания капитан 2 ранга Ф.Ф.Беллинсгаузен руководил в 1819–1821 годах первой российской антарктической (кругосветной) экспедицией на шлюпах «Восток» и «Мирный». В результате в 1820 году были открыты материк в центре Антарктики и 29 островов в Атлантическом и Тихом океанах. Один из коралловых островов

Сказание о генерале Ермолове

Тихого океана был назван в честь знаменитого полководца Алексея Петровича Ермолова.

Памятник в Грозном. В начале XX века в Грозном сохранялась землянка, в которой жил Ермолов при закладке крепости Грозная. В 1881-х годах у землянки был сооружён скромный памятник Ермолову – бронзовый бюст на высоком четырехгранном каменном постаменте. Бюст был подарен главнокомандующим на Кавказе А.М.Дондуковым-Корсаковым. Землянку окружала решётка, вход в ограду был оформлен в виде каменной плиты, увенчанной крепостными зубцами. На железной двери помещалась надпись: «Здесь жил Алексей Петрович Ермолов». Памятник был уничтожен после революции 1917 года.

В 1962 году именем генерала названа улица в Москве (улица Генерала Ермолова).

В 2008 в городе Минеральные Воды Ставропольского края по решению городской думы в сквере «Надежда», переименованном в сквер Ермолова, установлен памятник «Главнокомандующему на Кавказе генералу А.П.Ермолову».

В сентябре 2010 года памятник Ермолову открыт в Пятигорске (сквер на ул. Лермонтова). Памятник представляет собой скульптуру генерала на коне.

Имя А.П.Ермолова увековечено в названиях:

станции Ермоловская Терской области – с 1990 года село Алхан-Кала Чеченской республики;

сёл Нижняя Ермоловка Зеленчукского района, Карачаево-Черкессии и Ермоловка Краснодарского края;

посёлка Ермоловск – прежнее название поселка Гечрипш (быв. Леселидзе), Абхазия;

улиц Ермолова в Дербенте, Пятигорске, Кисловодске, Черкесске;

улиц Ермоловская – прежнее название ул. Чернышевского, Грозный; ул. 1 Мая, Владикавказ; ул. Малогиной, Ростов-на-Дону; ул. Читадзе, Тбилиси;

В Орле, в 2002 площадь Карла Маркса переименована в площадь Ермолова, в центре которой находится сквер Ермолова, где 4 июня 2002 года был заложен камень с памятной надписью, что на этом месте будет открыт памятник А.П.Ермолову».

По материалам abiography.ru

Памятник А.П.Ермолову

В московской скульптурной мастерской завершается работа над памятником герою Отечественной войны 1812 года, великому российскому государственному и военному деятелю, генералу Алексею Петровичу Ермолову.

В монументальной композиции запечатлён реальный исторический эпизод: идет бородинское сражение, французы теснят русские войска и практически одерживают победу. Они захватили батарею Н.Н.Раевского. В этот

Сказание о генерале Ермолове

момент на поле появляется адъютант Ермолов, посланный Кутузовым в штаб армии с донесением. Он видит, что на его глазах происходит катастрофа, и принимает решение: силами резервных полков, взяв командование на себя, отбить батарею у французов.

За основу скульптор взял образ Медного всадника в Санкт-Петербурге. А портрет Ермолова воссоздан по картине английского художника Д.Доу.

Высота скульптуры – 5,5 метров, постамента – 4 метра. Ожидается, что к концу декабря 2011 года отливка будет завершена, после чего монумент будет доставлен в Орёл. Постамент планируется исполнить из тёмно-красного карельского камня. В 2012 году скульптурная композиция разместится на площади Ермолова, для которой изначально и проектировалась.

**Аппарат Губернатора и Правительства
Орловской области
По материалам www.infoorel.ru**

*«Умом затмил он блеск алмаза,
В боях был славный он боец,
Да здоровствует герой Кавказа!
Да здоровствует герой сердец!
Под буркою над русским станом,
С морищиной умной на челе,
Не раз стоял он великаном
Монументально на скале.
А шайка между тем чеченцев
Вела с штыком трехгранным спор;
И именем его младенцев
Пугали жёны диких гор.
И вот ещё из-за тумана,
Которым лик его покрыт,
Глядит героем Оссиана
Он на мельчающий наш быт.
И под маститой сединою,
Хоть взор орлиный и пригас,
Всё баснословной стариною
И славой обдаёт он нас».*

Ф.Н.Глинка